

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЕЛЪЦИН

И ЕГО

ГЕНЕРАЛЪС

Виктор БАРАНЕЦ

ЗАПИСКИ ПОЛКОВНИКА ГЕНШТАБА

ЕЛЪЦИН И ЕГО ГЕНЕРАЛЪС

Виктор БАРАНЕЦ

ЕЛЬЦИН
И ЕГО
ГЕНЕРАЛЫ

ЗАПИСКИ ПОЛКОВНИКА
ГЕНШТАБА

КОЛЛЕКЦИЯ
"СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО"
Москва 1998

УДК 35
ББК 68.49(2Рос)
Б 24

В книге использованы фотоматериалы
из архива ИТАР-ТАСС, а также из личных архивов
Л. Дубыниной, Е. Никитенко, Л. Якутина и автора

Оформление *Г. Метченко*

ISBN 5-89048-058-8

© ТОО «Коллекция «Совершенно секретно», 1997 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Жизнь Российской армии в последние годы была насыщена интересными и часто драматическими событиями. О них в меру возможного рассказывала пресса. И все же очень многое осталось за кадром. Такова природа военного ведомства, оно всегда стремится хранить секреты и «семейные тайны». Прежде всего те, что касаются конфиденциальных сторон деятельности высшего армейского руководства и его отношений с Кремлем, правительством, парламентом.

За время службы в центральном аппарате «Арбатского военного округа» в качестве советника начальника Генштаба, старшего офицера группы референтов министра, руководителя информационно-аналитического отдела, а затем начальника пресс-службы и пресс-секретаря министра обороны России мне довелось изнутри увидеть жизнь Минобороны и Генштаба. В том числе и те ее стороны, о которых не принято распространяться.

Особый интерес у меня вызывали люди, оказывающие наиболее сильное влияние на судьбу Вооруженных Сил и военную политику, — Верховный главнокомандующий и высшие генералы. Отношения между президентом и армией круто изменились: некогда кумир, идол военных, Ельцин сегодня утратил этот имидж. Более того, в последнее время в армии, в том числе и среди высшего командного состава, активно развиваются антипрезидентские настроения. Имея возможность с близкого расстояния наблюдать отношения между Кремлем и Арбатом, я пытался понять суть поступков людей, обладающих доступом к ядерным «кнопкам», в чьих руках судьбы полутора миллионов человек в погонах...

За последние годы на командном мостике Российской армии побывала плеяда известных военачальников: маршал авиации Евгений Шапошников, генералы армии Владимир Лобов, Павел Грачев, Виктор Дубынин, Михаил Колесников, Игорь Родионов, Виктор Самсонов, Константин Кобец, генерал-полковники Борис Громов, Валерий Миронов, Георгий Кондратьев, генерал-лейтенант Александр Лебедь...

По-разному складывались их отношения между собой и с Верховным главнокомандующим. Одни блистали личной преданностью Ельцину и одновременно путались в грязных сетях коррупции. Другие стали жертвами арбатско-кремлевских интриг из-за

того, что не любили припадать к кремлевским десницам, умели отстаивать собственное мнение и офицерскую честь не променяли на меркантильную лояльность.

Никогда еще в российской истории не было такого, чтобы в мирное время и за столь короткий период времени у руля государственной военной машины перебивала целая когорта элитных военачальников, для которых по воле президента звездный взлет очень быстро обращался в закат блистательной карьеры...

Логику кадровых игр Ельцина с высшим генералитетом часто невозможно объяснить. Некоторые поднятые им на самый пик военной власти военачальники вскоре смещались, задвигались в тень или сплавлялись в отставку. Некоторые попавшие в немилость президента генералы шли на политические баррикады, в ряды жесткой оппозиции. На их места назначались другие, но и тех нередко постигала та же участь. Были генералы, которые демонстрировали талант верноподданничества, но «не тянули» на своих высоких постах и, пользуясь покровительством Верховного, ударялись в тайный бизнес, обогащались за казенный счет. Иногда таких, будто в насмешку над армией, Ельцин либо повышал в должностях и званиях, либо упорно берег до тех пор, когда можно было их выгодно «сдать» по соображениям политической конъюнктуры или когда вор в лампадах зарывался настолько, что прокурору уже нельзя было не завести уголовного дела или подписать ордер на арест...

Отношение Ельцина к генералам зависело чаще всего от политической ситуации: платил он им должностями и званиями за преданность или карал за строптивость. Политическая карьера Ельцина за годы его пребывания на посту президента России не однажды висела на волоске. И каждый раз в критический момент его спасали генералы. Некоторых спасал и он, иногда закрывая глаза на их «опасные шалости».

Подчас создавалось впечатление, что и президент—Верховный главнокомандующий не властен над некоторыми своими генералами: даже смещенные его указом с поста за серьезные провинности, они оставались в кадрах и вновь пытались прорваться к высоким «доходным» должностям. Бывало и такое, что правоохранительные органы уличали многозвездного генерала в коррупции и крупных преступлениях, но он выходил сухим из воды, несмотря на то что расследование уголовного дела контролировал сам президент...

Иногда понятные всем шаги Ельцина в отношении военной элиты чередовались с непредсказуемыми выпадами в ее сторону. Начиная с весны 1992 года президент пять лет подряд своими

указами плодил гигантский генеральский корпус и получал информацию о беспрецедентном дачном «генералстрое» в Подмосковье. И вдруг в мае 97-го, словно ничего не ведая, он стал метать громы и молнии по поводу того, что генералов слишком много, что они разжирили и понастроили себе хоромов. Хотя многие из этих генеральских дворцов стоят вдоль дороги, по которой Верховный главнокомандующий постоянно ездит в свою загородную резиденцию...

Когда долго служишь на Арбате, особенно остро начинаешь понимать, какую огромную роль играет власть президента над армией и ее генералами. Эта власть пронзает Вооруженные Силы не только президентскими указами. Она многообразно отражается в жизни военных людей. Одним она несёт царские подарки в виде должностей, званий, орденов и наворованного скарба. Другим — немилость и унижение, крушение надежд, полускотское существование и озлобленность, предвещающую бунт...

И все же, несмотря на все драматические перипетии нашего смутного времени и крутые повороты в судьбах военных людей, осталось много генералов и офицеров, не изменивших кодексу офицерской чести, не пожелавших приспособливаться к политической конъюнктуре. Для них служение Кремлю и служение России, служение «государю» и служение государству не одно и то же...

Но моя книга не только о Ельцине и его генералах. В своем дневнике я старался запечатлеть то самое важное и характерное, что, на мой взгляд, отражает жизнь нашей армии и ее «мозгового треста» на переломе политических эпох, на склоне уходящего и на пороге грядущего веков.

Я написал об этой жизни так, как ее видел, чувствовал и понимал...

Глава 1

АРМИЯ И ЕЛЬЦИН

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ СТРАЖНИКИ

ЗИМА 96-го

Я голодный и очень злой. Сегодня опять ушел на службу задолго до того, как проснется семья. Чтобы не смотреть в глаза жене, детям и догине Шерри. Уже который месяц живем без зарплаты. А моего офицерского пайка с осточертевшей говяжьей тушенкой хватает на неделю. В домашнем холодильнике — пустынная зима. С некоторых пор я стал замечать, что семья каждый вечер встречает меня глазами моей вечно голодной собаки.

Представляю, какой праздник будет, когда принесу домой свои несчастных полтора лимона, хотя к тому времени почти все эти деньги будут уже чужими — долги.

В метро видел сухую старуху. Она держала в руках плакатик: «Подайте Христа ради — хочу кушать». Такой же плакатик мне захотелось повесить на грудь поверх шинели. Я бы только добавил подпись — «Защитник Отечества»...

* * *

Скоро уже три месяца как государство не отдает армии долги. А тут еще, как назло, приболела жена и я стал единственным кормильцем в семье. На днях пришлось полдня проторчать в двадцатиградусный мороз на Киевском рынке, чтобы продать комплект зимней военной одежды. Я молил Бога, чтобы меня никто не узнал из своих, генштабовских, или их жен, частенько в последние месяцы забредавших сюда с той же целью. Но случилось именно то, чего я боялся: меня узнал давний знакомый — преподаватель академии Генштаба, отставной генерал. Заметив, что я дымлюсь от стыда, он раскрыл громадную, как танковый чехол, сумку, набитую сантехникой, и сказал:

— Ничего зазорного. Жизнь вынуждает...

У него было отличное настроение. Выгодно загнал два крана, которые зять-офицер припас еще со времен службы в Германии. Предложил «погреться». Выпили. Пошел обмен новостями. Николай Павлович рассказал, что в академию ГШ приехали учиться китайские офицеры и что в альма-матер, в небольшом зале с высокими потолками, оборудуют часо-венку — предмет особой гордости начальника академии генерал-полковника Родионова. Подключил художников-добровольцев, уговорил раскошелиться отставника-полковника, председателя какого-то фонда. «А в остальном, как и везде: «Когда же выдадут деньги?»...» Генерал-генштабист вспомнил, как на 23 февраля, в День защитников Отечества, генерал Родионов отказался от ритуального доклада и сказал слушателям и преподавателям: «Невеселый получается праздник. Но будем верить, что доживем до лучших времен». И отпустил людей по домам... А в приемную начальника Генштаба уже в тот же день приполз ядовитый слухок, что Родионов «сорвал торжественное мероприятие». В то время на Арбате служили люди, которые с особой бдительностью присматривали за Игорем Николаевичем. Причины были разные: одни «караулили» должность начальника академии ГШ (Родионову было уже под шестьдесят), другие не без умысла акцентировали внимание министра на том, что он дружит с Лебедем, и коллекционировали его колючие высказывания, свидетельствующие о нелояльности к Кремлю.

Генерал-«сантехник» распрашивал меня о генштабистах, которые были его учениками. Особенно — о начальнике Главного оперативного управления ГШ генерал-полковнике Викторе Михайловиче Барынькине, которого консультировал, когда тот готовился к защите докторской диссертации.

— Кстати, — сказал я генералу, — на 23 февраля Барынькин тоже, вроде Родионова, сказал на торжественном собрании подчиненным, что «невеселый получается праздник»... А накануне попросил министра: «Павел Сергеевич, мне стыдно идти к людям с пустыми руками. Выделите десятка полтора именных часов». Грачев согласился. Дал даже больше, чем просил Барынькин.

В тот день многие офицеры ГОУ ГШ были особенно благодарны министру и своему непосредственному начальнику. Часы «Командирские» шли на старом Арбате нарасхват. Было что выпить, было чем закусить защитникам Отечества... А я представлял, как турист-американец в каком-нибудь Ко-

лорадо после возвращения из Москвы будет с гордостью показывать родным и знакомым часы «Командирские» с надписью «От министра обороны России»...

Генерал ушел. Я остался на рынке делать свой бизнес. Чтобы быстрее смыться с места позора, я решил загнать свой товар за 250 водителю таджикского рефрижератора, приехавшему в Москву продавать капусту. Но водила оказался основательным покупателем. Напялив пятнистый ватник, он на своем языке подозвал напарников, и они стали громко обсуждать мой товар. В те минуты мне хотелось быть в черной маске спецназовца...

За последнее время я перебрал много способов левого заработка: после службы собирал мебель в одном из банков на Арбате, разгружал вагоны с древесиной на товарной станции и даже рекламировал «гербалайф» среди пузатых иностранцев у входа в «Метрополь». До тех пор, пока майор ФСБ не посоветовал: «Смойся дальше, чем я вижу». Мои приработки требовали много времени и сил, но были мизерными.

Когда полковникам очень плохо, им в голову лезут очень плохие мысли...

ЖИТУХА

...В дверь моего кабинета кто-то опять стучится. Входит сослуживец. Здоровается, бросает жадный взгляд на пачку сигарет «LM» (их у нас прозвали «Леонид Макарович»), лежащую на столе.

— Извини, можно стрельнуть?

Слова еще говорятся, а пальцы уже выковыривают сигарету из пачки. Это нормально. Так часто делаю и я. Секунда стыда — зато пять минут кайфа. Лет десять назад я бы скорее пробежал по улице голяком, чем стрельнул у сослуживца сигарету. Сейчас это обычное дело. Убогая жизнь и святые каноны офицерского этикета превращает в условные. Мы опускаемся, сами того не замечая.

Полковник гасит окурочок. И смотрит на меня — такие взгляды я каждый день встречаю в пешеходных переходах и в метро...

— Старик, у тебя полтинника до получки не найдется?

Я ничем не могу помочь, поскольку сам рабочий день начал с обхода кабинетов, имея ту же цель. Попытка поправить свое финансовое положение окончилась крахом. Но я

не теряю надежды. По лабиринтам узких подземных коридоров, облепленных белоснежным кафелем, бреду в соседнее здание — к другу Валерке, который служит в Центре военно-стратегических исследований Генштаба. На его рабочем столе — огромная секретная карта, усеянная роями цифр и букетами разноцветных стрел, на ней лежит отрывной листок календаря, на котором от руки написано: «Иванову — 100, Петрову — 500, Сидорову — 750»...

— Ты случаем не богат? — опережает меня стратег, озабоченный собственным безденежьем больше, чем коварными замыслами супостатов...

ПРОЛЕТ

По тому же белоснежно-кафельному подземному маршруту возвращаюсь обратно, а навстречу — замминистра обороны генерал армии Константин Иванович Кобец. Неспешная, уверенная походочка, ухоженные выющиеся волосы, красноватое лицо без признаков недоедания и лукавые тяжелые глаза. Так и хочется сказать: «Дай миллион!»

Каждый раз, когда встречаюсь с этим человеком в коридорах и кабинетах Генштаба, испытываю недобрые чувства. Есть у нас такие генералы, при встрече с которыми в голове мелькают разные нехорошие слова. Уже который год за Кобецом тянется шлейф слухов: его фамилию называют в числе лиц, некогда причастных к деятельности коммерческой фирмы с криминальным душком, в которой тон задавал знаменитый Дима Якубовский. Потом Кобеца уличили в причастности к нечистоплотной сделке, связанной с продажей коммерческой фирме «Люкон» Минобороны 25-этажного дома в Северном Чертанове. В последнее время многие у нас шепчутся о какой-то взятке, якобы полученной генералом от коммерсантов. О его сказочной даче в Архангельском рассказывают легенды... Поговаривали, что у Кобеца надежная «крыша» в кремлевских кругах и потому его пока никто не трогал.

Мы идем навстречу друг другу. На мне нет головного убора, и потому я по уставу обязан прижать руки большими пальцами к бедрам и поворотом головы отдать честь. Честь отдавать не хочется. Я ныряю в ближайший боковой выход... Вернувшись в свой кабинет, начинаю зло рыться в столе в надежде откопать среди вороха бумаг брикет венгерского

рыбного бульона — неприкосновенный запас на черный день. Голодная генштабовская мышь уже отгрызла половину моей порции. стакан, вода, кипятильник. И я уже облизываюсь как кот, нетерпеливо дожидаящийся вкусно пахнущей похлебки. С недавних пор из многих кабинетов Генштаба в обеденное время стало потягивать запахами кухни. Поначалу мне это было неприятно. Теперь и в моем кабинете пахнет ухой. И мне уже не противно.

ЭТЮДЫ

...Полковник из «ядерного» отдела Главного оперативно-управления Генштаба звонко помешивал супец в широкогорлом китайском термосе, задумчиво поглядывая на таблицу с расчетами по ядерному потенциалу НАТО. Он признался мне, что уже забыл, когда последний раз ходил в нашу столовую.

...Я видел плачущего полковника Генерального штаба: его жена продала любимца семьи — голубого немецкого дога, чтобы купить билет до Хабаровска, — надо было срочно лететь на похороны отца. Мой друг из Питера, помешанный на старинных книгах и собравший за свою офицерскую жизнь редкостную домашнюю библиотеку, сегодня втайне от домашних по выходным дням приторговывает на книжных развалах на Невском. Он рассказал мне о полковнике, которого поймали в библиотеке с «Этюдами о русских писателях» под рубашкой на животе. Книга был редкостная. Типография Сытина. 1903 год...

Во время командировки на Дальний Восток я видел, как американские матросы в Тихом океане со своего корабля показывали нашим военным морякам белые и черные задницы и безудержно ржали вместе с офицерами. А когда-то они отдавали честь нашему Военно-морскому флагу.

В ракетной шахте под Нижним Тагилом я видел майора-дистрофика, который старательно и звонко выскребал алюминиевой ложкой остатки тушенки из консервной банки и рассказывал, что у его детей и жены тушенка эта уже вызывает рвоту.

На Камчатке в магазине Военторга офицеры и мичманы брали продукты «под запись» в долговой книге — до полочки. Когда же приходила, наконец, полочка, долги в три раза перекрывали ее.

На Арбате ветеран Великой Отечественной войны долго и скандально торговался с чавкающим жевательной резинкой скупщиком наград. Тот предлагал за орден Красного Знамени тридцать тысяч. Старик хотел сто. И кричал на спекулянта:

— Ты еще ссыкун, чтобы давать за добытый кровью орден семь пакетов кефира!

Одно время на станции метро «Площадь революции» рядом с бронзовыми матросами, солдатами и летчиками ежедневно стоял с протянутой рукой инвалид-афганец. Потом он исчез, и однажды я поймал себя на мысли, что в скульптурном оформлении станции чего-то уже не хватает...

...Когда у полковника Крылатова умерла жена, мы скинулись, кто сколько мог. Министерство выделило матпомощь. Полковник приплюсовал свою получку и отпускные. Кое-что прислали родственники. Всего этого еле-еле хватило на похороны и поминки. На оградку уже не хватило — за метр оградки требовали двести баксов... Полковник Крылатов прослужил Отечеству тридцать три года. Имеет два ордена и ранение с афганской войны. Там же был «награжден» гепатитом. До приезда в Москву «наматал» четырнадцать гарнизонов. У полковника Крылатова двое взрослых детей. Он жил с детьми в комнатухе офицерского общежития и платил только за свет и газ — за это его дети по утрам подрабатывали дворниками.

С нами что-то происходит.

В царские времена отставному полковнику полагалась щедрая пенсия, лошадь, высокий светский чин и немалый земельный надел. Во времена советские отставной полковник получал пенсию, равную зарплате высококлассного инженера. Сейчас отставному полковнику кладут пенсию — один лимон триста. А на прощанье — еще 20 окладов (их у нас прозвали «похоронными»). Вместо земельного надела, положенного по закону, он часто получает от государства фигу. За то, что зачастую аж до самых седин не знал, что такое родной дом, что такое нормированный рабочий день. Ибо вся служба — есть ненормированная жизнь на износ. Сегодня по продолжительности жизни офицеры уже почти сравнялись с шахтерами. У нас в Генштабе по этому поводу ходит горькая шутка: по-человечески офицер живет на свете 8 лет. Семь лет до школы и год после пенсии...

За тридцать лет службы я достаточно убедился, что это добровольное рабство, именуемое «священным долгом пе-

ред Отечеством», выбирает себе только особая порода людей. А следом идут сыновья, выбирая судьбы отцов.

Есть в этом что-то непостижимое... А может, просто — очень русское? Может, потому, что уже из роддома многие офицеры привозят своих пацанов запеленутыми в ненешенные армейские байковые портянки, первой игрушкой становится патронная гильза с запахом пороха, а отцовская офицерская фуражка — любимым головным убором?

Военные династии в России были костяком армии. Иные служили Отечеству почти по 300 лет. Представителей таких военных династий много еще в войсках. Есть они и у нас на Арбате. Но многие сыновья в последние годы все чаще добровольно выходят из строя. То от одного, то от другого полковника или генерала слышу: «Сын бросил академию». «Сын бросил училище». «Сын бросил службу»...

Сыновья уходят. Все чаще уходят и отцы. Кто в коммерцию. Кто на пенсию. Кто на тот свет...

Подполковник Хорьков предпочел добровольную смерть полуживотному прозябанию на службе и послал себе пулю в висок. Его сын, курсант Ленинградского высшего военного командного училища, жутко рыдал и сказал у гроба отца страшные слова:

— Я не хочу быть офицером. Я буду им...

Как-то мой друг полковник Арзамасцев, у которого сын заканчивал школу, сказал мне:

— Не хочу, чтобы мой пацан стал офицером.

И все-таки его пацан стал офицером...

Армия, как и дерево, может засохнуть, если не будут нарастать молодые ветки.

КРАМОЛА

...И опять лезет в голову навязчивая мысль, что все мы живем в каком-то зомбированном состоянии. Сознание не приемлет складывающегося порядка вещей в стране и армии. Но все, на что мы способны, — проклинать этот порядок, возмущаться им в своих прокуренных норах на Арбате и продолжать, подобно стрелкам часов, смиренно и беспрекословно ходить по кругу. Неужели нам только и нужно, чтобы раз в месяц носить домой свои полтора миллиона? Ведь есть же Высший Смысл службы, человеческого существования... Выживать и жить — не одно и то же.

Конечно, когда сосет под ложечкой, когда дочка не хочет идти в школу в штопанных чулках, когда жена сдирает с пальца обручальное кольцо, чтобы снести его в комиссионку, — меньше всего идут на ум высокие слова об офицерском долге, об «особом пути России». Заботы о мешке картошки для семьи становятся гораздо важнее того, в каком направлении развивается государство.

На одной из генштабовских посиделок мой друг и духовный наставник отставной полковник Петрович сказал:

— Мы все очень похожи на героев чеховского «Вишневого сада». Только вздыхаем и треплемся. А «сад» тем временем вырубают...

ВОЙНА

...По кабинетам Генштаба бродит жуткая информация из Чечни. Трех наших пленных дудаевцы распяли на столбах. В аккурат к Пасхе. Гвоздями пробили ладони. Двое сразу потеряли сознание. Третий был покрепче, требовал расстрела. В конце концов чеченцы «сжалились». В этот же день из Кремля пришло сообщение, что Ельцин послал в штаб Дудаева телеграмму — приглашение к переговорам. Еще недавно в Кремле Дудаева называли бандитом. Сегодня он — «сторонник независимости Чечни». Вчера — глава криминально-диктаторского режима и предводитель вооруженных бандформирований. Сегодня — «лидер чеченских сепаратистов»...

В глубокую предгрозовую осень 1994-го Грачев одним из последних наведалься к Дудаеву и стало ясно, что дело идет к войне. И все равно президент Ингушетии Руслан Аушев не уставал упорно твердить:

— Борис Николаевич, еще можно договориться!

Как там? «Худой мир лучше доброй ссоры?»

Сегодня слушаешь членов Совета Безопасности того времени — все были против ввода наших войск в Чечню... Войну назвали «восстановлением конституционного порядка». У этой войны уши Степашина, глаза Лобова, усы Шах-рая, кулаки Грачева, мозги Ерина, а совесть Ельцина. На их совести — многие десятки тысяч погибших. Средний районный городишко. Шесть полнокровных дивизий по штатам военного времени. Втрое больше — раненых и калек. Ельцин называет это «ошибкой» и просит избрать его президен-

том на новый срок. Чтобы «довести дело жизни до конца». Бывают ошибки, которые больше чем преступление....

Только что по телевизору передали, что на юге Чечни погибло еще два десятка наших солдат.

Юный капитан Дима из генштабовского узла связи чинит мой телефон и голосом храброго правдоискателя, презирающего подслушивающие «жучки», спрашивает у моего друга и духовного наставника отставного полковника Петровича, который служит в ГШ больше, чем Дима живет на свете:

— И у Ельцина хватает совести после всего этого идти в президенты?

Петрович делает вид, что не расслышал вопроса. Он в свое время почти два срока переживал в звании за неосторожный анекдот про Хрущева. С тех пор глухота моментально нападала на него, когда речь заходит о первых лицах государства. Но в последнее время Петрович совершает невиданные подвиги. Он все чаще стал говорить вслух слово «Ельцин». Но старые предохранители все еще срабатывают. И потому на вопрос правдоискателя Димы он отвечает так:

— Мой юный друг, совесть и власть несовместимы.

Дима чинит телефон и переваривает крылатые слова Петровича.

Полковник Валера Чебанников отворачивается от компьютера и уточняет:

— Такая власть и такая совесть...

* * *

Уже пишется летопись еще одной ратной кампании — чеченской. Хоть бы историки не забыли чего, особенно как десантным полком мы за два часа брали Грозный. А затем вывозили в Ростов, как мороженую говядину, трупы наших пацанов, «умиравших с улыбкой на устах».

На подмосковной военной авиабазе Чкаловской долго не пересыхал ручей цинковых гробов с седыми полковниками и 19-летними юнцами. Уже вся Россия «заминирована» этими неуклюжими и страшными металлическими коробками. «Груз-200» стал единицей измерения «эффективности» нашей политики.

Где-то на северной окраине Грозного в январе 1995-го чеченский снайпер выцелил светлую голову моего друга — полковника Володи Житаренко. Не дай вам Бог входить с

похоронной вестью в дом, где жена полковника еще до страшных слов теряет сознание, а дети смотрят на вас живыми глазами погибшего отца, из которых брызжет ужас. Кто хоронил погибших на войне друзей, тот знает, что нет на свете тяжелее ноши, чем гроб друга. Но эта ноша неподъемна, если друг гибнет на бестолковой войне.

Верховный главнокомандующий купался в Черном море, играл в теннис и дегустировал редкостные южные вина, а его полки совсем рядом тупо терзали чеченские села, смутно понимая, какой такой «конституционный порядок» по велению президента они пришли сюда наводить. Слепая жажда мести за погибших товарищей очень часто была двигателем героизма. Еще ни одна армия мира не добивалась победы там, где ее солдаты не понимали, во имя какой идеи они идут на смерть.

Военный хирург, за три чеченских месяца наковырявшийся в человеческом мясе больше, чем за 30 лет службы, рассказывал мне, что чаще всего ему приходилось слышать от искалеченных пациентов крик «За что?». Полковник не знал ответа. Армия не знала ответа. Страна не знала ответа.

...Эта власть неминуемо сталкивает лбами даже родных братьев. Ельцин — сердце власти. Когда-то старушка у нашей церкви в Крылатском сказала мне:

— Борис Николаевич — помазанник Божий.

А на стене автомобильного гаража возле той же церкви огромными буквами кто-то написал: «Господи, покарай Ельцина!»...

БЫЛОЕ

...После того как Горбачев принял «историческое» решение о выводе наших войск из Европы, в частях начался период невиданного морального разложения. Так бывает всегда, когда армия «победно отступает», когда она понимает свое унижение собственной властью. Когда армия чувствует, что сила ее больше не нужна, она разлагается и почти всю свою энергию тратит на то, чтобы успеть пожить за счет всего, что есть в ее распоряжении...

Я хорошо помню, какую грозную шифровку направил однажды министр обороны главному Западной группы войск генерал-полковнику Матвею Бурлакову с требованием воспрепятствовать моральному разложению офицерского состава.

ва. Формы этого разложения были часто чрезвычайно постыдными. Образ капитана Зубкова, который по ночам снимал с крыш домов телеантенны, а затем продавал их своим же сослуживцам из другого военного городка, остался особой отметиной в моей памяти о тех годах службы в Германии... Армия по исконной своей «оккупационной» традиции заботилась о том, чтобы возвратиться из похода не с пустыми руками. Тем более что ей было известно: дома — безденежье и бесквартирие...

Моральное разложение войск еще больше усугубилось, когда развязали руки «дикому» бизнесу. Сокращение Вооруженных Сил, с их гигантскими и плохо контролируруемыми запасами оружия, техники, вещевого имущества и других материальных средств, сращенное с «разрешенной» в частях коммерцией, породило в армии хищную психологию преступной наживы за счет того, что принадлежало государству...

Самая крупная в мире войсковая группировка — Западная группа войск — в 1991—1994 годах превратилась в Клондайк для военного и гражданского вора. Вырученные от продажи «излишков» движимого и недвижимого войскового имущества колоссальные валютные средства, которые по указам Ельцина должны были идти на строительство жилья для военных, нередко переводились в российские и иностранные коммерческие банки, где пускались в оборот. Жулики в генеральских погонах в личных целях на всю катушку использовали предоставленное им служебным положением право «управлять» финансовыми и материальными потоками и коммерческими операциями.

Однажды я своими глазами видел документ (копия его потом появилась в печати), на котором начальник Главного управления военного бюджета и финансирования МО наложил резолюцию, которая была, в сущности, рекомендацией подчиненным, как «обойти» указ Ельцина о порядке работы с валютными суммами, вырученными на продаже армейских средств. Суммы были астрономическими. Центробанк настоял тогда на том, чтобы взять под контроль хотя бы половину «военных денег». Его пытались объегорить, скрыть причитающуюся часть. Это делалось под видом патриотической заботы об интересах армии.

Между Москвой и Вюнсдорфом без устали сновали офицеры-челноки, доставлявшие своим начальникам в МО и Генштабе подержанные немецкие машины. Автомобиль, по дешевке купленный в Германии и пригнанный в Россию, для

многих составлял одну из жизненно важных целей. В то время, когда у одних командиров день и ночь болела голова о том, как обустроить в России свои «бездомные» части, другие носились по Германии в поисках выгодных партнеров по бизнесу. А часто их и искать было не нужно — они сами появлялись в штабах и предлагали сделки, очень выгодные военным начальникам и крайне невыгодные войскам. Государство и армия несли колоссальные убытки. Чем круче сумма контракта, тем больше «личный доход» того, кто скреплял его собственноручной подписью. Экономить было невыгодно.

Меня поражала наглость некоторых минобороновских генералов: семьи офицеров и прапорщиков частей, выведенных из-за рубежа, ютились в палатках и бараках на пустырях, строительство многих жилых объектов замораживалось «из-за нехватки финансовых ресурсов», а министр обороны и некоторые его замы покупали дорогостоящие иномарки автомобилей, строили роскошные виллы в ближнем Подмосковье, пускали в коммерческий оборот десятки миллионов долларов и немецких марок... То было время райской жизни для тех, кто умел «пользоваться моментом». Бесконтрольность и беспринципность государства развращали генералитет и были формой платы власти за лояльность к ней...

Десятки тысяч офицеров и прапорщиков бродили по городам и весям в надежде снять за приемлемую цену угол для семьи, а в это время десятки архитекторов корпели над проектами многоэтажных дач для генералов.

Следователи Генеральной и Главной военной прокуратуры нередко получали «по рукам» за попытку раскрутить уголовное дело, нити которого вели в Минобороны и Генштаб. Тех же, которые были слишком настойчивыми, заменяли на стоворчивых, а уголовные дела «разбивали». В газетах появлялись копии документов, свидетельствующих о преступлениях некоторых высших генералов, назывались российские и иностранные банки, через которые «прокручивались» гигантские суммы минобороновских денег, правоохранительные органы располагали десятками контрактов, говорящих о колоссальном ущербе, который наносится Вооруженным Силам, а Фемида либо отмалчивалась, либо твердила, что «нет состава преступления»...

Когда в «Российской газете» появился первый материал, разоблачающий крупные махинации в Главном управлении торговли МО РФ, Павел Грачев потребовал объяснений от

начальника ГУТ МО генерала Виктора Царькова. Тот прислал на Арбат целую кипу «оправдательных документов». На основе их мне было поручено готовить опровержение на публикацию в газете. Поскольку документы были специфическими, я вынужден был обратиться за помощью к специалистам Главного управления военного бюджета и финансирования МО. Нужно было получить ответ на главный вопрос — законно или незаконно на счетах одного крупного московского коммерческого банка оказалось 40 миллионов дойчмарок, полученных из ЗГВ. В ГУВБифе мне так запудрили мозги, что ни с третьей, ни с десятой попытки даже коротенького текста опровержения нельзя было составить. Оно так и не появилось в газете. В Главном управлении торговли мне упорно и с возмущением твердили, что «Российская газета» врет. Следователь Главной военной прокуратуры «в интересах следствия» отказывался давать какие-либо комментарии. А тем временем преступники в авральном порядке прятали концы...

Генерал Царьков и его сподвижники были арестованы много позже, когда в Генпрокуратуре появились новые руководители... Мой друг, контрразведчик, раскрутил «генеральское дело», за что ему по меньшей мере полагался орден. Оставалось поставить последнюю точку. Но майора отправили в «очередной отпуск по семейным обстоятельствам» — подалее от Москвы. Он был слишком честным офицером...

БЕГСТВО

...В свое время довелось мне сидеть в знатной немецкой пивной с офицерами военной миссии Великобритании. Один из них откровенно покрутил пальцем у виска, когда речь зашла о согласии Горбачева, Шеварднадзе и Ельцина пойти на унижительные условия небывало скорого «бегства» наших войск из Германии.

Когда-то численность английского контингента в ФРГ была в 300 раз меньше советского в ГДР. Англичане уходили более десяти лет. Мы же за три года в авральном порядке вывели 500 тысяч военнослужащих. Почти 70 тысяч из них не имели жилья. Около двух десятков дивизий мы вынуждены были бросить в открытое поле.

В то время я побывал в гарнизоне Богучары, под Воронежем. Строительство городка только начиналось, и офицеры

с семьями жили в палатках и кунгах по уши в грязи. Офицеры дивизии не боялись проклинать власть даже в присутствии представителей МО и Генштаба. Никто из них не говорил, что не надо было уходить из Германии. Твердили главным образом о том, что «надо было сделать все толково», планомерно, с достоинством, сопоставляя темпы вывода войск с темпами строительства жилья и военных городков. Истина элементарнейшая. Но на нее, кажется, откровенно начал Горбачев. Он заработал дешевую популярность у немцев на унижении своих солдат и офицеров. Ельцин пошел тем же путем. И не только не притормозил бегство наших сильнейших дивизий, а, наоборот, ускорил его, пойдя «на более сжатые сроки».

Там, в Богучарах, мы сидели в брезентовой палатке, по которой беспрерывно строчил холодный осенний дождь, пили из минных алюминиевых колпачков разбавленный спирт и смотрели по «видику» любительский фильм о проводах последних российских частей из Германии.

...Явно «уставший» Ельцин, неуверенно дирижирующий военным оркестром и наваливающийся на кого-то из перепуганной дипломатической свиты. Не менее «уставший» замминистра, тайком справляющий малую нужду под трапом самолета. Бывший главком Западной группы войск генерал-полковник Матвей Бурлаков с притуманенным взором. И его замполит генерал Иванушкин, спящий на пресс-конференции своего босса в зале ожидания подмосковной авиабазы Чкаловской 1 сентября 1994 года...

Офицеры штаба некогда элитной танковой дивизии, в ту стылую осень 1994 года сидящей по уши в жирном воронежском черноземе, до слез под ядреный мат ржали над выходками своего Верховного. То был невеселый смех...

Строители постарались на славу. Возвели красивый и уютный городок за «немецкие деньги». На новоселье приехали из ФРГ представители правительства, журналисты. Наши офицеры говорили слова благодарности. Один из них все-таки не удержался, чтобы не «капнуть дегтя в бочку меда», когда стали вспоминать теплые провода последних советских частей из Германии осенью 94-го:

— Передайте немцам от русских офицеров извинения за неадекватное поведение нашего Верховного главнокомандующего...

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

...Офицеры из Управления внешних сношений ГШ, регулярно бывающие в МИДе, проведали, что еще зимой 1995 года, накануне празднования 50-летия Победы, Ельцин вел с Клинтоном и Колем нелегкую переписку по поводу того, как проводить Парад Победы в Москве. Будто и Клинтон, и Коль ставили свои условия: одного не устраивал Мавзолей Ленина, другому не хотелось, чтобы по Красной площади маршировали российские войска. Верно ли это, не знаю, но слово «Ленин» на Мавзолее задрапировали, а военный парад с боевой техникой перенесли на Поклонную гору.

Были проблемы у Ельцина по поводу парада и со своими соотечественниками. Фронтовики-ветераны написали ему письмо с просьбой провести парад «по полной схеме» и там, где он был и в 45-м году. Просьбу «виновников торжества» удовлетворили наполовину: парад ветеранов — пожалуйста, военный парад — нет, милости просим на Поклонную гору. Кому трудно — подадим автобусы.

Для «организованных» ветеранов пошили праздничные костюмы. Старики по этому поводу шутили жутко: «Слава Богу, теперь не в лохмотьях в гроб ложиться!» Ветераны в новых костюмах смотрелись прилично. Но внешний вид многих явно портила старенькая стоптанная обувь. Были и потрепанные сандалии на босу ногу...

Кто-то рассказывал, что ветераны просили Ельцина для командования парадом назначить вместо министра обороны другого военачальника. Грачев, дескать, и не фронтовик, и «не та фигура». К этой просьбе в Кремле отнеслись как «старческому бзизку» и махнули на нее рукой...

В 1992 году, накануне Праздника Победы, я был поражен одной радиопередачей, в которой утверждалось, что Жуков брал Берлин бездарно, что немецкие летчики были талантливее советских, что некоторые наши военачальники втайне подрабатывали на немецкую разведку...

Меня особенно взволновало безапелляционное утверждение явно «заказного» журналиста, что немецкие воздушные асы намного превосходили наших в количестве лично сбитых самолетов. Я стал звонить на радио, чтобы сделать принципиальное уточнение: в годы войны немцы долгое время вели свои подсчеты по количеству уничтоженных двигателей, а мы — по самолетам врага. Сбив один наш «двухмоторник», они записывали на свой счет две машины...

На радио никто ни о каких уточнениях, и тем более опровержениях, слышать не захотел. Тогда нужна была иная «правда»...

9 мая 1992 года я оказался среди участников так называемого «Марша мира» — какой-то мешанины из российских и иностранных ветеранов великой войны и оркестровых балаганов, заполонивших в тот день Красную площадь. Торжественный Праздник Победы превратился тогда в уродливое шоу: на священной брусчатке главной площади страны, рядом с могилами политиков и полководцев, весело прыгали полуголые дородные девицы и яростно вдувал в медные трубы запах водки и пива забугорный оркестрик «Цеппелин»...

В мае 1995 года после военного парада на Поклонной горе многие ветераны вернулись на Красную площадь. В дальнем углу Александровского сада расстелили на лавках газеты, разложили снесь, плеснули в пластиковые стаканчики.

— За Победу!

Росла гора цветов на могиле Неизвестного солдата. А за поворотом по самые плечи стоял в розах бронзовый Сталин... Закусывали бутербродами и слушали Газманова:

Офицеры, офицеры, ваше сердце под прицелом,
За Россию, за победу — до конца...

Много кругом было чего-то искусственного. Настоящей оставалась только Победа.

...Потом было еще одно торжество — в Олимпийском дворце спорта. Туда председатель комитета ветеранов войны генерал Говоров привез факел, зажженный на могиле Неизвестного солдата. На сцене была сделана большая красная звезда, в середине которой генерал своим факелом должен был зажечь огонь. При его появлении зал встал. Говоров подошел к звезде и наклонил пылающий факел. Но огонь в звезде не вспыхивал.

— Черномырдин, дай газу! — крикнул кто-то в неловкой тишине. Зал засмеялся.

Говоров все еще не мог зажечь звезду и даже издали было видно, что он уже вне себя. Наконец, генерал не выдержал, повернулся к сопровождавшему его полковнику и сунул ему факел в руку. Полковник продолжал тыкать факел в горловину звезды до тех пор, пока высокое пламя не выстрелило оттуда. Грянули аплодисменты.

...А на пяточке возле Большого театра, как и всегда в такие дни, было много народу. Седой подполковник в форме

старого образца, на которой позванивал килограмм орденов и медалей, говорил плотно окружавшей его толпе:

— Красная площадь — единственное место в Москве, где Ельцин не дал старому и новому поколениям ощутить себя созидателями и наследниками общей России, общей Истории, общей Победы!

Ему аплодировали...

Я пошел к Кремлю. Там цветами был уже завален не только Сталин. Горы цветов были всюду — у каждой могилы и мемориальной доски с именами полководцев...

Я вернулся к Большому. Подполковник все еще говорил.

— Встаньте на скамейку, вас совсем не видно, — попростили его из толпы.

Он встал.

— Красная площадь — она как священный храм для россиян всех вероисповеданий и идеологических убеждений. Здесь все оставили свои отметины: гении и бездари, творцы и разрушители, гуманисты и деспоты, победители и побежденные, герои и подлецы. Искони площадь эта называлась сердцем Москвы и страны...

Летом 1987 года Войска ПВО, возглавляемые «спящими на должностях» генералами, позволили сопливному немецкому летуну Русту плюнуть в это сердце...

ГЕНЕРАЛ

Накануне 9 мая в Министерстве обороны состоялся торжественный прием известных военачальников — ветеранов Великой Отечественной войны. После банальных праздничных речей и вручения подарков, как водится, — по пять капель. За Победу, за победителей, за не вернувшихся с войны. Не лезла в глотку водка. Не жевалась икра. Что-то противоестественное было в этом совместном застолье старых и молодых генералов и полковников. Герои непобедимой и легендарной, спасшие страну. И «великие стратеги» битвы с депутатами при Белом доме в 1993-м. Киллеры, погрязшие в Чечне... Я чувствовал себя непутевым сыном, промотавшим дорогое наследство отца.

Когда уже был потерян счет тостам во славу именинников и в шумном гомоне невозможно было услышать, о чем с другого конца зала сквозь сигаретный дым лопочет очередной выступальщик, мой сослуживец-полковник сообщил, что

предлагается выпить за преемственность традиций. И вновь зазвенел минобороновский хрусталь.

Увидев, что рюмка моего соседа — генерал-полковника артиллерии — не наполнена, я схватил бутылку «Распутина». Генерал накрыл сверху рюмку рукой и угрюмо буркнул:

— Не надо. Я такие тосты не пью. Огоньку позволь?

Мы закурили. Генерал первым нарушил неловкую паузу:

— Как служится, полковник?

— Нормально.

— А как у тебя с совестью?

— Вы о чем, товарищ генерал?

— Я тебе не товарищ. Это Грачев тебе товарищ.

Встреча двух поколений славных защитников Родины грозила перерасти в острый диспут.

— Что вы сделали с нашей армией, полковник?

Генерал шел в атаку. Я не знал, чем ответить.

Тамада с другого конца стола прокричал сквозь балаган:

— Слово предоставляется Герою Советского Союза, почетному гражданину Смоленска и Воронежа... генерал-полковнику... Григорию Алексеевичу...

Мой собеседник резко встряхнул головой и неуверенно встал:

— Налей!

Я налил. Зал притих.

— Мой тост очень краток, — неожиданно звучно и четко сказал мой сосед. — Предлагаю выпить за славную Советскую Армию! Не чокаясь!

После некоторого замешательства публика неуверенно проглотила этот тост. А в сторону «президиума» застолья уже мчался официант, в свободное от основной службы время подрабатывающий стукачом. Минут через пять он вызвал меня в курительную комнату и передал приказ заместителя начальника Генштаба — лично спроводить генерала домой. «Машина у второго подъезда». Я возвратился в зал. Почетный гражданин Смоленска и Воронежа, размахивая нежинским огурчиком, громко пел: «Артиллеристы, Сталин дал приказ»... Нестройному хору ветеранов без явной охоты помогали молодые полковники, настороженно поглядывая в сторону «президиума».

Мой генерал жил на Сивцевом Вражке. В его квартире царил холостяцкий бардак и пахло старой кожаной мебелью. Жена генерала лежала в госпитале. Мы сели на кухне. Хозяин долго вылавливал вилкой помидор в трехлитровой бан-

ке. Полоски подсохшего сыра лежали на тарелке, будто маленькие лыжи.

— Ты пей, — сказал мне генерал, — я все равно с тобой чокаться не буду.

Он принес на кухню огромную схему захвата его дивизионной плацдарма на Днепре, повесил ее на ручку холодильника и стал читать мне лекцию, то и дело постукивая большой вилкой по стрелам и номерам частей. Где-то за полночь, когда пехотные батальоны уже вырезали фрицев на том берегу Днепра, я заснул и был разбужен негодующим криком:

— Встать! Умыться!

После умывания холодной водой лекция продолжилась, но глаза слипались, и я попросил кофе. После второй бутылки выяснилось, что генерал был ранен в городе, где я родился.

— Если бы я знал, каких засранцев освобождаю, я бы твой город не брал, — сказал мой лектор, сдирая с себя рубашку. — Вот смотри, во что ты мне обошелся.

Его бок был похож на сильно засохшее копченое мясо. Уже светало, когда мы расстались. Генерал стоял на балконе в белой майке и курил. Я махнул ему рукой. Он не ответил. Он со мной так ни разу и не чокнулся...

ЗНАМЕНКА

По узкой улочке Знаменке, проходящей между зданиями Министерства обороны и Генштаба, почти каждое утро Ельцин ездит в Кремль. Примерно в 8.20 — 8.40 на углу Знаменки и Новоарбатской площади появляется сотрудник ГАИ с радиостанцией и регулировочным жезлом и перекрывает автомобильное движение. В эти минуты, кажется, время останавливается. Что-то очень знакомое чувствуется в этой утренней паузе... Так замирала жизнь на этом перекрестке при Брежневе, Черненко, Андропове, Горбачеве... Замирает она и при Ельцине. Перекрываются километры московских улиц, застывают навтыяжку регулировщики и постовые, сбиваются в пробки сотни машин, автобусов, троллейбусов. И народ, опаздывающий на работу, жестоко костерит такое положение и его главного виновника...

Самые нетерпеливые пытаются перебежать через дорогу, и милиционер-регулировщик голосом лагерного надзирателя орет:

— Стоять!!! Назад!!!

Наконец, со стороны кинотеатра «Художественный» на Знаменку, под пронзительный вой сирен и лающие окрики громкоговорителей, врываются «мерседесы», «БМВ» и «форды» с проблесковыми маячками. Затем наступает короткая пауза и — в сопровождении еще нескольких иномарок с охранниками несется длинный «членовоз» с затемненными стеклами и президентским штандартом. Иногда окна «членовоза» открыты и в них видны суровые и упитанные лица телохранителей президента. Если заглянуть в машину с высоты моего генштабовского кабинета, можно заметить в руках охранников маленькие короткоствольные автоматы типа еврейских «узи», очень напоминающие большие пистолеты.

Но даже если президентский кортеж со всем положенным сопровождением промчится под окнами Генштаба, это не значит, что Ельцин был в своей машине. Иногда вместо него в Кремль возят воздух. Верный признак такой хитрости — отсутствие на тротуарах внимательно поглядывающих по сторонам людей в штатском, замаскированных под москвичей со средним достатком.

Однажды я с сослуживцем стоял под красным светофором на пешеходном переходе — пропускали кортеж. Товарищ мой решил закурить, и как-то резко запустил руку в боковой карман (искал зажигалку) именно в тот момент, когда машина с президентским штандартом проезжала совсем рядом. Охранник резко дернулся в окне, а членовоз ошалело прибавил газу. Один из прохожих сказал моему товарищу:

— Такие шуточки иногда начинаются на этом, а заканчиваются на том свете...

Старое и новое здания МО и ГШ на Знаменке — начало длинного каменного коридора, полого спускающегося к Боровицким воротам Кремля. Есть что-то символичное в том, что Ельцин, перед тем как сесть за рабочий стол, минует зону Минобороны и Генштаба — это напоминает ему о том, что у него есть армия.

В марте 1996 года скромная Знаменка могла бы стать всемирно известной улицей: здесь некоторые офицеры Генштаба намеревались задержать кортеж президента и потребовать от него дать указания на выплату обещанного денежного содержания. И только убедительные аргументы одного из бывших сотрудников военной контрразведки, посоветовавшего потенциальным повстанцам не дразнить ельцинскую охрану, остудили их горячие головы...

Глубокой ночью в октябре 1993 года от Кремля до Минобороны президент добирался по узкому бронированному лазу, образованному плотным строем танков и боевых машин пехоты. Такого количества бронетехники Знаменка наверняка не видела за всю свою историю. Как, наверное, не видела она и такого количества охранников, которых нагнали сюда Коржаков, Барсуков и Степашин. В ту ночь Ельцин прибыл в МО, чтобы «выломать руки» высшему генералитету, откровенно тянувшему резину в момент, когда судьба президента висела на волоске. Таким злым, мрачным и бледным я Ельцина еще никогда не видел. На членов коллегии МО он смотрел так, как смотрит голодный удав на обреченных кроликов. Правда, один из замов министра обороны в приватном разговоре со мной нашел другое сравнение: «Мы сидели, как нашкодившие двоечники в школьной канцелярии, куда прибыл разгневанный отец».

...Еще с вечера 3 октября между Кремлем и МО шла интенсивная телефонная перебранка. У меня создавалось впечатление, что тогда от министра обороны и начальника Генерального штаба требовали «экстренных мер» все, кто только имел доступ к «кремлевке». Паникеры так доставали Грачева, что он с трудом сдерживал себя.

— У меня есть только один начальник — Верховный главнокомандующий! — раздраженно кричал он кому-то в трубку.

...Свет в кабинетах, выходящих на Знаменку и Новоарбатскую площадь, был погашен (остерегались снайперов). У приемной министра толпились члены коллегии МО. Несколько попыток министра побудить генералитет к выработке четкой позиции не увенчались успехом. Грачева опять кто-то терроризировал звонками. Генералы тихо переговаривались, курили. По обрывкам их фраз можно было судить, что не армия, а милиция, войска МВД должны были взять на себя наведение порядка в столице. Но Кремль, судя по всему, только на них уже рассчитывать не мог. Кремль звал на помощь армию.

Колебания армейских генералов и их нерешительность в тот период подвигали высшую власть во главе с Ельциным к грани краха... И даже когда президент срочно прилетел с дачи в Кремль на вертолете и стал по телефону раздраженно и жестко требовать от министра обороны решительных действий, коллегия МО все еще колебалась. Перед Верховным возникала реальная угроза потери управления армией и даже ее неподчинения... Весьма вялый ввод войск в столицу, по-

ловина которых к тому же остановилась у кольцевой дороги и не решалась (или не хотела?) идти дальше, необъективные доклады Грачева, разоружение большого отряда милиционеров защитниками Белого дома и «пораженческие» настроения руководства дивизии МВД — все это потребовало от президента кардинальных мер по спасению положения (а по большому счету — и себя). Спасти его могли только генералы. Если бы в ту ночь Ельцин не приехал в Минобороны, российская новейшая история могла бы пойти совсем по другому пути...

ИДОЛ

...В конце 80-х мне довелось участвовать в собрании партактива Московского военного округа. Военные встретили Ельцина так, как, наверное, встречали в свое время русские воины появление Кутузова на поле боя. Боже, как же мы тогда его почитали! Казалось, призови нас Бэн вымести Горби из Кремля, мы сделали бы это в мгновение ока. Наверное, после Сталина больше не было у нас политика, к которому бы тогда, в конце 80-х, с таким вожделием относился гражданский и военный люд. Сегодня же в кабинетах и коридорах Министерства обороны и Генштаба я слышу о нем такие слова...

Что же произошло? Почему кумир и надежда армии стал ее противником? Может быть, Россия обречена на то, чтобы сначала слепо молиться на идолов, а затем проклинать их? Знает ли Ельцин, что сегодня офицеры в войсках, сидя за бутылкой водки или разведенного спирта, все чаще задают вопрос: когда же наконец их президент и Верховный главнокомандующий уйдет из Кремля? Бывают уже разговоры и покруче: «А не взять ли нам власть в свои руки?..»

Знает ли Ельцин, что уже в недрах Минобороны и Генштаба некоторые люди поговаривают о создании своей военно-патриотической организации с целью «навести порядок в стране»? Не потому ли специальным представителям ФСБ в МО и ГШ с некоторых пор вменено в обязанность ежедневно докладывать начальству о малейших признаках нелояльности руководства МО к главе государства? Каждый день с Новоарбатской площади на Лубянку улетает краткий и таинственный телефонный доклад: «По «первому» и «второму» все нормально». Это значит, что и министр обороны, и

начальник Генерального штаба пока ничего крамольного в голове не держат. Но есть сотни других...

«По результатам социологических исследований, проведенных независимыми армейскими и гражданскими исследователями-учеными, рейтинг популярности Бориса Ельцина в Вооруженных Силах с 42 пунктов (1990 год — 1-е место) упал до 17 пунктов (1994 год — 8-е место)». Это — из «закрытого» социологического опуса. Наверное, не случайно какой-то осторожный минобороновский чиновник написал на нем: «Не для печати»... В 1995 году Верховный по уровню популярности среди военных был уже на 12-м месте...

Для меня же самый точный показатель уровня авторитетности президента в армии — откровения какого-нибудь ротного командира или корабельного мичмана в дальневосточной или северной глубинке. Если восемь войсковых офицеров из десяти костерят Ельцина, то никакими рейтингами такой правды не заменишь.

Наверное, нет в мире такого президента, нет такой власти, которыми бы народ был доволен, как говорится, на все сто. Единодушно «кормчих» люди любят только там, где им приказывают. И тем тяжелее разочарование народа, когда он видит, что жестоко ошибся в сотворенном им же кумире...

В моем архиве до сих пор хранятся ксерокопии дерзких выступлений Ельцина на пленумах ЦК КПСС во время его опалы. Эти материалы пользовались у нас на Арбате популярностью почти такой же, как партизанские листовки в период оккупации... Многие помнят и его выступления на сессиях Верховного Совета СССР. Будущий российский президент до крови драл горло за то, чтобы было введено парламентское утверждение силовых и всех прочих министров, чтобы была исключена возможность использования армии в разрешении внутригосударственных конфликтов. А как яростно он выступал против всяческих привилегий партийной и государственной номенклатуры... Куда же делся тот, бунтующий Ельцин, борец за правду и справедливость?

...Пик авторитета Ельцина в армии пришелся на тот период, когда он был грубо изгнан из состава партийной элиты и оказался на должности руководителя одного из строительных ведомств. К тому времени армия уже разочаровалась «несъедобными» лозунгами Горбачева и, наоборот, — восхищалась смелостью Ельцина, сумевшего бросить дерзкий вызов высшей партийной номенклатуре. Один из сотрудни-

ков органов военной контрразведки, полковник Александр Беляев вспоминал:

«В 1991 году в Московском гарнизоне не только младшие, но и старшие офицеры, и даже генералы не боялись открыто говорить друг с другом по телефону о том, за кого они проголосуют на выборах. Мои коллеги не однажды фиксировали случаи, когда в частях, военно-учебных заведениях, в штабах и учреждениях открыто велась агитация за Ельцина, хотя это было запрещено.

А после его победы отмечалось всеобщее ликование. По нашим каналам пошла информация, что почти 80 процентов кадровых военнослужащих и членов их семей проголосовали на открытых избирательных участках за Бориса Николаевича. Некоторые работники политуправления Московского военного округа жаловались: ЦК высказал им резкие претензии за то, что голосование в частях было пущено на самотек и что Кремль крайне недоволен результатами голосования военных в Москве...»

Генерал-майор Вячеслав Трушин, в начале 90-х — ответственный работник Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, рассказывал:

«В ходе выездов наших товарищей в войска и на флоты неизменно отмечался растущий авторитет Ельцина в армии. Мы даже не знали, как об этом докладывать в ЦК КПСС. Ведь легко было предположить, что нас же обвинят в плохой агитационной работе, неумении управлять настроениями военнослужащих... Политуправления некоторых военных округов и флотов провели социологические исследования накануне выборов. Ельцин побеждал безоговорочно. Мы в Главпуре, естественно, велели результаты исследований спрятать с глаз подальше и без нашего разрешения больше никаких исследований и опросов не проводить. Но в ЦК по неведомым каналам информация все-таки просочилась, и наше начальство было вызвано «на ковер» на Старую площадь. Был большой скандал. Перед выборами ЦК нацеливало нас на то, что необходимо ненавязчиво ориентировать военных на голосование «в правильном направлении». Ясно было, что с фигурой Ельцина это направление не связывалось. Мы знали, что такая ориентировка вызовет обратный результат... Было абсолютно ясно, что армия пойдет за Ельциным...»

Уважение — вот то слово, которое, на мой взгляд, лучше всего отражает отношение армии к Ельцину в ту, «дореволюционную» пору... Но уже с лета 1991 года это отношение ста-

ло меняться. Еще зимой (особенно после вильнюсских событий) в Министерстве обороны СССР и Генеральном штабе стала бурными темпами нарастать тревога в связи с «вулканическими всплесками» суверенизации республик. Развитие событий в этом направлении означало катастрофу для Вооруженных Сил, поэтому в нашем ведомстве крайне негативно относились к политикам, инициирующим развал СССР.

Мне много раз доводилось быть свидетелем того, как после очередной поездки министра обороны СССР маршала Д. Язова в ЦК КПСС по этажам МО и ГШ тут же начинала распространяться информация о «неадекватной» позиции Ельцина в решении проблемы укрепления единого союзного государства. Такие сведения не только настораживали, но и раздражали военных людей: ведь, в сущности, «пахло» игнорированием итогов апрельского референдума, на котором народ высказался за сохранение Союза. Пожалуй, уже тогда очень многие на Арбате оказались гораздо прозорливее некоторых политиков и предвидели, что развал СССР самый большой удар нанесет по армии. В то время наша военная верхушка уже отчетливо понимала и по многим аспектам неплохо прогнозировала масштабы катастрофы... И чем дальше заходило противостояние между Горбачевым и Ельциным, тем чаще и громче высшие военные чины говорили о том, что Ельцин «ослеп» в своей ненависти к Горбачеву и потому даже там, где Горби предлагал вполне разумные вещи, Бэн «из принципа» выступал против, а порой даже провоцировал «сепаратистские» настроения среди глав республик.

Отношение к Ельцину высшего генералитета, среднего и младшего командного состава Вооруженных Сил, а за ними — и всей армии все больше становилось негативным.

Судя по информации, которую я получал в то время от офицеров, сопровождавших министра обороны СССР во время многочисленных встреч и переговоров Горбачева с республиканскими лидерами, Ельцин тогда явно и скрыто наслаждался незавидным положением президента СССР, пытавшегося спасти Союз, а заодно и свой пост. Горбачев терял стратегическое время в метаниях между теми, кто предлагал ему свои формы устройства государства на новых принципах...

Катастрофа стала особенно зримой в середине лета 1991 года. Мне хорошо запомнилось, как один из высокопоставленных чиновников, близких к аппарату министра обороны и принимавших участие в подготовке военной части переговоров, сказал однажды:

— По сути, идет борьба не Горбачева за спасение СССР, а борьба Ельцина против Горбачева...

Уже тогда образовался клан генералов, явно и скрытно примкнувших к политическому направлению во главе с Ельциным и в предчувствии падения КПСС и Союза определенно рассчитывающих на престижные должности при российском государственном дворе. Подтверждением тому был взлет генералов К. Кобеца, Е. Шапошникова, П. Грачева, Д. Волкогонова, В. Самойлова и многих других.

* * *

Августовские события в Москве, и особенно вокруг Дома российского правительства, стали новой точкой отсчета в отношениях Ельцин — армия. В высшем эшелоне военного ведомства произошло раздвоение: одна часть генералитета считала, что ГКЧП надо было действовать решительнее, а другая не видела необходимости ввода войск в столицу. Но и те, и другие сходились в одном: не было военного путча, просто очень неудачная попытка поддержать ЧП войсками.

Ельцин нарочито акцентировал внимание на том, что удалось подавить именно военный путч. У Белого дома было разыграно грандиозное шоу в честь «победы над врагами демократии» и «военной хунтой». Для «украшения» военными этой массовки нескольким десяткам генералов и полковников МО и ГШ было приказано в форме прибыть на Краснопресненскую набережную. Но больше половины из них явились туда в гражданском...

После того как на белом мраморе Минобороны кто-то огромными красными буквами написал краскопультом «Смерть военной хунте!», в форме появляться на улице стало стыдно... К тому же получалась какая-то глупость — «хунту» звали на праздник. В армии очень тонко чувствовали неискренность этого ликования. В то же время испытывали и определенную вину за свершившееся, и раздражение из-за того, что были втянуты в политические разборки власть предержащих.

Август стал началом кадровой чистки в армии, в ходе которой самый большой удар был нанесен по генералам, на которых часто без разбору навешивали лейбл «сторонников» ГКЧП и «нелояльных». Комиссию по главе с генералом Д. Волкогоновым (военным советником российского президента) хлестко называли «президентской». Многие на Арбате недоумева-

ли: почему в Министерстве обороны СССР орудует комиссия, уполномоченная Ельциным, а не Горбачевым?..

Началась активная ловля черных кошек в темной комнате. «Демократически настроенные» члены волкогоновской комиссии вызывали на собеседования генералов и полковников, чтобы определить их дальнейшую судьбу (некоторым сразу объявляли, что они «свободны»). В Минобороны и Генштабе начался бум компромата на «неблагонадежных». Были смещены с должностей многие заместители министра обороны и начальника Генштаба, начальники главных и центральных управлений, начальники академий и военных училищ, командующие войсками военных округов и флотов...

Все это чем-то напоминало 37-й год. Разница была лишь в том, что не было «черных воронок», люди не исчезали бесследно и их не расстреливали... Убирались высочайшие профессионалы, беззаветно преданные Отечеству люди, орденоносцы, ветераны афганской и других войн. В рядах командного корпуса армии образовались «бреши». А на вакантные должности часто назначались генералы, еще не дозревшие до головокружительно высоких постов.

Если внимательно просмотреть некоторые президентские указы 1992—1996 годов, то можно обнаружить любопытную закономерность: самые большие генеральские «звездопады» случались именно тогда, когда это было выгодно Ельцину с точки зрения политической конъюнктуры, удержания власти, усиления лояльности военной верхушки, стимулирования ее рвения или «поощрения» за преданность: накануне октябрьских событий 1993 года и сразу после них, перед вводом войск в Чечню, сразу после парламентских выборов 1995 года (победа коммунистов), незадолго до президентских выборов 1996 года... Таким образом, игра на «генеральской приманке» была для Ельцина способом обеспечения лояльности руководства армии и усиления опоры на него в целях сохранения позиций режима и собственного политического выживания...

ИСТИНА

Знал ли президент о том, что на самом деле происходило в Минобороны и Генштабе, в войсках и на флотах? Уверен, что далеко не всегда и не в полном объеме (не случайно даже пресс-секретарь Ельцина В. Костиков однажды вынуж-

ден был признать, что «генералы не доводят до президента всю полноту информации»).

Информация из МО нередко подавалась в Кремль в усеченном либо деформированном виде. Начиная с весны 1992 года долгое время между Ельциным и Грачевым соблюдалось правило: ежедневно (в 10.00) министр обороны докладывал президенту о положении дел в армии. Какими были эти доклады?

По некоторым свидетельствам, Грачев первым делом старался убедить Ельцина, что Вооруженные Силы под его руководством находятся в высокой степени боеготовности и надежно управляемы. Затем сообщалось о текущих проблемах, решение которых чаще всего от Министерства обороны не зависело: финансы, комплектование, жилье и т. д. (министр уже хорошо изучил характер президента и знал, что его раздражали «плакальщики»).

Так продолжалось, пожалуй, до первой половины 1994 года, когда в первом своем послании Федеральному собранию президент давал еще весьма лестную оценку боеготовности армии. Однако явным диссонансом звучали в прессе высказывания некоторых высоких военачальников, которые старались говорить правду о положении дел в войсках.

Пожалуй, острее всех высказывался главком Сухопутных войск генерал-полковник Владимир Семенов. В ряде интервью для прессы он заявил, что боеспособность частей и соединений стремительно падает. Эти откровения Владимира Магомедовича не оставались незамеченными на Арбате. Они, на мой взгляд, стали причиной недовольства руководства МО главкомом. Его начали вроде в шутку называть «оппозиционером», но мало кто не понимал, что подтекст у этого юмора серьезный...

Все громче начинали бить тревогу и другие главкомы и командующие. Они, разумеется, не могли открытым текстом предъявить претензии Верховному главнокомандующему или главе правительства. Но многие в Кремле и на Арбате ясно видели, в чей огород генералы кидают камешки. Думаю, что далеко не случайно президентские аналитические службы во второй половине 1994 года резко усилили внимание к армии...

В то время сослуживец познакомил меня с сотрудником одной из таких служб, который и попросил подготовить предельно честный материал о состоянии боеготовности Вооруженных Сил. Он не скрывал, что официальным докумен-

там из МО «уже мало доверия», что в них «много сказок». Даже по одному этому эпизоду можно было сделать вывод, что в Кремле начинают меняться подходы к оценкам боеготовности армии... Вскоре это подтвердилось.

Наверное, впервые за годы своего правления российский президент на совещании высшего руководящего состава армии 14 ноября 1994 года дал весьма жесткую оценку положению дел в Вооруженных Силах, подчеркнув, что располагает информацией по военным вопросам — «не только той, которую предоставляет Минобороны».

До начала чеченской войны оставалось меньше месяца...

ЯДЕРНЫЙ ЧЕМОДАНЧИК

...В огромном подземном зале Центрального командного пункта Генерального штаба есть одно рабочее место (как войдешь — направо в углу), которое всегда пусто. Хозяин его появлялся тут очень редко. Это место Верховного главнокомандующего.

Если сесть в уютное кресло и открыть дверку левой тумбы стола, автоматически выдвигается полка, на которой стоит телефон цвета слоновой кости. Его называют иногда «ядерным».

Однажды я увидел, что трубка этого телефона примотана к корпусу аппарата красной изоляционной лентой. Сослуживец объяснил:

— Чтобы кто-то ненароком не снял трубку...

Другой полушутя-полусерьезно добавил:

— Особенно если этот «кто-то» будет под кайфом.

И тут же успокоил:

— Без паники: система управления устроена так, что даже если кому-то взбредет в голову потешиться «ядерной трубкой», — сигнал мгновенно пройдет многоступенчатую проверку на пультах управления премьер-министра, министра обороны, начальника Генштаба и т. д.

Время от времени в нашей прессе появляются «страшилки» о «ядерной трубке» или о «ядерном чемоданчике» Ельцина. Эта тема хорошо щекочет нервы. Журналисты, не имея всей информации, часто устраивают между собой «конкурс ядерных сказочников»... Наши генштабисты лишь посмеиваются: пускай дети тешатся, лишь бы народ не пугали. Хуже, если такие сказки начинает рассказывать военный.

В «Комсомольской правде» отставной полковник Роберт Быков поведал читателям, что пуск ядерной ракеты может осуществить какой-нибудь разобидевшийся на всех дежурный офицер... Как-то было, что в роли «ракетного байкаря» выступил президент. А поводом стали события 25 января 1995 года.

Задолго до этого дня наша космическая разведка засекла, что на норвежском ракетодроме на острове Андейя готовится к запуску ракета. Вскоре «другие источники» подтвердили это и успокоили Генштаб: ракета была научно-исследовательской и имела официальное название «Black Brant XII». Подобные ракеты норвежцы запускают регулярно уже более 30 лет и заблаговременно информируют об этом все соседние страны. Еще в декабре 1994 года наш МИД получил из Норвегии такое уведомление. Были оперативно оповещены Минобороны и главные штабы видов Вооруженных Сил РФ. Если я не ошибаюсь, это было еще 15 декабря 1994 года. Таким образом, можно смело утверждать, что запуск норвежской ракеты не был ни для министра обороны, ни для начальника Генштаба неожиданностью.

Москва еще с 1962 года внимательно наблюдала за норвежским ракетодромом. Строго учитывались запуски ракет, которых к декабрю 1994 года насчитывалось уже более 600. Нам было известно также, что запуск «Black Brant» готовился в рамках американского, а не норвежского исследовательского проекта. Научная «боеголовка» тоже была американской, а США к тому же почти полностью взяли на себя финансовую сторону проекта. Задолго до запуска на ракетодром Андейя прибыла большая группа американских специалистов NASA... К наблюдению за запуском и полетом ракеты была готова наша система предупреждения о ракетном нападении (СПРН), которая и без того ведет слежение за воздушным пространством все 24 часа в сутки. Главной заботой специалистов СПРН было лишь не допустить случайного залета «Black Brant» на территорию России (у нас не было полной уверенности, что после почти вертикального взлета ракета не ляжет на курс в сторону нашей границы).

Как и положено, министр обороны заблаговременно проинформировал президента—Верховного главнокомандующего о предстоящем запуске норвежской ракеты и о том, что наши системы к ней готовы и соответствующие «заинтересованные» ведомства в курсе дела. Каково же было удивле-

ние генштабистов, когда во время поездки по стране Ельцин на одном из вокзалов вдохновенно рассказывал встречающим «байку» о том, как «неожиданно» поступила информация о норвежской ракете и как он и министр обороны мгновенно и безошибочно «сработали»...

А потом западная пресса подняла шум — мол, российский президент лихорадочно схватился за ядерный чемоданчик! Какой же в этой байке был резон? На мой взгляд, был скрытый сюжет. Тогда пресса особенно яростно чехвостила руководство страны и Вооруженных Сил за бездарные действия в Чечне. А тут и Ельцин, и Грачев показали стране, что армия в боевой готовности и управляема, что благодаря квалифицированным решениям, принятым самим Верховным и талантливо реализованным военным министром, самая сложная задача может быть выполнена блестяще.

В середине февраля 1996 года в связи с 25-летием СПРН министр обороны направил приветствие ее личному составу, в котором, в частности, говорилось: «...благодаря самоотверженному труду, высокому профессионализму воинов СПРН Верховный главнокомандующий, руководство Вооруженных Сил постоянно имеют своевременную и достоверную информацию о ракетно-космической обстановке, необходимую для принятия ответственного решения...»

Грачев не лукавил: информация действительно была своевременной и достоверной...

КОРЕЙСКИЕ «ПЕТУХИ»

...Сведения о том, что в ходе визита в Южную Корею (ноябрь 1992 года) президент России передаст Сеулу магнитные записи, зафиксированные «черным ящиком» сбитого «Боинга-747», стали сенсацией.

Записи были приняты южнокорейской стороной с огромной благодарностью. Передачу их видели по телевидению сотни миллионов людей планеты. Российский президент с особой торжественностью извлекал из чемоданчика кассеты и сооружал из них пирамидку на глазах сияющего Ро Де У. И вот не прошло и трех недель, а мир облетела новая сенсация: пленки были... фальшивыми. Что сделал бы президент любой страны, окажись он в такой ситуации? Он, не исключено, немедленно снял бы с постов руководителей внешнеполитического и военного ведомств. И принес бы

публичные извинения корейцам. Наш президент этого не сделал.

В 1993 году я попытался самостоятельно докопаться до истины и вышел на контакты с офицерами одного из управлений МО, которые участвовали в подготовке визита Ельцина в Сеул. После бесед с ними сомнение в подлинности пленки еще больше укрепились...

Во время визита в Южную Корею Ельцин пустил еще одного «петуха». Чтобы как-то задобрить южных корейцев, страшно обидевшихся на нас из-за сбитого «боинга», президент РФ пообещал, что на Тихом океане российский подводный флот более строиться не будет. Я не знаю, в каком состоянии Ельцин делал это заявление, но зато хорошо помню, что в Министерстве обороны и Генштабе оно вызвало взрыв негодования.

Главком ВМФ РФ адмирал флота Владимир Чернавин на вопрос, кто решил оставить самый большой российский океанический регион без собственной базы строительства подводного флота, заявил, что сам впервые узнал об этом из газет и намерен лично обратиться к Ельцину. Тогда наши морские «сыщики» из военно-морского отдела Главного оперативного управления ГШ обратились за помощью к «своим» в МИДе. Там и узнали, что «идея родилась спонтанно и очень понравилась президенту». Приписывали ее диплома-ты своему «хозяину»...

Вскоре из Комсомольска-на-Амуре в Главный штаб ВМФ поступила информация, что руководству завода, строящего атомные и дизельные подводные лодки, прямиком из правительственного аппарата уже поступило распоряжение резать стапеля и недостроенные корпуса кораблей. До сих пор убежден, что от этой катастрофы Россию спас лишь случай: в то время на Дальнем Востоке по приглашению администрации Хабаровского края гостил Александр Руцкой. Его «случайно» завезли в Комсомольск и бросили в разъяренную толпу судостроителей.

Один из военных советников вице-президента позже рассказал мне, что после возвращения из Комсомольска Руцкой «так наехал на Ельцина», что тот в очередной раз стал кричать: «Меня опять подставили». Решение об остановке строительства подлодок на ТОФе все же было отменено. Вернее, спущено на тормозах...

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

...В тот день в Минобороны было совещание высшего руководства, а перед ним Грачев решил показать Ельцину новую форму одежды. Часа за два до приезда президента человек 100, играющих роль «манекенов», выстроили в громадном холле зала коллегии МО и держали под присмотром большой свиты генералов-тыловиков. Минут за 15 до Ельцина появился в черном штатском генерал Барсуков, начальник Главного управления охраны, прошелся по коридору, окинул офицеров и генералов каким-то милицейским, тяжелым взглядом, словно прикидывая, а может ли кто-нибудь на хозяина покушение совершить. Наконец в сопровождении сияющего и чуть ли не подпрыгивающего от радости министра обороны показался Ельцин. За ним — целая армада генералов, с не меньшей, чем у Грачева, печатью восторга на лицах.

Ельцин шел тяжелой ревматической походкой, как-то погусиному ставя ноги. Бросалось в глаза, что левая рука его двигалась гораздо меньше правой, иногда она вообще оставалась висела вдоль туловища. Во всем облике Верховного главнокомандующего читалась болезненная усталость: бледный цвет лица, «подушки» под притухшими глазами, характерный наклон спины, цепляющие ковер каблуки туфель...

Еще не так давно на торжественном приеме в Кремле я видел его совсем другим: молодцеватая походка, живое, улыбчивое лицо, яркий блеск глаз — весь он излучал энергию, силу, бодрость, уверенность, — свита еле послеваляла за ним.

Глядя, как тяжеловато ступает Ельцин по красной минобороновской дорожке, я думал: «А как же большой теннис, о котором с таким восхищением рассказывал байки Тарпищев?»...

Вот он приближается к очередному «манекену» — генералы вполголоса нахваливают новую форму. «Манекены», вконец уставшие от жары и дикого напряжения, сияют от счастья (так приказано!). Смотрины были недолгими. Президент поинтересовался, не слишком ли сильно новая форма смахивает на западную, и генералы дружно стали утверждать, что нет, обращая внимание Верховного на то, что некоторые элементы заимствованы из военной одежды русской армии. Задав еще несколько вопросов, касающихся, в

частности, выразительности эмблем видов Вооруженных Сил и родов войск («Как отличить артиллериста от ракетчика?»), Ельцин то ли сказал, то ли спросил:

— Добро. Утверждаем, Пал Сергеич...

Грачев выпалил:

— Ваше слово решающее, товарищ президент—Верховный главнокомандующий!

— Ну, тогда утверждаем, — сказал Ельцин.

И новую форму уже вскоре запустили в производство.

А когда прошло уже больше года, дотошные журналисты выяснили, что это решение не оформлено на законодательном уровне. Назревал крупный скандал.

Ельцину пришлось задним числом издать указ...

АВАНТЮРА

...Мне кажется, наш военный поход на Чечню с юридической точки зрения можно квалифицировать как бандитизм в особо крупных масштабах. Когда стало окончательно ясно, что оппозиция с помощью русских танков и солдат не способна завалить режим Дудаева, Ельцин поздней осенью 1994 года созвал Совет безопасности (всего лишь совещательный орган при президенте, да и к тому же не было закона о СБ) и поставил вопрос «о восстановлении конституционного порядка». Открытым текстом пошел разговор и о применении военной силы. И вряд ли кто-нибудь из членов СБ не понимал, что дело пахнет войной. Эта война уже шла несколько месяцев. Даже очень наивный человек, и тот никогда не поверит, что «накачивание» стрелковым и тяжелым оружием отрядов чеченской оппозиции, тайная переброска в район их дислокации подразделений спецназа и военнослужащих других частей могли осуществляться без ведома президента—Верховного главнокомандующего. Эмиссары ФСК вели активную вербовку добровольцев в подмосковных дивизиях, Минобороны и Генштаб организовывали их отправку самолетами «на юг»...

Генералы и политики, стоявшие за спинами вооруженного сборища, разгромленного дудаевцами 26 ноября, жаждали реванша. Они и подталкивали Ельцина к тому, чтобы он дал «добро» на проведение силовой операции. Но личную ответственность президента за данную «ошибку» это нисколько не умаляет. Его слово было последним и решающим...

Сейчас некоторые генералы, являвшиеся в то время членами СБ, пытаются доказать, что они были против силовой авантюры. Бывший министр обороны, например, упрекнул Коржакова, что тот «договорился даже до того, что, дескать, Грачев был главным инициатором развязывания боевых действий в Чечне... Сохранились документы в Совете безопасности, свидетельствующие, что Грачев и Ерин, наверное, были самыми яркими противниками этого»...

Документы действительно сохранились. Вот один из них — выступление министра обороны на заседании СБ 21 декабря 1994 года: «...Мы стеснены в выборе средств и зачастую действуем среди местного населения, жертвы среди которого нежелательны...»; «Мы теряем темп в политических действиях, а отсюда и в применении силы»...

Но главное даже не это. В то время министр ни разу публично не заявил, что он — ярый противник силовой акции в Чечне... Позже выяснилось, что, благословив «карательную операцию», Совет безопасности нарушил более двух десятков российских и международных законов, пактов, соглашений, договоров, конвенций, меморандумов и т. д.

Мне противно было смотреть на одного из наших мин-обороневских юристов, который в ходе «неформальных» застольев с возмущением перечислял эти документы и говорил о преступном авантюризме инициаторов силовой акции, а потом готовил материалы, в которых не было и тени сомнения в правовой обоснованности их решений...

...Наша Объединенная группировка сшивалась на живую нитку и являла собой уродливое, плохо обученное вооруженное стадо, которое послушно двинулось к чеченским границам, слабо представляя, что его ждет.

На мой взгляд, Грачев совершил преступление, отдав приказ на ввод войск в Чечню. Но не меньшая вина, думается, лежит на совести начальника Генерального штаба генерала Колесникова, под руководством которого разрабатывался замысел операции. ГШ сводил воедино, координировал по рубежам и времени весь сценарий, он же оценивал результаты разведки и прогнозировал возможный характер развития событий. За спиной Колесникова стояла группа генералов Главного оперативного управления Генштаба — Виктор Барынькин, Анатолий Квашнин, Леонтий Шевцов и другие...

Я помню, какие горячие споры шли в то время между некоторыми генералами и офицерами ГШ. Нечего рассусоливать, говорили одни, прав или не прав Верховный: если есть

приказ, его надо выполнять. Их оппоненты стояли на том, что и Ельцин может ошибаться, что министр и НГШ обязаны уберечь его от роковой ошибки, которая обернется бессмысленными жертвами.

Мы, к сожалению, слишком поздно поймем, что слепая генеральская исполнительность тоже может быть преступлением перед народом, перед армией. Перед собственным президентом. Из генеральской беспринципности вызревают сокрушительные поражения. И лишь два тертых афганской войной генерала — Георгий Кондратьев и Эдуард Воробьев, не пожелали пойти на сделку с совестью, отказались возглавить во всех отношениях «сырую» и политически сомнительную операцию.

Чем больше гибло наших солдат и офицеров в Чечне, тем чаще люди задавались вопросом: а по закону ли началась вся эта страшная бойня? Армия хотела быть уверенной, что не совершает заказное убийство, а по всем правовым нормам действительно восстанавливает конституционный порядок в Чечне. И потому ждала, что же ответит Конституционный суд на запрос верхней палаты парламента, усомнившейся в законности применения войск.

И пошел грязный мухлеж среди бела дня. Наблюдая за ним, я думал, что никогда в России не будет ни демократии, ни элементарной справедливости, пока наша Фемида будет чувствовать на себе тугую ошейник власть предрержащих и трусливо поглядывать на Кремль...

Суд откровенно топил разбирательство в куче технических и других деталей или же откровенно манипулировал результатами расследований в пользу Ельцина. Армия видела это, и ей было противно от того, что «служители Закона» играли роль наперсточников...

БУДЕННОВСК

Дикие зверства, учиненные бандой Шамиля Басаева в Буденновске, заставили Ельцина устроить небывалый разнос своим силовым министрам. И если раньше яростную критику прессы в их адрес президент воспринимал как происки своих политических противников, то в июне 1995-го он сам убедился, что его силовики — профессионалы хлипкие. Дума потребовала их отстранения. Президенту предстояло сделать нелегкий выбор.

Вероятно, чувствуя реальную возможность вылететь из кресла, министр обороны засуетился: он резко раскритиковал организацию штурма больницы с заложниками, бросил камень и в огород директора Федеральной погранслужбы генерала Андрея Николаева: мол, граница с Чечней была плохо прикрыта. Возмутился тем, что бандиты беспрепятственно проникли в глубину Ставропольского края. И завершил тем, что все это, дескать, результат разобщенности силовых ведомств, надо переподчинить их МО...

Все вроде бы логично. Но те, кого обвинял Грачев, предъявили свои претензии и во всеуслышание сказали о том, о чем «забыл» упомянуть министр обороны: почему Басаев со своей бандой более 50 километров свободно перемещался по тем зонам Чечни, которые контролировали армейские части? Почему банду в Буденновске засекла военная разведка, но при этом никто соответствующим образом не отреагировал? Удары, как говорится, под самый дух.

В Генеральном штабе прикидывали варианты развития событий во время предстоящего «разбора полетов» на Совете безопасности. Первый: «малая кровь» — Ельцин сдает Егорова и Степашина. Второй: «большая кровь» — Ельцин сдает Егорова, Степашина и Ерина. Третий: «прощайте, товарищи» — Ельцин сдает всех силовиков скопом и таким образом спасает правительство, уходит от войны с Думой. Четвертый вариант: «ловись, рыбка, большая и маленькая» — Ельцин сдает Егорова, Степашина или Ерина и кучу ставропольских и чеченских милиционеров-взяточников и их начальников.

Одновременная отставка всех силовиков представлялась нам наименее вероятной. К тому же было ясно, что, устранив Грачева, Ельцин лишился самой мощной опоры в силовых структурах.

Как только стало известно о решении президента убрать Ерина и Степашина, посыпались комментарии. Бывший «серый кардинал» Ельцина Геннадий Бурбулис сказал, что президент бережет Грачева в качестве «сильного» козыря своей предвыборной борьбы. Трудно было с ним не согласиться. Ведь «сильным козырем» один из самых непопулярных министров России мог стать в руках Ельцина лишь в одном случае: если президент решит его убрать тогда, когда Грачев на политическом рынке будет дороже всего стоить. Было совершенно ясно, что в 1996 году Грачев будет стоить гораздо дороже, чем летом 1995-го. «Павел Грачев столь непопулярен,—

писала в те дни одна из газет, — что увольнять его надобно не сейчас, а гораздо ближе к президентским выборам, чтобы неизбежное чувство благодарности и облегчения не было забыто избирателями, когда они подойдут к урнам»...

КОНФУЗИЯ

...После трагедии в Кизляре Ельцин опять собрал Совет безопасности, на котором стал распекать наших силовиков. Это уже превращалось в ритуал. Больше всего досталось главе Федеральной погранслужбы генералу Андрею Николаеву якобы за то, что пограничники пропустили бандитов «аж через две границы».

По большому счету, вина Николаева была наименьшей. Виноваты были все: и Куликов, и Грачев, и Барсуков, и Николаев (в том числе и сам Ельцин, давший «добро» на эту войну). Наша разведка еще 23 декабря 1995 года предупреждала командиров группировки в Чечне о подозрительной активности в Кизляре небольших групп чеченцев. Однако на предупреждение разведки никто всерьез не отреагировал.

На разборке в Кремле перед Ельциным сидели его же выдвиженцы, его силовая команда, каждый член которой получил от Верховного уже немало — высокие звания, должности, маршальские звезды. И в разгневанных словах Ельцина подспудно читался этот упрек: ребята, надо бы платить по векселям...

Но генерала Николаева почему-то было жалко. О несправедливости выпадов Ельцина в его адрес открыто говорили даже те, кто недолюбливал «главного пограничника». То была для него черная полоса...

Накануне в войсках Николаева случилось ЧП: буквально за несколько дней до кизлярской трагедии на границе Чечни с Дагестаном была задержана группа пограничников, якобы намеревавшихся продать большую партию оружия чеченцам. Однако аналитики Генштаба сразу обратили внимание на некоторые странные детали этой мутной истории. Возник целый ряд вопросов, на которые еще следовало поискать ответы:

1. Случайно ли на месте задержания заблаговременно оказалась телесъемочная группа?
2. По какой причине ФСБ «не сумело отследить» получателя груза, хотя имело для этого все возможности?

3. Почему информация о задержании пограничников была выплеснута в СМИ еще до выяснения всех обстоятельств ЧП? (Руководство ФПС заявило, что то была «плановая перевозка оружия» для усиления одной из пограничных комендатур.)

Создавалось впечатление, что Николаев кому-то сильно мешает и его просто подставили. Неправедный и скороспелый гнев президента, обрушенный на директора ФПС, лишь усиливал это впечатление. Уже в день «разбора полетов» на СБ Николаев написал рапорт об отставке, но Ельцин эту просьбу не удовлетворил. Потом главный пограничник объявил, что «обвинения сняты». Но Ельцин публично Николаева почему-то так и не отмыл... Потом был позор Первомайского.

Когда колонна — банда Радуева и заложники — двинулась из Кизляра в сторону Чечни, многие генштабисты дружно заговорили о том, что появилась возможность преподать наконец-то поучительный урок дудаевцам. И хотя Черномырдин в своем выступлении по ТВ заявил, что нельзя жить по принципу «кровь за кровь», профессиональный инстинкт военных подсказывал, что в данной ситуации «добычу» упускать нельзя.

«Сопроводжать» банду Радуева прибыл лично начальник Главного управления охраны генерал Барсуков. (По этому поводу у нас на Арбате прошлись: «Осталось только, чтобы группировкой покомандовал еще и повар Ельцина»...) Как одному из «любимых отпрысков царя», Барсукову собрали войско, наверное, раз в восемь превосходящее по численности радуевскую банду. Министр внутренних дел генерал Анатолий Куликов при сем играл роль «правой руки» Барсукова — и это невольно заставляло думать, что уж два генерала армии, которым недавно лично президент вручил в Барвихе еще и маршальские звезды, какого-то там «пастуха Радуева» основательно проучат. Вся Россия, затаив дыхание, следила за движением полководческой мысли Главного охранника. По большому счету, то был не только поединок Барсуков—Радуев, то был поединок Россия—Терроризм. О нашем проигрыше не могло быть и речи.

...Мое воображение уже рисовало картину наподобие той, что случилась с фельдмаршалом Паулюсом под Сталинградом: из глубокой земляной норы генерал Барсуков под пулеметное стрекотание десятков телекамер извлекает сдающегося в плен Радуева. Его банда разгромлена. Президент шлет приветствие войскам и лично руководителю операции. Возмездие наступило! Так будет с каждым!...

Тройным кольцом оцепив Первомайское, Барсуков несколько дней ковырялся подле него, дав возможность Радуеву основательно осмотреться, окопаться, отоспаться. Генштабовские специалисты, уже немало поднаторевшие на уроках чеченской войны, сетовали, что, дав возможность Радуеву забраться в село, Барсуков допустил просчет, не простительный даже для командира взвода, хотя бы неделю повоевавшего в Чечне. Радуева следовало бы вывести на равнину, в удобном месте устроить засаду. Мгновенный бросок спецназа и... Тогда бы боевики бегали бы под нашим огнем с земли и с воздуха, как крысы по ровному столу.

...А Верховный главнокомандующий Ельцин в это время, как заправский охотник-байкарь, рассказывал возле Кремля, как великолепно подготовлена операция, как 38 снайперов день и ночь непрерывно следят за своим целями, сопровождая каждое их передвижение, как будут задымляться улицы села, чтобы заложникам было проще уйти незамеченными. Весть о славной «виктории при Первомайском» с часу на час должна была поступить из Дагестана. Но вместо нее пришло позорное сообщение о том, что Радуев, проскользнув сквозь тройное кольцо стороживших его войск, ушел в Чечню. «Великолепно подготовленная» операция обратилась в конфуз, после которого лучшее, что оставалось сделать Барсукову для сохранения офицерской чести, — немедленно подать рапорт с просьбой об отставке. Но вместо этого была амбициозная пресс-конференция, на которой Барсуков пересказывал ход сражения и искренне удивлялся тому, что бандиты «так быстро умеют уносить ноги по заснеженной пахоте».

...В Минобороны и Генштабе многие ломали головы над тем, как это смог Радуев выскользнуть из тройного кольца с сотней своих бойцов, да еще при этом и вывести почти 100 человек заложников? Рисовали схемы, делали расчеты. И ничего не могли понять: почему боевикам удался прорыв, почему не удалось преследование со стороны федеральной группировки? Ведь у нас были вертолеты, были осветительные бомбы, боевые машины...

Меня жгла и жгла постыдная догадка: а не «расступились» ли наши войсковые командиры перед радуевцами? Отличный повод «кинуть на камни» придворного полководца, отомстить Ельцину за «уворованную победу» по весне 95-го, да и своего министра обороны не дать затмить «викторией» Барсукова...

То были только догадки. Истины никому не узнать...

ЮГОСЛАВСКАЯ ПУТАНИЦА

...В 20-х числах октября Ельцин отправился с визитом в Париж и там на одной из пресс-конференций неожиданно заявил, что Россия не потерпит, чтобы ее миротворческими войсками в Югославии командовали американские генералы.

Это заявление президента повергло в шок многих в МО и ГШ. Ведь не так давно, вернувшись из Женевы, министр обороны сообщил, что достигнуто соглашение с американцами о попеременном командовании международными миротворческими силами и президент России сделает об этом специальное заявление на торжественном заседании Генеральной сессии ООН. Становилось ясно: у президента и министра обороны нет согласованной позиции по этой проблеме. И в Генштабе происходило что-то невообразимое: с утра специалисты, курировавшие наш контингент в Югославии, получали задание проработать вопрос о переброске на Балканы пяти парашютно-десантных полков, днем задача сужалась до двух полков, а вечером — вообще отменялась из-за отсутствия финансовых средств у России. Наутро выяснялось, что необходимые 16 миллионов долларов американцы готовы были за нас заплатить. Но при условии, если мы согласимся предоставить им полное право командовать всем составом миротворческих сил. В том числе, разумеется, и российских. У кого есть деньги, тот и заказывает «югославскую музыку»...

* * *

...Ельцин улетел в Вашингтон на Генеральную сессию ООН. А с чем он туда полетел? Он против того, чтобы нашим миротворческим контингентом в Югославии командовали американцы под натовской «крышей». Но что предложить взамен? Какой конструктивный план был в его голове? Ведь американцы все заранее продумают, силки расставят, только и гляди, чтобы в них не попасть.

Ничего конкретного по миротворцам в Югославии (что могло бы показать самостоятельную позицию Москвы) Ельцин Клинтону так и не предложил. Совсем запутавшись в доводах американской стороны, стремящейся не мытьем, так катаньем встать над русским контингентом, он договорился с Клинтоном «отдать этот вопрос министрам обороны». Та-

ким образом, политическую проблему пытались сделать в каком-то роде военной.

Еще один военно-политический прокол произошел у Ельцина, когда он отвечал на вопросы журналистов. Он очень уверенно заявил, что все вопросы американской стороны по Договору об обычных вооружениях в Европе сняты. И тут, мол, все — поставлена точка. Но Клинтон в тот же день сказал, что до полного решения проблемы еще далеко.

Я вспомнил слова сослуживца: «Иногда там, где не было успеха, Б. Н. его выдумывал»...

Так однажды было и во время визита в США, когда он заявил, что подписана дюжина документов по военным вопросам. А на деле оказалось всего два. Так было, когда президент сказал, что в спорах России и Украины о Черноморском флоте «поставлена последняя точка».

На следующий день после возвращения Ельцина в Москву Грачев собрал огромную свиту генералов и махнул в США выполнять задание президента — решать вопрос о порядке подчиненности российского воинского контингента в Югославии. Задача была прежней — не допустить, чтобы американцы нами руководили...

Пока министр летел за океан, американцы придумали выход — использовать российские парашютно-десантные батальоны в Югославии в качестве «ассенизаторов» военной операции: восстановление мостов, ремонт дорог, разминирование объектов, сопровождение гуманитарных грузов, прием беженцев и т. д.

Собрав вокруг себя сопровождавших его минобороновских и генштабовских генералов и разложив документы, Грачев ломал голову над тем, как быть. Ведь президент даже не успел толком поставить задачу. Сошлись на том, что ни в коем случае не согласимся играть роль вспомогательной силы. С тем Грачев и ступил на американскую землю.

А в это время Ельцина в очередной раз госпитализировали с острым приступом ишемической болезни сердца...

Пожалуй, единственным утешением для нашей военной делегации в США стало то, что без визы российского генерала руководитель миротворческой операции не мог отдать приказ. Ясное дело, что руководитель этот был американцем...

ПАНИКА

...Наши «разведчики», в тот день побывавшие на Старой площади, доложили: кремлевская свита активно муссирует вопрос о том, кто временно будет исполнять обязанности главы государства в том случае, когда Ельцин на время операции отключится от них. По логике — Черномырдин. Но если случись, что и ЧВС встанет у руля, — многих попросят, как говорится, на выход с вещами. И потому отгонялись даже мысли об этом... Для информационных агентств срочно подготовили заявление — президент продолжает управлять государством.

А Ельцин лежал под капельницей... Несмотря на успокаивающие заключения врачей, вероятность наихудшего варианта развития событий была высокой. В Кремле хорошо понимали, что прежде всего надо подготовиться к долговременной болезни президента. И тут вставал вопрос о передаче управления главным ядерным чемоданчиком главе правительства. Рассказывали, что Александр Коржаков не хотел об этом и слышать. Передача ядерной кнопки главе правительства означала, что к нему автоматически переходила и вся полнота власти. Наши «агенты» рассказывали, что по этому поводу Коржаков якобы сказал: «Если Черномырдин прилипнет к ядерной кнопке, мы его от нее уже никогда не отдерем» (информация об этом уже пошла гулять по западным СМИ).

С той минуты, 26 октября 1995 года, когда из Кремля стали раздаваться противоречивые заявления о здоровье президента, я понял, что правду мы узнаем очень не скоро...

Правды об истинном состоянии здоровья президента у нас в Генштабе и Минобороны никто не знал. Когда же нам из ФАПСИ принесли радиоперехват, в котором говорилось, что в английском парламенте некоторые сенаторы уже потребовали определить новую политику Великобритании по отношению к России «в связи со смертью Ельцина», наше руководство занервничало и бросилось к «кремлевкам» — срочно звонить знакомым чиновникам в президентском аппарате. Чиновники в один голос твердили, что Борис Николаевич быстро поправляется и совсем скоро приступит к нормальной работе...

Для нас, военных, главным был вопрос — кто в Кремле контролирует ядерную кнопку. В то время министр обороны все еще находился в США, и это еще больше обостряло вопрос.

К президенту не пустили даже его первого помощника Илюшина. Было ясно: Ельцин чувствует себя неважно. Некоторое успокоение наступило тогда, когда пришло сообщение, что в Кремлевской больнице находится дежурный офицер с ядерным чемоданчиком. В тот момент это был единственный человек в России, который напрямую мог получить команду от президента в случае ядерного кризиса. Наконец, врачи открыто сказали, что остаток октября и весь ноябрь уйдет на реабилитацию президента. А Коржаков будто бы распорядился сообщить в СМИ, что президент продолжает контролировать ситуацию в стране. Это было грустно и смешно. По этому поводу у нас в ГШ острословы зло шутили: «Не приходя в сознание, президент управляет страной».

Поскольку министр обороны отсутствовал, страховка ядерного чемоданчика президента автоматически переходила к начальнику Генштаба генералу армии Михаилу Колесникову. Для всех дежурных смен и расчетов Стратегических ядерных сил в очередной раз начинались неудобные времена...

* * *

5 ноября 1995 года министр обороны РФ генерал армии Павел Грачев сделал «сенсационное» заявление для прессы: он приглашен на беседу к президенту в Центральную кремлевскую больницу. В МО и ГШ многие уже знали, что основная тема предстоящего разговора — Югославия. К тому моменту Грачев уже провел крайне сложные переговоры с Перри по поводу принципов участия российских десантников в миротворческих силах в Боснии. Многие вопросы так и повисли в воздухе, их Грачеву предстояло доработать в ходе очередной встречи с американцами в Брюсселе 8—9 ноября.

В Америке он так и не смог добиться главного — не допустить того, чтобы российский контингент подчинялся натовскому командованию. Россия шаг за шагом уступала инициативу в явном и скрытом соперничестве с США за влияние на Балканах. У Москвы был прекрасный шанс вырвать стратегическую инициативу в развязывании балканской проблемы — провести встречу трех президентов под эгидой Кремля. Но болезнь Ельцина лишила нас этой возможности. Клинтон, затащив югославских президентов на одну из своих военно-воздушных баз, почти принудил их принять американские условия...

Судя по документам, которые готовились в аппарате Гра-

чева для встречи с президентом 5 ноября, речь должна была идти не только о Югославии, но и о Чечне, финансировании армии, участии Вооруженных Сил в выборах и о состоянии их боеготовности. Но Ельцин так и не принял в тот день министра обороны. И это было еще одним подтверждением того, что президент чувствует себя неважно. Настораживало и другое: в какой уж раз без участия президента решался стратегический военно-политический вопрос, от которого зависели позиции России в Европе. И невозможно было понять, кто же будет нести за это ответственность.

Я в очередной раз убеждался в том, насколько же был несовершенен механизм проработки международных военно-политических вопросов. Внешняя политика — прерогатива президента, который опирался на своего помощника по международной политике Дмитрия Рюрикова. При Рюрикове был аппарат, что-то вроде мини-МИДа, с которым «большой» МИД должен был все согласовывать. Самостоятельных решений часто принимать не мог. В отсутствие Ельцина многое мгновенно стопорилось либо попадало в сложные бюрократические сети нижестоящих инстанций, руководители которых, понятно, не решались принимать на себя ответственность.

Гигантская концентрация единоличной власти в руках президента—Верховного главнокомандующего приводила к тому, что нередко не только стратегические, но и тактические проблемы внешней военной политики находились в «инфарктном состоянии». Было абсолютно ясно, что держать в голове сотни сложнейших вопросов Ельцин не мог, да и физически был не в силах в одиночку решать их, имея он даже бычье здоровье.

Чрезвычайно громоздкий и неповоротливый механизм президентской власти устроен так, что он всецело зависел от личной воли Ельцина, его закорючки на указе или распоряжении, из-за чего нередко множество вопросов, в том числе и военных, не могло решаться оперативно. Из-за этого часто возникали «пробки», генералы вынуждены были ждать последнего слова Верховного, а намеченные мероприятия по линии Совбеза и Совета обороны в очередной раз переносились на неопределенный срок.

Даже серые генштабовские офицеры понимали, что нужны серьезные коррективы в Конституции...

ИСКАНИЯ

...После возвращения в Кремль, 24 января 1996 года, Борис Ельцин за закрытыми дверями встретился с министром обороны.

Вскоре стало известно, что беседа главным образом шла об углубляющемся кризисе в финансовой сфере армии: справка, которую накануне подготовили Грачеву в Главном управлении военного бюджета и финансирования МО, говорила о жуткой ситуации с выплатой денежного содержания военнослужащим и гражданскому персоналу. Во многих гарнизонах задержки уже составляли до 6 месяцев, «тринадцатую» зарплату за 1995 год не выплатили не только в войсках, но и в центральном аппарате Минобороны и Генштаба.

А накануне парламентских выборов Черномырдин в присутствии высшего руководства Вооруженных Сил поклялся, что государство возвратит долги армии по денежному содержанию к «середине декабря». Ложь — родная мать российской политики. Было ясно, что с ее помощью исполнительная власть в очередной раз пыталась задобрить армию за месяц до выборов в Думу.

И вот уже дикторша телепрограммы «Время» несет войскам и флотам архирадостую весть: во время встречи с министром обороны президент России твердо заявил, что все задержки военным по выплате денежного содержания будут «в ближайшее время ликвидированы».

Что-то подобное мы уже слышали осенью 1995 года, когда долги государства по денежному содержанию военнослужащих перевалили за 2,5 триллиона рублей. Тогда Ельцина сумели убедить, что основной виновник такого положения — руководство Главного управления военного бюджета и финансирования МО. В конце ноября вышел президентский указ о смещении начальника ГУВБиф генерал-полковника В. Воробьева. Ему инкриминировалось невыполнение решений правительства. В чем именно оно заключалось, Кремль умалчивал. Судя по тому, что Воробьева не уволили из армии, а всего лишь «вывели за штат» и стали подбирать ему новую должность, было абсолютно ясно, что идет игра, о которой Ельцин мог и не знать.

Было понятно и другое: тот, кто отважился на столь опасные маневры за спиной президента, явно заинтересован в спасении Воробьева и занимает сильные позиции в Кремле. Вскоре по МО поползли слухи о причастности главного во-

енного казначея к прокрутке бюджетных денег в коммерческих банках, а затем газета администрации президента сболтнула больше положенного... Но всей правды так никто и не сказал.

Наши офицеры, побывавшие в округах и на флотах, тоже сообщали, что там не возлагают больших надежд на твердые обещания Верховного главнокомандующего. Уже не верят в них и очень многие в Минобороны и Генштабе. Время идет — деньги не выдают. Кто попроворнее — ударился в тайный «левый» промысел. Наиболее удачливы те, у кого есть своя машина. Но и им с каждым днем все труднее — слишком много становится конкурентов в Москве. Да и не каждый начальник отваживается систематически прикрывать «извозчиков» — кто-то же должен и вкалывать.

Наш «мозговой трест» день и ночь пашет на всю мощь. Чем хуже становится положение дел в армии, тем напряженнее работа. Здесь никто не работает по восемь часов в сутки. Здесь люди работают столько, сколько нужно. Очень многие уже давно забыли, что такое «нерабочий день». Если ты хоть раз не спал на своем рабочем столе или на поставленных «коробочкой» стульях под шинелью, провонявшей сигаретным дымом, — ты здесь не «свой».

После бессонной ночи полковник Генштаба с чувством выполненного долга, с отупевшей головой и воспаленными белками глаз выпадает на Новый Арбат. Он спит на ходу и потому задевает плечом кого-то из прохожих. И слышит:

— Пьянь беспробудная!

Зря ты так, тетя. Сейчас полковник абсолютно трезв. А если и выглядит захмелевшим, так это от счастья служить Родине в кредит.

СКОРОСТРЕЛ

...В октябре и ноябре 1995 года президент был все еще серьезно болен, но тем не менее выполнял функции Верховного главнокомандующего. В Кремлевской больнице решались крупные внутренние и международные военно-политические вопросы. Те генералы и офицеры, которые служили в центральном аппарате Минобороны и Генштаба и по роду служебных обязанностей поддерживали тесные связи с президентскими и правительственными органами, были неплохо осведомлены о том, что теперь судьба многих рас-

поряжений и указов Ельцина почти полностью находится в руках его помощников. Следовательно, уже не глава страны, а его свита начинала определять дальнейшее течение государственной жизни.

В те дни во многих арбатских кабинетах опять заговорили об этом опасно несовершенном устройстве механизма президентской власти. Ведь получалось так, что решение неотложных армейских проблем снова напрямую зависело от частых капризов здоровья Верховного главнокомандующего, у которого нет официального заместителя.

Нередко случалось так, что врачи разрешали Ельцину работать не более сорока минут в день, и тогда ему на рассмотрение и подпись подсовывали самые «горячие» документы, по своему усмотрению отсеивая те, которые «могли потерпеть». А ведь нередко среди них попадались и такие военные материалы, которые требовали оперативного рассмотрения.

Мне кажется, что вообще-то страшно несерьезно говорить о полноценно функционирующей президентской канцелярии в стенах Кремлевки. Ведь ни для кого уже не было секретом, что и врачи, и домашние Бориса Николаевича, и его помощники страсть как пеклись о том, чтобы он не загружал себя работой.

Зная кое-что больше положенного (мой дом — напротив ЦКБ, а некоторые соседи работают там), я никак не мог заставить себя поверить, что президент, ежесекундно прислушивающийся к своему сердцу, способен даже за отведенные ему сорок минут здраво вникнуть в чрезвычайно специфические детали весьма сложных указов, в том числе, разумеется, и военных (некоторые арбатские остряки прозвали их «валидольными»). Даже очень наивный человек никогда не поверит, что президент, оставаясь в больничных покоях один на один с документом, способен за короткое время исключительно точно проанализировать все сонмище аспектов, терминов, цифр, формулировок...

Я много раз был свидетелем того, как у нас в Генштабе готовились некоторые проекты президентских указов по военным вопросам. Они требовали высочайшей профессиональной экспертизы многих десятков специалистов, которые и в здоровом-то виде подолгу «брали на зуб» каждую букву документа и не спешили ставить свою визу даже тогда, когда документ был идеально вылизан.

У меня возникала на лице саркастическая улыбка, когда

в прессе появлялось очередное бодрое сообщение о том, что даже в больнице Ельцин интенсивно работает над документами. Чем чаще раздавались бравурные марши в связи с появлением на свет очередной порции «валидольных указов», тем понятнее становилось, что при таком неважном состоянии здоровья Ельцин вряд ли был способен выпускать в день по несколько десятков директивных бумаг...

Чем больше резвых «уток» о здоровье президента выпархивало из-за высоких кремлевских стен, тем яснее становилось, что кто-то свято верит, что народ за чистую монету примет примитивно сварганенную ложь. Интенсивность появления многих президентских документов на свет в стенах ЦКБ должна была свидетельствовать о несерьезности заболевания Ельцина и о том, что он продолжает твердо держать вожжи управления государством в своих руках. Это было прежде всего жизненно важно для президентского аппарата, пережившего много неприятных минут после ельцинского инфаркта...

В те дни наши спецслужбы часто «пеленговали информацию», что иностранные журналисты ведут по Москве тотальную охоту за малейшими сведениями об истинном состоянии здоровья Ельцина. В западных СМИ все чаще стали появляться сообщения о том, что сфера управления обороной России во время болезни президента—Верховного главнокомандующего фактически перешла в руки его свиты. А глава кабинета остерегался сделать даже малейшее движение, которое свидетельствовало бы о его стремлении «перехватить руль» высшей власти...

И все же, судя по информации, которой я располагал, некоторые кремлевские и правительственные чиновники стремились использовать болезнь Ельцина для решения «замороженных» военных проблем. Тут, наверное, логика была простой: хворого человека легче убедить и подтолкнуть к принятию решений в нужном направлении...

Прекрасно использовал эту ситуацию и глава кабинета министров. Во время посещения ЦКБ он сумел убедить Ельцина срочно издать указ об отстранении нашего главного военного казначея генерала Василия Воробьева от должности. Причем сделано это было так быстро и так скрытно, что удар по своему корешу проворонил даже министр обороны. Прозевали его крестные отцы нашей военной мафии и даже их покровители в президентском аппарате, в правительстве и в парламенте. Они не успели включить «защитные механизмы».

Ельцин подписал один из тех редких указов, которые принесли в жизнь министерства и Генштаба какую-то редкостную надежду, что справедливость все-таки существует. Словно какой-то очистительный ветерок пробежал по коридорам и кабинетам. Встревожились лишь те, кто имел на душе не меньшие грехи...

* * *

В начале 20-х чисел января 1996 года в Москве состоялось очередное заседание глав государств СНГ. На нем обсуждались и военные вопросы. Ельцину подсунили текст выступления, которое оказалось «проходным». Возникло впечатление, что президенту России нечего сказать, ведь и так было известно, что военная интеграция идет с трудом, что более 600 ранее принятых соглашений и договоренностей выполняются со страшным скрипом. По лицам присутствующих в зале глав государств и членов делегаций пробежала легкая усмешка, когда Ельцин заявил, что тенденция к интеграции стран Содружества окончательно сформировалась. В общем, был банальный треп с обязательными «расширить», «наращивать», «усиливать».

Вероятно, сообразив, что его выступление не произвело на присутствующих должного впечатления, Ельцин вдруг ударился в длинный и подробный рассказ о событиях в Первомайском. Многие президенты при этом откровенно позевывали, потому что в газетах и по телевидению обо всем этом уже было подробно рассказано. В манере речи и жестах Ельцина все больше проявлялось то возрастное, что подкрадывается к человеку настолько тихо, что он его и сам не замечает. Он по многу раз повторял одни и те же слова, подетски восхищался банальными вещами, с сенсационным видом подавал давно всем известное, сопровождая свои байки некорректными движениями рук, что явно свидетельствовало о снижении интеллекта и самоконтроля...

* * *

Чем меньше времени оставалось до президентских выборов, тем чаще в кабинетах Минобороны и Генштаба говорили о Ельцине. И это были совсем не те разговоры, которые можно было слышать здесь в конце 80-х и начале 90-х годов. В то время с такой яростной неприязнью говорили

чаще всего о Горбачеве. Но и тогда, и сейчас негодование военных имело один знаменатель — унижение армии.

Почти всеобщее неприятие Ельцина в роли следующего президента России подогревалось бурными дискуссиями о Беловежской пуще, августе 1991-го, октябре 1993-го и декабре 1994-го.

Многие теперь признавались, что в свое время голосовали за Ельцина, и не скрывали, что раскаиваются в этом. Разочарование — вот, пожалуй, главное, что становилось характерным в отношении большинства военных к Верховному. Наверное, это естественное настроение людей, надежды которых оказались обманутыми. А может быть, в этом и заключается некий таинственный удел России — сначала сотворить себе кумира, а потом проклинать его? Может быть, в этом и заключается магия одурачивания миллионов — бросить дерзкий вызов власти предрежащим, попасть в опалу, бунтовать против несправедливости и привилегий, «кормить» людей «съедобными» лозунгами о лучшей жизни и на этом доверии народа взойти на трон, разоблачить истинное лицо и потом оказаться свергнутым таким же «идолом»?

Когда в «Комсомольской правде» появился материал Ярослава Голованова, газета почти неделю ходила по рукам. Кто-то из наших красным фломастером поставил целую дюжину восклицательных знаков напротив вот этих строк:

«...Ельцин — выдающийся политик уже потому, что, разжалованный, он поднялся «из грязи в князи». Такого в истории России, и тем более СССР, не было. Представляю, как он ненавидел Горбачева, но понимал, что есть только один путь убрать его со своей дороги: развалить СССР, сделать Горбачева президентом несуществующего государства. Это, кстати, вполне устраивало и республиканских лидеров. Власть! Еще вчера надо было вскакивать, когда звонил белый аппарат ВЧ-связи с золотым гербом на крышке и стоять по стойке «смирно». А сегодня? Ты сам царь и Бог! Не надо поддакивать, прикидываться дурачком...

Мог ли, например, Кравчук — политэкономист на уровне Черновицкого финансового техникума, затюканный секретарь по идеологии республиканского ЦК, убежденный атеист, стоявший потом со свечкой в Святой Софии, мог ли Леонид Макарович даже в волшебном новогоднем сне увидеть горящие самоварным пламенем кирасы французских гвардейцев, красную дорожку к распахнутым дверям Елисейского

дворца и улыбающегося ему президента Франции? Так скажите, заинтересован был лично Кравчук в развале СССР или нет?»

Некоторые генералы и офицеры, служившие в Свердловске в те времена, когда Ельцин был там первым секретарем обкома КПСС, рассказывали, что у него было прозвище Волшебник Изумрудного города. По его приказу перед очередным ответственным совещанием союзного масштаба все заборы от аэропорта до центра города выкрашивались неизменной ядовито-зеленой краской, а почти весь личный состав Свердловского гарнизона бросали на уборку улиц. В дни «форумов» прилавки свердловских магазинов чем-то напоминали людям сельскохозяйственные и промышленные выставки...

Тогда он смиренно следовал установленным правилам игры. «Прозревшим революционером» он стал уже в Москве, где его нечеловеческому самолюбию сильно намяла бока партийная верхушка, остерегающаяся его энергии и непредсказуемости. И уже тогда трудно было понять, где бунтарь и погорелец действует по глубоким личным убеждениям, а где просто из чувства неукротимой мести «обидчикам».

Из обиженных и лукавых коммунистов вызревали гвардейцы нового режима...

* * *

...В начале февраля 1996 года в Москве побывал командующий войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковник Анатолий Квашнин. И хотя его визит в столицу принадлежал к категории «нерекламируемых», вездесущие газетчики пронюхали, что генерал за закрытыми дверями встречался с президентом. Просочилась информация, что Ельцин обсуждал с генералом военные аспекты своего плана урегулирования чеченского конфликта. Еще одна новость принадлежала к разряду сенсационных: Верховный якобы предлагал Квашнину на выбор две должности — начальника Генштаба и председателя формирующегося Комитета по координации работы, связанной с реформированием силовых структур. Минобороновские источники в Кремле хотя и отказывались комментировать это событие, но и не опровергали его...

Все это давало повод для новых дискуссий и прогнозов на Арбате. Генерал Квашнин до своего назначения на СКВО

ничем особым во время службы в ГШ себя не проявил. Более того, многие вспоминали, что в качестве первого заместителя начальника Главного оперативного управления Анатолий Михайлович «приложил руку» к очень неудачному плану чеченской операции. После ее провала шли разговоры, что он слишком мало покомандовал армией и слишком быстро продвинулся по службе благодаря личной расположенности Грачева...

Зимой 1995 года, когда генералы Кондратьев и Воробьев отказались возглавить «южный фронт», министр и предложил Ельцину кандидатуру Квашнина, отрекомендовав его как военачальника, способного переломить ситуацию. Но после того как Квашнин стал командующим войсками СКВО, шифровок о блистательно организованных и проведенных операциях под его руководством в Генштаб, насколько мне помнится, не поступало. Наоборот, после позорного провала операции по окружению банды Радуева у нас на Арбате стали поговаривать о бестолково построенной системе окружения боевиков, к которой имело причастность и командование СКВО...

Поначалу я был убежден, что президентские предложения Квашнину — очередная кадровая байка, непроверенный слух, каких сотни гуляют в МО и ГШ. Но когда об этом всерьез заговорили генералы из ближайшего окружения министра обороны и начальника Генштаба, стало ясно, что это не анекдот. Информация о встрече Квашнина с президентом свидетельствовала, что Ельцин что-то замышляет на «чеченском фронте». Что именно — держалось в строжайшей тайне. Но уже вскоре по стилю работы командующего кое о чем можно было догадаться...

Возвратившиеся из Чечни во второй половине февраля генералы и офицеры Генштаба в своих рассказах об увиденном то и дело замечали, что были поражены «атомной активностью» командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерала Квашнина.

...С особой тщательностью готовилась операция в поселке Новогрозненский, где якобы окопался весь штаб Дудаева. Туда было согнано огромное количество людей и боевой техники. Многие признаки указывали на то, что организаторам операции страшно хотелось победы над «тысячей бандитов», хотя точно не мог сказать никто, сколько же там боевиков окопалось.

Время шло. Раздолбав поселок всеми имеющимися сред-

ствами, руководитель операции победы так и не добился. Более того, дудаевцам удалось уничтожить десятка два российских солдат. Уже шел пятый день операции, а сопротивление дудаевцев не было сломлено. И это — при многократном превосходстве наших сил. Чтобы хоть как-то скрыть этот позор и бездарность тех, кто задумал «новогрозненский котел», министр обороны Грачев поспешил заявить в прессе, что операция закончена...

Многое в тот период указывало на то, что руководство СКВО стремилось поскорее добиться решительного перелома в чеченской войне. Многие в ГШ рассматривали такую боевую активность воинов-северокавказцев в предвыборном контексте. Еще более жестокое сражение произошло в районе Бамута. Главные удары нанесли по «осиным гнездам» дудаевских формирований.

Пресса стала жаловаться на то, что ее и на пушечный выстрел не допускают в районы боев. И делала свои выводы: от нее пытаются скрыть методы и последствия сражений... О Квашнине сообщалось, что он якобы во время переговоров с чеченцами даже пообещал «за тридцать минут сровнять поселок с землей», если не будут выполнены условия представителей федеральных властей. Генералы призывали подчиненных поскорее «прикончить гадину в ее логове»...

Когда-то, во времена СССР, страна брала на себя повышенные социалистические обязательства в честь выборов. Теперь в честь выборов мы учились заканчивать войны...

ПИКЕТЧИКИ

Под окнами Генштаба время от времени появляются то большие, то маленькие группы людей со знаменами или плакатами. Пикетчики.

Один раз собирались сторонники скорейшего принятия закона об альтернативной службе. Их было немного, но орал они сильно. Несколько офицеров вышли к ним, пытались объяснить, что ни Минобороны, ни Генштаб эту проблему не решают, к Думе надо идти. К Думе, судя по всему, парням и девушкам было идти лень, они продолжали яростно скандировать:

— Аль-тер-на-ти-ва!!!

Банки с пивом и «бычки» ходили по кругу. Пикет был очень похож на хмельную тусовку.

Подвыпивший патлатик жаловался полковнику: мол, ему, глубоко верующему, призывная комиссия не верит. Он расстегивал рубашку на груди и показывал полковнику большой золотой крест. Вступать в дискуссию с нетрезвыми пикетчиками запрещалось. Но полковник не выдержал и сказал патлатику:

— Я вам охотно верю. — И, оглянувшись по сторонам, добавил: — Если убеждения не позволяют брать в руки оружие — иди таскать «утки» с говном из-под неподвижных больших. Можно еще устроиться ассистентом хирурга при морге — вскрытие трупов требует настоящих мужчин...

Парень смотрит на полковника лютыми глазами. Офицер явно срывался с «тормозов»:

— Да, можно еще в качестве альтернативы выбрать лопату — строить дорогу через таежные болота. Четыре года отбарабанил — и свободен...

— Тамлаев! Полковник Тамлаев!!!

Генерал в очках со свирепым видом грозит полковнику кулаком из открытого генштабовского окна:

— Тамлаев, ко мне!

Полковнику сейчас достанется за нарушение приказа...

Погомонили, пошумели, разошлись.

...Со стены старого здания Генштаба за всем этим балаганом наблюдает Георгий Константинович Жуков. Его бронзовый бюст обращен лицом к переулку. У груди маршала увядает запыленная красная гвоздика. Когда она совсем засохнет, придет махонькая старушенция с палочкой и попросит кого-нибудь из офицеров положить свежий цветок на место старого. Этот ритуал повторяется уже лет десять.

...На другой день пришли женщины в черных платках с огромным белым транспарантом, на котором черными буквами было написано: «Грачев, где наши дети?» Матери погибших солдат — самые тяжелые пикетчики. К ним страшно вато даже выходить. Слезы, крики, проклятия. На беседу с ними снаряжаются самые стойкие офицеры: даже если им будут плевать в лицо — бровью не поведут. Но что может сказать матери погибшего в Чечне солдата простой полковник Генштаба?

Я смотрю из окна своего кабинета на моего мужественного сослуживца и думаю: «Сюда бы сейчас Ельцина или Грачева. Пусть бы отвечали матерям, где их дети».

Среди черных платков замелькало еще штук пять офицерских фуражек. Это полковники из Главного управления

воспитательной работы. Им тоже достался черный хлеб — утешать разгневанных женщин. Но нет в природе таких слов, которые могли быть успокоить мать погибшего солдата или офицера. Тем более — на «ошибочной войне»...

...Под окнами Генштаба выросла большая красная клумба — пришли коммунисты.

— Коммунисты разные носят флаги красные! — напевает кто-то из наших, глядя в окно.

Коммунистов много, к ним идут работать наши лучшие гвардейские силы. Среди серьезных лозунгов типа «Долой оккупационный режим!» или «Армия, спаси Россию!» и вот этот: «Вместо Борьки пьяного — изберем Зюганова!»... Коммунисты призывают нас отдать голоса в пользу лидера национально-патриотических сил. В декабре их агитация сработала: многие гарнизоны прислушались. Теперь идет работа на развитие успеха.

Отставник Петрович задумчиво смотрит на пикет и говорит:

— Чует мое сердце, на этот раз дело повернется так, что наши мешки с деньгами возьмут Ельцина напрокат еще на четыре года...

Полковник Чикинов всегда любил выходить к коммунистическим пикетчикам. На этот раз он лежит на подоконнике и скучно смотрит вниз. Я знаю, что коммунисты его обидели: он принес им целый трактат о том, как завоевать армейский электорат, но какой-то высокомерный старичок повертел его в руках, что-то почитал и вернул обратно, сказав, что он сам доктор наук и тоже полковник, на короткой ноге с самим Зюгановым, что у него почти все главкомы знакомые и работа в армии налажена уже неплохо.

...Потом приходили пацифисты — на их огромном флаге была изображена перечеркнутая атомная бомба. Они — то ли пьяные, то ли обкуренные, поорав на нас со стороны переулка, рядом улеглись прямо на тротуар под окнами Управления внешних сношений, да так и лежали, по-братски передавая друг другу «косячок»...

— Эй, ребята, — сказал пацифистам дежурный офицер управления, — вы только в пылу борьбы с милитаризмом групповичок тут не вздумайте устроить!

— Па-лков-ник, ложись к нам, — предложила дежурному лахудра в драных джинсах.

— Если я лягу, то ты вряд ли встанешь, — зло огрызнулся полковник.

Приехала милиция и разогнала пацифистов.

Два солдата соскребают со стены крупную красную надпись, сделанную краскопультом: «Офицеры, очнитесь...»

ЛИЦА

У входа в Министерство обороны (со стороны кинотеатра «Художественный») топчется на морозе группа телевизионщиков — проводят опрос: «За кого вы будете голосовать?» Офицеры при виде телекамеры ведут себя по-разному: одни отворачиваются и проходят мимо, другие решаются отвечать. Только ведь надо быть слишком рискованным, чтобы в этой ситуации на вопрос «Вы будете голосовать за Ельцина?» — ответить в камеру: «Нет». И все же таковые находятся... Но тут же франт-генерал то ли в шутку, то ли всерьез поет оду Ельцину.

...Мне почему-то вспоминается июнь 1991 года. Кинотеатр «Октябрь». Встреча с кандидатом в президенты России Борисом Ельциным. Многотысячная толпа, полный аншлаг. Если бы в тот день для встречи был выделен 100-тысячный стадион в Лужниках, и там бы не хватило мест. Мне повезло — я даже сидел. На грязном, затоптанном ковре. И смотрел на Ельцина, как смотрели, наверное, в свое время инфантильные и восторженные курсистки Санкт-Петербурга на Блока и Есенина. Ему почти не давали говорить. Что ни слово — взрыв аплодисментов.

Одному из присутствующих — генералу — с согласия Ельцина предоставили слово. Он встал и проникновенно сказал:

— Борис Николаевич, уважаемые товарищи, я хотел бы проинформировать вас и всех соотечественников, что в армии есть демократически настроенные офицеры, генералы, солдаты, сержанты и прапорщики. Они имеют честь служить вместе с вами на благо нашего Отечества и любимого нашего народа. Мы обращаемся ко всем военнослужащим, к их семьям, близким и друзьям — на выборах по долгу совести, проявив гражданское мужество, проголосовать за независимого главу нашей республики. Мы считаем, что человеку, которому была уготована политическая смерть и сумевшему возродиться, удастся возродить и наше Отечество, его величие и славу...

Если бы во время этой своей «молитвы» бывший начальник кафедры партийно-политической работы Военно-поли-

тической академии имени В. И. Ленина генерал Владимир Дудник стоял перед Ельциным на коленях, зал бы принял это как совершенно естественное действо.

Прошло пять лет. И тот же генерал Дудник накануне президентских выборов 1996 года уже не «молился» на своего идола, а метал в него громы и молнии:

— Сегодня ясно, что Ельцину не удалось возродить величие и славу Отечества. Мы свидетели иного: Ельцин вознесся. Вознесся, чтобы забыть клятву, данную на крови павших за него и за Россию, чтобы предать не только свое слово, данное народу и его церкви, но и нашу надежду, и нашу веру. Вместо обещанной демократии мы получили болтовню о ней. Вместо благосостояния — обнищание и без того нищих, вместо просвещения — государственную ложь без меры и конца. Вместо славы и величия — национальный позор. Вместо многожды обещанной военной реформы — бесконечную и бесславную войну, новых вдов, новую кровь и слезы. С одобрения и согласия президента из армии изгнаны реформаторы. Армия на коленях! Имя человеку, предавшему клятву на Конституции и Библии, — клятвопреступник. Сегодня Ельцин вновь готовится стать президентом. У нас один выход — не допустить, чтобы Ельцин вновь баллотировался в президенты России. Скажем ему спасибо за то, что он сделал в начале пути к демократии, и попросим: освободите дорогу другим...

Хорошо, когда к человеку приходит прозрение. Даже с большим опозданием. Он не одинок. Таких — десятки миллионов. Я заблуждался так же, как и мой бывший учитель...

...Когда мы избирали Ельцина в первый раз президентом, я бегал с переносной урночкой по квартирам, где лежали неподвижные седоволосые старики, и радовался каждому бюллетеню.

Потом кумир попросил меня «потерпеть до осени». Я терпел. Потом он обещал мне военную реформу. Я верил. Когда-то преподаватели в училище и академии меня учили: можно обмануть человека — нельзя обмануть народ. Теперь я знаю: народ обмануть можно. В том числе и военный. И не однажды...

Еще в то время, когда молодой, опальный и популярный Ельцин летал вокруг американской статуи Свободы, в одной из влиятельных западных газет «Файнэншл таймс» появилась статья публициста Джона Ллойда с мрачными пророчествами:

«...Биография Бориса Ельцина внушает страх. Он не имеет ни программы, ни критического анализа, помимо демагогического осуждения привилегий (об этом он говорит прекрасно), и никаких полезных мыслей о глубинных причинах тяжелого положения своей страны...Возможно, вскоре Борис Ельцин станет президентом Российской Федерации, заняв влиятельный пост, с которого он сможет подвергать обстрелу своего соперника. Советский Союз, или во всяком случае Россия, возможно, когда-нибудь окажется в руках этого хитрого, тщеславного человека с огромной жадой власти и ловкостью в достижении этой цели. Но его биография не убеждает в том, что России от этого станет лучше, чем было...»

Нас предупреждали. Мы не слушали. «И было нам видение»...

НАКАНУНЕ

...В Министерство обороны и Генштаб по конфиденциальным каналам все чаще и чаще просачивались сведения, что в Кремле денно и ночно идет активнейшая работа по созданию «управляемой системы» выборов президента. Кто-то из наших проговорился, что на прошлых выборах центризбиркомовские шулера упрятали от подсчета почти два миллиона «ненужных» голосов...

Мне вспоминаются слова только что изгнанного из армии генерала:

— Запомни, сынок. Бывают президенты, которые покупают. Но бывают и такие, которых покупают.

...Уже которую неделю страна и армия ждут того дня, когда президент обнародует обещанный им окончательный вариант преодоления чеченского кризиса. Моим сослуживцам по Генштабу этот вариант «до лампочки»: они знают, что пока такого не существует в природе. Генштабовские головы и компьютеры уже перебрали, наверное, миллиона три комбинаций, и ни одна из них не устраивала полностью ни Ельцина, ни Дудаева. Уйти — сдать Чечню. Остаться — продолжать войну. Возникла ситуация, очень похожая на то, если бы человеку предлагали на выбор отпилить руку или ногу. Но если все-таки уходим, то ради чего «приходили»?

В МО и ГШ часто звонят из Кремля, вызывают наших на консультации. Генерал, побывавший в Кремле, вернулся мрачный. Сказал:

Жаркой политической осенью 1993 года президент России зачастил в подмосковные гарнизоны. Справа на снимке — командующий ВДВ генерал-полковник Евгений Подколзин.

В мае 1992 года Б. Ельцин посетил северодвинский военный завод, производящий подводные лодки. Президент облачился в спецодежду и спустился в субмарину.

Весна 1992 года. Президент Б. Ельцин отправляется вместе с маршалом авиации Е. Шапошниковым в поездку по стране.

Осень 1993 года. Тула. Верховный главнокомандующий наблюдает маневры десантников. На снимке (слева направо): командующий ВДВ генерал-полковник Е. Подколзин, президент Б. Ельцин, вице-премьер О. Сосковец и министр обороны генерал армии П. Грачев.

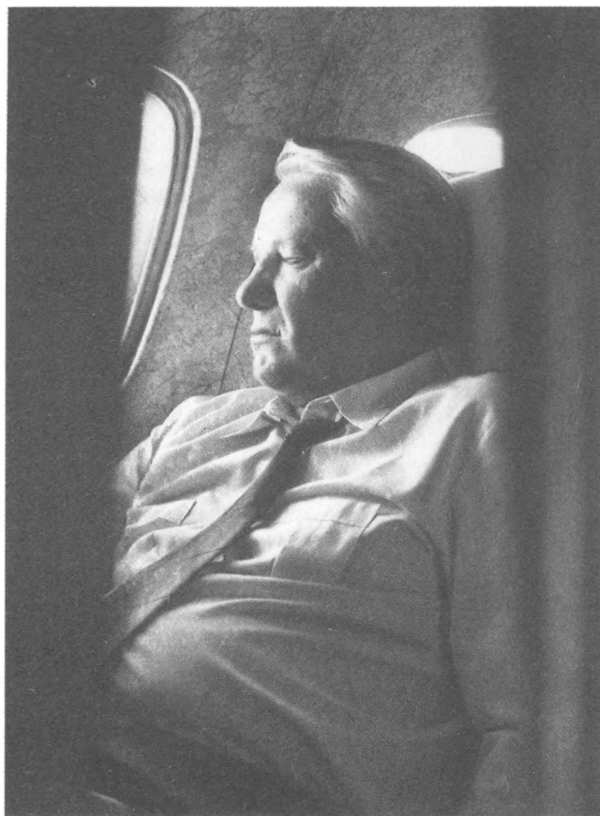

Осень 1993 года. Министр внутренних дел РФ генерал Виктор Ерин демонстрирует президенту учения подразделения специального назначения дивизии МВД им. Дзержинского.

23 февраля 1996 года орденом «За военные заслуги» был награжден Главком ВМФ России адмирал флота Феликс Громов...

Сон президента — Верховного главнокомандующего. Может быть, ему снилась армия его мечты — небольшая, мобильная, хорошо оснащенная, а главное — глубоко преданная?

Улыбка последнего министра обороны «империи» маршала авиации Евгения Шапошникова стала знаменитой.

Январь 1992 года. Всероссийское офицерское собрание в Кремле, доставившее Борису Ельцину и Евгению Шапошникову немало неприятных минут.

Февраль 1992 года. Минск. Главком ОВС СНГ маршал авиации Евгений Шапошников, прибывший на совещание министров обороны и председателей комитетов по делам обороны суверенных государств, предпринимал титанические усилия для углубления военно-технической интеграции. С этой целью по его решению состоялся показ военной авиационной техники.

...Когда-то и первый президент России Б. Ельцин и последний министр обороны СССР маршал авиации Е. Шапошников почти в один голос утверждали, что надо сохранить единые Вооруженные Силы...

— По-моему, Ельцин и сам не знает, что делать.

— Ельцин размышляет над генеральным вариантом выхода из чеченского кризиса. — Это пресс-секретарь президента Сергей Медведев объяснял затянувшееся молчание своего патрона. Он напоминал мне адъютанта Петьку, который с крыльца дивизионного штаба кричал бойцам:

— Тихо!!! Чапай думать будет.

Но уже приближался конец марта, а Ельцин по-прежнему молчал.

В Кремле тем временем говорили о важности политических методов урегулирования конфликта в связи с выборами. А в чеченских предгорьях разъяренная армия громила селения. Было ясно: генералам приказано вынудить чеченцев сдаться. О масштабах и интенсивности боев можно было судить хотя бы по тому, что в 20-х числах марта на генштабовских графиках резко поползла вверх кривая гибели наших военнослужащих — за один день 27 трупов...

А Россию и армию продолжали убеждать, что рейтинг Ельцина растет, как на дрожжах...

Один из наших офицеров, поддерживавших контакты с аналитиками президента, однажды услышал в Кремле слова весьма влиятельного чиновника: «Если даже 80 процентов проголосует против Ельцина, мы отсюда не уйдем»... И я вспомнил такую же многозначительную реплику бывшего главы администрации президента Сергея Филатова, который на утверждение одного из собеседников, что «Ельцин все равно вынужден будет уйти» ответил:

— Ну, мы еще посмотрим...

Уже вскоре после парламентских выборов президент вызвал в Кремль на беседу Грачева и в очередной раз обсудил с ним вопрос о финансировании Вооруженных Сил. Вслед за этим Ельцин (тоже — в очередной раз) дал Черномырдину распоряжение немедленно устранить долги армии. Информация об этой отеческой заботе президента активно доводилась руководством Министерства обороны до всех частей в расчете на «положительный отклик».

Кремль возлюбил армию небывало страстной любовью, словно черствый промотавшийся внук обнаружил вдруг «прозрение нежных чувств» к забытой им бабушке, у которой в потаенном сундуке хранился скарб «на черный день»...

Хорошо зная, что в войсках все больше зреет недовольство ходом военной реформы, Ельцин поручил Черномыр-

дину в десятидневный срок представить ему план реформирования Вооруженных Сил (ЧВС в то время находился в отпуске и уговорил президента представить ему план «позже». Потом об этом плане вообще забыли)...

* * *

От досадных мыслей меня отвлекает тихий шорох в углу кабинета. Там, на тумбочке, лежит копия одного из указов о реформировании армии. Огромная генштабовская мышь самозабвенно грызет бумагу. Я боюсь пошевелиться. «Приятного аппетита, коллега...».

Мышь отрывается от бумажного жорева, смотрит на меня малюсенькими глазками и шевелит усами. Она часто стала приходить в гости ко мне в последнее время. Я делюсь с ней бутербродами.

Так и живем.

Какие бы прогнозы ни строили аналитики в тот период, их осевая линия неизбежно проходила через Чечню. Россия ждала: что же предпримет президент? Гражданские и военные ждали главного — мира.

Ельцинский план урегулирования чеченского конфликта начал рушиться сразу после ввода его в действие. Уже через сорок минут пополудни 2 апреля на Центральном командном пункте Генштаба раздался звонок из штаба Объединенной группировки в Чечне, и дежурный доложил о нападении дудаевцев на позиции наших войск. В первый день действия плана жертв с нашей стороны было даже больше, чем в другие дни...

Главный просчет военной части плана заключался в том, что в Кремле надеялись на мирное и одномоментное разъединение противостоящих сторон в предгорных юго-западных районах республики. Тут же стали искать виновных и нашли их, естественно, среди наших генералов, якобы не повинующихся приказам Верховного главнокомандующего. В штаб Объединенной группировки посыпались грозные телеграммы из Москвы. Командующий группировкой генерал-лейтенант Вячеслав Тихомиров вел себя, как карась на раскаленной сковороде...

В конце концов он под надзором помощника президента по национальной безопасности Юрия Батурина сумел с помпой организовать вывод первой части. Это событие широко рекламировалось по всем каналам телевидения и должно

было создать впечатление о том, что план Ельцина стал работать на полную мощь.

А в жизни все было иначе: чеченские и русские солдаты продолжали нещадно колошматить друг друга в юго-западных и других районах. Расчеты кремлевских аналитиков на окончание войны до президентских выборов становились все более призрачными...

Иногда мне казалось, что Кремль уже готов заплатить Дудаеву любую цену, лишь бы дать возможность Ельцину отвязаться от войны, которую он начал. На помощь были призваны президенты Татарстана Шаймиев и Турции — Демирель, и даже король Марокко Хасан II. Загадочно-хитрый бизнесмен Боровой рекламировал свою возможность за считанные минуты организовать прямую телефонную связь Ельцина с Дудаевым. Губернатор Нижнего Новгорода Борис Немцов призывал Ельцина поехать в Чечню и лично встретиться с Дудаевым...

Прибывший на Кавказ Ельцин начал заманивать Дудаева последними своими козырями, обещая невиданно широкие права Чечне в составе России. Ельцин в апреле 1996-го делал то, что должен был сделать еще в апреле 1992-го. Войска понимали это и все больше скрежетали зубами.

— Я не удивлюсь, если кто-то из Кремля приползет к дудаевцам на коленях и попросит прощения, — зло сказал мне дежурный по Центральному командному пункту Генштаба. Красным фломастером он подчеркивал в новой шифровке данные об убитых и раненых...

Мой сослуживец, возвратившийся из Чечни, рассказывал:

— Сижу с офицерами в штабной палатке. Смотрю телевизор. Какой канал ни включаем, везде: «В Чечне уже не стреляют». И тут же звонок полевого телефона: начальник разведки дивизии и его зам попали в чеченскую засаду и погибли...

Все остальное известно. О закулисных сторонах чеченской войны — отдельный разговор. Но нам никуда не уйти от ответа на главный вопрос: можно ли было обойтись без войны? Убежден на сто процентов — да. Начать войну — ума не надо. Договориться — очень трудно. Но лучше сто лет договариваться, чем хотя бы один день воевать.

И еще. Я не думаю, что всю вину за чеченскую войну надо сваливать исключительно на президента. Хотя, безусловно, первый спрос — с него. Но львиная доля ответственности лежит на совести «серых кардиналов» и крупных специали-

стов в области обострения межнациональных отношений, ловко пристроившихся за спиной Ельцина (некоторые вновь пошли на повышение)...

Но История все равно высветит их. И тогда мы узнаем, кто и как докладывал президенту о ситуации в Чечне, кто и как «подогревал» его до того момента, когда прозвучала роковая команда Грачеву:

— Действуйте!

И когда видишь бессмысленность человеческих жертв, когда в очередной раз слышишь звонкие удары комьев сырой глины по крышке гроба, в котором лежит твой сослуживец, когда крик жены его и детей раздирает душу и при этом все высокие слова твои о долге перед Отечеством насквозь фальшивы и безутешны, — хочется заорать на всю Россию:

— Зачем посылать людей на войну, которой можно избежать!...

И опять я слышу упорный голос Аушева:

— Борис Николаевич, еще можно договориться...

* * *

По мере приближения к выборам нерешенность чеченской проблемы начинала приобретать для Ельцина стратегическое значение. Чечня становилась чем-то вроде большой дырки в мешке, предназначенном для сбора политических очков. Надо было ее срочнейшим образом «зашивать».

Тайные гонцы Кремля в сопровождении наших генералов день и ночь паслись в равнинных и горных районах республики, ища выходы на Яндарбиева. По разведывательным каналам ГШ все чаще просачивалась информация, что Москва предлагает «чеченским боевикам» невиданные политические льготы — лишь бы они согласились прибыть в столицу на переговоры. Из штаба Яндарбиева долгое время сообщали, что ни о каких переговорах не может быть и речи, если Москва не выполнит главное условие — полный вывод войск.

В конце концов им такой вывод был обещан. Поступила соответствующая команда министру обороны. Грачев отрапортовал: с первого июня начинаю вывод войск. Тогда чеченцы составили целый список других условий и после долгих препирательств согласились прибыть в Москву.

А тем временем тайком заполонившие войска представители ГРУ, ФСК, ГУО, ФАПСИ, Службы безопасности пре-

зидента всюду «чистили» строго очерченные районы с эпицентром в аэропорту Северный. Нетрудно было догадаться, что давно обещанный приезд Ельцина в Чечню состоится совсем скоро...

В равной степени как Коржакову, так и Барсукову у нас в ГШ приписывали авторство плана: отправить Яндарбиева со товарищи на одну из подмосковных дач, дать им «хорошо отдохнуть» и поработать над предложениями Кремля, а в это время Ельцин совершит неожиданный рывок в Чечню, проведет там комплекс акций и так же стремительно вернется обратно. И глупому человеку было ясно, что в этом сценарии чеченцам отводилась роль заложников. Они и сами вскоре поняли это — когда им не дали возможности встретиться с журналистами и пресекали любую попытку выйти за пределы «дачи»...

Поездка Ельцина в Чечню была просчитана до мелочей: встреча с личным составом одного из полков, пронзительное выступление с опорой на выдающуюся роль армии в достижении мира, награждение отличившихся, подписание указов на броню боевой машины пехоты, «случайная» встреча с жителями одного из сел и стремительное возвращение в Москву.

Бросилось в глаза, что площадка, на которой должен был выступать Ельцин, оформлялась явно на американский манер, точь-в-точь так же, как для Клинтона, когда он выступает в своих войсках: флаг, коврик, небольшой подиум, стойка под микрофоны с гербом...

Когда Ельцин объявил военным: «Война закончена», — многих покорило. В нескольких километрах шел бой. Военная разведка докладывала о новой концентрации боевиков в Веденском и Ножай-Юртовском районах...

...В 00 часов 1 июня 1996 года согласно уточненному плану урегулирования в Чечне должен был наступить мир. Но уже вскоре, как это было и в апреле, на Центральный командный пункт Генерального штаба от оперативного дежурного Объединенной войсковой группировки в ЧР поступил доклад о продолжающихся обстрелах и жертвах с обеих сторон... Большинство средств массовой информации словно по команде оттеснили на самый задний план вести о положении в Чечне. Создавалось впечатление, что эта тема стала полузапретной. Войну замалчивали, но не остановили...

И Ельцин вообще перестал говорить о Чечне. Он опять «давил» на вероятность гражданской войны в случае прихо-

да коммунистов к власти и то, что в этом случае произойдет раскол и в армии. Иногда казалось, что даже теоретическая победа коммунистов на выборах уже значила для него больше, чем чеченская война...

За несколько дней до 16 июня решил поучаствовать в раскрутке Ельцина и кинорежиссер Эльдар Рязанов. Он снял очередной фильм-беседу с президентом. Были у него и военные вопросы, в частности почему военная операция в Чечне не получилась «быстрой и красивой». Ельцин ответил: «Реформа в армии идет плохо, ее не видно. Надо что-то решать».

Рязанов посетовал, что многим непонятно стремление президента любым способом защитить министра обороны. Было заметно, что этот вопрос не понравился Ельцину. Он сухо ответил:

— Я думаю...

НОВЕНЬКИЙ

...После смещения министра обороны 18 июня 1996 года армии было уже не до выборов. Она как нищий, попавший в богатый цирк, следила за сценой и ждала, кто же там появится вместо Грачева.

Ельцин медлил с назначением главного силовика, и это было небезопасно. В Кремль и Барвиху пошли донесения о том, что промедление это отрицательно сказывается на управляемости Вооруженных Сил. Некоторые главкомы звонили в Кремль и просили ускорить решение вопроса. Видимо, Батурин сумел убедить Ельцина, что надо как-то отреагировать. И Ельцин отреагировал.

На имя исполняющего обязанности министра обороны России генерала армии Михаила Колесникова поступила шифровка Верховного главнокомандующего.

Ельцин писал:

«...Я знаю, что вопрос о назначении министра обороны Российской Федерации волнует личный состав армии и флота. Однако считаю нецелесообразным принимать решение о назначении нового министра обороны до окончания второго тура выборов Президента Российской Федерации. Прошу Вас в этот период продолжать боевую подготовку, решать вопросы боевой и мобилизационной готовности, вести работу по укреплению воинской дисциплины во вверенных Вам

войсках в установленном порядке, а также обеспечить проведение второго тура выборов Президента России.

Новый министр обороны будет назначен после выборов. Конкретная кандидатура будет определена не только исходя из требований обеспечения боеспособности и боеготовности Вооруженных Сил, но и с учетом потребности в проведении реформ и усилении социальной защищенности военнослужащих. Строительство и реформирование Вооруженных Сил будут проводиться планомерно, с учетом обеспечения социальной защищенности военнослужащих...».

Почему президент считал, что нового министра обороны ему лучше назначить именно после окончания второго тура выборов? Ведь оставлять армию без «хозяина» даже на неделю было нежелательно. А до дня второго тура оставалось немало времени...

То была загадка повышенной сложности. Даже генштабовская «агентура» в Кремле и в правительстве не могла получить внятных объяснений. По одной версии, Лебедь согласился возглавить Совбез при условии, что он лично представит президенту кандидатуру нового министра обороны. И Ельцин просто ждал, что ему даст альянс с Лебедем во втором туре.

По другой версии, не все в Кремле одобряли появление Лебеда, рассматривая его как новый «центр силы», который к тому же хочет иметь своего человека на посту министра обороны. И это вынуждало Ельцина «тянуть резину», дабы перед решающей схваткой команда совсем не распалась (к тому времени она уже и так была сильно «почищена»)... Прежде чем назначить министра обороны, президенту надо было найти сильный противовес Лебедю. Ельцин уже знал, кто это будет. Человек этот уже спешил в Кремль, споткнувшись о коробку из-под ксерокса...

А в стране с каждым днем разрастался ажиотаж вокруг кандидатуры нового министра обороны. Чаще всего в сообщениях СМИ стали мелькать фамилии директора Федеральной пограничной службы генерала Андрея Николаева, начальника академии Генштаба генерала Игоря Родионова, главного военного советника МИДа РФ генерала Бориса Громова...

Секретарь Совета безопасности отлично отрекомендовал президенту начальника академии Генерального штаба генерал-полковника Игоря Родионова: «элитный и порядочный

генерал». Такое протезирование вызывало у президента, Чубайса и Батурина настороженность: о Родионове говорили как о «человеке Лебеда». Один из главкомов, побывавший в те дни в Кремле, сказал шутя:

— Президент думает, какого министра назначить — умного или «своего».

В МО подхватили: «своих» у президента много, да «чистых» нет.

Тут действительно были проблемы: за претендентами, даже в звании генералов армии, числилось немало грехов, хотя в их верноподданничестве президент мог не сомневаться. В тот момент и всплыла кандидатура главного военного инспектора — заместителя министра обороны генерала армии Константина Кобеца. Но пресса уличала его в причастности к разного рода неприглядным историям, связанным с мутным бизнесом. А тут еще в «Комсомольской правде» появился огромный материал под заголовком «Придет Кобец — реформам конец»...

То был сильный удар по кандидату в министры, и он вознегодовал. Кобец грозил газете судом. Кто-то из его сторонников помог сочинить заявление для прессы: мол, статья в «КП» — злостный поклеп. И потребовал опубликовать опровержение. Возможно, так и случилось бы, если бы вдруг председатель думского Комитета по обороне генерал Лев Рохлин не выступил в парламенте с сенсационным разоблачительным докладом о коррупции в армии. «Достойное место» в докладе отводилось и Кобecu.

Потом стало известно, что еще более сильный компромат был представлен в администрацию президента спецслужбами и правоохранительными органами. На кандидатуре главного военного инспектора Кремль поставил крест...

А репутация Родионова была безупречна. И Ельцин, наконец, решился. 17 июля 1996 года генерал-полковник Игорь Родионов стал министром обороны России.

Поздравляя его с назначением, Ельцин посоветовал:

— Игорь Николаевич, не повторяй ошибок Грачева — не светись в телевизоре...

Совет был странным: пост-то один, да ведь люди очень разные.

Уже через несколько месяцев после назначения Родионова вспыхнула перепалка между руководством военного ведомства и Советом обороны из-за различных подходов к концепции военной реформы. Пресса стала муссировать слухи

о скорой отставке министра. Тем более что слишком грозен был тон, с которым президент в унисон с Батуриным оценивал позицию руководства МО. Все это было плохим предвестием для Арбата...

...Ельцин хорошо знал, что отношения между секретарем Совета обороны и министром обороны не заладились уже с первых месяцев службы Родионова на Арбате. Самолюбие Батурина было сильно ущемлено, когда Ельцин «со слезами на глазах» был вынужден еще в ходе своей президентской кампании 1996 года сместить Юрия Михайловича с должности секретаря Совета безопасности и назначить на его место Александра Лебеда. Когда по рекомендации Лебеда министром обороны был назначен Родионов, эта связка и для Батурина, и для Чубайса стала играть роль раздражителя: два ключевых силовых поста оказались в руках политических противников, сплотившихся еще под знаменами Конгресса русских общин...

Лебеда быстро «съели». Валить Родионова было сложнее: он не столь импульсивен, как Лебедь, гораздо осмотрительнее в словах и действиях, у него большой управленческий опыт.

Став секретарем Совета обороны, Батурин получил выгоднейшую командную высоту между Ельциным и Родионовым и на полную катушку использовал преимущества своего положения. Без согласования с Батуриным на стол президенту не ложилась ни одна родионовская бумага. «Допуск к телу» тоже регулировался Батуриным. Многие обращения Родионова, и его неоднократные просьбы встретиться с президентом были проигнорированы.

У многих на Арбате Батурин вызывал, мягко говоря, раздражение. Наверное, прежде всего потому, что он никогда не был военным, слабо знал жизнь армии. Даже во внешне умных его речах профессионалы часто улавливали детали, которые выдавали скольжение по поверхности. Саркастические улыбки у генералов и полковников вызывали сообщения прессы о том, что Юрий Михайлович «между делом» разработал какой-то важный законопроект, что он во время обеденного перерыва на основной работе ходит из Кремля в МГУ читать лекции. И вдобавок к этому — еще и прошел курс подготовки космонавта. А давно обещанное заседание Совета обороны, на котором должен был обсуждаться стратегический вопрос — концепция реформы армии, — все откладывалось... Зато удавалось «мариновать» многочислен-

ные предложения Родионова. Первое же представление на назначение почти двух десятков генералов, которых министр забирал в свою команду, откровенно задвинули в долгий ящик. Ельцин лежал больной и оправдательный мотив был надежный.

Потерпев пару месяцев, Родионов все же пробился на прием к Ельцину, сумев преодолеть плохо замаскированное сопротивление. Вскоре последовали назначения. Начала формироваться команда министра. Но регулярные доклады о положении дел в армии и других силовых ведомствах шли к президенту по-прежнему в основном только через Батурина. И нетрудно было представить, что секретарь Совета обороны работу Министерства обороны, Генштаба и лично Родионова подавал в соответствующих его позициям красках...

То, что Родионов успешно совершил кадровый прорыв, еще не давало ему повода рассчитывать на дальнейший успех в реализации своих замыслов. В руках Кремля были мощные рычаги для того, чтобы не дать Родионову развернуться, — деньги. И без того мизерное финансирование армии в иные месяцы сводилось уже к нулю. Родионов метался и нервничал. Это было то, что нужно: в Кремле знали, что даже Грачев вызывал у Ельцина иногда яростное раздражение, когда просил денег. Однажды президент не выдержал и почти крикнул своему фавориту: «Пал Сергеич, я вам сколько раз говорил, что есть такие участки военной реформы, которые не требуют денег!»

Ельцину докладывали: Родионов требует денег. Ельцин приходил в ярость. То же самое было, когда Родионов прислал в Совет обороны свой проект военной реформы. Она должна была обсуждаться на заседании СО. В телефонных разговорах с президентом Родионов уже не просил, а настаивал, чтобы глава государства изыскал возможность как можно быстрее обсудить основные положения концепции военной реформы.

Ельцин еще в декабре 1996 года пообещал Родионову что обязательно вскоре проведет заседание Совета обороны. Батурин его отговорил. Не состоялся совет и в январе. Так тянулось до самой весны. 19 мая Родионов позвонил Ельцину и уточнил регламент работы СО, назначенного на 22 мая.

Ельцин сказал ему:

— Меня тут пытаются уговорить опять не проводить Совет обороны, передвинуть на более поздний срок. Но проведем его обязательно, как договаривались.

Накануне Батурин докладывал свое мнение о проекте реформы, присланном Родионовым в Кремль для ознакомления.

Легко догадаться, какие были выводы... Министр обороны подвергает недопустимой критике высшее руководство страны за положение в армии, пытаюсь переложить на него часть ответственности за собственную бездеятельность. Родионов кардинального сокращения армии в 1997 году не намечает, хотя Верховный главнокомандующий потребовал сократить Вооруженные Силы на 200 тысяч человек. Родионов упорно не хочет понимать экономической ситуации в стране и опять требует денег на реформы, не принимает мер к сокращению генеральских должностей, вместе с начальником Генерального штаба генералом армии Самсоновым ищет пути укрепления контактов с президентской и правительственной оппозицией. И при этом все более мощную поддержку Родионову и Самсонову оказывает «весьма не-лояльный» к Кремлю председатель Комитета Госдумы по обороне генерал Лев Рохлин...

Но главная «опасность» в том, что Родионов и Самсонов решили вырвать из рук президента—Верховного главнокомандующего жизненно важный орган контроля над Вооруженными Силами — Совет обороны. Они предложили, чтобы секретариат СО вошел в структуру Генштаба, и таким образом он — Батурин — станет всего лишь подчиненным Самсонова...

На заседание Совета обороны президент отправлялся с уже готовым решением.

Офицеры Службы безопасности президента и Федеральной службы охраны приказали комендату Генштаба отобрать пистолеты у всех постовых по маршруту следования Ельцина в кабинет министра и зал коллегии, где должен был состояться совет. Напуганные прапорщики безропотно сдавали оружие, искренне дивясь этому первому за время службы на Арбате случаю. У меня создалось впечатление, что Служба безопасности собиралась кого-то арестовывать или боялась покушения на Ельцина...

Коридоры опустели. Все замерло. Арбат напрягся.

...В окружении большой свиты генералов во главе с министром и начальником Генштаба появился президент. Он шел медленно, и я вспомнил, как когда-то охрана вприпрыжку еле поспевала за Ельциным, стремительно идущим по этому же коридору, по этому же красному ковру...

По мрачному лицу и холодной интонации голоса Родионов почувствовал, что Ельцин приехал на взводе. Он вошел в кабинет министра, бросил взгляд на то место, где при Грачеве всегда висел его портрет. Там теперь висел золотистый герб. Ельцин еще больше помрачнел. Такую же холодную важность хранил и Батурин. И даже сквозь коричневатые стекла его очков можно было заметить глаза, излучающие зловещую тайну...

Родионов уточнил регламент заседания. Ельцин согласился, не глядя в глаза министру и думая о чем-то своем. Весь его облик — от выражения лица до нервных движений пальцев — излучал какую-то недобрую энергию. Президент словно куда-то опаздывал, и необходимость присутствовать здесь его раздражала.

— Давайте не терять времени, — жестко сказал он и во главе свиты двинулся в зал коллегии, облепленный телекамерами.

Наступал момент, которого Родионов ждал со времени своего назначения на должность министра, — коллективное обсуждение генеральной концепции реформы армии и ее утверждение. Этот документ Министерство обороны и Генштаб готовили почти полгода. Десятки групп минобороновских и генштабовских офицеров побывали во всех военных округах и на флотах. Сам министр «облазил» армию в центре и на самых дальних окраинах России. Его выводы и предложения рождались не на ковре министерского кабинета, а в гарнизонах. И даже когда нетерпеливая пресса стала критиковать его за медлительность в развертывании реформы — не обращал на это внимания. Сначала Верховный должен был утвердить план «генерального сражения». Майскому заседанию Совета обороны по реформе Родионов придавал особо важное значение. И даже считал, что с основным докладом надо выступить бы не ему, а главе кабинета министров. Кремль не согласился...

Поздоровавшись с членами Совета обороны, Ельцин объявил, что первым выступит министр обороны. И добавил так же жестко, обращаясь к Родионову:

— Вам пятнадцать минут.

Родионов сказал, что согласно утвержденному регламенту его доклад рассчитан на тридцать минут.

Ельцин явно заводился:

— Меньше рассуждайте. Вы уже потеряли пять минут. Осталось десять.

— В таком случае я отказываюсь от доклада, — не менее жестко ответил Родионов.

— Тогда послушаем доклад начальника Генштаба.

Генерал армии Виктор Самсонов тоже заметил, что в пятнадцать минут не уложится.

Ельцин закипел:

— У меня есть предложение — освободить министра обороны от занимаемой должности. Кто против?

В ответ — тишина. Опущенные глаза членов Совета обороны.

Для группы высших генералов вновь наступил тот момент «Х», когда надо было делать выбор между молчанием и протестом. Все они прекрасно понимали, что даже идиот не мог согласиться за пятнадцать минут изложить содержание документа, который готовился полгода и который на десятилетие вперед должен был предопределить судьбу армии... Но никто из них, ни один, не встал и не сказал об этом Верховному. Ибо даже справедливое слово протеста против такого поворота дела могло грозить тем же, чем и Родионову...

Ельцина понесло. Все больше заводясь с каждым новым словом, он «порол» Родионова и Самсонова, весь генеральский корпус армии, обвиняя их во всех смертных грехах. И чем дольше он говорил, тем становилось яснее, зачем он прибыл на Арбат. Буквально каждый его критический аргумент с таким же успехом можно было обратить и против него самого — за военное строительство и состояние армии Верховный главнокомандующий первым в стране нес личную ответственность. Пять лет подряд Ельцин собственноручно своими указами раздувал гигантский генеральский корпус, а теперь обвинял в этом руководство МО и ГШ. Он негодовал оттого, что «генералы понастроили себе дач», хотя информация о сказочных генеральских виллах, построенных на казенные средства, шла в Кремль уже несколько лет подряд. Причем многие из этих дворцов стояли недалеко от дороги, по которой президент ежедневно ездил в свою загородную резиденцию... Но, казалось, в те минуты даже самые сильные аргументы уже не могли одолеть прямолинейной президентской предвзятости.

Дело было сделано. Министр обороны России был низложен.

...22 мая 1997 года, после смещения Родионова и назначения генерала армии Сергеева министром обороны, Ельцин своим указом образовал две комиссии, которые возглавили Черномырдин и Чубайс. Первая должна была представить президенту новую концепцию военной реформы. Вторая — план ее финансового обеспечения. Это решение президента очень многие генералы и офицеры на Арбате восприняли с чувством удивления, смешанного с унынием. Образование очередных комиссий означало, что судьба концепции военной реформы снова попадает в бюрократический круг.

У нас образование очередных комиссий всегда было дурным признаком бюрократического удушения того дела, ради спасения которого они создавались. В России, пожалуй, наиболее конструктивно всегда работали только похоронные комиссии... Генштабовские офицеры по этому поводу говорили, что «произошла смена почетного караула у гроба военной реформы»...

Очень странным выглядело и то, что президент—Верховный главнокомандующий, Совет обороны, Совет безопасности, которые по определению должны были играть главную роль в этом деле, отступали на второй план. Новый министр обороны с группой генералов в авральном темпе готовили проект новой концепции. У меня иногда создавалось впечатление, что новому руководству МО было важно не качество документа, а скорость, с которой он мог быть представлен президенту. Эта спешка была слишком опасной: группа генералов, на которых опирался генерал Сергеев, «втискивала» в концепцию такие новации, которые были очень спорными и вызывали большие сомнения у многих специалистов. Стремление военного руководства побыстрее отрапортовать Верховному о начале реформы было очень похоже на авантюру. Новую концепцию реформы предстояло обсудить на заседании Совета обороны. Но его опять отложили — президент был в отпуске...

Некоторые сотрудники секретариата Совета обороны признавались журналистам, что документ, представленный МО, «страшно сырой» и требует кардинальной доработки. Но их слов, казалось, уже никто не слышал.

Яростная имитация начала реформы, скороспелые бумажные прожекты и бодрые доклады министра о начале но-

вого этапа переустройства армии сделали свое дело: Ельцин похвалил новое руководство МО за энергичную работу. Вместо реформы вновь создавалась ее видимость.

* * *

...А на Арбате все оставалось по-прежнему: задерживали выдачу денег, в десятый раз меняли штаты и структуру отделов и управлений, в авральном порядке готовили новые предложения по реформе, писали отповеди «клеветникам» из московских газет, подрабатывали на стороне, пили водку, обсуждали новых пришельцев, которых тянул за собой новый министр обороны, и жалели тех, кого новое начальство изгоняло. Мало кто верил в скорые и зримые перемены. Люди были раздражены тем, что судьба реформы по-прежнему зависит от насморка президента, от капризов Батурина, от личных прихотей Чубайса, от хитрых кружев Черномырдина...

Размышляя об этом, я вышел из Генштаба на Знаменку. Гневно дул в свой свисток постовой. Замерли светофоры и остановилось движение. Белый милицейский «форд» на огромной скорости пронесся мимо. Вдали показался хорошо знакомый мне длиннющий «членовоз» с президентским штандартом на капоте.

Ельцин снова ехал в Кремль.

Я был в форме и стал с бешеной скоростью соображать — отдавать или не отдавать честь Верховному главнокомандующему?..

Глава 2

МАРШАЛ ШАПОШНИКОВ ПОСЛЕДНИЙ МИНИСТР ИМПЕРИИ

«ЛОВЦЫ ЗОЛОТЫХ РЫБОК»

...19 августа 1991 года в 6.00 у нас в Министерстве обороны была неожиданно назначена коллегия. Проведение такого внепланового мероприятия в столь ранний час было беспрецедентным явлением.

Большинство вызванных на службу к 7.00 офицеров центрального аппарата МО и Генштаба только по пути на Арбат услышали о ГКЧП и потому первым делом спешили узнать, что обсуждалось на коллегии. Но даже «по большому секрету» офицеры секретариата министра ничего необычного не сообщили. Просто пришел Язов и сказал, что обстановка в стране складывается тяжелая, что президент СССР заболел и управлять государством в настоящий момент не может. Поэтому обязанности президента в соответствии с Конституцией временно взял на себя вице-президент Янаев.

К тому времени уже все на Арбате знали и другое: 20 августа планировалось подписание Союзного договора. Президент СССР демонстрировал активное стремление найти общий язык с руководителями республик и подвинуть их к выработке окончательного варианта договора.

Сам Горбачев признавался:

— Мне надо было добиться подписания Союзного договора и сохранить страну... Даже прибалты поддерживали его...

Возникал резонный вопрос: почему же вдруг накануне такого события Горбачев отправился отдыхать в Форос? А ведь без Михаила Сергеевича такой документ вряд ли мог быть подписан. Все равно что свадьба без жениха...

В тот день на Арбате никто толком не мог понять, что происходит. Многие люди не подозревали, в какую историчес-

кую коллизии их втягивают политики. Горбачев сказал: «Если бы я не улетел в отпуск, оставаясь в Москве, ничего бы не произошло...»

Произошло. Но осмысление свершившегося придет к нам позже. А тогда, 19 августа, некоторые генералы и офицеры МО и ГШ снова допытывались у наиболее посвященного в ситуацию полковника из секретариата министра, что на самом деле происходит. Он пояснил: дескать, потому и вводится чрезвычайное положение в стране, что неподписание договора может вызвать негативные явления. Потому и образован Государственный комитет по чрезвычайному положению...

И все же вопросов оставалось много. А члены коллегии МО, к которым мы обращались, не могли на них четко ответить. Но уже одно то, что хоть что-то делается, что всех нас вовлекают наконец в «наведение порядка», приподнимало настроение, придавало особую значимость распоряжениям начальства...

После коллегии МО одни генералы еще долго курили в «предбаннике», перешептываясь между собой. Другие топтались в приемной начальника Генерального штаба, надеясь попасть в кабинет генерала армии Михаила Моисеева, — хотелось узнать больше, чем узнали от Язова. Третьи спешили к подъезду, где их ждали служебные машины. Был среди них и Главнокомандующий Военно-Воздушными Силами СССР генерал-полковник авиации Евгений Иванович Шапошников.

Позже он признается, что у него тоже возникло немало вопросов: если Горбачев болен, то почему об этом не объявлено? Почему решение о введении чрезвычайного положения принято не Верховным Советом? Почему в ГКЧП не вошел председатель Верховного Совета СССР Лукьянов?

Поделился своими сомнениями с первым заместителем Главнокомандующего ВМФ адмиралом Иваном Капитанцем. И у того сложилось впечатление, что что-то здесь нечисто...

В то утро представители Ельцина уже ходили по военным штабам и учреждениям, внимательно изучая обстановку и настроения руководящего состава. Появлялись они и на Арбате и в Главном штабе ВВС — у Шапошникова. С ним встречался подполковник Владимир Бурков, известный афганец, в то время председатель Координационного совета по делам инвалидов при президенте РФ, советник Ельцина.

Шапошников сказал в тот день Буркову:

— Передайте Борису Николаевичу, что Военно-воздушные силы против народа не пойдут.

Слова были красивые, но пустые. Потому как «идти против народа» ВВС никто не просил. Да и народ военных летчиков ничем не обижал...

В тот день Шапошников определил свою главную задачу — максимальная помощь президенту России... И в тот же день каждому главнокомандующему видом Вооруженных Сил и родом войск был «нарезан» свой участок работы. Получил его и Шапошников. Заместитель министра обороны СССР генерал-полковник Владислав Ачалов передал ему приказ министра о подготовке самолетов военно-транспортной авиации для переброски нескольких частей Воздушно-десантных войск на подмосковные аэродромы. Уже была вторая половина дня, а самолеты сидели на приколе. Ачалов нервничал. И когда раздался звонок Главкома ВВС, то он не сомневался, что выслушает доклад о ходе выполнения задачи. Вместо этого Шапошников спросил у него, знает ли министр обороны о планирующейся переброске ВДВ.

Ачалов вскипел:

— Ты что, может, проверять меня будешь?!

Шапошников позже утверждал, что он ответил так: «А почему бы и нет?» В это невозможно поверить. Во-первых, потому, что ни один главком в такой вызывающей манере с замом министра обороны не общается. А, во-вторых, Евгений Иванович давно слыл в МО и ГШ человеком очень тактичным и сдержанным. Мне кажется, маршал умышленно сгустил краски, дабы подчеркнуть свое негативное отношение к «заговорщикам». Но так или иначе, а уже через несколько минут после того разговора с Ачаловым Язову доложили, что Шапошников ведет «странную игру».

Но игру вел уже не только Шапошников. Многие высшие военные чины продемонстрировали тогда уникальное искусство организации разведки, к которой было подключено огромное число подчиненных генералов и офицеров (я и сам много поработал «разведчиком»), отслеживающих ситуацию в Доме правительства, на Старой площади, в московском правительстве и Совете безопасности.

Таких генералов у нас на Арбате сразу же прозвали «ловцами золотых рыбок».

Когда Шапошникову доложили, что и командующий Воздушно-десантными войсками «мутит воду» и не спешит в соответствии с уставом выполнять приказ «беспрекословно,

точно и в срок», он сразу же связался по телефону с Павлом Грачевым. Тот намекнул Шапошникову, что ситуация смутная и важно не попасть впросак. Его десантники не спешат погружаться в самолеты.

Шапошников обрадовался:

— Очень хорошо, Павел Сергеевич. По-моему, мы мыслим в одинаковом ключе...

Зная, что телефоны прослушиваются, Главком ВВС перешел на эзопов язык:

— Павел Сергеевич, у меня ВТА готова. Но не все благополучно с погодой. На маршрутах полета грозы. Нам не нужны еще и эти сложности.

— Да, непростой денек, — ответил Грачев. — То мои десантники «резину тянут», то погода не соответствует. А какие виды на погоду в будущем?

— Не самые лучшие. Есть возможность затянуть это перебазирование по метеоусловиям, а там, может быть, и погода улучшится...

Об этом сговоре тогда никто не узнал.

Позже, размышляя о скрытой сути этих действий генералов, я задавал себе вопрос: почему так радеющий за прямооту и честность Шапошников не заявил о своей позиции открыто? Ведь ему ничего не стоило позвонить министру обороны и сказать: «Дмитрий Тимофеевич, ввиду того что я считаю ГКЧП преступной авантюрой, выхожу из подчинения и ваши приказы выполнять не буду». Ясно и по-офицерски достойно. Никакой двойной игры. Почему же он так не сделал?

Ответ дал сам Евгений Иванович:

— В условиях чрезвычайного положения губительность открытой позиции состояла в неизбежном отстранении от должности...

Выходит, остаться при должности было гораздо важнее, чем снять маску.

Потому, когда взвинченный Грачев в одном из телефонных разговоров сказал, что если кто-то вздумает задействовать десантников без его ведома, то он «пошлет их всех подалее», Шапошников ответил:

— Подожди посылать... Это самое простое. Поставят на тебе крест, а дальше что?

ПРОЗРЕНИЕ

...20 августа ситуация в Москве резко изменилась в пользу противников ГКЧП.

Из Главного штаба Военно-воздушных сил к нам на Арбат поступает по «спецканалам» информация, что Шапошников затевает какой-то спектакль с демонстративным выходом из партии. Было странно, что «прозрение» будто специально приурочено к августовским событиям. Очевидно, не волновали Главкома в тот день более важные проблемы...

Вскоре на совещании в Главном штабе ВВС он объявил, что решил собрать Военный совет ВВС и заявить о выходе из партии. Из дальних и ближних гарнизонов съезжаются на Пироговку летные военачальники. Многие недоумевают: если Главком решил выйти из партии, то надо ли это делать публично? Ведь партийные дела на Военном совете не решаются. Напиши заявление в первичку — и будь свободен. Но Евгений Иванович собирался даже выступить с большой программной речью.

У меня тогда создалось впечатление, что ему было очень важно с большой помпой провести «отречение»... К тому времени такая позиция уже не была «губительной» для должности...

ДЕЗА

...Ельцинские агитаторы и пропагандисты усиленно нагнетали слухи о предстоящем штурме Белого дома. И даже тогда, когда стало абсолютно ясно, что никакого штурма не будет, с Краснопресненской набережной активно «гнали дезу». Без этого все было уже не так героично.

Шла деза и на Пироговку. Шапошников опять звонил единомышленнику Грачеву. Вместе обсуждали, как можно будет повлиять на тех, кто все-таки решит отдать такой приказ. Шапошников говорил:

— Пожалуй, нужно будет лично прибыть к автору приказа и потребовать его немедленно отменить... В крайнем случае, можно будет пару самолетов в воздух поднять, для острастки. И сказать авторам приказа: слышите, мол, если приказ не будет отменен и через 15 минут я не окажусь на своем рабочем месте, то сюда, где мы находимся, прилетят самолеты и могут посыпаться бомбы.

Грачев ответил:
— Принимается!

У нас на Арбате многие генералы уже очищали на всякий случай сейфы, пили водку и то ли в шутку, то ли всерьез прикидывали, кому и сколько дадут, а Главком ВВС яростно боролся с ГКЧП, «продумывая меры», чтобы предотвратить предстоящий «штурм». Он звонил командующему ВВС Московского военного округа генералу Антошкину и ставил задачу привести ВВС МВО в полную боевую готовность. И уточнил: срочно разработать план полетов на малой высоте. Цель — демонстрация силы и психологическое воздействие. Если возникнет необходимость в боевом применении, последует специальный приказ...

Трудно было его понять. Ведь недавно сам уговаривал Язова перевести войска из повышенной в постоянную боевую готовность. Он был явно непоследовательным. Он играл в свои игры. А в толпе на Краснопресненской набережной говорили об отважном главкоме, который пригрозил путчистам, что будет бомбить даже Кремль, если они не останутся.

Красиво.

Но лживо.

20 августа Шапошников посоветовал маршалу Язову разогнать ГКЧП, объявить его вне закона. На совещании в Минобороны 21 августа он убеждал министра обороны выйти из ГКЧП. Язов согласился с предложением членов коллегии, что надо вывести войска из Москвы и перевести их из повышенной в постоянную боевую готовность. А Шапошникову сказал:

— Но из ГКЧП я не выйду. Это — мой крест. Буду нести его до конца...

Маршал не хотел «ловить золотых рыбок».

22 августа на очередном совещании в Минобороны Шапошников поставил вопрос о необходимости департизировать армию. Большинство членов коллегии согласилось, что все к тому идет, но куда важнее сейчас вывести армию из состояния шока.

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС

...В тот же день министр обороны СССР маршал Дмитрий Язов после возвращения из Фороса был арестован сотрудниками 9-го управления КГБ во Внуково-2 и спроважен в «Матросскую тишину». Его обязанности возложили на на-

чальника Генерального штаба генерала армии Михаила Моисеева. На Арбате все понимали, что это временно, Моисеев был человеком Язова, а подчиненный ему Генштаб сыграл не последнюю роль в организации ввода войск в столицу. Нельзя было исключать, что за арестом министра последуют и другие...

23 августа 1991 года Моисеева вызвали в Кремль и приказали сдать дела Шапошникову.

— Зря вы так со мной поступаете, Михаил Сергеевич, — сказал Горбачеву Моисеев. — Я вам ничего плохого никогда не делал.

— Но и никаких действий по пресечению этих событий вы тоже не предприняли.

Горбачев пообещал, что никаких несправедливостей в отношении Моисеева не будет допущено. Но в тот же день Моисеев был снят с должности начальника Генерального штаба. Следом за ним были смещены с постов восемь заместителей министра обороны, девять начальников главных и центральных управлений, семь командующих военных округов и флотов...

Я знал всех этих людей. Со многими был знаком лично. Каждый имел по три десятка лет безупречной службы Родине, кучу орденов и медалей. Их покарали за то, что они выполнили приказ. Они были «преступниками». Героями были те, кто имел лисий нюх и втихаря приказ игнорировал...

К большой кадровой чистке приложил руку и Шапошников. Он позже признался: «Пришлось освободить от занимаемых должностей тех представителей армии и флота, которые оказались так или иначе причастными к инициативным попыткам проведения в жизнь установок ГКЧП, не понимали важности реформ и не поддерживали их».

А по сути, то была обыкновенная расправа. К счастью, теперь генералов не расстреливали...

Среди них не было ни одного, который бы не понимал «важности реформ». Это понимали даже генштабовские поварахи.

...У нас на Арбате всегда отменно работала разведка.

Помню, еще до назначения Шапошникова Ельцин вызвал к себе командующего Воздушно-десантными войсками генерала Павла Грачева и предложил ему пост министра (якобы это уже согласовано с Горбачевым). Не успел Грачев выехать из Белого дома, а на Арбате о содержании их разговора уже знали. Мы знали, что Грачев отказался. Возможно,

испугался столь высокого поста. В то время, видимо, он был способен трезво себя оценивать и понимал, что прыгать через обязательные служебные ступени рискованно. Ельцин открыл ему свой «запасной вариант» — назначить министром обороны другого «героя августа» — Главкома Военно-воздушных сил Евгения Шапошникова. А Грачева — первым замом. И намекнул:

— С перспективой...

Грачев согласился. Ельцин поехал в Кремль к Горбачеву — договариваться. В тот же день Шапошникова вызвали в Кремль. В кабинете президента был и Ельцин. Горбачев сообщил Главкому о своем решении назначить его министром обороны. Шапошников стал вяло отказываться, говорить о других должностях.

— Только министром обороны, — твердо сказал Ельцин.

В считанные минуты об этом узнали на Арбате и недоумевали: почему вопрос о назначении министра обороны СССР инициировался Ельциным, а не президентом Союза?

Арбатским генералам хотелось, чтобы власть с ними советовалась, прежде чем принимать ключевые кадровые решения. В этой связи во многих кабинетах вспоминали тогда, что даже Сталин умел выслушивать мнения высшего генералитета (классическое «А что думает товарищ Жуков?»).

Весьма странной выглядела и позиция Горбачева. Создавалось впечатление, что он настолько подавлен напором Ельцина, что его гораздо больше беспокоила уже собственная карьера.

Вскоре последовал соответствующий указ Горбачева о назначении Шапошникова министром обороны СССР.

Разговоры об этом событии стали муссироваться с новой силой. Не слишком ли рискованно назначать министром Главкома вида Вооруженных Сил, который и дня не работал в министерстве? За что? Вопрос был резонным — военные люди на кадровые назначения первых лиц в армии смотрят несколько иначе, чем политики. У них на первом плане — критерии профессионализма и порядочности.

Армия привыкла к тому, что ею многие десятилетия командовали сухопутные генералы. Этот «стереотип» нельзя было безболезненно выкорчевать. Военный летчик во главе Вооруженных Сил — что-то почти экзотическое. Не зная истинной подоплеки головокружительного взлета Шапошникова, кое-кто активно распространял слух, дескать, такое решение принято по рекомендации Центрального разведыва-

тельного управления США. Обоснование: летчик живет только полетами, он по-своему видит мир и потому чем меньше будет знать «министр» о земных проблемах Вооруженных Сил и чем дольше вращаться в должности, тем лучше зловредным америкашкам...

Такая аргументация вызывала лишь улыбку.

В арбатских кабинетах шли яростные дискуссии. Не устояв перед естественным соблазном поучаствовать в них, я однажды в ходе спора с сослуживцами напоролся на аргумент, который заставил меня засомневаться в непоколебимости убеждения, что министром обороны может быть исключительно сухопутный генерал. «Что же, по-твоему, — сказали мне, — если человек становится, допустим, морским офицером, то он изначально даже теоретически лишается возможности стать министром?»

Август 91-го многое заставлял переосмысливать.

И хотя сугубо личные профессиональные качества Шапошникова ни у кого сомнений не вызывали, тертые калачи Минобороны и Генштаба, знавшие предысторию этого кадрового назначения с подачи Ельцина, уверенно говорили, что в основе его лежит прямая политическая конъюнктура...

ПРОВИДЕЦ

Примерно через полгода после августовских событий на одной из пресс-конференций я задал маршалу вопрос: игнорировал ли он приказы бывшего министра обороны и что думает об этом с точки зрения офицерской чести.

Вопрос я задавал в нарочито некорректной форме (поскольку был в гражданке), но Шапошников даже не подал вида, что он ему очень неприятен. Без тени малейшего раздражения он стал втолковывать мне, что обозвать человека, сомневающегося в законности приказов старшего начальника, можно как угодно. Что на один и тот же поступок можно смотреть совершенно по-разному. Об одном и том же человеке можно сказать «герой», а можно «предатель», об одном и том же событии «революция» и «государственный переворот»...

Убедительно. Но то была его логика. Я ее не понимал. Тогда я был твердо убежден, что и Шапошников, и Грачев — одного поля ягоды: перебежчики. Тогда я еще не знал, что поведение Шапошникова предопределялось иными мотивами, нежели поведение Грачева.

В службу Шапошникова вносили большой дискомфорт явные и скрытые конфликты с руководством партийно-политических органов армии. К августу они достигли пика, и «путч» спасал Евгения Ивановича от новых неприятностей...

Грачева же, по-моему, ослепляла расположенность к нему Ельцина, и он сполна решил воспользоваться этим, когда настало «удобное время»...

Когда военный человек попадает в сети большой политики, принципы офицерской чести иногда начинают не совпадать с идейными убеждениями. Когда в государстве происходят глубокие политические разломы, они неминуемо порождают «двурушников» и среди военных.

Не изменяя Родине, они изменяют командирам.

ДИССИДЕНТ

...Еще с конца 80-х годов в Минобороны и Генштабе шли разговоры, что Главком ВВС имеет «опасные» политические взгляды, идущие вразрез с позицией руководства МО, что водит дружбу с демократически настроенными московскими политиками...

В то время, когда «крамольная мысль» провести департизацию армии еще только витала в воздухе, состоялась коллегия Министерства обороны СССР. Высшая военная верхушка, приученная к тому, что к такой постановке вопроса преступно даже обращаться (хотя она уже и чувствовала крах КПСС), продемонстрировала свою офицерскую и партийную сплоченность — проголосовала против департизации. «За» был лишь один человек — Главком ВВС Шапошников.

У Евгения Ивановича была давняя и стойкая нелюбовь к партийно-политическим органам.

Помню, Евгения Ивановича в МО и Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота замышляли примерно наказать.

И это было очень просто. В армии вообще, а в авиации и подавно, всегда можно найти инспекторские факты, связанные с грубым нарушением безопасности полетов, любую аварию, тем более катастрофу, можно ставить в личную вину главному летчику.

И дело шло именно в этом направлении. Шапошникова все чаще, как говорится, начинали дергать за партбилет. В

его главкомат стали наведываться инспектора вышестоящих парткомиссий и органов народного контроля. Вал «просчетов» нарастал. Но «компру» в полном объеме собрать не успели. Помешал ГКЧП. Когда «путч» провалился, появилась возможность с наслаждением оттянуться на обидчиках...

СВОЙ

...Ельцин заметил Шапошникова еще с тех времен, когда демократы первой волны только вставали на ноги. О нем хорошо отзывался Гавриил Попов, к мнению которого Ельцин прислушивался особенно внимательно.

А уж когда услышал БН байку о готовности Главкома «бомбить Кремль», если это потребуется во имя полной и окончательной победы демократии над «черными силами тоталитаризма», то вообще воспылал к нему любовью не меньшей, чем к Грачеву.

О Шапошникове и Грачеве в МО говорили, что они в кульминационные дни августа «кинули Язова на камни», поддавшись на уговоры Ельцина «не делать глупостей»... А в Белом доме на Красной Пресне о них же говорили как о «думающих людях».

Тогда генералы разделились, как самолеты, на «свой» и «чужой». Шапошников был «свой». И после ареста Язова не случайно именно на Главкома ВВС обратил свой взор Ельцин, когда занялся подбором нового министра обороны. Он уже чувствовал себя хозяином положения. Многоопытный политический игрок, он отлично знал, что лучший способ приручить генералов — дать им высокие должности...

КРЕСЛО

...Самое яркое впечатление о первых днях пребывания Шапошникова в должности министра — его приемная, битком набитая генералами и офицерами в летной форме. И безостановочное тарактение телефонов. Все спешили «засвидетельствовать» и поздравить. Так бывает всегда, когда в главном арбатском кабинете появляется новый хозяин. Вслед за ним начинают появляться и новые люди, которых «старые» принимают настороженно.

Была своя причина и прохладного отношения «старых» к

самому министру: к нему постоянно являлись члены так называемой президентской комиссии по реформированию МО, которую возглавлял назначенный военным советником Ельцина генерал-полковник Дмитрий Волкогонов. Волкогоновцы часто вели себя как следователи, некоторые из них не скрывали, что им нужен компромат на «неблагонадежных» и «пособников путча». Бывали случаи, когда члены комиссии навязывали свое мнение Шапошникову и он принимал решения под их диктовку.

Мне запомнился случай с генерал-полковником Геннадием Стефановским. Встал вопрос о его назначении начальником одного из главков МО. Члены комиссии яростно воспротивились и стали доказывать, что Стефановский «пособник путчистов». Шапошников заявил, что такие доводы — блеф, генерала в августе даже близко в Москве не было, он в это время находился в отпуске далеко от столицы. И принял решение все-таки назначить Стефановского на более высокую должность. Вскоре подписал документы. И тут началось!

Член волкогоновской комиссии отставной майор Владимир Лопатин усмотрел в решении Шапошникова политическую крамолу и заявил, что представление на Стефановского якобы было подготовлено обманным путем. Он даже сумел пробиться на прием к Шапошникову.

Министр очень болезненно реагировал на такого рода скандалы и во избежание развития склоки пошел на попятную — дезавуировал решение...

Генерал Стефановский был не единственным, с кем министр вынужден был поступить несправедливо. Без внятного объяснения причин был смещен с должности генерал-полковник Николай Бойко. Таким же образом наказали еще несколько десятков генералов... Многие офицеры — специалисты высочайшего класса, были вынуждены уйти из армии под давлением или самостоятельно. Тех, кто не хотел уходить, часто назначали со значительным понижением в должности, им даже толком не объясняли причин.

...Манера общения нового министра с подчиненными поначалу подкупала, она выдавала в нем человека сдержанного, тактичного, воспитанного. Это выгодно отличало его от Язова и некоторых других наших высших начальников. Все министры в первые дни работы — образец благопристойности. Но проходит немного времени — и все становится на свои места: с уст свежее испеченного шефа такое сорвется, такая кузькина мать!..

Шапошников стал исключением. Даже в минуты сильного негодования он не позволял себе оскорблять и унижать подчиненных.

Сев в кресло маршала Язова, Шапошников начал вращаться в новую должность. Ни дня не служивший в МО, он, по признаниям работавших рядом с ним аппаратчиков, поначалу слишком медленно рассматривал проекты директив и приказов, которые следовало утвердить. И его можно было понять: боялся ошибиться. Стоит проколоться на директиве по службе войск и тут же отменить ее — пойдет молва аж до Камчатки.

В то время генштабовские аналитики день и ночь корпели над проблемами сохранения единых Вооруженных Сил, но жизнь военных округов и флотов начинала развиваться уже по иным руслам — все яснее становилось, что Москва не сможет сдержать процесс создания национальных армий, избежать дележки при приватизации и национализации воинских частей и объектов...

Командующие военными округами и флотами, группами войск почти непрерывно обращались в МО с просьбами о помощи. Одновременно в Кремль, в правительство шли протесты и жалобы руководителей союзных республик, стремившихся отхватить куски побольше.

Резко возросло число шифровок правоохранительных органов, органов военной контрразведки о нападениях на наши склады и арсеналы, об участвовавших захватах оружия и боевой техники. Министр отправлял грозные телеграммы: усилить, воспрепятствовать, противодействовать, наказывать. Однажды министр отдал распоряжение даже заминировать подходы к арсеналам в тех регионах, где не прекращались бандитские набеги. Но это уже помогало мало. Снаряжаемые министром многочисленные комиссии в военные округа и на флоты не могли приостановить процесс растаскивания вооружений и приватизации объектов на территории суверенных республик...

Во всем этом было что-то несправедливое и роковое: блистательный взлет на пик военной карьеры — и начинающийся развал армии. Растущая известность, желание придать новый облик Вооруженным Силам — и войска, теряющие боеспособность.

На фоне всего этого постоянная улыбочка Шапошникова иногда выглядела нелепо. Но «секрет» ее мало кому на Арбате был непонятен: после былых суконных министерских лиц и солдатской угловатости их манер маршал стре-

мился создать принципиально новый имидж министра обороны — приятного в общении, доступного, интеллигентного, умного. И очень во многом ему это удалось. Он сумел расположить к себе прессу. Его стали приглашать на телепередачи, рауты московского бомонда. Присутствие Шапошникова на заметных мероприятиях в Москве становилось чуть ли не модой. Он появлялся не только в маршальском мундире, но и в гражданском платье. Особенно после того, как демократы в очередной раз заговорили о гражданском министре. Шапошников тут же заявил, что готов к такому шагу.

Он рьяно взялся за организацию взаимодействия всех военных структур Центра и республик. Уже 31 августа направил специальную записку на имя Горбачева. Предлагал сохранить единые ВС. Но всем было не до этого... Согласились только с тем, что военным надо повысить денежное содержание...

В первые дни работы Шапошникова Минобороны превратилось в дом жалоб и предложений. Косяками шли все, кто имел какие-то идеи или был обижен. Помню, министр бросил все дела, чтобы встретиться с солдатскими матерями. Только серьезного разговора не получилось: депутаты А. Алексеев и В. Уражцев завели прилюдную свару...

Криком кричали проблемы военной реформы. Свою концепцию реформы армии министр сформулировал так: «Лучше быть худым и сильным, чем толстым и слабым»...

Он брался за все: комплектование, единые вооруженные силы, работа с солдатскими матерями, группа генеральных инспекторов, дачи, бюджет... Наряду со здоровыми идеями иногда проскакивала чушь. Например, маршал считал, что расформирование политорганов давало возможность устранить искусственное расчленение обучения и воспитания и «резко повысить качество подготовки войск», «утвердить в воинских коллективах здоровую атмосферу». Были вещи и позабавней. Он предлагал амнистировать всех беглецов и дезертиров, ликвидировать дисбаты и за счет такого пополнения доукомплектовать армию...

Он пишет записку Горбачеву, в которой предлагает обсудить на Государственном Совете вопросы об отношении к процессам, происходящим в республиках в области обороны, о принципах формирования союзного бюджета на оборону, об очередном призыве на службу в ВС... Но его плохо слышат.

Старая власть умирала. Новая азартно делила кабинеты и должности. Было не до армии...

ДАЧА

...Через несколько дней после своего назначения Шапошников с семьей побывал на своей служебной даче. Он не мог и предположить, сколько упреков, критики, обвинений в нечистоплотности, использовании служебного положения в корыстных целях придется вытерпеть ему из-за той злосчастной дачи...

Позже он вспоминал:

«...Если человек назначен на какую-то высокую должность, то ему дают служебную дачу и многое другое, то есть, говоря без обиняков, допускают к своего рода кормушке, а он, в свою очередь, должен не только хорошо работать, но и говорить то, что говорят вышестоящие, а если нет — с должностью прощайся и с дачи съезжай... И я решил, что это надо поломать и жить так, как живут все люди...»

И что же он сделал?

Нет, он не собирался продавать все служебные дачи МО, а вырученные деньги направлять на строительство жилья для 180 тысяч бездомных офицеров. Нет, он не отказался от своей дачи.

Ранее проявлявший почти маниакальную чистоплотность во всем, что касалось его морального облика, маршал Шапошников не удержался-таки и за символическую, можно сказать, цену выкупил по остаточной стоимости служебную дачу.

А чтобы это не выглядело слишком нескромным (ведь только сел в кресло министра), Шапошников обратился к Горбачеву и Ельцину с просьбой разрешить приватизацию дачного фонда Министерства обороны наиболее заслуженным маршалам и генералам Вооруженных Сил. Среди наиболее заслуженных значилась и его фамилия... Соответствующее разрешение было получено. Словно не было проблем поважнее. Оценивали его дачу «свои» квартирные органы. Остаточную стоимость явно занизили. Потом эта махинация всплыла в прессе. Сигнал дошел до Генеральной прокуратуры, и была назначена проверка. Факты подтвердились. Шапошникову пришлось дополнительно внести за приватизацию служебной дачи 871 тысячу рублей. Он сделал это по первому же предъявлению претензий. Но и после шли разговоры, что «за такую дачу Шапошникову и всей родней не рассчитаться»...

Первый блин военной реформы получился комом.

«ВОРУЙ, РЕБЯТА!»

Маршал авиации Евгений Шапошников войдет в историю не только как последний военный министр Империи, но и как первый министр, при котором военным было разрешено заниматься коммерцией:

«Зная социальные трудности, переживаемые армией, и не видя должной реакции высших государственных органов на мои обращения, я направил в войска директиву о хозяйственной деятельности в ВС...»

Директивой предусматривалось заключение договоров между воинскими частями и хозяйственными руководителями краев и областей по использованию под сельхозугодья пустующих участков земли, закрепленных за воинскими частями. Выращенную на них продукцию предполагалось направлять на нужды армии. Предлагалось также «для попутного решения народнохозяйственных задач» использовать военный автотранспорт, а заработанные при этом деньги употребить «на решение социальных проблем Вооруженных Сил»...

И когда позже Грачев скажет, что Шапошников стоял у истоков торгашеского развращения армии, он будет во многом прав. Неправ Грачев был лишь в малости — Шапошников, скорее, был не автором, а соавтором. Ибо первые бизнес-проекты и бизнес-планы, первые предложения о необходимости «толково распорядиться» несметными государственными богатствами армии поступили в МО от шустрых ребят из Госкомимущества и коммерческих структур.

Армию захлестнула эпидемия «предпринимательства». В товар превращались не только списанные грузовики или залежавшиеся на складах кирзовые сапоги. В ход шли патроны и пистолеты, автоматы и даже бронетранспортеры.

Дилерами, менеджерами, продавцами и посредниками старались быть почти все, кто носил погоны. Но на армейские счета не поступало и половины вырученных сумм...

Директива как бы узаконивала разгул воровских страстей.

Теперь генералы и полковники прямо из кабинетов Министерства обороны и Генштаба звонили в различные коммерческие конторы:

- Противогозами интересуетесь?
- Парочку вагонов портянок не возьмете?
- Можем предложить две цистерны бензина.

Отложив в сторону приказы и директивы, стратегические исследования и разведывательные данные, наиболее пред-

приимчивые штудировали учебники по коммерции и заучивали, что такое «НДС» и что такое лицензия, пошлина или предоплата.

В ту пору я бы не удивился, если бы где-то посреди Москвы знакомый полковник из Главного штаба Ракетных войск стратегического назначения предложил ядерную боеголовку по сходной цене. На продажу шло буквально все, что могло дать навар, что учитывалось и не учитывалось. Армия явно перепутала бизнес с воровством. На одном из складов, например, крупную партию стрелкового оружия взяли по фальшивой накладной, подписанной должностными лицами штаба военного округа.

Конечно, совсем не на коммерческую лихорадку в армии рассчитывал маршал Шапошников, разрабатывая с благословения власти свою легендарную директиву. Евгений Иванович свято верил, что после продажи всего лишнего громадные денежные суммы мощным потоком польются в армейскую казну...

И маршалы бывают наивными.

Интересно было наблюдать, как овладевали смежными специальностями мои друзья-генштабисты. Один тайком при-торговывал газовым оружием, другой организовывал доставку картошки и капусты с Украины, третий следил за прохождением вагонов вина из Молдавии — причитающиеся ему 10 процентов от суммы сделки раз в пять были больше должностного оклада, четвертый с утра до вечера обзванивал управления и отделы и предлагал по сходной цене нижегородскую парную свинину...

А многие из тех, кто носил генеральские лампасы и имел очень высокие должности, вершили делишки покруче: в ход шли самолеты и списанные подлодки. Масштабы генеральского бизнеса все чаще уже не помещались в тесных рамках российских границ...

Те же, кому не хватало коммерческой прыти, брали уроки у бывалых. Негласный университет на общественных началах.

В старом здании Генштаба на втором этаже был большой магазин. Там однажды продавались автомобильные радиоприемники — жалкий ширпотреб «желтой сборки», с трудом берущие даже самую сильную московскую волну. По 5400 за штуку. Бывалый учил «зеленых»:

— Берете один приемник по 5000. Идете на Новый Арбат в коммерческую палатку. И сдаете. По 8 за штуку. Лавоч-

ник — он лох. Ему все равно, что на вашем коробке с приемником написано вместо «Панасоник» — «Павасоник». Получаете навар 3000. Снова берете свои 5000, добавляете 2 штуки из навара и покупаете уже два приемника. Снова сдаете в лавку и получаете навар уже 6000...

Генштабисты — люди масштабные. Кто-то вскоре подогнал левый «каблучок» и загрузил все «Павасоники», что были в магазине. Тогда некоторые офицеры стали наваривать на кастрюлях-скороварках...

Коммерческий ажиотаж принял такие угрожающие масштабы, что уже через несколько месяцев Кремль приказал Шапошникову директиву отменить. Но в ту золотую пору многие высшие генералы успели воспользоваться благоприятным моментом и сильно укрепили свое материальное состояние за счет армейских средств...

ЯДЕРНАЯ КНОПКА

...Вскоре после августа 91-го Ельцин начал готовиться к поездке в Белоруссию. Бывший военный советник бывшего вице-президента полковник Василий Филиппович Изгаршев как-то рассказал мне, что об истинной цели декабрьской поездки в Минск до последнего момента не знал даже Руцкой.

Был тогда один очень странный эпизод, к которому имел непосредственное отношение и Шапошников.

...Декабрь 1991 года. Ельцин уехал в Минск на встречу с руководителями Украины и Белоруссии.

Горбачев испытывал острый дефицит информации об этом событии. Предчувствуя, что за его спиной началась опасная игра, он нервничал, позванивал Шапошникову и спрашивал:

— Что слышно из Минска?

Шапошников утверждал, что тоже не располагает информацией. Президент, очевидно, в это мало верил.

8 декабря вечером Шапошникову позвонил Ельцин. Между ними состоялся такой разговор:

Ельцин: Сегодня мы в Белоруссии подписали Договор о тройственном союзе — России, Украины и Белоруссии. Ваше мнение по этому поводу?

Шапошников: А другие республики могут присоединиться к нему?

Ельцин: Да.

Шапошников: Тогда у меня просьба к вам: зачитайте, пожалуйста, все, что касается в договоре Вооруженных Сил.

Ельцин зачитал текст, касающийся Стратегических сил. Однозначно говорилось, что они будут находиться под единым командованием.

Шапошников: А как отнесется к этому Назарбаев? Его авторитет и влияние в обществе не учитывать нельзя, тем более что часть Стратегических сил размещена на территории Казахстана.

Ельцин: Нурсултан Абишевич отнесся к договору положительно. Предварительный разговор с ним был.

Шапошников: В документе что-нибудь сказано относительно обычных Вооруженных Сил?

Ельцин: Здесь сложнее. Ввиду различия мнений этот вопрос не нашел отражения в документе. Но сам я стою на позиции единых Вооруженных Сил. Видимо, в дальнейшем по этому вопросу необходимо будет разрабатывать и подписывать отдельные соглашения...

Ельцин так торопился с договором, что даже «забыл» взять в Минск главного силовика и оставил его в неведении о содержании военной части документа. А он касался не только обычных, но и Стратегических ядерных сил. В голове не укладывалось: как можно было не включить в состав российской делегации Шапошникова, в руках которого находилась одна из ядерных кнопок? Ехали свататься — забыли жениха.

И тем не менее Шапошников не скрывал, что положительно отнесся к инициативе трех президентов, и рассуждал так:

«...Все мои усилия по сохранению Вооруженных Сил едиными наталкивались на все более серьезные препятствия. В Содружестве я увидел шанс спасти то общее, особенно в сфере обороны, что народы могли безвозвратно утратить с распадом Советского Союза, к чему все шло в последние годы...»

В тот день, 8 декабря, снова звонил Горбачев и Шапошников передал ему все, что услышал от Ельцина. А заодно высказал и свое мнение о происшедшем в Минске.

Горбачев рассвирепел:

— Не вмешивайся не в свое дело, предупреждаю! — И бросил трубку...

Потом он снова звонил Шапошникову, извинялся, что погорячился, и намекал, что в Минске слишком поторопились. Но Евгений Иванович был убежден, что в Содружестве есть хоть какая-то определенность.

Вскоре стало известно, что в Ашхабаде собираются ру-

ководители государств Средней Азии и Казахстана, чтобы подписать договор о своем Содружестве.

Шапошников возмущался:

— Этого еще не хватало! Веками вместе. А теперь...

Значит, в Минске было можно, в Ашхабаде — нельзя? В этой связи у меня возникали слишком большие сомнения в том, что Ельцин не лукавил, когда говорил маршалу, что Назарбаев к минскому договору «отнесся положительно». Иначе зачем по его инициативе возник проект среднеазиатского Содружества? То была явная «месь» минским договорщикам. В бывшем Советском Союзе образовывались две группировки республик — европейская и среднеазиатская. Даже молодые прогнозисты Генштаба предсказывали, что очередная будет кавказской...

Пройдет не так много времени, и между Москвой и Алма-Атой пойдет грязная возня вокруг казахских ядерных боеголовок. В нее будут вовлечены американцы...

25 декабря 1991 года президент России Ельцин должен был принимать дела у бывшего президента СССР Горбачева. В том числе и «ядерную кнопку».

На эту процедуру в Кремль Ельцин не поехал. Туда отправили Шапошникова. По этому поводу мой сослуживец полковник Владимир Климов сказал тогда:

— Евгений Иванович поехал в Кремль «закрывать глаза» империи...

ПОХОРОНЫ

...30 декабря 1991 года. Минск. Совецание глав государств СНГ. Шапошников выступил с концепцией «переходного периода». Он предлагал в течение трех-пяти лет сохранять единые Вооруженные Силы.

Но руководители Украины, Молдовы и Азербайджана были намерены уже с 1 января 1992 года приступать к созданию собственных вооруженных сил. Тогда Шапошников заявил, что подает в отставку. И положил на стол рапорт.

«Главам Независимых Государств РАПОРТ

В связи с тем что Союз ССР прекратил свое существование, принимая во внимание, что после упразднения Министерства обороны СССР нет единого подхода в строитель-

стве единой обороны и безопасности СНГ, учитывая, что отсутствует переходный период в решении вопросов создания вооруженных сил некоторыми государствами Содружества, что может вызвать взрыв в среде военнослужащих, страдания членов их семей, прошу снять с меня полномочия ГК ОВС СНГ и уволить из рядов Вооруженных Сил установленным порядком. Участвовать в этом не желаю.

Е. Шапошников.

30.12.91 г.»

...Затем Шапошников покинул зал заседаний.

Ельцин вышел следом за ним и почти час уламывал маршала забрать рапорт обратно.

Расставаться с таким преданным опорным игроком Ельцину не хотелось. «Бунт» Шапошникова, по большому счету, становился протестом не только против тех, кто спешил получить свой кусок Советской Армии, но и против инициаторов «тройственного союза», создавших отличные предпосылки для дележа Вооруженных Сил и углубления процесса их развала.

С огромным трудом Ельцин уговорил глав государств Содружества определить двухмесячный срок, в течение которого в республиках примут необходимые законы по вопросам создания национальных армий. Это значило, что идею Шапошникова о переходном периоде вновь проигнорировали. Но рапортов он уже больше не писал...

Один из моих стародавних друзей — полковник Григорий Соколовский, до сих пор работающий в Минобороны Белоруссии, по телефону сообщил мне тогда, что Ельцин сказал Шапошникову:

— Успокойся, Женя, поезд ушел...

Но через пять лет, весной 1996 года, маршал уже принципиально по-новому интерпретировал события, к которым имел личную причастность:

«Жизнь сложнее и многообразнее, чем любые схемы, проекты, прогнозы. Мне тогда думалось, что руководители республик не столько хотят разрушить сам Союз, сколько не воспринимают Горбачева. Инициатива руководителей трех республик, по-видимому, вносила некоторую определенность, помогала обществу выйти из тупика, в котором оно оказалось. Создание СНГ позволяло сохранить стратегическое ядерное оружие в одних руках, избежать его растаскивания

по национальным огородам, расширения круга ядерных держав со всеми вытекающими из этого последствиями для международной стабильности и безопасности...

Судьба вовлекла меня в события, связанные с болезненным и трудным завершением существования СССР и возникновением СНГ, свела с людьми, так или иначе причастными к этим событиям, дала понять причины и следствия этой драмы.

Участвуя в заседаниях Госсовета, будучи еще министром обороны «могучего и неделимого», я все больше убеждался в том, что Союза фактически уже нет и ничего подобного ему не будет. Горбачев, очевидно, это чувствовал и, как мне кажется, страдал. Его серьезным упущением в то время было нежелание пойти на конфедеративную форму государственного устройства. А такие предложения выдвигались. Что потом началось — у всех в памяти. И народ вроде бы высказался на референдуме за сохранение Союза, а система так и не удержалась...»

Шапошников абсолютно прав: Горбачев боялся конфедерации. Это предвещало изнурительные политические бои с Ельциным, в которых он, Горби, будет выглядеть вечно обороняющимся.

Когда главные политики грызутся между собой, армия становится похожей на любопытную сторожиху Матрену Ивановну, на глазах у которой пинают друг друга директор колхоза и главный бухгалтер: на чью сторону ни стань — все равно будет плохо... Чем дерьмовее идут дела в стране, чем тяжелее армии, тем более изощренной политической проституткой обязан быть министр обороны. Тут либо принимаешь эту роль, либо протестуешь и вешаешь китель на гвоздик.

Размышляя о весьма путаной линии поведения Шапошникова в тот период, опять прихожу к выводу: военная власть, полученная от власти высшей в качестве вознаграждения за лояльность, рано или поздно начинает разоблачать свою беспринципность. И тут я снова вспоминаю слова Шапошникова:

«Многие республиканские парламенты провозгласили верховенство принятых ими законов над законами общесоюзными. Как в этом случае можно было удержать все в рамках Союза? Силой? Но это значило бы опять танки на улицах, кровь, слезы, страдания людей. Нужны были срочно политические решения. Зимняя охота в Беловежской пуще продлила агонию умирающего Союза созданием Содружества Независимых Государств (СНГ).

Тогда мне казалось, что беловежский акт хотя и означал возникновение принципиально новой военно-политической ситуации, но вместе с тем открывал довольно благоприятные перспективы для создания системы коллективной безопасности, широкой интеграции...»

Ловлю маршала на слове.

Вспомним его рапорт:

«...Нет единого подхода в строительстве единой обороны и безопасности СНГ... отсутствует переходный период в решении вопросов создания вооруженных сил некоторыми государствами Содружества, что может вызвать взрыв в среде военнослужащих, страдания членов их семей».

Какие уж тут «благоприятные перспективы»... Кровь, слезы и страдания людей — в переизбытке. Время от времени появляются и танки...

ЗАГОВОРЩИК ГОРБАЧЕВ

...Незадолго до кончины Союза в декабре 1991 года Горбачев предложил главам республик еще раз собраться и попытаться спасти государство новым договором. И хотя позиции президента СССР к тому времени были сильно подорваны и в общественном мнении, и в политических кругах, он все же сумел добиться от некоторых глав республик, чтобы появился на свет коллективный документ, в котором была зафиксирована необходимость сохранения страны.

Но соотношение сил уже было не в его пользу в борьбе с Ельциным, который продолжал явно и скрыто разрушать союзный центр. Между Горбачевым и Ельциным в присутствии республиканских президентов происходили яростные дискуссионные схватки, иногда доходящие чуть ли не до прямых оскорблений. Некоторые руководители республик, уставшие от этих дебатов и ясно понимающие, что от позиции Ельцина теперь в огромной мере зависит, быть Союзу или нет, говорили Горбачеву: «Вы между собой договоритесь, а мы вас поддержим».

Ельцин не откликнулся. Ельцин уже вынашивал планы тройственного союза. И тогда Михаил Сергеевич стал искать другие способы своего политического выживания под видом спасения Союза...

Однажды он позвонил Шапошникову и сказал, что три полковника Ракетных войск стратегического назначения присла-

ли ему телеграмму, в которой пригрозили, что если не будет спасен СССР, то они нанесут ядерные удары по всей территории страны...

Серьезно обеспокоенный маршал попросил у президента фамилии шантажистов или хотя бы номер воинской части, в которой они служили. Но ничего этого получить не смог, после чего и сделал вывод, что столь жуткого документа не существовало в природе.

...Поздно вечером в середине ноября 1991 года Горбачев пригласил Шапошникова в Кремль.

Маршал рассказывал, что был удивлен небывалым радушием президента, необычайно теплыми знаками товарищеского внимания. После такой «предварительной подготовки» Михаил Сергеевич стал говорить о серьезном. О том, что Союз накануне развала, что «необходимо что-то делать»... И предложил наиболее приемлемый, по его словам, вариант:

— Вы, военные, берете власть в свои руки, «сажаете» удобное вам правительство, стабилизируете обстановку и потом уходите в сторону...

Маршал хорошо понял, к чему клонил Горбачев. И, наверное, сильно напугал президента, сказав, что при таком варианте тех, кто попытается его реализовать, неминуемо ждет «Матросская тишина».

Горбачев немедленно сделал задний ход:

— Ты что, Женя, я тебе ничего не предлагаю, я просто излагаю варианты, рассуждаю вслух...

Вспоминая об этом эпизоде, Шапошников говорил, что предложение Горбачева могло привести к трагедии с более серьезными последствиями, нежели вытекающие из Беловежского соглашения...

Иногда и маршалы способны делать оговорки, в которых информации гораздо больше, чем в сотне их интервью. Получалось, что Беловежское соглашение — тоже трагедия. Назвать ее инициатора по имени и отчеству он никогда не решался...

ОФИЦЕРСКОЕ СОБРАНИЕ

Уже вскоре после драматических событий декабря 1991 года наступил момент, когда маршалу вновь предоставилась возможность поступить в соответствии с изложенными в его рапорте мотивами.

В Кремле проходило Всеармейское офицерское собрание. Решалась судьба в то время еще единых Вооруженных Сил. Пять тысяч офицеров с мрачными физиономиями оккупировали Дворец съездов. Грозный у них был настрой. Шапошников выступал с докладом.

Его положение было сложным: на Украине, в Белоруссии, в Молдове, Азербайджане и других республиках полным ходом шла национализация частей, техники и имущества бывшей Советской Армии. Некоторые президенты и правительства объявили о принятии военнослужащими присяги на верность своим государствам, даже не обговорив эти вопросы с Кремлем. К тому времени до Шапошников уже доходили слухи, что его первый заместитель генерал Павел Грачев, являвшийся одновременно и председателем Государственного комитета Российской Федерации по обороне (Указ президента РФ №164 от 29.10.91), имел с Ельциным несколько конфиденциальных бесед, касающихся перспектив создания Вооруженных Сил РФ.

И можно было понять, почему Шапошников в своем выступлении особые акценты сделал на то, что дальнейшее разрушение единых Вооруженных Сил катастрофично для всех государств, стремящихся спешно приватизировать советские оружие, технику, личный состав. «Развитие событий подошло к пределу, — говорил он, — за которым — противостояние, хаос, общенациональная, а то и общемировая трагедия. Не допустить этого — наш патриотический, гражданский, воинский долг».

«Успокойся, Женя, поезд ушел»...

Многие офицеры стали настаивать на том, чтобы Шапошников ушел в отставку «за развал Вооруженных Сил». Такое предложение было встречено аплодисментами.

Тогда Шапошников заявил:

— Раз офицеры хотят, чтобы в отставку ушел Главком, я могу это сделать хоть сейчас!

И опять раздались аплодисменты. Маршал покинул зал... Вслед ему свистели... Группа генералов и полковников кинулась за кулисы следом за маршалом. Его преемник на посту Главкома ВВС генерал-полковник авиации Петр Дейнекин объявил, что если нападки на Шапошникова не прекратятся, то делегация Военно-воздушных сил покинет собрание. Шапошникова стали упрашивать возвратиться в зал. Он вернулся.

Судя по тому, как представители аппарата президента

россии, присутствовавшие на Офицерском собрании, мотались в комнату с телефонами, Ельцин внимательно следил за этим драматическим спектаклем.

В какой-то степени разрядить обстановку удалось президенту Казахстана.

Участники собрания в перерывах поговаривали, что Ельцин поступил с Назарбаевым непорядочно, когда решался вопрос в Беловежской пуще Нурсултана Абишевича обошли вниманием. Офицеры считали, что это было сделано специально: Назарбаев мог сильно испортить обедню тем, кто замышлял «на троих».

Суть его речи сводилась к тому, что надо бы всем президентам, порешившим под Минском Союз, самим внятно объяснить армии, что произошло. Назарбаев сказал то, о чем думали пять тысяч людей в зале. Да что там пять тысяч — вся армия.

И тут началось! Разъяренные офицеры с трибуны и с мест стали требовать приезда Ельцина. За ним тут же послали гонцов. Часа через полтора Ельцин приехал, его появление на трибуне офицеры встретили свистом и топотом. Это вместо аплодисментов, к которым Ельцин уже до того привык, что в ожидании их специально делал большие паузы между предложениями. А иногда и бросал реплики: «А теперь можно и поаплодировать».

Шапошников призывал офицеров к порядку. Кого-то из наиболее буйных охранники поволокли из зала

Когда президент стал говорить о каких-то тысячах долларов, которые смогут получить бесквартирные офицеры, чтобы построить себе коттеджи, его уже вообще не слушали.

Шапошников объявил перерыв.

В кремлевском туалете выстроилась длинная очередь к писсуарам. Кто-то из войсковых острячков спросил:

— Что, ссыте, ребята?

Такой же остряк откликнулся:

— Если не будем ссать, кто-то может обкакаться!

Смех. Все поняли, о чем речь...

Очень ароматные получились разговорчики.

В тот день мне показалось, что еще немного — и офицерские полки начнут захватывать оружие.

Шапошников, издерганный, потерявший свой обычный лоск и совсем уже не куртуазный, выходил из зала в сопровождении охранников, и уже никто ему вслед не подсвистывал... Приходило трезвое осознание реальности: Союза уже

нет. Нет уже и нашей общей армии. Конечно, мы могли бы попытаться «навести порядок» от Калининграда до Владивостока. Но очень уж хорошо отпечатался в памяти август — тухлые яичные желтки на зеленой броне танков и красная кожура вонючих помидоров на вороненых стволах автоматов. Россия вступала в эпоху всеобщего и безрезультатного демократического трепя и общенационального «вороисповедания».

В номерах Центральной гостиницы Советской Армии, в этих маленьких музейных комнатах братских офицерских застолий и ненасытных половых боев с нашими московскими любовницами, породненные океанскими походами и войсковыми маневрами, семейной теплотой больших и малых гарнизонов, гранеными стаканами, стоя, мы пили русскую водку за Советскую Армию. А потом полковник Слава Ренькас, наш вечный юморист и душа коллектива, вызвал по телефону дюжину такси и заказал столько же ящичков шампанского. Мы гоняли машины по ночной Москве. Стреляли бутылочные пробки, била в пьяные глотки винная струя. Вино было никакое, как на поминках.

Недобрым словом вспомнили Шапошникова. Кто-то сказал: — Ребята, перестаньте, он такой же несчастный, как и мы...

И никто не возразил. Командир был такой же беспомощный, как и все войско.

НЕТЕРПЕНИЕ

...К весне 1992 года почти во всех республиках СНГ были сформированы министерства обороны. Были назначены и министры. Ельцин несколько раз обращал на это внимание Шапошникова и намекал ему, чтобы тот занял такой же пост в России.

Шапошников считал, что Комитет по обороне, возглавляемый его первым заместителем генералом Павлом Грачевым, в большой степени играет роль российского военного ведомства. К тому же у маршала еще таилась надежда, что процесс окончательного растаскивания единых ВС удастся остановить. Создание же российского Минобороны будет как бы сигналом другим государствам к окончательному разделу армии.

Но в Кремле уже думали совершенно по-другому... В середине марта 1992 года Ельцин издал указ о назначении ми-

нистром обороны РФ Б. Н. Ельцина. Функции первых заместителей новоиспеченного министра были возложены на генерала Грачева и Андрея Кокошина.

На Арбате началась генеральская лихорадка. Министерства обороны, как такового, еще не было, а дележ должностных кресел уже шел полным ходом. Небывалую активность при этом проявлял Грачев. Назначение первым заместителем министра обороны РФ говорило о многом. И было совершенно ясно, что Ельцин—министр обороны — явление временное. Павел Сергеевич не терял времени зря...

В начале апреля 1992 года в Москве на очередном Съезде народных депутатов России Шапошников выступил с большой речью, в которой говорил о развале в армии. Мало кто не понимал, что все это — следствие «исторических решений», инициированных Ельциным.

В Кремле заскрежетали зубами и назвали Главкома «банальным плакальщиком», хотя в его речи было много конкретных предложений по выводу армии из кризиса.

Ельцин «маршальским плачем» остался недоволен, тем более что на съезде между правительством и депутатами началась яростная свара. Дело запахло керосином. Назревал очередной политический кризис. Шапошников в те дни улетел во Францию. Ельцину нужна была серьезная моральная поддержка. Оставшийся «на хозяйстве» первый замминистра обороны генерал Грачев не упустил своего шанса. Он собрал приехавших на съезд командующих военными округами и флотами и стал допытываться, готовы ли они поддержать Ельцина в случае, если назреет серьезное противостояние. Генералы были «готовы». Об этом тут же торжественно было доложено в Кремль.

Шапошников потом не без сарказма говорил, что в таком совещании не было никакой необходимости. Тем более — обещать президенту помощь армии. Но Грачев его переиграл. Маршал оказался менее прытким, менее хитрым. Признавать поражение Евгению Ивановичу явно не хотелось. И он, на мой взгляд, сочинил для себя и для других «версию-сказку» о том, что не проиграл Грачеву министерское кресло, а сам не захотел сесть в него.

Суть сказки в следующем.

...Весной 1992 года Ельцин взял Главкома в поездку по городам России. Когда возвращались назад, в салоне самолета оказались втроем: президент, секретарь Совета безопасности Юрий Скоков и Шапошников. Там случилась ссо-

ра. Скоков, по версии Шапошникова, якобы сказал Ельцину, что Гайдара и Горбачева сегодня-де показывали по телевизору, а его, президента великой страны, — нет. И тогда Шапошников вознегодовал, да так сильно, что окончательно решил: «Пока в окружении Б. Н. Ельцина имеются люди, склонные к интригам, политическим играм и другим нечистоплотным делам, мне в российских структурах власти делать особенно нечего...»

В эту байку я совершенно не верил: так взорваться из-за мелочи? Евгений Иванович не тот человек, который способен из-за пустяковой стычки отказаться от первой должности в армии. Кроме того, мне было известно другое: именно Скоков был против кандидатуры маршала и поддерживал Грачева. Поддерживал Грачева и Руцкой. Шапошников знал это. Судя по всему, это и стало причиной такой реакции маршала.

В начале мая к Шапошникову прибыл Грачев и сказал, что надо бы определиться, так как у него будет встреча с Ельциным и на пост министра обороны он будет предлагать Шапошникова.

Шапошников утверждал потом, что он воспротивился такой идее по двум причинам. Первая была связана с СНГ: «Я не потерял веры в то, что мы способны создать Объединенные Вооруженные Силы, потому я обязан сделать все для этого». Вторая причина состояла в том, что, «изучив некоторых вождей из окружения президента, я не хотел бы солидаризироваться с ними». Поэтому и попросил Грачева не впускать его в эти игры...

У меня аргументы маршала вызывали сомнения. Его вера в Объединенные Силы, мне кажется, всего лишь благородный тезис. Реализация этой идеи плавала где-то в туманном будущем, а кресло министра обороны было рядом. Неубедительно выглядит и отказ Шапошникова стать министром из-за нежелания быть рядом с некоторыми «вождями» (Скоков) в окружении Ельцина. Это больше похоже на детский каприз, нежели на серьезный довод умудренного жизнью человека.

...Маршал должен был переехать с Арбата в новый рабочий кабинет в Главкомате ОВС СНГ. Уже был обнародован президентский указ, уже были упакованы чемоданы, а Шапошников не спешил уезжать к новому месту. Эта маршальская явно умышленная медлительность свидетельствовала не только о том, что он знает себе цену. Мне кажется, она была плохо замаскированной формой мелкого мстительства.

Грачеву соблюдать правила приличия было еще труднее. Он пришел в ярость, когда узнал, что Шапошникову удалось добиться у Ельцина разрешения забрать с собой роскошную служебную иномарку.

Вероятно, Грачев решил отомстить Шапошникову за то, что тот уволок с собой красивую игрушку. Уже вскоре придворная челядь стала прорабатывать вопрос о приобретении еще более престижной машины в Западной группе войск.

И министры обороны бывают завистливы, как дети.

Один из офицеров аппарата министра в ту пору говорил мне, что нетерпение Грачева однажды дошло до того, что он обронил многозначительную фразу:

— Мне что, фугас под кресло Шапошникова подкладывать?

ЛЕНИНГРАДСКИЙ, 41

...Хорошенько потрепав нервы Грачеву своим неспешным отъездом и «приватизацией» служебной иномарки, Шапошников основательно взялся за дела на Ленинградском проспекте, 41, где размещался штаб ОВС СНГ. Он сразу повел дело к тому, чтобы значительно повысить эффективность военной интеграции стран Содружества. И, надо отдать ему должное, немало успел. Создал широкую правовую базу на самом трудном — первом этапе военной интеграции, стал потихоньку оживать то, что уже на ладан дышало. Сыграл большую роль в том, что в мае 1992 года в Ташкенте был принят Договор о коллективной безопасности СНГ.

Маршала изматывали сотни, тысячи проблем, связанных с амбициями политических и военных руководителей стран Содружества, с вооруженными конфликтами в «горячих точках», с растаскиванием российских вооружений в республиках. Однажды дело дошло до свары Москвы и Киева вокруг ядерного оружия, оставшегося на Украине. Киев из кожи вон лез, чтобы установить так называемый административный контроль над Стратегическими ядерными силами, дислоцировавшимися на территории республики (а там было 600 ядерных боезарядов). Это грозило блокированием управления ядерными средствами из Центра.

Встал вопрос о перемещении боезарядов в Россию. Киев затягивал решение проблемы. Шапошников написал длинное письмо министру обороны Украины Морозову с просьбой

начать планомерный вывоз ядерных боеприпасов в Россию, не дожидаясь конца 1994 года (к этому сроку вывоз должен был полностью завершиться).

В ответ Морозов намекнул, что российское политическое руководство ведет маршала «не туда». Шапошников в долгу не остался, не удержался от реплики: «А вас?! Кто и куда ведет вас?»

Империя после своей кончины забавлялась тем, что постоянно стаскивала лбами предавших ее политиков и генералов...

ДОСЬЕ

...Плохо скрываемая неприязнь между Шапошниковым и Грачевым стала обретать все более острые формы и после того, как президент «развел» генералов по разным углам.

Не желая даже формально подчиниться Шапошникову как Главкому ОВС, Грачев долгое время не считал нужным появляться на заседаниях, которые проводились на Ленинградском проспекте. И посылал вместо себя кого-нибудь из замов (чаще всего генерала Бориса Громова).

Я оказался свидетелем одной интриги Грачева против Шапошникова.

Газета «Красная звезда» опубликовала интервью с Главкомом ОВС СНГ, в котором он довольно толково рассказывал о стратегических задачах военной интеграции, о роли подчиненного ему Главного штаба. Хорошо зная позицию Грачева по этому вопросу, подобострастные слуги министра из Управления военного строительства и реформ подготовили на его имя паническую бумагу, в которой обвиняли газету в том, что она якобы пропагандирует взгляды Шапошникова, которые вредны для Минобороны РФ.

Вскоре появился еще один документ, подписанный заместителем начальника Управления военного строительства и реформ генерал-майором Василием Латой. В этом документе было подробно расписано, какие интеграционные взгляды проповедует Шапошников, почему они «неверны», а самое главное — как с ними надо бороться.

Я был потрясен, прочитав эту «инструкцию по борьбе с Шапошниковым». Руководствуясь исключительно благими намерениями, я позвонил по закрытой связи пресс-секретарю Шапошникова генералу Валерию Манилову и сообщил, что у меня есть «крайне важный для Шапошникова товар».

Манилов догадался, о каком «товаре» идет речь. Минут через двадцать в моем кабинете появился начальник Центра общественных связей Главкомата ОВС СНГ полковник Серафим Юшков, которому я и передал копию документа, не имеющего никакого грифа секретности. Вскоре Манилов поблагодарил меня за солидарность и поддержку.

А через несколько дней в одной из московских газет появилось очередное интервью Шапошникова, в котором он, плохо скрывая негодование, откровенно признался, что располагает достоверной информацией о том, как руководство МО РФ блокирует его усилия, направленные на укрепление военной интеграции в рамках СНГ...

В связи с этим маршал рассказывал:

— ...Мне в руки попали документы, подтверждающие мои подозрения о том, что Министерство обороны России проводило целую акцию по снижению авторитета Главного командования и моего лично. Дело дошло до того, что на мои высказывания по поводу военной интеграции было заведено специальное досье...

СОВБЕЗ

У нас в Минобороны и Генштабе в то время часто ворчали: мол, у Москвы и так не хватает средств на собственную армию, а тут еще друзья просят и даже требуют помощи. А Шапошников, дескать, не хочет понимать этого. И тоже требует. Об этом нередко говорил и Грачев. Это под соответствующим «гарниром» подавали и Ельцину. Президент все чаще стал подумывать над тем, как развести сцепившихся героев августовской революции.

В начале июня 1993 года он предложил Шапошникову возглавить Совет безопасности России, мотивируя это известным аргументом: идея Объединенных Вооруженных Сил сейчас вряд ли приемлема, поскольку во многих государствах нет «настоящих армий»...

С середины июня Шапошников приступил к исполнению обязанностей секретаря СБ.

Вскоре стало известно, что Верховный Совет РФ решил обсудить и утвердить кандидатуру секретаря СБ. Шапошников не сомневался, что ВС его утвердит. Но его прокатили.

Обида маршала была безграничной. В своем письме Р. Хасбулатову он написал:

«...Обстановка, в которой довелось оказаться 30 июня, наводит на очень тревожные размышления. Она свидетельствует об устойчивом нежелании некоторых представителей депутатского корпуса преодолеть инерцию конфронтационного мышления, противопоставления законодательной и исполнительной ветвей власти»...

Хасбулатов прислал ему успокаивающее письмо, и даже предложил маршалу идти к нему в военные советники. Маршал ответил:

«...Ну о какой морали могут говорить эти люди, которые только себя и считают людьми, а остальные для них — серая масса. Как страшно, когда такие экземпляры получают властные полномочия!..»

Таким злым я его еще не знал.

А кто-то продолжал «оттягиваться» на нем: вскоре его безо всяких объяснений лишили охраны.

В конце июля 1993 года он написал рапорт с просьбой об отставке. Просьба была удовлетворена...

После очередной отставки Шапошников на некоторое время ушел в тень. Потом его фамилия замелькала в прессе — в связи с созданием Партии социальной демократии, где главенствовал идеолог бывшей КПСС Александр Яковлев.

Свое решение связать судьбу с этим политическим течением маршал Шапошников объяснял так:

«Мировая практика показывает: там, где правит социал-демократия, меньше перекосов, революций, социальных потрясений. В этих странах лучше решаются социальные проблемы большинства членов общества. Мне кажется, что именно социал-демократия в большей степени подходит для России, поскольку даже по православию нам ближе идеи равноправия, внимания к униженным, обездоленным...»

Его размышления о социал-демократии пространны, добросовестно запутанны и туманны. Как говаривал Пал Сергеевич Грачев: «Учитывая среднее состояние моего ума, я ничего не могу понять».

«...Социал-демократия — это достаточно динамичный, но длительный и вполне конкретный путь, на котором каждый шаг — это и задача, и цель, и результат...»

Что-то смешное и одновременно грустное было во всем этом.

«Комсомольская правда» ядовито подкалывала: «Будет ли у маршала собственная партия?»

По Шапошникову, в России есть четыре категории чиновников из высших эшелонов власти. При этом «чиновники четвертой категории, вращаясь среди первых и вторых, горячо желают попасть в круг третьих».

Он много размышляет о судьбе России, которая оказалась не на том пути и с разбитым паровозом. Что же делать? Рецепт прост:

«Вывести пассажиров из вагонов, спокойно и правдиво все разъяснить, составить программу действий, довести до каждого его задачу и цель...»

Это сильно напоминает инструкцию Министерства по чрезвычайным ситуациям.

Маршал мечтает о новом поезде:

«В этом поезде обязательно должны быть хорошо оборудованные вагоны для нетрудоспособных, а возможно, и для тех, кто продолжает бредить реваншистскими и экстремистскими идеологиями, но их вагоны по своему оборудованию и обслуживающему персоналу могут отличаться от остальных... Убежден, именно этого и желает наш многострадальный народ...»

В одном из шукшинских рассказов есть сельский мужичок, который изобрел формулу устройства государства в виде перекрытий «Х» и «У»...

РОСВООРУЖЕНИЕ

...Пока маршал вместе с Александром Яковлевым безуспешно пытался создать партию с весьма мутными политическими ориентирами, Россия начинала потихоньку забывать его имя.

Один раз его вспомнили в связи с тем, что чеченцы возжелали видеть в качестве представителя президента РФ на переговорах именно маршала, а не секретаря Совета безопасности Олега Лобова. Поговаривали, что эта инициатива исходила от Дудаева, который считал Шапошникова «человеком, с которым можно серьезно разговаривать».

Время шло, серьезного дела не было.

Видимо, он сильно мучился таким своим положением и потому время от времени напоминал о себе Ельцину.

Наконец, его вызвали и назначили. И хотя новая должность звучала громко и впечатляюще — представитель президента Российской Федерации при Государственной ком-

пании «Росвооружение», — даже тете Моте, уборщице из Генштаба, было ясно, что это дорога в сторону заката...

Придя в ГК, Шапошников разразился большой статьей в одной из газет, в которой уверял читателей, что «у вооруженцев чистые руки». И получилась неприглядная история. Через некоторое время выяснилось, что у самого директора «Росвооружения» генерала Виктора Самойлова «нечистые руки» (он утверждал, что без его ведома начислялись премиальные в валюте). Вскоре Шапошников вынужден был признать: «Не все в порядке в «Росвооружении»...»

В мгновение ока Ельцин смел Самойлова с должности, и тот был убежден, что это дело рук Коржакова. Причины держались в строжайшей тайне, чтобы контора могла сохранять приличный моральный имидж. Воруем по-русски, уходим от наказания по-английски...

Позже стали просачиваться слухи, что бывшее руководство «РВ» якобы было причастно к какой-то сделке с крупной суммой валюты, помещенной в один из коммерческих банков. Банк прогорел, валюту лишь частично успели спасти, а генерала вышвырнули из директорского кресла.

Проверка для маршала могла плохо закончиться: ему звонили и предупреждали, что пуля для него уже отлита... Шапошников не скрывал, что проверка «Росвооружения» действительно проводилась «при активной поддержке Александра Коржакова». В то время генштабовская разведка в Кремле получала сведения, что Коржаков активно стремится навести порядок в оружейном бизнесе России и перекрывает дышалку многим из тех, кто уже, наверное, потерял счет зарубежным банкам, где размещал валюту, «наваренную» на левой торговле оружием. Наши «специсточники» сообщали из-за рубежа, что там всплыла копия письма Коржакова Ельцину, в котором Александр Васильевич уведомлял Бориса Николаевича о многих фактах оружейного бизнеса, от которого за версту разило криминалом...

Проверка «Росвооружения» закончилась тихим забытьем ее результатов. Да и сам Коржаков стал проявлять странную заинтересованность в том, чтобы угас шум вокруг компании. Правда, это можно было понять: больше шума — меньше контрактов, выгодных для России. Главное было сделано: Самойлов снят. Друг Котелкин на его место усажен.

Маршал сделал дело. Маршал мог уходить...

...За Шапошниковым прочно закрепился имидж сторонника Ельцина. Несмотря на все перипетии и даже некоторые обиды на президента, маршал по-прежнему оставался членом его команды. Это еще раз показали и октябрьские события 1993 года.

На приглашение Руцкого приехать в Белый дом ответил категорическим отказом. Но когда из Кремля позвонил Бурбулис и стал упрашивать его приехать, с готовностью сказал:

— Высылайте немедленно автомобиль!

И тут он сделал свой выбор... Под этот выбор подводил и всю систему своих зачастую путаных обоснований. Оценивая причины октябрьской трагедии, Шапошников говорил:

— Главное заключается в том, чтобы наши политические лидеры не доводили обстановку до той точки кипения, когда в целях ее охлаждения требуется вмешательство армии... Я глубоко убежден, что Вооруженные Силы не должны применяться для разрешения внутривнутриполитических конфликтов...

Кажется, все ясно: «политики не должны доводить», «армия не должна применяться». Но по такой логике в число осуждаемых маршалом попадает и Ельцин как главный политик. Евгений Иванович признавал, что в трагедии виноваты обе ветви власти. Но словно забыв об этом, Шапошников делает неуклюжий финт:

— Когда есть силы, способные дестабилизировать обстановку, то... кто же, как не армия, должен прекратить разгул...

А ведь в числе сил, добросовестно дестабилизировавших обстановку в России с весны 93-го, Ельцин был на первых ролях...

Логика маршала иногда напоминала мне типичную логику идеологического наперсточника: армию применять нельзя, но если очень хочется, то можно...

Он как-то нехотя признавал: «Все происшедшее в нашей стране в течение этих двух дней — это, мягко говоря, потери на пути нашего движения к истинной демократии...»

И справедливо возмущался:

— Почему наш бедный солдат, обездоленный офицер, замороженный генерал должны расплачиваться за ошибки и амбиции политиков?.. Нет, такой «расклад» должен быть полностью исключен...

Он открыто признал, что главной ошибкой военного руко-

водства в последние годы считал молчаливое согласие с втягиванием армии во всякого рода конфликты внутри страны. И без того состояние армии вызывало критику, говорил маршал, — а здесь еще и полицейские функции. В том, чтобы не допустить этого, он видел одну из важнейших задач Минобороны...

Но в октябре 1993-го он уже думал по-другому. Тогда Россия не слышала его протеста против втягивания армии в опасный внутренний конфликт. Он — большой мастер умолчаний.

Однажды маршал рассуждал над причинами развала СССР и утверждал: как только субъекты СССР заговорили о своем суверенитете, руководство Союза начало искать пути прекращения таких тенденций. Но делалось это с большим опозданием, с недостаточной решительностью и негодными методами...

Все верно. Но маршал явно сознательно опускает принципиальный момент: а как эту проблему пыталось решить руководство России?

Плохой вопрос, и потому его лучше не задавать. Ведь кто-то очень знакомый сказал: «Берите суверенитета столько, сколько проглотите...»

Сам же Шапошников по этому поводу говорил:

«...Некоторым руководителям автономий эта идея понравилась, и они стали подыгрывать политикам из центра».

Главным политиканом был Ельцин.

Но... замнем для ясности.

ЧЕЧНЯ

...Когда российские войска, понеся огромные потери, с превеликим трудом захватили зимой 1995 года Грозный, в Москве задумались: откуда у Дудаева такая мощная армия? Где и как чеченцы добыли такие горы оружия?

Несколько раз в связи с этим называли маршала Е. Шапошникова. Будучи министром обороны СССР, а затем и Главкомом Объединенных Вооруженных Сил СНГ он якобы не уберег оружие и передал его Дудаеву.

8 января 1995 года Шапошников решил объясниться с народом. Он дал интервью программе «Вести», в котором утверждал, что окончательную точку в передаче оружия дудаевским формированиям поставил Грачев. При этом сослал-

ся на шифровку министра обороны России от 28 мая 1992 года на имя командующего войсками Северо-Кавказского военного округа (к тому времени Грачев уже вторую неделю находился в должности главы военного ведомства и, следовательно, тоже нес ответственность за сохранность оружейных арсеналов российских частей в Чечне).

Вот этот документ:

Командующему войсками СКВО
(лично)

Разрешаю передать Чеченской республике из наличия 173 гв.ОУЦ боевую технику, вооружение, имущество и запасы материальных средств в размерах:

- боевую технику и вооружение — 50 %
- боеприпасы — 2 бк
- инженерные боеприпасы — 1—2 %

Автомобильную, специальную технику, имущество и запасы материальных средств реализовать по остаточной стоимости на месте.

П. Грачев.

28.5.92 года.

Вскоре после выступления Шапошникова в «Вестях» и обнародования шифровки Грачева в Генеральном штабе в срочном порядке из архивных папок не без ведома НГШ генерала Михаила Колесникова изымаются все документы, имеющие прямое или косвенное отношение к проблеме передачи российского оружия Чечне.

На квартире Шапошникова отключается правительственный телефон, а Центр общественных связей Федеральной службы контрразведки распространяет удивившее многих генштабистов заявление о том, что сейчас вопрос об оружии не является важным и первоочередным.

Почему ведомство Степашина заняло именно такую позицию — объяснить, думаю, не сложно. Из-за разрушительных последствий частых реформ органы ФСК тогда «сдали» и не сумели предоставить властям полные данные о количестве оружия у дудаевской армии накануне ввода войск в Чечню и опирались во многом на неточную информацию нашей военной разведки (и ФСК, и наши разведорганы в некоторых документах, например, называли одинаковое количество танков у Дудаева — 42. А в мае 1995 года оказалось, что их почти 130).

Степашинская ФСК не была заинтересована в раскрытии проблемы передачи оружия Дудаеву, поскольку и на ней лежал большой грех — «уплывшие» к чеченцам стволы и боевая техника.

Такой промах тоже был одной из причин огромных жертв со стороны федеральных сил. К тому же позже выяснилось, что дудаевцам досталось не 50, а почти 95 процентов вооружений и техники. И ФСК, и МО были повязаны понятным «корпоративным интересом» и дружным фронтом выступали против Шапошникова.

18 января 1995 года в газете «Красная звезда» появилось заявление Минобороны, в котором признавалось наличие шифровки Грачева командующему СКВО от 28 мая 1992 года, но в то же время особо подчеркивалось, что то была вынужденная мера, вызванная бездействием союзного, а затем российского правительства и лично бывшего министра обороны СССР, а в последующем — Главнокомандующего Объединенными Вооруженными Силами СНГ.

Шапошников этот упрек не принял. В своих заявлениях в прессе он подчеркивал, что генерал Грачев был не только первым заместителем министра обороны СССР, но и председателем Государственного комитета Российской Федерации по обороне. Следовательно, он имел ранг члена правительства и именно поэтому и вел переговоры с чеченской стороной об оружии (Грачев выезжал в Чечню в декабре 1991-го и феврале 1992-го).

Еще в декабре 1991-го, после того как Грачев побывал в Чечне в ранге первого заместителя министра обороны СССР и доложил о положении дел, маршал отправил в войска директиву следующего содержания:

**Главнокомандующему Сухопутными войсками,
командующему войсками Северо-Кавказского
военного округа**

Прошу совместно с правительством Чечено-Ингушской Республики определить перечень первоочередных взаимоприемлемых мер, направленных на разрешение проблемных вопросов жизни и деятельности войск на территории республики, а также о призыве граждан чеченской национальности на действительную военную службу в другие регионы страны.

Главнокомандующему Сухопутными войсками дать ука-

зание об изъятии запасов оружия и боеприпасов, хранящихся на складах воинских частей, расположенных на территории республики, и выводе их на центральные арсеналы и базы.

О принятых мерах доложить.

Е. Шапошников.

13.12.91 г.

Судя по всему, Шапошников держится за эту свою директиву в споре с Грачевым, словно за козырной туз. Но это — иллюзии. Ибо суть проблемы от этого не меняется: директива все равно осталась невыполненной. И Шапошников, как мне думается, тоже в определенной мере повинен в том, что не сумел добиться ее выполнения.

Хотя, по большому счету, что он мог реально сделать? Тогда все требования Центра в виде решений и директив были похожи уже на писк комара. Когда высшая государственная власть слаба, высшая военная превращается в ее близняшку.

Мне казалось, маршал втайне и сам понимал, что его директива для кого-то может быть неубедительным аргументом. И тогда он стал искать новые средства для спасения чести мундира в юридической сфере. Он ухватился за алмаатинскую декларацию Совета глав государств СНГ от 21 декабря 1991 года, в которой, в частности, отмечалось: «Содружество не является ни государством, ни надгосударственным образованием». Следовательно, с того момента он потерял юридическое право командовать Вооруженными Силами. И вот резюме: если оружие разворачивалось в 1992 году, то это один из субъектов России воровал у России. А тут ответственность ложится на правительство, членом которого был П. Грачев. С него, дескать, и спрос...

Позицию маршала по этой проблеме во многом прояснило и его интервью газете «Московская правда» (1996. 3 апр.):

«Чечня — это кровоточащая рана на теле и в душе России. И сегодня еще сложно предсказать последствия войны в Чечне... Она в значительной степени способствовала расколу общества. Еще более углубил этот раскол вопрос об оружии. На нем некоторые личности решили заработать политические дивиденды...»

Нетрудно догадаться, о каких именно «некоторых личностях» говорит Шапошников, — это Грачев.

Для оправдания своих позиций по поводу того, кто имен-

но несет главную вину за передачу оружия Дудаеву, маршал оперирует материалами мало известного «журналистского расследования» и, опираясь на него, выстраивает свою версию истоков его конфликта с министром обороны РФ зимой 1995 года.

В России начинается война. В дело введены десятки полков, обещанные «два часа» на взятие Грозного истекли сотни раз, а потери наших войск стали серьезно беспокоить власти. Начался поиск крайних...

В «Красной звезде» в январе 1995 года появляется статья с такими словами:

«...Уже сейчас непреложен, бесспорен факт, что оперивший хищник Дудаев вылетел из-под крыла авиационного маршала Е. Шапошникова, длительное время пользовавшегося его содействием, в том числе военно-техническим...»

Евгений Иванович прекрасно понимал откуда ветер дует... Сквозь заявление МО РФ в той же «Звездочке» просматривался Грачев. Пошла еще одна яростная схватка героев российской демократии. Были подняты из архивов горы документов, большая часть из которых наверняка не увидит свет до той поры, когда придет время рассказать всю правду о тайнах чеченской войны. Я уже говорил, что эти документы были собраны и взяты под «особый контроль» в нашем Генштабе.

Когда назревает время больших разборок — бумажный крематорий МО пашет особенно яростно, словно мартен. Так было в 91-м. Так было в 93-м. Так было в 95-м. Так, наверное, будет всегда.

АЭРОФЛОТ

После Главкомата ОВС СНГ и «Росвооружения» Шапошников был назначен генеральным директором авиакомпании «Аэрофлот».

Уже на первой пресс-конференции после назначения вокруг маршала авиации стала завязываться новая детективная история, суть которой в том, что он неожиданно назначил своим заместителем некоего Джабаева.

О Джабаеве из «специсточников» было известно, что он «человек Березовского» и до назначения в «Аэрофлот» работал заместителем генерального директора АвтоВАЗа. Появление Джабаева под крылом Шапошникова вызвало у мно-

гих недоумение. На вопрос журналистов, почему он назначил своим замом человека, совершенно неизвестного в мировом авиационном бизнесе, он ответил уклончиво и осторожно:

— Мы все с чего-то начинали.

Начинал свой путь в большой бизнес и сам маршал, так и не ставший большим политиком.

* * *

Однажды у Шапошникова спросили:

— Евгений Иванович, если бы вам удалось в жизни сделать еще один заход, что бы изменили в своем полете?

— Ничего, — ответил маршал. — Летчики-истребители задним ходом не летают.

Ответ был из древнего арсенала летных острот.

И все же, мне кажется, власть поступила с ним несправедливо. Впрочем, о какой справедливости можно говорить? При такой власти даже гениальные военачальники будут жить и работать как временщики. Очередной всплеск околотронной возни или разоблачение проворовавшегося чиновника бросит к ногам монарха очередную жертву интриги, будь она в чине рядового клерка администрации президента или маршалом.

Весной 1997 года маршал Шапошников был назначен помощником президента России. Открылась новая страница его непростой биографии...

Глава 3

ГЕНЕРАЛ ЛОБОВ

ЗАГОВОР ПРОТИВ НАЧАЛЬНИКА ГЕНШТАБА

ЗАГАДКА

... В тот день в Кремле проходило внеочередное заседание Верховного Совета. Среди десятка военных, участвовавших в нем, был и генерал армии Владимир Лобов. В перерыве многие депутаты обступили его, пытаясь узнать причины появления указа президента об освобождении начальника Генерального штаба Вооруженных Сил от занимаемой должности. Но Владимир Николаевич ничего определенного сказать не мог. И это делало еще более загадочным неожиданное смещение его с поста...

Появился Ельцин, за ним Бурбулис и еще человек десять свиты. Заметив Лобова, Ельцин поздоровался с ним и спросил:

— Владимир Николаевич, так что там с тобой стряслось?

— Пока и сам не знаю, Борис Николаевич. Никто ничего конкретного не сказал. Как говорится, пользуясь случаем, прошу принять меня...

Ельцин — Бурбулису:

— Геннадий Эдуардович, разберись с человеком, потом доложишь.

Бурбулис — помощнику:

— Запишите генерала ко мне на прием.

Помощник — секретарю:

— Найдите «окно» для генерала...

В назначенный день Лобов приехал в Кремль на прием к Бурбулису. Прождал час — секретарь вышел из кабинета с извиняющейся улыбкой:

— Геннадий Эдуардович просит его извинить — очень много дел. Пообещал через час обязательно вас принять...

Прошел еще час — опять та же слащавая секретарская

улыбка и просьба еще немного подождать. Лобов ждал. Спешить ему было некуда. В кармане лежал президентский указ об освобождении от должности. Мерно тикали часы в приемной. Словно отбивали: «За — что?», «За — что?»... Ответа на этот вопрос у Лобова не было. О многом передумал он за те несколько часов в Кремле, пока ждал приема. Было что вспомнить...

ДЕКАБРЬ 86-го

... 17 декабря 1986 года командующий войсками Среднеазиатского военного округа генерал-полковник Владимир Лобов был на комсомольской конференции в Сары-Озеке, когда его срочно вызвали к телефону. Звонил первый секретарь ЦК компартии Казахстана Геннадий Колбин:

— Прошу вас срочно прибыть в ЦК. Зреет ЧП... На площади имени Брежнева — митинг...

В тот день командующий впервые разрешил водителю своей машины держать на спидометре за сто...

По дороге в Алма-Ату думал о митинге. Причину этой акции было несложно понять. Она в какой-то мере была предсказуема и логически вытекала из того, что в последнее время происходило между Москвой и руководством Казахстана. Командующий САВО был членом Бюро ЦК компартии республики и многое знал о закулисной возне, которая началась еще с ранней осени...

Политбюро ЦК КПСС рассматривало план развития народного хозяйства на 1987 год. Давно было заведено, что в таких мероприятиях участвует весь состав Политбюро. И если даже кто-то находился в командировке или в отпуске, его обязательно вызывали. Первый секретарь ЦК Казахстана Динмухамед Кунаев отдыхал в то время в Сочи. Его на Политбюро не пригласили и даже не объяснили почему. В Алма-Ате на это отреагировали глухим роптанием в кабинетах республиканского ЦК. Пошли недовольные пересуды по городам и селениям...

Это недовольство еще больше усилилось, когда в докладе на ноябрьских торжествах Егор Лигачев ни словом не обмолвился об успехах республики в производстве и заготовке зерна. Будто и не было казахстанского миллиарда. Было только отмечено, что план выполнили Кустанайская и Кокчетавская области. Об успехах только этих областей док-

ладчик сказал, скорее всего, лишь потому, что в них побывал Горбачев.

И вся центральная печать словно в рот воды набрала... Кунаев назвал это «заговором молчания». Он понял, что надо уходить. Поехал к Горбачеву, чтобы сообщить о своем решении. Тот его принял. На прощание Кунаев поинтересовался у Горбачева, кто будет рекомендован на его место. Михаил Сергеевич ответил:

— Позвольте это решать нам самим... В республику будет направлен хороший коммунист...

11 декабря 1986 года без участия Кунаева состоялось заседание Политбюро, на котором было принято решение об освобождении его от работы «в связи с уходом на пенсию»...

Генерал Лобов торопился в Алма-Ату. Ему было абсолютно ясно, что сообщение о митинге связано прежде всего с фигурой Кунаева. А состоявшийся 16 декабря пленум республиканского ЦК, избравший «по рекомендации Политбюро» первым секретарем ЦК Казахстана Геннадия Колбина, стал последней каплей, которая переполнила чашу терпения многих казахстанцев, особенно молодых. Подъехав к зданию ЦК, Лобов сразу заметил, что все окна зашторены. Объявляя площадь. Молодежь митинговала. Толпа росла... Зашел к Колбину. Тот сразу заговорил о возможном использовании войск для «наведения порядка в городе». Лобов дал понять, что для принятия такого решения ему необходимы официальные указания Верховного главнокомандующего, министра обороны. Да и необходимости в применении войск он не видит. Колбин мгновенно связался с Горбачевым и протянул Лобову телефонную трубку. Горбачев намекал, что надо быть готовым к худшему варианту развития событий, при котором, возможно, придется использовать армейские части. Лобов повторил то, что сказал Колбину: «Необходимости в этом не вижу». Горбачев рекомендовал «действовать по обстоятельствам»...

Командующий сказал Колбину, что ему надо побывать в штабе округа — получить информацию об обстановке в гарнизонах и отдать распоряжения командирам об усилении охраны военных объектов. Вышел на площадь. Митинг продолжался. В толпе генерал увидел Нурсултана Назарбаева, который что-то объяснял разъяренным слушателям, многие из которых были явно «под парами». Подумал: «Вот где сейчас должно быть все ЦК. А не там, за зашторенными окнами...» А «там» решили, что надо вызвать Кунаева. Ему по-

звонил второй секретарь ЦК компартии Казахстана Мирошхин и попросил приехать в ЦК. Кунаев удивился:

— Чем это вызвано? Ведь я на пенсии...

Мирошхин ответил:

— На площади собралась группа молодежи. Требуют разъяснить решение вчерашнего пленума ЦК. Было бы хорошо вам выступить перед собравшимися и объяснить суть дела...

Кунаев спросил:

— Согласен ли Колбин?

Мирошхин передал трубку Колбину и тот подтвердил просьбу. Кунаев приехал в ЦК и стал ждать, когда ему разрешат «идти к народу»...

Прибыв в штаб округа, командующий выслушал доклад оперативного дежурного. Тот сообщил, что в одном из военных городков разгромлен детский садик. Через час Лобову доложили, что эта информация не подтверждается. Потом поступили сведения, что на военной кафедре одного из институтов неизвестные пытались захватить оружие из комнаты хранения... Опять деза. Зато подтвердилось, что в пьяной драке нанесены смертельные ножевые ранения прапорщику...

Отдав необходимые распоряжения по усилению охраны военных городков, командующий вновь убыл в ЦК. По дороге встретил колонну — батальон курсантов пограничного училища. Вызвал командира и поинтересовался, кто дал команду поднимать подразделение. Тот доложил: «Заместитель председателя Комитета государственной безопасности СССР», который уже находится в гарнизоне. Прибыв в ЦК, Лобов был удивлен, что Кунаев все еще ждал «разрешения» выступить перед митингующими. А ведь прошло уже часа два. Колбин продолжал консультироваться с Москвой. Наконец, сообщил Кунаеву: «Вы свободны. Мы сами примем меры и наведем порядок»...

Из Москвы в экстренном порядке прибыла «высокая комиссия»: первый замминистра обороны генерал армии Лущев, заместитель председателя Комитета государственной безопасности генерал Бобков, замминистра внутренних дел...

Уже была отдана команда согнать к зданию ЦК десятка два пожарных машин. Уже поступила информация, что в потасовке у телецентра погиб человек... В воздухе на подлете к Алма-Ате уже было несколько самолетов со спецназовцами МВД из Москвы, Ленинграда, Иркутска... Из этого можно было

сделать вывод, что в ЦК либо не слишком доверяют «своим», казахстанским, либо считают, что их будет недостаточно...

За окнами бушевала разъяренная толпа. Колбин «давил» на Лобова, требуя «поднимать войска». Лушев отмалчивался. Лобов сопротивлялся и доказывал, что применение войск может еще больше разжечь страсти, надо наводить порядок прежде всего теми силами, которые для этого предназначены, — милиция, части МВД, спецназ. Их вполне хватало, чтобы держать ситуацию под контролем. Однако многое делалось так, что лишь разжигало страсти. Была дана команда применять пожарные машины для разгона толпы. Но из 25 машин только две смогли «полить» митингующих, остальные заглохли. Облитые холодной водой на морозе люди остервенели. Они перевернули одну из машин, произошло короткое замыкание, и та запылала. Огонь перекинулся на деревья... В ход пошли милицейские дубинки, наручники...

Руководство ЦК продолжало давить на командующего, требуя подтянуть на площадь армейские части. Лобов хорошо понимал, во что это может перерасти... Чутье не подвело его. «Восстание» было локализовано силами органов правопорядка. В те дни в Минобороны уже вовсю гуляли слухи, что за «нерешительность» командующий войсками САВО со дня на день будет снят с должности: казахстанское руководство высказало Горбачеву недовольство генералом...

Пострадавшие люди не разбирались, кто действовал против них, — всех называли «военными» (и спецназовцев, и милиционеров, и солдат МВД). Чохом пошли обвинения и на армейские подразделения, и на руководство САВО. Замелькала фамилия генерала Лобова... И даже Кунаев утверждал, что республиканские власти «поставили под ружье милицию, войска и жестоко расправились с собравшимися. Пострадало множество студентов и молодых рабочих»... И лишь когда улягутся страсти, когда закончит работу комиссия во главе с народным депутатом Мухтаром Шахановым, правда восторжествует...

Вспоминая о тех событиях, генерал армии Лобов скажет:

— Я понимал, что, если на улицах Алма-Аты появятся бронетранспортеры и танки, это будет признание того, что недостаток политической мудрости и гибкости власть стремится компенсировать грубой силой брони. Когда дело доходит до крови, политики часто уходят в тень. А крайними в таких ситуациях чаще всего становятся генералы. Потому, несмотря даже на угрозы отстранения от должности, не допустил втягивания войск в конфликт...

БЛАГОДАРНОСТЬ

Выдержка и осторожность командующего войсками Среднеазиатского военного округа генерала Лобова хорошо запомнились Горбачеву, который пережил в те дни серьезное потрясение: алма-атинские события 1986 года, в сущности, стали «первой кровью» периода так называемой перестройки...

Поведи себя Лобов по-другому, конфликт мог бы пойти по иному руслу... Уже только то, что командующий всего лишь привел в повышенную готовность части, не выводя их за пределы военных городков, остудило многие одурманенные жадой «восстановления справедливости» головы. И потому вполне объяснимым выглядело то, что уже вскоре Горбачев вспомнил о генерале и решил продвинуть его по службе...

Из досье:

Генерал армии ЛОБОВ Владимир Николаевич

Родился 22 июля 1935 года в селе Буреево Бураевского района Башкирской АССР в крестьянской семье. Русский. Окончил Рязанское артиллерийское училище, Военную академию имени М. В. Фрунзе, Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Служил в Туркестанском, Московском, Забайкальском, Ленинградском, Белорусском, Среднеазиатском военных округах, Группе советских войск в Германии.

За годы службы командовал взводом, батальоном, полком, дивизией, корпусом, армией, войсками округа. Был первым заместителем начальника Генерального штаба ВС СССР, начальником штаба Объединенных вооруженных сил государств — участников Варшавского Договора, начальником академии имени М. В. Фрунзе.

В августе 1991 года назначен начальником Генерального штаба ВС СССР. В декабре того же года без объяснения причин был смещен президентом СССР М. Горбачевым с должности.

Доктор военных наук, профессор, автор и руководитель многих научных трудов.

Награжден многими орденами и медалями.

ГЕНШТАБ

... В феврале 1987 года командующего войсками САВО генерал-полковника Лобова срочно вызвали в Москву.

Прилетев ранним утром в столицу, он сразу направился в Кремль. Горбачев встретил его приветливо, расспрашивал о жите-бытье, особо интересовался деталями алма-тинских событий.

Потом повел разговор о другом...

Горбачев сказал генералу, что в Генеральном штабе и Министерстве обороны люди в основном в возрасте, нужно готовить смену. Жаловался на то, что в руководстве МО и Генштаба немало генералов с консервативным мышлением, сопротивляющихся «объективным процессам» и даже не понимающих, что такое «ядерный паритет»...

И открыл карты: есть соображения назначить командующего САВО первым заместителем начальника Генерального штаба.

«Соображения» были лестными. От них было грех отказываться. Лобов согласился. Горбачев посоветовал ему как можно быстрее войти в курс дела и набраться опыта. Как говорится, прямым текстом дал понять, что все это необходимо «для исполнения в будущем обязанностей начальника Генерального штаба». Затем генсек сориентировал Лобова по проблемам, которыми генералу необходимо будет заняться в первую очередь: реорганизация Генштаба, повышение уровня оперативного управления Вооруженными Силами и т. д.

Уже через час после того, как генерал покинул Кремль, состоялось заседание Политбюро, на котором Лобов был утвержден в должности первого заместителя начальника Генерального штаба...

Так он оказался в Москве.

... Работа была очень напряженная, но интересная. Владимир Николаевич потом признавался мне, что «не заметил, как буквально промелькнули два года».

После скандально-позорного приземления Руста на Красной площади Горбачев взялся кардинально чистить высшие военные кадры и вливать «свежую кровь». Министром обороны был назначен бывший командующий войсками Дальневосточного военного округа генерал армии Дмитрий Тимофеевич Язов (лишь немного до этого успевший послужить в должности начальника Главного управления кадров МО СССР).

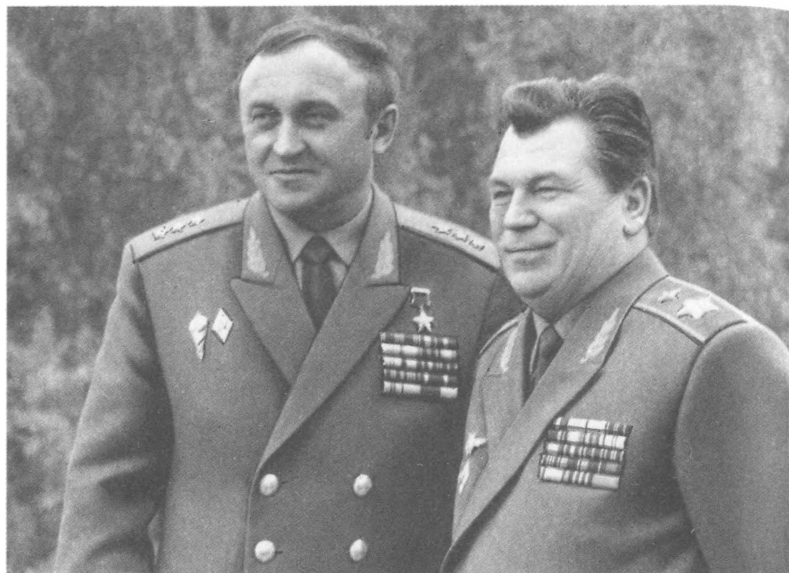
С августа по декабрь 1991 года генерал армии Владимир Лобов был начальником Генштаба Вооруженных Сил СССР.

...Уже вскоре после вступления в должность начальника Генштаба—первого заместителя министра обороны СССР генерал армии В. Лобов будет неожиданно смещен с поста...

...Застыла рота почетного караула. Через несколько минут министр обороны РФ генерал армии Павел Грачев будет встречать очередного высокого иностранного гостя...

Октябрь 1991-го. Звездный час «героев августа» — министра обороны СССР маршала авиации Евгения Шапошникова и заместителя министра обороны генерал-полковника Павла Грачева...

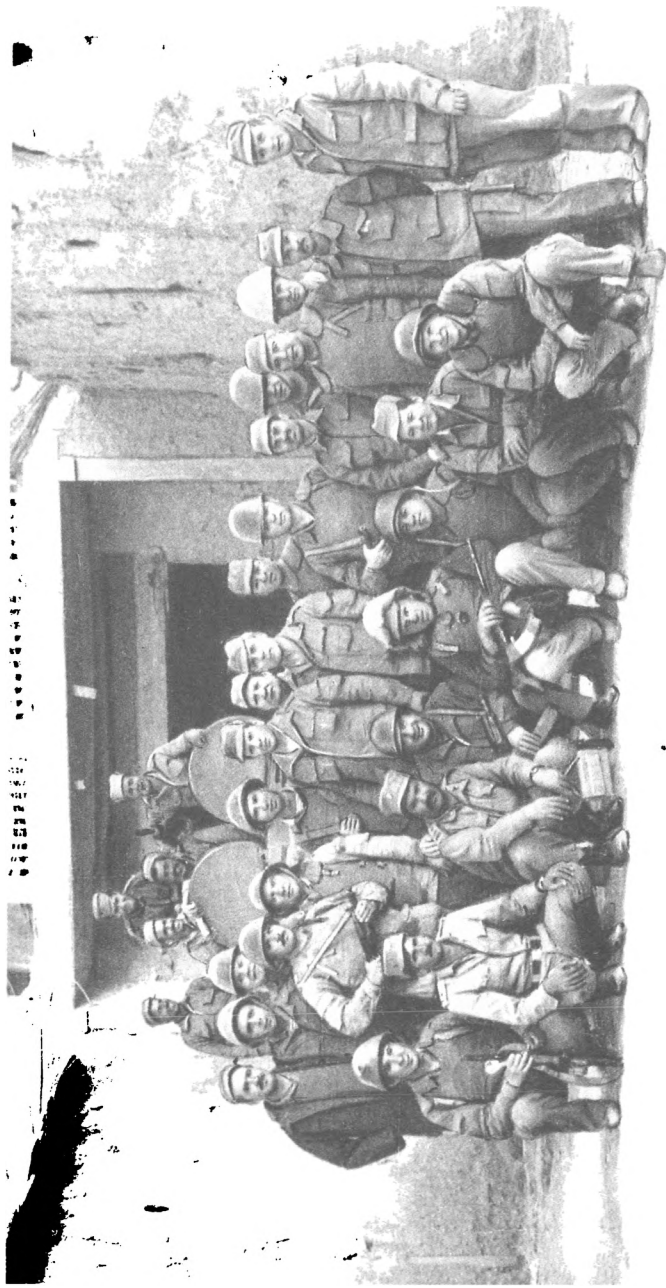
Февраль 1994 года. Президент Б. Ельцин вместе с министром обороны П. Грачевым посетил Московское суворовское училище.

Таджикистан. 1994 год. Министр обороны РФ генерал армии П. Грачев, прибыв на учения Коллективных миротворческих сил СНГ, был потрясен бедствием, постигшим более пяти тысяч жителей Пархарского района: там свирепствовала эпидемия гепатита. По указанию министра в зону бедствия военная авиация экстренно доставила медикаменты. В знак особой признательности жители района решили присвоить имя П. С. Грачева одному из совхозов. На снимке: П. Грачев у памятной доски Пархара.

В мае 1992 года были образованы Минобороны РФ и Генштаб. Генерал-полковник Виктор Петрович Дубынин — только что назначенный начальником Генштаба—первым замминистра обороны. К сожалению, на этом посту ему не удалось проработать и года...

...Май 1986 года. Афганистан. Район боевых действий. Только что оперативная группа штаба 40-й армии во главе с ее командующим генерал-лейтенантом Виктором Дубыниным вышла из-под интенсивного артобстрела. Командарм — в центре.

Вскоре после его появления на Арбате пошли разговоры, что тогдашний начальник Генерального штаба Вооруженных Сил Сергей Федорович Ахромеев, скорее всего, уйдет в Кремль — главным военным советником Горбачева. Генштаб такое заведение, где быстро выясняется, что слухи — это правда. Ахромеев и сам вскоре признался, что уходит к Горбачеву.

Хорошо помня тот давнишний разговор с генсеком в феврале 1987 года, генерал Лобов был уверен, что Михаил Сергеевич о нем не забыл. И продолжал спокойно служить, совершенно не беспокоясь о том, что все в его арбатской жизни может повернуться совсем не так, как было гарантировано Горбачевым. Но после ухода Ахромеева в Кремль начальником Генерального штаба вместо него неожиданно был назначен генерал армии Михаил Моисеев.

И у генеральных секретарей векселя бывают фальшивыми...

На Арбате не сомневались, что произошло это с подачи Язова. Моисеев был начальником штаба Дальневосточного военного округа. Язов уже вскоре после приезда Горбачева на Дальний Восток был переведен в Москву, оставив Моисееву округ. Эта дружеская связка все и определила.

Вступив в должность, генерал Моисеев сразу же пригласил генерала Лобова к себе в кабинет и без обиняков сказал:

— Владимир Николаевич, я знаю, что ты должен был стать начальником Генштаба, но назначили меня. Этот факт будет над нами, как говорится, довлеть. Вместе работать будет тяжело. Так что, извини, придется подыскивать тебе другую должность...

Офицерская прямота Моисеева не могла не импонировать. Но она, в сущности, была одновременно и пощечиной, нанесенной Лобову Горбачевым.

Лобова вскоре вывели за штат, и он стал ожидать следующего назначения.

ОВД

...В марте 1989 года генерал армии Лобов был назначен начальником Главного штаба Объединенных вооруженных сил Варшавского Договора. Там он и стал свидетелем кончины этой организации, многие десятилетия мощно сдержи-

вавшей НАТО от безоглядного хозяйничанья в Европе и в мире.

Генерал армии Лобов вспоминает:

— Для военных это было драмой вдвойне, поскольку мы оказались бессильны что-либо сделать. Ведь Договор создавался не военными, а государствами, главами государств. У них была прерогатива и роспуска. Разрушение коллективной системы обороны происходило на моих глазах, и это глубокими рубцами ложилось на сердце...

Может быть, как никто другой, начальник Главного штаба ОВД видел, как дает трещины и начинает разваливаться соцлагерь, а вместе с ним и его военная машина. Десятки, сотни секретных шифровок разведки, поступающих на Ленинградский проспект, 41, свидетельствовали о том, что Москва бурными темпами под бесконечное кремлевское лопотание о «новом мышлении» теряет свое политическое, экономическое и военное влияние в Европе. Высшие политики страны тогда пытались доказать генералам, что военные недопонимают «объективные процессы в меняющейся Европе», что жизнь развивается по своим законам и надо отказываться от стереотипов.

Эти слова и мысли были понятны генералу Лобову. Не мог понять он другого: почему эти «объективные законы» постоянно рождаются и проистекают не в самой жизни, а в стенах Центрального разведывательного управления США и в аналитических центрах стран НАТО.

... Спустя шесть лет, роюсь в московских архивах Главного штаба Организации Варшавского Договора, я обнаружил многие секретные аналитические документы, в которых уже в ту пору генерал Лобов и его сподвижники предвидели последствия нашего быстрого отступления с позиций ОВД и предсказывали, что все это может закончиться появлением натовских войск у наших государственных границ.

Уже тогда Главный штаб ОВД высказывал опасения, что без соответствующих политических договоренностей, которые должны касаться прежде всего адекватных мер по «симметричному» сворачиванию натовских войск в Европе, Москва может оказаться в глубоком военно-стратегическом проигрыше...

Эти выводы в документах, на которых стоит подпись Лобова, были сделаны задолго до того, как в Вашингтоне и в штаб-квартире альянса под Брюсселем будет разработан и утвержден план продвижения НАТО на восток...

На эти выводы не реагировали не только в Кремле, но и в Генеральном штабе Вооруженных Сил СССР. Генерал армии Лобов, вспоминая тот период, рассказывал:

— Бывало, приедешь в Генштаб — тут тебе сразу: «Ну, ты там еще не разогнал Варшавский Договор?»...

В конце 80-х и начале 90-х годов в государствах Варшавского Договора происходили большие изменения. Многие из них оказались возможными потому, что влияние политического руководства СССР стало в этих странах минимальным.

... ОВД доживала последние дни. Генерал Лобов был поражен отношением Горбачева к системе военной безопасности в новых военно-политических условиях. Об этом отношении свидетельствовало и то, как был произведен сам акт роспуска Варшавского Договора. Про эту процедуру Лобов скажет:

— Никогда не забуду тот черный день... Заседание Политического консультативного комитета проходило в московской гостинице «Октябрьская». Присутствовали все главы государств ОВД. Горбачев только приехал из США и сразу — на заседание. По сути дела, без подготовки.

Председательствовал в тот день венгерский руководитель. Он встал и сказал, что в повестке дня три вопроса. И предложил: давайте обсуждать их не будем, а возьмем только один вопрос — о ликвидации военной организации Варшавского Договора. Все закивали головами. И только румынский представитель возразил: мол, это несвоевременно. Подошла очередь высказаться Горбачеву. Но он стал говорить не о Варшавском Договоре, а о... визите в США.

После этого заседание быстренько закружилось. Председательствующий предложил поручить подготовку и подписание соответствующих документов министрам иностранных дел и министрам обороны. Комментируя те события, Лобов с горечью говорил:

— Вот вам и политические подходы тогдашнего руководства страны к Варшавскому Договору. Конечно, мы, военные, всячески оттягивали, тормозили этот процесс в наивной надежде на какие-либо изменения. Но к марту 1991 года все было кончено...

Весной 1991-го генерал армии Лобов в очередной раз стал «временно безработным».

Ему тогда шел 56-й год, уволить его по закону было нельзя. Слово в насмешку, предложили должность военного советника во Вьетнаме. Он шутил по этому поводу:

— Еще хорошо, что не в Верхней Вольте!

Он отказался. Хотел серьезной, а не символической работы.

Был разговор с Язовым на очень высоких тонах. Новый удар послал его в нокаун — генерала свалил сердечный приступ. Он попал в госпиталь...

В июне, когда Лобов находился на реабилитации в санатории, туда позвонили из Кремля и сказали, что генерала армии вызывает Горбачев. Опять вызывает. Вспомнил...

Во время их встречи Михаил Сергеевич в присущей ему «вихляющей» манере сказал:

— Ситуация такая, Владимир Николаевич, что девать тебя некуда. Предлагаю пойти на академию имени Фрунзе, ковать командные кадры.

Лобов согласился. Принял академию во время летнего перерыва. С его опытом месяца хватило для того, чтобы вникнуть в дела. Чтобы начать новый учебный год на рабочем месте, попросил у Главкома Сухопутных войск несколько недель отдыха.

Было время поразмышлять. Часто ловил себя на мысли, что с некоторых пор судьба (а может быть, и не судьба?) стала играть с ним в странные игры: не успевал он толком осмотреться на должности, как его уже перебрасывали на другой участок...

АВГУСТ

Первый рабочий день после отпуска начался 19 августа...

Генерал Лобов вспоминает:

— В газетах, по радио — шум, а я понять ничего не могу, это ж надо знать ситуацию. Собрал людей, тех, кто был, поручил усилить охрану оружия, ни в какие действия не ввязываться. Подождал до вечера — никто не звонит, никаких команд. Ночью уехал в Наро-Фоминск, где шли экзамены наших абитуриентов. Вот туда мне был один звонок 21 или 22 августа, да и то, мягко говоря, странный. Звонил полковник милиции да еще с претензиями: мы, кричит, никак не можем вас найти, почему не прибыли в райисполком, почему не находитесь в Москве? Ну, скажите, что может ответить в такой ситуации генерал армии полковнику милиции? Конечно, ничего хорошего. И все же я решил вернуться в Москву, а в это время оттуда уже войска выводили...

23 августа в 16. 00 в кабинете начальника академии имени М. В. Фрунзе зазвонила «кремлевка».

Звонил Шапошников. С ним лично Лобов не был знаком. Хотя видел не раз. Шапошников попросил его приехать на Арбат, в кабинет министра обороны. Поехал.

Генерал Лобов вспоминает:

— Подъезжаю к Генштабу, а там... Такого бедлама я еще никогда не видел: какие-то гражданские, расхристанные военные, какие-то бумаги валяются в коридорах. В приемной министра — человек двенадцать старших лейтенантов, капитанов, майоров с летными погонами, вооружены автоматами. Один из них мне говорит: «Вас ждет министр обороны». Открываю дверь — навстречу идет генерал-полковник Шапошников, счастливый, радость из него прямо брызжет. Я, сообщает, назначен министром, а ты — начальником Генштаба. Давай, говорит, прикинем, с чего начнем. Э, нет, отвечаю, давай приказ или указ. Кем назначен? На основании чего? Так ведь со слов это не делается. Он: «Ну что ты, мне не веришь?» Словом, долго мы так разговаривали. Нас часто прерывали телефонные звонки... После одного из звонков новоиспеченный министр подвел меня к телевизору. Мол, мне сообщили, что сейчас будет транслироваться заседание Верховного Совета России, наверняка там скажут и о тебе. Смотрим. Сидят в президиуме Ельцин, Горбачев. Верховный Совет бурлит. Горбачева донимают вопросами. На один из них он отвечает: «Мы кадровые вопросы уже решили. Министром обороны назначен Шапошников, начальником Генштаба — Лобов». Шапошников мне: «Вот, понял, пойдем работать». Вновь отвечаю ему: «Нет, давай документ, тогда и разговаривать будем». А потом с предостережением добавляю: «Все это как-то сомнительно. Предчувствую: скоро и меня и тебя здесь не будет». Шапошников: «Ну что ты, еще к должности не приступил, а уже...»

Лобов осторожничал не случайно.

На его глазах проходили «революционные процессы» в армиях Варшавского Договора, когда, бывало, министров и начальников штабов меняли за месяц по нескольку раз. Он понял, что аналогичные процессы дошли и до нас.

Часа через полтора принесли указ президента о назначении генерала армии Лобова начальником Генерального штаба...

В истории этого назначения была своя политическая интрига, связанная с характером отношений между Ельциным

и Горбачевым. До сих пор мало кто знает, что между ними 23 августа 1991 года в Кремле произошел некий «бартерный обмен».

Когда Ельцин явился в Кремль и стал напористо выжимать из Горбачева согласие на назначение Шапошникова министром обороны, Михаил Сергеевич сломался не сразу. Даже несмотря на то, что Ельцин щедро разукрашивал Шапошникова комплиментами за то, что тот противодействовал реализации планов ГКЧП.

Горбачев ничего против Шапошникова не имел, но не мог не понимать, что, в сущности, идет речь об откровенном протаскивании на главный военный пост в Союзе человека Ельцина. Это в определенной мере ущемляло его самолюбие. Но в той ситуации, когда от поведения Ельцина могла уже зависеть и карьера самого Горбачева, и дальнейшая судьба Союза, Михаил Сергеевич решил проявить гибкость и уступить президенту РФ.

Соглашаясь на назначение Шапошникова, Горбачев понимал, что теперь армию будет возглавлять не «свой» человек. Это было опасно. И потому, скорее всего, решил, что на втором по значимости посту в армии должен быть военный, на которого он мог бы в полной мере опираться. Таким человеком был Лобов, перед которым у президента СССР был к тому же давнишний «долг» — обещанный еще в 1987 году пост начальника Генштаба...

Мотивируя свое решение о выборе Лобова на эту должность, Горбачев вспомнил и алма-атинские события 1986 года, и то, что Лобов никакой стороной не причастен к той генштабовской команде, которая управляла войсками во время событий 19—21 августа. К тому же Лобов уже имел немалый опыт работы в ГШ и его авторитет как профессионала был высоким.

Настояв на своем, Горбачев таким образом давал понять Ельцину, кто еще в доме хозяин, а главное — оказывал протекцию человеку, на которого рассчитывал опереться...

Ельцин неохотно, но согласился.

... Через несколько дней после августовских событий министр обороны Шапошников давал интервью, в котором высоко отозвался о позиции командующего войсками Ленинградского военного округа генерал-полковника Виктора Самсонова в период «путча» и между строк намекнул, что и российские власти, и новое руководство Минобороны по достоинству сумеют оценить это...

Уже тогда во многих арбатских кабинетах заговорили, что такие комплименты просто так не раздаются.

Говорили и о другом — у генерала армии Лобова нет таких «ярких заслуг» перед демократией, как у Шапошникова, Грачева, Самсонова. И потому его назначение противоречило логике тех, кто праздновал победу над «хунтой» и раздавал высшие посты в армии генералам, успевшим проявить себя в услужении новому режиму...

АРБАТ

... С первых дней работы Лобова в должности начальника Генерального штаба Вооруженных Сил бросалось в глаза, что атмосфера вокруг него (особенно в аппарате министра) была прохладной.

Лишь генерал для особых поручений Владимир Антонович Золотарев да начальник секретариата НГШ работали с искренней самоотдачей, не вступая в аппаратные пересуды.

Потихоньку и я начинал понимать в чем тут дело. На первой же встрече с подчиненными Лобов заявил, что видит ГШ «интеллектуальным трестом» Вооруженных Сил, что здесь должны работать люди с самой высокой степенью профессиональной подготовки. И что балласту лучше бы самостоятельно уйти (а таких было немало).

Старый аппарат ГШ, сложившийся при бывшем начальнике Генштаба генерале армии Михаиле Моисееве, был хорошо спевшейся компанией, в которой существовала своя система ценностей и критериев. В команде Моисеева собрались «свои», притершиеся друг к другу люди. Возникшая после прихода Лобова опасность расставания с престижными должностями раздражала и злила их. Каждого новичка они встречали настороженно и холодно.

Я был одним из таких новичков. Потому старался поменьше контактировать со «стариками», держась в основном за Золотарева.

Как-то так сложилось, что при бывшем начальнике Генштаба Моисееве журналисты часто сетовали на то, что ГШ — слишком закрытая «контора». Моисеев нередко ссылался на то, что он по уши в делах и в рекламе не нуждается. Представителей наиболее зловредных газет никто не хотел пускать на этажи ГШ, дабы не всплыло еще какое-нибудь новое

дерьмо, находить которое (или изобретать) московские газетчики большие мастера...

Были и другие причины.

Некоторые наши военачальники просто боялись прессу. Высочайшие профессионалы, умеющие прекрасно работать головой, иногда были совершенно беспомощны при «работе языком».

Лобов с первого дня службы в новой должности коренным образом сломал у прессы представление о начальнике Генштаба как о сверхсекретной фигуре, чиновнике, который боится без бумажки сказать живое слово.

Ни одной газете, теле- или радиокompании он не отказывал в просьбе подготовить статью, дать интервью.

Во многом эта ноша ложилась на плечи генерала Золотарева, который работал в таком бешеном ритме, что я начинал опасаться за его здоровье. Телефоны в его кабинете звонили с такой частотой, что я, обращаясь к генералу, не успевал даже полностью выговаривать имя и отчество...

Новый начальник Генерального штаба часто печатался в газетах.

Здание Союза все больше расшатывалось, во весь рост вставал вопрос о судьбе армии, и Лобов искал пути ее спасения.

В одной из статей он писал, в частности:

«...В условиях практического распада СССР, активной суверенизации республик, появившихся в результате этого совершенно новых структур в сфере обороны назрела настоятельная необходимость строить Вооруженные Силы на совершенно иных принципах, не отказываясь при этом от их единства. С политической, экономической, социальной, правовой и сугубо военной точек зрения это единство лучше всего отвечает здравому смыслу, объективно диктуется сложившимися реалиями как внешнего, так и внутреннего порядка»...

Все его статьи и интервью в то время были на 90 процентов посвящены именно этой теме. Параллельно аппарат НГШ готовил книгу об истории и опыте военных реформ в России и СССР, разрабатывал приемлемые формы существования Вооруженных Сил в посткоммунистический период.

Будучи полностью поглощенным работой, я не догадывался, что активность Лобова в прессе (и особенно его концептуальные взгляды на военное строительство в целом и на разграничение функций МО и ГШ) вызывала не только настороженность, но и раздражение у министра.

Однажды я был поражен тем, что дежурный в приемной министра анализировал очередную статью Лобова, черным фломастером подчеркивая в ней «крамолу». Особенно те места, где речь шла о новой модели Минобороны и ГШ, определении новых функций министра и НГШ...

Осенью 1991 года вспыхнула новая шумиха вокруг реформирования армии. В газетах публиковались десятки статей, в которых маршалы и домохозяйки, пенсионеры и пионеры, кадровые и отставные военные, публицисты и популисты, политики самых разных мастей излагали свое видение нового облика Вооруженных Сил. Часто трезвомыслие соседствовало с откровенным маразмом. Некоторые авторы, очень далекие от сложнейших сфер военного строительства, на полном серьезе поучали руководство МО и ГШ, как надо реформировать армию. Это задело меня, и в одном из журналов я опубликовал статью «Не пора ли Матрене в Генштаб?»...

А пресса продолжала призывать руководство военного ведомства к скорейшему реформированию армии и разработке новой концепции. Шапошников решил поручить это дело начальнику Генштаба. Вот как это было.

Генерал армии Лобов вспоминает:

— Вызвал меня Шапошников, предложил возглавить две комиссии. Одну по реформе Вооруженных Сил, другую — по лояльности офицерского состава. Я отказался. «Но реформами по своей линии ты все же занимайся», — настоял Шапошников. Потом те комиссии возглавил Кобец, а заместителем у него стал Лопатин. Я же со своими специалистами разработку реформ вел параллельно. Достаточно скоро стало известно, что моя работа на посту начальника Генштаба кое-кем воспринимается не так, как хотелось бы... Последним звонком для меня была коллегия Министерства обороны, на которой я докладывал свою концепцию реформ в армии. Она, видимо, оказалась настолько неприемлемой для руководящей группы реформаторов, что председатель этой комиссии и его заместитель покинули заседание, не дождав-шись его окончания. Затем был звонок Горбачева: «Что там у вас на коллегии произошло?» Ответил: «Коллегия как коллегия, все нормально». Он мне: «Ты это мне брось! Ко мне тут двое пришли...» Я понял, что все идет, куда надо!..

... В разработке концепции военной реформы Лобов полностью перехватил инициативу у Кобеца и Лопатина. Наверное, иначе и быть не могло: многоопытный военачальник с колоссальным профессиональным опытом и широким военно-теоретическим кругозором по всем статьям переигрывал «главного телефониста» — бывшего начальника связи ВС генерала Константина Кобеца — и отставного начальника вечернего университета марксизма-ленинизма майора Владимира Лопатина. Реформаторские изыски связиста и пропагандиста вызывали немало едких комментариев среди генштабовских профессионалов.

Стремление навязать властям именно свою концепцию реформы было для них принципиально важно по той причине, что оба, на мой взгляд, явно хотели отхватить себе престижные должности.

Самолюбие Кобеца к тому же было сильно ущемлено после того, как Ельцин назначил его «министром обороны России», а через две недели сместил (эта должность была бу-тафорской — она не предусматривалась Конституцией РСФСР). Кобец был переключен на комиссию по военной реформе. По масштабам, глубине стратегического мышления Кобец никак не мог тягаться с Лобовым. Его высказывания о военной реформе носили самый общий характер.

А в суждениях Лобова очень часто просматривалась та строгая объективность, которая никак не могла нравиться тем, кто ждал от НГШ восхвалений новому режиму. Наоборот, все чаще и чаще Лобов как бы предостерегал новые власти от иллюзий скорой военной реформы. Вот строки, написанные Лобовым в сентябре 1991 года (начальник Генерального штаба предвидел то, что может быть с армией на пятилетие, а, может быть, и на десятилетие вперед):

«...Ибо совершенно очевидно: военная реформа не получит решительного и радикального развития без прочного экономического базиса».

Начиная с 1991 года и вплоть до прихода генерала армии Игоря Родионова в МО в июле 1996 года эту аксиому военной реформы пытались «обмануть»...

В своей книге «Военная реформа: связь времен» Лобов выводит именно ту формулу военной реформы, которую откровенно игнорировали новые политические и военные власти России:

«Любая военная реформа начинается и заканчивается пересмотром и заменой самих основ, фундаментальных принципов комплектования, строительства, функционирования, использования как армии, так и всей военной организации общества. В итоге видоизменяются не отдельные звенья, грани военного организма, а весь его социально-политический, военно-технический, военно-стратегический и духовно-идеологический облик».

Когда я, спустя ровно пять лет, участвовал в подготовке статьи нового министра обороны России генерала армии Игоря Родионова по этой же теме, то был поражен удивительным сходством его вывода: «надо реформировать не отдельные части оборонительной системы государства, а всю систему»...

Наверное, умные люди могут мыслить по-разному, но выводы их очень часто сходятся.

Уже осенью 1991 года не только генерал армии Лобов, многие другие генштабисты открыто поговаривали, что новые российские власти наивно пытаются провести военную реформу на совершенно дохлом экономическом базисе. Новые власти впадали в самообман, стремясь реформировать армию по отдельным звеньям, а не всю в целом.

Лобов продолжал работать над концепцией реформирования единых Вооруженных Сил, выступать со своими взглядами в печати и не знал, что под него уже ведется подкоп. В аппарате министра кое-кто усматривал крамолу в том, что Лобов предлагал «замкнуть» Генштаб на президента СССР, а Министерству обороны придать политико-административные функции.

В той ситуации, которая была в России глубокой осенью 1991 года, это для российского руководства было опасным по двум причинам: во-первых, при такой модели управления армия «уходила под Горбачева». А, во-вторых, в то время Ельцин уже держал в голове далеко идущие планы суверенизации России и Беловежскую пуцу. Активная борьба НГШ за сохранение единых Вооруженных Сил вступала в опасное противоречие с его замыслами...

Отношения между министром обороны и начальником Генштаба продолжали осложняться.

Однажды я стал невольным свидетелем весьма показательного разговора двух генералов. Речь шла об очередной статье НГШ в «Красной звезде».

— Ну теперь Шапошников Лобову врежет! — говорил один. — Он как увидел эту статью, аж позеленел.

— Расписался «писатель», — отвечал ему собеседник. — Совсем меру потерял. Один он умный. А министра обороны будто и нет.

— А ты про директиву слышал? Представляешь, звонит он Евгению Ивановичу и намекает, что директиву надо бы отменить и переработать. Умник нашелся...

Лобов вспоминает:

— В конце сентября приносят мне директиву министра обороны. Генштаб ее не готовил. Вызываю тогдашнего начальника ГОМУ (Главное организационно-мобилизационное управление ГШ. — В. Б.). «Вы готовили?» — «Нет». — «Кто же такое состряпал?» А директива была прямо-таки дикая. Она разрешала, начиная от командира батальона и всем остальным, распродавать оружие и технику. Такая гадкая директива! Я к министру. Он выслушал и начал шуметь: это меня подставили! Как могли подставить? Странно слышать. Короче говоря, условились, чтобы я эту директиву другой директивой отменил. И это тоже мне «в зачет» пошло. Было множество других похожих случаев. Естественно, начали травить...

Жизнь генерала Лобова на Арбате становилась все труднее.

Однажды, войдя в кабинет генерала Золотарева, я застал его крайне взволнованным. Перед ним лежала «Красная звезда» с огромной статьей Лобова.

— Я не понимаю, что здесь крамольного, — горячился он. — Ну посмотри еще раз и ты.

Я посмотрел и ничего крамольного не нашел. Но уже многим было известно, что у Шапошникова статья вызвала негодование. Его, рассказывали, возмутила больше всего фраза о необходимости придать Генштабу больше полномочий в руководстве войсками. Шапошникову показалось, что Лобов покушается на его функции. То было продолжение усиливающейся скрытой войны между НГШ и министром обороны.

В эту «войну» начинала втягиваться и московская пресса.

Генерал армии Лобов вспоминает:

— В «Аргументах и фактах» появилась статья «Ядерная кнопка в руках проходимцев». Ко мне сразу масса корреспондентов: «Владимир Николаевич, вас обвиняют, чем можете оправдаться?» Отвечаю: «Первая ядерная кнопка находится в руках Горбачева, вторая тоже не у меня... У меня — шестая. Какие ко мне претензии? Займитесь сначала пер-

выми лицами». Потом появилась провокационная статья «Офицеры Генерального штаба против всех президентов, вместе взятых». Шапошников вызвал: вот видишь, мол, под тебя копают. Я, конечно, знал, что без ведома Шапошникова в «Красной звезде» ничего подобного появиться не могло. Но ответил: сначала меня, потом вас...

Лобов умел предвидеть.

Я рассказал Золотареву о разговоре двух генералов в курительной комнате. Один из них служил в нашем генштабовском аппарате, второй — в аппарате Шапошникова. Моя информация ничего нового Золотареву не дала. Он сказал, что знает обо всех этих интригах, и посоветовал держать язык за зубами.

Ревнивое отношение Шапошникова к своему первому заместителю — начальнику Генштаба, на мой взгляд, очень во многом объяснялось тем, что маршал постоянно чувствовал профессиональное и интеллектуальное превосходство Лобова и мощный авторитет НГШ в войсках и стране. Регулярные выступления Лобова в прессе лишь усиливали это.

Отношения между ними с каждым днем становились все более холодными. Я намекнул как-то генералу Золотареву, что желательно НГШ не светиться так часто в прессе и не придавать огласке проекты о разграничении обязанностей между МО и ГШ.

Золотарев с ходу обрубил меня:

— Почему это Лобов должен стесняться своего ума?! Почему должен скрывать свои взгляды?

Он был, конечно, прав.

Больше со своими идеями в «битву титанов» я не совался...

ФИЛАТОВ

... Однажды в приемной начальника Генерального штаба я застал генерала Виктора Филатова, бывшего в ту пору главным редактором «Военно-исторического журнала», вышедшего «под присмотром» Генштаба.

Приняв весьма слабенький журнал под свое начало, Филатов сумел раз в 10 поднять тираж. «ВИЖ» становился все более популярным в стране и за рубежом.

Главный редактор вел постоянные и скандальные бои с теми представителями иностранного лобби в СССР, которые разваливали государство и армию. Он подвергал бес-

пощадной критике тех руководителей страны, которые своей позицией вредили Вооруженным Силам... Судился с главным редактором «Огонька» Виталием Коротичем, давая ему беспощадные оценки...

При Филатове в журнале все чаще стали появляться материалы, которые вызывали не только повышенный интерес читателей, но и громкие скандалы. Чего только стоила, например, его «задумка» опубликовать гитлеровский «Майн кампф»?!

Язов лишь великодушно улыбался, когда министерские или кремлевские стукачи докладывали ему об очередных выходах Филатова. У Язова были десятки поводов, чтобы размазать Филатова по стенке, отдать его на растерзание прокуратуре и спрятать за решетку где-нибудь на Колыме.

Но Язов этого не делал, хотя постоянно получал письма от некоторых политиков с требованием убрать генерала из армии. Язов, случалось, журил Филатова. В глазах многих генштабистов это кардинально меняло представление о Дмитрие Тимофеевиче как о слишком осторожном военачальнике, способном «сдавать» подчиненных в угоду политической конъюнктуры. Наоборот, Язов часто умел отстаивать людей даже тогда, когда это стоило ему немалых неприятностей...

Когда же маршала и других «путчистов» упрятали за решетку, упоенные победой демократы добрались и до Филатова. Было ясно, что уж теперь они его «растерзают» с превеликим наслаждением...

У нового министра обороны маршала авиации Шапошникова побывало несколько делегаций. Они требовали немедленно отдать ненавистного генерала под суд.

Шапошников на это не решался. Он поручил начальнику Генштаба объявить свой приговор Филатову: куратором «Военно-исторического журнала» был Генштаб. Следовательно, НГШ и должен был принимать меры. Хотя, естественно, решающее слово оставалось за министром.

Филатов был приглашен к Лобову.

Осунувшись и бледный, он ждал приговора.

Порученец Лобова пригласил генерала Филатова в кабинет начальника Генштаба. Было件нятно, что через несколько минут к его званию «генерал» добавится слово «запаса»...

Мне хотелось спасти Филатова. Пошел к Золотареву. Владимир Антонович был в курсе дела и переживал не меньше меня.

— Уже ничего не сделаешь, — сказал он. — В аппарате Шапошникова, говорят, заготовлен приказ об увольнении Виктора Ивановича. Лобову министр поручил объявить приговор. Владимир Николаевич и так тянул резину сколько мог...

Парадокс этой драмы состоял в том, что два очень уважаемых в армии человека волею обстоятельств оказались в ситуации, когда они должны были встать по разные стороны баррикады...

О чем они говорили там, в кабинете Лобова?

Хотелось услышать их разговор хоть краем уха. Из кабинета Золотарева я выскочил в приемную начальника Генштаба. Скучал дежурный, глядя в телевизор. Стояла в белом халате медичка, поглядывая на часы.

— Что случилось? — спросил я. — Владимиру Николаевичу плохо?

— Не знаю. Мне пять минут назад позвонили, попросили принести ему таблетки.

У меня появился прекрасный шанс проникнуть в кабинет Лобова.

— Чего же вы ждете, — возмущенно сказал я белому халату, — немедленно давайте сюда таблетки!

Женщина с удивлением протянула мне маленькую пачку. Дежурный открыл рот. Он не успел его закрыть, как я уже нырнул в лобовскую дверь.

... Они сидели в дальнем углу кабинета.

Все, что я услышал из уст НГШ: «Надо бы тебе в отпуск...»

Лобов повернул голову в мою сторону и, не дослушав уставного обращения, строго произнес:

— В чем дело, товарищ полковник?

— Таблетки, товарищ генерал армии.

— Я не просил у вас никаких таблеток.

— Медсестра сказала, что от вас позвонили и...

— Положите на стол и будьте свободны.

Я неспешно направился к столу НГШ, надеясь услышать еще хоть фразу, хоть какой-то обрывочек разговора. Но оба молчали.

— Да быстрее же! — раздраженно крикнул Лобов.

Я почти выбежал из кабинета...

В тот вечер поговорить с Филатовым мне не удалось. Позже спросил его о содержании разговора с Лобовым. Генерал взорвался...

То был явный перебор в сугубо филатовском стиле.

Я рассказал Владимиру Николаевичу о мнении Филатова.

— Передай ему, что, несмотря на все его колючие и даже оскорбительные выпады в мой адрес, я его не перестаю уважать как журналиста и как генерала...

МЫСЛИ

... Осенью 1991 года Лобов стал прорабатывать тезисы статьи о военно-политической ситуации в Европе после распада Организации Варшавского Договора. Его волновал «фактор НАТО». Он говорил, что крайне важно предвидеть тактику и стратегию поведения блока в новых условиях и принять упредительные меры...

Я слушал его неспешный рассказ о военно-политических проблемах и ловил себя на мысли, что этот человек словно маковое зернышко держит на ладони земной шар...

Тогда начальник Генштаба сказал мне: «До конца века у России отобьют большинство военных союзников, а НАТО «проглотит» большинство бывших соцстран. Армию наполовину разворуют и от невозможности содержать — сократят. Остальная будет продолжать рассыпаться по мере того, как часто будут кричать о «реформе» и менять министров...»

То была лекция по искусству военного предвидения.

Когда во время первого зарубежного визита в Великобританию Лобов закончил выступление перед генералами и полковниками Королевского военного института, они долго аплодировали ему стоя. Легендарный английский фельдмаршал Винсент в одном из своих интервью скажет:

— Я много читал и слышал, что в России есть умные генералы. Теперь я видел одного из них...

Но это будет потом...

А тогда, осенью 1991-го, я гордился, что у меня такой начальник Генштаба.

Американский генерал из Пентагона, которого я сопровождал до лифта после встречи с Лобовым, сказал мне плохо по-русски:

— У вашего Лобова балшой лобь.

Я знал это гораздо лучше американца.

Тогда я только начинал догадываться, что вокруг Лобова уже плетутся нити заговора.

Его отношения с Шапошниковым становились все холоднее...

КОВАРСТВО

В декабре 1991 года Лобов находился за рубежом.

Генерал армии Лобов вспоминает:

— Начальнику Генштаба еще при Моисееве был спланирован визит в Англию... К этому времени обстановка в стране накалилась. Я говорю: не время для визитов. Шапошников настаивает. Звоню Горбачеву: мол, нужно отложить визит. Тот: «Ни в коем случае. Лети!». Полетел. Возвратился из Англии 7 декабря. Ночью. Утром прибыл к министру. Пытаюсь доложить о визите. Он: «Докладывать не надо...»

Я все понял. Говорю: вот видишь, я же предупреждал, что первым «уйдут» меня, потом тебя. Шапошников пропустил мимо ушей, а меня попросил не присутствовать на коллегии министерства, когда будут представлять нового начальника Генштаба — Самсонова. Поначалу я не понял сей ход и согласился. Оказалось, что на коллегии Шапошников взял лист бумаги и зачитал якобы написанный мной рапорт с просьбой об освобождении от должности начальника Генштаба в связи с болезнью. Конечно, никакого рапорта я не писал.

...Ко дню возвращения Лобова из Англии я должен был закончить отработку тезисов его статьи о новой кадровой политике в армии (НГШ сделал расчеты и пришел к выводу, что в наших, тогда еще почти четырехмиллионных Вооруженных Силах, можно на 30 процентов сократить количество генералов. Сейчас же, когда Российская армия насчитывает около 1,7 миллиона человек, количество генералов в ней осталось прежним — более 2 тысяч).

Ровно в 8. 45 утра 7 декабря 1991 года я вошел в приемную начальника Генерального штаба генерала армии Лобова, чтобы передать ему тезисы будущей статьи. За столом дежурного по приемной НГШ сидел офицер, которого я не знал. Он высокомерно оглядел меня и спросил:

— Что вам здесь нужно?

— Я пришел сюда работать, — столь же вызывающим тоном ответил я.

— Больше вы здесь не работаете, товарищ полковник. Можете быть свободны.

Меня как током шибануло.

Я попросил разрешения зайти к Лобову и передать докладную.

— Можете этой докладной подтереть себе задницу, —

посоветовал мне наглец. — У нового начальника Генштаба будут новые советники. Он, кстати, уже на рабочем месте.

Я без разрешения рванул двери в кабинет генерала Золотарева. Он уже собирал бумаги. Вид у него был похоронный. Мы обнялись. Золотарев сказал:

— Ночью приехал из Ленинграда новый НГШ — генерал-полковник Самсонов. Командующий ЛенВО... Бывший...

У Шапошникова был еще один тяжелый разговор с Лобовым. Позже Владимир Николаевич рассказывал мне, что последняя его фраза, брошенная на прощание маршалу, была:

— Сегодня ухожу я. Завтра уйдешь ты.

Пророчество сбудется всего через три месяца...

Лобов попытался выяснить, по какой причине его так вероломно свергли. Он позвонил Горбачеву в Кремль...

Лобов вспоминает:

— Дозвонился. Горбачев спрашивает: «Ну что там у тебя?» Докладываю: «Вот прибыл с визита». Горбачев прервал: «Знаю, знаю, хорошо прошел визит!» Я продолжаю: «Визит-то визитом, но пока я там был — с должности сняли». Он опять в курсе: «Знаю, но вокруг меня такая политическая ситуация, а они пришли втроем и надавили, чтобы тебя отстранить». Кто втроем? Не говорит. Я настаиваю: «Михаил Сергеевич, вы Верховный главнокомандующий, я начальник Генштаба. Между нами должна быть ясность. Объясните, в чем дело?» Он опять: политическая обстановка, то да се, иди в отпуск, мы тебя не забудем. Плюнул, ушел в отпуск...

На другой день генерал Лобов узнал о Беловежской пуще...

Именно в этот момент кому-то было очень нужно убрать его с должности начальника Генштаба.

Именно в тот момент...

Начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР не скрывал, что ему не по душе усиливающиеся разговоры о возможном создании национальных армий.

В то время президент СССР Горбачев быстро терял власть. Его обращения к руководителям республик снова собираться в Ново-Огареве и попытаться подписать новый союзный договор хотя бы между теми, кто этого захочет, не встречали откликов со стороны высшего российского руководства.

И чем больше он сознавал, что власть в Центре уходит в руки Ельцина, тем активнее маневрировал, иногда доходя

до откровенных заигрываний с российским генералитетом. Все чаще случалось, что уже и указы послушно принимал под давлением Ельцина.

БЫВШИЙ

... В тот морозный декабрьский день к названию должности начальника Генерального штаба Вооруженных Сил добавилось слово «бывший». Он впервые за время службы на Арбате возвращался домой мимо Кремля раньше обычного.

Горластые и раскормленные кремлевские вороны что-то каркали ему вслед, кружа над золотыми куполами...

Лобова указом президента вывели за штат с формулировкой «для дальнейшего назначения на должность».

Его жестоко обманули.

Так может поступать со своими генералами только невежественная власть. Талант и опыт Лобова она не востребовала. Слишком была занята проблемами самосохранения.

После декабря 1991-го я не один раз встречался с Лобовым. И при каждой встрече задавал Владимиру Николаевичу один и тот же вопрос:

— За какие провинности вас сняли?

Это иногда приводило его в ярость. Он не хотел, да и сейчас не хочет, отвечать на него.

Долго молчал и Шапошников.

Лишь много позже он дал свои объяснения тому, что произошло с Лобовым. По словам Шапошникова, главной причиной стали его принципиальные расхождения с Лобовым по концепции военной реформы и структуре Минобороны.

Маршал утверждал, что Лобов был инициатором разработки проекта, согласно которому Минобороны и Генштаб параллельно оказались бы замкнутыми на президента — Верховного главнокомандующего. Этим проектом якобы предусматривалось ограничить prerogatives министра обороны «различного рода хозяйственными функциями, а начальнику Генерального штаба, не подчиненного министру, предоставить возможность руководства Вооруженными Силами».

Маршал сильно грешил против истины, когда говорил о «различного рода хозяйственных функциях». Хотя бы потому, что в проекте Лобова ни разу не упоминались какие-либо «хозяйственные» функции министра, а шла речь об админи-

стративно-политических функциях (такие проекты выдвигаются и сегодня некоторыми российскими научно-теоретическими центрами).

Шапошников, мне кажется, искажал истину, когда говорил о том, что НГШ претендовал на «возможность руководства Вооруженными Силами». В проекте Лобова было черным по белому написано об «оперативном руководстве» — такое руководство и сегодня осуществляет ГШ.

Чтобы больше не морочить голову читателю тонкостями военных концепций и проектов, относящихся к сути конфликта между Шапошниковым и Лобовым, наверное, надо сказать просто и ясно, что по большому счету тогдашний министр обороны рассматривал проект НГШ как покушение на собственную должность. Это и предопределило конфликт. Лобов твердо придерживался своих взглядов и не собирался менять их.

Переубедить его было невозможно. Устранить — да...

Пройдет не так много времени и новые демократические власти станут обсуждать вопрос об усилении гражданского контроля над армией, выведении Генштаба из структуры МО и необходимости назначения гражданского министра.

И что же Шапошников?

Он с готовностью заявит в прессе, что готов в любой момент надеть гражданский костюм...

Служивший вместе со мной в Генштабе генерал-майор Валерий Чирвин был посвящен во многие тонкости той драматической схватки. У него был свой взгляд на нее. Чирвин тоже считал, что Шапошников очень остерегался усиления роли начальника Генштаба.

Чирвин рассказывал:

— Как профессионал Лобов практически по всем параметрам превосходил министра. Те люди, которых Лобов хотел вытурить из ГШ и МО за бесполезностью, натравливали Шапошникова на Лобова. Чтобы спастись, они откровенно «валили» Владимира Николаевича, собиравшего под свои знамена лучшие военные умы и гнавшего прочь бездарь, которая только и думала о лампадах, должностях и новых звездах. Добавьте к этому лобовские идеи о резком сокращении генеральских должностей, о том, что министр обороны должен стать гражданским лицом, а ГШ напрямую замыкаться на Верховного главнокомандующего. Разве это могло понравиться тогдашнему министру обороны?

Чирвин рассказывал мне, что ни Ельцин, ни Шапошников

не питали симпатий к Лобову, рассматривая НГШ как ставленника Горбачева. И потому многое делалось для того, чтобы дискредитировать Лобова в глазах президента СССР, подвести того к решению о смещении НГШ. Горбачева постоянно «в нужном ключе» информировали об «опасных взглядах и проектах Лобова». Такая игра была выгодна и Ельцину: если накануне поездки в Минск лояльность Шапошникова у него не вызывала сомнений, то Лобов был непредсказуем и опасен — он не скрывал, что какие-либо решения, направленные на разрушение единства Вооруженных Сил, — преступление...

Нельзя было исключать, что Ельцину перед его отъездом в Белоруссию было сказано, что если он готовится к подписанию договора о «тройственном союзе», то с Лобовым это не получится. Он-де может поднять армию на дыбы. За ним пойдет большинство командующих войсками военных округов и флотов...

Такая игра против Лобова и привела к успеху в заговоре против него...

АРЬЕРГАРД

... Как оценивает Лобов все, что происходит с армией? За годы после изгнания из ГШ он несколько раз выступал в печати по проблемам военной реформы. На нынешнюю реформаторскую суету он иногда смотрит так, как смотрят отцы на детские шалости своих чад. Он по-прежнему часто задает вопрос: «Какая может быть реформа, если денег нет? Какая может быть реформа, если ею занимаются только сами военные?»

Ему тяжело смотреть, как рушится сердцевина армии — ее народный характер. И он вспоминает о случае, когда в бытность его командармом в Белоруссии одна из дивизий оказалась в чистом поле. Офицеры, их жены и дети жили в палатках, а зима уже стояла на пороге. И тогда пришли к командарму люди, которые за свои деньги выстроили кооперативный дом. И сказали командарму:

— Стыдно нам, товарищ генерал, в тепле жить, когда солдат наших снегом в поле заносит. Выстроили мы на свои, кровные, новый дом, уже и квартиры распределили. Да совесть мучает. Сходом порешили отдать его нашим военным. А мы до следующей зимы как-нибудь новый построим. Да и не в палатках живем.

У Лобова необычайно теплеет голос, когда он рассказывает об этом.

Сейчас он видит и слышит совсем другое. То здесь, то там гремят угрозы местных властей то свет от частей отключить, то дома отобрать.

Лобов не любит быть на виду, не любит, когда его имя треплют. Однажды сбежал в Израиль генерал с похожей на его фамилией. И тут же выпорхнула на газетные полосы и в эфир утка: Лобов к евреям сбежал! Видать, обиделся за то, что его с НГШ сняли. Мне было приказано проверить информацию. Звоню Лобову на квартиру. Трубку снимает жена. Прошу позвать Владимира Николаевича.

— Его нет, — тихо отвечает она. — Но он не в Израиль сбежал, а в магазин за картошкой пошел.

Потом Лобов так врзал мне по телефону, что впредь я боялся говорить с ним на подобные темы.

Для меня до сих пор остается загадкой, почему военный советник Ельцина генерал Дмитрий Волкогонов не сумел спасти Лобова. А ведь высоко оценивал его. Бывая на Арбате, обязательно заглядывал в его кабинет. Даже президент Казахстана Нурсултан Назарбаев посчитал своим долгом позвонить Горбачеву, Ельцину и просил их не делать глупого шага.

Назарбаев очень хорошо знал Лобова еще с тех времен, когда генерал был командующим войсками Среднеазиатского военного округа. Он знал, безусловно, и то, как вел себя командующий во время алма-атинских событий 1986 года...

Но издевательства нового режима над заслуженным военачальником не закончились в тот день, когда его тайком сняли с должности...

ГРУСТНАЯ КОМЕДИЯ

Генерал армии Лобов вспоминает:

— А дальше началась грустная комедия моего увольнения в запас, которая длилась почти три года. Слишком много места заняло бы описание всех чиновничьих глупостей, достойных пера Салтыкова-Щедрина. Скажу только, что было издано несколько приказов о моем увольнении с грубыми нарушениями законодательства. Каждый из них неизменно отменяли и снова пытались найти возможность от меня избавиться. При этом все три года я то находился за штатом, то назначался на совершенно абстрактные должности. На-

конец, мне все это порядком надоело, пришел в Главное управление кадров и сказал: «Сам уволюсь. Через госпиталь. По болезни». Так и сделал.

И вот 11 октября 1994 года меня пригласили к начальнику Генштаба. В тот день как раз исполнилось 40 лет моей службы в армии. Грешным делом подумал, что решили меня поздравить. Прихожу. Поговорили с начальником Генштаба о том о сем. Он вручает мне какую-то коробку и красную папку: извини, мол, что без торжеств, там все написано. Позже открыл коробку, там — кортик. А в папке — приказ о моем увольнении из армии. Ладно, прихожу в военкомат. Военком нашел мое личное дело, посмотрел и говорит: «Товарищ генерал армии, да вы же уволены еще в 1992 году, с того времени личное дело ваше у нас лежит». Вот так! Генерала армии уволить нормально и то не в состоянии...

ВСТРЕЧИ

... В последнее время я несколько раз встречал его в Генштабе. Он был в скромной кожаной куртке, как всегда аккуратный и подтянутый. Мне показалось, что уже мало кто из новоиспеченных российских генералов узнавал его.

Я спросил Владимира Николаевича о жите-бытье. Он посмотрел на меня какими-то грустными глазами и сказал хорошо знакомым мне сипловатым голосом:

— Все нормально. Вы только тут держитесь...

Когда-то он был здесь полновластным хозяином. Здесь замышлял «переделать армию по-толковому».

Не дали.

И сами не переделали...

... Иногда в Генштабе офицеры заводят разговор о ветеранах ГШ и вспоминают фамилию Лобова. Нет-нет да и скажет кто-то:

— Это тот начальник Генштаба, которого втихаря сняли?

Когда я слышу это, мне хочется вмешаться в разговор и уточнить:

— Не сняли, а свергли.

Так будет точнее...

А что же было на том приеме у Бурбулиса?

После того как генерал армии Лобов четыре часа прождал аудиенции в приемной, ему сказали, что лучше прийти завтра.

Больше в Кремль Лобов не обращался...

... Мы сидим с Владимиром Николаевичем в его кабинете в Совете ветеранов Вооруженных Сил, который «дислоцируется» на Гоголевском бульваре. Говорим о том, о чем, наверное, часто говорят сегодня все военные, — о тяжелом положении армии и его причинах. Лобов берет лист бумаги и чертит на ней хитроумную схему смены высшего руководящего состава российской армии со времен Петра до наших дней. Такой кадровой чехарды, какая пошла при нынешней власти, в стране никогда не было.

— Такое впечатление, что кто-то злонамеренно управляет этим процессом, — говорит Лобов. — Человек садится в кресло, не успеет осмотреться, — его уже «выкуривают»... За шесть лет — шесть начальников Генштаба сменили... Закономерность или умысел?...

Об этом же мне говорил в свое время еще один генерал армии — Игорь Родионов.

Форма мысли была разной — суть та же...

Впрочем, и военные судьбы этих генералов чем-то очень похожи.

ЧАСЫ

...Над этим очерком о Лобове я работал более шести лет. Когда он был готов, решил показать его генералу. После основательного знакомства с текстом Владимир Николаевич сделал немало принципиальных замечаний и даже снабдил меня некоторыми документальными источниками, которые очень помогли мне при доработке материала. Через некоторое время я еще раз повез очерк Лобову и попросил его посмотреть окончательный вариант. Генерал сказал, чтобы я подъехал через несколько дней.

Строго в назначенное время я был возле его кабинета на Гоголевском бульваре. У меня не было никаких сомнений, что после каких-то косметических правок я заберу материал у генерала. И тут началось странное...

Даже не достав мою рукопись из шкафа, Лобов стал спрашивать меня, почему в моей книге нет очерков о маршалах Язове и Ахромееве, генералах армии Моисееве и Самсонове. Я ответил, что моя книга посвящена наиболее известным генералам, занимавшим ключевые посты в МО и ГШ после августовских событий 1991 года. Что же касается Самсонова, то я не успел хорошо присмотреться к нему: близко

с ним поработать мне не удалось, да и служил он у нас на Арбате в два захода всего по несколько месяцев...

Было заметно, что Лобова такой ответ не устраивает. Я тактично дал понять ему, что концепция книги и выбор персоналий — личное дело автора. А главное для меня сейчас — поскорее получить оригинал. Но генерал явно тянул резину, заметив между прочим, что ему не по душе «компания» людей, среди которых он оказался в книге. В ответ на это я двинул свой аргумент: в книге наряду с одиозными личностями есть и такие, служить рядом с которыми тысячи военных людей считали за честь.

И в этот раз свой материал из рук Лобова я не получил. Он опять попросил меня зайти позже: «Я еще подумаю». Проставшись по холодному Гоголевскому бульвару два часа, я снова предстал пред очи Владимира Николаевича. Была надежда: вот сейчас прочтем вместе материал, сделаем правки и наконец-то эта тягомотная процедура завершится.

Но меня ждало разочарование. Словно забыв о цели моего появления в его кабинете, генерал пустился в пространные размышления о роли офицерства в истории России. Терпеливо выслушав его, я дал понять Владимиру Николаевичу, что пора бы приступить к делу. Он опять медлил. Тогда я в лоб спросил его:

— Может быть, в очерке есть ложь, искажение фактов, оценок?

— Нет, не в этом дело, — ответил он.

— Тогда в чем же?

— Ты не горячись, я еще подумаю... Зайди часика через два.

Я не сдаюсь.

— Давайте пройдемся по каждой букве.

— Ты погуляй пока...

...И снова обжигает меня холодный сырой ветер на бульваре.

Идиотизм ситуации бесит. Зачем я приперся к Лобову? Ведь если следовать такой логике, то надо было «носить на утверждение» очерки всем, о ком я написал... Но это этическая, а не законодательная норма... Ситуация странная: написал о человеке добрыми красками, а его не устраивают «соседи» по книге... Я вспоминаю о том, как шесть лет назад пытался спасти реноме Лобова в газете, когда его неожиданно сняли с должности. Тогда Владимир Николаевич сам приходил в редакцию — бегать за ним не надо было..

А теперь вот гоняет он меня, как дворняжку...

Чувство унижения распяляет меня настолько, что я думаю: «Вот сейчас зайду к бывшему начальнику Генштаба и скажу с порога: «Товарищ генерал армии, я писал о королях, шейхах, президентах и министрах, но ни один меня в такое дурацкое положение не ставил».

Захожу снова к нему минута в минуту.

Он встречает меня лучезарной улыбкой и говорит:

— Ты по каким часам так точно живешь?

Я показываю ему свои старенькие «Командирские», которыми меня наградил еще маршал Язов.

— Награждаю от лица службы, — говорит мне Лобов и протягивает какие-то сказочные огромные часы. Еще и две запасные батарейки.

Он надевает мне часы на руку. Я благодарю его за королевский подарок и, еле скрывая негодование, говорю:

— Владимир Николаевич, я писал о королях...

— Слушай, — говорит он, сверкая такими чужими лукавыми глазами, каких я у него еще ни разу не видел, — давай-ка пока отложим это дело... Вот напишешь про Самсонова, Язова, Моисеева, тогда и обо мне поговорим...

— Обязательно напишу, — зло бурчу я. Затем снимаю подаренные часы, кладу их на стол и ухожу, не попрощавшись и не подав генералу руки.

На бульваре я почему-то уже не чувствую холода.

И мне так хорошо, что я живу по своим часам...

Глава 4

ГЕНЕРАЛ ГРАЧЕВ И ДРУГИЕ

НОСТРАДАМУС

— Попомните мое слово — Грачев застрелится!

В кабинете, где еще секунду назад стоял гам веселой офицерской пирушки, стихло, будто объявили минуту молчания. Генштабовский Нострадамус в полковничьих погонах победным взглядом обводит компанию собутыльников, ошарашенных его предсказанием, и основательно вгрызается в алую мякоть огромного соленого помидора. Полковник на другом конце стола так и не донес до рта пучок скрипучей гурийской капусты, замер, даже не замечая, как с фиолетового капустного хвостика падают ему на брюки марганцового цвета капли. Нострадамус поймал его перепуганный взгляд и добивает:

— Спорю на пять ящиков коньяку, что застрелится!

Отставной генерал по кличке «Талисман» (он служит в ГШ уже лет двадцать) деловито догрыз сочное кувейтское яблочко и встречает:

— Для того чтобы приставить пистолет к виску, надо иметь слишком много совести.

Офицерские головы, как по команде, дружно поворачиваются в сторону Нострадамуса. Компания ждет его выстрела.

— Для того чтобы приставить пистолет к виску, не обязательно иметь много совести. Достаточно понять, что у тебя ее никогда не было!

— Это все эмоции. Если бы у Грачева не было совести, он бы в октябре резину не тянул. И письменного приказа на расстрел людей из танков от Ельцина не требовал бы!

— Грачев дергался не из-за совести, а из-за трусости!

— Насчет трусости ты брось. Он в Афгане пять лет под пули ходил. А приказ в октябре все же отдал. И мы его с вами выполняли.

— Ну это еще надо посмотреть, кто выполнял, а кто стра-
усом работал!

— Вы кого имеете в виду?

— Товарищи господа офицеры! Мужики! Вы что! Кончай
базар!

— Но при чем здесь Грачев? — вспыхнул друг. — Какая
власть, такой и министр обороны.

И мне показалось, что он прав. Легко судить о Грачеве,
сидя за стаканом водки. Тяжело быть Грачевым.

СОРОКОВОЙ

Генерал армии Павел Грачев был сороковым главой во-
енного ведомства. Безусловно, в сравнении с такими выдаю-
щимися российскими полководцами, как генерал от инфанте-
рии Михаил Богданович Барклай-де-Толли, генерал-лейтенант
Дмитрий Алексеевич Милютин, маршалы Георгий Константи-
нович Жуков или Родион Яковлевич Малиновский, фигура Гра-
чева по многим параметрам гораздо меньшего масштаба. И
тем не менее его имя уже не вычеркнуть из нашей истории.

Грачев возглавил военное ведомство в переломный для
России момент как фаворит главы нового режима. Это опре-
делило и его позицию, и характер его действий. Долгое вре-
мя верой и правдой служивший одному политическому строю,
он затем присягнул новой власти и с не меньшим рвением
доказывал безграничную преданность ей. И был не одинок...

Грачев — фигура в определенном смысле уникальная. В
истории России, пожалуй, нет второго такого генерала, у ко-
торого первая боевая операция в роли министра обороны
была связана с расстрелом соотечественников.

Грачев — фигура исключительная и по другим парамет-
рам: у нас на Арбате в шутку и всерьез иногда говорили, что
его можно смело заносить в Книгу рекордов Гиннеса — как
«самого критикуемого и непотопляемого министра». За че-
тыре года пребывания Грачева в должности президенту раз
тридцать ближайшее кремлевское окружение предлагало ос-
вободиться от непопулярного силовика. Эту же тему почти
непрерывно мусолила пресса. Но Ельцин не сдавал Граче-
ва аж до лета 1996 года.

Верность Ельцина Грачеву многих удивляет до сих пор.

Грачеву досталась особая доля: честный и отважный ра-
ботяга-десантник, достойно прошедший военные испытания

в Афганистане, он не выдержал испытания высокой должностью, попав в грязные жернова российской политики...

23 февраля 1996 года, в День защитников Отечества, один из московских газетчиков спросил Грачева:

— Павел Сергеевич, трудно быть министром обороны?

Грачев ответил:

— Сказать «трудно» — значит ничего не сказать, — архитрудно! Если бы сейчас меня вернули на четыре года назад и сказали: «Грачев, ты должен пройти этот путь», — я бы не согласился.

И уже год спустя после своей отставки он сказал:

— Первая и главная моя ошибка, что согласился стать министром.

Думаю, он был искренен.

Из досье:

ГРАЧЕВ Павел Сергеевич

Родился 1 января 1948 года в деревне Рвы Тульской области. В 1969 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище.

Первая офицерская должность — командир парашютно-десантного взвода в Каунасе. Затем — командир учебной роты в Рязанском училище, командир батальона в Литве, начальник штаба учебной дивизии.

1978—1981 годы — слушатель Военной академии имени М. В. Фрунзе.

1981—1982 годы — заместитель командира 354-го парашютно-десантного полка в Афганистане. Через полгода стал командиром того же полка.

1983—1985 годы — начальник штаба 7-й воздушно-десантной дивизии (ВДД) в Каунасе. С 1985 года — командир 103-й ВДД в Афганистане (в общей сложности пробыл в РА 5 лет и три месяца).

1988—1990 годы — учеба в Военной академии Генерального штаба.

1990—1991 годы — первый заместитель, затем — командующий ВДВ, первый заместитель МО СССР, председатель Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам.

С января 1992 года – первый заместитель Главнокомандующего ОВС СНГ. С 3 апреля 1992 года – первый заместитель МО России.

С 19 мая 1992 года – министр обороны РФ.

Звание Героя Советского Союза получил за выполнение боевых задач в Афганистане. Награждение состоялось после принятия решения о выводе войск из РА.

Женат, имеет двоих детей.

ВЗЛЕТ

...Вскоре после назначения министром Грачев проводил в Центральном доме Российской армии пресс-конференцию. Присутствовали журналисты, ветераны, афганцы. Было много поздравлений. То был его звездный час. Он стал министром обороны в 44 года. Молоденькие корреспондентши с восхищением смотрели на него и задавали детские вопросы. Ветераны недоверчиво поглядывали: по их меркам, министр был явно «зеленоват».

Я сидел близко от Грачева и видел, как ему тяжело формулировать ответы, как он напряженно сжимает пальцы своих сильных рук и как покрывается испариной его лоб. Он выглядел человеком, гораздо лучше умеющим работать, нежели говорить.

После пресс-конференции офицеры и журналисты курили на солнышке в сквере возле ЦДРА. Кто-то сказал:

— Сумасшедший взлет у Паши. Не перегорел бы.

Он и сам как-то признался, что освоение должности давалось ему очень тяжело:

— Первые полтора года я практически не спал по ночам, закрывался в кабинете, изучал, читал...

Слушая его, я тогда подумал: «Ради чего все эти муки, если у нас есть десятки опытейших генералов, которые без таких жертвоприношений могли бы перехватить руль управления армией у Шапошникова...»

АФГАНИСТАН

...Поздней осенью 1986 года я был в Афганистане. Там впервые и встретился с полковником Павлом Грачевым —

командиром 103-й воздушно-десантной дивизии, базирующейся на кабульском аэродроме. Что я знал о нем до встречи? Что он часто «ходит на боевые», неплохо воюет, что устраивает жестокие разносы подчиненным командирам за неоправданные потери солдат. Что душманы за его голову обещают крупную сумму денег. А однажды в горах по громкоговорителю кричали ему:

— Грачев, если не уйдешь домой — поймем иотрежем яйца!

Комдив-103 умел колоритно отвечать на такие «пугалки», ставя в затруднение даже прилично знавших русский язык душманов.

Он становился все более популярным в 40-й армии, о нем часто писали газеты. Офицеры дивизии рассказывали мне, что в одном из боев под руководством комдива Грачева был захвачен гигантский склад боеприпасов. Когда об этом было доложено в Министерство обороны, там не поверили и приказали прислать фотоснимки. Склад имел для духов стратегическое значение — там было боеприпасов примерно на дивизию. Министр обороны маршал Сергей Соколов затребовал справку-объективку на комдива...

Из воспоминаний Грачева:

«Афганистан... Я же там не пробыл, а провоевал пять с половиной лет. Конкретно тот шрам, что на переносице, появился после падения с подбитого вертолета. У меня и руки раненые и ноги. Добра в виде осколков я нахлебался, можете не сомневаться. И подрывы были, и контузии. Я ведь, повторяю, не сидел по штабам, как некоторые, а служил десантником. У меня даже кончик языка отрублен, если можно так сказать. Вот видите? Рассекло, а потом зашивали...

Но обо всех этих ранениях я стараюсь не вспоминать. Зачем? Я и вам про язык сейчас рассказал просто для примера. Знаете, как бывает? Вы напишете, что я вам язык показывал, а потом какой-нибудь журналист этот факт передергивать начнет, насмеяться. Ему не понять, что такое заместитель командира полка в 1981—1983 годах в Афганистане. Для меня это — горы Гиндукуша, пустыни и «зеленка», которые я знал и знаю как свои пять пальцев. У меня и сейчас перед глазами та афганская картина: из-под какого камня выстрелить могут, где мины понатыканы, что за следующим поворотом ждет...

Эта память навсегда. Афганистан в воспоминаниях ношу,

пожалуй, только за исключением западной его части, где особых боев не было. Спросите, что угодно, все расскажу, словно вчера происходило. Это моя жизнь...»

* * *

Еще задолго до приезда в Афганистан я знал, что на войне особенно близко роднятся правда и ложь, чистое и грязное. В грачевской дивизии убедился в этом сам. Война — большая сплетница.

Ходили о Грачеве в Афганистане не только легенды дивизионного масштаба, но и разные слухи. Одни говорили, что был у него одно время роман с госпитальной медсестрой. А когда запахло жареным, комдив-де вызвал к себе командира роты, сохнувшего по медичке, и приказал жениться. И якобы предупредил: если не женишься — отправлю в Союз. Для боевого офицера досрочное откомандирование из Афгана было равно признанию его профессиональной непригодности.

В одном из боев душманы убили сразу пятерых десантников, и Грачев сделал все, чтобы сполна рассчитаться с бандой. Ее он размолотил в пух и прах. Человек десять бородачей взяли в плен. Грачев, говорят, был в такой ярости, что приказал их тут же расстрелять. Сделать это должен был толком необстрелянный старлей, у которого затряслись руки.

Тогда будто бы Грачев взял пистолет и лично показал, «как это делается»...

Слышал я и такое. Вел Грачев колонну на боевую операцию. Вдруг выходит на связь экипаж вертолета прикрытия и сообщает, что душманы готовятся рубить голову и хвост колонны. Надо принимать решение: или быстрее рвануть из ущелья вперед, или скорее откатиться назад. А в арьергарде афганский батальон. Рвануть вперед — значить оставить его на растерзание. Но Грачев думал прежде всего о своих людях. И приказал прорываться вперед. Афганский «хвост» отстал. Его душманы сильно порубили. А десантники выскочили из ловушки без потерь.

В дивизии я долго искал свидетелей этих случаев, пока не понял, что бесполезно. Наивно было рассчитывать, что кто-то из десантников пойдет на это преступление — «заложить» своего командира. Там, в Афгане, стало ясно мне, что на войне правду или легенды не рассказывают только о серых бездарях. Грачев был личностью, многими действи-

ями и словами своими «застревавшей» в человеческой памяти...

Один из бывших сослуживцев Грачева по Афгану полковник Валерий Атамасцев рассказывал:

— Кабульский аэродром. Нещадное солнце, сильный ветер и пыль. Военно-транспортный самолет и раненые на носилках, ожидающие погрузки в Ил-76. Подъезжает грузовая машина, и из нее бойцы споро начинают перегружать в самолет десятки коробок с «шарпами», «панасониками», «грюндиками». Все это богатство предназначалось «для москвичей». Погрузкой руководил холеный и мордастый человек в лайковой куртке поверх военной формы — порученец командующего военным округом. Подошел симпатичный усатый подполковник из штаба 40-й армии и начал крестить «лайкового» на чем свет стоит. А у того, оказывается, приказ — «Аппаратуру в первую очередь!».

Аппаратуры столько, что уже и места для раненых не остается — в грузовом отсеке и без того полно каких-то двигателей, ящиков с техникой. Подполковник хватает один из коробков с «шарпом» и выкидывает его из салона. Приказывает солдатам выгружать все коробки.

— Ты, сука, в тюрьму сядешь! — зло орет порученец на подполковника. — Я тебя сгною здесь заживо!

Садится в «Волгу» и уезжает. Вскоре появляется в сопровождении полковника-пижона в светозащитных очках и такой же лайковой куртке, который с ходу наезжает на усача, требует предъявить удостоверение личности, грозит отдать под трибунал за то, что в боевой обстановке помешал выполнить приказ вышестоящего начальника. Тут и появился полковник Грачев. И так навалился на пижона из штаба армии, что тот только глазами моргал.

Иногда такой поступок требует гораздо большего мужества, чем взятие высоты на поле реального боя...

* * *

В 1986-м много было разговоров, что вот-вот Грачев станет Героем, но в тот год Золотая Звезда на его кителе так и не появилась — слишком длинной в 40-й армии в ту пору была «очередь».

Десять лет спустя, в феврале 1996-го, корреспондент одной из столичных газет спросит у Грачева:

— За что вам дали Героя?

Он ответил:

— Наверное, за то, что как командир дивизии не позволял проводить ни одной серьезной операции без своего личного участия. Сам лез в пекло, потому что считал своим долгом быть рядом с солдатами...

Возможно, такой ответ кому-то покажется нескромным. Но в Афгане Павел Сергеевич действительно насмотрелся крови и ел горную пыль вместе со своими солдатами. И не по рассказам знал, что такое заминированная «зеленка» и душманская ловушка в ущелье, когда невидимый вражеский снайпер сидит высоко над колонной в скальных разломах и неспешно, словно дыню на кабульском рынке, выбирает сквозь оптический прицел очередную голову...

* * *

На десантной дивизии Грачев был уже матерым командиром, умел по древней армейской науке иногда работу на копейку продать аж за рубль. Знал кому, как и что именно доложить. Но так бывает на войне: можешь ты быть геройским воякой, через день совершать подвиги, но старшие командиры не будут видеть этого в упор, если не будешь поджидать их приезда у входа в штаб, не прогреешь вовремя баньку и не плеснешь в стакан «ликера шасси»... Дивизию Грачева инспектора различных калибров — и армейские, и московские — обожали проверять. И не только на плацу или учебном поле. Иногда самым подходящим местом для этого становилась знаменитая дивизионная сауна. Этот «объект» в Афгане был обязательным в хозяйстве каждого комдива. Много было тех, кто оставался благодарным Паше за теплый, сердечный прием...

Я ни в коем случае не ставлю под сомнение командирские заслуги Грачева на афганском поле боя. Упаси Бог. Это святое.

В докладах министра обороны маршала С. Соколова в то время частенько мелькала фамилия командира 103-й ВДД...

Известность — единственный вид сильнодействующего наркотика, исходным «материалом» которого является сам человек. Он же и его потребитель. И этим зельем надо уметь пользоваться в строго ограниченных дозах. В Афгане мне иногда казалось, что Грачева кто-то явно «передозировал»...

Первый раз я увидел Грачева в его командирском кабинете.

Он расспрашивал меня о Москве. Я его — о боях дивизии. Тогда он и показал мне фотоснимки, сделанные на месте расправы душманов над солдатами одного из строительных отрядов, дислоцировавшегося на окраине Кабула. Отряд напоролся на засаду. Снимки были страшными: разможенные гранатометами головы, отрезанные члены, простреленные руки, выколотые глаза. Я попросил у Грачева несколько снимков. Он мне их дал, но при этом сказал:

— Смотри не попадись на таможне. Лучше всего зашить их в полу плаща, там не шарят.

Я так и сделал. Привез снимки в Москву и предложил их одной из центральных газет. Девушка-секретарь, увидев снимки, упала в обморок... Такую войну Грачев и его солдаты видели каждый день. Такую войну Грачев видел почти две тысячи дней...

В день моего знакомства с Грачевым из Москвы пришло сообщение, что ему присвоено генеральское звание. Он пригласил меня на дружеское застолье по этому поводу. Вечером в дивизионной столовой собралось человек пятьдесят офицеров. Комдив принимал поздравления. Люди говорили от души простые слова. На войне не любят говорить красиво.

В самом начале пирушки случилась заминка. Перед Грачевым официантка поставила обыкновенный граненый стакан. Комдив остановил ее:

— Где моя командирская кружка?

Подали обыкновенную алюминиевую кружку на пол-литра.

За столом раздался дружный смех.

Начальник политотдела дивизии сказал тост. Тоже сказал по-простому, без выкрутасов и арендованного остроумия.

Выпили по первой.

Потом была бесконечная череда тостов дивизионных офицеров всех рангов. Наверное, каждый командир в тот вечер завидовал бы Грачеву. На войне одно уважительное

слово приравнивается к трем. Грачев все время придерживал подчиненных.

Потом, как водится, пошли анекдоты. Известный киноартист Александр Пороховщиков с режиссером Романом Солнцевым на пару укладывали офицерскую компанию московским «свежаком».

Десантники ответствовали солеными армейскими анекдотами.

...Появилась гитара в руках майора-сапера. Потекла неспешная песня. Сидящая рядом с майором собака-миноискатель подвывала хозяину. Песня была самодельная. Суконная и угловатая. В афганской пыли и в солдатской крови. Собака выла. Майор пел. Были в той песне слова о командире, которого солдаты благодарили за то, что он спас им жизнь. Все понимали, кому именно посвящалась она...

К утру в столовой остались самые стойкие. Все набрались до отката. Кто-то спал, уткнувшись лицом в тарелку.

Под звездным кабульским небом, в аэродромной тишине, изредка нарушаемой лишь дальним эхом артиллерийского огня, brave советские десантники-грачевцы душевно и яростно орали:

— Наш командир боевой, мы все пойдем за тобой!..

Когда мужики крепко выпьют, многих тянет блеснуть тем, в чем они кажутся сами себе непревзойденными.

Грачев и начальник политотдела дивизии пригласили меня сразиться на бильярде, который помещался в отдельном кунге недалеко от столовой. Не успели расставить шары — появился солдат в белоснежном халате с подносом закуски и водки. Пропустили еще по одной и принялись за игру.

У меня шары троились, кий брал то слева, то справа от шара. Иногда шары летели прямо в начальника политотдела, и он их перехватывал с какой-то яшинской прытью. Комдив Грачев и его начпо были почти трезвые. Таким богатырям принять и два литра на грудь — что слону дробина. Мне же стоило нечеловеческих усилий держать себя в вертикальном положении.

Когда Грачев в очередной раз разгромил меня, а я к тому же спьяну прорвал кием ткань на столе, было решено закончить игру.

Мы вышли на воздух, покурили. Попрощались.

Утром мой самолет улетал на Москву.

Было это 1 ноября 1986 года.

Когда Грачев уезжал из Афгана, дивизия дрогнула. Кто воевал, тот знает, что такое расставание с командиром, с которым нахлебаешься и крови, и побед, и смертей. Война роднит людей. Однополчане Грачева уже в Москве рассказывали мне, что у них мурашки ползли по коже, когда комдив в последний раз отдавал честь Боевому Знамени своей дивизии.

— Когда он уезжал, затосковала даже штабная собака, — сказал мне бывший подчиненный Грачева.

ПОСЛЕ АФГАНА

После Афганистана и учебы в академии Генерального штаба Грачев был назначен первым заместителем командующего Воздушно-десантными войсками. А вскоре возглавил ВДВ. Не было ни в МО и ГШ, ни в войсках, пожалуй, ни одного человека, который бы удивился этому назначению. Все знали — он такого повышения достоин. Заработал.

Хотя поговаривали тогда, правда, что в должности первого зама побыл все же маловато, как бы не вскружилась голова. И будто сглазили...

В бытность командующим ВДВ он однажды сильно подпортил славу о себе, как о командире, дорожащем своими подчиненными.

Было это в июле 1991 года. Председатель объединенного комитета начальников штабов вооруженных сил США генерал Колин Пауэлл прибыл с визитом в СССР. Под него была спланирована специальная программа знакомства с нашими войсками. Еще на стадии ее проработки американцы высказали пожелание познакомиться с нашими десанниками.

Министр обороны маршал Язов и его заместитель генерал Ачалов решили, что иностранным гостям надо показать одну из лучших дивизий в ВДВ — Тульскую (командир — генерал-майор А. Лебедь). Оба незадолго до этого побывали в США, где американцы, как говорится, выложились в стельку, чтобы во всем блеске продемонстрировать им мастерство своих десантников. Когда же Язов спросил у Ачалова (недавнего командующего ВДВ, который сдал должность Грачеву), каково его впечатление, тот ответил:

— Дмитрий Тимофеевич, за такую работу вы бы меня с должности сняли...

Генералу Пауэллу наши высшие командиры намеревались продемонстрировать самое острое «фирменное блюдо» — десантирование с техникой.

В день приезда американцев, как назло, пошел ветер такой силы, что о десантировании не могло быть и речи. Командир дивизии доложил об этом командующему ВДВ Грачеву. Тот поначалу согласился: рисковать людьми не будем. Но не проходит и получаса, как Грачев меняет свое решение: «Десантирование готовить!» Потом опять колебания. Но самолеты уже в воздухе. Однако еще есть возможность посадить их. Грачев приказывает десантироваться.

Люди и техника грохались о землю прямо на глазах американского генерала. Пауэлл ошалевшими глазами тарацился на Грачева и постоянно восклицал:

— Что вы делаете?!

Грачев улыбался:

— Пусть все видят, на что способны советские десантники!

Генерал Лебедь рассказал об итоге страшного шоу — один труп, восемь поломанных ног, три руки, одна ключица. Остальные десантники в ссадинах разной степени тяжести.

Вспомнилась формулировка: «за выполнение боевых задач при минимальных людских потерях».

Вспомнилось и «как бы не вскружилась голова».

Много раз, размышляя над его судьбой, вспоминал я неумдреную «железную» аксиому: каждый командир должен созреть для новой должности.

И когда несколько лет спустя я услышу офицерские споры, что-де это Ельцин «раньше времени сорвал зеленое яблоко», то соглашусь лишь наполовину: прежде Язов и Ачалов сделали это...

* * *

...Снова близко я увидел Грачева уже в столице, в Георгиевском зале Кремля, на торжественном приеме в честь выпускников военных академий.

Было крутое застолье. Власти небывало расщедрились — как же, первый выпуск слушателей военных академий и училищ после образования Российской армии. Грачев щеголял в новой форме рядом с вице-президентом Александром Руц-

ким. Когда попойка вошла в пике, они оба ходили между перегруженными яствами столами в обнимку и выкрикивали:

— Без сильной армии не будет сильной России!

И захмелевшие офицеры и генералы в ответ кричали:

— Ура! Да здравствует вице-президент! Да здравствует министр обороны!

И было тогда в том хмельном офицерском гаме под священными сводами Кремля какое-то всеобщее воодушевление, свойственное только военным людям, гордящимся принадлежностью к единому сословию.

Пройдет немногим более года, и этих героев-афганцев, боевых побратимов, судьба сведет в смертельной схватке посреди столицы...

И еще запомнилась горькая деталь торжественного приема в Кремле: лейтенанты и полковники отказывались пить красное молдавское вино. Глотали русскую водку.

В то время на берегах Днестра молдаване били приднестровцев, среди которых было много русских. Там, в Бендерах, лилась кровь. Молдавское вино тоже было красным...

ФАВОРИТ

Ельцин начал приближать Грачева еще на заре своего противоборства с Горбачевым. Он искал опору в армии, и бравый генерал-десантник, руководитель элитных войск, Герой, входил в его расчеты. Ельцинская «разведка» в Минобороны СССР доносила о недовольстве маршала Язова командующим ВДВ, позволявшим себе открыто высказывать несогласие с линией на все более активное использование войск для погашения внутренних конфликтов. И Ельцин, судя по всему, решил сыграть на свойственном любому профессиональному военному инстинкте: он продвинул Павла Сергеевича на должность председателя Государственного комитета РСФСР по оборонным вопросам. По статусу эта должность была почти равна министерской. Борис Николаевич в то время нередко на заседаниях правительства полушутя-полусерьезно стал называть Грачева «министром обороны России». То была отличная приманка, которую хозяин Белого дома регулярно рассыпал у своего бережка перед бравым десантником. Это льстило генералу, которому в то время было чуть больше сорока лет. Он стал чаще появляться в Белом доме. Естественно, Ельцин имел возможность получать всю необходи-

мую информацию об отношениях Кремля и МО. Для Ельцина, уже вынашивавшего планы суверенизации России, то была стратегически полезная информация.

Ценность Грачева тысячекратно возросла, когда командующий ВДВ был включен в группу военных специалистов, которые по заданию формирующегося ГКЧП летом 1991 года готовили тайный план противодействия развалу СССР. Если бы маршал Язов знал об истинных отношениях между Ельциным и Грачевым, он наверняка не рекомендовал бы командующего ВДВ в «группу компетентных товарищей», которая должна была выработать силовые меры на случай введения чрезвычайного положения. Лишь потом станет известно, что прославившийся в Афганистане своей решительностью десантник должен был стать ударным кулаком ГКЧП...

Ельцину здорово повезло тогда — у Белого дома стоял Грачев. Звезда неслыханной удачи засветила и Грачеву, потому что в Белом доме был Ельцин.

Чувство благодарности Грачеву после провала «путча» было так сильно, что президент с ходу предложил ему занять пост министра обороны России. Грачеву в то время хватило благоразумия убедить Ельцина не создавать республиканское МО, чтобы не расколоть Вооруженные Силы по национальному признаку. Роль министерства стал играть все тот же Государственный комитет РСФСР по оборонным вопросам — координирующий орган между МО СССР и российскими властными структурами.

Ельцин своим указом определил, что у председателя комитета генерала Грачева должен быть штат сотрудников аж в 300 человек. Это резко повышало его статус по сравнению с председателями других комитетов, и мало кто не понимал, что такая роскошь позволительна только фавориту президента... Павла Сергеевича ждал еще один подарок с барского плеча. Ельцин сумел «выкрутить руки» сникшему Горбачеву и настоять на том, чтобы президент СССР продвинул Грачева по службе. Горбачев согласился. 24 августа 1991 года вышел указ президента СССР, в соответствии с которым Грачев был назначен первым заместителем министра обороны СССР.

Некоторые советники Горбачева тайком звонили в те дни в Минобороны и Генштаб и допытывались, как с точки зрения военных профессионалов выглядит такое резкое продвижение по службе. Одни генералы уходили от ответа, боясь давать честные оценки кадровому волюнтаризму президента (да это было и опасно — Грачев становился их

непосредственным начальником). Другие откровенно заявляли, что такой резкий скачок через полдюжины положенных должностей опасен для самого Грачева. Были мнения, что он может «сильно наломать дров», не имея должного управленческого опыта. К тому же и новому министру Шапошникову еще самому многому надо учиться. Одновременная замена сразу двух первых лиц в руководстве военного ведомства была чревата...

Но протестовать не имело смысла — Грачев уже расхаживал по кабинету первого зама министра обороны. К нему валом валяли сослуживцы по Афгану, по ВДВ. Бесперывно звонил телефон. Новоиспекенный замминистра еле успевал принимать поздравления. А Ельцин уже поговаривал о необходимости повысить Грачеву воинское звание...

* * *

Особая расположенность Ельцина к Грачеву была замечена многими у нас в МО и ГШ еще в ту пору, когда готовились выборы первого президента России. Победитель на них легко прогнозировался.

Ельцин должен был посетить Тулу и Тульскую воздушно-десантную дивизию.

В точно установленное время командующий ВДВ генерал Грачев привез Бориса Николаевича на полигон, где должно было проходить десантирование с техникой. Когда с неба посыпались люди и машины, и без того возбужденный Грачев еще больше «нагонял страстей», оживленно комментируя происходящее на ухо Ельцину. Тот даже закрыл от страха глаза, когда боевая машина вместе с экипажем внутри грохнулась прямо перед смотровой трибуной.

Командир взвода, лейтенант, и его зам, сержант, завели БМД и двинулись к трибуне для доклада. Генерал Лебедь, очевидец этого эпизода, позже рассказывал:

— Борис Николаевич поманил пальцем Главного Носителя Кейса. Носитель извлек из дипломата и передал ему двое часов. Борис Николаевич немного подумал, снял с руки и положил в карман пиджака свои собственные часы. На их место надел одни из поданных Главным Носителем. Когда запыхавшийся лейтенант доложил: «Товарищ...(тут лейтенант замялся) кандидат в президенты России, экипаж...», Борис Николаевич отстегнул с руки часы и прочувствованно вручил их лейтенанту: «Сынок, спасибо, от себя, свои». До-

стал из кармана брюк вторые, точно такие же, и вручил их сержанту с благодарностью. Надо полагать, что лейтенант с сержантом так и ушли в полной уверенности, что кандидаты в президенты имеют минимум по двое одинаковых часов — одни на руке, другие в кармане. Борис Николаевич вернул часы из кармана пиджака на прежнее место, и все поехали на новую смотровую точку.

Грачев не отступал от Ельцина ни на шаг. Надо сказать, что, оказывая такое внимание кандидату в президенты, командующий ВДВ слишком рисковал своей карьерой. Спецслужбы в ту пору внимательнейшим образом отслеживали каждый шаг Ельцина, постоянно вступавшего в пикировки с Горбачевым и Политбюро.

Чрезмерное внимание Грачева «неудобному» могло дорого ему обойтись. Но командующий ВДВ действовал уже без оглядки. Ставки были сделаны. Он даже превысил намечавшийся в программе «минимум» — заманил Ельцина в баню. Там и произошел эпизод, о котором долго потом говорила вся Тульская область: на виду у прильнувших к окнам официанток, работавших в зале «охотничьего домика», Ельцин с Коржаковым разделись догола и полезли в пруд под восторженные возгласы генералов во главе с Грачевым...

За дружеской рюмкой Ельцин расточал комплименты в адрес десантников и их главного начальника. Сильному и волевому Ельцину явно импонировал столь же решительный крепыш-генерал, прошедший сквозь огонь и кровь Афганистана и получивший за это Звезду Героя. К тому же, отметил Ельцин, командующий ВДВ вышел из самой крестьянской российской глубинки и своими руками добился высокого взлета.

Когда все, что могло наливаться, было выпито, кортеж гостей и хозяев двинулся в город. Но принятого, как всегда, оказалось мало. Было решено продолжить возлияние прямо в пути. Бывший командир Тульской десантной дивизии вспоминает:

— На 700 метрах кортеж трижды останавливался для того, чтоб все еще и еще раз простились друг с другом и заверили друг друга в вечной дружбе и любви. Такая теплая, неформальная получилась встреча. Потом были выборы, и Борис Николаевич стал первым президентом России, а командующий ВДВ генерал-лейтенант Грачев — одним из самых теплых и душевных друзей президента, одним из самых верных и преданных ему лично соратником...

...Став министром обороны, Грачев очень часто повторял: «Мне президент разрешил», «Борис Николаевич одобрил», «По согласованию с Президентом», «Верховный главнокомандующий дал добро».

Эти фразы он всегда выставлял впереди себя, словно щит, когда в него летели стрелы критики. По этому поводу у бывшего зама Грачева генерал-полковника Бориса Громова в декабре 1995 года спросили:

— Министр обороны очень часто ссылается на мнение президента. Он утверждает, что все свои действия «освящает» советом с президентом. «Президент одобрил», — обычный для министра ответ на любую критику. Что здесь правда, а что — бравада?

Громов ответил:

— Правда все. И в этом зло... Принцип ответственности перед государством подменен принципом ответственности перед президентом. И ни перед кем больше... Прямое подчинение, личная преданность, абсолютное отсутствие общественного контроля как со стороны законодательной, так и со стороны исполнительной власти в лице правительства. Это и есть зло...

ПРАВИЛА ИГРЫ

...С первых дней работы генерала Грачева в должности военного министра России на него навалились проблемы, которые были следствием развала Союза. Одним из его первых распоряжений российским войскам, находящимся в регионах межнациональных конфликтов, разрешалось открывать огонь на поражение в случае нападения на воинские части. Но этот приказ нередко не выполнялся ни в Чечне, ни в Грузии, ни в Азербайджане, ни в Армении. Захваты наших арсеналов продолжались, а часовые иногда боялись оказывать сопротивление — это могло привести к большой крови. Гарнизонные командиры подчас откровенно закрывали глаза на это. Местные власти требовали от них «своей доли» оружия и техники.

Грачев признал тогда, что, например, грузинской стороне некоторая часть вооружений досталась после захватов. Одновременно сообщил, что определенное количество оружия

ЗакВО было передано грузинам. И проговорился: дескать, впредь передача вооружений «законная пойдет». Один очень щепетильный турецкий журналист зацепился за эту фразу, позвонил в пресс-службу МО и стал требовать уточнений и комментариев.

— Получается, — говорил он мне, — что уже состоявшаяся передача российского оружия грузинам была незаконной?

Когда министр допускает ляп, для пресс-службы наступает момент очередного экзамена по искусству «навешивания лапши» на уши страждущих истины. Самый отвратительный вид работы...

* * *

Когда Грачев только-только стал министром, ему принесли письмо от матери российского солдата, который пропал в Армении. Павел Сергеевич вместе с измученной горем женщиной сел в свой самолет и полетел в Ереван, чтобы найти исчезнувшего бойца. «Освободительная операция» удалась, и это сыграло на имидж молодого министра. Популярности в войсках ему добавило и то, что он открыто выступил против ускоренного вывода российских войск из Прибалтики. Министр настаивал на том, чтобы начать вывод наших частей в конце 1994 года, после того, как будут полностью выведены соединения с территории Польши и Германии.

Грачев пообещал, что никогда не позволит выводить свои войска из Балтии в чистое поле, на неподготовленные места. Но вскоре смиренно подписывал документы о том, что войска из Балтии будут выведены на полгода раньше — к началу сентября 1994 года. Газетчики поймали его на этом и попросили объяснений.

Он честно признал, что слова своего не сдержал. По-разному реагировали на это в войсках. Не Грачев же, говорили одни, определял сроки «досрочного бегства» из Балтии, а Ельцин с Козыревым. У других был иной взгляд: нам от признаний министра жить не легче, и потому если бы он так переживал за «беженцев», то соглашение не подписывал.

Такой «подвиг» был слишком рискованным для его карьеры.

В его службе нередко наступал момент «Х», когда надо было делать выбор между лояльностью президенту и интересами армии. Он чаще всего выбирал первое. Это сулило устойчивую позицию «при дворе»...

Чем дольше я служил в центральном аппарате МО, тем больше замечал, что министр все прочнее овладевает искусством лукавого политического маневрирования. Грачев был далеко не в восторге от того, как финансируется армия, как государство держит ее на голодном материально-техническом и продовольственном пайке (уже в конце августа 1995 года в Вооруженных Силах был почти на 30 процентов съеден неприкосновенный запас).

На одном из заседаний Совета безопасности министр с негодованием говорил о том, что из-за скудного финансирования его подчиненные скоро будут «ложиться на рельсы». И не скрывал, что в этом большая вина правительства. Выступление министра было столь эмоциональным, что Ельцин был вынужден остужать его. Заявление Грачева не вызвало восторга у Черномырдина. Виктор Степанович обиделся на Павла Сергеевича.

Проходит совсем немного времени и новое заявление:

— Мы видим в Викторе Степановиче хорошего руководителя нашего правительства, лично я не знаю другой такой фигуры, которая могла бы в сложившейся обстановке взять на себя груз ответственности за происходящее в стране... Другое дело, что денег у государства нет, чтобы полностью обеспечить армию. И здесь возможности Виктора Степановича ограничены... То, что во власти Виктора Степановича, он делает для армии, для ее финансирования...

Плакать хотелось от умиления. А то, что остались без ответа более 10 писем министра обороны в правительство с просьбой выделить деньги на питание личному составу (в некоторых гарнизонах солдаты уже вместо хлеба ели сухари), было как бы не в счет...

КОМАНДА

Назначив Грачева министром, Ельцин дал ему почти полную свободу в подборе кадров и в стратегии реформирования Минобороны и Генштаба. Расчет понятен: преданный президенту министр подберет преданные кадры.

Грачев окружал себя подчиненными, ориентируясь, на мой взгляд, прежде всего на степень их личной преданнос-

ти. Очень часто единолично решал, кто и на какую должность подходит.

Так в министерство зачастили «афганцы», бывшие однокашники Грачева по академии ГШ, сослуживцы по Прибалтике и штабу ВДВ. В кабинет министра с утра и до поздней ночи прорывались какие-то генералы, полковники и подполковники. Многие из них заняли вскоре ключевые посты в армии, начиная от должностей заместителей министра, начальников ведущих управлений МО и Генштаба и кончая военторгами, санаториями и госпиталями...

Когда министра стали критиковать за такой подход, он отреагировал: на моем месте так бы каждый поступал.

— Меня критикуют за то, что я привел своих людей, — говорил он. — Интересно, а кто поступает по-другому? На кого мне было опираться, как не на тех, кого я знаю и кто меня знает. Заместителей я выбирал с таким расчетом, чтобы эти люди своим опытом, знаниями помогли мне поскорее встать на ноги... Я не считаю себя очень уж умным, но я окружаю себя умными людьми...

Справедливости ради следует сказать, что наряду со случайными людьми в огромной команде министра оказалось немало истинных профессионалов, порядочных и весьма авторитетных в армии генералов и офицеров. Только по какой-то странной прихоти некоторые были поставлены в такие условия, что, как говорится, чувствовали себя не в своей тарелке.

Значительно превосходящие Грачева по управленческому опыту, вчерашние его начальники по 40-й армии — генералы Борис Громов, Валерий Миронов и Георгий Кондратьев были словно умышленно наделены такими обязанностями, которые отодвигали их в тень. Громову, в частности, доверялась безопасность полетов, хотя он никогда не служил в авиации. Миронову — курирование хиреющих и непрестижных воспитательных структур. Кондратьеву — наблюдение за спортивной работой и военно-оркестровой службой (позже, правда, круг функциональных обязанностей этих замов министра был несколько расширен).

Позже Грачев признается: с некоторых пор почувствовал, что некоторые замы устроили молчаливую обструкцию. Многие на Арбате считали, что то был своеобразный протест против кадровой несправедливости президента, назначившего «зеленого» министра.

Грачев одну из причин видел в том, что впервые за мно-

гие годы было нарушено «святое» правило: министром становится только сухопутный генерал. Но то был малоубедительный довод. Ибо о достоинствах министра всегда судили не по цвету лампасов на брюках или околыша на его форменной фуражке, а по голове, на которой эта фуражка сидела. Но Грачев усматривал неприятие своей фигуры в министерском кресле и в другом. Он говорил:

— Понимаете, в армии очень болезненно воспринимается, когда бывший подчиненный вдруг становится твоим начальником. Видимо, этот отрицательный момент и сыграл злую шутку с Громовым, Мироновым и Кондратьевым. Вроде они мне явно и не мешали, но в то же время не сильно торопились и помочь. Заняли выжидательную позицию, караулили момент, когда я из кресла слечу и они смогут побороться за министерское место. Вскоре мне стало ясно, что практической отдачи от этих трех представителей ближайшего окружения ждать не приходится. Так я пришел к мысли о необходимости изменения управленческой структуры... Зачем мне балласт, люди, не являющиеся помощниками в работе? К тому же все трое сильно увлеклись политикой, что не дело для военных. Не подумайте лишнего, чисто человеческие отношения у меня со всеми оставались ровные, нормальные. Но ведь нельзя держать должность заместителя министра только из-за того, что ее занимает хороший человек, верно? Прежде всего работа, а затем уже дружба.

Думаю, что Грачев кривил душой.

Ведь это были хорошо известные в армии люди, многоопытные боевые генералы, как говорится, чистые командиры и стратеги. И по широте профессионального кругозора, и по авторитету на Арбате и в войсках все они могли дать Павлу Сергеевичу большую фору. Грачев, мне кажется, не должен был опускаться до того, чтобы публично говорить, будто вся «великолепная тройка» только и ждала, когда же он, министр, вылетит из своего кресла.

Суть, по-моему, была в ином. Грачев и его окружение остерегались тех, кто пользовался высоким авторитетом и потенциально мог сменить министра. Ставка нередко делалась на паркетных шаркунчиков, счастливых уже тем, что он, Грачев, ввел их в свой круг. Многим высококлассным специалистам пришлось посторониться или вообще уйти, уступив место блатным варягам...

Одним из наиболее близких к Грачеву людей был генерал Валерий Лапшов, начальник аппарата — помощник министра обороны. Он был знаком Грачеву еще по академии ГШ, служил рядом с Павлом Сергеевичем, когда тот был первым замом Шапошникова.

После указа Ельцина о назначении Грачева министром Лапшов стал почти тенью министра. Он был одним из первых, на ком остановил свой выбор Грачев, и как бы олицетворял эталон подхода министра к подбору людей. Валерий Михайлович сначала показался мне человеком осторожным и остро чувствующим особенности своего высокого положения. А положение это уникально тем, что дает гигантскую служебную власть и открывает океан соблазнов, устоять перед которыми «слабодушным» невозможно. Тем более что почти все высокие военачальники давно усвоили аксиому: путь к сердцу министра часто лежит через его помощника...

Понаблюдав за ним со стороны, я подумал о том, что, наверное, пора педантично скромных помощников министра прошла. Я никак не мог понять, почему, например, у генерала Лапшова в роли адъютанта или порученца появился младший офицер, который разъезжал на служебной «Волге», в то время как некоторым полковникам приходилось делить одну машину на троих.

По своему служебному положению Лапшов очень близко стоял к Грачеву, и было очевидным, что некоторые просчеты министра, приводившие к громким скандалам и «разоблачениям», в немалой степени лежат и на его совести. Тем более что ни для кого в центральном аппарате МО и ГШ не было секретом, что Валерий Михайлович пользовался особой расположенностью Павла Сергеевича. Министр часто советовался с ним, прежде чем принять какое-то решение.

Мне кажется, если бы в свое время начальник аппарата министра проявил принципиальность и предупредил Грачева о возможных неприятностях, то никогда бы не было скандалов ни с «мерседесами» (незаконная покупка), ни с разбазариванием наградного фонда министра (незаконное награждение личным оружием гражданских лиц), ни с личной дачей. В конце концов ведь у прессы появилось немало вопросов по истории строительства загородного дворца и самого генерала Лапшова...

Высокое положение помощника министра требует особо-

го искусства корректности в использовании должностной власти. Валерию Михайловичу иногда, на мой взгляд, не хватало в этом чувства служебного такта. Однажды в приемной начальника Генштаба мне довелось услышать весьма соленные слова генерала для особых поручений: оказалось, что для разрешения взлета самолета с аэродрома Чкаловский НГШ должен был получить визу Лапшова, хотя генерал Колесников одновременно являлся еще и первым замом Грачева и по должности имел право на самостоятельное принятие такого решения...

Мне не один год довелось видеть работу Лапшова, и я все больше приходил к убеждению, что с его обязанностями вполне мог бы успешно справиться если не прапорщик, то уж лейтенант наверняка. Много рутинной бумажной возни. Распорядительные звонки. Уточнение графика работы министра. Визирование списка состава военных делегаций, заявок на пропуски...

И тем не менее Лапшов стремительно дослужился до генерал-полковника. Такое же звание имели заместители министра обороны, главкомы видов Вооруженных Сил и командующие войсками военных округов. В их подчинении были сотни тысяч людей. И несравнимый с лапшовским объем служебных обязанностей...

Осенью 1995 года пресс-служба Минобороны была поставлена в весьма затруднительное положение по весьма интригующей причине. На дежурного офицера обрушился шквал звонков от зарубежных журналистов в связи с появившейся информацией об «официальном визите» помощника министра обороны РФ генерал-полковника В. Лапшова в Грузию. Все допытывались, соответствует ли это действительности, какова цель визита и почему Россию представляет чиновник столь невысокого ранга.

Иностранная разведка оказалась более осведомленной об этом неординарном событии, чем пресс-служба МО. Все мои попытки по заданию начальства подготовить вразумительный комментарий для прессы наткнулись на какое-то загадочное молчание людей из аппарата министра. А звонки уже шли не только от иностранных журналистов, но и из зарубежных посольств, от военных атташе. Уже пошли вопросы типа «Не свидетельствует ли визит Лапшова о новой политике Москвы на Кавказе или о подготовке российско-грузинской военной акции против Абхазии?»...

Немало прослужив «при дворе», я был достаточно хоро-

пропуск... Такой способ увольнения вызвал у нее справедливое возмущение, но поезд, как говорится, уже ушел.

Вскоре во время посещения «Красной звезды» Грачев положил глаз на симпатичную корреспондентку этой газеты Лену Агапову. Ей и была предложена должность пресс-секретаря министра. После некоторых колебаний она согласилась. По этому поводу на Арбате острили:

— Грачев меняет девочек...

Агапова в сравнении с бывшей пресс-дамой смотрелась во всех отношениях выигранно: ей нельзя было отказать в тактичности и уме, она быстро схватывала то, что нужно быстро написать для выступления министра, умела выжимать из подчиненных нужные справочные материалы и добросовестно выполняла обязанности члена команды. Главной была обязанность «формировать положительный образ министра». С этой целью Агапова быстро сколотила вокруг себя большой круг «своих» журналистов центральных изданий, привечала их, держала на поводке возможностью бывать в заграникомандировках. Короче, не ела свой хлеб зря. Многие положительные материалы о Грачеве появились в прессе благодаря ее стараниям.

При Елене Александровне начались кардинальные кадровые перестановки в Управлении информации. Был смещен начальник управления генерал Валерий Чирвин, явно под нажимом ушел и его заместитель полковник Владимир Климов, который в присутствии министра заявил, что не согласен с сомнительной идеологией реформирования информационной работы, которую исповедует Е. А. («Я никогда не буду «тампаксом»). По той же причине пост заместителя покинул и полковник Николай Медведев, талантливый журналист-краснозвездец...

Елена Александровна начала формировать свою команду информационщиков, руководствуясь иногда чисто субъективными критериями. Пожалуй, самым большим ее недостатком было то, что она часто ошибалась в людях и продвигала на высокие должности тех офицеров, которых вскорости сама же просила министра снять с поста. Как-то в разговоре со мной она сама честно признала, что большой ее ошибкой было назначение корреспондента «Красной звезды» полковника Владимира Косарева на должность начальника Управления информации МО.

Косарев как организатор информационной работы, как профессионал, как управленец оказался не на высоте, его амби-

ции не соответствовали реальным способностям. Пожалуй, уникальным недостатком Косарева было то, что он не мог четко ставить подчиненным задачи. О коренном переломе в деятельности Управления информации говорить не приходилось. Мы продолжали барахтаться между полуживыми опровержениями критических статей и унижительными просьбами к корреспондентам сделать «положняк» о министре.

Агапова сама исправила ошибку: по ее настоянию Грачев убрал Косарева из МО.

Жизнь «при дворе» продолжалась.

Самые неприятные минуты Елена Александровна переживала тогда, когда какая-нибудь газета печатала критическую статью о министре. Грачев негодовал и выражал недовольство: «Плохо работаете с прессой». За четыре года пребывания в кресле министра Павел Сергеевич, по-моему, так и не понял, что самый надежный способ избежать в прессе негативных материалов о себе — не давать к этому повода.

Анализируя свои ошибки после смещения с должности, Грачев скажет, что одна из главных состояла в том, что «не сумел наладить работу с прессой. Не было и хорошего имиджмейкера». И он прав (наверное, я имею право судить так, поработав рядом с министром четыре года). Елена Александровна стремилась создать позитивный имидж министра лобовым, «бартерным» способом: вы, журналисты, хорошо пишете о министре, я беру вас за границу или «кормлю» эксклюзивом.

Конечно, можно «купить» десяток журналистов. Но нельзя было этого сделать со всеми военными обозревателями.

Главная ошибка Елены Александровны заключалась в том, что она более-менее разнообразно работала с прессой и слишком однобоко — с министром...

У меня иногда создавалось впечатление, что Агапова до того бдительно опекала Павла Сергеевича, что не подпускала к нему даже начальника Управления информации полковника Юрия Мамчура, который сменил Косарева. Из-за этого Мамчур часто оказывался совершенно отрезанным от текущей информации по министру. Бывали случаи, когда его не допускали на обычные рабочие совещания у министра. При таком положении, естественно, не могло быть и речи о стратегии и тактике информационной работы.

Вообще существование Е. А. «при дворе» вносило в нашу жизнь особые краски. Мне, например, иногда противно было смотреть, как седые, наделенные огромной властью генера-

лы унизительно лебезили перед пресс-секретарем, боясь власть в немилость. Были случаи, когда она некоторыми своими жесткими высказываниями доставляла немало неприятных минут и волнений некоторым командующим войсками военных округов — особенно в период чеченской войны...

Безусловно, ее присутствие рядом с министром на совещаниях и в командировках в какой-то степени «облагораживало» мужское общество, в котором не всегда следят за чистотой языка. Но вместе с тем женщина в команде министра долгое время была поводом для скабрзных разговоров и слухов, в которых тесно переплетались правда и ложь...

Агапова добросовестно несла свой пресс-секретарский крест до последнего дня пребывания Грачева в должности. Ушла, как говорится, не с пустыми руками. Грандиозным памятником ее верности министру стала огромная дача в Подмосковье, возведенная за время работы на Арбате...

ИВАНОВ

...Уже вскоре после того, как Грачев возглавил МО, он назначил на высокую должность своего однокашника по академии Генштаба полковника Геннадия Иванова.

Поначалу Грачев намеревался пристроить Иванова на престижные должности в управления МО и ГШ. Но начальники, знавшие, что Геннадий Дмитриевич с Грачевым на короткой ноге, побаивались появления у себя под боком фаворита министра — как бы вскоре не пришлось уступать ему место...

Тогда Грачев специально «под Иванова» создал Управление военного строительства и реформ, которое из-за его некоторых расплывчатых или «притянутых за уши» функций арбатские остряки прозвали «управлением восхода и захода солнца вручную». Грачев замкнул его на себя и поручил дружку всецело заниматься реформой. Иванов стал генералом.

За годы службы на Арбате я не могу припомнить случая, чтобы многие генералы и офицеры МО и ГШ с такой же дружной неприязнью относились к какому-нибудь соседнему коллективу, как к управлению Иванова. И причина была не только в том, что люди всегда и везде не любили фаворитов. Было какое-то «общенародное» неприятие подразделения, которое выдавало продукцию, часто используя интеллектуальный труд специалистов других управлений и отделов. А в Генеральном штабе особенно не привечали «нахлебников».

К тому же раздражение у многих вызвало то, что ивановцы, пользуясь своим привилегированным положением, сумели обойти всех и заполучить земельные наделы в обход комиссии центрального аппарата.

Генерал Иванов производил впечатление человека, умеющего быстро ориентироваться в ситуации, выделять главное, что требовала военно-политическая конъюнктура, и красиво преподносить это министру.

Иногда мне казалось, что Грачев как военного теоретика и универсального специалиста ценит генерала Иванова выше, чем начальника Генерального штаба. Многие долго ломали голову над этим «феноменом» Геннадия Дмитриевича. Он демонстрировал высокую личную преданность министру и умение выжать из своего положения максимальные выгоды. Говорили, что он умеет «заставить министра подписать нужный приказ даже в туалете».

Три года солидное управление, в котором к тому же появилось несколько генеральских должностей, проедало десятки миллионов рублей, с умным видом занимаясь проблемами реформы, которой, по сути, не было.

Ивановцы выдавали за реформу естественное сокращение армии, объективно необходимые перегруппировки войск, носились с умозрительными планами создания территориальных командований и мобильных сил.

Когда Ельцину стало окончательно ясно, что разработанный в военном ведомстве план реформы трещит по швам, то он в весьма резком ключе отозвался о просчетах Министерства обороны в разработке концепции переустройства армии и ее выполнении. Одним из идеологов этой концепции был генерал Иванов. Документ был изначально провальным: концепция военной реформы выглядела материалом для «домашнего пользования» — она не предусматривала крупных мер по линии исполнительных государственных органов, механизмы их реализации. Государство оставалось практически в стороне, реформа сваливалась на плечи самой армии. Грачев концепцию утвердил.

Когда же пришло время подводить итоги, в президентских и правительственных структурах стали искать авторов и требовать отчета от министра. Над управлением Иванова стала нависать черная туча. И тогда был сделан хитрый ход. Министр переименовал Управление военного строительства и реформ в Управление военной политики (опять что-то вроде управления свежего воздуха). После смены вывески Ивано-

ва, как говорится, было уже не достать. Многие в Генштабе возмущались: «Зачем же были нужны столь дорогие эксперименты?»

Добился Иванов и другого выигрыша: пользуясь расположением Грачева, он сумел стать одновременно и помощником министра по военной политике, дорос до генерал-лейтенанта...

С Ивановым мне довелось несколько раз тесно поработать при Грачеве и Родионове. Он произвел на меня впечатление веселого, компанейского человека, способного остроумно шутить. Многие за глаза говорили о нем, что «при Грачеве он хорошо пожил».

Вскоре после ухода Грачева управление Иванова расформировали, а самого генерала постигла банальная участь фаворитов ушедших хозяев...

ЗДОРИКОВ

Еще одного однокашника по академии Генштаба полковника Сергея Здорикова Грачев вытянул аж с Сахалина, где он служил в должности заместителя командира корпуса по воспитательной работе. Когда из такого далека на высокую руководящую должность в Москву приезжает офицер, то невольно возникает мысль, что прибыл уникальный специалист в своей области для ликвидации «прорыва». Вроде как Дебейки пригласили в столицу, когда надо было консультировать врачей во время операции на сердце президента...

На такие ассоциации меня наводило то, что ни в Управлении по работе с личным составом, ни во всей златоглавой министр не нашел достойную кандидатуру на должность заместителя, а затем и начальника этого многострадального «департамента», в котором чем хуже обстояли дела, тем чаще меняли руководителей.

Я внимательно присматривался к этому человеку, который по своему должностному положению являлся главным воспитателем в Вооруженных Силах, таким войсковым Карнеги, Песталоцци или Макаренко. Ожидал увидеть в нем эталон военного педагога: высокая воспитанность, широкий кругозор, культурная речь, тактичность, интеллигентность. Но уже вскоре пришлось разочароваться: тяжелая сбивчивая речь, незаконченные предложения... Поток сознания.

Особенно запомнилась мне пресс-конференция генера-

ла Здорикова для российских и иностранных журналистов после его возвращения из Чечни. Он иногда выдавал на ней языковые экспромты, которые были похожи на бред нетрезвого человека... Один иностранный журналист сказал мне, что когда сел расшифровывать диктофонную запись, то подумал, что испортилась лента...

Стенограмма выступления генерала словно редкостный детектив передавалась из рук в руки.

Потом из Главного управления воспитательной работы все чаще в центральный аппарат МО стали просачиваться слухи, что «шеф не брезгует крепким словом». Был как-то случай, когда после очередного разноса начальника подполковник оказался на госпитальной койке с сердечным приступом. Офицеры жаловались на нетактичное обращение шефа с подчиненными. Однажды я сам стал свидетелем, как несколько военных журналистов почти четыре часа торчали под дверями кабинета начальника ГУВРа, а затем им было сказано «приходить после обеда»...

Ожидаемого повышения качества воспитательной работы в армии после назначения Здорикова не происходило. Наоборот, она еще больше захирела. С некоторых пор мне стало бросаться в глаза, что Сергей Михайлович слишком часто бывает в кабинете министра и слишком редко — в войсках. Но даже после нечастых выездов в военные округа и на флоты следом за ним приползали на Арбат настораживающие сведения: то устроил запредельный разнос капитану первого ранга на флоте, то выбросил на совещании рукосостав «фортель», который показался людям бестактным...

А его стремление быть почаще на глазах у министра уже бросалось в глаза не только мне. Иногда создавалось впечатление, что Здориков специализируется исключительно на выполнении «спецзаданий особой важности»: то он участвует в замирении главного редактора «Московского комсомольца» и министра, то сопровождает секретаря Совета безопасности во время его поездки в Приднестровье, где особое внимание уделялось информации о Лебеде, то обеспечивает моральную поддержку Грачева на его суде с Поэгли...

Потом в прессу просочилось, что начальник ГУВРа отгрохал себе дачу в Барвихе явно не по зарплате и якобы по подложным документам растаможил привезенный из-за рубежа автомобиль...

Фирменный «джентльменский набор крамол», имевшийся у многих членов команды министра...

...Его необычайно приятельские отношения с министром часто давали повод генералам и офицерам МО и ГШ подозревать обоих в некоторых нечистоплотных делах.

Бурлаков был, пожалуй, первым крупным военачальником, который уже через несколько месяцев после вступления Грачева в должность министра стал фигурировать в неприглядной истории, связанной с незаконной покупкой знаменитого «мерседеса». А уголовное дело, заведенное по машине, было первым, в котором Грачев в качестве министра проходил как свидетель.

Я долгое время занимался этой омерзительной историей, и меня поражало, с какой самоуверенностью был совершен этот «грабеж».

Западная группа войск готовилась к выводу и ударными темпами распродала излишки войскового имущества. Вырученные деньги, согласно указам и распоряжениям президента, должны были строжайшим образом использоваться на строительство жилья для бесквартирных офицеров. Деньги были гигантские. Соблазнов — множество...

Фамилию генерал-полковника Матвея Бурлакова полоскали в российской и зарубежной прессе. Грачев его защищал от «наветов» и говорил, что «фактов нет». Даже тогда, когда в некоторых газетах стали появляться копии документов, по которым и неспециалисту становилось ясно, что криминал есть (например, статьи Александра Жилина в «Московских новостях»).

Материалы комиссий Контрольного управления при президенте, Генеральной и Главной военной прокуратур, выезжавших на проверку в ЗГВ, уходили словно в песок. Я ничего не мог понять и чувствовал себя человеком в обществе иллюзионистов: видишь фокусы, но не знаешь их секретов...

Разгадки появились позже. Наши офицеры, возвращавшиеся из ЗГВ, рассказывали о потрясающе теплых приемах, которые руководство группы устраивало для проверяющих, о царских подарках им (у некоторых подарков было по четыре колеса). Воры и законники становились одной семьей, которая приватизировала право грабить армию и уводить преступников от уголовной ответственности.

...А генерала Бурлакова газеты продолжали уличать в связях с торгашеской мафией, в подписании экономически не-

выгодных контрактов с инофирмами, в сомнительных способах приобретения элитной квартиры на Котельнической набережной, в подозрительных методах формирования фонда ветеранов ЗГВ с участием немецких предпринимателей. Ему бы тихо уволиться из армии. Но...

Осенью 1994 года многие генералы и полковники Минобороны и Генштаба были поражены известием о том, что генерал Бурлаков представлен Грачевым к должности заместителя министра обороны. Пресса подняла шум. Стало известно, что решение о назначении Бурлакова замминистра было принято с грубым нарушением процессуальных норм — без учета коллективного мнения Высшей аттестационной комиссии по высшим должностям и званиям при президенте, которая большинством голосов высказалась «против».

Грачев нервничал. Он чем-то напоминал мне человека, который получил крупную взятку и не мог ее «отработать». Он по-прежнему защищал Бурлакова, говорил, что критика в его адрес — злостные вымыслы. Однако скандал приобрел такие масштабы, что Ельцин был вынужден дать задний ход и отстранить замминистра от должности. То была слишком звонкая пощечина и министру.

Чтобы хоть как-то успокоить сильно расстроенного Бурлакова, помощник министра обороны Елена Агапова заявила, что Матвей Прокопьевич не снят с должности, а всего лишь временно освобожден от нее и что он немедленно приступит к работе, как только закончится проверка некоторых фактов...

Проверка фактов затянулась больше чем на полгода. Так бывает всегда, когда не могут или не хотят найти виновников. По Министерству обороны пошли слухи, что в Генпрокуратуре собралось много документов по расследованию коррупции в ЗГВ, которые не раз запрашивали из Кремля. Кое-что из компромата стало просачиваться в печать. Но конкретных решений Генпрокуратура не выносила, а следователи по уголовным делам продолжали меняться. Многие у нас догадывались, что таким образом Бурлакова «ведут на посадку». Так оно и было. Бурлаков ушел, а несколько темных дел, в которых он был одним из фигурантов, канули в Лету...

Заместитель министра обороны генерал-полковник Валерий Миронов был особой фигурой в МО. Он, как и некоторые другие высшие генералы, хотя официально и являлся замом Грачева, но членом его «команды» никогда не был. Военачальник с громадным командным и боевым опытом, обладающий уникальной культурой аналитического мышления, он хорошо знал себе цену, но никогда не выражал это в амбициях. Тихо и надежно выполнял свои обязанности, никогда не вступая в придворные скандалы. Он был одним из тех министерских генералов, которых за несколько десятилетий службы в армии ни разу не уличили даже в мелких нечистоплотных делах. Он берег свою офицерскую честь с той бдительностью, которая была больше свойственна генералам царской и гораздо меньше — новой русской армии...

Вместе с генералами Громовым и Кондратьевым Миронов был отстранен от должности в начале 1995 года — всем в МО и ГШ было известно, что Валерий Иванович отрицательно относился к силовому варианту разрешения конфликта с чеченцами.

Меня мучил тогда вопрос: будь Миронов на месте Грачева, как бы он поступил на том Совете безопасности, где министру обороны Ельцин и члены СБ, как говорится, выламывали руки, требуя «решительных действий»? Думаю, Миронов прежде всего попросил бы дать ему полное юридическое обоснование правомерности ввода войск в Чечню. Но этого ему бы не дали. Финал карьеры был бы предreshен...

Отказавшись участвовать в «конкурсе» на замещение нового вакантного места замминистра, Миронов ушел в тень и долго хранил молчание. Затем стал напоминать о себе в печати. «Московские новости» дали интервью с генералом, в котором он умно, взвешенно и трезво оценил и положение дел в армии, и состояние военной реформы. Суть его позиции была видна уже в заголовке: «Требуется диктатура трезвого смысла».

Мне приходилось встречаться с Мироновым, и каждый раз я уходил от него с мыслью, что этим человеком и военачальником судьба распоряжается несправедливо. Так же думали и многие мои сослуживцы по МО и ГШ.

Еще в бытность Главкомандующим Северо-Западной группой войск Валерий Иванович умел остужать некоторые слишком горячие головы из руководства Минобороны. Ког-

да Ельцин, например, неожиданно сократил сроки вывода наших войск из Прибалтики, в штаб СЗГВ примчалась группа генералов МО, которые стали требовать от Миронова побыстрее вытаскивать части в Россию. Командующий упорно стоял на своем:

— Мы отсюда будем уходить, но не бежать!

И хотел знать наверняка, что в местах будущей дислокации прибалтийских соединений уже подготовлена база для приема людей и техники. Во многих местах такой базы не было. Он долго не утверждал план ускоренного вывода. Сам летал в районы будущей дислокации своих дивизий, торопил строителей, брал за грудки местных бюрократов, пробивал деньги в высоких московских кабинетах и часто повторял: «Идти на поводу у авантюристов никогда не буду».

В конце концов в Кремле решили, что надо Миронова убрать из Прибалтики, чтобы было проще ускоренным маршем вытягивать оттуда наши войска в Россию. Но боялись поступить неосмотрительно: о нем были высокого мнения многие министры в правительстве, его хорошо знали в Верховном Совете, про него с уважением отзывался начальник Генерального штаба. К тому же Миронов был числе в крупных военачальников, имевших афганский опыт. Его не так просто было «упрятать» на какую-нибудь третьестепенную должность. Ельцин подписал указ о назначении генерал-полковника Миронова заместителем министра обороны РФ. Он стал курировать вопросы кадровой политики, военного образования и воспитательной работы.

Многие в МО и ГШ понимали, что у Миронова явно «не та должность», что ему надо бы заниматься иными проблемами. Но сам он ни разу и нигде открыто не пожаловался на это.

Когда в 1993 году на парламентских выборах почти половина армии проголосовала за партию Жириновского и Ельцин недовольно пробурчал, что «это очень серьезно», что «будут сделаны соответствующие выводы» по Министерству обороны, Грачев уже вскоре нашел «стрелочника»: вывел из-под кураторства Миронова Главное управление кадров и военного образования, оставив на попечении лишь Главное управление по работе с личным составом (бывший ГлавПУр), статус которого был значительно понижен. Такими в армии были выводы из провала гайдаровской партии власти на парламентских выборах...

Однажды в министерстве стало известно, что Миронов

будет выступать в парламенте по вопросам воспитания личного состава. Гадали: сломался Миронов после «наказания» или нет? Будет юлить, выкручиваться или врежет правду?

И он врезал. Открыто с высокой трибуны заявил, что значение морального духа войск недооценивается, воспитательные структуры еле теплятся, четкой концепции идейных ориентиров военнослужащих нет, уничтожена система военно-патриотического воспитания в войсках и в стране. Это вызвало недовольство среди тех высших генералов, которые предпочитали отмалчиваться. Но куда было деваться от правды?

О том, что Миронов «никого не боится» и из-за этого ему тяжело, в МО поговаривали часто. Иногда по коридорам и кабинетам расползались «легенды местного масштаба» о поступках генерала. Запомнился такой. Однажды Миронов на коллегии МО осадил даже пресс-секретаря министра, пытавшуюся не допустить правок в тексте заявления МО для печати.

— Это заявление уже согласовано с самим Павлом Сергеевичем, — возмущалась пресс-секретарь Елена Агапова.

— Это заявление делает не министр, а Министерство обороны, — жестко отрезал Миронов, — все члены коллегии несут за него ответственность. За каждое слово!

В период осеннего политического кризиса 1993 года в адрес исполнительной и законодательной властей, руководства МО поступали письма и телеграммы войсковых и флотских командиров с просьбой не доводить дело до крайней точки. Причем было абсолютно ясно, что люди обращаются к обеим конфликтующим сторонам и озабочены перехлестами всех виновников зреющего взрыва. Но с Арбата иногда раздавались иные оценки. Якобы войска полностью поддерживают позицию президента—Верховного главнокомандующего. То были явные передержки.

Миронов даже в этом очень «взрывоопасном» вопросе был честен. Когда у него однажды спросили о содержании тех же телеграмм, поступавших из войск и флотов в Москву, он сказал:

— Личный состав войск через военные советы выражал требования принять исчерпывающие меры к прекращению элементов гражданской войны с применением оружия в Москве... Другой вопрос, правильны ли были неоднократные категоричные заявления руководства Минобороны о том, что армия вне политики...

Не так много в нашей армии генералов, которые способны делать такие заявления.

Миронов щепетилен в словах и поступках. Мне запомнился такой эпизод. Один из сослуживцев Валерия Ивановича, зная о его хобби — коллекционировании военных регалий, однажды ко дню рождения преподнес генералу крохотный знак времен гражданской войны. Миронов с благодарностью подарок принял и тут же настоял на том, чтобы «даритель» принял от него деньги за редкостную вещицу.

— Я знаю, сколько это стоит, — сказал генерал. — У вас же семья, а получку офицерам уже второй месяц не платят...

В те минуты я подумал о других «подарках» — о загородных дворцах других наших высших генералов, которые не стеснялись возводить их за казенный счет с использованием военных строителей...

После устранения Миронова из МО он был назначен главным военным советником при правительстве РФ...

КОНДРАТЬЕВ

...Совершенно неожиданным даже для некоторых лиц из ближайшего окружения Грачева было отстранение от должности заместителя министра обороны генерал-полковника Георгия Кондратьева зимой 1995 года. Его Павел Сергеевич знал еще со времен службы в Афганистане, где Кондратьев был первым замом командарма-40, начальником Грачева. Летом 92-го они поменялись местами: подчиненным стал Кондратьев, и этот щекотливый фактор некоторое время довлел над министром, тем более что другие его замы — генералы Громов и Миронов — тоже в свое время были его «афганскими начальниками».

В отношениях Грачева с Кондратьевым на Арбате длительное время бросалась в глаза какая-то особая уважительность. Иногда создавалось впечатление, что Георгий Григорьевич — фаворит министра. Когда на одном из совещаний у «первого» летом 92-го между замами министра распределялись обязанности и очередь дошла до Кондратьева, Грачев с какой-то особенно теплой улыбкой сказал:

— Побудете пока моим «свободным форвардом».

Когда же Кондратьеву поручили курировать военно-оркестровую службу МО, спорт и выпуск учебных кинофильмов,

многие на Арбате стали поговаривать, что это в какой-то мере унижительно для военачальника такого ранга, привыкшего к «серьезной работе». И такую работу ему нашли. Генералу поручили взять на себя весь круг вопросов, связанных с миротворческими операциями в «горячих точках». Тем более что их становилось все больше...

В середине лета 1992 года вспыхнул вооруженный конфликт между Грузией и Южной Осетией. Подтащив артиллерию и танки к пригороду Цхинвала (столица Южной Осетии), грузинские экстремисты нанесли огневые удары по жилым кварталам города. Ельцин в то время находился с визитом в США, «на хозяйстве» в Кремле оставался вице-президент РФ Александр Руцкой. К нему и обратилось за помощью южноосетинское руководство.

Руцкой позвонил Грачеву и спросил, есть ли в его подчинении генерал, который способен быстро разобраться в ситуации на месте конфликта и в случае необходимости принять решительные меры, чтобы загасить его. Грачев назвал фамилию Кондратьева. Вице-президент хорошо знал Георгия Григорьевича и сразу одобрил его кандидатуру. Позже Руцкой так рассказывал о конфликте, в эпицентре которого оказался заместитель министра обороны генерал-полковник Кондратьев:

— По прилете Кондратьев связался со мной и доложил, что идет массированный расстрел Цхинвала грузинскими боевиками. Кроме того, несколько снарядов попали на территорию аэродрома, где базировался наш вертолетный полк. Я дал команду поднять вертолеты и нанести удар по грузинской артиллерии, что и было сделано...

Перед этим Руцкой позвонил Шеварднадзе и просил прекратить бесчинства, на что получил ответ: войска, которые штурмуют Цхинвал, не являются грузинской армией, Шеварднадзе ими не командует и вообще не знает, чьи они. После удара Кондратьев доложил Руцкому, что уничтожены две установки «Град» и танк. Шеварднадзе вознегодовал. Он позвонил вице-президенту РФ и стал обвинять его в том, что тот вмешивается во внутренние дела суверенного государства Грузия. А поскольку бесчинства не прекращались, Руцкой приказал Кондратьеву нанести вертолетами еще один огневой удар...

После возвращения Ельцина в Москву Шеварднадзе пожаловался ему на Руцкого и Кондратьева, обозвав их милитаристами с имперскими замашками. Кондратьев был одним

из тех генералов, которым приходилось платить своим добрым именем и карьерой за разгребание завалов, нагроможденных политиками.

В 1994 году Кондратьев опять оказался в эпицентре скандальной истории на Кавказе. Назревал очередной вооруженный конфликт между грузинами и абхазами. Грузины намеревались силой провести в Абхазию беженцев. Абхазы грозили, что пойдут на самые крайние меры, но этого не допустят. Посланный в район стычек Кондратьев повел себя решительно и жестко. Из-за этого по окнам его временного штаба в Гудауте кто-то стрелял. И между конфликтующими сторонами на границе чуть было не началась перестрелка. В Кремль поступила информация под таким соусом, что чуть ли не «провокационные действия» генерала Кондратьева являются главной причиной новой вспышки противостояния (в Тбилиси «имели зуб» на генерала еще со времен грузино-южноосетинского конфликта). Ельцин выразил недовольство Грачеву. Грачев был вынужден вылететь в Абхазию и все улаживать. Кондратьев на некоторое время оказался отстраненным от руководства миротворческими операциями (слег в госпиталь)...

Я знал его бесстрашным первым замом командарма-40, знал решительным и смелым командующим ТуркВО. Это был командир, способный поломать хребет любому противнику. В бытность свою командующим ТуркВО Кондратьев прослыл крутым и своенравным военачальником. Он умел требовать, но не унижать. О нем до сих пор бывшие его подчиненные говорят с уважением.

От полковника Александра Лучанинова я услышал рассказ о том, как во время «национализации» здания штаба Туркестанского военного округа ретивые узбекские начальники дали команду снять изображение ордена Красного Знамени. Заставший эту процедуру Кондратьев пригрозил рабочим, что расстреляет их, и так гаркнул на «богохульников», что те с мокрыми штанами ретировались, забыв даже инструмент...

Было и другое. Однажды вооруженная группа боевиков остановила на узкой горной дороге машину командующего. Бандиты потребовали выйти из машины и поднять руки. На беду, при Кондратьеве и его шофере не было оружия. Тогда командующий предпринял неожиданную «психическую атаку»:

— Вы что, охренели, — крикнул он жутким своим сипловатым голосом, — я же Кондратьев!!!

И те отступили. А он, поднявшись через несколько минут в воздух на своем вертолете, нашел банду и по мегафону приказал немедленно бросить оружие и разбежаться — иначе расстреляет из пулемета. Бандиты рванули кто куда.

В начале 1992 года Кондратьев несколько раз обращался к министру обороны Евгению Шапошникову с предложением взять ТуркВО под российскую юрисдикцию (с таким прицелом, чтобы в будущем образовать группу российских войск в Средней Азии). То был дальновидный и во всех отношениях выгодный для стратегических интересов России ход. Но Шапошников никаких конкретных решений по этому вопросу в Кремле пробить не смог — там были заботы поважнее... Письма командующего ТуркВО до сих пор хранятся в архивах МО...

Но, наверное, Кондратьев не был бы Кондратьевым, если бы мог равнодушно взирать на то, как растаскивались вооружения по национальным армиям республик Средней Азии, нередко попадая в руки непрофессионалов. Иные наши генералы, пользуясь моментом, загружали машины стройматериалами для своих дач и гнали их в Россию. Кондратьев тоже воспользовался моментом: он приказал командиру актюбинского артиллерийского полка вместе с техникой «совершить побег» в Россию. Темной ночью полк вырвался за границы Казахстана в Оренбургские степи...

Крутой, страшный во гневе (его жесткий голос бросал в дрожь даже тертых командиров), он напоминал мне военачальника жуковского типа: любая задача должна быть выполнена, чего бы это ни стоило.

Этой решительностью и воспользовался Грачев, когда в октябре 1993 года надо было назначить руководителя командного пункта управления войсками, принимавшими участие в штурме Белого дома. Кондратьев выполнил поставленную задачу. Грачев представил его к ордену.

Кондратьев от ордена отказался...

Информация об этом мигом достигла стен Кремля. Там поступок генерала расценили как серьезный знак неуважения к власти. В Кремле такие вещи никогда не прощали. И несостоявшегося «героя восстановления конституционного порядка» стали тихо и мощно выдавливать на обочину военной жизни, держать в «черном теле». О нем на некоторое время словно забыли. На Арбате такая обстановка всегда была знаком к тому, чтобы человек подыскивал себе иную должность...

«Вспомнили» тогда, когда понадобился решительный и жесткий военачальник для выполнения задания особой важности.

Грачев пригласил Кондратьева для разговора с глазу на глаз.

— Георгий Григорьевич, давай забудем старое. Ты знаешь, что я тебя ценю. Нас в министерстве осталось двое, кто умеет по-настоящему воевать. Предлагаю возглавить оперативную группу в Чечне...

Кондратьев, еще с афганской поры привыкший основательно готовить операции (типа знаменитой афганской операции «Магистраль», после которой и получил армию) и хорошо знавший толк в этом деле, попросил министра лишь об одном: чтобы все войска, которые задействованы в Чечне, подчинялись бы непосредственно ему.

Кондратьев сказал министру:

— Если все войска будут в моем кулаке, то хоть сейчас звоните Ельцину и докладывайте о моем согласии.

Грачев не согласился, поскольку план операции был уже одобрен им и запущен. Расстались холодно.

...9 февраля 1995 года Георгий Григорьевич был на дне рождения у сына. Веселье было в самом разгаре. Работал телевизор. Шли последние новости. Диктор объявил, что указом президента замминистра обороны России генерал-полковник Георгий Кондратьев освобожден от занимаемой должности...

Его никто не предупредил. Начальство на Арбате и в Кремле предпочитало наносить удар в спину без предупреждения.

Он сделал несколько острых заявлений для печати, в одном из которых сравнил проведенные кадровые перестановки с теми, что были при Сталине в 1937 году, когда из армии устранялись лучшие командные кадры.

После этого Кондратьев окончательно стал опальным. Он залег в госпиталь. Некоторые подчиненные и сослуживцы боялись навещать его. Остерегались немилости «первого». К тому же стало известно, что дежурные медсестры фиксируют фамилии тех, кто навещал генерала...

Кондратьев, для которого в пору дружбы с Грачевым в военном госпитале имени Вишневского всегда выделялась одна из лучших палат, лежал в обшарпанной комнатенке, в которой одно время отключили даже телефон. Кровать с расшатанными ножками, с потолка сыпалась штукатурка. «Царская немилость» к генералу чувствовалась во всем.

Очень любопытно было узнать, как генерал оценивает и свое положение, и отношения с Грачевым, и ситуацию в армии. Вот что говорил Кондратьев о том, в какое положение поставил его министр накануне чеченской кампании:

— Когда решался вопрос о проведении военной операции в Чечне, я, заместитель министра обороны, не был даже осведомлен об этом. Я не знал об указе президента, о возможности открытия боевых действий. Узнал о его существовании дней через пять, когда «зашевелились» войска. 11 декабря начались бои. Я в МО отвечал за «горячие точки», стал собирать информацию, чтобы владеть обстановкой. Мне сказали: «Не лезь в эти дела».

Когда министр понял, что операция начинает проваливаться, он резко сменил позицию и стал втягивать зама «в эти дела».

Кондратьев нашел свою трактовку информационной блокаде вокруг него. Он считал, что министру выгодно было держать его в качестве резервного козла отпущения:

— Если операция в Чечне пройдет успешно, то лавры победителей найдется кому примеривать. Я же потребуюсь в случае неудачи, чтобы все списать на мою седую голову. Так все и вышло...

Кондратьев давал весьма резкую оценку методам ведения боевых действий в Чечне. Он говорил:

— Что это за война, которая ведется «сводными» полками и батальонами? Что-то «сводное» может быть в одном случае, когда войска потерпели поражение на поле боя. Вот тогда остатки сводятся и получают приказ держаться зубами за землю. Такой приказ отдавал Рокоссовский под Вязьмой, когда терять было нечего. А сейчас что? Нас без войны разгромили? Или армия попросту небоеспособна?

11 августа 1995 года исполнилось ровно шесть месяцев с того времени, как президент зачислил Кондратьева в распоряжение министра (генерал был не у дел и ждал решения дальнейшей своей участи). По закону именно полгода генерал мог находиться в таком положении. Чтобы напомнить о себе министру, он решил дать интервью «Комсомолке». То был знак и Верховному главнокомандующему, чтобы он как-то повлиял на решение дальнейшей командирской судьбы. Свое будущее Кондратьев тогда видел так:

«— Рапортов об отставке писать не буду. Я еще послужу.

— С Грачевым?

— Офицеры служат Родине и народу, — ушел от ответа

генерал. — Есть устав, которым определяются должностные обязанности военнослужащих. Я готов их выполнять при любом военном министре...»

Кондратьева не раз спрашивали:

— Не чувствуете ли вы угрызений совести из-за того, что руководили расстрелом парламента?

Он отвечал обычно одинаково:

— Я всего лишь солдат и обязан выполнять приказ. Решение на задействование танков я не принимал. Принимало руководство.

Офицеры, тайком навещавшие Кондратьева в военном госпитале имени Вишневого, рассказывали мне, что генерал в минуты откровения признавался, что его сильно мучает чувство вины за причастность к октябрьским событиям 93-го года...

Указом президента РФ генерал был назначен в Министерство по чрезвычайным ситуациям. Арбатские офицеры, узнавшие об этом, говорили между собою, что, наверное, только в России могут так несправедливо поворачивать генеральские судьбы...

КОКОШИН

Андрей Афанасьевич Кокошин был единственным гражданским человеком в высшем руководстве МО. При Грачеве к официальному названию его должности — «первый заместитель министра» добавилась еще и приставка «статс-секретарь». Загадочная приставка эта мало кому что говорила и только более-менее знающие поясняли, что она предполагает обязанность Кокошина осуществлять связь МО с исполнительными и законодательными структурами власти.

Андрей Афанасьевич пришел к нам из Института США и Канады — учреждения, которое было ненавистно многим в МО и ГШ по той причине, что уже продолжительное время почему-то брало на себя функции аналитического центра по реформированию армии, сокращению стратегических наступательных вооружений и выработке рекомендаций по другим военно-стратегическим вопросам. Все это совершенно не вязалось с проблемами США и Канады, пока еще далекими от Российской армии...

И тем не менее и Арбатов-отец, и Арбатов-сын продолжали упорно поучать Генеральный штаб, как жить на белом

свете. Иногда оба с очень умным видом несли в газете или в телевизоре полнейшую военно-политическую ахинею, которую при желании мог в пух и прах разгромить даже самый зеленый аналитик ГШ.

— Опять утюги учат щук плавать! — так иногда комментировали офицеры появление нового арбатовского опуса.

Больше всего генштабовских раздражало, что подчас «кооператив» Арбатовых словно лоббировал военные интересы США... А поскольку Кокошин был выходцем школы Арбатова-старшего, то к нему у нас на Арбате было вполне объяснимое настороженное отношение... Тем более что в МО с некоторых пор стали поговаривать, что после «стажировки» Андрей Афанасьевич станет первым гражданским министром обороны России.

У Кокошина были хорошие связи в президентских, правительственных, парламентских структурах. Все это усиливало настороженность и в ближайшем окружении Грачева. Многим было ясно: если уйдет Пал Сергеич, придется искать новое место.

Кокошин старался работать так, чтобы не создавалось впечатление, будто он претендует на что-то большее. В сва-ры не лез, поводов для них не давал.

Андрей Афанасьевич курировал в МО вопросы военно-технической политики. Он много и охотно выступал с докладами и сообщениями о том, какие перспективы перевооружения армии нас ожидают. Прошел один год, второй, третий, четвертый, и стало ясно, что Кокошин — большой сказочник. Ибо чем больше он рассказывал о прожектах, тем хуже становилось в армии с оружием и боевой техникой. А Андрей Афанасьевич продолжал рассказывать увлекательные байки о технологиях двойного назначения, о системах «выстрелил-забыл», о перспективах военного заказа, о новых программах перевооружений войск и флотов (почти все они оказались, мягко говоря, проваленными).

Когда спускался на воду заложенный еще в советское время корабль, когда проводились очередные стрельбы из нового оружия (которое чаще попадало в иностранную армию, чем в нашу), когда надо было «рекламнуть» новый вертолет, Кокошин мчался туда стремглав. И тут можно было ставить на что угодно — вечером он покрасует в телевизоре.

Иногда мне хотелось зайти в кабинет Кокошина и сказать ему:

— Андрей Афанасьевич, вот вы уже который год расска-

зываете бодрые сказки о новом оружии, почему же тогда армия плачется, что у нее в руках одно ржавое железо?

Но такого позволить себе я, конечно, не мог. За годы службы рядом с Кокошиным, я так и не понял, какую же реальную пользу принес этот человек России на своем посту...

Нередко я замечал, что ближайшее окружение министра бдительно следило за линией поведения Кокошина. Особенно — за теми его шагами, которые добавляли ему популярности. Иногда доходило до смешного...

После освобождения заложников, захваченных террористами в Минводах, Кокошин провел вечером пресс-конференцию для российских и иностранных журналистов, на которой предстал в роли одного из героев событий. Узнав об этом поутру, Грачев тут же распорядился вновь пригласить в Минобороны освобожденных заложников, представителей СМИ и сам провел пресс-конференцию по тому же вопросу.

Ситуация была нелепейшая и напоминала мне повторную съемку на телевидении или в кино. Одним приходилось вновь задавать те же вопросы, а другим — повторять рассказанное вчера...

Однажды сослуживец спросил меня:

— Есть у нас в МО начальник вооружений Вооруженных Сил генерал-полковник Ситнов. И есть Кокошин, который тоже занимается вооружениями. Две высокие должности, два огромных аппарата, а вопросы решают одни и те же. Где разница?

Я до сих пор не знаю ответа...

КОБЕЦ

...Главный военный инспектор — заместитель министра обороны генерал армии Константин Кобец занимал своеобразное место в команде Грачева. Его назначение на должность заместителя многие в МО связывали с тем, что министр стремился делать особую ставку на людей, находящихся на короткой ноге с Ельциным и его аппаратом. Кобец был одним из них. Как и министр обороны, он долгое время относился к разряду так называемых непотопляемых генералов.

Старожилы Арбата рассказывали, что еще в бытность Константина Ивановича главным связистом Вооруженных Сил СССР были у него по некоторым причинам морального

плана натянутые отношения с партийными органами. Были разговоры, что в свое время начальник Главного политического управления СА и ВМФ генерал-полковник Николай Шляга однажды даже грозился отобрать у него партийный билет...

О «деятельности» Кобеца по Министерству обороны постоянно ходили ядовитые байки, связанные с тем, что он якобы настолько «засекретил» свою работу, что о ее результатах знает только министр...

Очень странным было многое. Например, Кобец как замминистра и главный военный инспектор, казалось бы, должен был бить в колокола по поводу развала армии, сворачивания боевой подготовки, профессиональной деградации офицерского корпуса, буйного расцвета коррупции и воровства в Вооруженных Силах. А уж, казалось бы, о дискриминационном финансировании армии по вине исполнительной власти от Кобеца должно было доставаться правительству и выше...

Но армия имела весьма скудное представление, что Константин Иванович обо всем этом думает.

В былые времена главный военный инспектор считался государевым оком в армии. Из-под его пера ложились на стол царям и генсекам доклады исключительной объективности. Ложь была тяжчайшим преступлением и приравнялась к предательству.

На совещании высшего руководящего состава Российской армии в декабре 1995 года присутствовали представители президента, правительства, Совета безопасности, парламента. На сцене висели гигантские таблицы, в которых отражались результаты итоговых проверок в дивизиях, армиях, полках. В перерыве генералы и полковники толпились у таблиц. Один из заместителей министра обороны сказал мне:

— Хочешь покажу фокус? Вот смотри: напротив одного из полков армии (Калининградский оборонительный район) стоит «удовлетворительно». Чистейшей воды ложь инспекторской выпечки. Этот полк укомплектован немногим более чем на 30 процентов — командир на днях был в Москве и рассказывал. Никакой проверки там проводиться не могло. Проверку можно проводить лишь тогда, когда часть укомплектована не менее чем на 70 процентов...

В тот же день я позвонил в оперативный отдел штаба армии, и там подтвердили, что часть действительно едва-едва укомплектована на одну треть...

Если бы кто-то из президентских структур всерьез занял-

ся этим очковтирательством — все наверняка закончилось бы уголовным делом. В США и других странах подобный обман квалифицируется как злостное государственное преступление. Самое опасное, что то была ложь, касающаяся уровня боеготовности армии.

Потом я еще не раз сталкивался с подобными «фокусами». Подчас они исполнялись первыми лицами в МО. На одной из пресс-конференций Грачева спросили, какой из военных флотов считается лучшим. Министр, не задумываясь, ответил, что Северный. А рядом с ним лежала розовая папка (я только что держал ее в руках) с донесением Главной военной инспекции, подписанным генералом Кобецом: в документе говорилось о таком состоянии боеготовности многих подлодок, что СФ даже с большой натяжкой нельзя было признать лучшим...

На мой взгляд, назначение Кобеца замминистра было продиктовано не только стремлением Грачева укрепить связующее звено между собой и президентским аппаратом, но и «приручить государева надзирателя».

На заре разгула демократии в нынешней России было много требований о том, чтобы Главный военный инспектор подчинялся непосредственно президенту. И некоторое время так и было. Но это вызывало состояние дискомфорта у некоторых высших руководителей МО, всегда страшно ревниво относящихся к тому, что кто-то помимо их докладывает президенту о состоянии армии. Возвысив Кобеца, Грачев добился того, что главный инспектор обязан был согласовывать с министром свои выводы в документах, направляемых в Кремль и правительство...

Кобец был одной из наименее заметных, но в то же время и наиболее влиятельных фигур в окружении министра обороны РФ.

Для меня загадкой всегда было то, что главный военный инспектор нередко оказывался в эпицентре скандальных дел, которые совершенно не совпадали с профилем его служебных обязанностей. Мне было непонятно, почему он занимается контрактом, связанным со строительством и продажей многоквартирного дома, почему он причастен к каким-то другим коммерческим делам. Ведь все это было страшно далеко от инспектирования войск. И чем чаще я сталкивался с такими фактами, тем яснее становилось, что такое положение дел устраивает и Кобеца, и Грачева...

Странным было и другое: на Арбате часто можно было слы-

шать разговоры, что сомнительная деятельность замминистра давно вызывает интерес у наших спецслужб. След, как говорится, был взят. Но идти по нему долгое время боялись...

Когда летом 1997 года генерал был арестован, один из адвокатов возмущался, что взят под стражу человек, имеющий столь огромные заслуги перед демократией: защищал ее в августе 91-го и октябре 93-го, доказал глубокую преданность президенту...

Но в Уголовном кодексе нет пока льгот для пойманных за руку гвардейцев режима.

ОКТАБРЬ

Октябрь 1993 года стал особой страницей в биографии министра обороны России. К тому, что Ельцин рано или поздно пойдет на открытую и жесткую конфронтацию с Верховным Советом, Грачев был готов задолго до октября. На президентской даче не однажды проходили тайные совещания, в ходе которых Ельцин, силовые и другие министры дискутировали о способах и сроках «усмирения» парламента. В этих дискуссиях Грачев старался играть первые роли. Это давало возможность еще раз продемонстрировать преданность президенту.

Отъезжая за город, Грачев соблюдал строжайшую конспирацию, не посвящая в цели своего отъезда даже начальника Генштаба генерала Михаила Колесникова и еще одного своего первого заместителя — Андрея Кокошина. Но министру только казалось, что о его интенсивных маневрах в районе президентских дач знает только он, его водитель и самый посвященный помощник генерал Валерий Лапшов.

В центральном аппарате МО и Генштаба, Главном управлении охраны, Службе безопасности президента, МВД, ФСБ и ФАПСИ существует давно устоявшаяся система «неформальной связи», по каналам которой иногда мгновенно передается нужная информация, что очень часто выручает их и не позволяет начальству застать подчиненных врасплох.

...19 сентября 1993 года в президентской резиденции «Русь» сильно повздорили министр обороны и директор ГУО генерал Михаил Барсуков. Два бравых генерала не на шутку сцепились «после ужина» на виду у Ельцина в яростном споре: готовы или не готовы силовые структуры к вводу в действие готовящегося указа президента о прекращении полно-

мочий парламента. Наблюдавшие эту сцену отмечали, что то был явный спектакль, в котором два верных стражника президента демонстрировали «страстный плюрализм» мнений, пытаясь одновременно заработать очки у Ельцина.

При этом Барсуков играл роль эдакого капитального мужичка-прагматика, который умеет сто раз отмерить, а раз отрезать. Грачев же имитировал решительного, горячего бойца-рубачу. Сытный ужин у президента вскружил голову, генералы плохо подбирали выражения. До хватания за грудки дело не дошло, но все к этому близилось.

Ельцин занял сторону Грачева. А Барсукову даже предложил «отдохнуть» до тех пор, пока все закончится. Грачев был доволен. Он не догадывался, что таким образом Ельцин и Барсуков еще раз проверили позицию министра обороны перед решающим броском на парламент...

Но когда указ был введен в действие и сразу за вспышкой беспорядков в Москве встал вопрос о вводе войск в столицу и их применении, коллегия Минобороны долгое время не принимала четкого решения.

Я был очень близко к эпицентру этих событий и могу свидетельствовать: поддержка ельцинского указа Грачевым натолкнулась на осторожно-рассудительное и даже прохладное отношение коллегии к требованию президента силой покончить с парламентом и поддерживающими его «бандитами».

Между Кремлем и Арбатом шли тяжелые и очень нервные переговоры. Судя по тому что Кремль все яростней требовал от генералов определиться и не тянуть резину, там была жуткая паника. Со стороны Боровицких ворот до МО и обратно то и дело носились на машинах «эмиссары» со страшно озабоченными и перепуганными лицами. По мере того как обстановка осложнялась, многие из них охотно засиживались в арбатских кабинетах за чашкой чая или кофе и не торопясь обратно в Кремль...

Грачеву звонили Гайдар, Бурбулис, Волкогонов — все «давали указания». В конце концов министр не выдержал и раздраженно заявил, что у него есть только один начальник — президент...

Ельцин рвал и метал от нерешительности генералов.

Явившись в Минобороны среди ночи, президент был вынужден «выламывать руки» Грачеву и всей военной верхушке, требуя немедленного использования войск для подавления восстания.

В конце заседания той коллегии МО с участием президента наступила кульминация: план штурма Белого дома был утвержден, а побледневший Грачев, медленно выговаривая слова, спросил Ельцина:

— Борис Николаевич, вы даете мне санкцию на применение танков в Москве?

Ельцин посмотрел на министра злым, испепеляющим взглядом. Повисла тягостная, грозная тишина. Чтобы разрядить ее, Черномырдин неожиданно жестким голосом стал упрекать Грачева в том, что не президенту же решать, какие средства необходимы министру обороны для выполнения задачи, поставленной Верховным главнокомандующим!

Грачев еще больше обмяк и пробубнил в ответ, что он всего-навсего хотел уточнить некоторые детали.

Ельцин стоял у двери хмурый и злой. Потом процедил сквозь зубы:

— Павел Сергеевич, я вам письменный приказ пришлю.

Ставя вопрос о письменной санкции президента министру обороны на применение тяжелых вооружений против защитников Белого дома, Грачев стремился заручиться индульгенцией: письменный приказ президента спасал его от ответственности.

Но в Кремле тоже сидели не дураки. Когда Ельцин возвратился туда после ночной коллегии МО, он тут же распорядился, чтобы его помощники готовили письменный приказ Грачеву. В тексте подготовленного ими приказа президента Грачеву... не было и слова о применении против восставших не то что танков или боевых машин пехоты, но даже обычных стрелковых вооружений.

Мне довелось позже собственными глазами видеть копию этого «исторического» документа, в котором значилось, что министру обороны РФ генералу армии Грачеву П. С. поручается командование операцией по освобождению Белого дома от засевших там вооруженных боевиков и формирований.

Тонкая работка. Фаберже.

Если бы, допустим, случился суд и Ельцина стали обвинять в том, что это он своим приказом санкционировал расстрел Белого дома, президент с полным правом мог бы сказать:

— Покажите в моем приказе хотя бы одно слово, которое свидетельствует о том, что я дал добро на ведение огня. Его

там нет. Ну а то что министр обороны приказал вести огонь из танков — это на его совести. Методы и способы выполнения приказа я не определял...

И Ельцин был бы абсолютно прав.

Из октября 1993 года Ельцин извлек для себя очень важный военный урок — армия должна иметь законодательную базу для действий внутри страны в случае необходимости навести конституционный порядок. Это давало возможность «на законных основаниях» применять армию для защиты президентской власти.

Вот почему уже вскоре после октября Ельцин приказал Грачеву немедленно приступить к разработке проекта военной доктрины России.

Многие высшие генералы МО и ГШ высказывались против использования «Вооруженных Сил для восстановления и поддержания внутренней безопасности страны»

Грачева не однажды вызывали на ковер к президенту и премьер-министру. А когда дело дошло до точки кипения, Виктор Черномырдин был вынужден прибыть в МО для переговоров с генералами

13 октября 1993 года дело было сделано: право властей бросать войска против угрожающих им сил было закреплено в положениях военной доктрины...

ВПЕЧАТЛЕНИЕ

«...Он похож на сержанта 82-й десантной дивизии США», — так однажды отозвался о Грачеве высокопоставленный военный американский чиновник, близко познакомившись с российским военным министром.

..Вот он идет мимо моего кабинета тяжелым десантским шагом — аж кричат под красным ковром паркетины. Идет, твердо ставя ногу и чуть потягивая носки туфель. И во всей его фигуре читается хорошо накачанный десантник: крепкая шея, крутые сильные плечи, распирающие китель, сильные и слегка кривоватые ноги, полусогнутые натренированные тяжестями руки, — так и кажется, что он постоянно готов к рукопашной схватке.

Однажды в порыве откровений Грачев сказал о своем любимом псе:

— У него мой характер — резкий, напористый. Рывок — удар...

Сравнение, конечно же, было некорректным, но многозначительным...

...Я гляжу на Грачева. Крупная голова, гладкая прическа «на бочок», лысеющий лоб, острый наполеоновский нос, жесткий взгляд, который при трудном вопросе становится сразу же испуганно-паническим. И тогда неимоверно морщится и покрывается испариной лоб, берутся в «замок» руки...

Когда Руслан Хасбулатов на внеочередном экстренном съезде нардепов в 1993 году бросил министру обороны колкую реплику, растерянный Грачев развернулся к нему и сказал:

— Я удивляюсь на ваш вопрос, Руслан Имранович.

Как же ему, бедняге, досталось потом от злорадных журналистов!

Он хорошо говорил по бумажке. Но стоило ему на мгновение оторваться — жди перлов. И когда был в ярости и гневе — такое иногда ляпал, что потом и рад уже отступить, да поздно. В такой вот ярости и пришел бывшему председателю Комитета Думы по обороне полковнику Сергею Юшенкову кликуху «гаденыш» (говорят, что после этого для Юшенкова самым большим ругательством стало слово — «граченыш»).

Юшенков подал в суд. На спасение министра были брошены наши лучшие минобороновские правовики. Как обычно водится в таких случаях, стали выискивать аргументы для оправдания выпада министра. Казалось, задача эта неразрешима. Оскорбление есть оскорбление, что тут мудрить-то? Принесите, Павел Сергеевич, публичное извинение Юшенкову, заплатите штраф — и точка. Но наши придворные служители Фемиды свое дело туго знают — министра надо оправдать даже тогда, когда нет никаких оправданий. И что же? Нашли оправдания. Полезли в толковые словари и с радостью обнаружили, что слово «гаденыш» имеет несколько смыслов. Один из вариантов — «гаденыш — сын змеи». Так тут ведь Юшенкову не обижаться, а гордиться надо! В одном из африканских племен, например, кличка «гаденыш» — все равно что у нас Герой России. Постарались и военные историки: вспомнили, что еще в прошлом веке знаменитый генерал Ермолов публично назвал Аракчеева змием... Так и выкрутились.

А Юшенков уже не только извинений ждал от Грачева, но 10 миллионов штрафа за моральный ущерб. Держи карман шире...

ЧЕЧНЯ

В ноябре 1994 года вновь наступил час нелегких испытаний для Грачева. Хорошо зная реальный уровень боевой готовности вверенных ему войск, министр обороны некоторое время проявлял колебания и не выказывал горячего желания бросать дивизии в бой на Кавказе. Через год он признается:

— Я втянут в эту войну не по своей воле... Любые войны начинают политики, а уже ведут их военные. И в этой ситуации я был противником использования армии. Но приказ есть приказ...

Ельцин надавил на него Советом безопасности. Для Павла Сергеевича опять наступил момент «Х», когда надо было делать выбор между лояльностью и честью, между отставкой и службой.

И Грачев сдался...

Сделав этот выбор, он начал торопить Генштаб с разработкой плана операции.

Спустя год после начала чеченской войны Александр Коржаков «открытым текстом» упрекает Грачева в провале «блицкрига». Министр ответит, что такого замысла не было. Коржаков знал, что говорил: по первоначальным замыслам Генштаба силовая акция в Чечне должна была завершиться через три недели. Я был знаком с проектом такого плана...

Тогда я был поражен, что в нашем Генеральном штабе (и особенно в Главном оперативном управлении ГШ) не нашлось ни одного генерала, который бы открыто заявил, что замышляется слишком рискованная авантюра, которая поставит под неминуемый удар высшее военное руководство. Тогда и для Генштаба наступал момент «Х»...

* * *

В истории новой Российской армии есть два самых черных дня — 3 октября 1993 года, когда была одержана самая позорная «победа», и 1 января 1995-го, когда мы потерпели самое позорное поражение. Чеченцы в первый день нового года выкосили несколько российских батальонов, пожгли неимоверное количество танков, бронетранспортеров и боевых машин пехоты.

— Ну все, теперь Грачеву хана, — поговаривали в Генштабе. — Или снимут, или сам застрелится.

Не сняли. Не застрелился.

Когда стало окончательно ясно, что военная операция в Чечне проваливается и что ей не видно конца-края, Грачев стал еще больше нервничать. На заседании военного совета Сухопутных войск в июле 1995 года он уже не скрывал своего раздражения и вовсю распекал сухопутных генералов за то, что им он «поручил мелкую операцию, а они уже более полугода там ковыряются».

В ряде заявлений Грачев все чаще давал понять, что он всего лишь исполнитель высшей политической воли руководства страны. И явно затушевывал вопрос о своей личной роли. Грачев говорил:

— В принципе разработка военных операций — задача Генерального штаба. Есть главкоматы, они также небезучастны при планировании и проведении боевых действий. Я принимаю решение на основе сделанных рекомендаций, надо понимать, что Грачев самодеятельностью не занимается. Под любым документом, касающимся той или иной операции с участием войск, стоят две подписи — министра обороны и начальника Генштаба. За нашей же спиной — труд целого коллектива. По-другому и быть не может.

— Значит, по-вашему, операция в Чечне была достаточно проработанной? — допекал министра въедливый газетчик.

И Грачев уверенно отвечал:

— Да, безусловно.

— Вы можете назвать сроки, которые были отпущены армии на подготовку?

— По сути дела, эту операцию мы планировали около месяца. Все началось с решений Совета безопасности.

— Надо полагать, это те самые решения, вокруг которых столько шума?

— Конечно...

— Получается, военная акция в Чечне была намечена еще в середине ноября и все последующие политические шаги изменить уже ничего не могли?

— Политические решения я не обсуждаю, но то, что к войне с Чечней мы стали готовиться заранее, факт. А как иначе? За день такое не делается.

Он явно лукавил, когда соглашался с тем, что войсковая операция якобы была достаточно проработанной. На закрытом совещании высшего руководства сам говорил о серьезных просчетах. Об этом же свидетельствовали и аналити-

ческие документы ГШ, посвященные военным урокам Чечни. И это лукавство министра объяснить было несложно: скажи он по-другому, его мигом обвинили бы в том, что согласился с явно «сырым» планом операции...

* * *

...В конце октября 1995 года Грачев со свитой возвращался из Вашингтона в Москву. В самолете, как водится, выпили. Находясь в хорошем настроении, министр пригласил несколько журналистов в свой салон. О только что состоявшихся переговорах с американцами говорить было скучно, и разговор мало-помалу переключился на войну в Чечне.

Казалось бы, эта тема могла Грачеву не понравиться, ведь в Чечне ему нечем было хвастаться. Но генерал вдруг «завелся». «Я настороженно поглядывал на министра, — рассказывал мне сослуживец, летевший в том же самолете, — такая разговорчивость Грачева, да еще под хмельком, была опасна. Не зря же говорят: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке».

Вот дословные откровения министра:

«Я не председатель партии войны и даже не член такой партии. Я никогда не жаждал ничьей крови, но с тем, что происходит сейчас там, я мириться не могу. Почему все молчали, когда в девяносто первом — девяносто втором годах Дудаев захватил всю технику, вооружение, создал армию и, утвердив все это парламентом, начал набег в станицы? Где была прокуратура и вы, господа журналисты? Вдруг появилась Чечня, началась война, все разом заголосили — ах, кровь, ах, трупы... Кто виноват?! Грачев?! Извините, когда все это к нему уходило, были представители федеральных служб, была госбезопасность, были доклады наверх... Все молчали. Сейчас дело подходит к концу, и скоро прокуратура огласит, кто прав, кто виноват... Дальше официально объявили их бандитами, преступниками. Бьем, бьем, бьем, воюем, воюем, воюем, загнали их в горы, осталось две-три недели добить и вдруг — стоп. Переговорный процесс. А с кем разговаривать?! С Масхадовым? А кто такой Масхадов, кем он уполномочен? Бандитом Дудаевым? Поймите меня правильно, я профессионал, я никогда не прощу себе кровь моих солдат и офицеров, но когда после этого за шаг до победы начинается мирный переговорный процесс... и с кем?! Я этого не понимаю. А пока идут переговоры, мне докладывают: каж-

дый день 50—60 обстрелов постов, каждый день убитые и раненые солдаты — и никакой реакции. Я же не могу сделать ни одного выстрела, не могу провести ни одной операции, иначе, видите ли, эти бандиты откажутся вести с нами переговоры. Мириться?! Не могу! Идет уничтожение русского солдата, более того, гибнут гражданские, строители... Два подрыва руководителей переговорного процесса — Лобова и Толика Романова. Теперь спросите прокуратуру: сколько у них заведено уголовных дел на бандитов? Ни одного! А сколько дел на солдат? Сотни! А солдаты мне говорят: «Товарищ министр обороны, до каких пор мы будем погибать в бездействии? Ответьте, нужны мы там или нет? Если нет, то выведите нас отсюда, если нужны, то дайте приказ воевать». И я тут на стороне русского солдата...».

В те минуты в нем было слишком много человека и слишком мало министра.

...Иногда, слушая исповеди Грачева, я испытывал к нему чувство жалости. Но никак не мог понять: то ли его мучает совесть и он ищет моральной поддержки, то ли пытается определить меру личной ответственности за все, что происходило с армией в Чечне. Министр исповедовался тем чаще, чем яснее становилось, какой жуткой ошибкой был ввод войск. В ноябре 1995-го он говорил:

— Решение о вводе войск в Чечню рождалось в больших муках после множества совещаний, консультаций с президентом, правительством, после нескольких заседаний Совета безопасности. Учитывалось соотношение сил и средств, возможные политические последствия. Я был против силовой акции именно в тот момент... В то же время, получив приказ, я как военнослужащий обязан был его выполнить... Но я не сомневался в том, что такая операция нужна, обстановка складывалась таким образом, что были исчерпаны все меры политического воздействия на ситуацию в Чечне... Но в какие сроки проводить операцию — вот это стоило обсудить подробнее...

Грачев путался: то он был против военной операции вообще («Я никогда не был сторонником силовых мер в Чечне»), то был только против сроков ее начала.

Несправедливые войны никогда не выигрываются. Кроме поражений и жертв, они порождают генералов, умеющих талантливо объяснять, почему от них отвернулась победа. Грачев не был исключением:

— Я не отрицаю, что в практическом выполнении этого решения было много шероховатостей. Это в первую очередь

связано с недостаточной морально-психологической подготовкой некоторых офицеров и генералов, отсутствием опыта ведения боевых действий на своей территории.

Есть министры, которые идут на войну, чтобы спасти Родину.

Есть министры, которые идут на войну, чтобы спасти должность.

ДУДАЕВ

...В декабре 1995-го Грачева снова потянуло на откровения. Он рассказал о подробностях своей последней встречи (декабрь 1994 года) в Слепцовске с Джохаром Дудаевым. Эта встреча, на которую министр получил согласие президента России, была последней попыткой решить все мирным путем.

...Грачев прилетел в Ингушетию на вертолете в сопровождении десяти охранников. Примерно через час в сопровождении большой колонны вооруженных людей (до 150 человек) прибыл Дудаев.

Вначале встреча проходила в присутствии чеченской делегации. Потом Грачеву дали понять, что Дудаев хочет поговорить с глазу на глаз, и генералы уединились в соседней комнате. Там Грачев сказал Дудаеву:

— Джохар, это твой последний шанс.

Дудаев до конца еще не верил, что российские войска могут начать боевые действия. Он спросил Грачева:

— Неужели вы действительно пойдете на нас?

— Да, пойдём, — ответил Грачев, — решение принято, и готовься к самой настоящей войне. Но еще не поздно признать незаконность всех ваших решений.

— Я не могу отказаться от этих решений.

— Почему? — спросил Грачев.

— Я не принадлежу сам себе. Если я приму такое решение, то меня не будет, — будут другие, которые выполнят принятые нами решения...

Грачев спросил:

— Тогда война?

Дудаев ответил:

— Война...

Через несколько дней российские войска ворвутся в Чечню...

ДИПЛОМАТ

Должность обязывала Грачева быть дипломатом. А это гораздо сложнее, чем командовать войсками. Его угловатость на первых приемах иностранных гостей в МО и в иноземных посольствах, его закомплексованность долгое время бросалась всем в глаза. В конце концов, всем этим тонкостям застольного этикета со временем обучаются. И совсем другое дело — что говорит первое лицо военного ведомства, насколько политически выдержанны и состоятельны его оценки и комментарии.

Первые известия о дипломатических проколах министра обороны РФ поступили из Турции. Одна из турецких газет сообщила весьма «пикантные» подробности поведения Грачева на приеме в Анкаре. В передаче «Парламентский час» народный депутат Валерий Уражцев осенью 1993 года пересказал их на всю Россию:

«...Вот что о Грачеве пишет турецкая газета «Терджюман», автор Армауглу: «Как только русский министр обороны вошел в кабинет своего турецкого коллеги, он тут же заинтересовался, где находится туалет, в котором он мог бы справить малую нужду, что само по себе является уникальным в практике международных отношений.

...В присутствии турецких журналистов он, обращаясь к послу Российской Федерации Чернышеву, громогласно заявил: «Ты здесь долго засиделся. Теперь мы будем тебя убирать». После этого турецкие журналисты отозвались о Чернышеве как о любимом в Анкаре дипломате. Грачев не нашел ничего лучшего, как добавить: «Раз так, мы тебя оставим». Что, в свою очередь, является еще одной бестактностью. После такой сцены Грачева — как будет смотреть посол Чернышев в глаза своих коллег-дипломатов в Анкаре?..

...Теперь вновь о Грачеве: разве не могло наше турецкое правительство прервать визит этого человека, найти способ выставить его вон за пределы...Такого рода типы понимают лишь такое обращение...»

Со временем к Грачеву пришла необходимая дипломатическая сноровка. Он понимал, например, что подаренный какому-нибудь кувейтскому шейху новейший российский автомат — это не просто подарок, это мост к будущему военно-техническому сотрудничеству, это возможность влиять на политику данного государства.

Интересно было наблюдать за Грачевым на его перего-

ворах по Черноморскому флоту. Заведшие в тупик эти переговоры российские мидовцы явно стремились найти козла отпущения и на эту роль утвердили Грачева. Подставка была настолько очевидной, что сам Грачев вряд ли не понимал этого: в делегации, которую он возглавлял, лишь в качестве «наблюдателя» значился опытный дипломат Владимир Дубинин.

Ничего конкретного Грачев в Севастополе не добился. На проходившей вскоре в МО пресс-конференции он ошарашил журналистов, сказав, что до сих пор между русскими и украинскими дипломатами нет единого понимания военных терминов, относящихся к Черноморскому флоту (и это было уже на третьем году ведения переговоров).

Сообщение агентства «Итерфакс-Украина» 23 апреля 1994 года: «Переговоры между военными делегациями Украины и России по проблемам Черноморского флота практически сорваны. Министр обороны России Павел Грачев сегодня внезапно отбыл из Севастополя в Москву, не поставив в известность руководителя делегации украинского военного ведомства Виталия Радецкого».

Грачев на переговорах вел себя иногда капризно, словно забыв, что вокруг него не заискивающие поклонники, а политики и дипломаты другой страны, с которыми необходимо вести себя в строгих рамках.

Кстати, генерал Виталий Радецкий (не менее гибкий «дипломат», который тоже чуть не сорвал переговоры с Грачевым из-за того, что табличка на его двери была меньше, чем у российского министра) не упустил случая поиздеваться над Грачевым: он приказал не выпускать в небо самолет с московской делегацией, и все порядком продрогли на аэродроме, пока не было дано «добро» на взлет...

После срыва переговоров президент Украины Леонид Кравчук ехидно заметил: обоим министрам обороны «не хватило ума» вести переговоры и себя прилично.

* * *

В день начала визита Грачева в Китай 15 мая 1995 года Пекин произвел очередной ядерный взрыв. Министр обороны РФ в связи с этим заметил, что «Россия внимательно следит за испытаниями ядерного оружия в Китае, но относится к ним спокойно».

А всего за несколько дней до взрыва в Нью-Йорке состо-

ялась Международная конференция по продлению Договора о нераспространении ядерного оружия (членами конференции являются также Россия и КНР), которая приняла меморандум о прекращении испытаний ядерных видов вооружений.

Грачеву напомнили об этом, и он уже 16 мая решил исправить ошибку. В официальном заявлении для прессы там же, в Китае, министр делает второй непростительный ляп: ни с того ни с сего заявляет, что китайцы... готовы прекратить испытания.

И взорвалась еще одна «бомба» — на сей раз скандальная 17 мая в Пекине в ряде газет была опубликована официальная информация, в которой сообщалось, что «китайское руководство не уполномочивало Грачева делать от его имени подобные заявления».

Уже этого было достаточно, чтобы поставить точку на итогах визита Грачева в Китай...

Стоит вспомнить и его «легендарный» выезд в Объединенные Арабские Эмираты. Наш министр с гордостью рассказывал, как его принимал арабский шейх, как ласково называл «сыном». Шейх якобы давал Грачеву миллиарды долларов, а заодно и списки оружия, которое его страна хотела заполучить от России. Грачев также высказался в том плане что арабы в общем-то народ малопросвещенный и ничего, кроме песка и лошадей, не видели... И выразил глубокое сожаление, что на занимаемой должности не имеет права торговать оружием. Что после этого началось...

25 апреля 1995 года послы стран Персидского залива в Москве потребовали, чтобы их в срочном порядке принял министр иностранных дел Андрей Козырев. А поскольку он был в командировке, эта неприятная миссия досталась заму Козырева Виктору Посувалюку. Персидские послы в раздраженной форме потребовали извинений от министра обороны России. Но на этом скандал не закончился.

Буквально через час в МИД возвратился посол Объединенных Арабских Эмиратов и еще раз заявил о большом негодовании своего руководства, более того — объявил, что в связи с инцидентом начальник Генерального штаба ОАЭ на празднование Дня Победы 9 мая в столицу России не прибудет.

Самая же большая неприятность заключалась в том, что Эмираты приостановили выполнение договоренностей о поставках российского оружия до тех пор, пока министр оборо-

ны РФ не извинится перед руководством ОАЭ. А это значит, что из-за дипломатических проколов Грачева Россия могла лишиться колоссальных прибылей.

Отношения Грачева с МИДом складывались не всегда гладко. Однажды его взбесило развитие ситуации в Югославии и он заявил, что ни одного своего солдата туда не пошлет. Козырева это насторожило настолько, что вскоре он прибыл в МО на совещание высшего генералитета — урегулировать проблему. Грачеву пришлось сделать откат.

Определенные трения между МО и МИДом возникли еще во время, когда только-только формировались новые отношения России с НАТО. Поначалу Грачев смиренно повторял то, что диктовали ему козыревцы. Но по мере того как приходил опыт, он все чаще начинал говорить своим голосом. Тогда и появились его заявления, что все же есть у русских с натовцами некоторые принципиальные расхождения по ряду моментов.

Грачев перестал хвалить программу «Партнерство во имя мира» и в конце концов заявил, что необходимо разработать и другую — «Россия—НАТО». И объявил, что уже дал поручение Генштабу ее разработать. Две недели мы кропали эту программу. Но натовцы отвергли тогда многие ее положения. Слишком мощным был их напор в восточном направлении...

Весной 1996 года случился новый дипломатический казус с участием Грачева. Уже вскоре после успешного, по его словам, визита на Украину и переговоров с министром обороны Анатолием Шмаровым в Карпатах глава МО РФ сообщил, что приостановил дальнейшую дележку Черноморского флота. Через несколько дней после этого в выступлении на Совете Европы президент Украины Леонид Кучма не удержался и язвительно заявил:

— А что там делить-то? Там и так давно все уже поделено!

...Посетив выставку вооружений в Абу-Даби, Грачев дал телеинтервью, в котором утверждал, что России удалось подписать с иностранцами контракты на продажу отечественного оружия аж на 11 миллионов долларов. Это событие подавалось как мощный прорыв РФ на мировой рынок вооружений, откуда нас особенно активно выталкивали американцы. Каково же было мое удивление, когда буквально через неделю-другую бывший советник президента РФ по вопросам военно-промышленного комплекса Михаил Малей чистосердечно признался в одной из центральных

российских газет, что на самом деле России удалось подписать контракты на общую сумму... в 1 миллион 900 тысяч долларов.

Кому верить? По закрытому телефону я связался с людьми, которые непосредственно подписывали контракты. Один из них честно сказал:

— Малей абсолютно прав...

...Вскоре после октябрьских событий 1993 года Грачев категорически опроверг сообщения некоторых газет о том, что Министерство обороны якобы планировало применение боевых вертолетов по Белому дому.

— А чьи же вертолеты делали разведку над зданием парламента? — поинтересовались у министра газетчики.

— То были вертолеты МВД, — ответил министр.

Так случилось, что в тот же день и примерно в тот же час корреспондент «Интерфакса» брал интервью у командующего авиацией Сухопутных войск генерал-полковника Виталия Павлова, который чистосердечно признался, что сам вылетал на разведку над Белым домом на боевых вертолетах и убедился, что применение с них неуправляемых реактивных снарядов (НУРСов) невозможно, так как осколки разлетались бы на километр и могли бы поразить ни в чем не повинных людей...

ЛЕБЕДЬ

...Июнь 1995 года. Скандал с Лебедем. Причина — несогласие командарма с порядком реформирования его 14-й армии.

Меня эта история уже тоже начинает раздражать. Неужели у Грачева нет более важных дел, чем сворачивание лебедевской армии? Уже и Ельцин «бил его по рукам», и вроде обещал министр все толково сделать — ан нет, опять за свое.

Лебедь прилетел в Москву и положил на стол Главкома Сухопутных войск генерал-полковника Владимира Семенова рапорт об увольнении из армии. Главком начертал резолюцию — «Ходатайствую по существу рапорта» и отправил министру обороны. Грачев дал рапорту ход.

Пока Кремль темнил, журналисты бросились к Грачеву — что думаете об увольнении Лебеда? Министр ответил:

— Ну кто такой Лебедь? Обыкновенный генерал. Хотел служить в армии 23 года — служил. Теперь написал рапорт —

я подписал рапорт. Он хочет стать политическим деятелем — пусть становится им...

Был однажды у Лебеда с одним из журналистов вот такой разговор.

«Вопрос: Александр Иванович, о ваших взаимоотношениях с министром обороны ходят разные слухи. В одном из интервью он признался, что «ранен» вашим решением уйти из армии. Дескать, «тянул» по службе, помогал в жизни, рекомендовал в академию, а вы вдруг в политику ударились, вместо того чтобы «развиваться в военном отношении».

Ответ: Прежде чем читать проповеди, Грачеву следовало бы читать заповеди. А он этого, по моим многолетним наблюдениям, давно уже не делает и еще обиженным притворяется. В холуи я не гожусь и поэтому не служил никогда Ельцину, Горбачеву, Грачеву или еще каким-то дежурным царям. Я служил своей стране, в которой родился и вырос.

Вопрос: Но ведь в прошлом вас с министром обороны связывали дружеские отношения.

Ответ: Я бы сказал, приятельские. Он меня даже в карты научил играть.

Вопрос: И когда же стали расходиться пути-дороги?

Ответ: Приблизительно в 1987 году. В Афганистане. Ему там объяснили, что любому должностному преступлению в этом мире существует денежный эквивалент. Поэтому в 103-й дивизии, которой Грачев командовал, преступлений не было... Зато не переводились послы, посланники, атташе, советники и... холуи, их обслуживающие.

Вопрос: Не совсем ясно, о каких преступлениях речь?

Ответ: Я не хочу бросать дрожжи в помойку прошлого. Про настоящее скажу, что главное преступление Грачева состоит в разрушении армейской школы. Той самой, которую создавали Жуков, Маргелов, другие военачальники с царем в голове. Как бы ни охаивали сегодня Советскую Армию — это была мощная армия, победившая в величайшей из войн, способная в кратчайшие сроки мобилизовать все ресурсы на отпор врагу... При всех издержках воспитания и обучения войск основным критерием всегда была боеготовность. А сейчас это понятие отсутствует. Оно стало анахронизмом. Может быть, с тем «военная реформа» и задумывалась? Но рано или поздно за это придется отвечать...»

Бывшие друзья-десантники со знанием дела отвечивали друг другу увесистые оплеухи.

...Ельцин рапорту Лебеда дал ход. Грачев вышел победителем из долгой и изнурительной схватки, но продолжал бросать в адрес бывшего сослуживца и подчиненного колкие реплики. Бывший командарм наносил контрудары. В июле 1995 года он сказал:

— Грачев слишком быстро — как кот на забор взлетел по служебной лестнице. Продвижение по службе должно быть постепенным потому, что человек, проскакивающий несколько ступеней, может оказаться неподготовленным к тому, чтобы служить в новой должности.

Еще один генерал, немало пострадавший от Грачева, — бывший замминистра обороны Борис Громов, развивая ту же мысль, сказал в одном интервью, что проскочивший несколько очень важных служебных ступеней Павел Сергеевич оказался не готовым к должности министра обороны и остался с мышлением командира дивизии...

Неприятие Грачева некоторыми высшими генералами, наверное, было бы слишком прямолинейно объяснять только ревностью или завистью. Тут было много иных причин. Грачев, мне кажется, все свои годы на Арбате прожил в тайном страхе перед тем, что кто-то из более авторитетных, более опытных и более умных генералов подсидит его. Таких он старался держать подальше от своего кресла...

СУД

В сентябре 1995 года разразился очередной скандал. Грачев не явился в суд для разбирательства уголовного дела, связанного с публичным оскорблением министра обороны РФ заместителем главного редактора газеты «Московский комсомолец» Вадимом Позгли (материал «Паша-мерседес», вор должен сидеть в тюрьме», опубликованный в октябре 1994 года).

Начальник Генерального штаба Михаил Колесников прислал в суд письмо, в котором мотивировал невозможность появления Грачева на слушаниях по уголовному делу тем, что министр занят проверкой подготовки подмосковных гарнизонов к зиме.

Отговорка была настолько примитивной, что Грачев даже не посчитал необходимым придерживаться этой версии и уже

на второй день откровенно признался прессе, что в суд умышленно не собирается идти, поскольку там «разыгрывается шоу» (судья Говорова вынесла решение, по которому Грачева должны были привести в суд под конвоем).

У Позгли было солидное досье с документами (особенно по Западной группе войск, по незаконному приобретению Грачевым «мерседеса» за счет средств, предназначенных для строительства жилья для военнослужащих), и министр обороны мог бы иметь очень бледный вид в ходе серьезного разбирательства.

Ближайшие советчики Грачева ломали голову над тем, как помочь своему шефу побыстрее замять скандал. Ситуация складывалась идиотская: министр обороны, которого публично называли вором и который был лицом пострадавшим, из обвиняющего мог превратиться в обвиняемого...

Ельцин высказал недовольство поведением Грачева, и тот все-таки пообещал на суд явиться. В Минобороны стали спешно создавать «группу поддержки министра». Самую активную озабоченность при этом демонстрировали начальник Управления делами МО генерал Владимир Никитин и начальник Главного управления воспитательной работы Сергей Здориков. Была сформирована группа минобороновских клакеров. Переодетые в гражданку, они громко и дружно скандировали:

— Павел Сергеевич, мы с вами!

— Мы — победим!

Позгли суд Грачеву проиграл. Все разбирательство свели к спору — вор или не вор министр и имел ли право журналист так его называть.

Весной 1997 года решение суда будет отменено...

ЧЕХАРДА

В конце сентября 1995 года министр неожиданно даже для самых приближенных персон из своего аппарата убыл на пресс-конференцию в агентство «Интерфакс», где сделал несколько громких заявлений по вопросам внутренней и внешней военной политики.

На этих заявлениях стоит остановиться особо хотя бы потому, что одни из них не соответствовали действительности, другие были неуклюжи, а третьи подтверждали недальновидность военного министра. Были и такие, которые шли вразрез с позицией Ельцина или подставляли его.

Грачев, в частности, заявил, что президент на предстоящей сессии Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке предложит создать объединенные миротворческие силы НАТО и России в Боснии.

Мне поначалу подумалось, что это преждевременное «раскрытие карт» санкционировал сам Ельцин. Но уже на другой день мой сослуживец, прикомандированный к одному из отделов МИДа, сообщил, что на Смоленской площади удивлены заявлениями Грачева, которого никто не просил «бежать впереди паровоза». И тут же последовало сообщение из США, в котором говорилось, что в аппарате Клинтона «ввиду несерьезности» даже не стали обсуждать эту идею.

В 20-х числах октября, находясь с визитом в Париже, Ельцин отверг карт-бланш своего министра обороны и заявил: «Никакого командования НАТО над нашими подразделениями!» Но несостоятельность заявления Грачева заключалась не только в том, что он слишком много взял на себя, «побежав впереди паровоза».

По сути, идея создания объединенного российско-американского командования миротворческих сил НАТО в Югославии могла стать на практике одной из форм практического сотрудничества Москвы и НАТО (что и произошло). Но тогда это не вязалось с недовольством Кремля продвижением НАТО на восток (из-за этого мы отказывались от совместных военных маневров сначала в США, а потом в Чехии в сентябре—октябре 1995 года).

Выступая 8 сентября на пресс-конференции в Кремле (в период активных бомбардировок натовскими самолетами позиций сербов), Ельцин неожиданно заявил о возможном создании военно-политического союза из республик бывшего СССР. Выступая в «Интерфаксе», Грачев отрицательно оценил эту идею и сказал буквально следующее:

— Это мы уже проходили в прошлом. И если скатиться на грань холодной войны, как было раньше, то ни к чему хорошему это не приведет ни для НАТО, ни тем более для нового блока во главе с Россией... Речь сейчас надо уже вести не о блоковом противостоянии, а о единой Европе в системе безопасности...

Заявление было правильным, но опасным. Оно шло вразрез с только что высказанной мыслью Ельцина о возможности создания военно-политического союза.

Пройдет совсем немного времени, и Грачев во время визита в Грецию в конце октября скажет уже совсем другое:

— Хотя мы и против блоковой системы, мы будем вынуждены решать с рядом государств бывшего СССР вопрос о создании какого-нибудь военно-политического блока. Более того, если, игнорируя заявления России, процесс расширения НАТО будет наращаться быстрыми темпами, то России придется, видимо, искать партнеров в Юго-Восточной и Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Таких партнеров, я думаю, найдем...

Пожалуй, самое опасное для военачальника такого ранга — отсутствие принципов.

Единственный принцип, которого Грачев твердо придерживался, — будущая система безопасности в Европе должна создаваться под эгидой Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). И с политической, и с военно-стратегической точки зрения она была верной, и мало кто из аналитиков МО и ГШ с ней не соглашался. Ибо действительно, Европе вполне по силам навести порядок в своем доме без заокеанской помощи. Единая система европейской безопасности «отодвигала в сторону» американцев, а заодно и лидирующую роль НАТО в данном процессе.

В этом и состоял давний и главный тезис нашего подхода к проблеме.

Но американцы постоянно отклоняли его и упорно вели дело к расширению Североатлантического альянса и его функций в Европе и мире. Россия же, кроме недовольства этим, никаких практических действий в ответ не предпринимала.

Мы теряли стратегическое время.

Мы даже не сделали сильных попыток перехватить у американцев инициативу в споре и навязать убедительную систему контраргументов. И тон обязаны были задавать люди не с Арбатской, а со Смоленской площади. Как бы ни был высок Кремль, а из него не всегда далеко видно.

Над западными границами России все явственнее нависала тень НАТО...

* * *

В «Красной звезде» 14 октября появилось сообщение, что в адрес министра «поступают обращения от трудовых и воинских коллективов, общественных организаций с просьбой дать согласие баллотироваться кандидатом в депутаты». Далее приводился длинный перечень заводов, фабрик, ак-

ционерных обществ и объединений и даже 23 военных со-
вхозов, которые страстно желали видеть министра обороны
в Думе.

Нетрудно было догадаться, что идея этой «мыльной опе-
ры» принадлежала одному из руководителей Главного уп-
равления воспитательной работы, большому мастеру в сфе-
ре политической бутафории...

Кто-то из въедливых генштабистов выяснил к тому же,
что в армии уже не было такого количества военных свино-
ферм, труженики которых горели желанием видеть военно-
го министра в парламенте...

Мой сослуживец полковник Евгений Лукашеня по этому
поводу остроумно пошутил:

— В армии все-таки свиней меньше, чем кому-то кажется...

БОСНИЯ

...7 октября 1995 года генерал Грачев в сопровождении
большой свиты генералов и офицеров вылетел в Женеву на
встречу с Перри, чтобы обсудить с ним ситуацию в Боснии и
дальнейшее участие России в программе НАТО «Партнер-
ство во имя мира».

Накануне мне удалось просмотреть документы, которые
должны были лечь в основу заявлений Грачева на перего-
ворах, отражающих позицию России. Меня поразило, что
почти вся документация была очень сырая, и можно было
предвидеть, что американцам не составит большого труда
уложить нашего министра на обе лопатки.

Идеи, которые собирался озвучить Грачев, были очень
слабо просчитаны с точки зрения последствий. Одна из них,
например, заключалась в том, чтобы создать коалиционные
миротворческие силы в Боснии. Это значило, что Россия ста-
новится по одну сторону с НАТО, самолеты которого про-
должали бомбить сербов. Это значило, что Россия согласна
идти на поводу у командования НАТО, принимает его усло-
вия игры и берет на себя те же жандармские функции.

Но кто мог гарантировать, что в случае неуклюжего пове-
дения миротворческих (читай, натовских) частей и сербы, и
хорваты, и мусульмане не сгруппируются и гуртом не станут
всех нас бить.

Но и это еще не все. Грачев настаивал, чтобы в составе
миротворческих коалиционных сил были не только США и

Россия, но и воинские контингенты других государств — «в первую очередь, граничащие с республиками бывшей Югославии». Когда в конфликт начинают вмешиваться непосредственные соседи, к тому же имеющие пограничные и другие претензии, — это нередко плохо заканчивается...

Встреча в Женеве, по сути, ничего не прояснила. Шла большая игра, в которой американцы жестко преследовали свои цели и добивались, чтобы мы играли по их правилам. К тому же предстояла встреча Клинтона и Ельцина в США, и Перри очень хотелось преподнести своему президенту «подарок» в виде «победы» над русскими, которых удалось одурaczyć. Но этого не случилось. Российский и американский министры обороны разъехались, лишь в самых общих чертах договорившись о подходах сторон к организации миротворческой акции в Боснии...

* * *

25 октября 1995 года Грачев срочно вылетел в США на переговоры с американским министром обороны. Основной вопрос тот же, что и в Женеве, — принципы участия воинского контингента России в международной миротворческой операции на Балканах.

Днем раньше из США возвратился неважно чувствующий себя Ельцин. Из-за этого он так и не смог дать министру подробных указаний, каких позиций надо было придерживаться на переговорах с Перри. Сам он не сумел выиграть у Клинтона ни одного вопроса (за исключением разве что согласия американцев на некоторые уступки по Договору о фланговых ограничениях). И тем не менее еще в США Ельцин заявил, что все вопросы по этому договору сняты, хотя американцы в тот же день бабахнули: такой оптимизм русского лидера «чрезмерный». (Тут уместно сейчас вспомнить откровения бывшего пресс-секретаря президента В. Костикова: «Как всякому человеку, ему (Ельцину Б. Н. — В. Б.) нужны были позитивные эмоции. Когда их долго, мучительно долго не было, приходилось прибегать к паллиативам, иногда рассказывать басни».)

В США Ельцин заявил, что российский контингент в Боснии будет действовать самостоятельно и на свои деньги. Но не успел президент РФ подняться в воздух с американского аэродрома, как представители Белого дома стали говорить, что русским будут поручены вспомогательные задачи в ходе

проведения операции натовскими войсками в Боснии — строительство мостов, разминирование, охрана складов, сопровождение грузов, прием и обустройство беженцев и т. д. Ельцин никак на это не отреагировал.

Грачев получил установку — не соглашаться на действия российского миротворческого контингента в Боснии под эгидой натовских генералов. Предписывалось также не соглашаться и на унижительные для России вспомогательные функции. «Мы не можем согласиться и не согласимся здесь со второстепенной ролью, — сказал Грачев в беседе с журналистами. — Таково было поручение президента, такова была и моя позиция».

У Грачева было пять вариантов ведения переговоров, но все они имели свои слабые стороны.

Скорее всего, поэтому много часов побеседовав с Перри, Грачев настолько запутался сам и запутал американцев, что журналисты в весьма раздраженной форме стали обвинять российскую военную делегацию в отсутствии четких позиций. Но разве в том была вина Грачева? Ельцин «бросил его на камни», послав в Америку разгребать завалы, которые сам не смог преодолеть.

Самостоятельно принимать окончательные решения Грачев не мог, это было слишком рискованно.

Уже шел третий день переговоров, а по-прежнему оставалось неясным — чего же мы добились, чего хотим? Когда же американцы неожиданно пошли на кое-какие уступки, смягчился и Грачев. Но потом, наверное, сообразил, в какой политической мышеловке мы можем оказаться. И сделал единственно верный в той ситуации ход — он стал говорить, что окончательное решение должно быть за президентом (в том и беда, что слишком много у нас «за президентом»).

Американцы синели от негодования. Это значило, что им предстояло опять нестись в Москву и опять «допрашивать» русских — чего же вы хотите? Да к тому же они помнили и уверение Ельцина, данное при Клинтоне, что все военные вопросы будут окончательно утрясены военными министрами (а военные министры, как бы чего не вышло, брать на себя личную ответственность боялись, оставляя последнее слово «за президентом»). Такой «футбол» очень удобен для министров, но ущербен для страны).

Огромное стадо военных и гражданских лиц, сопровождавших Грачева, дружно бродило за ним по США. Что могли эти люди? Что мог сам Грачев? Да ничего, кроме того, что

повторять тезисы своего президента и слать в Москву телеграммы с просьбой уточнить тот или иной вопрос. А в Москве тоже не хотели брать ответственность на себя и советовали «действовать по обстоятельствам».

Незадолго до отлета Грачева в США по каналам МИДа поступил документ, в котором говорилось, что, по мнению западных аналитиков, целесообразно использовать российский контингент в Боснии в качестве рабочей силы с тем, чтобы Россия могла таким образом зарабатывать деньги на содержание своих солдат в Югославии...

Офицер ГШ, сопровождавший министра обороны в США, позже подтвердил, что представители нашего МИДа несколько раз апеллировали именно к тому, что «американцы предлагают нам дельные вещи». Имелась в виду «самоокупаемость» российского миротворческого контингента в Югославии. Если Грачев, естественно, согласится на хозработы. Это в какой-то мере демонстрировало нашу независимость от кошелька НАТО.

Прорабатывалась тогда и другая идея: чтобы решить проблему оплаты наших миротворческих войск в Боснии, американцы советовали, чтобы сербы брали наших солдат на продовольственное и иное обеспечение за счет расплаты за российский газ, который РФ перекачивала им. Судя по тому, что во время визита в США Ельцин заявил, что «каждая сторона должна платить за себя», эта идея могла быть реализована, и потому Грачев не отказывался от нее.

Но все члены российской военной делегации помнили и другое заявление Ельцина, сделанное им опять-таки в присутствии Клинтона, — о том, что мы категорически не согласимся на то, чтобы нашими войсками командовали натовские генералы. Однако в ходе грачевского визита о «категорическом несогласии» Ельцина все стали словно забывать...

И судя по тому что все чаще министр обороны начинал говорить о «коалиционном командовании», — американцы сумели уломать его. И это значило, что мы будем вынуждены идти на поводу у американцев.

Происходило то, чего больше всего мы остерегались. Наши генштабисты задолго до переговоров Грачева с американцами денно и ночно прорабатывали возможные варианты участия Вооруженных Сил России в миротворческой операции. Анализ деятельности руководства США и НАТО показывал, что они стремились создать предпосылки для закрепления Североатлантического блока на Балканах, вы-

теснения России из региона и превращения альянса в единственный инструмент урегулирования кризисных ситуаций в будущем. Одновременно США и их западноевропейские партнеры стремились создать благоприятные условия для расширения блока.

Мы тихо проигрывали «сражение за Европу».

...Полковник-генштабист из состава российской военной делегации рассказывал:

— Встречали нас американцы с традиционным своим понтом — пушечки на лужайке, пальба, музыка.

Уже во время первой своей беседы с Перри Грачев поплыл и задергался. Перри диктовал условия. Грачев отбивался как мог. Все, что он сумел выбить из-под Перри, так это то, чтобы в официальном названии миротворческой операции не присутствовало слово НАТО. На том первый день переговоров и закончили.

Грачев вечером к рюмке не прикладывался — я судил об этом по его свежему внешнему виду на следующее утро. То был красноречивый знак: когда Грачеву было трудно на переговорах, он не позволял себе расслабляться. В том же режиме жили и другие члены военной делегации.

На другой день мне стало абсолютно ясно, что американцы имеют четкий план и пункт за пунктом ведут по нему Грачева. И хотя тот продолжал упираться, все это было лишь жалкой видимостью упорства.

Возвращались в Москву с гадким настроением. Было такое ощущение, что нас обманули. И жутко обидно было оттого, что американцы, когда-то уважавшие нас, сегодня разговаривают как с какими-то папуасами. Комплекс бедности давит нас по всем статьям. Американцев же распирает сознание собственного превосходства. У них деньги — они диктуют условия...

* * *

Результаты переговоров в США невозможно было понять. Я давно заметил, что так случалось почти всегда, когда у нас не было успеха, когда российская сторона шла на явные уступки, которые могли вызвать яростную критику оппозиции. Но уже более-менее ясно было одно: мы начинаем играть по американским правилам, лишь для приличия декларируя самостоятельную позицию на Балканах. Это подтверждалось и тем, что сразу по возвращении из США Грачев

должен вылететь в штаб-квартиру НАТО в Бельгии для «работки деталей операции»...

* * *

До отлета в Брюссель 8 ноября 1995 года Грачев должен был встретиться с Ельциным в Кремлевской больнице. Но эта встреча не состоялась, что еще больше убеждало — со здоровьем у президента худо. Грачев улетел без ельцинских наставлений.

Некоторые офицеры ГШ высказывали в связи с этим догадки: Ельцин не только серьезно приболел, но и не хочет брать на себя ответственность за то, что Россия оказалась в американской мышеловке на Балканах.

Ельцин принял Грачева после Брюсселя. Во время беседы Грачев постоянно акцентировал внимание президента на том, что он четко выполнил его указания и таким образом «достигнут успех». Хотя по большому счету ни о каком успехе не могло быть и речи. Паллиативы.

Российский воинский контингент в Югославии поступал под командование натовского генерала, и, следовательно, главная задача, сформулированная еще во время последнего визита Ельцина в США, не была выполнена.

Ситуация складывалась примерно такая: над нами назначают начальником Ивана Ивановича, имеющего криминальное прошлое. По этой причине мы не соглашаемся, но оговариваемся, что как Ивану Ивановичу ему не подчиняемся, но как генералу — да. Аналогичного «успеха» добился и Грачев.

Не меняло сути проблемы даже то, что заместителем командующего силами НАТО в Европе генерала Джоулвана назначался заместитель начальника Главного оперативного управления ГШ генерал-полковник Леонтий Шевцов (один из идеологов бездарно спланированной войсковой операции в Чечне).

Во время пресс-конференции для журналистов Грачев с гордостью заявил, что все распоряжения до российской бригады намечено доводить за подписями Джоулвана и Шевцова, «минуя натовских руководителей». Логика, рассчитанная на дураков, ибо ни один приказ Джоулвана, как раз и являющегося натовским руководителем, не мог быть отдан без согласования со штабом НАТО.

Еще один грубый просчет Грачева заключался в том, что он дал согласие на то, чтобы зоной действия наших мирот-

ворцев стал Посавинский коридор — стык границ всех трех враждующих сторон, самое горячее место. Получалось так: российским войскам вроде бы отводились вторые, «обслуживающие» роли и в то же время они должны были получить боевую задачу на действия в самом пекле боснийской проблемы.

Единственная позиция, с которой не отступил Грачев, — вопрос о том, что контроль за миротворческой операцией должен быть совместным — Россия плюс НАТО.

Наблюдая за стремительными перелетами нашего министра обороны по маршруту Москва—Вашингтон—Брюссель, я часто думал о том, что хорошо бы всю эту энергию да бросить на Кавказ, где вгрызались в мерзлую землю российские войска, готовясь к годовщине «странной войны»...

Во время пресс-конференции, на которой Грачев сообщал журналистам о своем брюссельском визите, министр убеждал газетчиков, что «состояние Бориса Николаевича хорошее, он работоспособен, держит всю обстановку в своих руках, дает четкие, обоснованные указания». И даже «работает очень много».

Но и этого Грачеву показалось мало. Министр посчитал необходимым возвратиться к этой теме еще раз. И он опять делал мощные акценты на том, что Ельцин находится в хорошем физическом состоянии...

Несчастлива та страна, в которой ложь о самочувствии «отца нации» становится критерием личной преданности ему...

* * *

Еще до того как Грачев бодро доложит больному Ельцину о своем брюссельском триумфе, неожиданно выяснилось, что все его маневры и решения противозаконны.

Дело в том, что по существующему Закону о предоставлении гражданского и военного персонала для миротворческих контингентов РФ за рубежом любое использование войск за пределами России должно осуществляться только с согласия парламента (ведь даже в США без согласия конгресса Клинтон не имел права посылать своих солдат в Югославию). Эти требование закона откровенно игнорировались.

В середине ноября 1995 года вышла директива Грачева, в которой детально расписывалось, какие части и подразделения, в каком количестве, кому, как и к какому сроку подготовить к отправке в Югославию. Накануне проект директивы про-

смастривал начальник Генштаба Михаил Колесников. В аппарате Грачева предлагали сформировать нашу бригаду из 2 тысяч военнослужащих-контрактников. Колесников сделал свои правки. Он снизил численность до 1,5 тысячи, а слово «контрактников» вообще вычеркнул из проекта директивы, что само по себе уже являлось грубым нарушением закона, поскольку он строго оговаривал, что в миротворческой деятельности должны принимать участие только контрактники. Подобные вольности нашим генштабистам были не в новинку.

В своей директиве министр обороны определил, что несколько десятков офицеров должны быть подготовлены для отправки в Югославию в одной из десантных дивизий. Но Грачев при этом не придавал значения тому факту, что части именно этой дивизии готовились на замену тем, кто находился в Чечне.

Это и послужило причиной взрыва ажиотажа в соединении. Быстро сообразив, что Босния — не Чечня, многие офицеры дивизии стремились любым способом попасть в список счастливиц. В Югославии можно было неплохо заработать. И с минимальным риском для жизни. В Чечне была очень большая вероятность заработать пулю в лоб.

Справка Генерального штаба ВС РФ гласила, что в соответствии с резолюцией 45/258 ГА ООН от 3 мая 1991 года действуют стандартные ставки возмещения расходов государств, поставляющих военные контингенты. На каждого военнослужащего (всех званий) в месяц выплачивается по 988 долларов США. Кроме того, дополнительно выплачивается по 291 доллару США (то есть всего 1279 долларов) на каждого. Это больше чем в 5 раз превышало денежное содержание военнослужащего, находящегося в Чечне. А поскольку желающих поехать в Югославию было гораздо больше необходимого числа, то в ход пошли взятки. Начались скандалы и подсижки. Генштабу пришлось в срочном порядке «оздоровлять ситуацию в воинском коллективе»...

* * *

...После Вашингтона Павел Грачев лишь на день появился в Москве и тут же вылетел в Грецию, где должен был провести весьма сложные переговоры со стороной, которая вместе с Турцией и Норвегией наиболее активно выступала против внесения корректив в Договор о фланговых ограничениях.

Судя по тому что греки с удовольствием отозвались о подписанном с Россией соглашении о военно-техническом сотрудничестве, Грачев сумел пойти навстречу их желаниям приобрести некоторые виды новейших наших вооружений. То был хороший ход. Он делался ради того, чтобы никто не мешал нам прикрыть фланги таким количеством боевой техники, какое было необходимо ввиду продвижения НАТО на Восток и угрозы разрастания войны на юге...

СОВЕЩАНИЕ

15 ноября 1995 года состоялось совещание высшего командного состава Российской армии. Грачев открыл его небольшой вступительной речью. Он сказал, что, несмотря на все невзгоды, Вооруженные Силы «в целом» поставленные задачи выполнили. Потом слегка поплакался о кризисе в финансировании армии, очень аккуратно обходя вопрос о том, кто именно не дает денег.

С основным докладом выступал начальник Генштаба генерал армии Михаил Колесников, Грачев несколько раз делал комментарии, вызывавшие повышенный интерес зала. Министр жестко проехался по Комитету Госдумы по обороне, назвав его антиармейским и заявив, что председатель комитета полковник Сергей Юшенков активно блокирует почти все благие намерения Минобороны и Генштаба по ряду важнейших вопросов военной политики. Вот почему, сказал Грачев, военные и идут в Думу: там для армии нужны люди, которые будут способны отстаивать ее интересы и принимать нужные ей законы.

Но, пожалуй, самым острым был грачевский комментарий по поводу того, что «есть определенные люди, ошивающиеся вокруг президента», которые убеждают Ельцина в том, что необходимо более решительными темпами сокращать армию. Министр с возмущением заговорил о том, что ему велено до 1 июля 1996 года довести численность Вооруженных Сил до 1 миллиона 450 тысяч человек. В резко отрицательной форме отметя эту идею, Грачев заявил, что 1 миллион 700 тысяч человек есть тот предельно низкий рубеж, за который отступать нельзя.

Зал одобрительно загудел...

Когда Грачев говорил толковые вещи, отвечающие помыслам не только высшего генералитета, — всех, кто пережи-

вал за безопасность России, он на глазах преобразался в командира, за которым безоглядно можно было идти в бой. Он снова становился тем, афганским Грачевым, который был честен, надежен и смел, рядом с которым каждый чувствовал себя сильнее...

Когда пошли выступления главкомов и заместителей министра, Грачев бросил в зал реплику: «Все у нас плохо, но мы еще продержимся. В каком еще государстве возможно такое, чтобы генералы так оценивали состояние армии и оставались на местах? В других странах они бы давно разбежались».

Люди опять согласно зашумели...

Через час после этого иностранный журналист спросит у Грачева: кого он видит на посту нового президента России и какова будет его позиция, если Ельцин уйдет?

Никого больше не увидев на посту президента, кроме Ельцина, Грачев заявил, что он — член команды президента и ни с кем больше не хотел бы иметь дело.

— Коней на переправе не меняют, — многозначительно сказал министр.

— Но меняют седоков, — бросил кто-то негромкую реплику...

Много раз слыша едкие реплики в его адрес, читая ядовито-критические статьи о нем, я задавал себе один и тот же вопрос: «Почему же его так часто шпыняют?» Ведь Паша вроде свой же мужик в доску...

— Был своим до тех пор, пока в дерьмо политики не влез, — так отвечал на мучивший меня вопрос друг и духовный наставник отставной полковник Петрович.

Я это уже слышал. И когда Грачев уйдет, я снова услышу, что «во времена российской демократии надо быть преданным президенту и воровать так, чтобы этого никто не видел».

— Главная трагедия Грачева в том, — говорил мне Петрович, — что он был министром обороны Ельцина, а не России...

— Министру обороны нельзя любить президента как Грачев и ненавидеть как Родионов, — добавил мой вечный оппонент полковник Цокотухин.

* * *

...Я встретил Грачева в коридоре в окружении множества журналистов. Он был явно польщен вниманием к своей персоне. По-клинтоновски держа одну руку в кармане и раска-

чиваясь с носков на каблуки своих ярко блестящих ботинок, он спросил:

— А почему, ответьте мне, у прессы такое большое внимание к моей фигуре?

Толпа дружно безмолвствовала. Это молчание становилось уже неловким. Наконец, не выдержал корреспондент «Интерфакса» Виталий Джибути и сказал Грачеву:

— Наверное, потому, что вы много знаете.

Это Грачева явно не устроило.

— А почему же тогда пресса уже четыре года бьет меня в хвост и гриву? — спросил Грачев.

И опять — в ответ молчание.

— Ну, тогда я сам отвечу, — с какой-то удивительно человеческой откровенностью сказал Грачев. — Потому, что в этом доме я был чужаком.

И тут же ушел...

ПАТРИАРХ

...В середине ноября 1995 года министр обороны встретился в Свято-Даниловом монастыре Москвы с Патриархом Московским и всея Руси Алексием II. За столь пикантным мероприятием легко угадывалась направляющая рука начальника Главного управления воспитательной работы МО генерала Здорикова. Он взял на себя роль человека, курирующего политическую линию поведения министра на людях: то интервью организует, то докладик напишет, то нужного человека к Павлу Сергеевичу заманит, то сразу 20 детишек. Какого-то конкретного повода для встречи министра и Патриарха не было, разве что близящаяся годовщина войны в Чечне.

Грачев взял с собой в монастырь огромную свиту генералов. Все они во главе с министром чувствовали себя в монастырских покоях настороженно и угловато. Ни один из генералов не перекрестился, а сам Грачев супротив элементарных канонов даже не подошел к Патриарху под благословение...

Наверное, все люди, делающие первые шаги к Богу, выглядят столь же неуклюже. Но главное — делают.

Больше в России верить не в кого.

— Что, чеченские грехи отмаливать явились, супостаты окаянные?! — зло сказала мне московская старушенция за воротами монастыря. — Не получится!

Мой знакомый, тоже ставший очевидцем этих сцен в святом месте, делился своими впечатлениями:

— И как горько совпадали два высказывания: министра обороны, поведавшего миру несколько месяцев назад о том, что «мальчики в Чечне умирают с улыбками на устах», и Патриарха, не заметившего у раненых «афганского синдрома»: «Все они были рады, что скоро вернутся домой, исполнив свой долг».

Трудно критиковать его Святейшество, наверное, это грех, однако все очевиднее раздвоение личности: главный пастырь уступает официальному руководителю церкви, одному из винтиков государственной машины...

Да, многие мальчишки, которых посылают сегодня на смерть, шепчут молитву. Чаще всего псалом 90-й, который в народе еще называют «Живые помощи». Но если бы Грачев со своей свитой знали, о чем эта молитва, они бы постыдились ехать к Патриарху...

ЧЕРНОМЫРДИН

Тот факт, что премьер-министр российского правительства 15 ноября 1995 года не нашел возможности побывать на совещании командного состава Российской армии и встретиться с высшей военной элитой (хотя пообещал министру обороны «заглянуть минут на сорок»), вызвал негативные отклики среди генералитета. Я слышал очень колкие реплики из уст участников совещания, которые в иные времена стоили бы им должности.

У меня не было никаких сомнений, что сам Черномырдин тогда прекрасно понимал, что в предвыборном контексте его встреча с военными была выгодна по всем статьям. Но в отсутствие больного президента Черномырдин каждым своим шагом давал Ельцину понять, что не делает никаких движений, за которыми бы угадывалось его стремление укрепить свой политический вес.

Тем более в армии, за которой крайне ревностно присматривала вся президентская команда. И появление Черномырдина на совещании высшего руководящего состава кое-кем в Кремле могло бы быть неправильно истолковано... Но не использовать возможность для того, чтобы за месяц до выборов не склонить военных на свою сторону, премьер не мог.

Вице-премьер Большаков, присутствовавший на совещании, доложил «ЧВС» о том, что генералитет серьезно недово-

лен решением многих проблем, зависящих непосредственно от правительства. Черномырдин, в свою очередь, довел эту информацию до президента и получил «добро» на встречу с высшим генералитетом. Он действовал крайне аккуратно.

17 ноября 1995 года министр обороны Грачев неожиданно протрубил «большой сбор» среди своих заместителей в связи с тем, что все они должны были встретиться с Черномырдиным.

Премьер на встрече с высшим руководящим составом армии торжественно объявил, что все долги государства Вооруженным Силам по денежному содержанию военных (2,6 триллиона рублей) будут уже к декабрю погашены. Генералитет встретил это сообщение восторженно. Чуть ли не до слез расчувствовавшийся министр обороны «заглотил» эту наживку вместе с крючком.

— Нашим командирам теперь ясно, кто есть кто. Раньше военные не высказывали своих предвыборных симпатий какому-либо политическому движению. Сегодня наши симпатии определились — они на стороне «Нашего дома — России». Теперь мы знаем, за кого отдавать свои голоса. Я не стесняюсь заявить об этом прямо в присутствии прессы.

Затем Грачев, обращаясь к подчиненным, сказал о том, что необходимо довести «до каждого лейтенанта» поименно фамилии тех, кто голосовал в Думе за отмену ранее принятого закона, в котором определялись увеличенные сроки службы военнослужащих.

И это прозвучало уже как угроза...

ПРОЗРЕНИЕ

В Государственной думе начался переполох. «Выбор России» и «Женщины России» поставили на голосование вопрос об отставке министра обороны, инкриминируя ему «агитацию в армии».

Для импичмента Грачеву не хватило чуть более 20 голосов. И хотя было абсолютно ясно, что такое голосование никакой угрозы для карьеры министра не несет, поскольку его судьба всецело в руках президента, все же шумиха об «очередной» отставке заставила Грачева и его ближайшее окружение немало понервничать. Министерство пережило в тот день еще одно легкое землетрясение.

Лидер думской фракции «Женщины России» Екатерина

Лахова не только инициировала вопрос об импичменте, но и обратилась лично к Ельцину с весьма жестким требованием немедленно сместить министра обороны. В обращении, в частности, говорилось, что министр обороны Павел Грачев, выступая на совещании руководящего состава Вооруженных Сил России 17 ноября 1995 года, со свойственной ему прямолинейностью и простотой приказал личному составу Вооруженных Сил России поддержать на выборах 17 декабря 1995 года политическое объединение «Наш дом — Россия». Похоже, писала Лахова, что г-н Грачев считает армию своей вотчиной, а офицеров и солдат — граждан России, наших мужей и сыновей, — своими холопами, а потому позволяет себе распоряжаться их голосами. Это откровенное неуважение к правам человека и гражданина, пренебрежение действующей Конституцией.

Политическое движение «Женщины России» рассматривало этот маневр министра как очередное проявление его несдержанности и обещало армии и родителям военнослужащих сделать все, чтобы добиться отставки Грачева с занимаемого им поста...

Запахло жареным. Придворные министра в панике соображали, как «заткнуть рот» Лаховой и ее фракции. Было решено использовать старый и испытанный прием — пригласить на «теплую» беседу «Женщин России» и отбить у них охоту добиваться отставки министра. Тем более что среди членов фракции немало было таких, у которых сыновья служат в армии...

И уже на второй день (24 ноября 1995 года) после встречи женщин с Грачевым «Красная звезда» восторженно сообщила:

«Екатерина Лахова: «После встречи с министром для нас многое прояснилось».

Как все просто. Достаточно встретиться с министром лично — и отрицательное мнение о нем тут же становится положительным.

Грачев опять удержался.

ПЛАЧ КОЗЫРЕВА

В 20-х числах ноября 1995 года Грачев был втянут в очередную политическую интригу. Министр иностранных дел Андрей Козырев в ходе интервью «Интерфаксу» громко «расплакался» и посетовал на то, что российский МИД не распо-

лагает информацией о содержании переговоров министра обороны Грачева с НАТО относительно участия российского контингента в миротворческой операции в Боснии. «Судя по сообщениям печати, — сказал он, — Грачев напрямую докладывает президенту Ельцину». Глава МИД отметил также, что его ведомству не только не поручалась координирующая роль, но и его мнение не запрашивалось.

Почти то же самое Козырев сказал и во время встречи с министром иностранных дел Туркмении Борисом Шахмурадовым: «МИД России не в курсе содержания тех позиций и тех предложений, с которыми выступает министр обороны Павел Грачев на переговорах с НАТО».

Это было странно. Ведь буквально на днях мы получили из Брюсселя шифровку от нашего посла с четкими советами, какой именно позиции Грачеву следует придерживаться. Наши генералы-направленцы из Генштаба до этого регулярно бывали в МИДе, где их основательно «прокачивали» по боснийской проблеме.

Однажды меня осенило: Козырева по указке из Кремля просто потихоньку выводят из игры. Но то была лишь догадка. А пресса уже всю муссировала вопрос о противоречиях между МО и МИДом.

Вскоре после сенсационных откровений Козырева состоялась коллегия Минобороны. Грачев попросил высших генералов высказать свое отношение к заявлениям главы международного ведомства. Коллегия пришла к выводу, что никаких противоречий между МО и МИДом нет. Это решение мигом было передано в средства массовой информации. Жизнь на Арбате часто требовали от генералов делать хорошую мину при плохой игре...

Еще ранней осенью 1995 года к нам в МО просочилась из Кремля информация о том, что у Ельцина и его окружения уже вызывает раздражение та мягкость, с которой Козырев вел с американцами переговоры по «Партнерству во имя мира» и по проблемам расширения НАТО на восток (весьма жесткую позицию по этому вопросу занимал пресс-секретарь Ельцина Костиков, из-за чего между ним и Козыревым обозначились принципиальные разногласия, повлиявшие на их отношения).

8 сентября на пресс-конференции в Кремле и Ельцин сделал жесткое заявление, что Россия будет вынуждена принять адекватные меры вплоть до создания военно-политического союза.

Козырев уже вскоре смягчил это заявление президента, чем опять вызвал в Кремле недовольство. Советник Ельцина по внешней политике Рюриков четко занимал сторону президента. Думаю, не случайно, что именно тройка Ельцин—Рюриков—Грачев в Кремлевской больнице прорабатывала позиции России в бывшей Югославии, не считая необходимым посвящать в эти детали министра иностранных дел...

Самолюбивый Козырев затаил обиду. Она выплеснулась из него через несколько месяцев. Уже на исходе 1995 года, имея в кармане мандат депутата Государственной думы и потихоньку «пакуя чемоданы» в своем кабинете на Смоленке, Козырев не упустил случая отомстить Грачеву. Он сделал неожиданное заявление для прессы («Интерфакс» 28 декабря 1995 года) в котором обвинил министра обороны в том, что тот якобы во время визита в штаб-квартиру НАТО в Брюсселе вел речь «о слиянии Вооруженных Сил России с НАТО».

— О каком слиянии двух мощнейших военных машин может идти речь, если мы по операции в Боснии еле-еле договорились? — сказал Козырев и добавил, что ничего не знал о намерении Грачева выступить с подобным предложением...

Сотрудники аппарата министра обороны в срочном порядке перешерстили все речи, с которыми выступал Грачев в Брюсселе, и ни в одной из них не нашли слов о «слиянии с НАТО» или объединении.

ТЕЛЬ-АВИВ

30 ноября 1995 года Грачев отправился с визитом в Израиль. За 30 лет службы в армии и почти половину из них — в центральном аппарате МО и ГШ, я не мог припомнить случая, чтобы министр обороны встречал за кордоном день начала нового учебного года в своей армии. Но Грачев вместе со своим аппаратом советников на эти «мелочи», кажется, уже не обращали внимания.

Визит Грачева в Тель-Авив — особая строка в отношениях России и Израиля. То был первый в истории визит руководителя военного ведомства в эту страну. Он, насколько мне известно, откладывался с 1992 года по меньшей мере раз пятнадцать. С просьбой о визите министра обороны РФ к Ельцину несколько раз обращался еще при жизни Ицхак Рабин. Ельцин не отказывал и даже твердо обещал, но каждый раз в МИДе дальновидные аналитики невидимым дви-

жением мыслей и рук уводили Грачева от счастливой возможности быть первым министром обороны России, ступившим на землю Израиля.

А фокус прост: визит Грачева в Израиль мог испортить отношения России с арабами, которые ревниво следили за малейшими движениями Кремля в сторону евреев. Москва почти ничего не теряла, каждый раз мотивируя невозможность появления Грачева в Тель-Авиве его страшной занятостью. И когда началась интенсивная возня с НАТО, такая мотивировка вообще стала выглядеть убедительно.

Осенью 1995 года небо над Тель-Авивом наконец-то открылось, но можно было смело прогнозировать, что дело без скандала не обойдется.

Весьма возможно, что «зеленый» на визит министра обороны РФ был дан не без умысла...

В Израиле евреи разыграли все как по нотам. Они тут же посадили Грачева в гостевой вертолет, который совершил облет оккупированных Галанских высот — самой большой для арабов точки. И это могло читаться по-всякому, в том числе и так: дескать, смотрите, арабы, сам российский министр обороны с нами — мощь-то какая! Так что наматывайте на ус.

Грачев, конечно, не мог не видеть всей политической подкладки этой части своего визита. Он не мог не знать, что Сирия давно и упорно настаивает на возврате высот Израилем. И любое неуклюжее высказывание российского министра обороны могло заставить вновь «заговорить вулкан». Потому сразу же после посадки вертолета, предвидя возможные провокационные вопросы, министр упреждающе заявил журналистам: «Я не занимаюсь политическими вопросами».

Но поезд, как говорится, ушел.

В наш МИД посыпались возмущенные «арабские» телеграммы с просьбой разъяснить позицию России по дальнейшему урегулированию ближневосточной проблемы. Поступали сигналы и покруче — о «предательстве» Москвой интересов арабов и переключении российской внешней политики исключительно на Израиль. Одна из арабских газет раздраженно писала:

«...Москва, когда-то столица великой нации, смотрит теперь на Арабский регион американскими глазами... О каких интересах мечтает руководство государства, если эти интересы проходят, с одной стороны, через израильские ворота, а с другой стороны, через попрошайничество у США?»

Министерство иностранных дел Египта вызвало «на ковер» российского посла, чтобы высказать недовольство Каира. Москву обвиняли в двойной игре.

Сильнее всего возмущалась арабская газета «Аль-Хаят» (1995. 5 дек.):

«Что действительно вызывает иронию, так это тот факт, что российская военная промышленность, которая обычно поставляла вооружения большинству арабских армий, сейчас сотрудничает с Израилем — противником арабов. Что вызывает еще большую иронию, так это тот факт, что Израиль, который имеет доступ к самой современной американской технологии, будет помогать модернизировать российскую военную промышленность».

Ситуация в регионе, и без того взрывоопасная, еще больше накалилась. А в это время генерал добросовестно зачитывал евреям с листочков свои речи, в которых звучали призывы к миру на Ближнем Востоке...

Самое смешное было в том, что, когда арабский мир возмущался неуклюжестью позиции Москвы, наш министр обороны заявлял, что его визит — «проведение сбалансированной политики на Ближнем Востоке»...

Стремясь хоть как-то спасти положение, представитель МИД РФ известный дипломат Виктор Посувалюк, курирующий Ближний Восток, в одном интервью заявил:

— Мы стремимся к дальнейшему развитию военно-технических связей с арабскими странами, включая Сирию...

Но то было слабое утешение.

Я уже говорил, что для освещения визитов министра за рубеж его пресс-секретарь Агапова сколотила группу «своих» журналистов, которые добросовестно отработывали возможность покататься с генералом по свету и явно соперничали друг с другом в том, кто лучше напишет о Грачеве. Правда и ложь, быль и небыль, реальность и откровенные вымыслы перли из таких материалов, как дрожжевое тесто из кастрюли:

«...Но именно теперь триумфатору не терпится прокатиться на белом коне под знойным небом Палестины, чтобы заявить о себе не только как о внешнеполитическом миротворце с совещательным голосом в НАТО, способным, возможно, решить «боснийский кризис», но также и... «ближневосточный». Чем черт не шутит?»

И еще — из той же песни:

«...Под занавес визита Грачев одарил коллегу Переса

штучной тульской двустволкой, получив в ответ двухтысячелетний кинжал и новехонький «узи». Две великие страны — одна страна Бога, другая страна проявления красоты Божией — начали новый отсчет стратегических и просто человеческих отношений»...

Пользуясь случаем, Грачев решил искупаться в Мертвом море. Он прилично плавал и без труда обставил одного из придворных борзописцев на стометровке вольным стилем. Вылез из воды и объявил захмелевшему «лагерю»:

— Победил Павел Грачев!

Один из охранников вроде бы между прочим, но так, чтобы слышал министр, негромко и восхищенно сказал:

— Ну ни хрена усталости не чувствует!

Грачев сделал вид, что не слышал. Охранник сделал вид, что вроде бы этого и не говорил.

Было очень весело.

Сват Грачева — начальник Главного управления международного военного сотрудничества генерал-полковник Дмитрий Харченко с головы до ног вымазался черной, как сапожный крем, грязью и стал изображать туземца. «Белокожий» европеец Грачев смотрелся рядом с ним просто экзотично. Тут и щелкнул затвор фотоаппарата иностранного корреспондента.

А на следующее утро в Министерстве обороны и Генштабе рассматривали на газетных снимках своих начальников, весело отмечающих начало нового учебного года в хиреющей Российской армии на богатом побережье Мертвого моря...

Наблюдавшая за их весельем эмигрантка из России сказала одному из наших корреспондентов:

— Чтобы увидеть здесь русского министра обороны в чем мать родила — для этого стоило мне уезжать из Союза!

Во время визита произошел серьезный политический казус. И Грачев не был бы Грачевым, если бы этого с ним не случилось.

Чтобы, не дай Бог, не обвинил меня в излишней предвзятости, я приведу лишь две выдержки из официальных сообщений наших средств массовой информации, и вы сами все поймете.

Газета «Красная звезда» — 6 декабря 1995 года:

«В ходе визита Павел Грачев выступил и с предложением о создании системы региональной безопасности на Ближнем Востоке и в Персидском заливе. При этом было подчер-

кнуто, что Россия могла бы оказать содействие в реализации этого процесса».

Агентство «Интерфакс» — 6 декабря 1995 года:

«Министр обороны России подчеркнул далее, что «никакой новой системы региональной безопасности российская делегация Израилу во время переговоров не предлагала». Такой концепции, сказал он, пока не существует. Кроме того, нет и государства-инициатора, «которое бы взяло на себя лидерство по созданию подобной системы в этом регионе».

Где же истина? Один из членов нашей военной делегации на переговорах с евреями проговорился позже, что якобы после предложения Грачева о системе региональной безопасности уже через час в Москву по нашим дипломатическим каналам ушла депеша, после чего последовал совет «не соваться не в свое дело и не брать на себя несвойственные функции».

КОРЖАКОВ

15 декабря 1995 года всегда крайне неохотно идущий на контакты с журналистами начальник Службы безопасности президента генерал-лейтенант Александр Коржаков неожиданно появился в почти часовой передаче Познера.

Что-то тайное и загадочное происходило там, в Кремле и в подмосковной Барвихе, где все еще лежал больной Ельцин, если вдруг Александр Васильевич решился на сенсационные откровения перед миллионами соотечественников.

В ходе интервью у Коржакова спросили и о министре обороны. Ответ прозвучал странный:

— Про Пал Сергеича много говорить не хочу. Назову его несколько положительных черт. Пал Сергеич очень любит жену. Пал Сергеич очень любит своих детей. Пал Сергеич очень любит своих друзей. Как полководец Пал Сергеич очень здорово может отдавать рапорта и делать отчеты. Но особенно талантливо устраивает парады...

Что хотел этим сказать Коржаков?

У нас многие уже знали, что Александр Васильевич с некоторых пор стал испытывать неприязнь к министру обороны и даже, поговаривали, несколько раз намекал Ельцину отодвинуть Павла Сергеевича, чтобы «не портил команду». По мере того как затягивалась чеченская война и приближались новые президентские выборы, эта неприязнь становилась все более заметной.

У офицеров пресс-службы МО много знакомых на телевидении. Они и сообщили сенсационную весть: пресс-секретарь Коржакова Андрей Олегов при просмотре пленки с записью интервью шефа вырезал из него фразу: « Грачев втянул Ельцина в чеченскую авантюру, и порядочный человек на его месте застрелился бы»...

А через две недели после телеинтервью «Независимая газета» опубликовала ответы Коржакова на вопросы ИТАР—ТАСС. В нем, в частности, говорилось:

«...Самое негативное — и я действительно очень болезненно это переживаю — продолжение кризиса на Кавказе. Меня удивляет одно: как могут те, кто вводил в заблуждение руководство страны своими «блицкригами» на штабных картах... спокойно спать по ночам»...

Коржаков не называл фамилию автора «блицкрига».

Но не понять, кого он имел в виду, мог только ребенок...

Примерно через год после своей отставки Грачев так объяснял причину размолвки с Коржаковым:

— Как ни парадоксально, наши отношения стали портиться после очередного теннисного турнира в Сочи в 1993 году. Коржаков играл в паре с Валентином Юмашевым, я — вместе со своим прапорщиком Грибушем Сережей. И мы в финале на глазах у президента, зрителей их обыграли... Он посчитал себя униженным и оскорбленным. И постепенно начал как-то препятствовать решению моих вопросов, где-то выступать против меня. И договорился даже до того, что, дескать, Грачев был главным инициатором развязывания боевых действий в Чечне. Ну, это он уже далеко зашел. Сохранились документы в Совете безопасности, свидетельствующие, что Грачев и Ерин, наверное, были самыми яркими противниками этого...

Коржаков считал Грачева виновным не только в том, что министр втянул Ельцина в чеченскую авантюру, но и слишком долго из нее президента «вытягивал»...

КАНДИДАТ

После парламентских выборов в декабре 1995 года многим в МО и Генштабе стало ясно, что изменившийся расклад политических сил в новой российской Думе и предстоящие президентские выборы в июне 1996-го могут поставить большой знак вопроса над дальнейшей карьерой министра обороны России.

Оценивая положение, складывающееся в новой нижней палате парламента, Ельцин уже в день выборов четко дал понять, что кадровые перестановки в правительстве неизбежны. На его взгляд, это не коснется только главы кабинета министров. Ни для кого не было секретом, что первыми кандидатами «на вылет» были Козырев и Грачев.

Был и еще один важный момент: задолго до начала работы новой Думы лидер «Яблока» Явлинский уже заявил, что будет настаивать на том, чтобы первое же заседание нижней палаты парламента было посвящено положению в Чечне.

Дальнейшее затягивание войны на Кавказе во многом связывалось с фигурой Грачева. А все новые и новые потери, которые несли наши войска, акцентировали внимание властей на силовиках, главным из которых был, естественно, военный министр.

Очень многим демократам-политикам не хотелось, чтобы президентские выборы проходили под орудийную канонаду чеченской войны и похоронные марши. К тому же Международный общественный трибунал именно из-за бойни в Чечне решил осудить президента и министра обороны России...

Но нельзя было исключать, что предстоящая схватка «президент—парламент» может привести к повторению октября 1993-го. И тогда вновь потребуется испытанный «стреляющий костыль» Ельцина.

И хотя президент по Конституции имеет исключительное право на решение судьбы министра обороны, тем не менее судьба Грачева все же очень во многом зависела и от тех сил, которые пришли в новый парламента. Нельзя было исключать, что министр обороны в очередной раз станет предметом политического торга между Думой и президентом...

ПЕРРИ

4 — 5 января 1996 года министр обороны РФ побывал с визитом на Украине, куда одновременно с ним прибыл и глава военного ведомства США У. Перри. По этому поводу у нас в ГШ шутили: «Перри в Киеве проводит установочные сборы подчиненных министров».

Было ясно, что для Грачева этот вояж носит бутафорский характер, и тем более повод больно уж безрадостный — подрыв шахтно-пусковой установки от ракеты СС-19, которая находилась в 285 километрах от Киева.

На церемонии подрыва присутствовали все три министра — России, Украины и США. Первоначально подрыв был назначен на 10 утра, но случилась почти четырехчасовая задержка, вызванная чрезвычайным происшествием. В тот день погода стояла нелетная, и самолет, на котором летели министры обороны РФ и США, вместо аэродрома Вознесенск специалисты ПВО повели на Умань. Садились при сильном попутном ветре. Летчики не рассчитали силу ветра и длину взлетно-посадочной полосы, и машину вынесло за пределы ВПП аж до капроновых страховочных сетей. Удар был настолько сильным, что сети прорвались и министры просто чудом остались живы.

Грачев и Перри выходили из самолета слегка побледневшие, но пытались делать вид, что все о'кей. Чтобы хоть как-то развлечь их, Анатолий Шмаров стал рассказывать, что сам два раза за последние пять месяцев оказывался в ситуации на грани жизни и смерти...

Украинская пресса широко разрекламировала подрыв установки и придала этому событию чуть ли не историческое значение. Судя по содержанию материалов, все это явно делалось в угоду американцам.

А событие для нашей делегации, надо сказать, было грустное. Ибо подрыв ШПУ был еще одним ударом по славянскому воинскому братству. А уж там, где появлялась хоть малейшая возможность «посыпать дуста» между русскими и украинцами, там непременно появлялись американцы, упорно проталкивающие свою доктрину о недопущении единения республик бывшего Союза, особенно в экономической и военной областях.

За многие годы службы на Арбате через мои руки прошла уйма конфиденциальных документов МО и ГШ, в которых наши разведорганы постоянно докладывали руководству страны и армии о формах и методах деятельности американских спецслужб на территориях бывших республик СССР. В последнее время американцы не только откровенно вредили нашим отношениям с бывшими братьями, но и — то явно грубо, то в тонкой форме — демонстративно унижали Москву, а заодно и тех, с кем она когда-то водила дружбу.

Даже там, в Первомайске, американцы не упустили случая лишний раз покуражиться над братьями-славянами: взяли на себя все работы по подрыву, не доверив их украинским или русским пиротехникам. У меня сложилось впечат-

ление, что украинцы сами были согласны на это профессиональное унижение.

Визит Грачева больше напоминал мне поездку на похороны, нежели на именины.

Выступая перед слушателями украинской военной академии, Грачев сделал акцент на проблеме продвижения НАТО на восток, опять повторив, что в случае развития этой тенденции мы будем вынуждены «рассматривать вопрос о создании группировки войск, соответствующей новым реальным угрозам». Там же Грачев сделал почти сенсационное заявление:

— Мы вынуждены будем пересмотреть свои взгляды на роль и место тактического ядерного оружия, пересмотреть наши договорные обязательства в военной области...

Перри при этих словах перестал улыбаться.

...Месяца за полтора до этого визита министра в ряде российских газет появился материал группы исследователей одного из военных НИИ, которые ставили вопрос о тактическом ядерном оружии именно в такой плоскости. Но тогда наш Генштаб прокомментировал это как очередную «дезу». Теперь стало абсолютно ясно, что та «деза» играла просто роль пробного шара, а выводы ученых действительно «имели место».

Но больше всего меня поразило совсем не это. В Киеве Грачев, как бы между строк, открыто признал, что вопрос о политическом контроле над миротворческой операцией в бывшей Югославии «нуждается в дополнительной проработке». А ведь после возвращения из Брюсселя наш министр бодро отрапортовал президенту, что все вопросы решены, «за исключением некоторых шероховатостей». Неясность с методами политического контроля нельзя было отнести к разряду пустяковых «шероховатостей» — то был ключевой вопрос, от ответа на который зависело самое главное: под эгидой ООН или НАТО все же будет проводиться операция?

Но ответа на этот вопрос не было. А 5 января Федеральное собрание должно было дать согласие на отправку войск в Югославию. Наши десантники уже сидели в готовности номер один на аэродроме подскока в Костроме...

Все шло по американскому сценарию.

В начале января 1996 года генерал-лейтенант Сергей Здориков подал министру обороны РФ идею отметить День российской прессы. Идея Грачеву понравилась. Это был еще один способ найти «общий язык» с прессой. Многие газеты уже четвертый год распинали министра. Преследовалась и иная цель. Приближались президентские выборы, печать постоянно «подсказывала» Ельцину, от кого ему следовало бы освободиться, чтобы иметь реальные шансы быть «всенародно избранным» на второй срок.

Министра иностранных дел (а за ним и Чубайса), к удовольствию многих СМИ, Ельцин, в конце концов, схарчил. Теперь огонь неминуемо должен был перенестись на Грачева. Нужно было предпринимать упреждающие действия.

Задобрить прессу было решено, основательно выпотрошив наградной фонд министра. Поначалу была идея десяток главных редакторов ведущих московских газет наградить... именованным огнестрельным оружием, но потом от этой совершенно дурацкой, да и к тому же противоправной, идеи отказались (хотя позже Счетная палата РФ выявит многочисленные факты награждения пистолетами огромного числа челяди из Администрации президента, правительства и других структур). А тогда остановились на офицерских кортиках и биноклях восьмикратного приближения. И здесь был перекосяк: кортик как именное холодное оружие может вручаться исключительно действующим или отставным офицерам за серьезные заслуги. По иронии судьбы, «заслуги» некоторых награжденных редакторов заключались в беспощадной критике военного министра...

Боевая шашка, инкрустированная драгоценными камнями, и два охотничьих ружья отменной работы тульских оружейных мастеров соответственно предназначались главным редакторам газет, которые нередко били по министру самыми крупными калибрами, — «Комсомольской правды», «Московского комсомольца» и «Известий».

В Доме приемов МО на Мосфильмовской состоялось щедрое застолье, где Грачев охотно сыграл роль тамады. Столы ломились от яств, захмелевшие редакторы никак не могли понять, почему это их на День прессы пригласило именно Министерство обороны, а не правительство — праздник-то общегосударственный.

Перебравшие корреспонденты лезли к генералам цело-

ваться, гремел отряд ансамбля песни и пляски имени Александра, а начальник аппарата министра генерал Валерий Лапшов прикладывался к ручке дородной певички... Все клялись в любви друг к другу. Министр в микрофон давил на то, что «период холодной войны остался в прошлом», явно намекая, что в обмен на икру и осетрину, а также щедрые подарки редакторы вспомнят «о совести и долге».

В конце вечера Грачев разоткровенничался и стал жаловаться на должность, на свои тяжкие обязанности, которые «не дают возможности ни лишнюю рюмку выпить, ни по бабам сходить»...

В хмельной компании такая «простецкость» министра обороны многим импонировала.

...Я смотрел на этого широкоплечего человека в темно-синем костюме, с редеющим чубчиком «на бочок», с наполеоновским носом и думал: «Неужели это тот Павел Сергеевич, которого когда-то так уважали за умение воевать, за смелость и прямоту, за то, что каждый миллиметр своего служебного роста до августа девяносто первого он оплатил нервами, мозолями и кровью?» А потом кто-то сказал:

— Как лег под Ельцина, так и скурвился...

И вдруг какое-то странное чувство, подогреваемое хмелем, овладело мною, и я, налив до краев огромный фужер водки, ринулся сквозь толпу к Грачеву. Он удивленно взглянул на меня, потом на фужер и с какой-то давно забытой, афганской улыбкой потянулся за своей рюмкой. Но не успел я открыть рот, как стоявший рядом военный обозреватель «Независимой газеты» Олег Блоцкий, воевавший с Грачевым в Афганистане, опередил меня:

— Пал Сергеич, предлагаю выпить за командира сто третьей ВДД!

Грачев чокнулся с ним, потом со мной и сказал:

— А за министра Грачева ты не хочешь выпить?

Блоцкий закусывал бутербродом с красной икрой и почему-то молчал. Потом сказал:

— Выпью.

Мы налили еще. Олег чкнулся с нами и громко отрапортовал:

— За командира сто третьей ВДД!

Грачев поставил невыпитую рюмку на стол и посмотрел на Блоцкого уже без улыбки...

Я оделся и ушел.

Жадно заглатывая тяжелый морозный воздух, побрел от

Дома приемов МО, где бряцала веселая музыка, где красавица-цыганка перед столом обалдевающего «президиума» демонстрировала в танце свою роскошную грудь и где хмельные генералы объясняли не менее хмельным корреспондентам и редакторам, что «армию не надо добивать», а в ответ слышали уверения в любви. Накал этих уверений повышался по мере понижения уровня водки и коньяка в бутылках...

В моих глазах все еще стоял почему-то малюпусенький бутерброд с красной икрой — дома лежала хворающая дочка...

Сидя в грохочущем метровагоне, я размышлял о том, что История помнит всех своих детей — героев и подлецов. Талантливых и бездарных. Чистых и грязных. Она умеет отличать тех полководцев, которые оставили след в ней, и всего лишь наследивших...

АЗИАТСКИЙ КРУИЗ

В конце января 1996 года Грачев посетил Алма-Ату, Ташкент и Душанбе. Усиление активности оппозиции в Таджикистане и резкая критика руководства этой страны на встрече глав государств в Москве 19 января за слабый поиск общего языка с оппозицией, большая вероятность втягивания российской 201-й миротворческой дивизии во внутритаджикские разборки, плюс усиление активности вооруженной оппозиции, прорывающейся через границу из Афганистана, — все это диктовало необходимость поездки министра обороны в Среднюю Азию.

Встретившись с Рахмоновым, Грачев передал горячий привет от Ельцина и его слова: «Мы Таджикистан в беде не бросим».

На следующее утро министр на Ми-8 (плюс еще два вертолета огневой поддержки) отправился в Пархар — Богом забытый райцентр в нескольких километрах от таджико-афганской границы.

На вертолетной площадке огромная толпа встречающих. Гудели трубы, били барабаны. Одна из местных красавиц пригласила на танец Грачева. Он отказался, чем вызвал явное недовольство толпы.

Меня это поразило: сделать хотя бы три-четыре символических движения в паре с красавицей было крайне выигрышно в той ситуации. Отказ — неуважение (он был абсолютно прав,

когда позже сказал, что у него не было толкового имиджмейкера). Стало неловко за Грачева. Наверное, не только мне.

Знающий местные обычаи другой русский генерал тут же закрыл собой брешь — пустился в пляс.

Праздничная колонна автомашин с хозяевами и гостями прибыла в центр Пархара. На одном из домов табличка с надписью: «Жилой дом П. С. Грачева». Тут же у всех на глазах режется здоровенный баран. Один из местных аксакалов держит речь:

— Мы избрали вас почетным гражданином района — так потребовал народ. Но тут возник вопрос: а где вы будете жить? Так что решили выделить дом. Теперь он ваш — что хотите, то с ним и делайте.

Шум, смех.

Вероятно, «подставной» таджикский журналист задает Грачеву вопрос, на который давно знает ответ:

— Павел Сергеевич, чем объяснить такое ваше внимание к Пархару?

И Грачев неспешно и с явным наслаждением повел рассказ:

— Так получилось, что с Пархаром меня связали жизнь и судьба. Впервые оказался здесь три года назад, во время жуткой эпидемии гелиотропного гепатита. Картина ужасная: тысяч пять человек болело, а ни медикаментов, ничего. В больницах дети со вздутыми животами, потом поражается центральная нервная система... каким-то ударом это по мне прошло — не мог потом ни есть, ни пить. И было принято решение оказать району помощь — и специалистами, и медикаментами, два самолета мы сюда прислали и эпидемию ликвидировали. С той поры у нас с жителями Пархара и началась дружба. А коли народ так это воспринял, я считаю своим долгом до конца жизни по мере возможности помогать им и приезжать сюда...

То был один из тех редких рассказов министра, в которых он ничего не прибавил и не уменьшил...

ЗОЛОТО ПРЕЗИДЕНТА

23 февраля 1996 года на церемонии в Кремле по случаю Дня защитников Отечества президент России Борис Ельцин вручил министру обороны РФ генералу армии Павлу Грачеву памятную именную золотую медаль. Медаль имела по-

рядковый № 2 (№ 1 был вручен канцлеру Колю), весила 100 граммов, была сделана из золота высшей — 999-й пробы и стоила почти 8 миллионов рублей. На одной ее стороне был изображен Борис Ельцин, а на другой — надпись «От президента Российской Федерации».

Вручая медаль Грачеву, Ельцин сказал:

— Это не государственная награда. Это от меня лично.

Видно было, что Грачев волновался. Он сбивчиво поблагодарил Ельцина и еще сказал что-то невнятное, похожее на просьбу носить награду. Президент с легким недоумением разрешил...

В тот день на Арбате некоторые генералы и полковники стали поговаривать о том, за счет каких средств появилась на свет президентская медаль. Да и ко времени ли она — армии еле хватает на прожитие, а Верховный главнокомандующий министру — золото... И пошло-поехало: «Ельцин разбазаривает золотой запас страны».

Отставной полковник Петрович сказал как-то витиевато:

— Золотой запас — золотому фонду...

МЫШЕЛОВКА

Президент, еще недавно громкогласно хвалившийся своими многими вариантами выхода из чеченского кризиса, вдруг замолчал. Пресс-секретарь президента Сергей Медведев объявил в прессе, что «Ельцин раздумывает».

Пока Ельцин раздумывал и молчал, наша войсковая группировка всюю громила чеченские населенные пункты. У командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковника Анатолия Квашнина однажды сорвалось: «Уничтожить осиные гнезда бандитизма»...

Москва торопилась «выпустить кишки» из оставшихся дудаевских отрядов, численность которых все еще оставалась значительной (5—6 тысяч человек без учета затаившихся в селениях боевиков, составлявших резерв ополчения). Это было вызвано не только тем, чтобы к моменту оглашения генерального президентского плана урегулирования конфликта максимально обескровить дудаевцев. В Чечню торопилась еще одна военная весна. Наши стратеги хорошо понимали, что, как только растают снега, дудаевцы уйдут в горные леса на свои базы и тогда война примет еще более тяжелый характер.

Мне казалось, что тогда Грачеву надо было во что бы то ни стало привезти Ельцину «чеченский подарок» в любом виде — будь то разгром самых крупных вооруженных дудаевских формирований или договоренности о прекращении боевых действий.

Не случайно, что именно накануне приезда Грачева в Чечню интенсивность боевых действий наших войск достигла пика. Таким образом замышлялось поставить Дудаева на колени и вынудить его пойти на попятную.

Заявления Грачева о том, что он готов идти на переговоры с кем угодно во имя мира, выглядели красиво, но то были всего лишь слова, которые заглушал грохот войны. Грачев для чеченцев был «не тем человеком», который имел моральное право призывать к умиротворению. Один из пойманных нашими спецназовцами чеченских снайперов признался, что мечтал увидеть голову российского министра обороны в перекрестье оптического прицела...

Грачев метался по Чечне. Таская за собой большую группу войсковых командиров и лощеную минобороновскую генеральскую свиту, он мастерски скрывал растерянность и до гениального правдоподобия доводил игру в свою возможность переломить ход событий. Но нельзя было переиграть правду жизни.

Кремлевские советники, недоумившие президента послать Грачева в Чечню, довольно потирали ручки. Они видели в этом отличный способ расчитаться с тем, кто «втянул президента в побоище», пообещав быструю победу. Логика их была проста: ты начинал — ты и заканчивай. Не можешь — уходи... Но убирать его так быстро пока не было смысла. Пока ему планировали роль временного «директора мышеловки» с ограниченной ответственностью. Даже те, кто сопровождал министра обороны в поездке, не могли понять его логики: то Грачев заявлял, что готов лично встретиться с Дудаевым где угодно и провести переговоры, то вдруг призывал «забыть» Дудаева.

Генеральный прокурор РФ Юрий Скуратов уже на другой день после «сенсационных» заявлений Грачева о готовности лично встретиться с Дудаевым сказал, что с правовой точки зрения чеченский лидер не может принимать участие в переговорном процессе по урегулированию в ЧР, поскольку в отношении его возбуждено уголовное дело и он находится в федеральном розыске. Заявления Грачева он назвал «неправомочными». Еще дальше пошел один из под-

чиненных Скуратова: он официально заявил представителям прессы, что к тем, кто встречается с Дудаевым, должны применяться санкции уголовного характера. Прорыва не получилось. Зато получалось другое:

— Хватит смен партий, шараханья вправо-влево, мы пришли к выводу, что нужно поддерживать тот курс, который существует сейчас.

Хорошие слова всегда приятны.

ПУЛЯ ПРОШЛА МИМО

В середине марта 1996 года в российской прессе разом появились десятки материалов о якобы зреющей отставке министра обороны. То был самый сильный «наезд» на Грачева с момента назначения его на пост руководителя военного ведомства. Начиная с лета 1992 года наша пресса постоянно «снимала» Грачева с должности.

Становилось ясно, что Грачев превращается в «разменную фигуру» в предвыборной партии президента. К этому добавлялось и другое обстоятельство: Государственная дума приняла решение о денонсации Беловежского соглашения 1991 года о роспуске СССР, и в своем заявлении для прессы Ельцин не скрыл, что в случае необходимости будет реагировать «самым жестким образом» (это было очень похоже на его угрозу 1993 года устроить своим политическим противникам «жаркую политическую осень»).

В этих условиях освободиться от Грачева президенту было опасно. И даже кремлевское окружение, еще недавно требовавшее от Ельцина поскорее расстаться с министром обороны, резко замолчало.

Но Грачев пребывал в растерянности. Неуверенно чувствовала себя и команда министра. Несколько наиболее приближенных генералов разрабатывали планы «спасения». Знали: уйдет министр — уйдут и они.

А пресса не переставала мусолить на разный лад быль и небыль о «скорой отставке Грачева»...

В конце концов, было решено сварганить заявление коллегии Министерства обороны, чтобы выразить, так сказать, возмущение армии. Пусть, дескать, знают и Ельцин, и Коржаков, и Сосковец, и Черномырдин: Вооруженные Силы за министра — горой! Так что не трогайте. И хотя на Вооруженные Силы никто не собирался нападать, в заявлении колле-

гии хитро сместили акценты — мол, несправедливо пресса бьет Вооруженные Силы. А били-то Грачева...

В прессе заявление коллегии появилось. Но вышла неувязочка. Кто-то из членов коллегии позвонил в Кремль и сказал, что к такому липовому заявлению не причастен. Потому как не подписывал (у нас в МО поговаривали, что то был якобы один из двух первых замов Грачева, который давно зарился на кресло министра и проявлял «скрытую заинтересованность» в том, чтобы оно поскорее освободилось).

Стало известно, что эта информация до самого Ельцина дошла. А он разозлился: что же получается? Тут вроде бы, понимаешь, вся армия за любимого министра горой встала, а на самом деле фальсификация?

Грозно прикрикнули на МО из Кремля, дескать, кончайте всенародную поддержку имитировать...

На другой день офицеры секретариата министра обзванивали всех членов коллегии и предупреждали, что надо прибыть на очередное заседание. Некоторые главкомы видов Вооруженных Сил недоумевали и допытывались, в чем дело, но никто толком им ответить не мог. Такого никогда еще не было, чтобы ежедневно проводить коллегии. Тем не менее в назначенное время все собрались в специальном зале на пятом этаже. Пригласили и большую группу московских журналистов, в том числе и телевизионщиков. Грачев сообщил присутствующим, что поскольку предыдущее заявление коллегии некоторые СМИ не считают действительным и даже утверждают, что оно липовое то сейчас, дескать, официально все будет повторено для пущей убедительности.

(Мне вспомнилось как после убийства Холодова Грачеву пришлось вот так же защищаться. Тогда тоже докладывали президенту, что армия возмущена подозрениями «МК» и горой стоит за своего министра. Но никто, конечно, не рассказывал, что в войска шифровка ушла: дескать, шлите телеграммы в поддержку. Говорили, мешками поддержка шла. Одна якобы начиналась: «В ответ на ваше указание о поддержке ..»)

Вскоре после той коллегии некоторые ее члены стали словно соревноваться в том, кто чаще и громче «выразит возмущение». Побросали все дела, бросились в газеты, на телевидение и радио. «Не допустить расправы с министром обороны!»

Не отставали от них и «придворные денщики», по-своему трактуя очередную кампанию, направленную на смещение министра. Доказывали, что в этом заинтересованы прежде всего коммунисты и даже кто-то из «своих»...

ГРУЗИЯ

Во второй половине апреля Грачев отправился в Грузию. Снова огромная военная делегация, необычайно теплое радушие хозяев, щедрые застолья, широкая культурная программа. Все это легко объяснялось: грузин продолжал мучить абхазский вопрос, решение которого в огромной степени по-прежнему зависело от позиции Москвы.

Шеварднадзе страшно нервничал и торопил Ельцина и Грачева. И даже грозил, что в соответствии с решением собственного парламента выведет воздушно-десантную дивизию РФ из Гудауты.

Грачева грузины яростно обрабатывали, убеждая занять более жесткую позицию в отношении абхазов, очень аккуратно намекая, что в ином случае Россия может потерять свои военные базы в Грузии. Грачев обещал грузинам почти все, что они просили. Звонко лилось в бокалы старое грузинское вино. Министр обороны республики Надибаидзе не отходил от Грачева ни на шаг. Грачев приехал в Тбилиси очень удачно: впереди было два выходных дня. В понедельник явно переотдохнувший министр устало попросил журналистов:

— Только не задавайте мне сложные вопросы.

Его пожалели.

Российская военная делегация побывала на родине Иосифа Сталина в Гори. Наши полковники и генералы с почтением рассматривали экспонаты и слушали рассказ экскурсовода. Все они были сыновьями тех, для кого Сталин был Вождем в полном смысле слова...

Когда российская военная делегация покидала музей, кто-то из генералов негромко сказал:

— Вставай, отец, страна в беде!

Все заулыбались, хотя юмор был очень серьезный...

— Нам пора кончать быть политическими проститутками! — так резюмировал итоги визита Грачева в Грузию один из высокопоставленных генералов, входящих в состав нашей делегации.

Вопрос о статусе российских миротворцев в зоне грузино-абхазского конфликта так и не был решен.

Отъезд Грачева из Тбилиси сопровождался сенсационным сообщением одной из газет: министр обороны Грузии якобы подарил российскому коллеге дом в пригороде столицы...

Грузия — страна, где даже слухи божественно красивы...

...Вскоре после визита в Грузию началось формирование группы, которая должна была лететь с министром на Урал. Первоначально намечалось около 70 человек, хотя обычно в поездках такого рода свита министра была раза в три меньше. Потом выяснилось: по инициативе руководства Главного управления воспитательной работы МО акция должна была носить скрытый агитационный характер. Таким образом идеологи этой затеи намеревались решить задачу «стратегической важности» — чтобы воины Уральского военного округа не прокатили Ельцина на предстоящих президентских выборах у него на родине.

Но к нам на Арбат дошел слух, будто в штабе по выборам президента недовольны тем, что в такую ответственную поездку вместе с министром направляется генерал Здориков, не отличающийся, мягко говоря, изысканностью воспитательной работы. К тому же были там и другие опасения: как бы и сам министр не наломал дров, слишком откровенно агитируя солдат и офицеров за Ельцина. А лишний шум может запросто докатиться аж до Конституционного суда, что могло дать оппозиции повод уличить президента в запрещенных методах работы его команды.

Поездка на некоторое время была отложена. Затем ее все же капитально закамуфлировали под рабочую инспекторскую в связи с итоговой проверкой. Цель поездки министра формулировалась так: подготовка базы реформирования армии для создания территориальных командований.

Поездка комиссии, как и следовало ожидать, носила явно предвыборный характер. И сам министр, и начальник ГУВР Здориков на встречах с офицерами и солдатами не слишком заботились о «ювелирных» методах агитации за Ельцина — нередко дело доходило до прямых призывов. Статья Закона об обороне, категорически запрещающая предвыборную агитацию в армии, была откровенно проигнорирована...

По ходу своей «инспекторской» поездки Грачев решил еще и малость покуражиться. В отдельной бригаде химической защиты он подал команду «Пожар!» начальнику караула одного из складов. На виду у огромной толпы бледнеющих военных и улыбающихся журналистов началось позорное представление: сначала полчаса искали ключи, затем решили двери склада вскрывать топором и вконец раздолбали их.

Министр объявил личному составу «неуд», а командиру бригады полковнику Филиппову о том, что он снят с должности. На том мрачное представление под названием «Развал боеготовности» закончился. Спас полковника Филиппова командующий войсками УрВО генерал-полковник Юрий Греков. Уж он-то на своем веку повидал всякое, знал, что такое разносы и как с ними бороться. Он — из тех военачальников, которые судьбу тертого профессионального командира не привыкли решать в зависимости от промашки рядового Пупкина. На товарищеском ужине с министром генерал Греков, улучив нужный момент в настроении Грачева, расписал былые заслуги комбрига в цветах и красках, и раздобревший от вкусных яств и неслабых напитков министр отменил свой «приговор»...

Затем Грачев решил «опуститься в массы». В одном из учебных классов ему представили взвод солдат, предварительно переодев их во все новенькое. Министр предложил им задавать любые вопросы. Солдаты угрюмо молчали. Наконец, Грачев не выдержал и обратился к одному — откуда родом, сколько служит, какие есть проблемы. Осмелевший солдат под взглядами застывших командиров громко сказал:

— Товарищ министр обороны, у меня есть просьба.

Командир части протирал платком вспотевший лоб, а «замполит» имел глаза боксера, попавшего в нокаунт.

— Ну какая у тебя просьба, сынок?

— Можно с вами сфотографироваться на память — мне в дембельский альбом снимок такой хочется вклеить!

Все с облегчением рассмеялись.

— Конечно, сфотографируемся, — по-доброму ответил Грачев, — ну а проблемы у тебя или твоих товарищей какие есть?

Опять гробовая тишина. Опять у командиров предынфарктное состояние.

И тут солдат рубанул:

— Есть проблемы, товарищ министр обороны!

Грачев вмиг посерьезнел.

— Ну говори, какие проблемы?

— Товарищ министр обороны, наши «чеченцы» просят, чтобы их домой отпустили («чеченцами» в войсках называли военнослужащих, побывавших в Чечне. — В. Б.).

Наступила такая тишина, что, казалось, слышно было, как грохочет сердце бледнеющего командира полка.

Грачев хмуро посмотрел на полковых и окружных командиров.

— Почему «чеченцы» до сих пор не уволены? Я ведь еще в декабре, кажется, директиву подписал?

Командиры и начальники наперебой стали что-то виновато объяснять. Солдаты улыбались до ушей.

— Значит, так, товарищ солдат, — сказал Грачев, — обещаю вам и так вашим «чеченцам» передайте: в ближайшие дни все они уедут домой!

Солдаты громко зааплодировали, и все дружно направились фотографироваться. Кто-то из офицеров тайком показывал храброму воину увесистый кулак...

В тот же день было приказано оформлять некоторых «чеченцев» на дембель.

А в строевых отделах частей округа началась паника, которая мигом дошла до Генштаба. Дело в том, что действие декабрьской директивы министра обороны, изданной на основе соответствующего указа Ельцина, имело так называемое «разовое значение» и на всех военнослужащих-«чеченцев» пока не распространялось. Это значило, что командиры должны были в нарушение указа президента выполнять устный приказ Грачева. В Главном организационно-мобилизационном управлении Генштаба ломали голову над тем, как выбраться из этого лабиринта. Генералам было не впервой изобретать такие формулировки, в которых черт ногу сломит. Короче, вопрос с «чеченцами» был попросту замылен. На высоком профессиональном уровне...

РАССТРЕЛ

16 апреля 1996 года под чеченским селением Ярыш-Марды дудаевские боевики разгромили колонну 245-го мотострелкового полка Московского военного округа.

Ельцин в одном из своих первых заявлений по этому поводу назвал колонну «мирной», поскольку она, дескать, везла продовольствие и товары. Это еще раз свидетельствовало о том, что президента в очередной раз кто-то из военных вводит в заблуждение. Уже вскоре выяснится, что колонна, кроме имущества и продовольствия, везла из Ханкалы оружие и боеприпасы.

В тот же день на центральный командный пункт Генерального штаба поступила информация об огромном количестве убитых в том бою у Ярыш-Марды. Хотя, в сущности, никакого боя не было — был отлично организованный расстрел

нашего подразделения чеченцами: российские военнослужащие не успели оказать сколь-нибудь серьезного сопротивления...

Руководство Генштаба приказало дежурному по ЦКП ГШ все сведения, касающиеся количества убитых, держать в строжайшем секрете. Было запрещено передавать их даже тем должностным лицам, которые имели право располагать ими по роду службы...

Выступая на слушаниях в Думе, Грачев пошел на беспрецедентную дерзость: он подверг открытой (хотя и косвенной) критике ельцинский план разрешения чеченского конфликта, поскольку, говорил министр, «этот план опять дает возможность дудаевцам подлечиться и пополниться». Далее Грачев утверждал, что «никакие действия не принесут результата, пока армия будет находиться в состоянии «ни мира, ни войны». Он, в частности, сказал:

— Армия несет большие потери не когда воюет, а когда выполняет мирные соглашения. Сожалею, что не дали возможности добить бандформирования.

В те минуты мне было его жалко. Министр обороны был обязан воевать по правилам политических игр, а не военного искусства. В таких условиях не то что Грачев — Наполеон был бы беспомощен. Слова Грачева о невозможности «добить бандформирования» прозвучали в какой-то напряженно-траурной думской тишине.

А еще недавно он в одном из своих интервью говорил иное:

— Я высоко ценю роль переговорного процесса в решении чеченского кризиса.

Тогда же Грачев отдал приказ командующему группировкой в Чечне генералу Вячеславу Тихомирову «всеми способами связаться с боевиками и договориться о прекращении огня».

Когда генералы пытаются делать то, что не могут сделать политики, они всегда становятся крайними...

Дума назначила расследование по трагедии 245-го полка и предложила президенту рассмотреть вопрос об ответственности высших должностных лиц. Президент пообещал, что высшие должностные лица в армии будут привлечены к ответственности.

В тот же день Черномырдин дал поручение начальнику Генштаба генералу армии Михаилу Колесникову, министру внутренних дел и директору ФСБ «обеспечить безопасность

передвижения федеральных сил в Чечне». Черномырдин распорядился генералам делать то, что они обязаны были делать без чьих-либо указаний.

Прошел месяц. Расследование уголовного дела о гибели колонны продолжалось.

Следственная группа Главной военной прокуратуры дено и ночью собирала показания свидетелей, должностных лиц, изучала место происшествия. Изнурительная и тяжелая работа. Наблюдая за каторжным трудом следователей ГВП, я думал о том, в какое идиотское положение часто попадают эти люди из-за того, что результаты их работы нередко определяются не честной сутью добытых сведений и выводов, а некими «политическими соображениями», исходящими от тех, кто начал эту войну...

За годы войны в Чечне ГВП расследовала многие десятки уголовных преступлений, нити которых вели не только в армейские или дудаевские штабы, но и в высокие московские кабинеты.

Иногда мне казалось, что над Чечней витает какой-то призрак, за которым вынуждены без сна и отдыха охотиться следователи. Таинственные бомбардировки Рошни Чу, Самашек, Урус-Мартана, загадочное нападение на аэропорт Слепцовск...

И я вспоминал слова Клаузевица о том, что существует такое понятие, как «туман войны». На чеченской войне грязи было гораздо больше, чем тумана. На чеченской войне следователей было гораздо меньше, чем преступлений. Наверное, потому, что война была «ненормальной». Иногда я ставил себя на место Грачева и пытался рассуждать так: «Сбит наш самолет. Главком ВВС генерал Дейнекин докладывает министру о потере одного из асов и боевой машины. Заодно — о месте нахождения банды, сбившей истребитель. Разведка подтверждает — да, боевики дислоцируются именно в этом селении. Воздержаться от справедливого соблазна возмездия невозможно. Следует взлет пары МиГов или Су, и на месте лагеря боевиков уже дымятся воронки»... Еще час — и информационные агентства разносят весть о бомбардировке российскими самолетами «мирного селения». В кабинете Грачева дымятся кремлевские телефоны...

Такая была война: когда командиры мстили противнику за гибель своих солдат и офицеров, это нередко квалифицировалось как преступление. Когда чеченские бомбы разрывались в самом центре скопления наших солдат, мирно

обедавших в тылу, и сразу гибло человек двадцать — это называлось «справедливое возмездие». Уголовное дело, ясно, чеченцы при этом не заводили...

На апрельских слушаниях в Думе Грачев заявил, что авиация впредь будет делать вылеты и наносить удары только по его личному разрешению. Но прошло буквально 20 дней — и пришло сообщение из Чечни: вертолеты без опознавательных знаков вновь бомбили населенные пункты южнее Грозного. И опять следовало объявление: «По данному факту возбуждено уголовное дело».

Может, вся война была «уголовным делом»...

ХАБАРОВСК

После слушаний в Думе в связи с гибелью колонны 245-го мотострелкового полка над Грачевым вновь нависла темная туча. Я вновь думал о том же: какие титановые нервы, какое железное здоровье надо было иметь, чтобы четыре года подряд жить под кинжальным огнем справедливой и несправедливой критики, среди дельных упреков и ядовитой лжи, чтобы то и дело уклоняться от страшного свиста дамклов меча президентской немилости, маневрировать, ловчить, спасаться, играть, уходить от ударов и снова ступать в этот адский круг?

Его опять тащили на политическую гильотину. Пресса расценила выступление министра в Думе как несогласие с планом Ельцина по мирному урегулированию в Чечне. Не скрывал своего недовольства министром обороны и начальник Службы безопасности президента генерал Александр Коржаков.

Ельцин же пока никак не реагировал на это. Не отреагировал он и на предложение Думы объявить в стране национальный траур в связи с гибелью российских воинов (погибших в апреле было восемьдесят, погибших в августе 91-го было трое...). Ельцин готовился к визиту в Китай.

За несколько дней до отлета президента в Пекин Грачев вылетел в Хабаровск и там стал «поджидать президента». Что-то странное было в этом маневре. Если и президент, и министр обороны летели с визитом в Китай, то почему бы, спрашивается, им не лететь в одном самолете прямо из Москвы?

Тяжелый мужской разговор Ельцина с министром оборо-

ны о гибели колонны 245-го полка был неизбежен. И неизвестно, чем он мог закончиться. А уж тем более если заведется он в самолете «под пять капель», да еще с участием Коржакова. Тяжелое общество. Так что был у Грачева резон не показываться Ельцину на глаза до Хабаровска, дать ему возможность остыть.

...Самолет президента приземлился в аэропорту Хабаровска глубокой ночью. Возле трапа выстроился целый батальон местной административной знати и военных. Ельцин еще не появился на трапе, а телеоператор высвечивает из темноты фигуру военного, уже приложившего руку к козырьку. Грачев.

Ельцин идет вдоль строя встречающих и пожимает каждому руку. Президент протягивает руку министру обороны и крепко пожимает ее. Президент улыбочив — никаких признаков недовольства. Бывают у генералов такие моменты, когда по секундному рукопожатию с президентом они понимают — можно спокойно служить дальше или ждать указа об отставке...

Потом был Китай.

Трагедия 245-го полка отступила на второй план.

РАСКЛАД

...До президентских выборов оставалось все меньше времени. В аналитический центр Службы безопасности президента поступала информация, которая свидетельствовала о том, что Ельцин может не выиграть выборы. Коржаков внимательно отслеживал эту информацию и, пожалуй, был единственным в окружении президента, кто знал всю беспощадную правду и мог смело доложить ее Ельцину. Коржаков делал ставку на реальную оценку ситуации и давал понять президенту, что, возможно, лучше как-то обойти выборы, чем идти на них. Однажды, рассказывали, Коржакову кто-то попытался перечить, ссылаясь на то, что рейтинг Ельцина бешено растет — Киселев до того исходил восторгами по этому поводу, что иногда создавалось впечатление, что он искренне верит в то, что ему приказывали озвучивать. Александр Васильевич отозвался об этих рейтингах как о «женькиных сказках» и оставался при своем.

Ельцин побывал в одном из гарнизонов. Не удержался, чтобы не прозондировать армию. Командующий войсками

Московского военного округа генерал-полковник Леонтий Кузнецов заметно волнуясь, отрапортовал:

— Мы за то, чтобы президентом был Ельцин, а министром обороны Грачев.

Нынешний и будущий президент был доволен. Был доволен и министр обороны. Нынешний, но уже не будущий... Хмурился только Коржаков. Вскоре он проговорится о том, что располагал объективной информацией об истинных настроениях избирателей...

Некоторые аналитики ГШ, подключенные к прогнозированию развития ситуации в связи с президентскими выборами, не исключали, что при неблагоприятном для Кремля варианте развития событий дело может дойти до применения силы ради удержания власти. И здесь, безусловно, одна из ключевых ролей отводилась министру обороны. Даже сильно «провинившийся» Грачев был еще нужен.

Ельцин помнил слова, которые не однажды говорил ему министр:

— Борис Николаевич, я вас несколько раз спасал...

Нельзя было исключать, что летом 1996 года Грачев понадобится Ельцину еще раз...

Но еще с весны президент демонстрировал прохладное отношение к министру. И здесь причина заключалась не только в трагедии, связанной с гибелью колонны 245-го полка. Были и другие причины...

Весной в Минобороны и Генштаб из некоего «аналитического центра» просочился чрезвычайно любопытный документ, в котором, в частности, говорилось:

«...Можно также с уверенностью утверждать, что, как только утихомятятся страсти вокруг постановления Госдумы (о денонсации Беловежских соглашений. — В. Б.), оппозиция выдвинет чеченскую проблему в центр избирательной компании. При этом независимо от успешности претворения в жизнь программы урегулирования в Чечне, президенту будет предъявлен счет за все жертвы, материальные и моральные потери.

Вызванные серьезными провалами политики на Северном Кавказе мартовские слухи об уходе О. Лобова с поста секретаря СБ и его замене на этом посту П. Грачевым (что означало бы отставку последнего с должности министра обороны, чего требуют российские радикал-либералы, выдвинувшие тезис о том, что «с Грачевым президент проиграет выборы»), по-видимому, не являются случайными — об

этом можно судить и по заметному охлаждению отношений между президентом и министром обороны, и по крайне резкому тону заявления «програчевской» коллегии МО в опровержении этих слухов.

В такой ситуации весьма животрепещущей становится проблема лояльности армии президенту в случае обострения политического процесса в Москве. Симптоматично, что П. Грачев не был приглашен на совещание у Б. Ельцина в связи с обсуждением положения, создавшегося после принятия Госдумой постановлений об отмене решения Верховного Совета РСФСР о денонсации Беловежских соглашений. По сообщению ряда источников, вопрос о возможном нелояльном поведении армии в случае принятия президентом решений о роспуске Думы, запрете КПРФ и переносе президентских выборов был поднят на упомянутом совещании министром внутренних дел А. Куликовым. Последний якобы высказал точку зрения, что в случае широкомасштабного политического кризиса в России, который может быть вызван такими действиями президента, армия расколется, что приведет к непредсказуемым для страны последствиям...»

...Ельцин слишком хорошо знал Грачева и потому не мог не понимать, что министр обороны и коллегия МО — это далеко не одно и то же.

Что бы там ни говорили о колебаниях Грачева в октябре 93-го или в декабре 94-го, он, в конечном итоге, президента не подвел и сполна оплатил по векселям, выданным ему в августе 91-го и в мае 92-го...

АРМЕНИЯ

2 мая 1996 года Грачев вылетел в Ереван.

Предстояло подписать несколько военных соглашений. Армяне имели к российскому министру обороны свои козырные интересы: им надо было «обратить его в свою веру» при выработке позиции по отношению к Азербайджану в связи с конфликтом в Нагорном Карабахе. И еще попросить запасных частей для своей хиреющей военной техники. А заодно решить вопрос о дальнейших расчетах за российские военные базы.

Колонна машин с российской военной делегацией мчалась из аэропорта в Ереван. А под колеса автомобиля, в котором сидел Грачев, на протяжении всего пути от аэропорта до пре-

зидентского дворца, летели букеты цветов. Так Армения не встречала еще ни одного военного министра (тогда лишь несколько высших генералов знали, чем именно вызвано это безграничное радушие армян: уже второй год сюда шли тайные поставки крупных партий российских вооружений, которые еще предстояло разоблачить Тулееву и Рохлину).

Армяне умеют быть благодарными. Очень благодарными...

Затем все шло по привычному кругу: приемы, высокие слова о российско-армянской дружбе, протоколы, официальные подписи, застолья под разжигающий кровь древний коньяк, мужские клятвы в верности, фешенебельные одноместные номера в интуристовской гостинице и знакомая уже — многозначительная — многозвездная бутылка с коньяком многолетней выдержки на столе в яркой компании фруктов...

Искренность и нарочитость были в каком-то дискомфортном смешении. Грачев держал себя с какой-то упоительной значительностью столичного знатного гостя, заглянувшего ненароком в щедрую, гостеприимную провинцию. Армянские генералы держали себя с достоинством, но при этом в каждом их слове ощущалось, что они помнят о своей роли хозяев теплого дома, в котором все лучшее — гостям.

УРАЛ, СИБИРЬ И ДАЛЕЕ...

...Не успел Грачев сойти с трапа одного самолета, как тут же дал команду готовить другой.

В 20-х числах мая 1996 года он отправился в рабочую поездку по войскам Уральского, Сибирского и Забайкальского военных округов. В УрВО Грачев направлялся уже второй раз за последние 30 дней. Это было похоже на скрытые маневры, ибо только чрезвычайные обстоятельства могли заставить военного министра повторно отправляться в военный округ, где, как говорится, еще не остыли его следы. Но все оказалось гораздо проще: снова под видом контроля за подготовкой войск к летнему периоду обучения Грачев совершал «агитационный выезд» в войска.

— Личный состав правильно понимает, — говорил министр, — что только Борис Ельцин может обеспечить движение страны вперед.

Он несколько раз взял на себя смелость публично утверждать, что личный состав Вооруженных Сил уже сделал «пра-

вильный выбор» в пользу Ельцина... И тут он вдруг допустил грубейшую ошибку: во время очередного интервью для прессы заявил, что не верит в успех предстоящих переговоров между Ельциным и лидером чеченских сепаратистов З. Яндарбиевым.

Буквально через час после этого в Минобороны и Генштабе затрезвонили «кремлевки» и члены штаба по выборам Ельцина стали требовать «соответствующих объяснений».

Возвратившегося вскоре в Москву Грачева встретил шквал таких же звонков. Масла в огонь подлил комментатор «Итогов» Киселев, который в своей передаче 26 мая 1996 года заявил буквально следующее:

— В успех намеченных на 27 мая переговоров Грачев не верит. Министр обороны где был, там и остается, продолжает гнуть свою линию. Например, в тот момент, когда президент идет на встречу с лидерами чеченских сепаратистов Яндарбиевым, садится с ним за стол прямых переговоров в Москве, явно возлагая на этот шаг большие надежды, как на очередной рывок на финише президентской предвыборной кампании, Грачев вновь демонстрирует удивительную нелояльность по отношению к президенту, к своему Верховному главнокомандующему, говоря, что в успех этих переговоров не верит. После этого невозможно избавиться от ощущения, что Грачев вообще не под контролем президента и входит в какой-то другой, существующий сам по себе, альтернативный центр власти.

Окружение Грачева было вынуждено в очередной раз решать задачу «заднего хода»: министр сделал для агентства «Интерфакс» новое заявление по поводу переговоров Ельцина и Яндарбиева, которое уже в корне отличалось от «забайкальского». Министр заявил о том, что эти переговоры, вне всякого сомнения, послужат делу мира на чеченской земле, что они крайне необходимы и что он, Грачев, не сомневается в их успехе.

Пока Яндарбиев и сопровождавшие его лица под беспрецедентно плотным наблюдением спецслужб и спецназа «отдыхали» в подмосковной Барвихе в Доме приемов МО, Ельцин резко метнулся в Чечню. Грачев был включен в состав президентской делегации. Но слухи о его отставке продолжали циркулировать.

Там, на чеченской земле, поставив на уши почти всю войсковую группировку, министр обороны преподнес Ельцину дело так, что не только в Чечне, но и во всей России только

он, Грачев, — самый надежный телохранитель президента. И ему достались в очередной раз комплименты, и он повел себя гоголем: «Если мы победим на предстоящих выборах, — сказал он журналистам, — то противникам Грачева придется терпеть его еще четыре года!» То был одновременно и выпад в сторону извечного оппонента министра — генерал-полковника Бориса Громова. Весть о том, что Ельцин принимал Громова в Кремле и имел с ним продолжительную беседу, сильно переполошила Грачева. Когда возникла угроза смещения с должности, он реагировал с явным сарказмом. Грачев на совещании говорил, что тот генерал-полковник, который приносил Ельцину концепцию военной реформы, на самом деле якобы слямзил ее у Генштаба, где она, концепция, уже давно разрабатывалась.

— Это что происходит! Тут один генерал-полковник, из наших бывших, напросился на прием к президенту. Поговорил с ним о предвыборной кампании, пообещал ему три миллиона голосов, правда, непонятно откуда. А потом говорит: разрешите приступить ко второму вопросу. Какому второму? Реформе Вооруженных Сил. Они там от министра до последнего солдата ничего не делают. И начинает излагать. Причем я потом посмотрел, это наработки нашего Генштаба, один из привлекаемых наших экспертов переписал и отдал ему. А в конце этот генерал говорит: после долгих размышлений я принял решение, что готов возглавить Министерство обороны. Но это же надо до такого опуститься!

В его словах была примесь лукавства. Ибо ни в Генштабе, ни в Минобороны концепции, как таковой, как целостного документа, не было (была бы — давно обнародовали бы). Правда, были отдельные разработки, прожекты, планы, но отличные от тех проектов, которые Громов показывал президенту и которые обнародовал вскоре в «Независимой газете»...

КОНЦЕРТ

...На совещании высшего руководящего состава армии выступил Ельцин. Он появился в зале из боковой двери сцены в сопровождении Грачева. Генералы и полковники дружно встали и начали аплодировать. Аплодировали столько, что уже и самому президенту стало как-то неловко и он стал показывать жестами, чтобы люди заканчивали хлопать и садились. Но Грачев продолжал аплодировать, а вместе с ним и зал.

Наконец, уселись. Я сидел в одном из первых рядов и внимательно рассматривал президента. Он был в прекрасном расположении духа и неплохо выглядел. И все же в нем уже было мало от того, прежнего Ельцина. Движения замедлились, голос потерял прежнюю силу, а глаза стали излучать тот едва уловимый свет, который есть у всех людей, которые носят в себе боль...

Его доклад оказался набором известных планов, которые без восторга принял генералитет.

В тот же день Ельцин собрал для кулуарного разговора членов коллегии Минобороны. Уже вскоре один из замов Грачева так прокомментировал эту беседу за закрытыми дверями:

— Министр опять доказывал Ельцину, что армия вместе с ним. А Ельцин высказал недовольство тем, что он «все необходимое дал армии, но отдачи пока не видно».

На следующий день одна из газет опубликовала отчет о совещании, который озаглавила так «Главковерх и его генералы остались довольны друг другом».

Истина же состояла в том, что Ельцин был недоволен своими генералами, а генералы были недовольны им.

ОТКРОВЕНИЯ

В июне в интервью журналу «Огонек» Грачев в очередной раз дал понять, что он — незаменимая опора президента. Основную причину частой критики в свой адрес Грачев видел в том, что он... предан Ельцину:

— Одна из, наверное, главных претензий ко мне состоит в том, что в июне 1992 года, через месяц после того как стал министром обороны, я, может, так сказать, по молодости или по душевному порыву заявил, что свою деятельность в армии связываю с президентом и при мне армия будет верна Верховному главнокомандующему — Борису Николаевичу Ельцину. Вот после этого все беды на меня и посыпались. Пошла просто-напросто охота на волка. Сказали «фас», выдали деньги, определили банки...

Было ясно, что эти слова рассчитаны прежде всего на Ельцина.

Грядут президентские выборы. Ельцин начинает подводить итоги реформирования армии и открыто признает, что реформы не получилось.

Грачев откликнулся так:

— Я, знаете, уже немолодой человек. Не постесняюсь честно признаться: я не знаю, что такое военная реформа, когда у государства нет денег. Не могу себе представить, как проводить ее частично, и потому с каждым днем все больше разочаровываюсь в этой идее. Я никогда и нигде не утверждал, что реформы в армии идут, и идут успешно. В этот переходный период идет строительство или, точнее, достройка Вооруженных Сил. В основном — приведение в порядок хозяйства, которое нам досталось после распада СССР. Нужно было залатать огромные дыры. Поэтому вопрос о какой-то глубокой реформе и раньше стоять не мог, а сейчас тем более...

В последнее время «ритуальное блюдо» журналистов в беседах с министром — вопрос о возможности его отставки. Грачев отвечал:

— В принципе я к этому уже готов. Тем более к президенту частенько идут, я считаю, необъективные доклады от некоторых его помощников. Целенаправленно формируется мнение о том, что нужно «сдать» Грачева для того, чтобы набрать побольше голосов избирателей. Повторяю — к отставке я готов. У нас с президентом состоялся разговор на эту тему. К тому же я не раз сам ему говорил: Борис Николаевич, если в интересах вашей победы я должен посторониться, я готов, лишь бы вы победили на выборах. Никаких обид и претензий иметь не буду, тем более что мы условились с ним: при любом раскладе останемся в хороших отношениях. Однако скажу: вот эти социологи и прогнозисты, которые предоставляют информацию президенту, видимо, многого недопонимают... Эти социологи и недоброжелатели не знают обстановку в армии. Вот это самое страшное. Грачев сейчас не министр образца 1992 или 1993 года. Перед вами министр 1996 года. Во всех звеньях управления, начиная с полка, сформирована его команда. Все это — мои ставленники. Все, кто не смог со мной работать, ушли...

Грачев не только намекал Ельцину на свою незаменимость, но и ласково стращал его: дескать, весь генералитет — «мои люди», и если я уйду, армия может выйти из подчинения. По этой логике выходило, что Грачева нельзя отстранять от должности как минимум еще лет 10. Пока все «его люди» не уйдут на пенсию.

Более того, Грачев во имя собственного спасения бросил в бой «крупнокалиберную артиллерию». Он говорил:

— Сразу пять главкомов заявили о готовности уйти в отставку вместе со мной. За исключением штатского — Анд-

рея Николаевича (Афанасьевича. — В. Б.) Кокошина — все мои заместители тоже заявили о том, что уйдут со мной в отставку. Зашевелились командующие округов. Но разве это кому-то нужно? Так ведь и до самых низов начнет бродить... Обычно президент принимает взвешенные решения, хотя у него бывают иные порывы, когда на него все разом наваливается. Однако, как мне кажется, он сам прекрасно понимает: если «сдаст» меня, сам от этого ничего не выиграет. Я имею в виду не только на выборах, а вообще...

Чем чаще Грачев говорил подобные вещи, тем яснее становилось, что его неуверенность в прочности своего положения растет.

Летом 1996 года Министерство обороны и Генштаб жили в предчувствии грядущих перемен.

Нам дозарезу был нужен «свежий воздух». Еще больше нам нужен был командир, которого бы уважала вся армия. Армия с нетерпением ждала такого командира.

И тут неожиданно свое видение «проблемы Грачева» решил продемонстрировать глава Федеральной пограничной службы генерал армии Андрей Николаев, которого у нас в ГШ давно прочили в министры. Он назвал «некорректными» все разговоры вокруг скорой отставки Грачева.

— Живой человек выполняет обязанности министра, — сказал он, — и мы просто из уважения к себе должны относиться к этой ситуации корректно. Не надо вынуждать президента принимать решение. Когда надо будет, он его примет и назначит кого надо и куда надо.

Это высказывание буквально по всем статьям было выигрышным: призывая не муссировать слухи об отставке министра обороны, генерал как бы подавал примиренческий знак Грачеву, с которым не раз сцеплялся в публичной полемике по поводу подчиненности Погранвойск. Он как бы защищал президента от давления СМИ. И одновременно давал понять всем, что у Ельцина хватит мудрости решить вопрос правильно и своевременно...

КРЕМЛЕВСКИЙ ИГРОК

После того как Ельцину стало понятно, что его победа в первом туре президентских выборов над Зюгановым слишком зыбка, что результат повторной схватки с противником в огромной степени зависит от Лебеда, Ельцин резко пошел

на консолидацию с опальным генералом. Уже в третий раз за последний месяц он приглашал Лебеда в Кремль и откровенно давал понять, что нуждается в его поддержке «во имя России». Набор комплиментов, которыми президент щедро осыпал Лебеда в тот вечер 17 июня 1996 года, был беспрецедентным.

На предложение открыто призвать «своих» избирателей поддержать курс реформ и демократии во втором туре генерал ответил уклончиво. Но смысл его согласия был понятен.

Президент попросил Лебеда высказать свои соображения по поводу возможного назначения на пост секретаря Совета безопасности и одновременно — помощника президента по национальной безопасности. Лебедь выдержал паузу — такую долгую, что заставил Ельцина забеспокоиться, и, с трудом преодолевая нахлынувшее на него волнение, заговорил об ответственности. Когда дошел до необходимости радикальных реформ в армии, заговорил о Грачеве. Ельцин насторожился и посуровел. Сказал:

— Тут мне все ясно, Александр Иванович. Проект указа о Грачеве у меня уже готов... Давайте работать и не терять времени. Завтра приглашаю вас в Кремль. Надо вас представить народу.

На том и разошлись.

ОТСТАВКА

Через несколько минут после ухода Лебеда из Кремля помощники президента позвонили в Министерство обороны и сообщили Грачеву, что его вызывает Верховный главнокомандующий.

Грачев приехал растерянный и настороженный. Ельцин для формальности спросил его о том о сем, поинтересовался здоровьем. А затем напомнил об их недавнем разговоре, когда министр обороны обещал ради победы президента на выборах «отойти в сторону».

Грачев побледнел. Сказал:

— Я все понимаю, Борис Николаевич.

— Лебедь станет секретарем СБ и моим помощником по безопасности. Как на это смотришь?

— Под Лебедем я работать не буду.

Повторил:

— Я с Лебедем не сработаюсь. Я сейчас же подам рапорт...

В Кремль приезжал действующий министр обороны России. Уезжал — бывший. В те минуты на столе Ельцина еще лежал неподписанный указ о смещении министра обороны Российской Федерации генерала армии Грачева Павла Сергеевича с должности. Ельцин взял ручку и своим характерным наклонным пружинообразным почерком расписался. Точно так же, как сделал он это в середине мая 1992 года, когда возвышал своего любимца на самый Олимп военной власти...

Грачев еще ехал в своем легендарном «мерсе» из Кремля на Арбат, а к его приемной уже стягивались генералы с таким видом, словно пришла похоронная весть. Собралось человек десять. Дежурному по приемной было приказано ни с кем не соединять министра и никого к нему не пускать. Ради снятия стресса — «по пять капель». По мере того как хмель кружил голову, компания становилась все более агрессивной. Многие понимали, что уйдут вместе с Грачевым. И вдруг кто-то предложил «отблагодарить» наиболее преданных за верную службу министру тем, что осталось в его наградном фонде.

Нашелся в той компании человек, который уже мечтал найти свой бриллиант на пепелище. После выпивки и митинга в задней комнате кабинета министра он нашел способ просигнализировать секретарю Совета безопасности о «заговоре». Его расчет был понятен. Он спасся. Но совсем ненадолго...

МОЛЧАНИЕ

...После отставки Грачев исчез из поля зрения сослуживцев. Лишь один или два раза появлялись его коротенькие интервью в прессе. В одном из них накануне президентских выборов он сказал:

— Своих позиций и привязанностей не меняю... Хочу, чтобы моя отставка не повлияла на позицию военнослужащих на выборах.

А по поводу обнаруженного Лебедем «заговора» ГКЧП-3 Грачев заявил:

— Деяния, в которых обвиняют генералов, уголовно наказуемы. Это страшное подозрение. В других условиях этому делу придали бы большее значение.

Он обзвонил всех тех, кто был назван среди участников

«заговора», и попросил их обратиться в прокуратуру. Даже будучи в отставке, он продолжал повторять свое любимое слово — «президент»:

— Президент определит мою судьбу... Я думаю, что президенту еще пригожусь.

...Я встретил Грачева в середине апреля 1997 года после футбольного матча «Торпедо» — ЦСКА. Он уезжал со стадиона на «мерседесе» очень похожем на тот «Мерседес-500 SL», из-за которого у него было так много неприятностей. Автомобиль по приказу генерала Родионова отправили в один из минобороновских гаражей, где поставили на прикол. Родионов даже побрезговал посмотреть на него...

Я смотрел вслед быстро уезжавшей серебристой иномарке, пытаясь запомнить номер.

Не успел.

Глава 5

ГЕНЕРАЛ ДУБЫНИН

ГЕНШТАБ ПРОТИВ КРЕМЛЯ И МИДА

ТРЕВОГА

...В начале лета 1992 года начальник Генерального штаба генерал-полковник Виктор Петрович Дубынин приказал офицерам Главного оперативного управления ГШ, курирующим Дальневосточное направление, срочно представить ему карты и папку с документами по составу группировки войск и сил флота, дислоцировавшихся на Курилах. В тот день в Минобороны и Генштаб поступило распоряжение президента России разработать график вывода наших войск с Южных Курильских островов.

...Генеральный штаб еще ранней весной по своим конфиденциальным каналам стал регулярно получать из Токио информацию, что там вновь начинают активно мушкетировать вопрос о возвращении «северных территорий». Но поскольку в то время российское Министерство обороны находилось в стадии формирования (президентский указ об образовании МО РФ вышел 7 мая) и на Арбате шел «дележ портфелей», было не до основательной проработки военных аспектов курильской проблемы.

И только после того, как были назначены министр обороны России, начальник Генштаба и их заместители, руководство военного ведомства все чаще стало получать из МИДА материалы, из которых становилось ясно, что возможность передачи нескольких Курильских островов Японии — вполне реальная перспектива. Тут, правда, только что ставший министром обороны России генерал Павел Грачев сильно подпортил настроение дипломатам, занимавшимся этим вопросом. 20 мая в японской газете «Kyodo» появилось его заявление: «Российские войска не будут отведены с Курильских островов». Это в корне противоречило замыслам орга-

низаторов планировавшегося на осень визита президента РФ в Японию. Но, учитывая неопытность военного министра, ему лишь «объявили замечание». Все шло по заранее намеченному плану...

Письменное распоряжение Ельцина, поступившее на Арбат, свидетельствовало, что вопрос о выводе нашего военного контингента с островов переходит в практическую плоскость. Генштабу предписывалось вплотную заняться выполнением указания Верховного главнокомандующего...

...В то время в России вспыхнула яростная дискуссия о Курилах. Наш МИД во главе с Андреем Козыревым и несколькими его заместителями, среди которых особо выделялся Георгий Кунадзе, активно готовили российскую общественность к возможной передаче нескольких островов Южных Курил Японии. Это вызвало массовое недовольство. Во многих регионах страны, особенно на Дальнем Востоке, поднялась волна протеста — митинги, демонстрации, пикетирования административных учреждений, массовые обращения граждан в различные госструктуры.

В российском Генштабе хорошо понимали, что японские власти стремятся использовать «повышенную лояльность» руководства новой России в международных делах и наконец-то в свою пользу решить один из самых болезненных в российско-японских отношениях вопрос.

Нельзя было не видеть, что и МИД изо всех сил пытался продемонстрировать новые подходы к межгосударственным проблемам, иногда любыми путями стремясь осуществить «прорыв» там, где советская дипломатия долгое время стояла на жестких позициях. «Курильский прорыв» намечался именно в таком контексте. Главная его цель была понятна: передача островов Японии открывала возможность подписания мирного договора между Москвой и Токио. А за ним — крупные японские инвестиции в российскую экономику. Ясно, что у Ельцина был большой соблазн одним махом распутать узел, который уже в течение многих десятилетий безуспешно пытались развязать отечественные политики и дипломаты. К тому же МИД уверенно пророчил ему «позитивные перспективы визита» в Японию...

Однако на многие международные проблемы, тем более напрямую затрагивающие военную сферу, на Арбатской площади часто смотрят совсем не так, как на Смоленской.

Если на Смоленской уже предвосхищали яростные апло-

дисменты японцев в ходе предстоящего визита российского президента в Токио, то на Арбатской хмурили брови, склоняясь над оперативными картами Курильского региона...

ДУБЫНИН

Начальник Генштаба генерал-полковник Дубынин с большой настороженностью встретил весть о готовящейся передаче Южных Курил под японскую юрисдикцию. Поскольку вопрос включал и военные аспекты, у НГШ состоялось несколько бесед с мидовцами. После одной из них он был сильно расстроен. Оказалось, что у Дубынина произошел конфликт с чиновником восточного департамента, который пришел в ярость после вопроса Виктора Петровича:

— Кому мы там на своей земле мешаем?

Генералу дали понять, что международная политика — не дело военных, от него ждут прежде всего предложений по плану отвода войск с островов. Тогда Дубынин поинтересовался, прорабатывает ли наш МИД компенсационные меры. Допустим, сокращение американского контингента на Окинаве или адекватный отвод японских войск с приграничных северных островов. Узнав, что это не предусматривается, не скрыл своего недовольства...

Уже тогда было ясно, что ему не обойтись без новых тренировок с МИДом, с которым у Виктора Петровича не заладились отношения еще с той поры, когда он был Главнокомандующим Северной группой советских войск в Польше.

Когда поляки потребовали, чтобы Союз оплачивал им валютой провоз эшелонов с боевой техникой и личным составом, выводимых из Германии, генерал Дубынин пошел на беспрецедентный шаг: без санкции «сверху» он выступил в польском сейме с гневной речью, в которой, в частности, напомнил, что Советский Союз в свое время оплатил свободу Польши жизнями 600 тысяч своих солдат...

То выступление Главкома СГВ наделало много шума и вызвало резкое недовольство хозяев высотки на Смоленской площади, которые пожаловались Горбачеву и Язову, требуя, чтобы Дубынин больше не «совал нос в международные дела».

Я познакомился с генералом Дубыниным вскоре после этого скандала. Тогда он приехал в Москву на совещание высшего рукостава и привез текст своего выступления в

польском сейме, о котором уже «ходили легенды» вперемешку с кривотолками. По этой причине мой тогдашний начальник генерал Николай Кошелев предложил Дубынину опубликовать его выступление в военном журнале. Материал получился сенсационный, но вызвал еще большее негодование некоторых чиновников МИДа.

Когда летом 1992 года мы встретились с ним в Генштабе, Виктор Петрович вспомнил о том случае, принесшем ему немало неприятностей (но еще больше укрепившем его авторитет в войсках). А поскольку курильская проблема неминуемо предопределяла прямые контакты НГШ с МИДом, Дубынин относился к этому без восторга. Начальник Генштаба не скрывал, что новых неприятностей ему не избежать, поскольку подходы МИДа и ГШ к курильскому вопросу во многом не совпадали...

Мне не однажды довелось встречаться с ним по служебным делам и беседовать с глазу на глаз. Я испытывал особое чувство благодарности к Виктору Петровичу за то, что он однажды спас меня от увольнения из армии после моей статьи в «Правде» о проблемах ядерной безопасности в Ракетных войсках стратегического назначения («Ракетный щит или крышка гроба?»). Кто-то из администрации президента РФ высказал сильное недовольство Грачеву по поводу этой публикации, и меня вызвали «на ковер» к министру. Но какие-то чрезвычайные обстоятельства сорвали эту аудиенцию, и решение дальнейшей моей судьбы было поручено начальнику Генштаба.

Виктор Петрович, как мне показалось, лишь для вида пометал в меня громы и молнии. Ибо в итоге я был переведен на другую должность в центральном аппарате МО...

Еще одна очень памятная мне беседа произошла летом 1992 года в Георгиевском зале Кремля на торжественном приеме в честь выпускников военных академий. Тогда недавно назначенного министром обороны РФ Павла Грачева упорно брал в окружение хмельной генералитет, чтобы лично поздравить именинника. Его пресс-секретарь Татьяна Чемоданова, орудуя локтями, оттесняла страстно желавших припасть к «сановным ризам».

Видать, хмель сильно ударил по моим мозгам, иначе с чего бы это и меня черт дернул просунуться сквозь плотный строй генеральских погон и совсем не к месту промычать Грачеву что-то про встречи в Афгане и противогазы, которые за доллары распродают иностранным фирмам армейс-

кие тыловики. Пока Грачев пытался понять смысл моего страстного заявления, Чемоданова оттеснила меня от министра и принялась отчитывать за невежество. Мой подвиг действительно был тогда неуместен.

Тут и подошел Дубынин. Он вежливо попросил Татьяну Васильевну оставить нас вдвоем, а сам достал записную книжку и стал внимательно расспрашивать меня о сути проблемы. Я рассказал ему все, что знал о затеянной Минобороновскими коммерсантами продаже одной зарубежной фирме огромной партии армейских противогазов. А главное о том, что забугорных дельцов интересовали даже не наши противогазы, а фильтровочный материал в них...

НГШ поблагодарил меня за информацию, и мы выпили с ним по бокалу шампанского за Российскую армию. Через некоторое время я узнал, что «противогазная сделка» была пресечена...

Потом была встреча с Дубыниным в Главкомате Объединенных Вооруженных Сил СНГ, куда НГШ прибыл в качестве представителя министра обороны. На совещании шла речь о проблемах военной интеграции. Руководство Минобороны в то время занимало осторожную позицию: Грачев постоянно делал упор на то, что российская сторона везет на себе львиную долю финансовых и материально-технических трат. Дубынин же стал высказывать мнение, что, несмотря на все трудности, Россия обязана помочь странам Содружества поставить на ноги национальные армии.

После совещания я спросил у Виктора Петровича, не возникнут ли у него трения с Грачевым по поводу серьезных расхождений в подходах к военной интеграции. Он посмотрел на меня усталыми глазами (был уже неизлечимо болен) и ответил:

— Я говорю то, что думаю, а не то, что кому-то хочется.

...Дубынин понимал, что если Кремль и МИД уже приняли окончательное решение о передаче островов, то вмешательство Генерального штаба с его отрицательной точкой зрения будет политически опасным. Тем более что еще со времен Горбачева на Смоленской площади стало дурной модой принимать некоторые крупные политические решения, игнорируя мнение военных.

Но еще не все было потеряно. В политике, как и в военном искусстве, часто успешно действуют одни и те же законы: если высоту нельзя взять в лоб, ее обходят с флангов...

Вскоре в Генеральном штабе стали частенько появлять-

ся гражданские люди с депутатскими значками. Они подолгу засиживались в кабинете Дубынина, куда офицеры Главного оперативного управления приносили большие оперативные карты дислокации ДВО и ТОФа и множество других документов. НГШ провожал их довольный. В конце июля 1992 года по инициативе группы народных депутатов (в том числе и тех, которые приходили в ГШ) были назначены закрытые парламентские слушания по Курилам. В те дни я еще не знал, что генерал-полковник Дубынин замышлял последнюю в своей жизни операцию...

СКРЫТЫЙ ПЕРЕЛОМ

На закрытых парламентских слушаниях Министерство иностранных дел РФ представлял заместитель Козырева Георгий Кунадзе — один из тех, кто явно проталкивал решение вопроса в пользу Японии под видом «восстановления справедливости». Все доводы, факты, цифры, приводимые Кунадзе, и его ответы на вопросы депутатов были пронизаны, на мой взгляд, единственной идеей — протащить «сдачу» островов через парламент и подготовить необходимую почву для «прорыва Ельцина на Восток». Ему явно подыгрывал и первый зам Председателя Верховного Совета Сергей Филатов. В Генеральном штабе внимательно наблюдали за перипетиями борьбы в Верховном Совете по курильскому вопросу. На стол НГШ регулярно ложились необходимые документы и докладные наших генералов и офицеров, участвовавших в слушаниях и заседаниях по этой проблеме...

Из стенограммы закрытых парламентских слушаний Верховного Совета РФ «Российско-японские отношения и конституционная проблема территориальной целостности Российской Федерации» (28 июля 1992 года):

«С. А. Филатов: ...Отсутствие российско-японского мирного договора обуславливает крайне осторожный, а зачастую откровенно сдерживающий подход японского правительства к развитию связей с Россией. Мне думается, что подходу российского руководства, направленному на решение территориального вопроса, конструктивной альтернативы нет, так как от этого зависит подписание мирного договора с Японией...

...Конечно, практическое выполнение декларации (имеется в виду Декларация 1956 года. — В.Б.) должно быть увязано с заключением мирного договора.

Только после подписания этого документа российско-японские отношения будут поставлены на прочную договорно-правовую базу, а мы тем самым, пусть и с опозданием, перевернем последнюю страницу на Востоке так же успешно, как сделали это на Западе...

И. В. Рогачева, народный депутат РФ: ...Что можно сказать о подходах к решению экономической стороны этой проблемы? Какова позиция МИД в этом вопросе?

Г. Ф. Кунадзе: ...Мы исходим из того, что урегулирование наших отношений с Японией создаст дополнительные импульсы для развития наших торгово-экономических отношений.

Вот один конкретный пример. Вы знаете, что экспорт вооружений для нас сегодня один из главных потенциальных источников получения твердой валюты. Но в отношении Японии мы не можем даже рассматривать возможность продажи и поставки каких-то видов военной техники, поскольку у нас с Японией отсутствует мирный договор...

(Необходимый комментарий: даже для неспециалиста вопрос о поставках российской военной техники в Японию выглядел лукаво. Во-первых, это давало бы возможность нашим соседям наращивать свой военный потенциал и тогда просто нелепо выглядели бы и неоднократные заявления сторон о готовности понижать уровень вооружений в регионе и готовность России в этих условиях идти на демилитаризацию Курил. Во-вторых, американцы никогда бы не позволили нам это сделать, имея свой многотысячный контингент на территории Японии. — В.Б.).

Г. В. Саенко, народный депутат РФ: По Сан-Францисскому договору Япония отказывается от всех прав... на Курильские острова и на ту часть острова Сахалин и прилегающих к нему островов, суверенитет над которыми к Японии отошел по договору 1905 года. Почему же в переговорах по дипломатическим каналам вокруг надуманной, на мой взгляд, проблемы о мирном договоре все-таки присутствует территориальный спор?

Г. Ф. Кунадзе: Вопрос о том, что Япония отказалась от Курильских островов и части Сахалина по Сан-Францисскому договору, правомерен. Но в самом тексте договора написано, что ни одна страна, не подписавшая договор, не являющаяся его участником, не может извлекать из этого договора никаких преимуществ...

Е. А. Амбарцумов, председатель Комитета ВС РФ по международным делам и внешнеэкономическим связям: При

всем моем личном хорошем отношении к руководству МИД я вынужден высказать решительное несогласие с его подходом. Прежде всего неправильно положение о том, что международное сообщество в принципе поддерживает японскую позицию. Посол одной из стран «семерки» сказал недавно, что это совершенно неверное представление, будто «семерка» поддержала Японию по этим вопросам. Это более или менее вымученное, весьма в обтекаемой форме сделанное пожелание, что ли, чтобы спорные вопросы между Россией и Японией были урегулированы.

Когда МИД говорит о необходимости учитывать позицию Японии, он совершенно упускает вопрос о том, что необходимо учитывать российскую позицию, и в том числе внутреннюю...

С. А. Михайлов, народный депутат РФ: Такая проблема, затрагивающая национальные чувства, может решаться только тогда, когда с решением будет согласно большинство населения...»

В зале — аплодисменты. Генералы и офицеры Минобороны и Генштаба, присутствовавшие на закрытых слушаниях, покидали Белый дом в прекрасном расположении духа.

Большие победы часто начинаются с того, что затормаживается наступление противника...

ЛИНИЯ СРАЖЕНИЯ

...Генеральный штаб продолжал всесторонне анализировать развитие ситуации по Курилам в Центре и внимательно наблюдать за ее развитием непосредственно в регионе. В то время в аналитических документах ГШ появились выводы, что вопрос о возможной передаче части островов Курильской гряды Японии для жителей Дальневосточного региона является «весьма болезненным». В целом общественное мнение было настроено против какой-либо передачи российских территорий Японии...

В ГШ систематически поступала информация, что личный состав Дальневосточного военного округа и Тихоокеанского флота отрицательно относится к намерению российских властей отдать Японии все или часть островов Курильского архипелага. В частях и на кораблях это намерение было встречено крайне негативно, что «послужило поводом для массового выражения недовольства...».

По распоряжению НГШ наше Управление информации ежедневно отслеживало ход дискуссии о Курилах, развернувшейся в прессе. Было дано задание в меру возможного оказывать влияние на позицию газет в интересах военного ведомства. Выполнить эту задачу было непросто: многие издания (за исключением оппозиционных режиму и, пожалуй, еще «Независимой газеты») категорически отказывались публиковать материалы, подготовленные экспертами и аналитиками ГШ. Они не отвечали установкам Кремля и МИДа. Не помогали ни наши отказы от гонорара «в пользу редакции», ни дорогостоящие презенты в виде редкостных крепких напитков...

Включилась в дискуссию и газета Минобороны «Красная звезда», хотя для нее было весьма небезопасно публиковать материалы, явно идущие вразрез с «официальной линией». 9 июля 1992 года в «КЗ» было опубликовано, в частности, весьма «опасное» для военного ведомства письмо одного из читателей, в котором были такие строки: «Ельцин может повторить с Курилами ошибку прежних правителей России, отдавших американцам Аляску».

В МИДе и в администрации президента «недопустимую» публикацию засекли. Пошли звонки в МО и Генштаб. Суровые и негодующие чиновные голоса по «кремлевке» допытывались:

— Кто дал право президента России называть правителем России?

— Почему Ельцина газета назвала так неуважительно?

— Ничего страшного, — отвечали им из Генштаба, — плюрализм и свобода слова.

И такие телефонные разговоры тоже были нашими «боями» за острова. Передовая линия сражения пролегла и через Генштаб.

...А с Дальнего Востока продолжали идти на Арбат тревожные донесения. В наиболее категоричной форме свое отрицательное отношение к возможной передаче Курильских островов Японии высказывали казаки. Уссурийское казачье войско предупреждало, что не отдаст ни одного сантиметра русской земли и готово с оружием в руках выступить на защиту Курил. Его позицию поддерживали Забайкальское, Енисейское и Сибирское казачьи войска. Камчатские казаки (атаман Пянкин Н. В.) тоже заявляли, что никакого территориального вопроса не признают и готовы воевать с теми, кто выступит за передачу островов Японии...

НГШ добивался, чтобы такие сведения оперативно попадали на стол прежде всего тех политиков и дипломатов, которые готовили президентский визит в Японию. Это тоже была одна из форм «борьбы за острова».

Обеспокоенный таким развитием ситуации Козырев вынужден был слетать на Камчатку для проведения «разъяснительной» работы среди гражданского населения и военнослужащих. Во время посещения Петропавловска-Камчатского в июне 1992 года он вынужден был маневрировать и для успокоения разъяренной толпы заявил, что «никто не собирается отдавать Южные Курилы», что острова «могут быть переданы лишь в порядке концессии». В этих словах министра иностранных дел легко можно было заметить явное противоречие. И потому из толпы раздался резонный вопрос:

— Так «никто не собирается отдавать» острова или они «могут быть переданы»?

Козырев сделал вид, что не расслышал этой меткой подколки. Его поездка на ДВ ничего не изменила.

СОВЕСТЬ НАПРОКАТ

...В Генштабе еще в марте 1992 года обратили внимание на многозначительную фразу Козырева, заверившего японцев, что «Россия не будет больше дразнить Японию». И уже тогда на Арбате стали замечать, что разворачивается мощная информационная операция, призванная обеспечить успех визита Ельцина в Японию и передачу островов. Нетрудно было догадаться, кто именно сделал идеологический заказ некоторым российским исследователям проблемы, которые яростно начали «готовить общественное мнение».

В печати, на радио и телевидении все чаще стали появляться научные работы, статьи, интервью, репортажи, очерки, в которых открыто пропагандировалась якобы чисто японская принадлежность Курил.

— Я никак не пойму, как могут русские люди с такой яростью отстаивать интересы чужой страны, — сказал мне однажды Дубынин.

Я тоже не мог понять этой загадки. Многое прояснилось, когда Генштаб стал располагать «спецматериалами», проливающими свет на скрытую сторону этой проблемы. О том, как все это делалось, свидетельствовал и бывший директор Института проблем Дальнего Востока Олег Арин. Он рас-

крыл технологию «покупки» голосов тех ученых, политиков, историков, которые ратовали за возврат Курил Японии:

— Когда-то вслед за нашими политиками все японоведы дружно в открытой печати писали о том, что территориальной проблемы между Японией и СССР не существует. По мере развития гласности мы потихонечку начали поговаривать, что вообще-то «проблема» есть, но решать ее надо, так сказать, на взаимоприемлемой основе (тогда нам казалось — такой основой может быть декларация 1956 года). Когда же мы совсем одемократились (это уже после 1991 года), то стали чуть ли не требовать возврата этих территорий Японии без всяких «но». Находясь уже во Владивостоке на посту директора одного из институтов, я в печати, по местному телевидению и радио призывал к передаче этих самых «северных территорий» Японии. Другие японоведы-«возвращенцы» были более сдержанны...

В то время на нас особенно набросился Валентин Федоров, тогда — губернатор Сахалина. Я его абсолютно не понимал: как же так, мы, то есть СССР, действительно оккупировали земли, которые России никогда не принадлежали (я имею в виду Южные Курилы). «Ну и что, — говорил Федоров, — тогда все так поступали. Захватили так захватили, мало ли что кто захватывал в истории. Теперь другое время. Территории наши, и точка».

Только теперь, после внимательного изучения истории США, понимаю, что в его словах был заложен большой смысл. Почему-то ни одному американцу не приходит в голову ради общечеловеческих ценностей и прочей справедливости возвращать территории, в свое время силой захваченные США, например, у Мексики.

В этой связи возникает вопрос: чего это я так сильно стал печься об интересах Японии, вместо того чтобы думать об интересах России? Ответ оказался проще пареной репы. В 1986 году у меня была опубликована большая монография о Японии, которая почти не повлияла на мои взаимоотношения с японскими коллегами.

После публикации критической статьи о советской японистике в журнале «Проблемы Дальнего Востока» мои отношения с японскими коллегами как-то незаметно начали теплеть, и, более того, один из японских ученых, сторонник жесткой линии в отношении Советского Союза по «северным территориям», даже помог опубликовать одну из моих статей в японском журнале.

По мере углубления прояпонской позиции по этим вопросам я все чаще и чаще стал получать приглашения на всяческие конференции в Японии, где за мои доклады платили от 500 до 1500 долларов. Находясь в этой стране в четырехмесячной командировке (приглашение было крайне неожиданным для меня), я продолжал гнуть ту же антироссийскую линию по данной проблеме в японской печати. За это не был обойден иеновым вниманием...

Самое поразительное, что все это я никак не связывал с тем, о чем писал и что говорил... После того как я стал предлагать в различные журналы и газеты, в том числе и в Японии (где я уже публиковался) более взвешенные статьи о реальностях русской политики и интересах России, которые никто не хотел публиковать, меня осенило: я же теперь говорю не то, что им надо!

В качестве эксперимента написал такую статью, какую, как я предполагал, они ожидают. Прошло. И все стало совершенно понятно.

Запад, как и Япония, просто так никому денег не дает. Думать иначе — значит быть идиотом. Там четко стоят на страже своих интересов и платят тому, кто ему служит. Причем не только через гонорары за публикации и выступления на конференциях. Формы подкупа крайне разнообразны. Это приглашения и на стажировку, и даже для чтения лекций в университетах. Это и участие в совместных монографиях (гонорар плюс поездки «на халяву» туда-сюда для утряски монографии). Так подкупаются представители политико-административного комплекса, особенно те, кто у власти или близок к власти...

Так догадки становились для генштабистов разгадками.

Летом 1992 года в Японию косяками повалили из России эмиссары, явно прослышавшие, что в Стране восходящего солнца за добросовестную пропаганду японской принадлежности Курил можно хорошо разжиться «зелеными». Японцы за глаза стали называть их «баксонасосы». В Токио побывали Геннадий Бурбулис, Михаил Полторанин, Юрий Петров и еще десятка три московских чиновников, возможно, с трудом способных найти на карте Курилы, но представляющихся великими знатоками проблемы. И хотя подчас они несли полную ахинею, японцы были в восторге: главное — призы были «правильными».

Японцы оказали им небывалое для посланников такого ранга гостеприимство. Они недвусмысленно намекали, что

острова японцам надо непременно отдать. А за свои так называемые лекции перед японской аудиторией они получали, как стало известно в ГШ от наших военных «специстов», повышенные гонорары. Такие же гонорары получали и десятки ученых-историков Дальнего Востока, чьи идеи об исторической принадлежности Курил Японии тоже импортировали нашим дальневосточным соседям. Были сведения и о царских подарках, полученных «высокими московскими гостями». Ходили даже слухи, что японцы одарили кого-то лучшей в мире видеосистемой, кого телевизором.

На Курилах в то же время побывали депутаты парламента Олег Румянцев, Глеб Якунин, Сергей Юшенков. И если Румянцев, как мне рассказывали пограничники на Итурупе, вел себя вполне осторожно и не спешил с однозначными выводами, то Якунин с Юшенковым не колебались:

— Острова не наши — надо отдавать!

Командир авиационного полка ПВО полковник Александр Кириллов рассказал мне забавную историю. Поскольку аэродром «Буревестник» входил в его вотчину, то он вместе с местной администраторской знатью по статусу обязан был встречать московскую делегацию. Прилетело человек пятнадцать. Их сводили в летнюю столовую, покормили и усадили в летном классе — ждать вертолета до Кунашира. А чтобы оказать не лишний знак внимания, прислали солдатика с минеральной водой. Солдатик воду в стаканы парламентариям разливал, а сам к разговору прислушивается. Слышит, что один из москвичей то и дело повторяет, что «остров Хабомаи тоже надо японцам отдать». Не выдержал тогда служивый и при всех поучил дилетанта-депутата географии:

— Хабомаи не остров, а группа островов.

И отщелкал, как из пулемета, их названия. Солдатика тут же попросили из класса...

ПРОВИДЦЫ

...Тот, кто служил с Дубыниным, не даст мне соврать: Виктор Петрович постоянно требовал от подчиненных умения предвидеть развитие ситуации и сам всегда показывал в этом пример. В немилость попадал тот, кто позволял обстоятельствам застать себя врасплох.

Став начальником Генерального штаба, Дубынин проводил ту же линию. Он никогда не любил изъясняться с наро-

читой заумностью, но тем не менее некоторые его выражения многим запомнились крепко. Однажды он сказал:

— Большая Россия начинается с крохотных Курил.

В Генеральном штабе очень внимательно наблюдали за ходом подготовки визита Ельцина в Японию и за тем, как «заинтересованные круги» в Кремле, в МИДе и в правительстве «готовили общественное мнение», как реагировали на все это парламент и Россия. Внимание это было вполне объяснимо, ведь вопрос касался возможного изменения военно-стратегических позиций России на Дальнем Востоке в случае потери даже двух малюсеньких островов.

К прогнозированию последствий такого поворота проблемы был подключен и Центр военно-стратегических исследований Генштаба. Наши эксперты в докладах руководству ГШ констатировали, что обстановка вокруг курильской проблемы накаляется. Растет и международный интерес к ней. Этому свидетельствовало и обращение к вопросу о «северных территориях» во время визита Б. Ельцина в Вашингтон в июне 1992 года, и характер переговоров премьер-министра Японии К. Миядзавы во время визита в Вашингтон в начале июля, и итоги встречи «семерки» в Бонне...

К тому времени в ГШ уже знали, что во время визита Ельцина в США у него состоялся разговор с писателем А. Солженицыным, который убеждал президента, что он изучил историю островов начиная с двенадцатого века и пришел к выводу, что «Курилы надо отдать, но дорого». Конечно, такое мнение авторитетного писателя играло на руку «японскому лобби» в России и самое главное — подталкивало президента к опасному шагу... На мнении Солженицына стали спекулировать некоторые политики и дипломаты, выдавая его чуть ли не как истину в последней инстанции. В ГШ были люди, которые думали по-другому: «Солженицын тоже может заблуждаться. Есть историки, которые изучили историю еще глубже, но столь категоричные выводы делать не рискуют...»

Начальник Генштаба приказал нескольким специалистам Главного оперативного управления, Главного организационно-мобилизационного управления, Центра военно-стратегических исследований ГШ, Главного разведывательного управления ГШ, Управления внешних сношений, Военно-научного управления в срочном и строго конфиденциальном порядке подготовить для него несколько документов самого различного плана — от подробного состава сухопутной и морской

группировок на ДВ (и особенно — в районе Курил) и противостоящих ей японо-американской и американо-южнокорейской группировок до прогноза наших позиций на Дальнем Востоке в случае передачи двух или всех островов Курильской гряды Японии. Этот «разведпризнак» свидетельствовал о том, что НГШ решил «драться» всерьез, хотя его одолевала в то время масса других управленческих проблем и упорно пожирала силы страшная болезнь... Он несколько раз ездил в Верховный Совет и в МИД. Готовились новые парламентские слушания по Курилам, на которых планировалось и выступление НГШ. В то время Дубынин задал новую головоломку дипломатам: правомерно ли начинать отвод нашего воинского контингента с островов, если еще не выработана точка зрения Верховного Совета и не получено его «добро». Это опять вызывало недовольство кое у кого в международном ведомстве, где начальнику Генштаба открыто давали понять, что в общем-то «парламент не указ» — надо действовать в соответствии с указаниями президента. Тогда НГШ попросил убедить его в том, что распоряжение главы государства на передислокацию крупного воинского контингента без согласования с Верховным Советом не противоречит существующему законодательству. Дубынин далеко не из праздного любопытства ставил вопрос именно в такой плоскости...

В начале июля в Верховном Совете состоялось совещание по проблеме Курил, на котором присутствовали и представители Генштаба. Позиция МИДа на нем была подвергнута очень резкой критике. И особенно беспощадно дипломатов костерили за то, что они «протолкнули» преждевременную демилитаризацию Курил, не определив до конца позицию на предстоящих переговорах. Их «рвение» зашло так далеко, что начальник Генштаба был вынужден обратить внимание на грубое нарушение последовательности решения вопроса, предписанной в «плане Ельцина» ...

В те дни специалисты ГШ подготовили документ, в котором анализировались международные политические последствия возможной передачи островов Курильской гряды Японии. Они, на наш взгляд, заключались в следующем:

1. Возможно понижение престижа Российской Федерации на международной арене, поскольку территориальные уступки иностранной державе, как правило, не прибавляют уважения государству и вызывают сомнения в независимости ее внешней политики.

2. Будет создан прецедент территориальных притязаний для

других стран. Решение вопроса о передаче Курильских островов Японии по существу явится шагом к пересмотру итогов второй мировой войны, за которыми, например, могут последовать территориальные претензии Германии к России (Калининград), Польше (Силезия), Чехии и Словакии (Судеты) и др.

3. Передача островов вряд ли решит курильскую проблему. Во-первых, можно предположить, что аппетиты Японии не ограничатся только двумя—четырьмя островами, она может поставить вопрос о всей Курильской гряде, а затем, возможно, и Сахалине. Во-вторых, в России вполне могут найтись силы, которые будут считать это решение несправедливым и бороться за ревизию договора, причем с использованием всех возможных средств, в том числе и насильственных, что будет постоянно осложнять российско-японские отношения в дальнейшем...

«ПРОСЬБА СОБЛЮДАТЬ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ»

...В выработке позиции МО и Генштаба по курильской проблеме участвовали десятки специалистов. Многие люди, работающие даже в соседних кабинетах, и не догадывались, что рядом сослуживцы решают ту же проблему. И на то были свои причины...

НГШ приказал исполнителям документов «работать без шума», ставя в известность лишь своих непосредственных начальников и оформляя документы на листах без традиционных генштабовских прибаамбасов. Было ясно, что Дубынин остерегался утечки информации. К тому же в документах делались отрицательные выводы относительно планируемой передачи Курил и их демилитаризации. НГШ требовал готовить аналитические материалы «предельно честно и без оглядки на кого-либо».

В те дни в Генштабе стало известно, что парламентская экспертная комиссия, которую возглавлял Олег Румянцев, подготовила брошюру по Курилам. Данный трактат был выпущен ограниченным тиражом и содержал сведения стратегического характера. Поэтому на него навесили гриф «для служебного пользования» (позже этот «секретный» доклад я нашел на подоконнике Хабаровского аэропорта...).

Молва о данном материале распространилась быстро, и многие наши специалисты, занимавшиеся Курилами, стали гоняться за ним, как за бестселлером. НГШ тоже попросил по-

мощников раздобыть брошюру. У доклада было два больших плюса: во-первых, он обоснованно констатировал, что вопрос об исторической принадлежности островов еще достаточно не изучен и запутан. Во-вторых, в материале, пожалуй, впервые были систематизированы и названы те колоссальные запасы стратегического сырья (в том числе и очень редкостные виды), которые потеряет Россия, если отдаст Курилы.

К тому же в ГШ уже располагали сведениями, что на Курилах еще сохранились законсервированные шахты на месторождениях и рудниках, где японцы до 1945 года вели добычу стратегически важного сырья. Острова обладают огромным запасом полезных ископаемых и биологических ресурсов. Здесь залегают золото, серебро, многие черные и цветные металлы...

В брошюре содержались и некоторые оценки, касающиеся военно-стратегических аспектов проблемы, что для Генштаба тоже было очень важно и позволило нашим специалистам изучить позиции и взгляды наших парламентариев на эту сторону вопроса, помочь НГШ основательно «вооружиться» перед слушаниями в парламенте. У него ведь была масса и других служебных проблем, требующих сил и времени. А здоровье Виктора Петровича все сильнее подтачивала неизлечимая болезнь...

ТОЧКИ НА КАРТЕ

...Происходили интересные вещи: чем больше генералы и офицеры Генштаба во главе с Дубыниным вникали в курильскую проблему, тем глубже открывалась им трагическая и захватывающая история островов с древних времен до наших дней.

Это было в чем-то похоже на случай, когда рядом с вами долгие годы живет молчаливый человек, а приходит день, и вдруг узнаете о его жизни такое, что восхищает...

История Курил чем-то напоминала мне жизнь таких людей.

Начальник Генштаба дотошно изучал курильскую проблему, и некоторые из офицеров, работавшие в его аппарате, иногда мотались по Москве в поисках необходимых исторических документов и консультантов. В те дни меня поражало то, с какой въедливостью наш НГШ вникал в существо вопроса, часто повторяя одну и ту же фразу:

— Я хочу знать правду.

Однажды Виктор Петрович, разложив на своем столе десятки документов, собрал группу помощников и, устало осмотрев людей, спросил:

— Ну хоть кто-нибудь из вас свел концы с концами?

Офицеры попеременно стали докладывать свои соображения, оперируя документами и фактами. Тут же раздавались реплики оппонентов.

Тогда Дубынин в очередной раз останавливал спор и говорил:

— Всем двойка! Идите и готовьтесь!

Что мы знали о Курилах? Так, россыпь крохотных точек недалеко от Сахалина, которые на иной карте чуть больше маковых зерен. На самом-самом краю русской земли. Много рыбы и икры. Ну еще, что японцы на них давно глаз положили. Ну еще в лучшем случае, что время от времени мы с ними заводим очередной спор. Все.

По мере того как мы вращались в курильскую проблему, я стал замечать, что это становится похожим на учебу в своеобразном военно-патриотическом университете. Много лет занятые своими узкими служебными делами, часто очень далекими от военной истории, географии и дипломатии, мы все больше начинали «открывать» для себя свои Курилы...

...Вроде еще недавно Горбачев в ходе своего визита в Токио разжег у японцев страсть новой надежды на разрешение проблемы «северных территорий». Горбачев был намерен сделать некоторые уступки японцам. Уступок он сделать не успел. Но при нем была официально признана «проблема северных территорий». Появилась небольшая трещина, которая на глазах стала превращаться в опасный разлом.

...Еще весной 1991 года в Министерстве обороны и Генеральном штабе узнали о том, что Горбачев в ходе своего предстоящего визита в Японию намерен принять «смелое решение» по Курилам. Информация об этом поступила в ГШ от бывшего в ту пору военным советником Горбачева маршала С. Ахромеева. В последнее время в ряде публикаций неизвестно на каком основании утверждается, что якобы именно Ахромеев еще за месяц до официального визита Горбачева в Токио «предложил начать переговоры с Японией по этому вопросу». Несостоятельность такого утверждения очевидна уже хотя бы потому, что за месяц до визита такие вещи не делаются.

В ту пору мне довелось оказывать маршалу помощь в подготовке материала для одного из советских изданий. Я не-

сколько раз встречался с ним. К тому же Сергей Федорович неоднократно обращался в Генштаб с просьбами, касающимися оценок военно-стратегического значения Курил.

В апреле 1991 года Ахромеев прорабатывал военные аспекты визита Горбачева в Японию и, в частности, запрашивал у тогдашнего начальника Генштаба генерала армии Михаила Моисеева некоторые документы, касающиеся состава группировки наших войск на ДВ и некоторых аспектов, связанных с ролью и значением Курил в системе нашей обороны на дальневосточном ТВД. Не мог он предложить Горбачеву включить в программу переговоров с японцами курильский вопрос, да и не входило в его обязанности инициировать решение вопросов по территориальным спорам. К тому же Сергей Федорович в минуты откровений иногда признавался, что Горбачев, случалось, его мнение игнорировал. И это касалось целого ряда вопросов, таких, в частности, как темпы вывода наших войск из-за рубежа, уступки при подписании договора с США по стратегическим наступательным вооружениям, неоправданное включение Горбачевым и Шеварднадзе в советско-американский договор оперативно-тактической ракеты ОТР-23, ущербный для нашей страны договор с американцами по поводу использования прибрежного шельфа в одном из северных морей...

Однажды Ахромеев в порыве откровения сказал:

— Если Горбачев сдаст еще и Курилы, то меня больше не пустят в Генштаб. И правильно сделают...

ПРЕЗИДЕНТСКИЙ ПЛАН

...Став президентом, Ельцин стремился вырвать инициативу в решении курильского вопроса у Горбачева и однажды заявил, что он хочет, чтобы Российская Федерация подписала мирный договор с Японией, и предложил передать решение территориального спора на усмотрение федерального руководства. Ельцин обещал скоординировать общие позиции с президентом СССР и «не разрешать принимать любые решения, которые затрагивают нашу территорию, без нас».

Внутренний политический тупик мог серьезно ухудшить ситуацию.

У меня иногда создавалось впечатление, что Горбачев и Ельцин из-за личной неприязни начинают превращать проблему Курил в предмет сведения личных счетов.

Ельцин посещал Японию еще до первого официального визита туда Горбачева в качестве президента СССР, и представил там план решения советско-японского территориального спора, состоящий из пяти пунктов. План был рассчитан на 15—20 лет и включал следующие положения:

1. Признание Советским Союзом территориального спора с Японией;
2. СССР создает свободную экономическую зону на 4 островах;
3. СССР проводит демилитаризацию островов;
4. СССР и Япония подписывают мирный договор;
5. Решение вопроса о владении островами фактически передается последующим поколениям.

Ельцин шел ва-банк этим своим планом и на федеральном уровне впервые после многих десятилетий категорического отрицания советским правительством существования «проблемы северных территорий» тоже взял на себя ответственность признать, что эта проблема есть.

В то время Ельцина все больше и больше разбирал азарт мести Горбачеву за унижения и он позволял себе братья за решение вопросов, которые по большому счету все же были в компетенции союзного, а не российского руководства.

Быстро уловив это противоречие, японский МИД стал активно играть на нем и еще до августовских событий 1991 года начал проводить двойную дипломатию — на союзном уровне (Горбачев) и на республиканском (Ельцин)...

Наши генштабовские эксперты сразу обнаружили, что пятый пункт ельцинского плана, откладывающий решение территориального спора между Москвой и Токио на будущее, был взят из программы Дэн Сяопина «Формула островов Сэнкаку». Когда Китай и Япония вели переговоры о заключении мирного договора в конце 70-х годов, Дэн предложил, чтобы окончательное урегулирование их территориального спора по островам Сэнкаку было предоставлено следующим поколениям.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Самым «опасным» для нашего Генштаба в ельцинском плане был пункт о демилитаризации островов. Он вызывал у специалистов большие сомнения по многим причинам. Логика была проста: если еще не решен исторический спор о принадлежности Южных Курил, то зачем убирать с них

наши войска? К тому же их было на островах не так уж много. А отвод их мог серьезно осложнить и без того хилое прикрытие государственной территории.

В МИДе были недовольны тем, что и Дубынин, и некоторые другие высшие генералы высказывали сомнения по военным аспектам президентского плана. Создавалось впечатление, что тогда на Смоленке эту проблему считали почти решенной и потому не слишком прислушивались к мнению Генштаба. ГШ же продолжал гнуть свою линию и представил доклад о том, какие последствия могут быть для обороноспособности России, если Курилы будут переданы Японии.

В то время между МИДом и Министерством обороны стал складываться весьма странный тип отношений, при котором наше внешнеполитическое ведомство нередко игнорировало военно-экспертные оценки Генштаба, а те из них, которые не вписывались в конкретную мидовскую концепцию, попросту замалчивались.

Безусловно, что к лету 1992 года для нашего МИДа, задумавшего «курильский прорыв», идеальным было бы положение, при котором Минобороны и Генштаб с покорным молчанием участвовали бы в подготовке предстоящего визита Ельцина в Японию и не мешали бы своими «неудобными» расчетами, раздражавшими мидовских идеологов сдачи островов. Эти расчеты были еще одной формой борьбы за предотвращение передачи Курил Японии.

По мере приближения даты визита президента России в Токио в нашем военном ведомстве предпринимались и другие меры скрытого и явного противодействия акции, которая могла бы больно ударить по национальным интересам России. В ориентированных на Кремль и МИД газетах валом шли материалы, в которых доказывалось, что «Россия не имеет достаточных юридических прав на владение островами», что Япония в качестве платы за уступку островов может оказать значительную экономическую помощь РФ.

Было принято решение оказать противодействие такой позиции, акцентируя внимание на военно-стратегической стороне вопроса. С этой целью в некоторых наших штабах и была подготовлена для опубликования серия соответствующих материалов.

В одной из газет появилась статья, содержащая экспертные оценки Главного штаба ВМФ. Я был поражен: такого, чтобы наши специалисты предавали гласности свои конфиденциальные стратегические соображения, раньше не случалось...

В те дни я пролистал много справочников и извлек оттуда небезынтeресную информацию:

...Курильские проливы разделяют К. О. и соединяют Охотское море с Тихим океаном. Всего 26 проливов. Длина их незначительна, ширина — от 1,8 до 55 км, глубина — от 80 до 500 м. Наиболее удобны для судоходства: Четвертый Курильский, Крузенштерна, Буссоль, Уруп, Фриза и Екатерины...

Не надо быть матерым флотоводцем, чтобы понять — система К. О. в военном отношении служит выгодной стратегической «дамбой», позволяющей осуществлять через К. П. силами ВМФ (как надводными, так и подводными) внезапные выходы в океаническое пространство и в то же время надежно контролировать материковое побережье РФ. Владение Курилами дает возможность РФ иметь уникально выгодные позиции на театре военных действий.

До возвращения Курил в 1945 году советские суда имели доступ к Тихому океану через Цусимский пролив между Японией и Кореей. Этот стратегический водный путь сегодня усиленно контролируется иностранными флотами, и в случае передачи Южных Курил Японии значительная часть сил Тихоокеанского флота РФ может оказаться запертой в Охотском море...

Наши военно-морские стратеги сказали тогда в печати много, но, конечно, далеко не все... Вывод был ясен: в случае сдачи Курил мы потеряем возможность эффективно контролировать океаническое и морское пространство в регионе. Все это можно было рассматривать как открытый протест военных моряков против намечающейся с подачи МИДа курильской акции.

На Смоленской площади были недовольны такими «выходками» военного ведомства. Столь болезненная реакция вынуждала военных «делать выводы» и искать менее болезненные формы отстаивания взглядов. Все это нередко начинало носить скрытый характер, чтобы у Кремля и МИДа не возникло впечатления, что МО и ГШ готовят что-то вроде тайного заговора...

ТАЙНАЯ МИССИЯ

...Летом 1992 года наш Генштаб был заинтересован в том, чтобы пресса активно заостряла вопрос не только на политических, но и на военных последствиях готовящейся передачи Курил. Все это играло на руку военному ведомству и

укрепляло его позиции в противостоянии силам, ратующим за удовлетворение претензий японцев. Но поскольку президентские и правительственные СМИ активно проводили линию на «возвращение» островов и шли в русле МИДа, можно было рассчитывать лишь на помощь оппозиционной, национал-патриотической прессы. Она активно участвовала в этой акции, и мы щедро делились с ней материалами, которые укрепляли позиции ГШ. Нашей общей борьбе способствовало и то, что летом и осенью 1992 года оппозиционные власти силы вели кампанию против передачи островов в ходе предстоящего визита президента РФ в Японию.

В то время оппозиционные газеты Кремль и правительство часто откровенно душили экономически и они испытывали острейший дефицит финансовых средств. Естественно, для редакции, в которой журналистам не платили уже по несколько месяцев зарплату и даже отменили гонорар, было недопустимой роскошью отправить своих корреспондентов на Курилы. Зато лояльные властям газеты и журналы без проблем посылали своих журналистов на край света и они давали о Курилах такие материалы, что у миллионов читателей, зрителей и слушателей могло создаться убеждение — жители островов и личный состав гарнизонов спят и видят, когда к ним придут японцы и превратят «полускотскую» жизнь в человеческую.

Вот тогда в чьей-то генштабовской голове и родилась идея, которая понравилась Дубынину...

Была середина августа 1992 года. Мне было приказано прибыть к начальнику Генштаба (в то время я занимал должность старшего военного корреспондента Управления информации МО). Виктор Петрович изложил суть своего поручения: собрать группу «своих» гражданских и военных журналистов и на военно-транспортном самолете отправиться с ними на Курилы. Там подготовить серию объективных материалов об островах, особый упор делая на военные аспекты.

Дубынин сообщил, что некоторые редакции газет уже сами обратились к нему с просьбой помочь их сотрудникам добраться на Курилы на попутном военном транспорте, чтобы сэкономить деньги. На его столе лежало несколько писем на фирменных бланках газет, среди которых было и прошение главного редактора «Правды» Геннадия Николаевича Селезнева. Генерал посоветовал как можно аккуратнее проработать этот вопрос.

— Непростое это дело, — сказал Виктор Петрович. — Они своими материалами шуму наделают, президента и МИД раздраколят, а в конце какой-нибудь статьи малюсенькая такая приписочка: «Благодарим Генштаб за помощь». Представляете, что может быть после этого?.. И отказать грех. Ведь люди благородное дело затеяли. И это именно то, что нам надо. Отдать землю легко. Уже и отдавали, и дарили...

Генерал подошел к карте. Долго смотрел на нее, думая о чем-то своем. Потом сказал:

— Ну кому мы там угрожаем? Там войск — кот наплакал. Да и с островами очень многое еще не ясно. Тумана больше, чем над всем Тихим океаном. Вчера пятерых академик-историков опросил — как первоклашки путаются. Один — одно, другой — другое. Один говорит мне: «Вы скажите, какая задача по вашей военной части поставлена, а я дам соответствующую рекомендацию. Тут по-всякому проблему трактовать можно» ...

В конце беседы Дубынин добавил:

— Оформить документы и повезешь людей. Надо побывать на всех островах, в гарнизонах. Показать настрой людей. И главное — защитить острова. И еще... Мне предстоит выступать на слушаниях. Теория вопроса ясна. Надо сверить ее с жизнью. В общем, информация должна быть такой, будто я сам побывал на островах. Мне туда уже не добираться...

На прощание он протянул увесистую папку документов:

— Вооружайся. И других вооружи. Будете лететь — изучите. Очень полезный трактат... Это все, что мы наработали. С этим можно увереннее идти в «бой»...

То была биография Курил.

ТРАКТАТ

...Бывают такие генштабовские документы, которые читаешь с не меньшим интересом, чем какой-нибудь захватывающий исторический роман. Сидя в военно-транспортном самолете на зеленых снаряжных ящиках, я коротал время, «заглатывая» материалы, от которых нельзя было оторваться...

«...Анализ документов, историко-культурных фактов, свидетельств современников исследуемых событий, а также взглядов отечественных и зарубежных ученых-историков и политологов на данную проблему позволяет сделать вывод

о том, что по праву первооткрытия, первоисследования и первооселения острова Курильской гряды являются исконно русскими землями:

— 1711 год. Есаул И. Козыревский и атаман Д. Анцифоров с отрядом казаков и промышленников первыми открыли острова Шумшу и Парамушир, расположенные вблизи Камчатки;

— 1713 год. И. Козыревский вновь ходил на эти острова и собрал сведения о подавляющем большинстве Курильских островов, включая Итуруп, Кунашир, а также Двадцать Второй (Хоккайдо), общался с коренными жителями Курил — айнами и убедился, что японцы на указанные острова не ходят;

— 1721 год. По указу Петра I на Курилах побывали геодезисты И. Евреинов и Ф. Лужин и составили первую карту всех этих островов;

— 1738—1739 г. Экспедиция М. Шпанберга установила, что Курильские острова, кроме Матмай-острова (Хоккайдо) Японии неподвластны...

...Таким образом, можно сделать вывод, что русские мореплаватели, купцы и промышленники открыли и освоили Курильские острова, составили их карты, основали зимовья и стоянки, привели местных жителей в подданство России...»

— Что интересного читаешь? — спросил меня полковник, возглавлявший свою группу от киностудии Министерства обороны.

Увидев заголовок на документе, попросил «взглянуть бумаги». Я дал ему несколько листов. Он так и просидел полчаса рядом на снарядных ящиках, забыв о том, что собрался покурить. Читал и все приговаривал: «Е-мое, оказывается...»

«...Только лишь спустя полтора столетия после первого появления русских, в конце XVIII века, на южных островах Курил высадились японцы, уничтожили русские кресты и поставили столб, обозначающий, что Итуруп является владением Японии. Однако офицеры Хвостов и Давыдов вновь подняли на захваченных островах русские флаги...

...На стыке XVIII—XIX веков японцы, воспользовавшись отдаленностью русских владений на Курилах от континента, стали осуществлять попытки захвата Курильских островов с целью их присоединения к своей территории. В 1805 году русский посол Н. П. Резанов официально заявил японскому правительству, что земли к северу от Хоккайдо являются русскими территориями...»

— Ну и детективчик! — восхищался фотокор Вадим Парадня. — И выдумывать ничего не надо...

Материал всю дорогу ходил по рукам. Было интересно наблюдать, как реагируют люди. Одни читали от первой до последней страницы. Другие равнодушно пробегали глазами и возвращали назад. Иногда вспыхивали дискуссии, выходящие далеко за рамки истории Курил, и речь шла о дальневосточной «житухе» и большой политике. Слушая эти речи, я думал о том, что как-то странно получается: сколько разумного, трезвого, правильного есть в головах наших людей, — почему же там, на самом «верху», многое делается совершенно несообразно желаниям тех, кто живет на нашей земле...

Чем больше я вчитывался в материал, тем яснее становилось, что история Курил похожа на загадочный клад, зарытый в глубоком колодце. Чем глубже откапываешь его, тем чаще открываются все новые и новые пласты, в которых русское и японское густо перемешано — так, что часто уже и не отделить белое от черного, чистое от грязного, правду от вымысла... И я подумал: наверное, когда спорят два человека или две страны, всегда есть две истины, две правды, две истории...

Но разве Курилы виноваты в том, что их история сложилась именно так?

«...Даже самые ярые сторонники возвращения Курил Японии и те признавали, что после развязывания в 1904 году агрессивной войны против России и отрыва у нее южной части Сахалина, Япония потеряла все права ссылаться на русско-японские договоры 1855 и 1875 годов. Более того — само японское правительство в соответствии со статьей 9 Портсмутского мирного договора 1905 года в Приложении № 10 само аннулировало все предыдущие договоры с Россией. Этот документ имеет большое значение как свидетельство незаконности ссылки японской стороны на вышеупомянутый Договор, используемый до сих пор сторонниками антироссийских и реваншистских кампаний в Японии, чтобы продемонстрировать ее «первородные» исторические и юридические права на южную часть Сахалина и Курильские острова...»

Наш самолет летел на Восток.

И я вдруг заметил ранее невиданное. В одном иллюминаторе догорало костерище закатного солнца, а в другом — поднимался восход. А над ними висела огромная Луна. Запад и

восток как бы соединялись крыльями одного самолета, купающегося одновременно в солнечном и лунном свете...

— Я ни хрена не пойму, — кричал мне в самое ухо штурман, — если есть такие официальные документы, то из-за чего тогда весь сыр-бор?

Наверное, у каждого поколения русских людей будут и такие вопросы.

«...31 июля 1956 года в Москве открылся третий раунд советско-японских переговоров. Со стороны Японии в них участвовал министр иностранных дел Сигэмицу. Он отказался от японских требований на южный Сахалин, северные и центральные Курилы и основное внимание уделил требованию относительно Южных Курил. Шепилов заявил Сигэмицу, что для Японии «нереалистично» требовать Южные Курилы. Он подчеркнул агрессивный характер войны 1904—1905 годов со стороны Японии, в результате чего она лишилась каких-либо прав на Курилы...»

Наш самолет летел на восток.

ОСТРОВА

...Отправляясь с группой журналистов на Курилы с благословения Дубынина, я еще не знал, что вся наша затея уже находится «под колпаком»... Нашему борту, едва успевшему взлететь с подмосковного Астафьева, тут же приказали сесть в Рязани, где продержали часов семь. Потом вместо того чтобы идти напрямиком на Владивосток, самолет сел в Саратове и всей нашей бригаде объявили, что дальше полетим лишь на следующий день рано утром. Вместо этого взлетели лишь под вечер и вскоре опять стали снижаться — нас сажали в Белой (правда, на этот забайкальский аэродром мы попали из-за несчастья — в самолете тяжело заболел сын офицера).

После Белой оказались на Украинке (Амурская область), где опять коротали почти два дня. Но и это было еще не все: после Украинки не разрешили идти на Владивосток, а посадили в Хабаровске, где наше продвижение на острова основательно застопорилось: объявили, что полеты туда отменены на «неопределенный срок». Тогда мы плюнули на все и решили пробираться сами на гражданском самолете. Оказавшись на Сахалине, тоже долго сидели — не было якобы мест до Итурупа. Пришлось дать взятку летчикам, и все ми-

гом пошло как по маслу: уже вскоре мы летели в полупустом самолете, разглядывая в иллюминаторы Охотское море...

Тогда я не знал, что несмотря на разрешение начальника Генштаба на полет и работу в частях, впереди нашей бригады по войскам, аж до Курил, пошла шифровка еще одного зама министра обороны, обязывающая командиров строго ограничить доступ журналистов в курильские гарнизоны...

Вместо запланированных 12—15 часов наша группа добиралась до Курил шесть с половиной суток.

Первый военный, которого я встретил на островах, был начальник аэродрома отставной полковник Владимир Кузнецов, лет двадцать отбарабанивший на островах. Жена после увольнения полковника из армии тянула его на Большую землю, уже и контейнеры заказала, но Кузнецов наотрез отказался — прикипел. Тут какая-никакая квартира, участок, тут родились его два сына. Жилья на материке не было, да и должность такую, какой он несказанно гордился, вряд ли где-то ему бы предложили.

— Лучше на Курилах быть человеком, чем на материке бомжем, — сказал он журналистам, которые облепили его лицо диктофонами — дул ветрюган, аж в микрофонах свистело. С этого интервью началась наша работа.

Кузнецов поселил нас в лучших номерах аэропортовой гостиницы, где дуло в каждую щель, где громко скрипели рассохшиеся полы, иногда пробегали мыши и не было теплой воды. В тот же вечер мы познакомились с заместителем командира авиационного полка ПВО, который несмотря на грозную шифрограмму из Москвы переселил нас в военную гостиницу. Она после кузнецовской напоминала мне трехзвездочный «Хилтон» со своей горячей водой, телевизором и газовой печкой.

Летчики, узнав о цели нашего приезда, валом валили в наши номера, чтобы выразить возмущение: разномастные русские и японские агитаторы уже достали их своими проповедями о том, что «надо уходить». Возмущение часто выражалось в ненормативной лексике, но для газетчиков это было самое то. Яркий и темпераментный материал сам шел в руки. Я еле успевал перематывать кассеты, думая о том, что во время предстоящих в парламенте слушаний у начальника Генштаба будет прекрасный иллюстративный материал...

Авиапункт ПВО стоял на берегу Тихого океана, взлетно-посадочная полоса заканчивалась почти у воды. Там, в самом конце ВПП, у гранитной плиты на могиле погибшего

майора стоял стакан с водкой, накрытый четвертушкой за-сохшего хлеба. А на соседней с аэродромом сопке была еще одна могила — братская. Самолет с несколькими десятками солдат и офицеров врезался в скалу...

Погода на Курилах вела постоянную войну с полком. Она была грознее японских и американских летчиков, постоянно щекотавших нервы нашим пилотам своими наглыми вылазками к островам. Полк Кириллова был уникальным, — пожалуй, единственный полк во всех ВВС России, который взлетал и садился в любую погоду. Даже самые храбрые московские летчики-инспекторы хватались за сердце и отворачивались от взлетно-посадочной полосы, когда очередной МиГ-23 взлетал или садился по тревоге. И этот полк-храбрец хотели изгнать с островов... Однажды полка не стало в течение часа. Налетевший тайфун сорвал истребители с толстых крепежных тросов и разметал их по округе. Ни один самолет не остался целым. Я впервые в жизни видел кладбище самолетов...

Беседуя с десятками людей, я постоянно убеждался, что идея возвратить острова Японии злит и нервирует всех. Эти люди, радующиеся помидору и арбузу, словно малые дети, ползающие летом на службу по уши в грязи, а зимой по горло в снегу, постоянно ощущающие свою оторванность от Большой земли, тем не менее считали острова частью Родины и готовы были погибнуть за Курилы. Меня трогала их искренняя преданность островам.

А фотокорреспондент «Правды» Майя Скурихина тем временем отыскала почти двухметрового симпатичного солдата-вятича Вову, притащила его на берег Тихого океана, нацелила на парня объектив и спросила:

— Вова, как ты относишься к возможной сдаче Курил японцам?

Вова думал недолго. Ответ у него был давно готов. Вова поднял свой кулак-чайник и свернул из него огромную дулю, сказав при этом:

— Вот им Курилы!

Щелкнул затвор фотоаппарата. Снимок этот вскоре увидел весь мир...

На одном из островов я познакомился со штабным офицером пулеметно-артиллерийского полка подполковником Александром Николаевым. Человек этот знал историю Курил не хуже иного профессора-востоковеда. Мы лазали с Александром по прибрежным скалам, он показывал мне, где

раньше был встроенный в камни японский госпиталь. Из этого госпиталя японцы однажды решили эвакуировать больных и раненых. Поместили их на большую шхуну и вышли из бухты. А там шхуну поджидала американская подводная лодка. Она расстреляла плавучий госпиталь торпедами. Николаев показал мне дот, вырубленный в скале. Из него японские пулеметчики вели огонь по советским десантникам, штурмовавшим остров осенью 1945 года. Почти под потолок он был засыпан ржавыми японскими пулеметными гильзами...

Несмотря на строгий запрет московского начальства, военные вертолетчики и моряки, пограничники и разведчики помогли нашей бригаде увидеть жизнь на всех островах, посетив все гарнизоны.

...Потом на небольшом пограничном катере мы шли на Шикотан. Командир катера старлей Володя пригласил меня в командирскую рубку и дал бинокль:

— Полюбуйтесь японскими браконьерами.

Я посмотрел в бинокль на туманный горизонт. В голубоватой дымке, словно огромные белые крысы, разбегались во все стороны японские белые шхуны.

Володя сказал, что японцы совершенно обнаглели и шастают в наших водах в поисках добычи. Их гоняют, но они снова лезут. Старлей был политически подкованным офицером и сообщил мне массу цифр, характеризующих в долларах доходы японцев от уворованных в наших территориальных водах крабов и рыбы.

— Душить их надо, — зло говорил он, — но как придушишь, если мой катер за японской шхуной не угонится. Если бы власти разрешали пограничникам брать себе штрафные деньги с наших и японских браконьеров, мы бы купили себе классные катера и отучили бы раз и навсегда всех браконьеров...

Володя мыслил по-государственному в отличие от московских чиновников, которые не разрешали пограничникам перейти на самообеспечение.

...Когда мы летели на вертолете на Кунашир, нам попалась еще одна японская шхуна. Командир и штурман решили показать московским журналистам искусство выдворения японцев из наших территориальных вод. Сначала вертолет на боевом заходе прошелся над шхуной так близко, что едва не сломал колесами шасси локатор. Затем штурман достал ракетницу и ракетами красного огня стал показывать японцам, чтобы они убирались вон. Но те не слушались. И тогда

вертолет снова делал боевой заход на шхуну-хищницу. И так — до тех пор, пока она не вышла в нейтральные воды...

— Совсем оборзели, — зло сказала одна из пассажирок вертолета, держащая на руках грудного младенца, — дня нет, чтобы их не гоняли.

Она оказалась женой одного из офицеров погранотряда. Рассказала мне, что все ее подруги летают рожать на Большую землю. Но поскольку с транспортом плохо, то некоторые не дотягивают до отчего дома и рожают прямо в пути. Жена одного лейтенанта родила прямо в здании аэропорта. А если случается покойник, то везут его домой на Большую землю невероятно долго...

Мы побывали на нескольких рыбзаводах. И везде люди жаловались на то, что московские и сахалинские власти, высасывая из главного рыбного цеха страны огромные доходы, не могут обеспечить его работникам и защитникам человеческие условия существования.

— Мы же золото добываем, а живем, как скоты, — говорили рыбообработчицы на Шикотане. Многие из них уже лет по тридцать вкалывают здесь. Они ежедневно стоят по колено в соленой воде, ворочая лососей и крабов. Самая модная обувь — резиновые сапоги. Но они — дефицит. Иногда не хватает резиновых перчаток. И руки женщин до крови разъедает соль. А в домах гниют от влаги полы. Раньше хоть как-то могли съездить в отпуск на Большую землю. Сейчас — нет. Где взять такие деньги? А на огромном заводском плакате — гордая надпись: «Мы выпускаем каждую вторую банку красной икры в России!»

Жирует на островах только рыбная мафия, успевшая развить свою «параллельную индустрию». Она гонит рыбную продукцию преимущественно в Японию. Там отлично платят «зелеными». У мафии есть свои суда и свои самолеты, своя таможня и свои пограничники...

...По вечерам в гостинице я продолжал читать «трактат», который дал мне для изучения генерал Дубынин. Материал был собран огромный. Виктор Петрович основательно готовился к выступлению в Верховном Совете. Просматривая документы, я думал о том, что, наверное, были у начальника Генштаба в ту пору и другие, не менее важные проблемы, чем судьба Курил. Но в этом его особом внимании к островам, которым он «заразил» многих подчиненных, было что-то гораздо большее, чем просто стремление основательно подготовиться к парламентским слушаниям...

В «трактате» были многие места, подчеркнутые Дубыным. На полях часто встречались огромные восклицательные знаки. Я читал: «...Справка: Южнокурильский рыбопромысловый район является одним из самых крупных и богатых в мире. Здесь добываются лососи, крабы и моллюски. Потенциальные запасы этих рыбопродуктов составляют многие миллионы тонн. Япония и Россия являются крупнейшими в мире рыболовными нациями и около трети их общего улова добывается в районе Курил. До 1945 года японские рыбаки господствовали в этом регионе и могли ловить рыбу в советских водах без большого риска. После 1945 года в связи с изменением владельца Курил более 1600 японских рыболовных судов были задержаны в территориальных водах СССР (РФ) и более 14 тысяч японских рыбаков были арестованы...»

«...Согласно расчетам наших экспертов, в случае передачи островов Японии экономика России понесет ежегодные потери в 2 млрд. долларов, поскольку в районе Южных Курил потенциально можно добывать 1,5 млн. тонн минтая, лососевых, крабов и других видов рыб и морепродуктов. Эту сумму следует удвоить, так как России при потере этого района промысла придется закупать лицензии на лов рыбы в зонах иностранных государств.

Япония предлагает установить объем промысла у Южных Курил в 140 тыс. тонн, российская сторона считает реальной цифру в 20 тыс. тонн...»

Когда мы прибыли на очередной остров, я направился в штаб пограничного отряда к командиру. Командир сидел в аккуратном большом кабинете и держал суровую мину. Проверив мои документы, он неожиданно сказал:

— Слушай, полковник, греб бы ты отсюда со своей шайкой. У меня могут быть большие неприятности. Вот шифрограмма от командующего: «Никаких контактов с журналистами». Сейчас мы вас накормим и отвезем в гостиницу поселка, где вы и остановитесь. Христом Богом прошу, не суйте нос к моим пограничникам!

Выслав нас из своего пограничного отряда, полковник тем не менее уже вскоре расшаркивался перед группой итальянских тележурналистов, снимавших документальный фильм. С итальянцами строгому пограничнику контактировать было выгодно — они умели быть благодарными и нежадными людьми...

К моему удивлению, здесь оказалось немало людей, охот-

но раздававших интервью и рассказывающих японцам страшные истории о том, как русские «захватили» острова. Особенно почему-то доставалось коммунистам. На одном из домов я видел плакат: «Коммунистам и злым собакам вход воспрещен!».

Полковник-пограничник для нашей бригады сделал все так, как и обещал. В поселочной гостинице я сразу заметил богатенького японца, за которым представители местной власти бегали так, как в свою пору, наверное, ухаживали за генсеком. Вечером я явился к нему в номер с двумя журналистами и попросил дать интервью. Японец не на шутку испугался и наотрез отказался, мотивируя это коммерческой тайной своего визита...

К тому времени я уже знал, что японцы ведут в регионе Курил активную разведывательную деятельность. В последние годы резко активизировалась агентурная работа среди российского населения Курил, имеющая целью сформировать у людей мнение о необходимости возврата островов Японии, потому что они якобы «исконно принадлежали ей».

Разведуправление УНО Японии (Управления национальной обороны) значительно увеличило финансовые расходы на «покупку» агентов влияния среди коренного населения Курил. Наши источники на островах и на «том берегу» сообщали, что эти усилия японских спецслужб «увенчались успехом»: на островах уже действует целая «колонна» российских граждан, за соответствующее вознаграждение (деньги, видеоаппаратура, лодки и шхуны, яхты, машины) ведущих активную пропагандистскую работу в пользу «возвращения» Курил Японии или создания совместной экономической зоны.

...Южно-Курильск напоминал мне чем-то полузаброшенный эковский городок на Колыме. Таким он мне показался серым, захламленным и суровым. В городе шла острая борьба между противниками и сторонниками передачи Курил японцам. Уже создавались общества защиты Курил и инициативные группы по «восстановлению исторической справедливости».

Яростнее всех боролись за передачу островов два старжила — отец и сын (фамилии их уже не помню). Они охотно водили заезжих туристов по острову и упорно твердили, что Курилы — это «кровные японские острова» и что их надо непременно отдать. Японцы хлопали в ладошки. Потом я понял причину такой яростной неукротимости: во дворе сверкала новенькая «хонда»...

Я вспомнил слова Дубынина: «Как могут русские люди с такой яростью отстаивать интересы чужой страны?»

Позже я узнал, что японцы приглашали их в свою страну, обещали им золотые горы, жилье, дарили машины и видео-технику. Получали все это и некоторые наши лоббисты из местной власти. Затем добросовестно отработывали «аванс».

...Теплым августовским вечером я забрел на японское кладбище. Аккуратно огороженное и старательно ухоженное, оно показалось мне печальным островком покоя на беспокойном острове. Что-то таинственное было в надгробных знаках с множеством иероглифов.

Я стоял и думал о драме Курил. Подошел пожилой человек. Поздоровались, познакомились. Местный краевед, историк, активист «Движения за возврат северных территорий Японии». Услышав, что я из Генштаба, недобро сверкнул глазами:

— Унесите отсюда поскорее ноги, пока не поздно.

Стало любопытно. Появился повод подискутировать. Мой нежданный собеседник оперировал японскими и американскими книжками. Мы так тогда ни до чего и не договорились. Каждый остался при своем...

Уже в сумерках в местный порт пришел рыболовецкий траулер. Захотелось поговорить с рыбаками. Почти все они были детьми коренных жителей. У одного из них я спросил, что он будет делать, если Ельцин все-таки решит отдать острова.

— Как что? — удивленно сказал он, — Возьму в руки оружие и буду воевать.

Один старый шкипер сказал витиевато, но многозначительно:

— Боюсь, что в Японию полетит президент Ельцин, а назад вернется всего лишь Борис Николаевич...

Кстати, там, на Кунашире, Ельцин мог погибнуть. Он прилетал на остров в качестве кандидата в депутаты. К назначенному времени вылета упал туман почти молочной плотности. Но Ельцин есть Ельцин. Уломал командира корабля: «Летим!» Пилот на какие-то секунды потерял ориентацию на взлетно-посадочной полосе, и одно крыло самолета просвистело буквально в метре от высотного домика в конце взлетно-посадочной полосы...

На Кунашире мы могли потерять будущего президента России.

Рыбаки жаловались, что «японцы кишат в самых хороших местах». Иногда радостно сообщали, что пограничники поймали очередную браконьерскую шхуну. В одной из бухт я видел несколько арестованных японских шхун. В былые времена там стояла целая эскадра. По мере повышения мощности японских двигателей шхун становилось все меньше...

Но российские морские пограничники даже на слабой технике умели шерстить японских браконьеров. Мне рассказали о командире катера с прибалтийской фамилией. На островах о нем ходили легенды. Японцы так его боялись, что давали нашим большие деньги, чтобы узнать, когда прибалт заступит на боевое дежурство. Когда же он стал возвращаться с охоты с пустыми руками, дошло до него, что кто-то продает информацию. И стал путать карты. И снова притаскивал в бухту японские браконьерские шхуны...

Но уволился прибалт, и все возвратилось на круги своя. До того времени, когда Главкомом Пограничных войск не стал генерал Андрей Николаев, придумавший операцию «Путина», в сети которой вновь густо пошли иностранные браконьеры. Николаевские пограничники при задержании преступников, случается, и постреливают. Но все — по закону...

Задание было выполнено...

ДОКЛАД

...Возвратившись с островов, я доложил Дубынину о результатах поездки, передал ему диктофонные кассеты, газетные материалы, фотоснимки, обращения гражданских и военных.

Начальника Генштаба генерал-полковника Дубынина летом и осенью 1992-го не однажды приглашали на консультации в Верховный Совет, в правительство и МИД. Он доказывал, что Курилы занимают одно из центральных мест в сохранении и укреплении наших стратегических интересов на Дальнем Востоке. Тем более что по-прежнему сохраняется американское военное присутствие в Японии и Южной Корее... НГШ пришел к выводу, что в реально создавшейся ситуации вокруг Курил интересам России больше отвечала бы не демилитаризация островов, а реформирование и военно-техническое обновление нашей группировки войск, адекватное тому, как развивается военно-политическая ситуация в регионе.

...Однажды после очередных слушаний в парламенте я спросил Виктора Петровича, как завершилась вся эта изнурительная схватка. Он посмотрел на меня своими смертельно уставшими глазами, в которых мелькнул какой-то живой, хитроватый огонек, и ответил по-дубынински осторожно, но более чем конкретно:

— Статус-кво...

Через некоторое время Кремль сообщил об отмене визита. Хотя в Токио уже были переброшены президентские «ЗИЛы» и уже было даже известно, когда именно Ельцин побывает на матче по национальной борьбе «сумо»...

То была победа. И было радостно сознавать, что к ней имел непосредственное отношение и наш Генштаб...

ПРОЩАНИЕ

Осенью 1992 года тяжело больной начальник Генерального штаба лежал в госпитале. Его часто проводывали сослуживцы.

Когда Дубынин умер, проститься с ним в Центральный дом Российской армии пришло людей втрое больше, чем прогнозировалось. Километровая траурная очередь тянулась аж до театра Дурова. В ней было очень много тех, кто воевал с Дубыниным на мирных и боевых фронтах. То была огромная потеря для Генштаба. В одной из прощальных речей было сказано емко и точно:

— Лучшие уходят раньше времени...

На его могиле лежала двухметровая гора венков. Один из венков был от дальневосточников.

Незадолго до смерти Дубынина президент России присвоил ему звание генерала армии...

Глава 6

ГЕНЕРАЛ ГРОМОВ

САМЫЙ ДОЛГИЙ БОЙ

ДУЭЛЬ

...Генерал-полковник Борис Громов был, пожалуй, самой яркой фигурой среди заместителей Грачева. Безусловно, это предопределялось его «афганской» известностью в стране и армии. Хотя известность эта в какой-то мере несправедлива: до сих пор при упоминании фамилии Громова многие гражданские и военные люди часто говорят:

— Это тот, который наши войска вывел из Афганистана?

А ведь он не только успешно вывел последние наши части из Афганистана в сложнейшей боевой и погодной обстановке. Он пять с половиной лет воевал там. Под его руководством был проведен ряд крупных операций, на опыте которых и сегодня учат молодых командиров оперативному искусству. Его Золотая Звезда Героя зажглась на афганском солнце.

Наше военное вмешательство в гражданскую войну в соседнем государстве было осуждено. Но разве от этого стала меньше цена мужества наших генералов, офицеров и солдат, добросовестно выполнивших свой долг? Громов был одним из них. У воинской доблести не «падает курс» в зависимости от того, была она проявлена на полях сражений справедливых или несправедливых войн, на своей или на чужой земле...

С момента появления генерала Громова в центральном аппарате МО между ним и Грачевым возникло скрытое и явное противостояние, которое не закончилось и до сих пор, хотя обоих генералов судьба давно развела с Арбата по разным стезжкам. Уже более пяти лет между ними идет яростная дуэль. Сходятся «у барьера» разные амбиции, принципы и взгляды. Каждый из генералов выбирает оружие по своему усмотрению в зависимости от личного понимания норм рыцарства и офицерской чести...

...Когда летом 1992 года президент России назначил генерал-полковника Бориса Громова заместителем министра обороны Грачева, то даже уборщицы в Генштабе поговаривали, что по справедливости Ельцину следовало бы все сделать наоборот. Даже с обывательской точки зрения определенная сомнительность данного кадрового решения Верховного главнокомандующего была очевидна. И мало кто в Минобороны или Генштабе (да и в войсках) не понимал, что в основе его лежат не профессиональные, а прежде всего конъюнктурные политические критерии. Точно такие же, как в случае с назначением маршала авиации Евгения Шапошникова министром обороны в августе 1991 года, а затем и Грачева в мае 1992-го...

Генерал Громов выигрывал у Грачева по всем статьям: в его послужном списке, в отличие от грачевского, почти не было должностей, которые он получил, минуя сразу несколько считающихся обязательными служебных ступеней.

Громов, как и Грачев, имел за Афган Героя, но то были Золотые Звезды разного достоинства: командарм Громов блестяще провел операцию по деблокированию города Хост, а комдив Грачев получил награду без ярких «личностных» побед. Генерал армии Валентин Варенников признается позже, что взял грех на душу, пропустив представление на Грачева в Москву: слишком серьезную крамолу откопали инспекторы в 103-й ВДД, что сразу вызвало у них сомнение в необходимости посылать наградные документы на комдива в столицу...

Громов превосходил Грачева в силе и широте стратегического интеллекта, в качестве полководческого мышления, в умении выстраивать железную систему управленческих решений...

К лету 1992 года за Грачевым уже тянулась тележка компромата, связанного с некоторыми коммерческими делишками. А совесть и погоны Громова были чисты. Но перед Кремлем у него были другие «грехи»: там хорошо помнили, что генерал на президентских выборах 1991 года шел в паре с Николаем Рыжковым, что подпись Бориса Всеволодовича значилась в числе авторов грозного «Слова к народу»...

Ельцин вряд ли не понимал, что Паша Грачев «на министра еще не тянет». Зато он был свой в доску...

Для любой власти преданный министр-силовик гораздо

дороже самого талантливого полководца. Такие министры обороны всегда больше подходили для политических, а не для военных сражений.

Ельцин вряд ли не понимал, что Борис Громов почти во всех отношениях сильнее Грачева как военачальник. Но у Громова был один слишком большой «недостаток»: он ни разу не выказал верноподданничества Кремлю, не припадал к ручке новой власти и, более того, водил дружбу с идейными противниками Бориса Николаевича...

Из досье:

Генерал-полковник ГРОМОВ Борис Всеволодович

Родился 7 ноября 1943 года в г. Саратове.

В 1962 году окончил Калининское суворовское военное училище, а в 1965-м — Ленинградское высшее общевойсковое командное училище. Командовал мотострелковым взводом, ротой:

После окончания в 1972 году с отличием Военной академии имени М. В. Фрунзе последовательно занимал должности командира батальона, начальника штаба и командира полка, начальника штаба и командира мотострелковой дивизии. Звания майор, подполковник и полковник получил досрочно.

В 1984 году с золотой медалью окончил Военную академию Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Был назначен первым заместителем командующего армией. Затем командовал армией в Белоруссии, а в 1987 — 1989 годах — 40-й армией в Афганистане. Одновременно являлся уполномоченным правительства СССР по делам временного пребывания советских войск в РА.

До этого дважды проходил службу в Афганистане: с февраля 1980-го по август 1982-го и с марта 1985-го по апрель 1986-го.

В 1989 — 1990-м был командующим войсками Киевского военного округа. В декабре 1990 года назначен первым заместителем министра внутренних дел СССР с оставлением в кадрах Вооруженных Сил.

С ноября 1991 года — первый заместитель Главнокомандующего Сухопутными войсками.

На должность заместителя министра обороны РФ назначен в июне 1992 года.

С февраля 1995 года — главный военный советник при Министерстве иностранных дел РФ.

Депутат Государственной думы.

Герой Советского Союза, награжден орденами и медалями.

Женат, четверо детей.

ПАРАДОКСЫ

...Размышляя о судьбе генерала Громова, я часто думаю о парадоксах нынешней власти: она нередко изгоняет из армии таланты и в то же время оставляет в боевом строю серость и ворье в генеральских погонах. Военная биография Громова типична для эпохи разгула дикой русской демократии конца XX века.

Начальник Генерального штаба генерал армии Владимир Лобов. Уволен без объяснения причин.

Заместитель министра обороны РФ генерал-полковник Валерий Миронов. Освобожден от должности и откомандирован из МО.

Заместитель министра обороны РФ генерал-полковник Георгий Кондратьев. Освобожден от должности и откомандирован из МО.

Командующий Тихоокеанским флотом адмирал Георгий Гуринов. Снят с должности с сомнительной формулировкой, которую пытался безуспешно опротестовывать.

Командующий Черноморским флотом адмирал Эдуард Балтин. Снят с должности без внятных для армии и общества мотивов.

Командующий 14-й армией генерал-лейтенант Александр Лебедь. Освобожден от должности после длительного конфликта с министром обороны по собственному рапорту.

Заместитель министра обороны РФ генерал-полковник Борис Громов. Освобожден от должности и откомандирован из МО...

И еще добрый десяток отлученных от армии.

Никто из них не «враг народа». И сейчас не 37-й.

Русские мужики, многозвездные генералы, горбом своим и мозолями добившиеся высокого положения в армии, познавшие инфаркты и инсульты, матюки и оскорбления на-

чальства, покочевавшие по десяткам гарнизонных дыр и столиц, рассеявшие по стране детей и даже всерьез повоевавшие за советский Вьетнам и демократический Афганистан, а некоторые уже и за российский конституционный порядок (в центре Москвы и на Кавказе), имеющие ордена и даже Звезды Героев, тем не менее оказались за пределами армии...

Генерал Громов в их числе.

Его вместе с ними вырвала из армейского строя политика. Она же и призвала под свои знамена. Стоило генералу прикоснуться к ней, сказать слово поперек «официальной точки зрения» власти, усомниться в правильности ее решений, — прощай, должность.

Когда полного сил и уникального опыта боевого генерала выталкивают из армии в политику, мне так и хочется сказать какому-нибудь юному лейтенанту: «Не мечтай стать генералом или Героем, — можешь оказаться на думской скамье. Как Громов».

Генерал Лев Серебров, хорошо знакомый с Громовым, сказал мне однажды о нем:

— Громов не востребован. Пока.

Дай Бог, чтобы «пока». А ведь это «пока» уже тянется три года. Даже самый талантливый генерал, созерцающий армию со стороны, становится полковником.

Появление Громова и других генералов в большой политике один из феноменов нынешней российской демократии. Когда высшие государственные интересы власть не может совместить с интересами армии, в стране неизбежно появляется генеральский отстойник, в котором представителей военной элиты учат забывать запах оружейной смазки и правила оформления штабных карт. Такую непозволительную роскошь может позволять себе слишком богатая или недальновидная власть...

Когда я слышу в кабинетах и коридорах Минобороны, что Фортуна повернулась к генералу Громову задницей, то категорически не соглашаюсь. Это ее так к нему повернули.

ВЫХОД

О том, как Громов воевал в Афганистане, он уже почти все рассказал в своей книге «Ограниченный контингент».

Поздней осенью 1986 года мне довелось быть там, «за

Черной речкой», как принято было тогда говорить по телефонам спецсвязи и писать в войсковых документах.

Уже тогда многие генералы и офицеры, знавшие Громова и видевшие его в деле, предрекали ему очень высокие служебные посты. На той войне Громов был трижды, но акцентов на этом никогда не делал.

Выходить из Афгана было, пожалуй, тяжелее, чем входить. Когда входили, на нашей стороне еще были хоть какая-то внезапность и один враг. Когда выходили, врагов уже было с дюжину: бестолковое Женевское соглашение, подписанное Горбачевым, «духи», пытающиеся прихватить высоты у дорог, обмороженные снежные перевалы...

Все маршруты вывода вели на Север. А это все равно что вас удобнее всего сторожить у входа в квартиру — через соседский балкон на работу вряд ли уходить будете. Горбачев, рассказывал кто-то из генштабистов, слепил на сей счет четкий афоризм: «Воевали неважно, так хоть уйти хорошо сумеете». И то, считай, было уже указание покруче президентского указа. Когда Горбачев готовился подписывать «Соглашение о выводе ограниченного контингента», то первоначально замышлялось, что мы будем уходить из Афгана в течение года. Американцы сказали — нет, 9 месяцев: с 15 мая 1988 года по 15 февраля 1989 года. А иначе они не были бы американцами.

Для чего мы просили год? Для того, чтобы выйти в два этапа: с весны по осень 1988 года и весной 1989-го. Именно в то время, когда с перевалов сойдут снега, когда температура воздуха благоприятная.

Подложив нам «девятимесячную свинью», американцы были довольны. Громову предстояло помучиться со своим войском на скользких, как ледяной каток, перевалах.

15 мая 1988 года Громов двинул из Афгана отдельную бригаду из Джелалабада. Она практически без потерь в течение трех дней достигла Амударьи в районе Термеза. И дома.

Ад начался зимой. 25 градусов мороза, заваленные снегом перевалы. Огневое воздействие душманских банд и снайперов. Не то, что колесная — гусеничная техника сползала с дорог.

Громов ломал голову, как быть с «броней». Воевать было легче, чем тащить войска через Саланг. А к зиме в Союз ушло только процентов тридцать войск... Попытались часть техники пребросить по воздуху с аэродрома в Баграме. Не по-

лучается: самолет тяжеленный, а взлетная полоса хилая. Пустили два самолета и глаза зажмурили...

А время шло. Москва требовала докладов об успешном выходе. А уже январь на носу. Громов костерил афганские снега на перевалах и морозы, которые превращали войсковые колонны в мертвые бронированные колбасины, ворочающиеся на месте. Все шло по американскому сюжету.

Громов шифровкой доложил маршалу Язову все как есть.

Язов прилетел уже вскоре. Убедился, что при таком положении мы к 15 февраля не выйдем. В Союз пробились еще только процентов шестьдесят. Что делать? А не помочь ли нам еще раз, на прощание, Апрельской революции?

Уже вскоре афганские командиры летели с перевалов на наших колесных и гусеничных машинах. «Спасибо, шурави!» Шурави щедрый. Шурави большой. Он себе техники еще наделает.

Техника дело наживное. Главное, офицеров и солдат ни одного не потерять...

Командарм-40 выжимал из подчиненных все соки, но чтобы ни одного трупа домой не привезли. Громов знал, что там, на советском берегу Амударьи, уже по месяцу ждут своих детей и мужей родные. Со своим штабом все толково продумал. Сначала подразделения бокового охранения до основания выбивали духов из командных высот у дорог, затем в очищенную зону входила под авиационным зонтиком наша колонна. И так до самой госграницы. В Генштабе даже самые большие циники стратеги согласно кивали головами: в той ситуации более толкового решения не было. Хотя нашлись то ли завистники, то ли педанты, схватились за калькуляторы, стали «обсчитывать» горючее, которое сжигала авиация, прикрывающая вывод. И гундели:

— У Громова что там, свой нефтезавод?

Им ответили, что сейчас Громов в таком положении: больше бензина — меньше трупов.

Маршал Язов начинал и заканчивал тогда рабочий день с докладов Горбачеву о ходе вывода колонн из Афганистана. Дмитрий Тимофеевич с особым удовольствием говорил президенту в трубку:

— Жертв нет.

Чем ближе придвигались наши колонны к границе, тем яснее становилось, что и эта проклятая операция Громову хорошо зачтется. Духам так ни разу и не удалось использо-

вать свой самый сильный козырь — внезапность кинжального удара. И они от этого зверели. Из-за невозможности расстреливать наши колонны по излюбленной схеме часто долбили вслепую. К сожалению, нескольких бойцов мы все же потеряли...

СЛЕЗЫ

...У меня и сейчас перед глазами тот эпизод почти десятилетней давности. 15 февраля 1989 года по мосту «Дружбы» через Амударью прошел из Афганистана на узбекский берег последний наш БТР. Его пыльную броню забрасывали цветами и целовали очумевшие от счастья матери и отцы всех национальностей. А потом появился на мосту и последний советский воин в камуфляже. Навстречу ему, прорвав пограничный кордон, рванулся паренек. И люди замерли от недоумения и любопытства: кто же это?

— Па-а-па!!!

И все стало ясно. Сын. Потом генерала Громова пытались качать на руках отцы уцелевших солдат. А некоторые матери, на щеках которых смешались слезы и бэтээровская пыль, целовали его с благодарной женской яростью. Командующий 40-й армией поднялся на «торжественную» трибуну в виде разбросавшего борта грузовика и долго не мог вымолвить ни слова. Потом снял шапку, вытер ею то ли грязь, то ли слезы и сказал совсем не по-уставному:

— Вот мы и дома...

Потом в огромную армейскую палатку с наскоро сколоченными из свежих досок столами и лавками командарм-40 пригласил московскую и местную пишущую братию. Были алюминиевые армейские кружки с почему-то слабой, будто разбавленной водкой, и был первый тост. За командарма. Кружки были «штатные», по 0,5. «Огненной воды» в них было налито наполовину больше стакана. Для иного хилого — смертельная доза. А невыпитое «За командира!» в Афгане приравнялось почти что к предательству. Хотя в Союзе тоже. Штатские и военные (кто в один, кто в пять приемов) все влили в себя до дна. Третий тост, как водится, «За тех, кто...». Стоя.

Сколько наших бойцов наколотили, изранили и увели в плен душманы, до той поры не знали даже самые пронырильные московские журналюги. Но профессиональное любо-

пытство их мучило. Порядком захмелевший газетчик зычно спросил:

— Борис Всеволодович, сколько наших там погибло?

Бывают вопросы, которые иногда и самые храбрые генералы с удовольствием заменили бы на еще одну ходку в душманскую «зеленку».

Особенно тогда, когда дружно клацают под носом включатели диктофонов, когда вопрос политически опасен, а отступить нельзя. Надо либо говорить правду, либо очень правдиво врать.

В хмельных глазах журналиста жадный интерес. А в строгих глазах «товарища из ЦК» бериевские зрачки. И будет тебе плохо, товарищ Громов. За то, что вывел армию с минимальными потерями, спасибо. А насчет потерь скажешь, служба может пойти наперекосяк. А ведь ждет тебя блестящая карьера. Не надо народу еще больше делать, ему и так тяжело. Он ЦК начнет материть.

— Борис Всеволодович, сколько там наших погибло?

И Громов громко ответил:

— Почти полторы дивизии.

На обыкновенном языке это значило: свыше 15 тысяч. До того момента, когда Горбачев официально объявит о количестве наших потерь в Афганистане, стране еще предстояло дожиться... В самый разгар афганской войны мне удалось дозвониться до министра обороны СССР маршала Сергея Соколова. Среди прочих задал ему и этот наивный вопрос: «Сколько наших там...» На 99 процентов был уверен, что это то же, что спросить у начальника ГРУ о количестве наших резидентов за рубежом. Соколов ответил так:

— Время еще не пришло.

Не много в Советской Армии было генералов, которые могли себе позволить сказать больше...

Наверное, только у нас власть вроде как бы обречена постоянно делать с армией глупости. Одной из таких глупостей в 1989 году стало решение об откомандировании многих офицеров-афганцев на службу в дорожно-строительные отряды, прокладывавшие в то время дороги в Нечерноземье. Представьте себе: вызывают в отдел кадров дивизии боевого командира роты и говорят:

— Иван Иванович, надо бы народному хозяйству помочь.

И этого боевого командира роты назначают командиром дорожно-строительной роты. А командир этот был «караванщиком» — кто бывал в Афгане, тот знает, что это слово на

войсковом аргю читается еще как «смертник». Кто перехватывал душманские караваны с оружием или наркотиками, знает, что дух дорогую поклажу отдаст лишь в случае, если ему армейский тесак по самую ручку в сердце загонят либо разрежут его пополам очередью из АКМ.

Дух из каравана тоже был смертником. Многих наших «караванщиков» надолго не хватало: от силы на две-три охоты. Но если они выходили из Афгана живыми, то один-два ордена Красной Звезды имели в самом худшем случае. И вот таких офицеров посылали в степи Нечерноземья принимать под свое командование что-то очень похожее на эзковскую бригаду с лопатами и грейдерами. Помогать народному хозяйству после походов на караваны было страшно скучно. Поставив задачу подчиненным, офицер возвращался в палатку или во времянку — жилья не давали. А там кидал в себя стакан, отламывал кусок хлеба и падал на койку. И вспоминал серьезную службу, и стоял по ней, словно волк, которого из леса выгнали в бесплодную пустыню...

Многие «караванщики» спивались. Кто-то, чаще всего безуспешно, просился в войска. Кто-то подавал рапорт на увольнение и уходил снова в бесквартирную жизнь, ничего не умея на гражданке. Хотя вру. Некоторые стали отличными бойцами банд, перехватывавших караваны иномарок в ту пору, когда это потрепанное железо бесконечным потоком бежало к нам из Германии через Польшу и Прибалтику. В смоленских и подмосковных лесах очень ценился опыт бесстрашных афганских «караванщиков»... Когда Громов узнал о таком подходе кадровиков к его бойцам, раскалился так, что от него можно было прикуривать. Не одна телефонная трубка в Москве и в штабах военных округов много раз слышала очень «горячий» громовский голос. Даже после того как он перестал быть командармом, для своих людей он им оставался. Кто хочет понять, откуда такое уважение у афганцев к генералу и сегодня, пусть знает.

...15 февраля 1989 года к словам «командующий 40-й армией генерал-лейтенант Борис Громов» добавилось слово «бывший». Из командирского домика, предоставленного ему командующим ТуркВО, Громов не показывался долго. Его покой охраняли лучшие узбекские стражники. А к нему рвались журналисты. Солдат-узбек бесцеремонно наставлял на них свой АКМ и говорил:

— Нэлся Громов. Громов должен отдыхад.

Когда я смотрел на черный глазок ствола и на палец солдата, пляшущий на спусковом крючке, охота все же пробиться к Громову мигом пропадаала...

КИЕВ

После Афганистана он получил назначение на должность командующего войсками Киевского военного округа. Говорили, что министр обороны СССР маршал Дмитрий Язов нарочно сослал Громова в Киев, якобы ревностно относясь к его популярности.

— Это, скорее, выдумка, — сказал однажды Борис Громов. — Назначение в Киев я искренне воспринял как почетное. Меня назначили на округ сразу с должности командующего армией... Меня не прельщало место в Москве, хотя, конечно, было бы интересно послужить, скажем, в Генштабе. Но почти все командиры, вернувшиеся из Афганистана, стремились в войска, а не в столичные кабинеты.

Я уже слишком хорошо знал Громова, чтобы не понять, в чей огород он бросал камешки, особо подчеркивая слова о службе в должностях командующего армией и округом. Угадывался упрек Грачеву, «проскочившему» ступени командарма, командующего войсками военного округа, да и в штабе вида Вооруженных Сил Павел Сергеевич не служил и дня. О головокружительном взлете Грачева Громов позже скажет так:

— Настоящий военачальник, а тем более министр, должен пройти все ступени. Дивизия — это тактическое звено, а армия, округ — это уже оперативное звено, совершенно другая сфера деятельности для командира. Отсутствие служебного опыта порой приносит только вред. За эти годы у Грачева появилось много... таких сторон, которые пользы не приносят. В этом отношении «покровители» сделали ему медвежью услугу...

Объективности ради нельзя не сказать, что были покровители и у Громова. Ему заметно симпатизировал Михаил Горбачев. Он не был в восторге от предложения Язова послать Громова в Киев. Горбачев страшно гордился тем, что именно при нем наши войска ушли из Афганистана. И тем людям, которые помогли реализовать вывод, Горбачев стремился платить по большому счету. Потому, подписывая указ на Громова, спросил у Язова:

— Не обидим ли Громова? Ведь он у нас вроде как национальный герой. Злые языки начнут говорить, что мы его «сослали»...

Язов ответил:

— Киев это та «ссылка», о которой мечтают тысячи генералов. Громову желательно пройти округ для нормального роста, чтобы его в войсках не обзывали потом «дикорастущим»...

Горбачев все-таки дал Громову знак, что он персонально следит за ним. Присмотрел, чтобы генерала избрали членом ЦК КПСС и ЦК Украины. В период пребывания Громова в Киеве в стране уже шли бурные дискуссии о будущем страны и Вооруженных Сил, спорили политики и военные. В Советской Армии появился целый отряд генералов и офицеров, которые постоянно стремились в эпицентр политических сражений. Это стало похоже на «моду». Иногда такие люди дня не могли прожить, чтобы не сделать очередное скандальное заявление для прессы. Западные журналисты (среди которых много кадровых разведчиков) щедрыми гонорарами поощряли тех наших военнослужащих, которые «болели за демократизацию армейской жизни».

В то время особенно громкими демагогическими лозунгами отличался полковник Вилен Мартиросян, служивший в одной из частей на Украине. Он быстро взшел на волне популизма, стал народным депутатом СССР. И это еще больше вскружило голову офицеру, который, потеряв чувство такта, стал навешивать опасные ярлыки и на высших генералов. Досталось тогда от него и Громову. Мартиросян назвал его одним из возможных организаторов военного переворота в стране. Громов подал на него в суд и там «размазал» скандального полковника логикой своих аргументов.

МВД

...Горбачев, питавший особое уважение к Громову, в декабре 1990 года предложил генералу стать первым замом министра внутренних дел СССР Бориса Пуго. Громов категорически возражал. Некоторые генералы у нас на Арбате, узнав об отказе Бориса Всеволодовича от столь заманчивого предложения, полученного им от «самого президента»,

искренне удивлялись. Ведь можно было только мечтать взлететь с должности командующего войсками военного округа до кресла первого зама союзного министра.

То была прямолинейная логика карьеристов: где бы ни служить, лишь бы должность повыше. У Громова была своя логика. Переход в МВД означал расставание с армией, с которой он породнился с момента поступления в суворовское училище (а за плечами уже было почти тридцать лет службы в Вооруженных Силах). Чувство этого родства было выше и сильнее любых карьеристских соображений.

...А Горбачев делал очередной заход на Громова. В конце концов уломал. Генерал согласился. Но поставил президенту СССР условие оставить его в кадрах Вооруженных Сил. Уходя в другое ведомство, он все-таки не дал перерезать «пуповину», связывающую его с армией...

Принять такое кадровое решение Горбачева заставила поднимающаяся в стране мощная лавина преступности. Он испугался. Ему казалось, что боевой опыт и решительность Громова приостановят эту лавину.

Наивными бывают не только дети, но президенты...

В МВД Громов должен был возглавить борьбу с терроризмом и «незаконными вооруженными формированиями». На этом посту генерал ничем себя не успел проявить. В МВД он чувствовал себя неуютно: непривычная работа, непривычные задачи. Его тянуло в Вооруженные Силы. Его тянуло и к здоровым, серьезным политикам. Он сошелся с Николаем Рыжковым, председателем Совета министров СССР. Вместе с ним Громов в 1991 году баллотировался на пост вице-президента России. Попытка оказалась неудачной...

Судя по многим высказываниям, он принадлежал к тем военным политикам, которые стремились спасти Союз, приостановить разрушительные процессы. И, наверное, не случайно Громов в июле 1991 года оказался в числе подписавших знаменитое обращение «Слово к народу», которое демократы прозвали «идейной базой ГКЧП»... В ноябре 1995 года он признался:

— Относительно «Слова к народу» я и сейчас считаю, что оно написано совершенно правильно...

15 февраля 1989 года бывший командующий ограниченным контингентом советских войск в Афганистане генерал-лейтенант Борис Громов скажет на пресс-конференции: «В Афганистане не осталось ни одного военнослужащего 40-й армии...»

15 февраля 1989 года. Таджикско-афганская граница. День завершения вывода 40-й армии из Афганистана. Генерал-лейтенант Борис Громов принимает поздравления родителей военнослужащих.

9 мая 1990 года. Киев. Командующий войсками Киевского военного округа генерал-полковник Борис Громов на торжествах по случаю Дня Победы. На заднем плане (слева) — начальник штаба КВО генерал-полковник Виктор Дубынин.

Январь 1995 года. Москва прощается с погибшим в Чечне корреспондентом «Красной звезды» Владимиром Житаренко. Заместитель министра обороны РФ генерал-полковник Борис Громов возлагает цветы к гробу военного журналиста.

Апрель 1994 года. Борис Громов рядом с Иосифом Кобзоном в Государственном концертном зале «Россия» на концерте известного певца Тома Джонса.

1995 год. Саратов. Дом культуры «Россия». Кандидат в депутаты Госдумы генерал-полковник Б. Громов отвечает на вопросы избирателей.

Сентябрь 1997 года. Забайкалье. Члена Государственной думы генерал-полковника Бориса Громова избиратели все чаще видят в гражданском...

Генерал-полковник Михаил Петрович Колесников, возглавивший Генеральный штаб Вооруженных Сил в конце 1992 года.

20 декабря 1995 года. Подмосковный санаторий «Барвиха». Президент—Верховный главнокомандующий ВС РФ вручил «Маршальские звезды» группе высших российских генералов. В их числе был и начальник Генштаба ВС РФ генерал армии Михаил Колесников.

В таком настроении начальник Генштаба генерал армии Михаил Петрович Колесников пребывал не очень часто. Слишком много было проблем...

С 1992-го по 1996 год генералы Павел Грачев и Михаил Колесников занимали два высших поста в российском военном ведомстве.

АВГУСТ -91

...19 августа 1991 года Громов был на отдыхе, однако уже 20-го вернулся в Москву.

В ночь с 20 на 21-е он объявил личному составу вверенных ему Внутренних войск о своем решении не привлекать их к выполнению задач... И потому на съезде народных депутатов СССР категорически отрицал свою причастность к августовским событиям (хотя некоторые члены комиссии «по лояльности генералитета» чохом пытались причислить его к тем, кто солидаризировался с ГКЧП. И опять вспоминали «Слово к народу», мешая Божий дар с яичницей). Его мучила ностальгия по армии.

В конце сентября 1991 года Громов подал рапорт на имя президента СССР с просьбой вернуть его в Вооруженные Силы. Горбачев тогда сильно колебался в отношении кандидатуры своего недавнего фаворита, за которым с подачи некоторых демократов потянулся хвост фальшивых подозрений в пособничестве ГКЧП. Президент СССР продолжал «наводить справки» о действиях Громова в период августовских событий. Просьба генерала о возвращении в армию была удовлетворена после многочисленных допросов в прокуратуре и проверок на лояльность... Судя по всему, президент убедился, что генералу можно по-прежнему доверять. В декабре 1991 года указом президента СССР Михаила Горбачева Борис Громов был назначен первым заместителем Главнокомандующего Сухопутными войсками Вооруженных Сил СССР. Словно в предчувствии беды Горбачев подтягивал к себе тех военных, с которыми связывал надежду на собственное спасение. Но было поздно...

АРБАТ

...Весной и летом 1992 года шло активное формирование Министерства обороны Вооруженных Сил России. В Кремле понимали, что новый глава военного ведомства Грачев хотя и глубоко лоялен новой власти, но без поддержки опытных военачальников-управленцев оставлять его рискованно. Руцкой настаивал на том, чтобы «за спиной министра» стояли тертые командиры, прошедшие большую школу в штабах военных округов, видов Вооруженных Сил. Ельцин его поддерживал. Известность генерала, его афганский боевой опыт

и авторитет сыграли свою роль: 16 июня 1992 года он стал заместителем министра обороны РФ. Громов в то время утверждал, что сохранил добрые отношения с афганцами Руцким и Грачевым. И это тоже сыграло далеко не последнюю роль в его новом назначении. Но с появлением Бориса Всеволодовича на Арбате в его отношениях с Грачевым началась принципиально новая полоса, уже с первых дней свидетельствующая о явной и скрытой конфронтации между министром и его заместителем...

Служба в роли зама Грачева началась с того, что Громову не нашлось кабинета на пятом, «руководящем» этаже, хотя там же располагались некоторые второстепенные подразделения МО. То был первый знак начала интриги (когда осенью 1994 года заместителем министра обороны был назначен Главком ЗГВ генерал-полковник Матвей Бурлаков, ему за несколько месяцев до приезда начали готовить огромный кабинет именно на пятом этаже). Громову был выделен кабинет даже не в основном здании. Генерал расположился в старинном, обветшавшем здании бывшего Генштаба через дорогу. И чтобы попасть к министру, он должен был спуститься в подземный переход под Знаменкой и двигаться по замысловатому лабиринту, стены которого покрыты белым кафелем. Такая процедура была в некотором роде оскорбительной для генерала, и потому было понятно, почему он старался как можно реже навещать Грачева. За три года службы на Арбате он был единственным замминистра, которого реже всех видели в приемной Грачева...

В Министерстве обороны генерал Громов отвечал за вывод войск из-за рубежа. Затем к этим обязанностям добавились новые: контроль за выполнением договоров со странами СНГ, Прибалтики и Грузией, безопасностью полетов. Функции эти априори предполагали «работу в тени». Поговаривали, что так якобы и было задумано министром. Весьма странным выглядела обязанность Громова контролировать безопасность полетов военной авиации. Генерал никогда в авиации не служил, а вероятность очень неприятных моментов для него на этом участке работы была очень высокой. Вообще логику распределения обязанностей между замами министра в то время иногда нельзя было понять: они курировали военные оркестры, футбольные и хоккейные команды, киностудии, но в то же время у Грачева не было зама, который ведал бы вопросами боевой подготовки.

На Арбате давно существует негласный закон: престижность должности замминистра во многом определяется тем, какое количество управлений и отделов «под ним» находится. А любое «обрезание» или сокращение всегда вызывает болезненную реакцию. На этой почве между Грачевым и Громовым произошел первый серьезный конфликт. Громов находился в отпуске на море, а министр, предварительно не посоветовавшись с ним, переподчинил одно из громовских управлений начальнику Генштаба. Это серьезно ущемляло позиции и самолюбие Б. В. Рассказывали, что, узнав о случившемся, Громов пришел в ярость. Он прервал отпуск и, прорвавшись в кабинет Грачева, с солдатской прямоотой отчитал его. Министр своего решения не отменил. Но впредь старался как можно меньше напрямую контактировать с Громовым. Громов придерживался той же политики.

«Война амбиций» продолжалась. Министр и его ближайшее окружение иногда бросали колкие реплики в адрес Громова и весьма бдительно присматривали за его решениями и поездками, и особенно за теми шагами, которые способствовали росту его популярности в армии, в президентских и правительственных кругах. Все яснее становилось, что Грачев ревностно относился к авторитету Громова в войсках, в стране и за рубежом, видел в нем сильного претендента на свой пост. С некоторых пор в МО и Генштабе острия за глаза стали называть Громова «генералом, который гуляет сам по себе».

Как-то, неожиданно для Грачева, он оказался в составе делегации МИД РФ в Китае. Корреспондент, заинтригованный его появлением, спросил у Громова о цели приезда. Генерал туманно ответил:

— Приехал посмотреть страну...

Уже тогда многие на Арбате заговорили о хороших контактах Громова с руководством МИДа, о «недопустимо вольном» поведении зама и даже о его «самостоятельной политической позиции». Если на «китайский вояж» Громова Грачев отреагировал легким ворчанием, то известие о том, что его зам оказался с женой в Израиле, привело министра в ярость. Он высказал свое негодование по этому поводу. Информация об этом не без умысла была разглашена через одного из придворных корреспондентов. Министр как бы предупреждал зама, чтобы тот не зарывался. Негативное отношение Грачева усугубило и то, что Громов, выступая на судебных слушаниях по делу члена ГКЧП генерала армии Ва-

лентина Варенникова, отдал должное заслугам бывшего Главкома Сухопутных войск и фактически встал на его защиту. В этом поступке высвечивалась очень яркая грань громовского характера: офицерскую честь и порядочность он ставил выше политической конъюнктуры.

Публичная поддержка Варенникова могла сулить Борису Всеволодовичу большие неприятности прежде всего по службе. Он сильно рисковал должностью. Тем более что его выступление на суде получило резко негативную оценку в президентском аппарате (и об этом тогда мало кто не знал в МО и ГШ). Он рисковал должностью, оставаясь на высоте человеческого долга перед бывшим Своим командиром. Трусы и карьеристы так не поступают...

Чем больше рос авторитет Громова, тем чаще можно было заметить, что в «игру на понижение» включен не только министр, но и те его сторонники, которые ревниво относились к известности Б. В. Некоторые военачальники «команды» министра подчас акцентировали внимание на том, что на период командования Громовым 40-й армией (с июня 1987 по февраль 1989 года) якобы приходится пик наших потерь в Афганистане. То была явная подтасовка фактов. А они говорили как раз об обратном: потери в эти годы были наименьшими за все время пребывания ОКСВ в ДРА.

На афганском счету Громова-командарма есть особые победы. В 1988 году ему присвоили звание Героя Советского Союза за успешное проведение операции по деблокированию моджахедами афганского города Хост. Тогда же его повысили в звании. Он стал генерал-лейтенантом. Я часто задавал себе вопрос: почему Грачев так ревностно и настороженно относился к Громову? Ведь, казалось бы, все должно было быть наоборот: оба служили в Афганистане, давно знакомы. Да и к тому же именно Грачев, назначая замов, отдавал предпочтение прежде всего афганцам. Какая кошка между ними пробежала?

Однажды у Громова спросили:

— Ваши отношения с Грачевым претерпели эволюцию от почти дружеских — именно он рекомендовал вас на должность замминистра — до если не враждебных, то холодных во всяком случае. Было ли это неизбежным и что тому главной причиной?

Громов ответил:

— Мне бы не хотелось быть обвиненным в том, что свои счеты с Грачевым из-за личной обиды. Я никогда не вы-

яснял с ним отношения по той простой причине, что спорить можно с равным, а мы с ним не пара. Он сам всегда признавал мое старшинство. В должности комдива Грачев прекрасно воевал в Афганистане. Его дивизия была подготовлена замечательно. Но толковый комдив это еще не министр обороны. Сейчас не 1919 год, когда рядового бросали командовать полком. В любом назначении должна быть своя логика. Грачев же стал министром вопреки нормальному ходу вещей. Я ошибочно полагал, что Павел Сергеевич при моей поддержке, при помощи других опытных заместителей — Кондратьева, Миронова — сможет поработать на благо Вооруженных Сил России. Если бы я мог предвидеть такой поворот событий, то, скорее всего, не ввязывался бы в это дело. С Грачевым мы более-менее слаженно поработали до октября 1993 года, когда наши позиции окончательно разошлись. Незадолго до этого обсуждалась военная доктрина России, и я категорически возражал против некоторых позиций документа, в частности против права на применение армии внутри страны. Теперь я понимаю, что кое-кто уже тогда готовился и к октябрю-93, и к Чечне. Я в этом участвовать не хотел...

ПРИНЦИПЫ

«Грачев стал министром вопреки нормальному ходу вещей»...

Громов десятки раз высказывал эту мысль в разных интерпретациях. Три года генералы и полковники слышали это. Одни говорили: «Громов завидует». Другие твердили: «Он прав». Грачев однажды сказал, что все идет оттого, что когда-то он был подчиненным Громова, а теперь наоборот. Четыре года обходил вопрос о нарушении «нормального хода вещей». И лишь на пятый, когда его сняли, признался, что в кресле министра появился раньше времени. Громов оказался прав.

Принципиальная размолвка Громова с Грачевым особенно усилилась в период драматических событий 1993 года. К этим событиям у замминистра было свое отношение. Однажды у него спросили:

— Отчего вы отказались участвовать в штурме Белого дома в октябре 1993-го?

Он ответил:

— По моральным причинам. Когда в сентябре 1993-го Белый дом обволакивали «колючкой», мне было и горько и смешно. Как бы ни был неправ Верховный Совет, непозволительно было сажать людей за колючую проволоку. Могу свидетельствовать: так же тогда считали 99 процентов генералов и офицеров МО и Генштаба. Ибо было ясно, что за «колючкой» близко и до крови...

И тут у Громова были свои принципы. Он не хотел оказаться марионеткой в руках тех, кто подталкивал Москву и Россию на грань гражданской войны. Он не хотел быть среди тех генералов, которые лояльность Кремлю ставили выше приказа стрелять в соотечественников.

Негативное отношение Грачева и его сторонников в МО к Громову серьезно усилило поведение замминистра 3 октября. Хорошо помню, как в тот вечер в арбатских кабинетах словно сенсацию передавали из уст в уста: «Громова не могут найти». Кто-то не без умысла пустил «утку»: «Запил. Автопилот не включается». И только самые посвященные знали правду. В Кремль было доложено: «Громов дистанцировался от решений коллегии»... Эта информация уже на другой день выплеснулась за стены Арбата. Журналисты ухватились за клубничку: «В руководстве Минобороны раскол!» Однако, желая не показывать раздрая в рядах высшего генералитета, Грачев заявил в прессе, что отсутствие Громова на ночном заседании коллегии чушь, что Громов лишь... опоздал. А через несколько месяцев после этого в интервью «Аргументам и фактам» Громов честно признался:

— Меня вообще там не было...

Чуть позже он сказал еще больше:

— Я принципиально не пошел на коллегию Министерства обороны, где принималось решение об участии войск на президентской стороне в противостоянии с парламентом.

О том, что Громов входит в состав так называемой оппозиции, Грачеву говорили в окружении давно. Да он и сам это знал. И было нетрудно понять, что министр будет искать возможность освободиться от него. Многие, посвященные в детали интриги, ждали ее развязки. Она наступила в зиму 1994/95 года. Три должности заместителей министра обороны РФ неожиданно сократили. Причем именно тех замов, которые не скрывали своего негативного отношения к силовому варианту спора с Чечней и бестолковой его организации. Громова вывели за штат. Когда Громов оказался не у дел (вместе с ним «сократили» еще двух замов), и тог-

да не прекратил отстаивать свои принципы в явном и скрытом противостоянии с Грачевым. Он опубликовал в «Независимой газете» статью, показывающую жуткую картину состояния боевой авиационной техники и значительное снижение уровня безопасности полетов.

Вскоре Грачев предложил трем «сокращенным» замам поучаствовать в конкурсе на замещение вакантной должности. Это ложь, когда говорят, что в Российской армии не осталось генералов, которые имеют чувство собственного достоинства. В ответ на предложение поучаствовать в конкурсе Громов сказал Грачеву:

— Паша, может быть, ты еще возьмешь картуз и бросишь туда три фантика? Я в такие детские игры не играю.

В те дни в Минобороны многие генералы и офицеры с недоумением поговаривали о перечасшем здравой логике решении Грачева: он вывел из игры полных энергии, многоопытных и перспективных генералов-афганцев, оставив в то же время на своих постах гораздо более «возрастных» и одиозных замов генералов Константина Кобеца и Матвея Бурлакова (их у нас в шутку стали называть «замами министра обороны по коррупции»). Грачев давал понять, кто ему не нужен...

МИД

В феврале 1995 года президент подписал указ о назначении генерал-полковника Бориса Громова главным военным советником Министерства иностранных дел РФ. Указ был составлен на скорую руку, и из-за этого уже вскоре в Минобороны разыгрался очередной скандал. Поскольку в указе Ельцина не было оговорено, где именно должно быть рабочее место Громова и его небольшого аппарата, в каком именно порядке его команда должна обеспечиваться всем необходимым, генерал до полного прояснения всех этих вопросов решил никуда из своего кабинета на Знаменке не выезжать. Судя по тому что некоторые офицеры Хозяйственного управления Генштаба регулярно появлялись у кабинета Громова и вели наблюдение за тем, как идут сборы, кому-то страшно не терпелось поскорее выдворить генерал-полковника из здания. Когда в очередной раз «агентура» ХОЗУ прибыла для проведения «активных мероприятий», ей дали отпор. Помощники Громова во главе с подполковником Панте-

леевым забаррикадировались в своем «отсеке» на втором этаже старого здания и никого туда не пускали. Почти месяц Минобороны и Генштаб жили в ожидании развязки «семейного инцидента» генералов (по большому счету, страшно позорного), который все больше и больше обрастал сплетнями. Наконец, Ельцин положил ей конец, отменив свой февральский указ и издав в марте новый, в котором четко определил, где должен сидеть Громов со своим аппаратом, за чей счёт будет проводиться финансовое и материально-техническое обеспечение и т. д. Чтобы хоть как-то избежать серьезного скандала в случае утечки информации о первом, «сыром» указе по Громову, Ельцин даже засекретил свой новый указ от 16 марта, хотя и малейших признаков государственной или военной тайны он не содержал. Но даже и после указа Ельцина Громов еще некоторое время не спешил покинуть свой рабочий кабинет в Минобороны. Когда все до последней бумажки было уложено и команда выехала на Смоленку, кто-то из офицеров Громова «на всякий случай» оставил повешенным на рабочем кресле генерала его старый китель. Из-за этого кителя кабинет считался «не освобожденным», и хозяйственники не решались его занимать. Громов сидел уже в МИДе, а даже его китель продолжал бороться с Грачевым...

В то время смысл своего противостояния с министром обороны Громов объяснил так:

— После октябрьских событий я перестал устраивать министра обороны, хотя на словах между нами все было по-прежнему. Ему уже было не резон, чтобы его замы, самостоятельные люди, свое мнение имели. Он считал, что это подрывает его личный авторитет. Когда я выразил соболезнование по поводу гибели Дмитрия Холодова и особенно когда я начал критиковать действия в Чечне, он не мог дальше терпеть...

Славив Громова на Смоленскую площадь, Грачев лишь физически дистанцировал от себя «дышащего в затылок» претендента на свое место. Он лишил Громова высокой должности в Минобороны, но не мог лишить его ума, опыта, авторитета.

Работая в МИДе, Громов продолжал жить с армией одной жизнью, время от времени комментировал происходящие в ней процессы, размышлял над рецептами лечения ее запущенных болезней. Однажды у него спросили:

— Вы планируете возвращение в армию?

Он ответил:

— Сегодняшний мой официальный статус — прикомандированный к МИД России. Гражданка — это временное для меня. Но я вернусь тогда, когда уйдет нынешнее, полностью себя скомпрометировавшее армейское руководство. Недальновидная кадровая политика Минобороны привела к тому, что за последние годы из армии были уволены настоящие профессионалы, в том числе несколько членов коллегии, а на должности назначены ставленники Грачева. Я становлюсь все более жестким сторонником законности и порядка. Не могу равнодушно смотреть на нынешнее безответственное руководство Вооруженных Сил, которое на корню валит то, что было сделано до него умными и преданными армии и флоту людьми. Апломб и непомерные амбиции лидеров без опыта и знаний военного строительства приводят армию к краху. Исчезло всякое понятие о чести и совести. Огромное число офицеров, которых вывели из различных групп войск, в том числе из бывших республик Союза, не имеют жилья, ютятся в палатках, как беженцы, а в это время руководство Вооруженных Сил во главе с министром обороны вылетает в Нижний Новгород участвовать в теннисном турнире «Большая шляпа». О какой нравственности можно говорить! Я за такую демократию, которая не пустит подобных лидеров дальше денщицкой...

В свите «подобного лидера» скрежетали зубами — пощечина была громкой и хлесткой.

МЕСТЬ

...В конце июня 1995 года мне позвонил из МИДа давний знакомый, служивший в аппарате главного военного эксперта. Он просил меня занять «хотя бы пол-лимона».

— Ты что, костюм собрался покупать?

— Откуда такое счастье? — ответил полковник, — у меня семья скоро с голоду подохнет! Зарплату уже четвертый месяц не получаем. Опять родное ведомство свинью подсунуло...

Из сообщения агентства «Интерфакс» от 26 июня 1995 года:

«Генерал Громов просит президента РФ разобраться с проблемой денежного довольствия сотрудников его мидовского аппарата. Четвертый месяц не выплачивается денежное довольствие сотрудникам аппарата генерала Бориса

Громова, главного военного эксперта при МИД РФ, сообщили в аппарате генерала. Сотрудники аппарата главного военного эксперта сообщили, что Борис Громов обратился к президенту РФ с просьбой пересмотреть указ об его прикомандировании в МИД РФ и создании аппарата и привести указ в соответствие с законодательством. Проблемы с финансированием возникли в связи с тем, что в настоящее время сотрудники аппарата являются военнослужащими Российской армии, прикомандированными к МИД в качестве офицеров и старших офицеров, но согласно Закону «О воинской обязанности и военной службе» прикомандирование военнослужащих в другое ведомство возможно только в качестве советников, экспертов или консультантов, пояснили в аппарате. Борис Громов прикомандирован к МИД РФ в качестве главного военного эксперта указом президента от 13 февраля, и согласно этому же указу в рамках министерства создан соответствующий рабочий аппарат Бориса Громова».

И это значило, что Ельцину надо было уже в третий раз возвращаться к указу по Громову и его аппарату. Вот так мы и жили.

В практике Минобороны технология откомандирования генералов и офицеров в другие ведомства была давно и отлично отлажена. Не было проблем с денежным содержанием у сотрудников аппарата генералов Миронова и Кондратьева, аналогичным образом откомандированных в другие ведомства. А споткнулись почему-то только на Громе... Месть была очевидной. Громов в долгу не оставался. С того самого момента, как он ушел в МИД, не было, пожалуй, ни одного его заявления для прессы (статьи или интервью) по военным вопросам, в котором бы он прямо или косвенно не критиковал Грачева. Причем удары всегда наносил в самые слабые места министра обороны.

Осенью 1995 года Министерство обороны активно решало вопрос о формах участия российского воинского контингента в миротворческой операции в Боснии. А это вопрос международной военной политики. Значит, в соответствии с указами Ельцина МО должно было координировать свои планы с МИДом. Я не сомневался, что именно так и происходит. Тем более что рядом работали люди, которые регулярно возили на Смоленку югославские документы. И вдруг в интервью «Комсомольской правде» (1995. 28 нояб.) Громов заявил, что МИД в разработке программы российского

участия в операции... не принимал. По его утверждению, «основным разработчиком было Министерство обороны», а «министр обороны в обход МИДа решает внешнеполитические вопросы». Было очевидно, что Громов и Козырев дули здесь в одну дуду: накануне уже явно «приговоренный» к отставке министр иностранных дел заявил в прессе почти о том же с нескрываемой обидой. Интервью Громова появилось в «Комсомолке» именно в тот день, когда Грачев находился в Брюсселе, где утверждал, что достиг успеха, не позволив генералам НАТО единолично командовать российскими миротворцами. Громов утверждал обратное:

— А командовать нашими ребятами будет НАТО... Какая разница, как будет называть себя верховный главнокомандующий силами НАТО в Европе генерал Джоулван? Это то же самое, как если бы, отдавая команду своему помощнику, сейчас назвался Громовым, а через минуту генерал-полковником...

И он был, безусловно, прав. Даже то, что Джоулван не мог отдать приказа без подписи нашего представителя при НАТО генерала Леонтия Шевцова, сути нашей уступки не скрывало. Громов усмотрел слабость позиций Грачева не только в этом:

— Кроме того, я не могу понять целесообразность самого механизма командования. Ведь над нашим контингентом будет осуществляться, помимо общего оперативного, еще и повседневный «тактический» контроль в лице опять же американском. Зачем нужна такая цепочка?..

Волею судьбы Грачев снова оказался на самом острие «сражения» с натовцами за право устанавливать справедливые правила игры. Натовцы упорно протаскивали свою линию, стараясь поставить нас в подчиненное положение. И когда это случилось, Громов снова не выдержал:

— Россия под командованием НАТО... Можно ли найти более красноречивый пример тому, в каком положении мы находимся сегодня на международной арене...

По мере приближения парламентских выборов 1995 года оценки и выводы генерала Громова, касающиеся не только высшего военного, но и государственного руководства, становились все жестче. Однажды он позволил себе, казалось, запредельное:

— Вот говорят стране, что МИД плохо работает. Да не МИД плохо работает, а плохо работает тот, кто должен МИД направлять.

Кого именно имел в виду генерал, было предельно ясно... И становилось понятно, почему это военный советник МИДа уже почти полгода не получает зарплату. Даже несмотря на то, что президент своим «повторным» указом четко возложил на Министерство обороны финансовое обеспечение Громова и его аппарата...

ЧЕЧНЯ

В первый же день войны с Чечней по Министерству обороны прокатилась сенсационная новость: генерал Громов «через голову» министра связался с Дудаевым по телефону и стал вести с ним несанкционированные переговоры. Затем без согласования с Грачевым провел пресс-конференцию. Отвечая на вопросы журналистов, он не скрывал, что в разговоре с Дудаевым выступил против силового метода разрешения конфликта. Он осудил и саму процедуру подготовки военной акции:

— Ее подготовка скрывалась от нас, от коллегии Министерства обороны. Но если бы мне предложили, я бы сразу отказался. Армия для этого не предназначена. Для разрешения внутренних конфликтов было и остается много других способов, есть специальные подразделения.

Слушая эти его слова, я вспоминал октябрь 1993 года, когда и Ельцин, и Черномырдин «выламывали руки» коллегии МО, требуя дать согласие на то, чтобы в новой военной доктрине России было зафиксировано право использовать армию внутри страны. Тогда Громов сказал: «По сути, речь идет о том, чтобы армия развернула штыки в сторону собственного народа. Я с этим никогда не соглашусь». Не соглашался он и в декабре 1994 года. Изменялось время. Не изменялись его принципы... Он упорно стоял на своем: войска из Чечни надо выводить. «Им там нечего делать», — говорил он и предлагал президенту назвать точную дату вывода наших армейских подразделений из Чечни. Он продолжал доказывать, что военная операция в Чечне была подготовлена министром и Министерством обороны бездарно. Громов: «В Чечне только за 4 месяца погибло больше наших солдат, чем за самый тяжелый 1984 год в Афганистане». Он упорно вел кинжальный огонь критики по Грачеву, заявляя, в частности, что министр обороны не учел при планировании и проведении чеченской операции «афганских»

уроков. По-прежнему часто Громов применял и свой фирменный удар: «Грачев предан одному человеку, а не армии».

На своей предвыборной пресс-конференции в августе 1995 года в столичном Доме журналистов Громов сказал:

— Чечня не Афганистан. Она не «другая страна», а субъект Российской Федерации, неотделимая часть ее территории. Из ввода в Чечню «ограниченного контингента» тайны не делали. Тайными, как и и пятнадцать лет назад, стали механизмы принятия решений...

В то время в российском Генштабе часто можно было слышать разговоры, что действительно механизм принятия решения о вводе войск в Чечню был весьма сомнительным. Прежде всего это касалось правового статуса Совета безопасности, на закрытых заседаниях которого и был принят вариант силового разрешения конфликта. Громов выступал против того, чтобы право на принятие таких решений было «приватизировано» группой лиц, подтолкнувших президента на явно поспешные, плохо подготовленные, авантурные меры...

Особенно резко Громов осуждал применение оружия против мирного населения. Когда он командовал 40-й армией в Афганистане, то строжайшим образом карал подчиненных за такие бандитские методы. В своей книге «Ограниченный контингент» он писал об этом: «Не менее строго соблюдался и другой приказ, запрещающий нанесение бомбово-штурмовых ударов авиации по населенным пунктам... Обстрелы населенных пунктов, даже если оттуда открывали огонь по нашим солдатам и офицерам, предусматривали уголовное наказание».

Анализируя причины трагедии на Кавказе, Громов все чаще начинал проводить параллели между афганской и чеченской войнами. И хотя то были слишком разные войны, многое говорило о том, что высшее политическое и военное руководство слишком быстро забыло уроки Афганистана...

Незадолго до своей гибели Дудаев давал интервью иностранному журналисту. Тот спросил у него: могло ли вообще не быть этой страшной войны? Дудаев ответил утвердительно. И добавил, что если бы Ельцин очень хотел, то договориться было можно. Среди тех, кого бы хотел видеть на переговорах в составе московской делегации, Дудаев назвал фамилию Громова...

Летом 1995 года стало известно, что генерал-полковник Громов включен в состав общественно-политического блока, возглавляемого спикером Государственной думы Иваном Рыбкиным. Это было неожиданным для многих политиков и военных. В Минобороны и Генштабе очень многие весьма скептически отзывались о блоке Рыбкина, считая его искусственной политической конструкцией, придуманной в Кремле, откровенно высказывали соболезнования Громову в связи с тем, что его «втащили» в столь малоперспективную команду. Было понятно, что на боевой славе и авторитете Громова хотят «наварить» политическую прибыль весьма серьезные деятели... Вряд ли этого не понимал и сам Борис Всеволодович. Вскоре он заявил, что не хотел бы зависеть от каких-то блоков и партий. Но не много потребовалось времени, чтобы он внес коррективы в свою позицию и понял: в России быть политически свободным нельзя особенно тогда, когда назревает очередная схватка за передел власти.

Результат: Громов объявил, что вошел в движение «Мое Отечество». Этот маневр генерала произвел фурор. Чем же он мотивировал свой шаг?

— Блок Рыбкина проводил и будет проводить политику нынешней власти. На знамени этого блока написано «СССР», что расшифровывается как «Союз Социальной Справедливости России». Подумайте, как я буду смотреть в глаза своим офицерам и их женам, если они по полгода не получают зарплату! Интересно, за какую еще «социальную справедливость» я буду биться вместе с Рыбкиным, если он уже сейчас у власти и может сделать все, чтобы эта справедливость соблюдалась?

То был очень большой камень в огород Рыбкина. Но осколки от него летели и в Ельцина, и в Черномырдина. Можно было не сомневаться: если Громов не пройдет в Думу в декабре, прощай, МИД. Придется генералу искать другую работу. Или садиться на даче писать очередную книгу мемуаров... Судьба вводила его в очередной круг испытаний. Громов так определял свою цель пробиться в Думу:

— В Думе я хочу через законодательство решить ряд вопросов, в которых считаю себя специалистом. Они связаны с военной и экономической безопасностью страны, со строительством Вооруженных Сил, с помощью «афганцам» и, наконец, с вопросами мира и дружбы между народами.

Громов, как и некоторые другие генералы, прорывался в большую политику...

Грачев и его сторонники бдительно следили за политическими маневрами Громова. Когда стало известно, что Громов собирается баллотироваться в Саратове, министру стали советовать, чтобы он там же выставил свою кандидатуру, чтобы «оттянуть» от Громова голоса военных. Но Грачев на это не пошел и заявил, что на посту министра принесет больше пользы Отечеству. Как только Громов вышел из блока Рыбкина и вступил в «Мое Отечество», оно сразу же подверглось гонениям. По признаниям вице-президента фонда «Реформа» (и одного из лидеров громовского блока) Станислава Ассекритова, на его коммерческие структуры обрушилась лавина проверок. Ассекритов сообщил также, что министр обороны лично распорядился не пускать генерала Громова в гарнизоны и военные училища. За месяц до выборов у Громова спросили:

— О чем свидетельствует мощный десант военных в Думу?

Он ответил так:

— Это как раз и подтверждает весь беспорядок, творящийся в стране и армии. Но в политику офицеров толкнули именно те, кто больше всего шумел о том, чтобы армия находилась вне политики.

Больше всех шумел Пал Сергеич...

ПРОРЫВ

Примерно за неделю до начала парламентских выборов на имя Громова и его избирательного объединения «Мое Отечество» поступило письмо президента Белоруссии Александра Лукашенко. Безусловно, эту акцию можно было расценивать как специально устроенный политический подыгрыш генералу, который не однажды высказывался за объединение славянских народов. И все же не всякому российскому генералу присылают подобные письма президенты соседних стран.

Лукашенко писал:

«...Альтернативы сближению двух братских государств Беларуси и России не существует, поскольку у белорусского и русского народов единая многовековая история, единый национальный, культурно-духовный код — это славянство».

В ответном письме Громов писал:

«...Я всегда был противником распада нашего великого Отечества. Никогда не считал и не считаю, что развал Советского Союза был неизбежен и тем более необходим. Как и Вы, я сожалею по поводу возникновения противоестественных границ на территории бывшего СССР, так как они ножом пошли по живому телу наших народов, разорвали единство многих семей, разрушили судьбы и очаги многих миллионов наших соотечественников».

Уже вскоре после парламентских выборов 17 декабря 1995 года стало известно, что Громов с большим преимуществом победил в своем избирательном округе. В 1996 год он вступил с мандатом депутата Государственной думы.

АФГАНЦЫ

...15 февраля 1996 года, в годовщину вывода советских войск из Афганистана, в Кремле состоялся торжественный вечер. Грачев выступил на нем с речью. Громова среди присутствующих не было. А ведь именно он должен был быть главным именинником. У меня создавалось впечатление, что в зале, где происходило торжество, кого-то очень не хватает...

Мой друг генштабист Валера Арзамасцев, воевавший с Громовым и выводивший с ним войска из Афгана, наклонился ко мне:

— Пойдем выпьем водки.

Мы пошли в буфет и, к удивлению своему, обнаружили там толпу афганской братвы в золотых погонах. Тут было гораздо интереснее и теплее, чем там, в огромном зале, где Грачев рассказывал о значении вывода наших войск. Громов, как мы узнали, в это самое время проводил в Колонном зале Дома союзов «свою» встречу с афганцами. В холле Кремлевского Дворца грянул оркестр. Понесли шампанское. Офицеры приглашали дам на танец. Маша Распутина раскручивала Грачева. Валерка сказал:

— Пойдем выпьем водки.

Я закрыл один глаз и, глядя на Грачева с Распутиной, по уровню их раздвоения прикидывал, сколько могу еще принять. Раздвоение было уже достаточно большим, но Пашу от Маши я еще отличал.

— Пойдем выпьем водки, — упорно настаивал Валерка. — Теперь пойдем выпьем водки с Громовым.

Я понимал, что его мучает. Мы пошли в Дом союзов. Торжество было в разгаре. Гремела музыка. Такая же, как в Кремле. Валерка был ветераном афганской войны, и его многие сразу узнали. Кто-то вспомнил, как в одном из боев душманским снарядом сорвало с нашего танка защитный лист, который подхватил Арзамасцева под задницу и пронес по воздуху метров десять... Многое вспоминалось. Смешное и страшное.

Кореша-афганцы быстро нашли нам место за столом. А золотых погон становилось все больше: такие же беглецы из Кремля, как и мы. Арзамасцев предложил пойти к Громову и чокнуться тарой. Громов отвлекся от разговора с соседом по столу и поднял свою рюмку навстречу Валеркиной:

— За нас, ребята.

— За вас, Борис Всеволодович.

— А мы из Крэ-э-е-мля! — сказал Валерка с какой-то деревянной дикцией. Громов улыбнулся и сказал как-то тепло, по-семейному:

— Среди своих всегда лучше...

Афганцы, поддерживающие Громова, предложили его кандидатуру в президенты России. Но генерал отнесся к этому без энтузиазма. Он привык ставить перед собой достижимые цели...

ЕЛЬЦИН

До весны 1996 года генерал Громов не сказал и слова, не сделал и шага, которые были бы непонятны тем, кто его поддерживал. В мае о нем у нас на Арбате заговорили чуть ли не как о «изменнике»... Его увидели в Волгограде рядом с Ельциным... Поначалу глазам не верилось, что военачальник, уже длительное время занимавший нелояльную позицию по отношению к президенту, вдруг оказался в его стане. И пошли разговоры, что «Ельцин купил чем-то Громова». И наверное, уже в ближайшее время генерал станет министром обороны. И уже даже спорили, когда именно Ельцин объявит об этом: в Чечне или на совещании высшего руководящего состава в конце мая?

И все же не у одного меня еще теплилась надежда, что поездка Громова с Ельциным в Волгоград чисто популистская штука президента, желавшего показать, что он не такой уж неуважаемый среди уважаемых военных человек. Безу-

ловно, Громов имел и имеет полное право на любой собственный выбор. И все же неприятно было услышать в генштабовской курилке:

— Кажется, Громов променял принципы на должность.

А я ведь был уверен: «Изменялось время. Не изменялись его принципы». Так неужели?..

Я гнал от себя мысли, очень похожие на разочарование. Не много было генералов, в порядочности которых я не сомневался. Утешало лишь, что, возможно, я заблуждаюсь, что идет какая-то скрытая игра, в которой ни черта не понимаю.

Когда к Ельцину перебежал Лебедь, многие генералы и полковники, оправдывая такой его шаг, стали говорить о каких-то «высших соображениях» и «стратегической игре». Звучало красиво, загадочно, но не убедительно.

...А пока был Волгоград и усталое лицо Громова рядом с Ельциным. Оставалось ждать, когда появится указ президента о назначении его министром... Наши догадки еще больше усилились, когда стало известно, что Громов стал еще и доверенным лицом президента.

Но тогда никто на Арбате еще не знал, что за кремлевскими стенами генералу Громову пытались вложить в руки свирель, чтобы он играл величальную высшей власти и таким образом принял новую политическую веру. Плата — должность министра. От этого бартера он отказывался. Ему многозначительно предлагали «подумать». Он думал и говорил, что главное для военного министра — спасение армии... В прессу просочилась информация, что в Кремле состоялась встреча Ельцина и Громова. О подробностях не сообщалось. Если подробности таких встреч неизвестны журналистам, то о них в первую очередь стараются узнать в Минобороны и Генштабе. А в Кремле у нас было немало «своих» глаз и ушей.

Суть разговора сводилась к вещам весьма прозаическим, касающимся положения в армии и путей ее реформирования.

Когда Ельцин спросил у Громова, знает ли он, что надо делать с армией, генерал изложил свой план военной реформы. Громов не скрывал, что ему для реализации этого плана нужны будут определенные полномочия. Сам президент или минобороновские «разведчики» уже вскоре сообщили министру, что Громов «сам напросился на встречу и на пост министра обороны». Самым поразительным было то, что Павел Сергеевич знал даже детали разговора между

президентом и Громовым. Все это так взволновало Грачева, что он на совещании высшего руководящего состава по этому поводу не упустил возможности злорадно оттянуться. Но было видно: министр чувствует себя неуверенно...

СЛУХИ

...Громов еще не знал, что после того как Ельцин приблизил его к себе, с бешеной скоростью стали плестись вокруг него тонкие сети компромата, подозрений, «заслуживающих доверия» сигналов. Все это стекалось в Кремль и доводилось до «государева уха». Чему-то Ельцин верил, чему-то нет... Как и любая известная личность в России, Громов жил среди слухов и домыслов, старая сплетница Москва всегда была по этой части впереди планеты всей. О Громе судачили не только как о личном друге Кобзона, Лужкова, Пугачевой и даже «великого мафиози» — покойного Отари Квантаришвили. В некоторых российских газетах имя Громова не раз мелькало в материалах, посвященных инциденту с захватом obsługi «Мост-Банка» Службой охраны Президента. Из «информированных источников» просачивалась информация о якобы имеющихся фактах связи Громова с рядом представителей «Мост-Банка» и другими коммерческими структурами. Но никаких реальных фактов, убедительных доказательств таких связей не было представлено. Генерал Громов упорно отрещивался от своих связей с «темными силами» столицы и даже предупреждал, что против него могут быть в связи с этим различные провокации в прессе. Особенно в предвыборный период. Он уже знал законы не только боевых, но и политических сражений и умел предвидеть появление «высококондиционной» «компры». И не ошибся.

За несколько месяцев до парламентских выборов в президентские и правительственные структуры была «сброшена» информация о том, что Громов строит себе дачу на сомнительные средства. Дача Громова по сравнению с ханскими дворцами генералов Грачева, Бурлакова, Чечеватова, Харченко и многих десятков других военачальников выглядела халупой, которая вполне по карману не только замминистра, но даже уборщице крупного коммерческого банка. И тем не менее нашлись в нашем военном ведомстве осведомители, которые навели журналистов на громовское невид-

ное сооружение (оно оценивалось специалистами примерно в 55—60 миллионов рублей. Многие генеральские дачи в Архангельском, Барвихе, Баковке тянули на 700—800 тысяч долларов). Пришло время Борису Громову отвечать на один из самых неприятных для военачальников его уровня вопросов:

— На какие деньги вы строите дачу? Ведь даже свою зарплату в 1 миллион 300 тысяч рублей вы не получаете уже полгода!

Громов объяснил так:

— В 1992 году в Центральном банке я взял кредит 50 миллионов рублей на десять лет. На эти деньги я купил практически все, что мне было нужно для дачи. А Центробанку я должен отдать квитанции для отчета за эти 50 миллионов. Плюс семейные резервы, плюс продажа некоторых вещей, плюс гонорар за книгу. Нашлись люди у нас в МО, которые все эти факты проверили с педантичностью Шерлока Холмса. Их постигло великое разочарование. Все сходилось.

Я уже говорил, что по Москве давно ходят упорные слухи о якобы «особо приятельских» (еще со времен войны в Афгане) отношениях Громова с Иосифом Кобзоном. В свое время одна из его мощных коммерческих фирм «Московит» наступала на горло (и оказалось, что вполне справедливо) самому генерал-полковнику Матвею Бурлакову. Тогда шли схватки за лучшие продовольственные контракты между ЗГВ и многими иностранными фирмами. Руководство Западной группы войск подбирало партнеров, как выяснилось позже, с которыми можно было иметь немало личной выгоды. Иногда подписывались контракты, которые были крайне невыгодны для армии, зато оказывались весьма прибыльными для тех, кто участвовал в их подписании... Узнавший об этом Кобзон пришел в ярость: его поставщики могли привозить в ЗГВ продукты по вполне приемлемым и гораздо более выгодным для группы ценам.

Офицеры штаба группы рассказывали мне, что после одной из очередных «продовольственных» схваток Кобзона с командованием ЗГВ Иосиф Давидович даже явился к Павлу Грачеву и потребовал, чтобы он сместил Бурлакова с должности Главкома, а на его место назначил Бориса Громова. Говорили, что Грачев, еле сдерживаясь, процедил:

— Иосиф, ты же у меня еще не начальник Главного управления кадров.

Один из свидетелей рассказывал, что во время 50-летне-

го своего юбилея Громов взобрался на стул и предложил гостям тост:

— За самого лучшего моего друга Иосифа Давидовича Кобзона!

Некоторые из замов министра так ревниво и болезненно на это прореагировали, что, захватив жен, немедленно ретировались из-за праздничного стола... Верный дружбе с известным генералом, Кобзон на некоторых своих концертах для военных и гражданских зрителей и слушателей не упускал случая, чтобы провести агитационную работу в пользу Громова. На одном из концертов в Центральном Доме Российской армии он открыто призвал присутствующих защитить генерала Громова от «грачевской своры»...

ЛЕБЕДЬ

...Лебедь в свое время назвал Громова «элитным генералом». И с этим мало кто не соглашался. Генерал некоторое время обладал способностью давать довольно точные и хлесткие оценки многим видным фигурам в политике и Вооруженных Силах. Мне хорошо помнится, как, например, в ходе одного из своих предвыборных выступлений Лебедь по-своему оценил дружеские отношения Громова с Кобзоном. Он выразил сожаление, что вокруг Громова собрались «сомнительные люди», бросающие тень на его боевой мундир.

— Это избирательный блок не Бориса Громова, а Иосифа Кобзона, в котором эксплуатируется имя боевого генерала, — заявил Лебедь. Весьма возможно, что на такой ход Лебедь пошел, руководствуясь своими правилами предвыборной борьбы. Но значение персональных характеристик, которые давал Лебедь высшим генералам во время своего назначения секретарем Совета безопасности РФ летом 1996 года, многократно возросло. И особенно в период решающих «боев» претендентов на вакантное место министра обороны в июне — июле 1996 года. Среди них был и Громов. А Лебедь сказал о нем так:

— Хороший был генерал, но разменял себя на пятаки...

На чем основывалось такое заявление, было непонятно. У меня возникало такое чувство, что Лебедь от головокружительного взлета теряет чувство офицерской порядочности. У нас в Минобороны и Генштабе даже искренне уважающие

Александра Ивановича люди стали с возмущением говорить, что он явно зарвался. И что такой лейбл, который секретарь СБ навесил на Громова, возможно, сыграл ключевую роль в том, что Ельцин не рискнул назначить Бориса Всеволодовича министром обороны после смещения Грачева...

Громов посчитал ниже своего достоинства поднять перчатку, брошенную ему Лебедем.

РЕФОРМА

Громов время от времени активно участвует в порядке уже всем надоевшей и бесплодной дискуссии о военной реформе. Он противник безоглядной торопливости и шараханья из стороны в сторону.

Он говорил:

— Я сторонник того, чтобы все менять обдуманно, чтобы любая реформа была спланирована.

Эта реформа в России планируется уже шестой год. А то, что все это время делалось на Арбате, Громов назвал бутяфорией. Он был убежден, что «Грачев и его помощники не имеют ни опыта, ни подготовки для таких реформ. Они ведут словесную реформу. Даже вывод войск из Германии оформили как один из этапов военной реформы, назвав это стратегической операцией! Просто реформы мы сейчас не можем себе позволить. Денег-то нет».

Когда Громов говорит о своих подходах к финансированию военной реформы, он демонстрирует в этом практически полное совпадение взглядов с генералами Лобовым, Родионовым, Самсоновым, Пищевым, Лебедем, Мироновым и десятками других военачальников. И даже тогда, когда так много известных и авторитетных военачальников независимо друг от друга пришли к единому мнению, в Кремле все равно с ними не соглашались. Однажды Громов заметил, что «неспособность государства нормально финансировать армию есть явный признак его развала».

А Кремль голосом секретаря Совета обороны Ю. Батурина продолжал твердить: «Разве непонятно, что больше денег государство армии дать не может».

Окончательно убедившись, что власть при «коматозной экономике» нормально финансировать реформы не сможет, Громов еще 10 декабря 1995 года сделал сенсационное заявление:

— Реформы армии не нужны. На данном этапе реформы в армии вредны, неэффективны и, по большому счету, невозможны.

Он считает, что в нынешней экономической ситуации армии не до реформ, ей бы «выжить, закрепиться и стать на ноги... Вообще я не понимаю слов «реформа армии». Речь надо вести, на мой взгляд, о военном строительстве в России, об обороне государства, а на этой основе о создании соответствующих Вооруженных Сил...»

* * *

Так что же ждет генерала?

Многие военные аналитики предрекают, что на карьере генерала Бориса Громова еще очень рано ставить крест, что при любом развитии событий в России и ее ближнем зарубежье опыт и авторитет Громова еще будут востребованы. Жезл министра обороны все еще в его ранце.

Как-то у него спросили:

— Какова сегодня ваша цель в жизни?

— Сейчас цель одна: дай Бог, сохранить армию. Положение в войсках — это просто катастрофа, — ответил генерал.

Самый долгий бой генерала Громова продолжается...

Глава 7

ГЕНЕРАЛ КОЛЕСНИКОВ

КРУШЕНИЕ КУМИРА, или Русский след корейских ракет

ШЕСТЬ

...После того как в России была утверждена должность начальника Генерального (Главного) штаба, в ней перебивало более четырех десятков военачальников. Одни продержались по двадцать лет с гаком, другие не высидели и двадцати недель... Но был лишь один уникальный период, когда за шесть лет сменилось шесть начальников Генштаба. Это произошло в 1991—1997 годах. Все кадровые назначения и смещения зависели от воли президента. И только в одном случае причиной смены очередного НГШ была смерть...

Вместо снятого «за непротивление ГКЧП» генерала армии Михаила Моисеева в августе 1991 года на должность НГШ был назначен генерал армии Владимир Лобов. Он не продержался и трех месяцев: в результате придворной интриги был внезапно и унижительно смещен. Ему на смену пришел командующий войсками Ленинградского военного округа генерал-полковник Виктор Самсонов.

По Генштабу в те дни ходили, как говорится, имеющие под собой почву слухи, что Самсонов был назначен в Москву по протекции мэра Санкт-Петербурга Анатолия Собчака, который высоко оценил позицию командующего ЛенВО, не допустившего ввода войск в город в период августовских событий. Собчак блистательно отрекомендовал Самсонова Горбачеву и Ельцину, когда они стали подыскивать кандидатуру нового НГШ. То было время многих конъюнктурных кадровых назначений в армии.

Но в должности НГШ и генерал Самсонов пробыл недолго: уже по весне 1992 года Ельцин с Грачевым тихонько спланировали его вместе с маршалом Шапошниковым в Главко-

мат Объединенных Вооруженных Сил СНГ (там Самсонов получил «тяжелый крест», который тем не менее достойно нес аж до осени 1996 года, пока не вернулся в знакомый кабинет начальника Генштаба Вооруженных Сил России). Однако ему опять не повезло — через полгода указом Ельцина он был смещен «за провал реформирования армии». То была притянутая за уши президентская формулировка, очередной кадровый бзик президента с гнилушным запахом кремлевской интриги: Самсонов еще не успел нагреть под собой кресло...

Летом 1992 года начальником ГШ стал генерал-полковник Виктор Дубынин — хорошо известный в армии военачальник, особо почитаемый «афганцами» и «поляками» (Дубынин до назначения НГШ был командующим 40-й армией в Афганистане, а затем — Группой советских войск в Польше).

В одной из служебных характеристик на Виктора Петровича говорилось, что он относится к тому типу военачальников, которые сочетали в себе профессионализм и порядочность. Все это была суцая правда, окантованная сухим языком стандартных формулировок. А в жизни офицеры искренне уважали Дубынина просто за то, что он был Дубыниным. Он вступил в должность, борясь со страшным недугом, и мужественно встречал надвигавшуюся смерть в круговерти адской работы. После смерти Дубынина в конце 1992 года кресло начальника ГШ вновь опустело...

Грачев остановился на двух кандидатурах: первый зам НГШ генерал-полковник Михаил Колесников и замминистра обороны генерал-полковник Валерий Миронов. На генштабовских посиделках многие говорили тогда, что, в сущности, эти две кандидатуры почти равноценные. Хотя кому-то казалось, что определенное преимущество было у Миронова — за его спиной Афган, боевой опыт, должность командующего Группой войск. Кто-то считал, что все же небольшое преимущество было у Колесникова. Аргументы: он уже немало прослужил в аппарате ГШ и владел всеми тонкостями работы, связанной с оперативным управлением Вооруженными Силами. Он и выиграл негласный конкурс.

Мне казалось, что Грачев отдал ему предпочтение еще и потому, что не испытывал перед Колесниковым «афганского комплекса» — новый НГШ в Кабуле им не командовал. К тому же Грачеву нужно было овладевать многими премудростями министерской работы. Колесников же был, пожалуй, единственным, у кого Павел Сергеевич учился без стеснения...

ШТАБНОЙ ВОЛК

...Матерый штабист, не проскочивший ни одной из должностных ступенек по чьей-то протекции, Колесников знал себе цену. Знали ее и почти все в ГШ. Нельзя было не замечать, что по некоторым оперативным вопросам Колесников буквально «водит за руку» Грачева.

За глаза многие генштабисты звали Михаила Петровича «папой», и в этой кличке концентрировалось и профессиональное почтение, и уважение к возрасту.

Из досье:

Генерал-полковник КОЛЕСНИКОВ Михаил Петрович

Родился 30 июня 1939 года в городе Ейске Краснодарского края.

В 1959 году окончил Омское танко-техническое училище. Службу в войсках начал в должности командира взвода, затем командовал ротой, батальоном.

В 1975 году после окончания Военной академии бронетанковых войск назначен командиром полка.

С 1977 года — начальник штаба — заместитель командира дивизии.

В 1979 году назначен командиром танковой дивизии.

После окончания Военной академии Генерального штаба в 1983 году командовал корпусом, затем армией в Закавказском военном округе.

С 1987 года — начальник штаба — первый заместитель командующего войсками Сибирского военного округа, а с 1988 года — начальник штаба — первый заместитель Главнокомандующего войсками Южного направления.

В 1990 году был назначен на должность начальника Главного штаба — первого заместителя Главнокомандующего Сухопутными войсками.

С 1991 года — начальник Главного организационно-мобилизационного управления — заместитель начальника Генерального штаба ВС СССР.

В июне 1992 года стал первым заместителем начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

На должность начальника Генштаба — первого заместителя министра обороны был назначен указом президента РФ в декабре 1992 года.

Женат, имеет двоих детей.

НАЧАЛО

...Он принял должность тихо, без тех громких заявлений и скороспелых нововведений, которые обычно свойственны многим генералам. Да, собственно, Колесникову и принимать-то нечего было: он уже немало времени работал здесь, исполнял обязанности начальника Генштаба. Ничего принципиально не менялось, разве только степень ответственности да количество сигарет, которые Михаил Петрович стал смолить еще безудержней (потом, правда, перешел на трубку).

Напрочь лишенный позерства, пустого словоблудия и должностной чванливости, он создавал впечатление очень прагматичного и в то же время не по чину простого человека. О таких обычно говорят «свой мужик». Эта пара слов в офицерской среде имеет высокую цену...

Вскоре настало время новому НГШ показаться на людях в новой роли. Было это как раз в тот период, когда РФ и США подписали очередной Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений. Рядовым россиянам эти сокращения были глубоко до фени, а президентские и мидовские клерки носились с договором, радостно кричали об очередном «историческом прорыве» и требовали «широко и глубоко» разъяснять непросвещенной толпе величие дел президента.

Министру обороны и недавно назначенному начальнику Генштаба было рекомендовано принять участие в кампании по пропаганде нового «исторического прорыва». Некоторые генералы тут же принялись расточать комплименты и громко хлопать в ладоши — так, чтобы услышали в Кремле...

Колесников решил выступить перед личным составом академии Генштаба. Мне было приказано сопровождать его вместе с помощником НГШ генералом Александром Скворцовым.

В зале академии сидело около 500 офицеров и генералов. Элита Вооруженных Сил. Когда Колесников вышел к трибуне, наступила такая тишина, что я, казалось, слышал, как

посвистывает волосок в носу у соседа. Колесников обратился к залу как-то по-свойски, по-простецки:

— Мужики, не ждите от меня никаких прожектов военной реформы. Сейчас главное знаете что?

Зал затаил дыхание.

— Сейчас самое главное — выжить!

В зале дружно и громко забормотали. Колесников, как мне показалось, на минуту опешил. Он, видимо, не ждал такой реакции. Но потом твердо и громко повторил:

— Да! Выжить...

Высказав немало весьма прагматичных мыслей по поводу состояния армии, он искусно обошел места, где по логике его суждений надо было говорить о виновниках ее развала. Получалось, что развал этот охватил Вооруженные Силы как бы сам по себе, наподобие стихийного бедствия. В зале хорошо чувствовали недомолвки НГШ и потому то и дело раздавались негромкие реплики типа:

— А кто же виноват?

Это было что-то принципиально новое: раньше в такой аудитории никто не мог позволить себе комментировать выступление начальника Генштаба. Колесников наверняка почувствовал эту атмосферу неприятия его слов о состоянии армии и военной реформе и потому постарался быстро «свернуть» эту тему и перешел к основной. Он достал из папки три странички текста и, строго следуя каждой букве, стал зачитывать абзацы, иногда комментируя их.

Эту педантичность можно было легко объяснить: НГШ анализировал слишком серьезный военно-политический документ, насыщенный многими десятками цифр, формулировок и выводов, которые и на йоту не должны были расходиться с официальной позицией Кремля. Основной вывод: подход России к сокращению стратегических наступательных вооружений, зафиксированный в Договоре СНВ-2, верный. А ведь еще какой-то час назад я слышал от специалистов Минобороны и Генштаба, что в документе есть целый ряд положений, которые несправедливы по отношению к России... НГШ добросовестно отработывал указание «сверху».

Когда Колесников закончил выступление, один из слушателей задал вопрос:

— Почему мы делаем американцам столь явные уступки при сокращении ракет?

Колесников хмуро посмотрел на полковника, задавшего

этот вопрос. Но тем не менее ответил без видимого недовольства:

— Мужики, только не втягивайте меня в политику, ради Бога! Давайте встретимся в другой раз, и я постараюсь подробно ответить на все ваши вопросы.

Я хорошо запомнил эти его слова и долго с интересом ждал — сдержит ли он свое обещание? Не сдержал. У меня тогда создалось впечатление, что НГШ страшно торопился покинуть стены академии... Безусловно, он мог бы подробно и квалифицированно ответить на вопросы слушателей. Но честность и критичность в оценках недавно подписанного договора были слишком опасными для генерала, занимающего столь высокий военный пост.

Уступки со стороны России были настолько очевидными, что НГШ не мог их не видеть. Но слишком рискованно для карьеры было прямо сказать об этом подчиненным. И потому он доказывал людям... обратное. Он доказывал, что «все по-честному, без обмана». Люди его не понимали.

Сидя рядом с ним на заднем сиденье «Волги», возвращавшейся на Арбат, я видел, что он сильно расстроен. Молчал и курил. И когда помощник пытался как-то отвлечь его, сказал:

— Саша, помолчи, пожалуйста...

Как странно, как несправедливо все получалось: генерал, несколько десятков лет честно пахавший во славу Отечества, был вынужден теперь говорить людям не то, что думал на самом деле.

Режим не только генерала Колесникова — всех нас приучал к политическому двуличию. Если бы генерал Колесников хоть что-нибудь «бухнул» против договора, он, очень возможно, быстро бы превратился в отставного НГШ... Надо было быть слишком большим врагом самому себе или очень рискованым человеком, чтобы посеять хоть каплю сомнения в правомерности действий Кремля и МИДа.

Он был слишком осторожным.

КРОССВОРДЫ

Только позже мне станет понятно, что он из тех людей, в чьих характерах невозможно отделить осторожность от трусости, хитрость от ума, тонкий трезвый расчет от банального ловкачества. Иногда мне казалось, что он ста-

рается проскользнуть сквозь узкий створ между жестокой правдой армейской жизни и честным объяснением главных причин складывающегося положения в войсках. При этом неизбежно надо было говорить о Власти. О ее, как сказал один из участников штурма Грозного, скотском отношении к армии.

У нас в ГШ говорили: «Был бы он смелым и честным — взял бы и рубанул все в глаза Ельцину!» Советовать легко. Тут и лейтенант часто кажется сам себе умнее и храбрее маршалов. Ну заявил бы начальник Генштаба Ельцину, что армия из-за невнимания власти к ней начинает рассыпаться. Во-первых, Ельцин об этом уже кое-что знал. А во-вторых, мог сказать: «Михаил Петрович, а зачем я тогда тебя на Генштаб посадил? Если недоволен — свободен...»

По мере того как ухудшалось положение в Вооруженных Силах, многие на Арбате стали поговаривать, что ситуацию можно будет исправить, если министр обороны и начальник Генштаба будут «драться» за интересы армии, публично апеллируя к президенту, правительству, парламенту. Да, это было рискованно для карьеры первых лиц в МО и ГШ, но состояние дел в войсках требовало именно такого риска. Гораздо опаснее для армии было смиренное молчание ее руководства.

У меня создавалось впечатление, что конфликтной борьбе за выживание армии Михаил Петрович предпочитал тихое сидение на должности. На это стали обращать внимание и другие офицеры. Стоило кому-то завести на сей счет разговор — опять споры. Сторонники Михаила Петровича доказывали, что его сверхосторожная позиция в отношениях с высшей властью продиктована некими тонкими соображениями. Какая доблесть есть в том, говорили мне некоторые сослуживцы, что НГШ будет пикировать на президента, на правительство, требуя, чтобы государство улучшило финансовое и материально-техническое снабжение армии? Его же в момент снимут. Сейчас не конфликтовать, а спасти армию надо.

Только как же спасти, если военный бюджет урезали, задержки с выплатами денежного содержания учащаются, количество бесквартирных офицеров растет, а соответствующие госпрограммы лопаются, местная исполнительная власть призыв новобранцев проваливает... При таком положении, будь НГШ хоть сам Ельцин, вряд ли бы удалось быс-

тро переломить эти тенденции. Многое действительно не зависело от Колесникова.

Нельзя было понять другое: почему наш НГШ идет на компромисс там, где творится очевидная глупость? Ведь еще до вступления в должность он не мог не видеть, какую нелепицу сотворил министр обороны, создав и замкнув непосредственно на себя Управление военного строительства и реформ. Управление занималось вопросами, которые издревле были прямой функцией Генштаба. Именно в Генштабе всегда проводились теоретические и научно-практические изыскания, относящиеся к области военной реформы. Создание УВСР привело к раздуванию штатов центрального аппарата.

Колесников знал это и наверняка лучше других понимал нелепость такой «надстройки». Однако изменить положение дел не решался. Не хотел обострять отношения с Грачевым. Думаю, что во многом из-за этого МО и ГШ так и не сумели серьезно реформироваться. При Колесникове в Минобороны и ГШ существовало несколько управлений с «родственными» функциями: Управление внешних сношений, Главное управление международного военного сотрудничества, Международно-договорное управление, Управление по координации сотрудничества со странами СНГ. Но кардинальных мер по оптимизации всех этих структур так и не было принято...

Со временем ко многим генералам и офицерам ГШ стало приходиться уже иное восприятие Михаила Петровича как профессионала и просто как человека...

СВЕТ И ТЕНЬ

На мой взгляд, одна из феноменальных черт Колесникова заключалась в умении оставаться в тени даже там, где ему по статусу предписано играть одну из основных ролей.

Сегодня многие знают, что расстрел и штурм парламента в 1993 году проходил под общим руководством министра обороны, что прибывшими к Белому дому подразделениями управлял с командного пункта в гостинице «Украина» замминистра генерал Георгий Кондратьев, что таинственного «старца» на заседание коллегии МО, где в присутствии Ельцина обсуждался план захвата БД, привел еще один зам

Грачева — генерал Константин Кобец и т. д. Но при этом «за кадром» остается начальник Генштаба.

А между тем он играл тогда одну из ключевых ролей. Свидетели его разговоров с Грачевым рассказывали, что именно НГШ поначалу наиболее активно предостерегал министра от неосмотрительных действий... И в том, что коллегия МО тянула резину и не принимала самостоятельных решений по вводу войск и их применению в столице, тоже чувствовалась «направляющая рука» Колесникова.

Доведенные до панического состояния сторонники Ельцина требовали немедленных и решительных действий армии. Но что мог сделать Колесников, если у него был свой начальник — Грачев? Давать советы министру? И он их давал. Но наступил тот пиковый момент, когда и Грачеву, и Колесникову надо было выбирать — либо уходить с должностей, либо ввязываться в драку. Они сделали свой выбор.

Когда по улицам Москвы заскрежетали гусеницы боевых машин пехоты и танков, Колесников занимался координацией выдвижения колонн в заданные районы. Войска входили в столицу медленно и плохо. Грачев же докладывал Ельцину, что все идет по плану. Ельцин перепроверял эту информацию, убеждался, что Грачев вводит его в заблуждение, и вновь звонил на Арбат и требовал реальных докладов и действий. Министр рвал и метал. Колесников тоже изо всех сил давил на командиров. Помню, как он прилюдно отчитывал командира бригады особого назначения из Теплового Стана за то, что тот слишком поздно вышел в заданный район:

— Я быстрее бы на велосипеде приехал!

Из парламента на Арбат то и дело звонили депутаты и просили военное руководство не делать глупостей, не доводить дело до кровопролития. По должностным обязанностям Колесников отвечал и за связь. Городские линии в МО и ГШ были «вырублены»...

Генштабовская телефонистка весело и нагло врала, что «перегорели предохранители» и что через час связь будет восстановлена. Связи с городом не было несколько дней.

Наблюдая за Колесниковым в те черные октябрьские дни 1993 года, я часто ловил себя на мысли, что былая расположенность офицеров к Михаилу Петровичу начинает остывать...

Армии приказали усмирить взбунтовавшихся народных из-

бранников и их сторонников. Начальник ГШ стал частью карательной машины.

Наверное, для любого генерала нет ситуации страшнее, чем та, когда его понуждают доказывать верность президенту пальбой из пушек в соотечественников. И тут уже нельзя никого перехитрить. Либо «да», либо «нет».

...С определенных пор я стал замечать одну любопытную деталь в отношениях министра и НГШ. Бывало, как только разъяренный парламент требовал к себе министра обороны с отчетом по какому-нибудь «тяжелому» вопросу, Грачев искал повод, чтобы уйти от разговора. Не однажды он посылал вместо себя Колесникова, и тому приходилось отдуваться за военное ведомство. В такие моменты генштабисты искренне сочувствовали «великому мудрецу».

...Власть время от времени разворачивала очередную кампанию по борьбе с преступностью. На одном из совещаний в правительстве был поставлен вопрос и о привлечении военнотружущих к этому делу. Вскоре в «Красной звезде» появилась заметка, в которой говорилось, что в соответствии с директивой начальника ГШ милицейские наряды на улицах Москвы будут усилены военнотружущими. Все это замышлялось в рамках операции «Сигнал», целью которой являлось усиление борьбы с преступностью.

А поскольку участие армии в наведении правопорядка в столице противоречило существующим законам, это вызвало протест наиболее щепетильных демократов. Они стали звонить в Управление информации Министерства обороны и требовать правовых обоснований директивы НГШ. Правовые обоснования найти было очень трудно. И мы откровенно водили слишком любопытных за нос, не говоря ничего конкретного...

Почти никакой пользы акция не принесла.

...В отношениях между министром обороны и начальником Генштаба есть одно немудреное, но очень важное правило: во всех публичных выступлениях дуть, как говорится, в одну дуду. Как только это правило нарушается, мгновенно возникает казус, который может иногда привести даже к международным скандалам.

Помню, как однажды я был поражен тем, что начальник Генерального штаба и министр обороны не имеют единого представления об истинной численности собственной армии. Из-за этого случился громкий ляп. Министр на пресс-конференции назвал одну численность Вооруженных Сил, а Ко-

лесников в своем интервью газете «Сегодня» (буквально на следующий день) — другую. Расхождение было огромным — почти 20 дивизий полного штата. Вьедливые газетчики не упустили случая всласть поиздеваться над нашим руководством. НГШ проглотил эту неприятную пилюлю. То был серьезный удар по его реноме. Ведь по большому счету именно НГШ — главный держатель данных по численности армии. Правда, прошедшие «школу Колесникова» прыткие генштабисты из Главного организационно-мобилизационного управления тут же бросились отмывать шефа. Мол, есть различные штаты укомплектования (для мирного и военного времени). Но то уже было слабым утешением.

Генерал Колесников за время своего пребывания на посту НГШ не однажды попадал в весьма щекотливые ситуации. Одна из них была связана с катастрофой военно-транспортного самолета. Журналисты пронюхали, что самолет разбился из-за того, что на его борту была плохо закреплена техника, которая сорвалась во время захода на посадку. На встрече с представителями прессы Колесников категорически отменил эти «слухи» и заявил, что на борту самолета ничего незаконного не было. И ему многие поверили. Но не все. На следующий день на первой полосе «Независимой газеты» появился огромный снимок разбитого самолета, в обгоревшем фюзеляже которого ясно была видна новенькая «Лада» с иностранным номером (кто-то вез ее из Западной группы войск). Под снимком была подпись: «А начальник Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник Михаил Колесников утверждал, что на борту военно-транспортного самолета ничего незаконного не было...»

Однажды он сильно прокололся во время пресс-конференции, весьма лестно отозвавшись о деятельности арестованного американского разведчика, внедрившегося в ЦРУ и работавшего на СССР и Россию. Михаил Петрович неосмотрительно заявил, что он «приносил нам пользу». Американцы сразу подхватили эти слова и раздули шум. Генерал приказал немедленно представить ему расшифровку магнитной записи его выступления. Но слова были сказаны. Даже официальное разъяснение для СМИ, подготовленное пресс-службой МО, ничего не изменило. Мидовцы упрекали Колесникова за то, что он-де своим неуклюжим комментарием подпортил российско-американские отношения. В общем, пережил тогда Михаил Петрович немало неприятных минут.

То был явно не его день. Мне он запомнился еще и потому, что самому пришлось побывать на «ковре» у начальства и получить серьезный нагоняй. Мои подчиненные не успели проверить состояние кресла, которое предназначалось на пресс-конференции для НГШ. Как только Колесников стал садиться в него, ножка отвалилась и Михаил Петрович от падения спасся только тем, что успел крепко ухватиться за крепкую суконную скатерть. Его поза и мимика в ту минуту были зафиксированы телекамерами... И мне стоило больших трудов потом дозвониться до телекомпаний и упросить их не давать в эфир «весьма сочные» кадры.

...А положение в армии становилось уже таким, что все чаще вынуждало НГШ бить в колокола. Борьба за укомплектование Вооруженных Сил сильно изматывала Генштаб. Зная истинное состояние дел, Колесников острее других понимал, что при таком «дефиците» личного состава войска все больше профессионально деградируют.

Офицеры, уже привыкшие к тому, что НГШ старается «не высовываться» в прессе, однажды были поражены неожиданно смелым заявлением Колесникова, прозвучавшим в его интервью: при таком отношении властей к комплектованию частей Россия вскоре может остаться без армии... По этому поводу на Арбате стали говорить, что Михаил Петрович «прыгнул выше себя». Но даже столь громкие заявления НГШ не возымели действия.

И когда по весне 1995 года и вовсе запахло паленым в сфере укомплектованности армии, он сумел подобрать ключи к Черномырдину и убедить его, что уже не Генштаб, а правительство должно инициировать вопрос об увеличении срока службы солдат и о внесении некоторых других поправок в законодательство. То была серьезная победа. Ибо Черномырдин согласился и дело было доведено до голосования в Думе.

Не однажды участвуя в слушаниях в нижней палате парламента, Колесников хорошо понимал, что если проект поправок к закону будет обсуждаться детально, то успеха не добиться. Тем более что заранее уже было известно — борьба предстоит нешуточная.

А цель была очень важная — как можно быстрее получить возможность увеличить срок службы солдат с 1,5 до 2 лет, сократить огромное число отсрочек и т. д. Ведь тогда уже весной 1995-го, а особенно осенью армия могла оказаться вовсе парализованной из-за неуккомплектован-

ности. Нужно было найти такой ход, чтобы Дума не успела как следует и очухаться, а поправки были уже официально приняты.

Вскоре некоторые начальники управлений ГШ провели скрытую обработку лидеров партийных фракций нижней палаты парламента и заручились их поддержкой на «молниеносное» голосование. Ну а дальше было еще интересней...

У нас в ГШ говорили, что Михаил Петрович во время обсуждения вопроса о поправках к закону один объегорил большую часть строптивого депутатского корпуса. Колесников, в частности, заявил, что в его выступлении содержится много секретной информации и потому обсуждение должно проводиться без предварительной раздачи документов депутатам. Голосование проводилось «на слух». Он нарисовал столь ужасную картину с комплектованием в армии, что перепуганные депутаты подавляющим большинством голосов поддержали его. Но поскольку технология голосования была упрощенной, многие депутаты, выступавшие против увеличения сроков службы рядового состава и призыва студентов, стали протестовать. В прессе подняли хай...

Колесников продолжал бороться. Мало кто знает, что в те дни один из его заместителей — начальник Главного организационно-мобилизационного управления ГШ — генерал-полковник В. Жеребцов (его у нас в шутку называли «внуком Конева») совершил тайный вояж к Жириновскому, уговаривая его с помощью фракции ЛДПР встать на защиту интересов Минобороны.

И тут угадывался почерк НГШ. Но до успеха было еще далеко. Окончательное решение вопроса некоторые депутаты верхней палаты стали затягивать. В решающий момент не собрали кворума, и голосование перенесли на более поздний срок. Но надежда не покидала НГШ. Он продолжал медленно и верно разрушать стену депутатского противостояния.

Кто знает, может быть, во многом благодаря именно такому упорству Колесникова Российская армия в первой половине 1995 года проскочила «опасную зону»: без поправок к закону она бы недосчиталась нескольких десятков тысяч солдат и уровень укомплектованности мог упасть ниже 70 процентов...

ЧЕЧНЯ

...Колесникова на Арбате и в шутку и всерьез называли «серым кардиналом» войсковой операции в Чечне. Ведь когда Грачеву осенью 1994 года окончательно выломали руки на Совете безопасности и приказали «замочить» Дудаева, Генштаб стал играть центральную роль в организации и планировании операции.

Началась дикая спешка. Многие офицеры в тот период за глаза костерили НГШ за то, что не воспротивился министру, когда тот поставил задачу планировать силовую авантюру. Ведь и опытнее, и мудрее, и дальновиднее. Казалось, все было против скороспелой затеи: нереальные и невыгодные сроки подготовки ввода войск, неполные разведданные, острая нехватка личного состава, вооружений и техники, неуклюжесть экипажей боевых машин...

Уже тогда и без выводов генштабовских прогнозистов предвидел генерал Колесников, что ждут армию на Кавказе не лавры победы, а тягучая и жестокая полупартизанская война с непредсказуемым исходом. И тем не менее НГШ запустил генштабовскую машину планирования операции. Подчиненные ему генералы допустили оплошность. Их просчет заключался в том, что отлично подготовленным к боям в Грозном отрядам Дудаева (более шести тысяч человек) наши части не сумели противопоставить умение воевать в городе.

Дудаевцы имели значительное превосходство как обороняющаяся в надежных укрытиях сторона. Ей противостояла почти такая же по численности наша войсковая группировка. И уж кто-кто, а Колесников прекрасно знал, что в той ситуации необходимо было как минимум четырехкратное превосходство в живой силе и технике. Я не говорю уже о том, что не была обеспечена надежная охрана тяжелой бронетехники мотострелками.

Здесь уместно, мне кажется, вспомнить, что, например, такой сильноукрепленный город, как Будапешт, Советская Армия брала при почти 10-кратном превосходстве над противником. Советское командование тогда особую заботу проявляло о том, чтобы как можно аккуратнее взять венгерскую столицу, сберечь гражданское население.

Когда провалилось окружение и взятие Грозного, о просчетах руководства ГШ часто говорили в войсках. Очень многие критиковали тогда идею взять город методом «под-

ковы», оставив открытым коридор, по которому стали выходить беженцы, а прибывать новые дудаевские подкрепления...

Такая «война в поддавки», приведшая к новым жертвам, я думаю, тоже в определенной степени на совести начальника Генерального штаба. Он освящал ее своими подписями и директивами. Он и по должности, и по опыту намного лучше других видел профессиональное состояние того войска, которое двинули к чеченской столице в декабре 1994 года. Даже самый блистательный стратегический план Генштаба был бы обречен на провал. К эффективным действиям в весьма специфических условиях оказались не готовы не только войска, но и сам ГШ. Длительный период развала, в котором пребывала армия, отразился и на «мозговом тресте» Вооруженных Сил. Очень сильно стал заметен подбор кадров по протекции лиц из состава так называемых «афганских» и «немецких» группировок. Деловые и организаторские качества очень часто в расчет не принимались, все определяла степень личного знакомства руководителей МО и ГШ с кандидатами на вакантные должности.

Один из чиновников аппарата Черномырдина рассказывал, что когда Виктор Степанович позвонил в ГШ и попросил дать ему несколько карт Чечни, то в ответ услышал, что есть карты только большого масштаба. На что Черномырдин, бросив трубку, в сердцах сказал: «Сами завернитесь в эти карты»...

В первые дни чеченской войны у нас в Генштабе произошел детективный случай. До поздней ночи я с полковником Юрием Рябовым отработывал секретный документ. В дверь постучали. Вошел полковник, который еле держался на ногах. Из газетного свертка в его руке выглядывала бутылка водки. Он предложил выпить. Мы вежливо отказались от приятного, но несвоевременного предложения. Полковник вышел. А через несколько минут Рябов застал его в своем кабинете, роющимся в документах. Мы срочно вызвали наряд охраны и сдали лазутчика в комендатуру Генштаба.

На следующий день доложили руководству ГШ и долго писали рапорты, объяснительные, давали показания сотрудникам контрразведки и военной прокуратуры. Нас хвалили за бдительность. Уже пошла молва, что начальник ГШ награждает нас ценными подарками и денежной премией. Тем более что в ходе следствия выяснилось, что в кармане «ре-

зидента» обнаружили ключ от кабинета, где хранились документы с «ядерными секретами».

Итог: начальник управления генерал В. Косарев отчитал меня за плохую организацию дежурной службы в отделе и приказал установить на входной двери кодовый замок. Часть офицеров с того дня стала ходить на службу и уходить с нее на час раньше (за глаза матеря «героев»). А один из руководителей комендатуры ГШ, мой сосед по дому на Рублевке, с того дня перестал со мной здороваться: у него из-за «шпиона» (оказавшегося отставным полковником-алкоголиком, которого друзья провели в ГШ и по пьянке забыли под столом) были большие неприятности.

О ценных подарках и денежной премии от имени начальника Генштаба все забыли...

МАСКА

Но, несмотря на некоторые проколы НГШ в работе, для многих подчиненных он долгое время оставался человеком уважаемым и авторитетным. Особенно импонировало, что в то время, когда за многими генералами МО и ГШ уже тянулся длинный шлейф подозрений в причастности к грязному бизнесу и преступным махинациям с деньгами, квартирами, дачами, оружием, Михаил Петрович оставался вне подозрений. Вплоть до конца 1995 года пресса ни разу не уличила Колесникова в прегрешениях по этой части. Некоторые генштабисты шутили: «Или Колесников действительно безгрешен, или умеет маскироваться». Когда другие генералы бросились яростно приватизировать за бесценно имеющуюся в их распоряжении служебную недвижимость и даже столовые приборы, Колесников не прихватил даже ложки...

Но по мере того как подчиненные все больше работали рядом с Михаилом Петровичем, их представления о его непогрешимости начинали таять. Пошли различного рода слушки, повод к которым возникал не из воздуха...

Когда, например, между Шапошниковым и Грачевым произошла публичная стычка по поводу того, кто же виновен в передаче оружия Дудаеву в 1992 году, Колесников распорядился все документы, связанные с этим делом, «поднять» из генштабовского архива. Многие из них вскоре стали почему-то исчезать...

15 ноября 1995 года на совещании руководящего состава Вооруженных Сил начальник Генерального штаба Вооруженных Сил РФ генерал армии Михаил Колесников выступил с докладом об итогах боевой подготовки армии в текущем году. Пожалуй, никогда ранее я не испытывал такого чувства разочарования в НГШ, как в тот раз. Его доклад напоминал мне лукавый бухгалтерский отчет о работе плохого колхоза. Колесников долго и монотонно перечислял проблемы, которые были прекрасно знакомы всем сидящим в зале, и не дал ответа на главные вопросы: кто именно довел армию до такого убогого состояния, как она собирается выбираться из этой пропасти?

Но больше всего меня возмутило, что НГШ несколько раз подчеркивал, что моральное самочувствие наших войск в Чечне «здоровое», «хорошее», «спокойное». То была большая натяжка... И если к систематическому лукавству министра обороны мы уже привыкли, то некоторые, мягко говоря, несоответствующие действительности факты или выводы, обнародованные начальником Генерального штаба, не могли не удивлять.

По комментариям доклада НГШ на совещании, прозвучавшим из уст генералов и офицеров, я еще больше утвердился в мысли, что Михаил Петрович теряет и в их глазах добрую репутацию.

А жизнь давала новые поводы для такого вывода.

Когда, например, началась схватка за приватизацию системы управления воздушным движением (УВД) России, Колесников написал главе кабинета РФ Черномырдину письмо, в котором категорически выступил против проникновения коммерции в данную область. А через несколько месяцев в таком же письме министру транспорта Ефимову настаивал на совершенно обратном. Скорее всего, после того как с ним «плодотворно» поработали люди, заинтересованные в проталкивании идеи самофинансирования УВД...

Колесников в свое время доказывал, что для России важно иметь мобильные силы, основу которых должны составить Воздушно-десантные войска. А в январе 1996 года НГШ уже доказывал, что приказ министра обороны о растаскивании частей ВДВ по военным округам является правильным и своевременным...

Подчиненные переставали понимать его логику.

...Некоторые генералы и офицеры одно время стали бросать весьма колкие реплики в адрес НГШ в связи с завязав-

шейся у него дружбой с военным обозревателем газеты «Сегодня» Павлом Фельхенгауэром. Колесников при встрече с этим журналистом расплывался в улыбке и называл его просто «Паша». Для многих на Арбате уже не было секретом, что не без помощи НГШ Паше нередко доставалась эксклюзивная информация еще в те времена, когда он был корреспондентом «Независимой газеты». После очередного посещения ГШ появилась его сенсационная статья о проблемах утилизации гептила — ракетного топлива.

Некоторые наиболее завистливые московские журналисты не скрывали, что недовольны теми привилегиями, которые Колесников установил для Паши. Руководство пресс-службы несколько раз пыталось тактично намекнуть Михаилу Петровичу на необходимость сбалансированного отношения с журналистами. Но безуспешно. Колесников продолжал опекать Павла с какой-то отеческой заботой. Когда, например, Фельхенгауэр уезжал в войска, НГШ давал команду всячески содействовать ему. А о передвижениях Павла по Чечне начальнику Генштаба докладывали ежедневно. Фельхенгауэр был единственным московским журналистом, которому Колесников давал огромные интервью...

...Потом был случай, о котором долго говорили на Арбате.

На одном из наших дальневосточных аэродромов (Кневичи) органы военной контрразведки задержали военнотранспортный самолет с коммерческим грузом (поговаривали даже, что контрабандным). Началось следствие. В ходе его выяснилось, что самолет взлетал с подмосковного аэродрома Чкаловский и что при оформлении вылета возник конфликт с командиром корабля. Он отказывался лететь без разрешающих документов. На него начали давить авиационные начальники. Не помогало. Дошло до того, что потребовалось вмешательство начальника ГШ... Только после этого самолет взлетел.

На Арбате многие с большим интересом следили за тем, как будет разматываться следствие, связанное с арестованным самолетом. Но уже вскоре стало происходить то, что явно указывало на стремление нашего руководства замять скандал. На Дальний Восток в срочном порядке были откомандированы «эмиссары» из ГШ, которые и заглушили зреющий скандал. Более того, там явно наклеывалось серьезное уголовное дело... А ведь офицеры управления, курировавшие ВВС в Главном оперативном управлении ГШ, не

скрывали, что разрешающая виза на вылет загадочного самолета из Москвы была получена от «самого»...

С приходом Родионова в МО уже вскоре многие стали поговаривать, что начальник Генштаба с новым министром обороны вряд ли сработается. «Сугубо служебные» отношения Родионова с Колесниковым, в которых почти с первого дня ощущалась прохлада, явно указывали на то, что в своей должности Михаил Петрович продержится недолго. Так оно и случилось. Хотя никто не думал, что все это произойдет так быстро...

Что побудило министра столь решительно замахнуться на фигуру, которая всегда считалась второй по статусу в военном ведомстве? Тогда по Арбату бродило много догадок. Истину знал, конечно, только Родионов.

Когда Родионов возглавил МО, он вправе был рассчитывать на твердое плечо НГШ. Надо было прежде всего «драться» за деньги для армии. Писать грозные письма в самые высокие инстанции, стучать кулаком по золоченым столам, с высоких трибун говорить правду о том, что в войсках могут начаться бунты, предъявлять жесткие требования к исполнительной власти.

Десятки гарнизонов были на грани физического выживания, на стол министру и начальнику ГШ каждый день ложились шифровки, которые страшно было читать. Однажды по указанию министра я подготовил проект обращения руководства МО и ГШ к высшей исполнительной и законодательной власти. Формулировки и выводы были в нем, как говорится, на грани фола. Когда обсуждали окончательный вариант, Колесников приговаривал: «Надо бы осторожнее», «Не будем паниковать», «Зачем раздражать президента и премьер-ра»... Я видел, как при этих советах министр еле сдерживал себя...

Когда у Родионова один из журналистов спросил, чем вызвано смещение Колесникова, министр тактично намекнул, что когда военачальник долгое время пребывает в одной должности, то теряет остроту восприятия проблем... Родионов мог сказать гораздо больше и намного круче.

Наверное, за все годы службы у Родионова ни разу не было зама, на которого он бы оглядывался. Кому не доверял, уходили сами. Штрихи этого недоверия иногда проявлялись в неожиданных формах...

Когда при Колесникове министр отправлялся в войска или с визитом за рубеж, он брал с собой офицеров, дежуривших

при «ядерном чемоданчике». Вскоре после назначения генерала армии Самсонова на место Колесникова я заметил, что в группе сопровождения министра отсутствуют «чемоданщики». При Самсонове они появились в «свите» Родионова лишь однажды — во время однодневного визита министра в Белоруссию. В то время генерал Самсонов после автомобильной аварии лежал в госпитале...

Смещение начальника Генштаба Родионов обставил красиво. Он сумел убедить Кремль, что рокировка Колесникова с начальником Главного штаба по координации военного сотрудничества стран СНГ генералом Виктором Самсоновым будет полезна... Все внешне шло к тому, что Колесников вот-вот появится на Ленинградском проспекте, 41. Оставалось лишь утвердить его должность на совете министров обороны СНГ, который состоялся осенью 1996 года в Душанбе.

Я был поражен тем яростным единодушием, с которым представители военных ведомств СНГ отвергли кандидатуру Колесникова. И хотя председательствующий на совещании Родионов сказал вскоре журналистам, что к этой кандидатуре, возможно, придется возвратиться еще раз, почти все присутствовавшие на той встрече считали, что «песня Колесникова спета»...

Окончательно я убедился в этом, когда вскоре на коллегии МО выступавший с основным докладом новый начальник Генерального штаба генерал армии Самсонов в пух и прах разнес позицию бывшего руководства ГШ в налаживании военной интеграции стран СНГ. Оказалось, что штаб по координации многократно ставил вопрос о необходимости создания комитета начальников штабов армий государств СНГ, но «руководство ГШ предпочитало прежде всего создать комитет по туризму и экскурсиям»... В чей огород летели камни, было ясно... И даже после ухода Колесникова его имя стали упоминать в генштабовских кабинетах в связи с одним очень скандальным разоблачением в нашем военном ведомстве. Оказалось, что при Колесникове Россия в 94—96-м годах тайком поставляла Армении большие партии вооружений и боеприпасов. Почти на полтора миллиарда долларов.

Я отказывался верить этому: сверхосторожный Колесников не мог заниматься делом, которое пахло тюрьмой. Когда же я собственными глазами увидел директивы и распоряжения, на которых стояла подпись НГШ, наступило кратковре-

менное помутнение мозгов. К тому же пресса уже муссировала слухи, что все это якобы делалось без соответствующего решения правительства. А в сентябрьской (1995 года) директиве НГШ № 316/2 и нескольких других аналогичных документах черным по белому значилось: «В соответствии с указаниями Председателя Правительства РФ...», «Во исполнение решения Правительства РФ...» После этого оставалось только ждать, когда над головой Колесникова (и соответственно — Черномырдина) разразятся молнии. Тем более что по указанию президента было назначено расследование. Потом из Главной военной прокуратуры поступило сообщение, что заведено уголовное дело.

Успешнее всего в России уголовные дела заводятся. В тупик.

Сослуживец сказал:

— Михаил Петрович выходил сухим и не из таких ситуаций...

После сенсационных сообщений Тулеева и Рохлина о поставках оружия Еревану прошло уже много времени. Люди, навещавшиеся к отдыхавшему на даче Колесникову, сообщали мне, что Михаил Петрович «чувствует себя очень уверенно». Так же «уверенно» чувствовал себя и генерал армии Кобец, когда генерал Рохлин публично обвинил его в причастности к грязной сделке с коммерческой фирмой «Люкон». Кобец утверждал, что никому не даст бросать тень на свое чистое имя.

Менее чем через год на него надели наручники...

И все же «армянгейт» успешно схоронили. Кремль в конце октября 1997 года сообщил, что президент наказал виновных генералов. Но кого именно — умалчивалось. Армия так и не узнала имена «героев», занимавшихся преступными делами «в соответствии с указаниями Председателя правительства...».

КОРЕЙСКАЯ ЗАГАДКА

...Ранней зимой 1994 года в газете «Известия» появилась публикация, из которой следовало, что советские, а затем и российские ученые, инженеры, рядовые специалисты принимали активное участие в развертывании северокорейской ядерной программы. В том числе и в создании баллистических ракет.

Статья строилась на пересказе содержания совершенно секретного аналитического материала Генерального штаба ВС РФ, опубликованного в японском еженедельнике «Сюкан бунсюн». Японский автор сообщал также о личной встрече с неким высокопоставленным чиновником Минобороны РФ, который якобы и поведал ему о характере советской, а затем и российской военной помощи северокорейским физикам-ядерщикам и ракетостроителям. Военный чиновник будто бы признался, что располагает сведениями о параметрах успешно испытанной Пхеньяном баллистической ракете типа «Нодон» (иногда говорят и «Родон»). В материале ГШ говорилось и о существовании некой секретной концепции военной политики РФ на Дальнем Востоке. При этом многие места из этого секретного документа журнал обильно цитировал.

Речь шла об утечке информации стратегической важности. Вспыхнул скандал. Началось разбирательство. Власти потребовали объяснений и от начальника Генштаба.

Комментируя появление в японском еженедельнике совершенно секретного документа Центра военно-стратегических исследований ГШ, Колесников, в частности, сказал: «Я ответственно заявляю: всего этого у КНДР нет. Как нет и таких мифических ракет, как «Родон-1» и «Родон-2» и нескольких сот единиц других средств доставки ядерных боеголовок» (Известия. 1994. 29 янв.).

Я свято верил своему шефу. У меня не было никаких сомнений в том, что НГШ говорит правду. И вдруг случайно наткнулся на информацию, которая породила сомнения.

...В начале января 1994 года начальник Управления по контролю за вооружениями и распространением оружия массового уничтожения Службы внешней разведки России генерал-лейтенант Геннадий Евстафьев в интервью «Московским новостям» (1994. № 2) сказал:

«Мы согласны с общим выводом международных экспертов. Длительное время руководство Северной Кореи стремилось создать потенциал ядерного, химического и биологического оружия. Успешно осуществлялась и разработка средств доставки. Один из этапов — недавние испытания усовершенствованной ракеты «Скад». КНДР активно развивала военно-прикладную программу в ядерной сфере, которая сегодня, по мнению СВР, находится в продвинутом состоянии...»

Но это было еще не все.

В Бюллетене иностранной научно-технической информации (1993. № 33. С. 23) было помещено сообщение ИТАР—ТАСС (1993. 28 июля) следующего содержания:

«По данным ЦРУ, Северная Корея провела испытание новой ракеты средней дальности (до 1000 км), способной нести ядерные, химические, биологические, а также обычные боевые заряды. Дальность действия ракеты позволяет поражать цели на территории Японии...»

Возможно, начальник ГШ не был знаком с сообщением в бюллетене, издаваемом Агентством справочной и оперативной научно-технической информации ИТАР—ТАСС (АСОНТИ). Возможно, генерал Колесников не считал сообщения ЦРУ авторитетными. Возможно, они официально не были подтверждены органами нашей разведки в лице Главного разведывательного управления Генштаба, подчиненного генералу Колесникову. Но как тогда надо было понимать заявление Евстафьева? Ведь не могли же наши СВР и ГРУ работать в разных направлениях и не обмениваться столь важной информацией. Это даже теоретически нельзя было представить.

Мнение Евстафьева в России и за рубежом было авторитетно (его цитировали на Западе даже ядерные светила). Как же он оценивал реальные возможности создания ядерной бомбы в условиях Северной Кореи? Много ли надо было спецов, чтобы в ядерных центрах Пхеньяна развернуть изготовление хотя бы примитивной бомбы?

В интервью газете «Век» (1995. № 37-154) тот же Евстафьев утверждал:

«Если говорить откровенно, то число людей, которые знают, как делать ядерный заряд, весьма ограничено. Их, работающих в Минатоме, в научно-исследовательских ядерных центрах, считанные десятки. И утверждать, что любой сотрудник, занятый в сфере ядерной физики, человек, который создает ядерную бомбу, преувеличение. Чтобы создать, надо знать, как. В этом деле есть своя специфика... Много не требуется. Нужно лишь несколько классных специалистов...»

Итак, напомним: Евстафьев утверждал, что ядерная программа КНДР находится «в продвинутом состоянии» и что для создания ядерного заряда много специалистов не требуется. Утверждениям специалиста, отлично знающего проблему, нет никаких оснований не доверять. Он же признал факт наличия ракеты у Пхеньяна. Колесников же «ответ-

ственно и официально» заявлял, что никаких «Родонов» у КНДР нет.

А ведь корреспонденты ИТАР—ТАСС в течение 1993—1994 годов почти еженедельно передавали в Москву информацию о работе северных корейцев над ракетами среднего радиуса действия? Подобная информация, кстати, регулярно продолжает поступать в Москву и сегодня от представителей наших СМИ, аккредитованных в Японии, Южной Корее и других странах региона.

Вот еще одно сообщение корреспондента ИТАР—ТАСС из Сеула, датированное еще 3 декабря 1993 года (за месяц до интервью Колесникова «Известиям»):

«Успешные пуски ракет средней дальности «Нодон-1» были проведены Северной Кореей в мае этого года с мобильных ракетных установок, сообщила сегодня влиятельная сеульская газета «Чосон ильбо». По ее словам, испытания осуществлялись в уезде Хвадэ горной провинции Хагмен-Пукто, граничащей с Россией. Ракета поразила цель, удаленную на 500 км от места запуска. Вместе с тем, как известно из разведывательных данных США и Южной Кореи, в настоящее время Пхеньян создает новые ракеты «Нодон-2», которые смогут достигать объекты на расстоянии от 1,5 до 2 тыс. км».

И еще одно сообщение. На этот раз оно пришло из Токио и было датировано 19 декабря 1993 года:

«КНДР уже обладает атомными бомбами собственного производства и средствами их доставки. Об этом, как сообщает сегодня японское информационное агентство Киодо Цусин, поведали гонконгской газете «Саут Чайна морнинг пост» два высокопоставленных европейских дипломата, аккредитованных в Пекине. «Северная Корея, написал в отчете после посещения КНДР один из них, имеющий, по утверждению газеты, ранг посла, обладает, по нашему мнению, полной возможностью обогащать природный уран, добываемый там, и произвести несколько атомных бомб». Иностранные дипломаты «установили также наличие испытательных полигонов» и то, что Север «преуспел в создании сложных взрывателей, способных сдетонировать ядерное взрывное устройство», а в качестве средства доставки может использовать усовершенствованную оперативно-тактическую ракету типа «Скад»...»

Что ж, такое сообщение можно было расценивать по-разному, в том числе и не доверять ему — первоисточник-

то чужой. Но своему источнику не верить было нельзя. Корреспондент ИТАР—ТАСС Владимир Кутаков в том же декабре 1993 года передал из Токио следующее (цитирую дословно):

«Дата 25 мая 1993 года навсегда теперь останется в истории Азиатско-Тихоокеанского региона как день, когда, к большому изумлению Японии и особенно ее военного руководства, Корейская Народно-Демократическая Республика в одночасье стала членом мирового ракетно-ядерного клуба... Что касается ракетного оружия, то тут уже без всяких сомнений — американская разведка точно засекала пуск новой баллистической ракеты промежуточной дальности с характерным для эпохи социализма названием «Нодон-1» («Труд-1»)...»

А месяцем раньше (29 ноября 1993 года) авторитетный американский журнал «Ньюсвик» поместил статью Тони Эмерсона под заголовком «Корея: ядерный кошмар». В ней, в частности, отмечалось:

«...В мае Пхеньян успешно запустил ракету «Нодон-1», которая при своей дальности действия в 1 тысячу километров могла доставить боеголовку в Японию, Китай, Россию или Южную Корею. Создаваемая сейчас ракета «Нодон-2» могла бы доставить ее в Южный Китай и на Тайвань».

Внимательно следили за развитием северокорейской ракетной программы и англичане. Лондонское издание «Экономист» в номере за 17 июля 1993 года (подтверждается сообщением ИТАР—ТАСС от 19 августа 1993 г.) поместила статью, в которой подчеркивалось:

«...Определенно известно, что недавно она (КНДР. — В. Б.) провела успешное испытание ракеты «Родон-1», которая теоретически может доставить ядерный заряд не только в любой район Южной Кореи и отдельные районы России и Китая, но также в Японию. Имеются также сообщения, что Северная Корея готова обменивать свою новую ракету и, возможно, свою технологию по производству атомной бомбы на нефть из Ирана.

Израиль недавно пытался убедить Пхеньян прекратить поставки ракет на Ближний Восток, но, кажется, безуспешно...»

Становилось абсолютно ясно: наличие таких ракет у Пхеньяна напрямую затрагивает национальную безопасность России. И если уж сам начальник Генштаба перед многомиллионной аудиторией «ответственно заявлял» и кате-

горически утверждал, что таких ракет у КНДР нет, да еще называл их «мифическими», то вновь возникал естественный вопрос: кому же тогда верить? Генералу Евстафьеву? Генералу Колесникову? Американскому ЦРУ, английской МИ-6, израильскому Моссаду, германской Штази или сотням сообщений российских и иностранных корреспондентов, в один голос трубящих о «Нодонах» и «Родонах»?

* * *

На заседании американского конгресса еще в сентябре 1993 года специально было заслушано секретное сообщение эксперта по ракетной технике. А в США, как известно, на таком уровне никакой приблизительности и неконкретности не любят и за любые заблуждения в области, которую конгресс поручает курировать профессионалам, служебные кресла отбирают мгновенно.

О чем докладывал конгрессу эксперт? А вот о чем.

...Параллельно с испытаниями баллистической ракеты «Нодон-1» Северная Корея занята разработкой ракетной системы следующего поколения — «Нодон-2», которая будет иметь радиус действия от 1500 до 2000 километров и сможет поразить цель в любой точке Японии...

Согласно оценкам американского эксперта, процесс создания новой ракеты должен был занять не менее двух лет, а еще через пять лет, к 1998 году, утверждал он, можно ожидать, что Пхеньян приступит к ее полномасштабному производству...

Что касается ракеты «Нодон-1», то когда в мае 1993 года был произведен ее испытательный запуск в Японском море, на место испытания была направлена делегация иранских наблюдателей. По сообщениям того же американского эксперта, были получены сведения и о том, что между Пхеньяном и Тегераном достигнута договоренность не только о продаже Ирану ракет «Нодон-1», но и об оказании КНДР помощи Ирану в развертывании этих вооружений на его территории... Мифические ракеты не только Иран, но и никто, как известно, не покупает...

Весьма любопытна и еще одна информация на данную тему (Радио Сеула, англ. яз., «Эфир-дайджест», с. 32):

«...Новая ракета, разработанная Северной Кореей, будет способна достигать территории США. Об этом сообщили осведомленные источники. Эта ракета, радиусом дей-

ствия 10 тысяч километров, будет взята на вооружение к 2000 году.

Северная Корея продолжает совершенствоваться еще два вида ракет. Она проводит эти работы, несмотря на свое тяжелое экономическое положение...»

Еще более серьезную информацию предоставлял наш источник «Глобус» (Вашингтон, 27 октября 1995 года):

«...К 2000 году западные районы Соединенных Штатов могут оказаться в зоне досягаемости северокорейских ракет большой дальности, оснащенных ядерными, химическими или бактериологическими боеголовками...»

Сенатор-республиканец от штата Аризона Джон Кил заявил, что полученная в последнее время информация свидетельствует о том, что разрабатываемая Северной Кореей ракета «Тэнодон-2» (правильнее — «Тепходон-2». — В. Б.) является межконтинентальной баллистической ракетой (МБР), которая будет способна поразить города США, что говорит о необходимости незамедлительного создания общенациональной системы ПРО...»

Один из представителей разведки Южной Кореи заявил, что к 2000 году «Тэпходон-2», возможно, после усовершенствования боеголовки и двигателя ракеты будет иметь максимальную дальность в 6200 миль...

По оценкам Разведывательного управления министерства обороны США (РУМО), дальность ракеты «Тэпходон-2» будет составлять примерно 4650 миль. Но при уменьшении габаритов боеголовки эта ракета сможет поражать цели на расстоянии 6200 миль...

Американские специалисты считают, что она может быть пригодна для доставки боеголовки с оружием массового поражения — ядерных, химических и бактериологических. Судя по тем же источникам, Северная Корея имеет достаточное количество ядерного топлива для того, чтобы изготовить 4—5 ядерных устройств...

* * *

После всего этого возникали большие сомнения в достоверности заявлений начальника Генштаба России по поводу якобы мифических корейских ракет...

И все же меня продолжал мучить вопрос: а вдруг это идет «деза» американцев или южных корейцев, которые спят и видят, чтобы северокорейцы свернули свою ядерную програм-

му? Ведь США уже который год подряд добиваются контроля над северокорейскими ядерными реакторами и даже предлагают им заменить их на безопасные.

Вполне могла вести свою игру и Япония, которую информация о «Родонах» задевала за живое. Японцы могли всего лишь услышать звон и начать всем указывать, «где он». Таких игр я тоже знал немало. Это уже как закон разведки: чем меньше сведений о реальном военном потенциале противника, тем больше устрашающей «дезы»...

...Разведорганы США особое значение придали тому факту, что 8 августа 1993 года в аэропорту Дамаска (Сирия) были запеленгованы самолеты транспортной авиации России, которые доставили туда компоненты баллистических ракет «Скад-С» (как позже выяснилось, северокорейского производства). Из этого был сделан вывод, что Москва передавала КНДР свои ракетные и другие технологии.

Американских экспертов заинтересовало: что побудило Россию так рисковать своим именем? Была высказана версия, что испытывающая в то время большие трудности с продажей своих вооружений Москва использует северокорейскую «крышу» для проталкивания оружия на ближневосточный рынок. А в «благодарность» за риск помогает Пхеньяну в развертывании ядерных и иных программ.

О том, что американская разведка засекла российские транспортные самолеты с ракетными узлами в Дамаске, сообщила газета «Уолл-стрит джорнэл» (1993. 20 сент.). Автор публикации — заместитель директора Вашингтонского института ближневосточной политики Джон Ханн.

И то, что Китай активно заступился за КНДР, когда встал вопрос о санкциях Совета Безопасности ООН против Пхеньяна, говорило о многом. Здесь была не только политическая игра. В противостоянии Японии, Южной Кореи и США Китай хочет иметь надежного партнера-соседа.

...Американская космическая разведка в 1993—1995 годах запеленговала пять хранилищ ядерных отходов на территории КНДР. Существует мнение, что такое количество мест захоронения ядерных отходов свидетельствует о проведении активных работ по изготовлению ядерных боеприпасов.

...Некоторые военные эксперты полагают, что, как только КНДР завершила весь промышленный цикл работ по изготовлению ядерного боезаряда, она сразу же вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия, с тем чтобы про-

вести испытание средства его доставки (ракеты). Об этом убедительно свидетельствует то, что КНДР вышла из договора в марте 1993 года, а испытание «Нодон-1» провела уже в мае. С этим, скорее всего, связано и отключение батарей и аккумуляторов на тех ядерных объектах, где МАГАТЭ установила телеаппаратуру для наблюдения и контроля. Таким образом была нарушена непрерывность наблюдения за всем, что происходило на объектах...

* * *

...Уже лето 1997 года. Тема северокорейских ракет по-прежнему остается одной из самых острых в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Время от времени в японской или южнокорейской прессе появляется «сенсационный» материал, который начинают бурно обсуждать миллионы людей. В мае, например, газета «Санкэй симбун» поместила информацию о том, что северокорейская ракета «Нодон-1» способна нести ядерный заряд. При этом делались ссылки на американские военные источники.

И вновь — вспышка ажиотажа. У меня все чаще возникает впечатление, что «американские источники» специально подбрасывают эту тему в печать, чтобы создать благоприятный климат для укрепления своих военных позиций в Японии. Глава японского оборонного ведомства Фумио Кюма поспешил успокоить соотечественников и заявил, что сведения о дальности полета северокорейской ракеты пока не подтверждаются его ведомством. Однако признал, что «Нодон-1», испытанная в мае 1993 года, поразила цель на расстоянии 500 километров...

ИСПОВЕДЬ

...Почему я так тщательно копался во всей этой детективной истории? Ведь, казалось бы, по логике вещей надо было бы не выворачивать наизнанку столь опасное «ядерное бельё» и не светить то, что обычно военные люди должны держать за зубами.

Наверное, я так бы и делал, если бы мои личные убеждения полностью совпадали с принципами нашей внешней военной политики. Я видел, как под давлением новых заокеанских «партнеров» наши кремлевские и мидовские руководи-

тели поворачивались спиной ко вчерашним друзьям и уни­зительно шаркали ножкой перед вчерашними «противника­ми». Я до сих пор не могу понять, какие нравственные и выс­шие политические принципы были заложены в том, что одни ядерные светила России должны были за жалкие гроши вка­лывать на американцев в Ливерморской, Лос-Аламосской и других лабораториях и укреплять национальную безопас­ность США.

Почему Кремль накачивал самыми современными воо­ружениями Южную Корею и в то же время игнорировал Се­верную? Почему Москва закрывала глаза на то, что Япония тайком бурными темпами разворачивала свою ядерную про­грамму, и в то же время поддакивала Вашингтону в его стрем­лении уничтожить такую же программу, задуманную Пхень­яном? Почему Москва и Вашингтон набрали в рот воды, хо­рошо зная, что и российские, и американские ученые содействуют развитию ядерных проектов Израиля? Почему США упорно мешали военно-техническому сотрудничеству России с Индией, Ираном, Ираком и многими другими стра­нами, но в то же время сами активно расширяли такие же контакты с Японией, Францией, Германией, Бельгией, Польшей, Италией?

Появление ядерных реакторов и баллистических ракет у Пхеньяна американцы стремятся использовать как сильный козырь в своей игре с Японией, которую они усиленно агити­руют к совместному созданию системы противоракетной обо­роны театра военных действий (ПРО ТВД). Как оказалось, тут были не только политические и военные, но и чисто эконо­мические соображения.

Вашингтон добивается полномасштабного подключения Токио к программе создания системы ПРО ТВД. Ранее япон­цы были против этого, так как США намеревались посвя­тить их в производство лишь отдельных компонентов сис­темы ПРО и отводили Японии роль поставщика самых пе­редовых технологий и денежного мешка. Теперь же Вашингтон предлагает Токио роль «равноправного партне­ра», который будет вместе с США заниматься реализацией всего проекта. Японии предлагается участвовать во всех этапах создания системы ТВД: в разработке технологий, в производстве компонентов новой системы ПРО, их разме­щении и даже в осуществлении контроля за работой ракет­ного щита.

А по различным каналам продолжает поступать новая ин-

формация о северокорейских ракетах более совершенных типов. Уже идет речь о баллистических ракетах класса «Тэпходон-1» с радиусом действия от 1,5 до 2 тысяч километров. Уже просачивались сведения, что Пхеньян располагает следующей модификацией ракет класса «Тэпходон-2», которые смогут достичь цели на расстоянии до 3,5 тысячи километров. Были сигналы и о том, что Иран и Сирия финансируют ракетную программу КНДР. За три десятка лет службы я не сталкивался с ситуацией, когда бы так основательно были перемешаны ложь и правда.

...В декабре 1995 года профессор Массачусетского технологического института Тед Постол заявил, что американская технология ПРО ТВД еще не достигла такого уровня, при котором можно было бы перехватывать ракеты «в условиях реальных боевых действий». Он подверг резкой критике администрацию Билла Клинтона, которая рекламирует эффективность ПРО ТВД и добивается от Японии участия в создании этой системы.

Программа создания ПРО ТВД (есть сведения, утверждал Постол, что она обсуждается на закрытых заседаниях японского правительства) предполагает отражение ударов со стороны КНДР с применением модернизированных ракет «Скад-S» с радиусом действия 500 километров, ракет «Нодон-1» (предположительный радиус действия — 1000 километров) и других баллистических ракет театра военных действий. Для отражения этих ударов предполагается использовать предназначенные для перехвата на небольшой высоте ракеты «Пэтриот RAS-3», системы сверхвысотной широкомасштабной противоракетной обороны THAAD, а также базирующиеся на кораблях ракеты-перехватчики.

В качестве способа срыва работы системы ПРО ТВД, который может применить даже имеющая слабые технологические возможности Северная Корея, американский эксперт предложил такой вариант, когда взрывное устройство взрывает корпус ракеты на заключительной стадии ее полета, а разлетающиеся осколки превращаются в помехи для системы наведения ракеты-перехватчика типа THAAD, которая оказывается не в состоянии обнаружить подлежащие перехвату боеголовки.

Точка зрения Постола кардинально расходилась с позицией командования Сухопутных войск и других кругов в США, которые пропагандировали огромные боевые заслуги «Пэтриот».

В российском Генеральном штабе еще со времени операции «Буря в пустыне» знали, что американцы слишком раздули боевые возможности своих «Пэтриот».

Только одна из шести американских ракет «брала» иракский «Скад». Но даже не это в данном случае самое главное. Главное заключается в том, какое значение придают в США и Японии «ракетной угрозе» со стороны Северной Кореи. Если уже на уровне японского правительства обсуждался вопрос о необходимости защиты от такой угрозы, то становилось понятно, что не от бумажных змеев Пхеньяна собирается защищаться Страна восходящего солнца. Японцы слишком экономная нация, чтобы позволить себе ненужные расходы...

ДЕНЬГИ

Окуда Пхеньян берет деньги на свою ядерную программу?

Уже длительное время американские, южнокорейские, японские спецслужбы пытаются перекрыть каналы поступления в Пхеньян огромных финансовых средств на развитие ядерной программы. Но все предпринимаемые усилия пока малорезультативны. Дело в том, что в Японии существует пропхеньянская Лига корейских граждан (Чхонрен). Из 686 тысяч этнических корейцев, живущих в Японии, к Чхонрену японская разведка относит примерно 250 тысяч. Из них примерно 55—60 тысяч человек — активные функционеры лиги. Они связаны жесткой иерархией и дисциплиной, многие из них контролируют такие прибыльные сферы добывания капитала, как игорный бизнес.

Стабильный валютный приток в КНДР из Японии может достигать трех годовых бюджетов Пхеньяна и составляет от 6 до 8 миллиардов долларов.

Чхонрен прибегает ко всем доступным способам пополнения валютной кассы Пхеньяна: переводы для оплаты внешнеторговых операций, финансовая помощь родственникам и знакомым, денежные пожертвования партийным и правительственным организациям, инвестиции в совместные предприятия. Причем доллары и иены не только переводятся через банки, но и непосредственно завозятся возвращающимися на родину корейскими гражданами или передаются корейцам, приезжающим в Японию...

Большую помощь в разработке баллистических ракет Северная Корея получает и из Ирана. Сведения об этом все чаще начинают выплескиваться на страницы газет Израиля, где очень внимательно и ревниво следят за тем, как Иран развертывает свою ракетную программу. Израильские дипломаты уже допустили утечку информации о том, что Тегеран получил из КНДР программное обеспечение для ракеты «Нодон» и сможет изготовить эту ракету в течение двух лет. И в этом регионе судьба ракеты прочно вплетена в ткань региональной политики, ее используют в качестве козыря. И здесь снова нашли русский след и уже не скрывают, что иранцы могут развернуть свою ракету гораздо раньше, если Россия будет продолжать оказывать им помощь...

Глава 8

ГЕНЕРАЛ ЛЕБЕДЬ КОМАНДАРМ БЕЗ ОШЕЙНИКА

БАТАЛИИ

...Сегодня во время тайной офицерской пирушки разгорелся нешуточный диспут и дело чуть не дошло до хмельной потасовки. Заспорили, может ли Лебедь возглавить военный переворот.

А все так хорошо начиналось: разложили по полочкам условия, при которых это может произойти, высчитали примерное количество лебедевских сторонников в армии и на гражданке, прикинули количество «штыков» в его Республиканской партии, в организации «Честь и Родина», среди поддерживающих генерала «афганцев»...

Тут все и началось.

— После того как Лебедь оскорбил Громова и Родионова, афганцы черта с два за ним пойдут, — мрачно сказал полковник Цокотухин. — Вот так с одним Бергманом и останется.

— Ну ты это брось. Мало ли чего сгоряча с языка у человека сорвется.

— У серьезного политика ничего случайно с языка не срывается!

— Но если он «несерьезный», то почему же ты к Лебедю в Лаврушинский переулок втихаря бегал? Может, ты казачок засланный?

— Че?

— Хрен через плечо!

— Повтори!!!

Местный авторитет отставник Петрович, всегда искусно играющий роль миротворца среди строптивой генштабовской молодежи, еле успокоил петухов.

Мы расходимся.

На следующий день картина повторяется.

Теперь тема застольного диспута — «Может ли Лебедь стать президентом России?». В роли основного докладчика — сам Петрович. Еще во времена Язова он возглавлял отдел референтов и о его мастерстве ходили легенды. Он владел логикой сокрушительной мощи, потрясающим здравомыслием и редким умением делать «трепанацию черепа» нашим военным проблемам.

Петрович раскладывает, как в аптеке: расстановка сил в России, наиболее вероятный ход развития событий, кандидаты в президенты, позиции и имидж Лебеда, сильные и слабые стороны, электорат, поддерживающие генерала магнаты и банки...

И вновь портит песню вчерашний возмутитель спокойствия. Захмелевший Вовик бросает дерзкий вызов Петровичу:

— Все ваши прогнозы — туфта. Кто больше заплатит, тот и станет президентом. В России будут не президентские выборы, а конкурс коробков из-под ксерокса... Какой тут Лебедь?

От такой бесцеремонности Петрович потерял, кажется, дар речи. Еле сдерживаясь, он тихо выдавил из себя:

— Как какой тут Лебедь? У нас хоть какая там, а демократия. И Центризбирком все-таки...

— Наша демократия и наш Центризбирком пятьсот тысяч баксов стоят плюс посольская должность для председателя, — парирует Вовик. — Разве вы не видите, что Рыжий с Черным хоть кого задушат. Один на мешки с деньгами сел, а другой — на нефтяную трубу. Эти ребята не только Лебедю — самому Лужкову вентиль теперь перекроют!

Сникший Петрович уныло ковыряет вилкой в банке с консервами. Но он не из тех, кто сдается.

— Так что, вы считаете, что у Лебеда никаких шансов?

— У кого баксы — у того и шансы.

— Вы не верите в демократию?

— Я верю в счета в банках.

Споры о Лебеде уже что-то вроде ритуала. И я, кажется, начинаю догадываться, в чем здесь фокус: голодные больше всего любят говорить о еде, больные — о здоровье, заключенные — о свободе. Попавшее в окружение войско мечтает о командире, который может организовать прорыв и спасти подчиненных от гибели.

Я слышу, как в коридоре щелкает замок соседнего кабинета. И голос Цокотухина:

— По-моему, на первую роль Лебедю уже не выбиться. На голой критике власти далеко не уедешь.

— По-моему, следующим президентом России будет Лебедь, — это в пику Вовику говорит Петрович, — никакие банки рыжим и черным не помогут...

На следующий день опять был спор о Лебеде. Теперь — о том, появился ли он всерьез и надолго или это мотылек, который спалит крылья над костром политики.

Кто-то из наших сказал, что, когда Лебедю стало скучно служить, он начал искать острые ощущения в громких скандалах. Может, действительно, когда у генералов нет возможности прославиться на поле боя, они ищут славу в политических баталиях?

Эта точка зрения подвергается критике. Не согласные с ней пытаются доказать, что «Лебедь — это человек, который не захотел жить в ошейнике». И потому говорил то, что думал, презирая запреты военным публично комментировать действия власти.

Вот мы уже договорились до того, что «молчание — состояние быдла». Быдлом никому не хочется быть, и потому звучит что-то похожее на контраргумент:

— Если все генералы будут трепаться, как Лебедь, армия превратится в сборище анархистов.

— Лебедь не трепался, а говорил то, что думал.

— Мало ли что он думал. Имея язык, думай о погонах.

— Если только и думать о погонах, то знаешь куда надо засунуть язык?

Странная вещь: споры о Лебеде стали заменять нам былые занятия по марксистско-ленинской подготовке. Сегодня пошел разговор о роли личности в истории. Трудно сказать, какое место будет отведено генералу Александру Лебедю в смутной истории России конца XX века. Ему предрекают и кресло президента со славой спасителя Отечества, и безуспешное мельтешение на политической сцене в роли банковской марионетки, и сумрачные колымские нары, и даже пулю киллера.

Но уже то, что опальный командарм, пусть всего на несколько месяцев, был допущен на командный мостик государства, факт серьезный. Никто не станет отрицать, что даже в период «транзитного» пребывания в Кремле он сумел оказать заметное влияние на ситуацию в России...

ЯВЛЕНИЯ

...Он нечасто появлялся у нас на Арбате. Но каждый раз его появление вызывало даже у хорошо воспитанных людей плохо скрываемое любопытство. То были сцены, очень похожие на те, когда зеваки узнают в московской толпе известного киноартиста.

— Лебедь приехал!

И все выскакивали в коридор, чтобы взглянуть на командарма и поздороваться с ним. И не было случая, когда бы он прошел мимо и не подал руки.

Я замечал: некоторые генералы из ближайшего окружения Грачева пытались демонстрировать высокомерное пренебрежение к командарму: похожие на угрозу реплики («Хулиганишь? Смотри, доиграешься!»), манера подавать руку — небрежно и даже как-то брезгливо. Это правила игры при нашем «дворе»: тех, кто в опале у шефа, должна игнорировать и вся свита. «Единство команды».

Однако отношение большинства арбатских генералов и офицеров к Лебедю было иным, хотя далеко не все разделяли его политическую позицию, например, в отношении руководства Приднестровской Молдавской республики, с которым командарм конфликтовал.

Долгое время на Арбате по отношению к Лебедю люди делились как бы на два лагеря: небольшой грачевский и огромный «народный». Это противостояние нередко выражалось в неожиданных формах.

Перед президентскими выборами 96-го года у нас в столовой повесили большой портрет Ельцина. Через несколько дней рядом с ним появился такой же портрет Лебеда. Его сняли. Прошло не так много времени, и портрет кто-то тайком водрузил на прежнее место. Снова сняли. Тогда офицеры комендатуры Генштаба решили подкараулить «подпольщиков». Каково же было их удивление, когда портрет бывшего командарма вновь появился на стене, несмотря на бдительный дозор. Тогда поступила команда «никого не вешать»...

Однажды, когда противостояние Лебеда с Грачевым стало принимать форму опасных перебранок, министр дал понять командующему войсками Северо-Кавказского военного округа генерал-полковнику Алексею Митюхину, что надо бы «образумить Сашку» и затащить его на совещание высших генералов, где планировалось устроить Лебеда публичную головомойку и подписать «пакт о ненападении».

Митюхин хорошо знал Лебеда, был с ним в добрых отношениях и потому весьма неохотно отнесся к этой миссии, поскольку понимал, что уговорить строптивного командарма пойти на мировую с Грачевым — задача невыполнимая. И действительно: попытка «затащить» Лебеда на совещание к министру не увенчалась успехом.

Портить отношения с Лебедем Митюхин не стал...

ПРОРОЧЕСТВО

...Как-то в составе инспекторской группы офицеров Минобороны и Генерального штаба мне довелось побывать в Рязанском высшем командном воздушно-десантном училище. Как издавна водится, после напряженного трудового дня хозяева устроили московским гостям баньку. Ну а где банька — там и соточка, там и раскрепощенный мужской разговор.

Сначала вспомнили о знаменитом бюсте выпускника училища, бывшего министра обороны генерала армии Павла Грачева. Это произведение давно стало объектом едких острот.

Рассказывали, что Павлу Сергеевичу собственный бюст очень понравился, хотя даже при очень скрупулезном его рассмотрении очень трудно было понять — Грачев это или Наполеон в рязанской версии...

Затем старожилы училища стали вспоминать о том, что именно здесь судьба свела Грачева и Лебеда, что именно здесь много лет назад во время праздника ВДВ командир роты курсантов старший лейтенант Павел Грачев сказал журналистам свои легендарные слова:

— Вот это старшина курса Саша Лебедь! Запомните его, — он еще войдет в историю!

ОБЪЕКТИВКА

Лебедь Александр Иванович. Родился 20 апреля 1950 года в городе Новочеркасске Ростовской области в семье рабочих. Окончил Рязанское высшее командное воздушно-десантное училище имени Ленинского комсомола, Военную академию имени М. В. Фрунзе.

Был командиром взвода, командиром роты Рязанского

высшего командного воздушно-десантного училища. В должности командира батальона воевал в Афганистане (1981—1982 гг.). Командовал десантным полком Тульской воздушно-десантной дивизии (1985—1986 гг.). В 1986—1988 годах — заместитель командира дивизии, а с 1989 года — командир.

Во время августовских событий 1991 года батальон тульских десантников во главе с А. Лебедем по приказу командующего Воздушно-десантными войсками генерала П. Грачева взял под охрану здание Верховного Совета РСФСР.

С 1991 по 1992 год генерал Лебедь был заместителем командующего Воздушно-десантными войсками по боевой подготовке и военно-учебным заведениям. С июня 1992 года по июнь 1995 года — командующим 14-й общевойсковой армией, дислоцированной в Приднестровье.

Во время молдавско-приднестровского вооруженного конфликта летом 1992 года сыграл значительную роль в его погашении.

У командующего 14-й ОА не сложились отношения с руководством Республики, из-за чего возникали конфликтные ситуации. Кроме того, генерал выступал с резкой критикой действий президента—Верховного главнокомандующего РФ и министра обороны России, подвергал сомнению правомерность их указаний, инициировал обсуждение директив руководства МО РФ офицерским составом армии. Активно сопротивлялся реформированию штаба 14-й ОА и выводу объединения из Приднестровья.

В личном письме на имя Ельцина Б. Н. обратил особое внимание на невозможность преждевременного вывоза арсеналов с оружием и боеприпасами до политического урегулирования конфликта между Кишиневом и Тирасполем.

В июне 1995 года подал рапорт об увольнении из Вооруженных Сил. Президент РФ удовлетворил просьбу генерала.

Был членом КПСС. В 1990—1991 годах — член ЦК Компартии РСФСР.

АФГАНИСТАН

...В ноябре 1981 года капитан Александр Лебедь был направлен в Афганистан. Там он командовал батальоном парашютно-десантного полка. В это время его младший брат Алексей командовал там же разведывательной ротой. Об афганской войне Лебедь вспоминает так

— Афганистан — это боль, Афганистан — слезы, Афганистан — память. Это все, что угодно, но не позор... солдаты свой долг выполнили сполна... Афганистан оплачен 15 тысячами жизней, честно отданных в непонятной войне. Около 40 тысяч были ранены и искалечены... Это была честная солдатская плата за политическую очумелость. И она, эта плата, не может быть позорной...

Однажды генерал со свойственным ему остроумным сарказмом так сказал о цели ввода наших войск в ДРА:

— Нас посылали туда восстанавливать Советскую власть в Джелалабаде...

Умная мысль приходит опосля.

В Афганистане он завоевал право поступить в Военную академию имени М. В. Фрунзе, в которой учился с 1982 по 1985 год. Потом служил в Костроме (1985) и в Пскове (1986—1988 гг.). Затем был назначен заместителем командира, командиром Тульской воздушно-десантной дивизии, подразделения которой в ту пору раз за разом вылетали в «горячие» точки для усмирения волнений в различных регионах СССР.

«ГОРЯЧИЕ» ГОРОДА

...В ноябре 1988 года был Баку, где начались после Нагорного Карабаха и Сумгаита армянские погромы. А в апреле 1989 года был Тбилиси, куда Лебедь вместе с подчиненными вылетел из Тулы 8 апреля и приземлился в аэропорту грузинской столицы. Колонна во главе с генералом Лебедем вошла в город в ночь с 9 на 10 апреля и непосредственно в разгоне митинга, по его утверждению, не участвовала. Этим занимался, в частности, «Баграмо-афганский» парашютно-десантный полк, тот самый, в котором Лебедь командовал батальоном в 81—82-м годах в Афганистане.

Еще 6 апреля полк получил задачу совершить 320-километровый марш в Тбилиси из района дислокации в Гяндже и, по выражению Лебедея, «своими опытными штыками поддерживать шатающийся режим Патиашвили».

Лебедь вспоминал впоследствии, что полк «блокировал подступы к Дому правительства и площадь перед ним, на которой вторые сутки бушевал южный, горячий, нервный митинг. Подступы к площади были забаррикадированы большегрузными автомобилями, наполненными отборной щебен-

кой в кулак величиной». Этой щепенкой демонстранты забрасывали солдат, которые ничем не могли ответить.

...Пройдет 7 лет, и события в Тбилиси неожиданно вновь станут муссироваться в российской прессе. В июне—июле 1996 года, когда развернется яростная схватка различных политических сил за пост «своего» министра обороны, Лебедь назовет кандидатуру начальника академии Генерального штаба генерал-полковника Игоря Родионова, командовавшего в 1989 году войсками Закавказского военного округа. Противники этого предложения подняли яростный вой. Лебедь своей позиции не менял и продолжал настаивать на кандидатуре Родионова. Помнится, что уже вскоре после тбилисских событий именно Лебедь одним из первых встал на защиту Родионова и доказывал, что командующий ЗакаВО возражал против применения войск для блокирования демонстрантов. Мало того, по версии Лебеда, 9 апреля вообще не было целенаправленной операции по очищению площади от митингующих.

Целью атаки десантников (без применения огнестрельного оружия) были только грузовики. Лебедь утверждал, что была задача «захватить грузовики и тем самым избавиться от малоприятного камнепада». На пылающей страстями площади возникла паника, давка, в которой погибли 18 человек, из них 16 женщин в возрасте от 16 до 71 года.

Грузинская оппозиционная и российская демократическая пресса в те дни нарочито раздували страсти вокруг и без того трагических событий. Газеты словно соперничали между собой в изображении картин «фашиствующих солдат». В одном из материалов газеты «Заря Востока» изображался озверелый десантник, который, судя по тексту под рисунком, почти три километра гнался по проспекту Руставели за старухой, а затем зарубил ее саперной лопаткой...

Лебедь говорил:

— Что же это была за старушка, которая бежала от солдата три километра? Вопрос второй: что это был за солдат, который не мог на трех километрах старушку догнать? И третий вопрос, самый интересный: они что, по стадиону бежали? На трех километрах не нашлось ни одного грузина-мужчины, чтобы заступить дорогу этому негодяю?

Избиение демонстрантов саперными лопатками Лебедь категорически отрицал: по его мнению, саперные лопатки были лишь средством защиты от летящих камней, используемых при отсутствии бронежилетов. Это дало повод неко-

торым газетам вдоволь поиздеваться над аргументами генерала: в одной из них был изображен бравый десантник, очень напоминающий Лебеда, который саперной лопаткой, словно от мух, отбивается от пуль...

НЕПОСЛУШНЫЙ

Впервые я услышал его фамилию в 1990 году, накануне XXVIII съезда КПСС. Весной того же года парашютно-десантный полк выдвинул генерал-майора Лебеда (к тому времени он уже был командиром Тульской дивизии) кандидатом в делегаты съезда. Весть об этом в Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота была воспринята на уровне чрезвычайного происшествия. Дело в том, что с давних пор в ГлавПУре делегаты определялись заранее и процедура выборов кандидатов была формальной. Еще задолго до съезда можно было узнать, кто именно из военных будет представлять армию на партийном форуме.

Руководству Воздушно-десантных войск из ГлавПУра поступила рекомендация избрать на съезд командующего ВДВ генерала Владислава Ачалова и члена военного совета — начальника политического отдела ВДВ генерала В. Полевика. Но случилось ЧП: вместо первого политработника ВДВ, которому априори всегда бронировалось место на партсъездах, избрали комдива Лебеда.

У нас в Министерстве обороны существовало жесткое правило: все, кому предоставлялось слово на столь высоких форумах, как партийные съезды, были обязаны согласовывать текст выступления с руководством МО. Над подготовкой такого выступления обычно трудились десятки людей, а тому, кто выходил с ним на трибуну съезда или конференции, оставалось лишь добросовестно озвучить его. Малейшее отступление исключалось: шаг вправо или влево мог поставить крест на карьере выступающего.

К указанному сроку текст выступления генерала Лебеда был отутюжен и одобрен. Его передали в штаб Воздушно-десантных войск вместе с рекомендацией заучить некоторые места наизусть, дабы у делегатов партсъезда создавалось впечатление, что бравый командир Тульской воздушно-десантной дивизии способен говорить не по бумажке, а от души.

И вот съезд.

Стройный генерал-майор с «размятым», как у боксера, носом и с короткой, очень похожей на «зэковскую», стрижкой выходит на трибуну и оглушает делегатов и гостей мощным скрипучим басом. Люди отрываются от чтения газет и перешептываний с соседом, кто-то просыпается. Генсек Горбачев настороженно поглядывает на выступающего. Прочитав по бумажке пару абзацев, Лебедь неожиданно откладывает ее в сторону и «уходит в свободное плавание». Он говорит об идейном разброде в партии. Его речь нестройна, но убедительна. Его голос звучит угрожающе. Министр обороны маршал Язов хмурит брови. Зал замирает, когда тульский генерал вдруг замахивается на святая святых — Александра Яковлева, главного идеолога партии, ближайшего сподвижника Горбачева. Позже выяснилось, что Лебедю попала в руки распечатка кулуарной беседы Яковлева с делегатами от «Демократической платформы в КПСС». То, что говорил Александр Николаевич для всех, существенно отличалось от того, что он говорил для узкого круга избранных. Лебедь назвал это «демонстрацией двойной морали».

С трибуны съезда генерал спросил у Яковлева:

— Сколько же у вас лиц, помимо коммунистического?

Зал взрывается громким смехом и аплодисментами.

Выступление генерала Лебедея было самым коротким и самым ярким. Один из генералов ГлавПУра, с которым я «утюжил» речь комдиву, носился по этажам с бледным лицом и с бумажкой в руке, ошалело повторяя одно и то же:

— Он оторвался от текста! Он оторвался от текста!!!

Я часто вспоминаю этот случай, когда размышляю о Лебеде. Генерал постоянно «отрывался от текста». Он не любил играть по чужим правилам и старался играть по своим. Это порой плохо кончалось. Стоящие выше его на служебной лестнице и облеченные высшей государственной и военной властью летом 1995 года вынудили его «выйти из игры». Но только на время.

Года два назад у генерала спросили, не изменил ли он свое мнение о Яковлеве. Он ответил:

— Нет. Есть такая категория людей, которые с белыми — белые, с красными — красные. Яковлев был одним из главных идеологов партии, «прорабов» перестройки. Потом в стране все перевернулось, и все бывшие наверху полетели, а он оказался у руля Центрального телевидения. Теперь со-

здал партию весьма мутной направленности и снова плава-ет... Человек на все времена. Он имеет бесконечное множе-ство лиц и может быть кем угодно. В одном анекдоте на воп-рос грузина, кто ей нравится, девушка ответила: военные, индейцы и евреи. Грузин мгновенно представился: «Подпол-ковник Чингачгук Абрам Моисеевич». Этот анекдот про та-ких, как Яковлев...

Тогда, в 1990 году, беспрецедентный в истории отноше-ний армии и партии выпад в адрес ключевой фигуры в КПСС стал своего рода трамплином для Лебеда: его избрали членом ЦК так называемой «полозковской» компартии. Он по-лучил более 90 процентов голосов.

После того как Лебедь стал членом ЦК КПРФ, он побы-вал на двух партийных пленумах, которые в корне изменили его представление об организации, в руководящие структу-ры которой он входил. Пришло и «осознание печальной истины, что мне на протяжении длительного периода времени откровенно вешали спагетти на уши, а я верил. В партии буй-ствовала двойная, тройная мораль... Я понял, что мне с этой организацией не по пути...».

С того времени Лебедь довольно часто высказывался о компартии, о коммунистах. И всегда подчеркивал, что не на-мерен смешивать высшую партноменклатуру с рядовыми че-стными коммунистами. Огонь его критики всегда сосредото-чивался именно на руководящем партийном чиновничестве, игнорировавшем нравственные нормы и имевшем «двойную и тройную мораль». Такая его позиция тогда импонировала очень многим коммунистам старших поколений, что в резуль-тате и позволило Лебедю как на парламентских выборах 1995-го, так и на президентских выборах 1996 года «ото-рвать» у Зюганова немалую часть коммунистически настро-енного электората.

Однако со временем Лебедь стал делать все более жест-кие выпады в сторону всех коммунистов, которые, по его мнению, «угробили страну своими бредовыми идеями». Од-нажды он сказал еще круче: приход коммунистов к власти — гражданская война. Этой страшилкой одно время забавлял-ся Ельцин. Тут никакой разницы между Лебедем и прези-дентом не было.

...Впервые я увидел его 19 августа 1991 года возле Белого дома, куда был послан своим начальником «на разведку» — надо было отслеживать настроения в частях, введенных в Москву, и выполнение командирами приказов министра. Парашютно-десантному батальону, которым руководил командир Тульской дивизии ВДВ генерал-майор Александр Лебедь, в соответствии с приказом министра обороны СССР маршала Дмитрия Язова командующий ВДВ генерал П. Грачев поставил задачу организовать охрану и оборону здания Верховного Совета РСФСР — Белого дома.

Когда подразделение выдвинулось на Краснопресненскую набережную, оно наткнулось на баррикады и огромные толпы людей, соорудивших завалы вокруг БД. Колонна встала. Вскоре возле головной машины десанта появился человек в гражданском, который «потребовал командира». Вместе с ним комдив вошел в здание.

Позже Лебедь будет вспоминать, что там его встретил Александр Коржаков и провел к тогдашнему секретарю Совета безопасности Юрию Скокову (кто мог тогда предположить, что пройдет несколько лет и судьба сведет их под знаменами Конгресса русских общин, а затем наступит черед и Лебедю посидеть в кресле секретаря СБ). От Скокова, как свидетельствует сам Лебедь, он впервые услышал о ГКЧП. Скоков провел Лебеда к Ельцину, который спросил генерала, от кого он собирается «охранять и оборонять здание Верховного Совета»? Но поскольку, как вспоминал Лебедь, ему самому этот вопрос был неясен, то он объяснил уклончиво:

— От кого охраняет пост часовой? От любого лица или группы лиц, посягнувшего или посягнувших на целостность поста и личность часового.

Ельцину этот ответ понравился, и он представил Лебеда большой группе «защитников» Белого дома как генерала, «перешедшего на сторону восставшего народа».

После этого в завалах возле БД было проделано несколько проходов и боевые машины десанта из состава батальона, приведенного Лебедем, встали у стен Белого дома.

Когда с балкона один из активистов ельцинского штаба сообщил по мегафону многотысячной толпе о переходе десантников генерала Лебеда на сторону президента России, несколько крепких мужиков, соорудивших баррикады, попы-

тались поднять Лебеда на руки и качать. Но он ловко вырвался из их объятий и растворился в толпе.

— Станный человек, — сказал кто-то. — Бежит от собственной славы.

Я и сейчас не могу представить в той ситуации на месте Лебеда другого генерала, который бы в столь звездный час устоял перед соблазном породниться со славой. Он признался позже, что была она непонятной ему пробы. В сентябре 1991 года, говоря о своей роли в августовских событиях, генерал сделал шокирующее Кремль заявление: «Я не считал себя защитником Белого дома. Опасался потеряться в героической толпе защитников демократии». Он и здесь «оторвался от текста», сказал совсем не то, что хотелось бы Ельцину. Ушел от славы. Позже она сама пришла к нему.

Узнав о том, что комдив Тульской дивизии «переметнулся» на сторону защитников БД, маршал Язов сделал строгую выволочку командующему ВДВ генералу Павлу Грачеву. Утром 20 августа Грачев в свою очередь обвинил Лебеда в том, что он неправильно выполнил его приказ, хотя впоследствии сам признавался, что задача была именно такая — взять под охрану стратегические объекты столицы. Грачев приказал Лебедею увести боевые машины пехоты от стенов Белого дома.

Хорошо помню, что уже тогда в МО говорили, что командир Тульской дивизии повел двойную игру. Лебеда срочно вызвал министр обороны, который встретил его словами: «А мне доложили, что ты уже застрелился». Язов иногда допускал такие выражения, когда невозможно было понять — то ли это искреннее удивление, то ли неудавшаяся шутка.

В то время Белый дом оставался главным центром противостояния в Москве. Минобороновские и генштабовские генералы ломали голову над тем, как «выключить» его из игры. Кто-то из них и высказал мысль о штурме БД. А поскольку боевые машины батальона Лебеда оставались недалеко от БД, то замминистра обороны генерал Владислав Ачалов поручил комдиву и командиру «Альфы» Виктору Карпухину разработать план блокирования Белого дома.

К тому моменту не Лебеда, а командующий ВДВ уже вовсе вел двойную игру: демонстрируя служебную исполнительность и преданность министру обороны, он в то же время поддерживал контакты с защитниками БД. Грачев по старой дружбе с Лебедею решил посвятить его в свои планы и «обратить в свою веру». Грачев убедил Лебеда, что надо по-

ехать к БД и сообщить его защитникам, что «блокирование, а возможно и штурм, начнется в 3 часа ночи». Лебедь согласился... Этот поступок генерала можно расценивать по-разному. Как исполнительность и как пособничество «предательству» командующего ВДВ.

21 августа Ельцин в своей речи выразил «сердечную признательность генерал-майору Лебедю, который вместе со своими подчиненными не дал путчистам захватить политический центр новой России». То была одна из многих явных идеологических передержек, которые Ельцин обычно использовал для того, чтобы желаемое выдать за действительное. Прежде всего потому, что никакого «захвата политического центра» не было: взвесив все «за» и «против», генералы не взяли на себя ответственность за последствия штурма БД и приказ об этом не был отдан.

Лебедь не стал принимать усиленно навязываемые ему Ельциным лавры «спасителя демократии» и по этому поводу однажды раздраженно сказал:

— Десятый раз повторяю, семнадцатый раз докладываю: ни на чью сторону я не переходил. Я солдат и выполнял приказ.

На заседании одной из парламентских комиссий на вопрос о том, взял бы он Белый дом, генерал твердо ответил:

— Взял бы...

При первом же прикосновении Лебедея к большой политике она породила много кривотолков о его истинной позиции.

В августе 1991 года, как следует из книги Б. Ельцина «Записки президента», Лебедь прибыл в Белый дом к президенту РФ и предложил ему объявить себя Верховным главнокомандующим. К этому «факту» особенно пристрастно отнесся бывший нардеп полковник Виктор Алкснис.

То, что Лебедь в августе 1991-го якобы «лег под Ельцина» — с нравственной точки зрения обвинение действительно очень серьезное. Но сам Лебедь этот факт не подтвердил...

ДНЕСТР

...В конце 1988 года по каналам КГБ СССР стала поступать в Москву информация о том, что в Молдавии активно развиваются сепаратистские настроения. В ту пору Кремль еще достаточно надежно контролировал ситуацию в регио-

не, и Горбачев не проявил особого беспокойства в связи с этим: были проблемы гораздо важнее.

Но уже в 1989 году молдавско-приднестровский конфликт стал принимать опасные формы — особенно после того, как Верховный Совет республики принял законы «О государственном языке» и «О функционировании языков на территории Молдовы». Принятие этих законов и высокая вероятность объединения Молдавии с Румынией вызвали резкий протест жителей Приднестровья, большая часть которого (кроме Бендер) никогда не находилась в составе Румынии. Здесь русские и украинцы составляют более половины всего населения. В то время наша разведка запеленговала многочисленные тайные контакты Кишинева и Бухареста, в ходе которых эмиссары прорабатывали вопрос объединения Молдавии и Румынии при активном «патронаже» США.

2 сентября 1990 года было объявлено о создании Приднестровской Молдавской республики (ПМР). Казалось бы, с точки зрения стратегических интересов Москвы в данном регионе это событие играло ей на руку. Иметь такой стратегический плацдарм под своим контролем было во всех отношениях выгодно. К тому же на левом берегу Днестра действовала разветвленная сеть наших спецслужб, способная влиять на характер политических перемен.

Даже непосвященные в тайны создания ПМР генералы и офицеры Генштаба были уверены, что появление новой, промосковски ориентированной республики на берегу Днестра (при угрозе присоединения Молдавии к Румынии) есть результат отличной работы «заинтересованных специалистов». Кишинев и Бухарест отреагировали нервно и жестко. К их протесту немедленно подключился и Вашингтон, пригрозивший Москве санкциями. Я твердо убежден, что этот фактор до сих пор служит главной причиной того, что с 1990 года и до нынешнего времени Кремль так и не признал ПМР. С другой стороны, дистанцирование Москвы от данного вопроса дало повод оппозиции не только подвергнуть яростной критике президента, правительство и МИД, но и «развязало руки» Кишиневу, который ввиду мягкотелости России 19 июня 1992 года решился на агрессию против непризнанной ПМР и начал операцию по взятию под свой контроль города Бендеры. Вспыхнула война, которая привела к большим человеческим жертвам.

Летом 1992 года Ельцин утвердил решение об отправке Лебеда в самое пекло молдавско-приднестровской войны.

Помню, многие генералы и офицеры поговаривали, будто это мсть Ельцина за нежелание генерала играть роль кремлевского фаворита и защитника демократии в августе-91. Старая русская практика: не припадаешь к царской деснице — поезжай на войну. Авось там и спалишься.

...21 июня 1992 года полковник Гусев, обернувшийся потом генералом Лебедем, прилетел в штаб 14-й армии. Это было воспринято личным составом объединения и гражданским населением как спасение. Были открыты склады с оружием и боксы с боевой техникой. Приднестровцы и российские военные сумели защитить себя. Левобережье тогда беспощадно обстреливали наши же орудия, оставленные в свое время на территории Молдавии.

Я хорошо помню, как в апреле 1992 года в Бендеры приезжал министр иностранных дел РФ Андрей Козырев. И руководство республики, и рядовые граждане умоляли Козырева вмешаться, приостановить передачу оружия Молдове. Ничего сделано не было. Глава МИД был нормальным демократом: он умел высказывать «понимание озабоченности» и не оставлять следов реальных дел.

В результате на головы приднестровцев посыпались бомбы с самолетов, взлетавших с правобережного аэродрома Градулешты. Эти самолеты, еще вчера принадлежавшие 14-й армии, бомбили...14-ю армию, и пилотировали их бывшие летчики этой же армии, но выполняющие приказы Кишинева. Тогдашний командующий генерал Неткачев без приказа Москвы не мог ни на что решиться. Шифровки из Генштаба приказывали командарму проявлять выдержку, не поддаваться на провокации и не выпускать ситуацию из-под контроля. Легко было требовать...

Огромные толпы приднестровских женщин дни и ночи проводили у заминированных складов, умоляя офицеров, своих же мужей и сыновей, отдать ополченцам оружие. В инженерно-саперном батальоне в Порканах офицеры приняли решение перейти под юрисдикцию ПМР и встать на ее защиту. Такие же настроения усиливались и в других подразделениях.

Прибыв в Тирасполь, Лебедь решительными контрмерами остановил бойню. Он открыл склады с боеприпасами и разогнал тучи, сгустившиеся над командиром мятежного батальона Игорем Дудкевичем. Генерал не стал настаивать на возвращении батальона в штат 14-й армии.

Принимая под свое командование армию, Лебедь высту-

пил с резким заявлением, в котором назвал политику, проводимую президентом Молдавии Снегуром, геноцидом, а правительство Молдавии — фашистским. По приказу нового командарма были нанесены артиллерийские удары по позициям молдавской армии. После этого вооруженные действия быстро закончились.

Как бы ни стремились сегодня умалить или поставить под сомнение роль Лебеда в той ситуации политические противники генерала или «заказные» журналисты, факт остается фактом: только после появления Лебеда на берегах Днестра война угасла.

НАХАЛ

В прифронтовом Тирасполе летом 1992 года он ничему не удивлялся после того, что видел в других «горячих» городах и Афгане. Он разучился чего-нибудь или кого-нибудь бояться. Он нарушил «священное» для человека в погонах требование — не критиковать решения высшей государственной и военной власти. Вместо принятого «благодаря мудрому руководству» от него слышали «глупее нельзя придумать».

В Российской армии в ту пору было около двух тысяч генералов. Но только Лебедь, единственный из них, не боялся высказывать запредельно критические оценки деятельности президента, правительства и министра обороны. Он говорил:

— Нельзя служить в армии, если не веришь Верховному главнокомандующему, когда презираешь министра обороны.

Это было сказано в ту пору, когда он был еще не отставным, а действующим генералом. В России генералы становятся смелыми только после своей отставки.

4 июля 1992 года в Кремль поступило заявление командующего 14-й общевойсковой гвардейской российской армией, которое начиналось словами: «Я обращаюсь прежде всего к Вам, первый Президент свободной России Борис Николаевич Ельцин...» Заявление было адресовано не только Ельцину, но и всем президентам суверенных республик бывшего СССР «народам, правительствам и парламентам», всем средствам массовой информации. В нем давалась оценка позиции России, Молдавии и Приднестровской Республики в кровавом конфликте.

Документ вызвал в президентском аппарате и в руководстве МО и Генштаба что-то очень похожее на панику.

«...Настало такое время — занять определенную позицию. Пора прекратить болтаться в болоте малопонятной, маловразумительной политики. Что же касается державы, которую я имею честь здесь представлять, могу добавить еще то, что хватит ходить по миру с сумой, как козлы за морковкой. Хватит. Пора за дело браться, державность блюсти. Возьмемся — у нас занимать будут...»

Была ли это грубая солдатская прямота или тонкий политический ход, облаченный в нарочито суконную форму, — не знаю. Знаю только, что Лебедь озвучил (пусть даже в некорректной форме) именно то, о чем думали почти два миллиона людей в погонах.

За беспрецедентную резкость высказываний о главе государства или министре обороны и открытое нежелание выполнять их приказы и директивы, любой другой военачальник давно бы «сушил лампасы» на пенсии, а может, и валился бы на нарах на Колыме.

В МО и ГШ мне не раз приходилось слышать возмущенных генералов, советовавших министру «вышвырнуть этого хулигана из армии или отдать под суд».

Но командарма не трогали и тогда, когда он позволял себе снисходительно похлопывать президента страны по плечу, напоминать ему его партноменклатурное прошлое и резюмировать, что бывший секретарь Свердловского обкома КПСС как политический лидер-реформатор «уже ничего не может».

Ельцин долго молчал. Ельцин не только не поставил на место строптивного командарма, — он присвоил Лебедю звание «генерал-лейтенант». Это повышение тогда было чем-то похоже на взятку, на сигнал «военному хулигану», чтобы он был поосторожнее на поворотах. Но не помогло.

Лебеда часто одергивали другие высокие политики за его граничащую с бестактностью прямоту. Ему не однажды грозили кулаком из Кремля и из МИДа и сурово предупреждали, чтобы «не лез в политику».

Многие офицеры и генералы МО и ГШ понимали, что Александр Иванович явно пренебрегает служебным этикетом, но редко кто открыто осуждал его. Он будто имел особое право выходить за разграничительные линии Устава: это было похоже на езду на запрещающие сигналы светофора. Лебедь как бы сам предложил Ельцину и Грачеву играть по таким

правилам. Президент делал вид, что не замечал «нарушителя». Грачев нередко «штрафовал» его, но при этом с опаской поглядывал на Верховного, пытаясь понять его отношение к Лебедю...

Лебедь расходился с Ельциным почти во всех оценках внутренней и внешней политики и военной реформы. Кардинально расходился Лебедь с Ельциным и в оценках августовских событий 1991 года, называя их дешевым спектаклем... Его книга «Спектакль назывался путч» сразу стала букинистической редкостью. Ее, словно ленинскую «Искру», тайными путями доставляли в города и села, ее ксерокопировали офицеры Минобороны и Генштаба. Не могу не процитировать, на мой взгляд, одно из лучших мест книги генерала:

«...Для чего была нужна эта провокация? Она позволила одним махом решить массу колоссальных проблем: разматывать КПСС, разгромить силовые министерства и ликвидировать в конечном счете великую страну, 73 процента граждан которой на референдуме в марте 1991 года однозначно сказали «Союзу — быть!». Горбачев М. С. на тот период был непобедим по одной-единственной причине — потому что даром был никому не нужен. Это был отработанный материал. Буш к тому времени уже успел ему объяснить, что архитектором перестройки был он, Буш, а Горбачев М. С. — только прорабом.

Партийная элита успела по дороге к светлому будущему швырнуть в урну партийные билеты, выбросить демократические знамена, развернуться на 180 градусов и начать вести нас уже к какому-то другому будущему с другим знаком. Оглянемся вокруг себя: кто у власти? Ба!.. Знакомые все лица! До недавнего времени многие из них умно и значительно смотрели со стендов под названием «Политбюро ЦК КПСС». «Предавшие однажды...» — из Библии известно.

Развалился Союз. Теперь разваливается Россия.

...А не махнули ли мы, славяне (и не славяне тоже), хрен тоталитарный на хрен демократический?»

«ЗАТКНУТЬ РОТ!»

...За резкие высказывания о политике Кремля и политиках министр обороны Павел Грачев несколько раз пытался запретить Лебедю общаться с прессой.

На следующий день после скандального заявления Ле-

беда о «козлах и морковке» из президентского аппарата позвонили министру обороны Грачеву и сделали серьезную выволочку за то, что он «распустил подчиненных». Министру было рекомендовано «заткнуть рот» командующему 14-й армией. Разгневанный Грачев в тот же день отправил Лебедю грозную шифровку:

«Командующему 14 гв. ОА.

Категорически запрещаю выступать по радио, телевидению и в печати, давать оценку происходящих событий. Оценивать действия и решения правительства Молдовы есть прерогатива правительства и Верховного Совета России. Ваша задача заключается в успешном руководстве 14-й ОА по недопущению нападений на все воинские объекты и сохранению жизни военнослужащих. Войдите в связь по телефону с президентом Молдовы Снегуром. Обменяйтесь мнением с ним по сложившейся ситуации. Об исполнении доложить мне шифром до 9.00 6. 7. 92 года.

П. Грачев

5. 7. 92.»

Пожалуй, именно с того дня между командующим 14-й армией и министром обороны началась особенно яростная схватка, которая длилась ровно три года и закончилась, как известно, выдворением Лебеда из армии.

Получив шифрограмму Грачева, Лебедь тут же ответил, что распоряжение о необходимости войти в контакт со Снегуром выполнять не намерен:

«Министру обороны Российской Федерации

...В сложившейся обстановке считаю неприемлемыми и ошибочными с моей стороны какие бы то ни было контакты и разговоры с президентом Молдовы, запятнавшим свои руки и совесть кровью собственного народа.

А. Лебедь

5. 7. 92.»

Получив столь дерзкую шифрограмму, Грачев тут же решил напомнить Лебедю, кто начальник. И опять в штаб 14-й армии полетела шифровка, в которой, в частности, были такие строки:

«...4. Выполнить мое требование, невзирая на ваше субъективное мнение, о вступлении в контакт с президентом Молдовы...»

Лебедь продолжал стоять на своем.

«Министру обороны Российской Федерации.

...При всем уважении к Вам со Снегуром в переговоры вступать не буду. Я генерал Российской армии и ее предавать не намерен.

А. Лебедь

6. 7. 92.»

Командующий армией открыто игнорировал приказ министра обороны. Запахло жареным. Закусивший удила Грачев приказывает Лебедю подтвердить «выход из-под контроля и прямое неповиновение». Лебедь в ответ:

«Вас вводят в заблуждение».

Грачев ничего не понял. Но, чтобы не выдать себя, решил перенять амикашонскую манеру разговора самого командующего и даже позволил себе некоторое подобие остроумия:

«А. И. Лебедю.

На исх. от 22. 9. 92.

...Ваш ответ настолько краток, что, учитывая среднее состояние моего ума, я ничего не понял.

...С кем Вы, кому подчиняетесь, в какой армии служите или желаете служить. Мне важна чистая правда для принятия окончательного решения нашей совместной или раздельной службы.

П. Грачев

23. 9. 92 г.»

Лебедь ответил на это длиннющей шифровкой от 24.9.92, в которой ставилось десятка три вопросов о положении 14-й армии. А заканчивалась она так:

«...14-я армия во главе с командующим задачи понимает правильно, управляема, служила и будет служить Державе российской во главе с Верховным Главнокомандующим и в рядах Вооруженных Сил под руководством министра обороны...»

Грачев был польщен столь неожиданным и в некоторой степени уступчивым посланием командарма. Он сделал вид, что забыл о невыполнении Лебедем приказа о необходимости войти в контакт со Снегуром. И даже больше — послал командарму что-то вроде комплимента в начале шифровки:

«Рад и обнадежен вашим последним докладом».

Но в конце ее все-таки не сдержался:

«Вы боевой офицер, а не бывший работник ЦК КПСС, я верю Вам и надеюсь на Вас...»

После этого темпераментная интимная переписка однополчан была прервана аж на два года. До того времени, когда началась схватка Грачева с Лебедем по поводу судьбы 14-й армии и ее реформирования.

В ОКТЯБРЕ И ПОСЛЕ

...Дискуссии о «невнятной» линии поведения Лебедея в августе 1991-го по тому же сценарию вспыхнули и после октябрьских событий 1993-го.

В своем открытом письме генералу Виктор Алкснис напоминал:

«Приблизительно за месяц до октябрьских событий Вы, Александр Иванович, прислали А. Руцкому телеграмму с призывом держаться до конца: «...если надо — поддержим. Нам ходу до Москвы — 24 часа».

О телеграммах и звонках Лебедея Руцкой в своей книге «Кровавая осень» сказал так:

«Видимо, забыл этот генерал о своих звонках ко мне и телеграммах со словами поддержки и пожеланиями держаться до конца. По всему выходит, что главное для него — карьера, собственная выгода. Вот и вся сущность этого плейбоя-болтуна» (с. 362).

Сторонники Лебедея замечали, что, много раз говоря о телеграммах командарма, Руцкой до сих пор так и не представил общественности хотя бы копию одной из них. И это, дескать, вызывает сомнение в существовании подобных документов. А ссылки Руцкого на телеграммы Лебедея (на телефонные звонки и подавно) невозможно-де рассматривать вне контекста предвыборной борьбы, в которой у нас

на Руси «все средства хороши». Тем более что именно Лебедь на парламентских выборах 1995 года «оттяпал» у Руцкого часть национал-патриотического электората.

У сторонников Руцкого — свои аргументы: часть документов бывшего вице-президента сгорела в Белом доме во время его расстрела, а другая попала в архивы спецслужб, «защищавших» БД...

Некоторую янсыность в эту весьма щекотливую ситуацию вносит сообщение ИТАР—ТАСС от 2 октября 1993 года:

«...2 октября по Тираспольскому телевидению выступил командующий 14-й армией генерал-лейтенант Александр Лебедь, который заявил, что, по его мнению, сейчас необходимо, чтобы армия сохраняла нейтралитет по отношению к событиям в Москве. Он подчеркнул, что участвовать «в этих разборках» не будет, и отметил, что выходом из ситуации стали бы одновременные выборы и избрание небольшого профессионального парламента.

По словам Александра Лебеда, и президентская команда, и команда Руцкого и Хасбулатова приглашали его прибыть в Москву и выступить в их поддержку. Однако генерал Лебедь отказался прибыть в Москву».

Идеологические цензоры ИТАР—ТАСС, видимо, не удержались, чтобы не подкорректировать информацию из Тирасполя, убрать из нее самое опасное место. Обратите внимание на фразу «одновременные выборы и избрание небольшого профессионального парламента». Нелепость получилась очевидная. И появилась она потому, на мой взгляд, что кто-то очень услужливый и бдительный всего лишь вычеркнул слово «президента» после второго слова этой фразы. А это, согласитесь, круто меняет дело, да и саму позицию бывшего командарма.

Что же касается заявления Лебеда о нейтралитете армии по отношению к событиям в Москве, то оно отвечало главным настроениям в Вооруженных Силах. Армия изначально хотела держаться подальше от политических разборок властей.

Об этом открыто говорили Грачеву и многие члены коллегии МО еще летом 1993-го. Об этом задолго до кровавого октября говорил и сам Грачев, хотя на поверку оказалось, что то было банальное лукавство: именно министр обороны, по признаниям самого Ельцина, во время тайных посиделок на президентской даче активнее всех силовиков подталкивал его к разгону Верховного Совета. Грачев даже уп-

рекал Ельцина в медлительности и говорил, что парламент «надо было давно разогнать».

Здесь стоит вспомнить и еще одну крайне важную деталь: своего сменщика на посту командующего 14-й армией генерала Валерия Евневича за участие в штурме Белого дома Лебедь впоследствии назовет «палачом»...

Однако уже вскоре после взятия БД верными Ельцину войсками — 5 октября — Лебедь прибыл к председателю Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики Григорию Маракуце и потребовал принести извинения России за вмешательство в ее внутренние дела — отправку добровольцев на помощь Руцкому и Хасбулатову. Получив отказ, 14 октября 1993 года на созданной по его инициативе сессии ВС ПМР попытался добиться отставки силовых министров республики «за причастность к событиям в Москве». Когда это не удалось — сложил с себя полномочия депутата ВС.

Черт ногу сломит. Где же истина?

ЗАГАДКИ ЛЕБЕДЯ

Дуэль между Лебедем и Руцким началась уже вскоре после августа 1991 года.

— Распространилось мнение, — говорил Лебедь, — что наш вице-президент большой демократ. Это ошибка. Наш вице-президент заносчив, как семь верблюдов. Он такой же лом, как и я. «Равняйся!» — вот и вся его демократия»... Генерал-демократ — это все равно что еврей-оленовод...

Дуэль двух генералов продолжается и сегодня. Руцкой нет-нет да и отвесит в адрес Лебедея комплимент типа «горлопан». Лебедь в свою очередь пройдет по «генералу, который не удался как сельскохозяйственный специалист».

В августе 1995 года Руцкой в одном из своих выступлений перед избирателями вновь вспомнил октябрь 1993-го. И Лебедь не промолчал. В своем интервью газете «Завтра» (1995. № 34) он возвратился к открытому письму полковника Алксниса, а попутно дал ответ на язвительные выпады бывшего вице-президента генерала Руцкого:

«...Письмо Виктора Имантовича, мне показалось, написано не им, поэтому и отвечать не стал. Не буду сейчас касаться всех аспектов этого письма. Один маленький пример рассмотрим. Якобы в октябре 1993 года Лебедь позвонил

Руцкому и сказал: «Держитесь, ребята! Через 24 часа прибудем». И ту ложь стали тиражировать. Почему ложь даже с военной точки зрения? Лебедь — генерал, и его умные люди учили. Лебедь считать умеет. Так вот, если возьмем карту, промерим самый кратчайший маршрут через территорию Украины до границы с Россией, не говорю уже до Москвы, то получится 740 километров. Если суверенная Украина пропустит, то получится трехсуточный марш только по территории Украины. Если танки пройдут такое расстояние, грунтозащепы будут стесаны, и их надо будет встречать и «переобувать». Потом еще километров 600 останется до Москвы. Еще двое суток. Мог Лебедь как генерал сказать это?..»

А уж что было — так это резкая критика бывшим командармом действий приднестровских властей, снарядивших, по его словам, для поддержки защитников Белого дома от 70 до 100 человек.

По логике Лебедея получалось: если не хочешь вмешиваться в драку сам, то не молчи, когда другие вмешиваются. В позиции генерала действительно невозможно было разобраться. Тем более что Лебедь на чрезвычайной сессии Верховного Совета ПМР потребовал отставки руководства Приднестровья за «отправку боевиков-убийц в Москву». Некоторые газетчики об этом писали так: «В те же дни Лебедь провел несколько пресс-конференций, на которых клеймил позором тех, кто пытался защитить Конституцию и парламент России...»

Журналисты и политики всегда идеологизировали Лебедея по собственному вкусу. Вот как, например, отзывался о Лебеде один из демократов первой волны, советник фонда «Реформа» Александр Ципко: «Он привлекает к себе внимание органичностью, целостностью. Лебедь производит впечатление человека, вырубленного из одного куска камня».

После перехода Лебедея в команду Ельцина о нем говорили и писали иногда так: «По существу, генерал сделал то, что делает в боевой обстановке командир, сдающий свою часть врагу». В том же духе о нем стали даже сочинять частушки: «Лебединая грация и честь, казалось всем, у птицы есть, но обманул святую Русь обыкновенный серый гусь...»

Не прислал солдат на защиту парламента — предатель Конституции и народа. Встал бы на защиту — был бы «государственным преступником». Так, наверное, бывает в любом обществе, раздираемом ожесточенной политической борьбой властей и оппозиции. В таком обществе всегда воз-

носят «своих» и нещадно бьют «чужих». Лебедю пришлось побывать в обеих этих ипостасях: он был и своим, и чужим. Ему хотелось стать «общим».

...После кровавых событий 1993 года в России развернулась активная подготовка к предстоящим в декабре парламентским выборам. Ожидалась сокрушительная победа «партии власти» («Выбор России») во главе с Егором Гайдаром. Прогнозировавшаяся победа обернулась унижительным поражением и резким взлетом популярности Жириновского.

Так называемое Конструктивно-экологическое движение КЕДР (некто вроде ведомственной партии Госкомитета по санэпидемнадзору) предложило Лебедю возглавить список его кандидатов в депутаты Госдумы. Узнав об этом, побаивающийся роста политической популярности командарма министр обороны Грачев запретил Лебедю, уже давшему согласие баллотироваться, идти на выборы. В то время я располагал информацией о том, что и президент—Верховный главнокомандующий выразил недовольство готовностью генерала сотрудничать с КЕДРом...

По большому счету, если исходить из норм Конституции, Лебедь вполне мог бы игнорировать недовольство Ельцина и Грачева, поскольку никто не мог запретить ему как гражданину использовать конституционное право избирать и быть избранным. Однако строптивый и несговорчивый генерал в тот раз все же прислушался к «рекомендациям». Так закончилась его первая попытка попробовать себя на ниве большой политики. Весьма возможно, что командарма и самого не вдохновляло участие в малоизвестном движении.

Но его фигура по-прежнему оставалась в прицеле крупных политических сил и стоящих за их спиной финансовых магнатов России.

В начале 1994 года спецслужбы Генштаба получили информацию, что якобы аналитики группы «Мост» пришли к выводу, что на ближайших президентских выборах ни Ельцину, ни Явлинскому победа не светит. Единственный способ противодействовать растущей популярности коммунопатриотов — противопоставить им связку Лебедь—Явлинский. Но сформировать эту связку не удалось, хотя НТВ, газеты «Сегодня» и «Московский комсомолец», радиостанция «Эхо Москвы» (в 1996 году к ним подключился и журнал «Итоги») длительное время вели активную раскрутку этой идеи.

ДИРЕКТИВА

В 1994 году, не сумев силой власти «поставить на место» непокорного командарма, министр обороны нашел иной способ решения «проблемы Лебеда». Под прикрытием кремлевских и мидовских установок об урегулировании молдавско-приднестровского конфликта Грачев издал директиву, в соответствии с которой получал все возможности «на законных основаниях» свести с командармом давние счёты...

Для того чтобы читателю были ясны внутренние пружины конфликта, необходимо сделать некоторые пояснения.

14-я армия дислоцировалась в Приднестровье (штаб — Тирасполь). Ей наш Генштаб отводил стратегическую роль на Южном театре военных действий еще со времен СССР. После развала Союза армия оказалась на территории Приднестровской Молдавской Республики, которую юридически не признавали (и не признают до сих пор) ни Москва, ни Кишинев, ни Бухарест.

Тут возникло явное противоречие между нашими политическими и военными стратегическими интересами. У Кремля, МИДа и Минобороны не было внятной и согласованной позиции по отношению к ПМР. В связи с этим мне довольно часто в самых высоких кабинетах МО и ГШ приходилось слышать раздраженные вопросы: «России нужно Приднестровье или нет?», «Надо нам сохранять там армию или нет?».

Ни Кремль, ни МИД ясных ответов на эти вопросы долгое время не давали. Это позволяло Кишиневу упорно развивать политику, ориентированную на «территориальную целостность Республики», игнорировать факт существования ПМР. И в конце концов — совершить акт вооруженной агрессии против «сепаратистов».

Я хорошо помню начало войны на берегах Днестра, когда из штаба 14-й армии (ею командовал в ту пору генерал Неткачев) непрерывным потоком шли в Генштаб шифровки с вопросами о том, какую позицию занимать. Бомбы и снаряды молдавской армии уже падали на головы приднестровцев, но ни Кремль, ни МИД, ни Минобороны не могли дать руководству 14-й ясных ориентировок. Из Москвы сыпались все те же указания «проявлять максимальную выдержку» и «не поддаваться на провокации».

Из Тирасполя поступила информация, что командарм Неткачев якобы «закрылся в штабе и ничего конкретного сказать своим подчиненным не может». Генерала осаждали мно-

гочисленные делегации жителей ПМР, призывавших его защитить их от агрессии.

Когда дело зашло слишком далеко и Кремлю стало понятно, что отсидеться в кустах не удастся, Министерству обороны была дана команда подобрать на место Неткачева нового командарма, имеющего опыт действий в экстремальных условиях. Выбор пал на генерала Лебеда.

...Не сумев «наказать сепаратистов» с помощью военной силы, Кишинев после войны лета 1992 года сосредоточился на политических методах решения проблемы и стал активно подталкивать Москву к переговорам. Присутствие 14-й армии в ПМР было и остается главной препоной в реализации «территориальной целостности» Молдавии. Потому Кишинев начал упорно проводить линию на выталкивание объединения из Тирасполя.

Москва так и не сумела выработать внятную позицию и «подвесила» ее в аморфном состоянии, заявив, что вывод армии будет сопрягаться с ходом урегулирования конфликта политическими методами. Но политические методы продолжали топтаться на месте, а из-за спины Кишинева и Бухарест, и Вашингтон стали давить на наш МИД с тем, чтобы он убирал армию. Рычаги давления были банальными: не уйдете — будем противиться приему России в Совет Европы, заморозим инвестиции в вашу экономику, продвинем НАТО на восток.

В сентябре 1994 года в Кишинев прибыла посол США в ООН Мадлен Олбрайт. Лебедь прокомментировал ее приезд так:

— Для США, конечно, присутствие нашей армии здесь — главная головная боль. Да что вообще за хамство? Два независимых государства решают между собой собственные вопросы, а тут приезжает некто третий и указывает, как им поступить. Но на каком, собственно, основании? Давно пора послать подальше всех непрошенных советчиков и начать жить своим умом.

МИД стал подталкивать Грачева к сворачиванию 14-й армии. Такой ход преподносился как шаг во имя укрепления демократического имиджа России и Ельцина.

Очень «удачный объективный фактор» побудил министра обороны начать реорганизацию 14-й армии, а заодно и решить свои «субъективные» проблемы в отношениях с командармом.

К лету 1994 года генерал Лебедь стал «большой костью»

в горле Грачева. На совещаниях в МО я замечал, каким недобрим огнем сверкали глаза министра, когда он говорил о Лебеде. А после того как Лебедь однажды заявил, что он, вполне возможно, станет министром обороны, Грачев уже почти не скрывал своей неприязни.

В любовую сместить командарма с должности министр, конечно, мог — «откопать» массу недостатков в работе штаба армии, уличить командарма в неоднократном невыполнении приказов. Но к тому времени известность Лебеде в стране и армии была уже столь велика, что на его защиту могли встать и многие видные демократы, к тому же Главная военная инспекция МО РФ дала высокую оценку уровню боевой подготовки объединения.

Грачев избрал более искусную форму расправы с Лебедем — сокращение армии. Тут его диспозиции выглядели прилично: во-первых, он заручался поддержкой Козырева, давно подталкивавшего его к ослаблению военного фактора в Приднестровье, во-вторых, в случае протеста можно было апеллировать к президенту—Верховному главнокомандующему, в-третьих, в его власти было загнать командарма куда-нибудь в забайкальско-дальневосточную дыру.

Директива министра была подписана 22 июля 1994 года. В ней говорилось:

«14-ю армию расформировать к 1 сентября. К 10 августа представить списки офицеров, желающих уволиться или перевестись в Россию. Полномочия возложить на командира дивизии».

Приехавший в армию в отсутствие командарма (с 19 июля у него был отпуск) зам Главкома Сухопутных войск генерал-полковник Эдуард Воробьев сообщил офицерам штаба армии, что их командующий после отпуска вряд ли вернётся в Тирасполь.

Сам Лебедь по этому поводу говорил:

— Можно провести аналогию. Если не могли убрать Горбачева, из-под него выдернули страну. Из-под меня выдергивают армию... Просто так турнуть меня с должности командарма было не за что. А настоящие герои, как известно, всегда идут в обход. Вот и решили под предлогом реорганизации армии выдернуть из-под меня управление. Хотя заранее ясно, что переподчинить армейские органы дивизионным, как это предписывается в директиве, невозможно.

Лебедь стал названивать к нам в Минобороны, в Генштаб, в Главкомат Сухопутных войск. Но никто не мог дать внят-

ных и квалифицированных ответов на его правомерные вопросы. После разговора с Главкомом Сухопутных войск генерал-полковником Владимиром Семеновым Лебедю стало ясно, что появление странной директивы было и для того полной неожиданностью...

И командарм пошел ва-банк:

— Если все будет развиваться по сценарию, предложенному министром обороны, я и дня в этой шараге, именуемой почему-то армией, не задержусь...

В те дни мне нужно было выполнить служебное задание в МИДе. В коридоре встретился с заместителем министра иностранных дел Георгием Карасиным и спросил у него:

— Не опасаетесь, что с уходом российских войск из Приднестровья снова начнется, как и два года назад, война?

Карасин ответил так:

— Как раз об этом и идет сейчас в Кишиневе российско-молдавские переговоры. Если же говорить о судьбе 14-й армии, то решение о ее выводе принимали не мы, а ваше Министерство обороны и правительство РФ. Судьбы воинских частей не в нашей компетенции...

Летом 1994 года в Российской армии произошел беспрецедентный случай: офицеры управления 14-й армии на своем собрании, вопреки воинскому уставу, обсудили директиву министра обороны, требующего реорганизации армии, и выразили несогласие с ней.

К нам в МО и ГШ в те дни поступала конфиденциальная информация о том, что в штабе 14-й армии даже майоры позволяли себе комментировать директиву министра примерно так: «Мы еще посмотрим, уходить нам отсюда или нет».

За два года существования Российских Вооруженных Сил это был первый случай массового неповиновения приказу, было совершено покушение на святой в армии принцип единоначалия. А ведь только за то, что командарм обозвал директиву министра обороны преступной, говорили наши министерские юристы, он должен был обдумывать дальнейшую свою жизнь где-нибудь на завалинке с пенсионерами...

И некоторые генералы в МО и ГШ считали, что уж теперь-то Ельцин и министр наверняка снимут дерзкого командарма с должности. Но вместо этого Верховный главнокомандующий с борта парохода, на котором прогуливался по Волге, послал генералу знаки высокого уважения. Ельцин сказал:

— Хорошо помню и никогда не забуду роль 14-й армии и ее командующего в предотвращении большой крови в реги-

оне Молдовы в 1992 году... Это одна из немногих «горячих» точек бывшего Советского Союза, которую удалось остудить, остановить насилие. И во многом благодаря генералу Лебедю. Велика его роль и в том, что сейчас обстановка там находится под контролем.

А следом за Ельциным перепуганный и недоумевающий Грачев отменил собственную директиву о порядке реформирования армии и даже пригласил Лебеда персонально принять участие в ее переделке. Пошла в очередной раз придворная игра.

Чтобы у народа не возникло впечатления о совершенно разном отношении президента и министра обороны к Лебедю, Грачев 27 августа 1995 года распространил в прессе свое заявление по поводу ситуации вокруг 14-й армии. Мне довелось работать над этим документом. Судя по установкам, которые поступили от пресс-секретаря министра Елены Агаповой, необходимо было максимально сгладить углы в неадекватных оценках Лебеда Ельциным и Грачевым. В заявлении, в частности, говорилось:

«...В публикациях ряда средств массовой информации проводится мысль, будто между президентом—Верховным главнокомандующим и министром обороны существуют разногласия в оценках заслуг генерала Лебеда и его роли в погашении кровавого конфликта на берегах Днестра. Одновременно активно муссируются слухи о том, что руководство Министерства обороны России под видом реорганизации 14-й армии намерено «свести счеты» со строптивым командармом...

Считаю необходимым заявить следующее:

Вопрос о реорганизации или выводе 14-й армии из Приднестровья нельзя рассматривать как самостоятельную инициативу Министерства обороны, отрывать его от соответствующих соглашений и договоренностей между всеми заинтересованными сторонами.

Все наши намерения по части реформирования армии, оптимизации ее организационно-штатной структуры ориентированы исключительно на соответствующие внешнеполитические решения, которые, хочу подчеркнуть особо, еще находятся в стадии окончательной проработки, и нельзя исключать, что в них будут внесены определенные коррективы президентом, правительством и парламентом.

Министерство обороны полностью разделяет высокую оценку роли армии и ее командующего в урегулировании мол-

давско-приднестровского конфликта, данную президентом. Мы отдаем себе отчет в том, какие последствия может иметь полный вывод 14-й армии из Приднестровья до окончательного устранения противостояния между Кишиневом и Тирасполем исключительно политическими способами...

Я по-человечески понимаю ту крайне сложную ситуацию, в которой сегодня оказался генерал Александр Иванович Лебедь. Мы только что встречались с ним, анализировали обстановку в объединении и вокруг него. Выработан ряд мер, которые, на наш взгляд, будут способствовать выполнению задач, поставленных перед 14-й армией...»

Много было лукавства. Я вспоминал слова замминистра иностранных дел Георгия Карасина: «Судьбы воинских частей не в компетенции МИДа». Я вспоминал высказывания людей из окружения министра: «Мы найдем способ укоротить Лебедю хвост». Я вспоминал директиву Грачева, в которой категорично указывались сроки расформирования армии. Радовало только одно — мои строки о возможных последствиях полного вывода армии с берегов Днестра остались без правки...

Помню, как состоялась весьма интригующая встреча министра обороны РФ и командарма-14. Под «прицелом» камеры телепрограммы «Итоги». Это было как бы примирение министра с командармом.

Грачев оценил поднышующую вокруг Лебедея и его армии шумиху как умышленные спекуляции определенных политических сил и сказал, что его отношения с командармом остаются нормальными. Лебедь подтвердил это одним популярным словечком «однозначно» и больше не произнес в передаче ни звука... Получился дешевый клип.

В МО и ГШ понимали, что своей директивой Грачев Лебедея из Приднестровья пытался убрать. Лебедь уходить не хотел. И на время оказался победителем.

Ельцин дал команду Лебедея не трогать. Лебедь — мужик хитрый, да к тому же еще и неглупый. Не случайно министр обороны Игорь Родионов позже скажет, что хотя Лебедь академию ГШ и не кончал, но поумнее некоторых балбесов, получивших ее диплом...

На указание Ельцина командарм тут же откликнулся в том смысле, что воля президента для него дело святое.

ХОРОШО ПОГОВОРИЛИ

Многим непосвященным в тонкости придворных интриг могло показаться, что возвращение командарма к исполнению служебных обязанностей в Тирасполе свидетельствовало о стремлении Москвы укрепить свои стратегические интересы в жизненно важном для России регионе.

Если от МИДа по-прежнему нельзя было добиться вразумительного ответа на вопрос: «Нужно ли России торопиться из Приднестровья?» — то армия, казалось, начинала наконец-то понимать и лучше дипломатов формулировать национальные интересы государства в ближнем зарубежье.

Но то была лишь иллюзия.

Мы — не американцы. У нас и национальные интересы откровенно игнорируются, если надо свести счеты с неудобными.

Прошло всего каких-то полгода — и грачевские атаки на Лебеда повторились. Была запущена в дело новая «адская директива» министра о реформировании 14-й армии. Снова командарма выдергивают в Москву. Но министр обороны не желает встретиться с ним в открытом бою, а поручает начальнику Генштаба генералу армии Михаилу Колесникову «окончательно определиться с Лебедем».

Командарм стоял на своем: «Директива министра обороны от 18 апреля о расформировании управления армией делает мое дальнейшее служение в рядах Вооруженных Сил бессмысленным».

Как же в Министерстве обороны расценивали роль и место 14-й армии, какую базу подводили под грачевскую директиву?

Когда разыгралась схватка между Лебедем и Грачевым по поводу реорганизации 14-й армии, Кремль запросил у МО пояснительный документ об армии и ее командующем, чтобы полностью быть в курсе дела. Такой документ был подготовлен и отправлен в Кремль. В нем, в частности, говорилось:

«... Что касается командующего 14-й армией генерал-лейтенанта Лебеда А. И., то в связи с реорганизацией управления армии ему предложен ряд должностей в Вооруженных Силах России, и поэтому его личное право продолжать службу в армии или подать в отставку.

Тем не менее существуют причины, способствующие разжиганию страстей вокруг 14-й армии. Это, в первую очередь,

высокая политизация офицерского состава управления армии, не желающего покидать места службы и спекулирующего на общественном мнении жителей Приднестровья, связывающих свою безопасность с российскими войсками (это уже похоже на предательство сослуживцев. — В. Б.). Другой причиной является неурегулированность политического конфликта между Кишиневом и Тирасполем, стремящимися каждый в свою пользу разыграть карту присутствия 14 А в Приднестровье и ее предстоящего вывода.

Таким образом, речь идет лишь о сокращении армейской управленческой структуры, а не о выводе российских войск из Молдавии, являющихся в настоящий момент гарантом мира и безопасности в регионе...»

НАСЛЕДСТВО

...О выводе 14-й приднестровское правительство и слышать не хотело. Юридически 14-я ОА (затем Оперативная группа) является российской. Морально она во многом была приднестровской (почти 70 процентов ее постоянного и переменного состава одно время составляли коренные жители). Тираспольцы открыто говорили, что вывести армию не дадут, что будут ложиться на рельсы, если пойдут эшелоны с боевой техникой и оружием армии. Склады с боеприпасами еще не были вывезены, но о праве на их приватизацию и Тирасполь, и Кишинев уже объявили официально.

Лебедь, еще в бытность свою командармом, заметил, что вокруг складов давно кружат люди из «горячих» точек — Чечни, Абхазии, Крыма: «Гиены кружат вокруг буйвола и будут кружить до тех пор, пока он будет стоять на ногах. И не просто прыгнут, а пригнут, стремясь упредить друг друга, чтобы урвать лучшие, наиболее лакомые куски. Вооруженный конфликт в таких условиях гарантирован. И это будет война всех против всех».

Для Тирасполя армейские арсеналы — не просто склады с оружием, техникой и боеприпасами. Это — одна из гарантий защиты независимости от притязаний Кишинева. Кишинев же стремился вытолкнуть армию Лебеда с берегов Днестра раньше, чем произошло политическое урегулирование конфликта.

Одно время мне казалось, что в Кремле хорошо поняли: молдавско-приднестровский узелок невозможно развязать,

не оглядываясь на позицию командарма-14. В те дни мне по роду службы приходилось бывать в нашем МИДе. Там я и услышал раздраженное: «Приходится вырабатывать позицию в зависимости от прихотей собственного генерала. Это уже слишком!» И шли в МО рекомендации, смысл которых сводился к одному: больше терпеть нельзя...

РАЗГОВОРЧИКИ

Мне довелось наблюдать за отношениями Грачева и Лебеда, так сказать, вблизи. Вот как отзывался о Лебеде Грачев осенью 1994 года:

— Это мужественный человек, справедливый, честный. Хотя, может быть, и недостает политической гибкости.

Не проходит и года, ситуация меняется:

— Кто такой Лебедь? Обыкновенный генерал. Хотел служить в армии 23 года — служил. Захотел стать политическим деятелем — пусть становится. Рапорт на стол — и будь здоров!

Чем популярнее становился командарм в Вооруженных Силах, тем жестче были оценки. Вот что говорил Грачев в интервью испанской газете «Паис», когда бывший командарм-14 не исключил для себя возможности стать военным министром:

— У нас в армии есть такие, кто возомнил себя способным заниматься большой политикой. И если они будут настаивать на этом, то мы им предложим выбрать между армией и политикой... Если Лебедь станет министром обороны, то он продержится на этом посту два месяца, а на третий его начнут обвинять в развале армии, в том, что реформы не проводятся, не строится жилье. И ни его отвага, ни его зычный голос ему не помогут. Кроме того, ему необходимо учиться... Он должен закончить академию Генерального штаба.

НЕДРУГИ

Некоторые высокопоставленные политики и высшие военные чины в Москве и Кишиневе мечтали изгнать Лебеда из Тирасполя или хотя бы «замазать» его. От одного из наших генштабовских генералов я узнал, что офицер ФСК получал даже специальное задание собирать «компру» на ко-

мандарма. Собирал он быль и небылицы. Не пропустил ни одной тираспольской армейской помойки. Даже служащую из аппарата командарма пытался завербовать для сбора «компры» против генерала. Да не на ту нарвался. Работал так грубо, что девушка в момент сдала его преданным людям командарма.

Но Лебедя «замазывали» по заданию Центра уже не только армейские интриганы.

«Российская газета» однажды поставила под сомнение все доброе, что сделал генерал со своей армией. Автор грязного пасквиля без тени сомнения утверждал, что «миф» о выдающейся миротворческой роли командарма в годы войны между Кишиневом и Тирасполем Лебедь сочинил сам.

В разные времена Лебедя травил не только «приватизированная» российская пресса. Преуспели в этом и ведомственные приднестровские газеты. Президент ПМР Смирнов и Лебедь стали врагами. Почти личным врагом генерала стал и Владимир Антюфеев (он же — Шевцов Вадим Георгиевич), министр госбезопасности ПМР.

Вот что в феврале 1995 года он говорил о генерале Лебеде:

— Что касается Лебедя, то он не просто не любит Смирнова или там Шевцова. Посмотрите, как все подается: «красная республика», «экспорт революции», «бандитское формирование»... То есть в общественное сознание вбивается мысль: здесь бандиты, они опасны, это нарыв, его нужно уничтожить. Общественное мнение подготавливается к тому, чтобы, когда нам вновь станет плохо, патриоты России не встали бы на нашу защиту.

Коррупция, к сожалению, есть и у нас... Мы боремся с нею и будем бороться. У Лебедя же совсем иные цели — опорочить руководство, вбить клин между ним и народом Приднестровья, расколоть и разложить республику изнутри.

Не хочу действовать по принципу «око за око», но мне доподлинно известно, что органы военной контрразведки России располагают достоверными фактами преступной деятельности военнослужащих 14-й армии конкретно, и прежде всего Александра Ивановича Лебедя. Он вовсе не без греха. Но отсутствие профессиональной смелости у контрразведки, точнее у ФСК и Военной прокуратуры России, не позволяет им действовать и осуществлять закон. Мы встречались с некоторыми из них, они говорят нам: «Да, все это есть, но вдруг он станет министром обороны? Что тогда с

нами будет?» Мы неоднократно обращались к первым лицам Администрации президента и правительства России, Верховного Совета, Госдумы, к руководству Генпрокуратуры и ФСК с просьбой приехать к нам, мы готовы все показать, — это ничем не кончалось...

Явно не симпатизирующий Лебедю Шевцов выстраивал систему своих аргументов и оценок сообразно характеру сложившихся между ними отношений. Сотни газет писали в 1992 году о выдающейся миротворческой роли генерала Лебеда на берегах Днестра. Голос генерала Шевцова звучал резким диссонансом:

— Это миф, один из многих. Коренной перелом в летней кампании 1992 года наступил 22 июня. Наши гвардейцы, наши вооруженные силы и казачество освободили Бендеры, и Молдова ужаснулась от содеянного. Несмотря на ее явное превосходство в живой силе и бронетехнике, дух нашего войска был выше, и мы могли и дальше выравнять линию фронта и полностью освободить нашу территорию... Лебедь прибыл к нам 26 июня. И прибыл с одной целью — загнать армию в казармы, потому что армия уже стала переходить на сторону народа Приднестровья. Не под юрисдикцию ПМР, а именно на сторону народа. Это был очень опасный прецедент, и он мог иметь большие последствия для развития всей ситуации в России. Свою задачу Лебедь выполнил. Мы поверили ему, мы связали его приезд с изменением отношения к нам России...

В своих амбициях Лебедь, конечно же, уже давно перешагнул пост министра обороны. Он очень много и убедительно говорит о бедах России, я бы сам раз двадцать подписался под его словами. Но они неискренни. Точно так же он говорил о бедах Приднестровья в первый свой приезд. Почувствовав наши настроения, он тогда даже сказал: «Если у кого-то партийный билет в сейфе, то у меня в кармане». Вот так же сегодня он начинает обманывать Россию...

Личностные оценки всегда субъективны. Истина же, на мой взгляд, лежит в плоскости сопоставления субъективных оценок. И я продолжаю внимательно выслушивать генерала Шевцова:

— Когда Лебедь только прибыл к нам, мы все ему поверили. Виделись почти каждый день и поддерживали нормальные деловые отношения. В минуты откровенности я доверял ему многое, рассказывал ему о своей сложной судьбе. Ведь мы, думал я, офицеры... Я симпатизировал ему и до-

верял настолько, что сам, своей рукой написал в его блокноте подлинную фамилию, потому что она довольно трудно запоминается, и все данные. Ну а потом... Он предложил мне участвовать в смещении правительства Приднестровской Молдавской Республики. Я, естественно, отказался, тогда и произошел разрыв. И вот Александр Иванович на пресс-конференции «разоблачает» меня: «Да знаете ли вы, кто министр безопасности?» И зачитывает то, что я сам написал ему...

В Приднестровье командарм раскачивается, как на трамплине, зорко присматривается, куда бы ему приземлиться...

Я познакомил с этими высказываниями генерала Шевцова нескольких офицеров штаба бывшей 14-й армии. Все дружно назвали их «полной галиматьей» и «выдумками». Теперь стоит послушать и «обвиняемого». Как Лебедь оценивал и оценивает власти Приднестровья?

Еще в бытность свою командармом в Тирасполе, генерал часто говорил, что «режим в Приднестровье мафиозный», что «власти Приднестровья делают все, чтобы порядка не было никакого. Им выгоден беспорядок, беспредел, военная истерия. Поскольку если порядок наступит хотя бы минимальный, то последует разбирательство, и те, кто восседает сейчас здесь в персональных креслах, пересядут на общую скамью подсудимых... Здесь навалом публики с уголовным прошлым. Председатель ОСТК (Объединенный совет трудовых коллективов. — В. Б.) имеет судимость, министр местной промышленности — две. Оба судимы за кражу личного имущества...»

— Я намерен принять адекватные меры к тем, — говорил Лебедь, ставший секретарем Совета безопасности РФ летом 1996 года, — кто превратил Приднестровье в один из самых популярных контрабандных коридоров СНГ.

Возникло впечатление, что он поддается соблазну использовать свою новую должность для сведения счетов с теми, кто был для него долгое время костью в горле.

Что значит «наводить порядок» в Приднестровье, в республике, имеющей независимый от Молдавии и России статус, иными словами, в иностранном государстве?

Настораживало и то, что информаторами секретаря СБ летом и осенью 1996 года были его давние сослуживцы по 14-й армии, среди которых особо выделялся военный комендант Тирасполя полковник Михаил Бергман, давно обиженный на власти ПМР. Нельзя было исключать, что «адекват-

ные меры» председателя СБ РФ разрабатывались с учетом личного мнения бывшего коменданта Тирасполя.

И уже нетрудно было догадаться, откуда поступили в Москву сведения о том, что в ПМР якобы активно ведутся переговоры некоторых действующих сотрудников ФСБ и представителей радикального крыла КПРФ с министром госбезопасности ПМР Шевцовым. Именно из Тирасполя поступила в Москву «сверхсекретная» информация о совещании руководителей спецподразделения, где было решено увеличить интенсивность боевой подготовки. Российским спецслужбам из тех же источников стало известно, что в Москву направлена группа численностью в 10 человек для «выполнения специального задания». Следов этой группы так и не удалось обнаружить, зато по высоким кабинетам ФСБ уже всеерьез гуляла утка о том, что покровители криминального мира ПМР, напуганные активностью нового главы СБ, пытаются проверить — можно ли «успокоить» его силами хорошо подготовленных боевиков...

КРО

Судя по тому, что Лебедь еще ранней зимой 1995 года стал активно контактировать с лидерами Конгресса русских общин, он уже, возможно, тогда не исключал, что придется уйти из армии.

В апреле 95-го я был приглашен на съезд КРО в качестве гостя. В то время многие генералы и офицеры Минобороны и Генштаба, Московского гарнизона стремились активно участвовать в политической жизни страны. Мне интересно было наблюдать за неким «броуновским движением» людей в погонах: одни, поверившие демократам и затем разуверившиеся в их потенциале, пополняли ряды коммунистических и национал-патриотических организаций, другие наоборот — уходили из них в надежде найти свое место в партиях «новой волны».

Интерес к КРО проявляли кадровые и отставные военные, которых объединял радикальный патриотизм и здоровый национализм. А по большому счету, нас прежде всего объединял сам Лебедь. Его сближение с КРО многие из нас расценивали как еще одну попытку создать ту политическую силу, которая сможет остановить дальнейший развал армии и государства.

Безусловно, выступление Лебеда на съезде КРО стало центральным событием дня.

— Я российский генерал и прежде всего русский человек, — сказал он тогда. — Я — гражданин России, на этой земле родился, в нее и уйду. И таких, как я, несть числа. Мы наследники тысячелетней православной России, трехвекового Дома Романовых, почти 75 лет Советской власти. И ни от кого и ни от чего в нашей истории не имеем права отказываться. Все это наше: кровавое, гнусное, героическое, прекрасное. Выводы сделать можно, переписать и переделать историю нельзя. От сознания бесчисленных трудностей, которые предстоит преодолеть, — к вере в то, что преодолеем, — вот ответ на вопрос: что делать? Мы — русские, мы все можем.

В зале грянули аплодисменты.

УВОЛЬНЕНИЕ

К лету 1995 года на Арbate заговорили о том, что «Верховный намерен Лебеда убрать». Снова вспомнили, что генерал позволял себе высказывания, которые перечеркивали его служебную перспективу: «Нельзя служить в армии, если не веришь Верховному главнокомандующему... Трудно служить в армии, когда перестал понимать действия министра обороны».

В июне 1995 года Лебедь был вызван в МО. Тут командарм написал рапорт с просьбой об отставке и письмо президенту—Верховному главнокомандующему с объяснением причин ухода.

Письма Ельцину в аппарате президента не ждали, и потому, наверное, реакция была странной: официальное сообщение, что письма генерала в канцелярии президента нет. Лебедь в ответ публично съязвил. На следующий день пресс-секретарь Медведев письмо все же нашел.

Опытный партийный аппаратчик Ельцин знал, что «надо дать вопросу отлежаться». Его пресс-секретарь заявил по телевидению, что президент поручил изучить вопрос о Лебеде министрам иностранных дел, обороны и секретарю Совета безопасности. Все нормально: привычный бюрократический круг. Ельцин не торопился принимать решение. Судя по информации, поступившей в Минобороны от «своих» источников в Кремле, там в темпе просчитывали выходы из создавшегося положения.

Генерал Александр Лебедь на посту командующего 14-й армией.

Тирасполь. Генерал Александр Лебедь был кумиром не только своей 14-й, но и всей Российской армии.

Июль 1996 года. Президент Борис Ельцин в своей загородной резиденции проводит рабочую встречу с секретарем Совета безопасности РФ Александром Лебедем.

Осень 1996 года. Секретарь Совета безопасности генерал Александр Лебедь посетил военно-морскую базу в Балтийске.

Александр Лебедь с женой Инной.

Май 1989 года. Кремль. Командующий войсками Закавказского военного округа генерал-полковник Игорь Родионов дает объяснения Съезду народных депутатов СССР в связи с трагическими событиями в Тбилиси.

Первая пресс-конференция генерал-полковника И. Родионова в качестве министра обороны.

Поздняя осень 1996 года. Владивосток. Генерал армии И. Родионов в одной из своих первых поездок в войска в качестве министра обороны РФ.

Октябрь 1996 года. Таджикистан. Министр обороны РФ И. Родионов на таджикско-афганской границе в мотострелковом батальоне 201-й дивизии, который блокирует один из караванных путей наркомафии.

Октябрь 1996 года. Таджикистан. Министр обороны РФ генерал армии Игорь Родионов и члены военной делегации МО РФ на молебне в полковой церкви 201-й дивизии Коллективных миротворческих сил.

Министр обороны РФ И. Родионов и министр обороны Украины А. Кузьмук после переговоров провели брифинг в Минобороны России.

Октябрь 1996 года. Индия. И. Родионов беседует с индийским министром обороны перед подписанием соглашения о военно-техническом сотрудничестве двух стран.

9 мая 1997 года. Президент Ельцин пожимает руку министру обороны И. Родионову перед началом военного парада на Красной площади.

22 мая 1997 года. Внутренний дворик Министерства обороны. Президента России у «крыльца» встречает министр обороны РФ Игорь Родионов.

Медведев заявил вдруг, что «президент хочет проанализировать, как Лебедь выполняет его поручение по наведению порядка в 14-й армии и восстановлению нормальной жизни в Приднестровском регионе».

Полная нелепость. Верховный главнокомандующий «поручает» подчиненному командарму делать то, что он по роду служебных обязанностей должен делать ежечасно. Тем более армия считалась одной из лучших...

Ельцин все еще «изучал вопрос». А Лебедь, как бы желая помочь ему, говорил: «У него много забот, и он не всегда имеет возможность вникнуть в суть той или иной проблемы. И вот возникает ощущение, что этим пользуются проходимцы в его окружении, которые часто подставляют Верховного главнокомандующего, толкают его на принятие непродуманных решений, за последствия которых потом отдувается народ и страна в целом, подрывается международный авторитет России...»

Когда я видел командарма летом 1995 года в приемной начальника Генштаба, у меня сложилось впечатление, что Лебедь был уверен: его из армии не уволят.

Буквально перед отъездом в Москву старик в Тирасполе просил генерала:

— Александр Иванович, не бросай нас на произвол судьбы!

— Успокойся отец, я никуда отсюда не уйду, — ответил командарм.

И все-таки ушел.

Вынудили уйти.

* * *

В конце июня 1995 года из Тирасполя в Генштаб возвратился мой сослуживец. Первый разговор — о Лебеде. Тогда я и узнал, что находившийся в войсках 14-й армии министр обороны даже не посчитал необходимым встретиться с бывшим командармом, хотя проезжал на машине в десяти метрах от общежития, где Лебедь паковал чемоданы перед отъездом в Москву. Словно и не было более 20 лет совместной службы, из которых больше половины — плечом к плечу. Журналисты спросили у Грачева:

— Не собираетесь ли вы повидаться с Александром Ивановичем?

— А кто это такой? — ответил министр и засмеялся, слово произнес нечто остроумное.

Тогда же Грачев многозначительно намекнул журналистам, будто бы у него есть документы, подтверждающие, что в штабе 14-й армии «замышлялось недоброе».

Кто-то подсунул министру сумасбродную «дезу», связанную вот с чем. В свое время к командующему армией навещался депутат Николай Травкин с тремя влиятельными казачьими атаманами. Во время встречи якобы прорабатывался «план переворота». Суть его — Лебедь увольняется из армии, прибывает в Ростов и там объявляет о создании независимой Северокавказской республики. Не мешкая, отправляет свое войско на Москву, захватывает Кремль, где и объявляет себя «самодержцем всея Руси»...

В России особенно талантливо сочиняют сказки и компромат.

Лебедь так прокомментировал намеки Грачева:

— Я хорошо осведомлен об этом «деле», но у меня слабые познания в области психиатрии, поэтому тут нужен специалист из больницы имени Кащенко...

Новый командующий армией тоже не упустил случая, чтобы насолить строптивому предшественнику: еще до отъезда Лебеда из Тирасполя у него отобрали служебный автомобиль, охрану и даже отключили телефон. Офицеры штаба армии решили действовать в пику: они отдали в распоряжение Лебеда несколько собственных машин, сами были охранниками, посыльными и грузчиками.

«В ПОЛИТИКУ МЕНЯ ЗАТОЛКАЛИ»...

Когда Лебеда уволили, многие газеты пестрели одинаковыми заголовками: «Генерал Лебедь уходит в большую политику», «Генерал Лебедь выходит на политическую арену».

Сам же генерал сказал так:

— В политику меня не просто привели — загнали!

И это страшный синдром. Когда генералы, отбросив свои танки и пушки, оттесняя политиков, вступают в политические дискуссии, рвутся в парламент, стремятся занять высокие кресла на Олимпе государственной власти, значит, страна серьезно больна. Не все даже талантливые генералы могут стать талантливыми политиками. Опасно, когда в политику приходят люди, путающие ее с полем общевойскового боя и забывающие брать слово «противник» в привычки...

И все же де Голли и Пиночеты хоть раз в сто лет, а бывают.

Так, может быть?..

...Уволив генерала из армии, Ельцин автоматически превратил его в политика, а точнее, в опасного политического противника.

Было время, когда я, глядя в простоватое лицо генерала, слыша его ревуший бас и незамысловатый слог, не очень-то верил в глубину его мыслей. Одно время Лебедь казался кем-то вроде Жириновского в погонах. Потом пришло другое понимание Лебедея. Его высказывания были дерзкими и точными. Его мысли о политике и политиках были напрочь лишены трусливой осторожности, «дипломатических генеральских соплей», как однажды скажет сам Александр Иванович.

С некоторых пор комментарии Лебедея, которые он делал в связи с актуальными событиями в стране и армии, стали своеобразным барометром того, что думало большинство военных людей. В противовес Грачеву Лебедь заявлял, что реформами в армии и не пахнет. И мало кто не соглашался с этим. Лебедь говорил, что наша военная верхушка замаралась в воровстве и коррупции. И армия была с ним солидарна. Лебедь негативно отнесся к авантюрному вводу войск в Чечню. Так же думали и сотни тысяч людей в погонах.

Однажды мне довелось видеть опросные листы с вопросом: «Кого из военачальников вы считаете самым популярным в армии?» Лебедь стабильно занимал вторую позицию в ответах тысяч военнослужащих. После маршала СССР Георгия Жукова.

Фонд Фридриха Эбберта, один из авторитетных в мире исследовательских социологических центров, провел в 1995 году опрос 650 офицеров Российской армии. По данным фонда, 58 процентов военной элиты России полностью доверяли Лебедю. И только 17 процентов — Грачеву.

Очень многие высокопоставленные военные или политики наверняка были бы польщены такими данными о своей популярности. Я помню, как «Независимая газета» опубликовала в начале 1993 года список 100 самых влиятельных политиков России, в котором Грачев переместился с 13 на 11 место. Как же радовались в аппарате министра! А как реагировал на рост своей популярности Лебедь? В одном из интервью «Аргументам и фактам» (1995. 5 апр.) он говорил:

«Плевать я хотел на всякие рейтинги. Меня это никогда не волновало и не волнует. Я живу и служу так, как считаю нужным».

ПРОЩАЙ, ТИРАСПОЛЬ

Лебедь уезжал из Тирасполя под проливным дождем. Многотысячная толпа пришла провожать его. Стоя под зонтом, он басил:

— Я уезжаю не с чувством облегчения. Мне не дали завершить начатое дело. Я покидаю этот регион со смешанным чувством. Я бы давно ушел из грачевской армии, в которой мне нет места, но чувство ответственности не позволяло мне этого сделать. В конце концов, однако, мне все равно пришлось уйти, в связи с чем я испытываю сложное чувство, скорее всего, чувство сожаления о том, что не успел довести начатое дело до конца. При помощи и моих усилий в этом регионе три года держится мир. И это уже хорошо. Но было бы еще лучше, если бы была уверенность в том, что трагедия вооруженного конфликта никогда не повторится.

Есть примета: дождь на дорогу — к добру.

Генерал Лебедь еще прощался с однополчанами в Тирасполе, а в Москве гражданские и военные аналитики уже вовсю прикидывали варианты политического поведения строптивного командарма, занявшего пост заместителя председателя Конгресса русских общин.

Но политическая жизнь — это такая шахматная партия, перспективы развития которой в нынешней России не могут предсказать самые матерые прогнозисты и астрологи.

В то время было совершенно очевидно, что политическая кооперация Скокова с Лебедем сулила обоим немалые тактические и стратегические выгоды. Противники этой «спарки» сразу же постарались вбить клин между людьми, решившими идти на выборы в одной связке.

Наверное, это извечный закон власти: для ослабления своих противников она подбирает тонко действующий яд. Но часто в роли исполнителей «заказа» вместо лис оказываются бегемоты.

В «Общей газете» публикуется сенсация: Скоков с совершенно неприущей ему некорректностью на званом вечере в московском элитном ресторане «Балчуг» вдруг заявил:

— Лебедь от природы умен, незауряден, хороший артист, умеет общаться с публикой, но образования ему не хватает. В президенты он не готов, да и на министра обороны ему еще надо тренироваться и тренироваться...

Что это — явная бестактность или тонко просчитанный блеф, чтобы скрыть от сглазу политический потенциал Лебеда да и всего Конгресса? И вот уже выстраивается тайная формула этого, не вписывающегося ни в какие логические схемы инцидента. Значит, так. Скоков — тертый политик, уже долгое время тяготеет своим положением на теневых ролях. Он наверняка рассчитывает, что Лебедь может стать отличным тараном для пробивания дверей не только в Думу, но и в Кремль. И как истинно русский мужичок, сидит с хорошей удочкой на берегу реки и на вопрос проходящих мимо рыбаков: «Как клев?» — отвечает: «Да хреновенько. Все мелочь да мелочь». А в садке, припрятанном в камышах, уже тяжело ворочается увесистая щука...

Но все оказалось гораздо проще. Скоков по-мужски прямо сказал Лебедю:

— Я этих слов в ресторане не говорил. Мне их эти сволочи приписали.

МОСКВА

Разворачивалась подготовка к парламентским выборам 1995 года. Наши генштабовские аналитики давно спрогнозировали, что генерала будут охаивать те политики, которые боятся усиления роли национал-патриотических сил. Конгресс русских общин был одной из них.

Как только официально стало известно, что Лебедь идет на выборы в составе КРО, многие генералы и полковники Генштаба и МО начали тайком активно помогать ему в разработке программных документов. Они здорово рисковали. Узнай об этом министр обороны Грачев или начальник Генштаба — не снести головы.

В то время на меня вышел человек из Главного штаба Сухопутных войск, который предложил мне «поучаствовать в благородном деле». Я согласился.

После соответствующей проверки «службой безопасности» Лебеда, мне довелось поставлять в его штаб некоторые аналитические материалы, позволяющие руководителям КРО иногда раньше министра обороны узнавать о том,

что происходит в войсках. Особенно запомнился один эпизод.

Мне необходимо было прибыть на одну из явок. Порядочно поплутав по московским улицам, закоулкам и дворам и убедившись в отсутствии «хвостов», я уже направлялся к дверям нужного дома, когда передо мной вдруг возник знакомый офицер военной контрразведки. Он многозначительно посмотрел на мой портфель. Я только и смог сказать:

— Что, следишь?

— Нет, охраняю, — с улыбкой ответил он, протягивая мне руку. Он шел вместе со мной на явку. Нас обоих «крокодилы» угощали чаем.

Быть «добровольцем» КРО было небезопасно. Каждый понимал, что стоит засветиться — увольнение. И тем не менее мы продолжали активно работать. Мы радовались каждой новой весточке о росте популярности КРО. Мы радовались тому, что Лебедь все громче и точнее говорит то, о чем думал каждый из нас.

Но наши спецслужбы даром хлеб не ели. В середине октября стало известно, что мы где-то сильно засветились. Сначала по МО пошли слухи, что о «группе поддержки» уже знает министр и начальник ГШ и что скоро начнутся чистки и расправы. Нам приказали лечь на дно. Но было поздно. 19 октября 1995 года в газете «Коммерсантъ Дейли» появилась заметка Ильи Булавинова «Лебедь рвется объединить всю армию», в которой были следующие строки:

«...В штабе КРО работают опытные военные «информационщики» и пропагандисты, «на общественных началах» Лебедю активно помогают в центральном аппарате МО, главкоматах и в штабах военных округов».

Я знал Илью Булавинова лично. Немногословный, не по годам серьезный парень. Меня в первой же беседе поразила основательнейшая его осведомленность о положении дел в окружении министра и почти обо всем самом значительном, что происходило в МО и ГШ. Стало ясно: корреспондент «КД» черпает достоверную информацию в наших стенах от весьма компетентного источника. По своим разведывательным каналам стал выявлять этот источник и вскоре его обнаружил. Им был... один из помощников министра обороны...

Предвыборная раскрутка Лебеда началась с первых дней после его приезда в Москву из Тирасполя. Он дал пространное интервью по одному из московских телеканалов, в котором отхлестал высшие политические и военные власти России. Затем побывал в Санкт-Петербурге и других крупных городах, где его встречали с почтением и огромным интересом.

В аппарате министра почти паниковали, когда стало известно, что бывший командарм посетил одну из воинских частей. Тут же последовала строжайшая шифрограмма не допускать подобного впредь. Но скрытая война между Грачевым и Лебедем, судя по всему, не угасала. Новые захватывающие бои были еще впереди.

Много головной боли добавил Лебедь Грачеву, когда решил идти на парламентские выборы в Туле. Опальный генерал имеет титул почетного гражданина города, где дислоцируется придворная десантная дивизия. Поначалу некоторые советники Грачева решили, что дивизия должна «прокатить» Лебеда, и стали разрабатывать план. Но потом от него отказались, поняв, что будет получен обратный результат. Вспомнили, как дивизии приказывали проголосовать против Ельцина, когда он избирался президентом в 1991 году. И почти 80 процентов голосов десантники отдали за Ельцина. Зная отношение военных к опальному командарму, можно было не сомневаться, что на выборах он победит.

Так оно и вышло.

Кстати, еще более внушительную победу он получил там летом 1996 года: Тульская область, как и вторая «десантная» Рязанская, отдали ему потрясающее количество голосов, которые он отнял у всех кандидатов в президенты. Да что там области! Он получил мощнейшую поддержку всей армии.

В июле 1995 года Лебедь встречался с избирателями в Питере. Кто-то спросил, чем бы он хотел заняться в случае избрания в Госдуму. Генерал ответил, что хотел бы заняться военной реформой. И неожиданно с уверенностью добавил, что собирается вернуться в армию. Его голос вдруг потеплел:

— Я ей отдал основную часть жизни, и без нее мне трудно.

Из всех гарнизонов, куда приезжал Лебедь, непрерывно шла в Москву информация: в МО бдительно следили за

«противником»... И не только следили, но и ставили палки в колеса. Это было прекрасно продемонстрировано во время встречи Лебеда с Екатеринбургским гарнизоном. Еще до прилета Лебеда в Екатеринбург гражданские и военные власти продумали целую операцию. Как только Лебедь сошел с трапа самолета, его окружила рота журналистов. И в то же мгновение были включены два мощнейших реактивных двигателя.

В день приезда Лебеда по приказу начальника гарнизона почти все офицеры отправились на стрельбы, а Дом офицеров, в котором должна была состояться встреча с избирателями, срочно встал на ремонт.

«...Неужели власть настолько глупа, — возмущался один из журналистов, — что не в состоянии понять очевидного: нелепые запреты, которые чинят Лебедею, лишь золотят нимб мученика, сияющий вокруг его чела?»

Незадолго до выборов люди из команды Скокова показали мне аналитический документ с детальным планом игры президентского аппарата с лидерами Конгресса русских общин: как именно замарать Скокова и Лебеда, какую систему интриг выстроить и даже как привлечь их на свою сторону в случае победы на парламентских выборах.

У Лебеда было огромное преимущество перед сонмищем старых и новых российских политиков, рвущихся в Думу, — он был авторитетен и чист. Даже плохо знающие его люди часто говорили одно и то же: «Вот на него посмотришь — и сразу видно, что он за народ. А все остальные только за себя...»

«КОМПРА»

...Из источников в штабе КРО стало известно, что представителям ФСБ в Приднестровье и бывшей 14-й армии поставлена задача собрать весь имеющийся компромат на Лебеда (особенно в связи с «подготовкой заговора», злоупотреблением служебным положением, продажей оружия и боевой техники). Были сведения и о том, что обильная информация поступала и от руководства КГБ ПМР.

Командир оперативной группы российских войск в ПМР генерал-лейтенант Валерий Евневич (бывшая 14-я армия) запросил эту информацию у комитетчиков ПМР, а затем предоставил ее прибывшему в Тирасполь главному редактору

газеты «Московский комсомолец» Павлу Гусеву, которого генерал-лейтенант Сергей Здориков (начальник Главного управления воспитательной работы МО) специально возил на самолете в Тирасполь. Было это в период с 12 по 16 октября 1995 года и наверняка с благословения Павла Грачева, ибо самолет без его ведома не выделялся.

В конце ноября 1995 года бывшую 14-ю армию неожиданно посетил помощник президента по национальной безопасности. Уже в день его приезда в Генштабе стало известно, что Батурин проявляет повышенный интерес ко всему, что связано с бывшим командармом. Можно было полагать, что откапывание компромата продолжалось уже на более высоком уровне.

Из источников в ГШ стало известно также, что Батурин с большим вниманием выслушивал тех, кто рассказывал ему «о создании Лебедем какой-то сверхкомендатуры Тирасполя, состоявшей из 230 странных людей». Среди них были якобы «темные, зато вооруженные до зубов личности».

В те же дни генералы Здориков и Евневич выступили по телевидению с «разоблачительными» заявлениями.

Офицеры Оперативной группы рассказывали, что Батурин уехал из Приднестровья с кипой «особых» документов, касающихся бывшего командарма. Можно было не сомневаться, что многие из них всплывут в пиковый момент предвыборной кампании.

2 ноября 1995 года в газете «Московский комсомолец» появился большой материал Будберга «Легенды и мифы 14-й армии». Чего только не приписывали Лебедею! Он и бензином, и бензовозами чуть ли не торговал, и квартиры неправильно распределял.

Один из моих знакомых в штабе бывшей 14-й армии проговорился однажды, что два человека, служивших при Лебеде в спецназе, «уже арестованы и у них берут показания». Офицер не исключал, что в скором времени будет арестовано еще несколько человек. К начальнику КГБ ПМР генералу Шевцову был откомандирован корреспондент радио «Свобода», который просил шефа сыщиков рассказать о собранном на Лебеде компромате. Шевцов отказался: «нужное время еще не пришло». Стало известно также, что уличенный в свое время в вербовке служащей штаба 14-й армии офицер ФСБ (склонял ее к сбору компромата на командарма) привлечен к «расследованию дела о заговоре».

Незадолго до парламентских выборов, когда нападки ста-

ли слишком уж яростными, Лебедь заявил в печати, что, как и предполагал, с оружейных арсеналов его бывшей армии уже «поползло» по Приднестровью стрелковое и даже противотанковое оружие. В частности, на рынке в Тирасполе стали продаваться пистолеты, автоматы и даже гранатометы. «Налево» шло не только оружие бывшей 14-й армии, но и недвижимость.

В те же дни бывший командарм говорил:

— Мне известно, например, что городок в Слободзее без всяких согласований продан армии Приднестровья за 450 миллионов рублей. Правда, где эти деньги и на что пошли — большой вопрос. Одно знаю точно: на строительство квартир для офицеров, планируемых разместить в России, не переведено ни рубля...

Что ожидало этого человека? Амплитуда предсказаний колебалась необычайно широко — от «пролета» КРО на парламентских выборах и ухода генерала в политическое небытие до торжественного въезда в Кремль на белом коне.

ПАНИКА

Один из заместителей начальника Генштаба, возглавлявших специальную комиссию МО по организации выборов в Вооруженных Силах, сообщил «по секрету», что в Кремле слишком напуганы попытками Лебеда создать общественно-политическое движение «под себя». И дал понять, что в ходе работы членов комиссии в войсках и на флотах необходимо собирать информацию и о том, как идет вербовка офицеров в «Честь и Родину».

Москва, 15 октября. Интерфакс. «Общероссийское общественное движение «Честь и Родина» учреждено в воскресенье в Москве. На специальную учредительную конференцию в российскую столицу прибыл 91 делегат, главным образом офицеры и генералы.

Перед собравшимися выступил заместитель председателя Конгресса русских общин Александр Лебедь, подробно проанализировавший ситуацию в Вооруженных Силах РФ. По мнению генерала, в последние два года развитие российской армии идет по нисходящей.

Бывший командующий 14-й армией посетовал, что современная Российская армия способна вести лишь малые войны, и то на своей территории. Он выразил сожаление, что

действиям НАТО в Боснии «Россия смогла противопоставить лишь воинственные заявления президента». «Не захотят ли наши западные партнеры воспитывать и нас военной дубинкой, не разрабатывается ли в штабах план «Буря в тайге»? — задался вопросом генерал».

Из интервью генерала Александра Лебеда газете «Труд» (1995. 11 окт.).

«Корреспондент:

— Давайте представим, что вы стали министром обороны. Что бы вы сделали в первую очередь?

Лебедь:

— Что бы я ни сказал, все равно это будет воспринято по принципу: «Каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны». Если я этим стратегом стану, то сделаю то, что нужно сделать для страны. Реформирования в армии нет и не было. Было очковтирательство чистой воды. Четыре года назад можно было говорить о плавном реформировании армии, а сейчас надо говорить не о реформировании, а о строительстве. Армия во многом разнесена усилиями того же Грачева. Задача осложнилась. Но армия, хоть и полуразваленная, все же есть. В короткий срок ее не воссоздать, но за 1—1,5 года можно сделать главное. Ликвидировать все эти ублюдошные кадрированные части, где 30 офицеров и два солдата. Пусть будет в 10 раз меньше дивизий, но они должны быть сведены в развернутые соединения. В них должно быть по 15 тысяч человек, современная система подготовки, двойная, тройная система базирования вооружений, отлаженная система переброса. И боевая подготовка!

Сильная армия — не та, которая воюет, а та, которая одним фактом своего существования убивает мысль об агрессии. Пусть это будут войска, благодаря наличию которых никто не захочет с нами связываться. И прикрываться это должно ядерным щитом...»

* * *

По мере вrastания Лебеда в политическую жизнь страны, он все чаще переходил от импульсивных оценок положения дел в армии и обществе к системному анализу причин. Лебедь, безусловно, знал, что противники часто представляют его «способным только рычать и ругаться», человеком весьма посредственных интеллектуальных способностей. И потому, стремясь доказать обратное, генерал

все чаще демонстрировал свое видение всего комплекса армейских проблем, выявлял их глубинные корни.

А из-за толстых стен Кремля, поживаясь от каждого слова Лебеда, с опаской поглядывали злые и напуганные филатовские глазки. К тому времени в народе стали популярными две лебедевских фразы: «Стоять, бояться!» и «Упал — отжался!». Иногда мне казалось, что они были обращены прежде всего к обитателям Кремля...

«ЧЕСТЬ И РОДИНА»

...Еще в тот период, когда Лебедь шел на парламентские выборы 1995 года под знаменем Конгресса русских общин, по каналам спецслужб в Минобороны и Генштаб стала поступать информация, что сторонники заместителя председателя КРО начали вести в войсках и гарнизонах активную вербовку кадровых и отставных офицеров в члены общественной организации «Честь и Родина». В октябре из Москвы в военные округа и на флоты было дано распоряжение строго контролировать этот процесс и не допускать «втягивания личного состава в политические игры». И тем не менее многие кадровые и отставные офицеры продолжали пополнять ряды новой организации.

Некоторые отставные генералы и офицеры, устроившиеся на работу в президентские, правительственные и парламентские структуры и поддерживающие тесные контакты с МО и ГШ, все чаще стали сообщать, что «вверху» очень настороженно относятся к новой инициативе Лебеда, опасаясь, что бывший командарм под видом «общественного движения» сможет создать влиятельную политическую партию, которая станет пугать карты Кремля.

Некоторые советники Ельцина на совещаниях предвыборного штаба стали высказываться в том плане, что формирование «Чести» играет на руку президенту, поскольку создание общественного движения «под Лебедем» может расколоть КРО и дистанцировать Лебеда от Скокова.

Некоторые корреспонденты, игравшие роль «засланных казачков» Кремля, стали проводить активный зондаж вокруг «Чести и Родины» и допытываться у самого Лебеда, возможно ли вообще создание серьезной общественной организации специально под него. Лебедь долго молчал, не желая говорить на эту тему. И только летом 1996 года (Коммер-

сантъ. 1996. 25 июня) решил удовлетворить любопытство тех, кого больше всего мучила «жажда»:

«— Не будем бежать впереди паровоза. Есть идея. Она пока что существует в моих замыслах. Она должна быть структурирована, должна быть утверждена и профинансирована. Тогда я буду готов ее создавать. Если завтра вдруг будет сказано, что денег нет, идея просто умрет...

— Вы думаете создать движение или партию?

— «Честь и Родина» сама деньги зарабатывает. КРО тоже. Мы не собираемся ни у кого сидеть на шее. Среди сторонников «Честь и Родины» огромное количество офицеров, которые в силу известных обстоятельств вынуждены заниматься хозяйственной или коммерческой деятельностью».

КАТАСТРОФА

...Недавно, перебирая свой архив, я наткнулся на любопытную бумажку: несколько столбцов с названиями политических партий и движений, а рядом — проценты. То был наш генштабовский тотализатор. Вместе с сослуживцами сыграл тогда в него и я. Стыдно признаться, но мой прогноз оказался самым плохим. Я рассчитывал, что КРО займет если не третье, то уж четвертое место наверняка. КРО же не сумел переступить даже 5-процентный барьер.

О причинах краха можно говорить много. На мой взгляд, изначально КРО не нашел собственной политической ниши, которая бы позволила ему не затеряться среди других движений и партий. На громких завываниях о трудной доле брошенных в ближнем зарубежье россиян, на жесткой критике просчетов режима, на лобовом патриотизме и антикосмополитизме вряд ли можно было въехать на вершину законодательной власти. Даже если повозку тащили два знаменитых «коренника» — Скоков и Лебедь.

К тому же КРО совершенно никудышне был раскручен в средствах массовой информации — регулярно мелькавшие в рекламных роликах лица Скокова, Лебеда и Глазьева погоды не делали. А если учитывать сумасшедший идеологический прессинг со стороны пропрезидентских и проправительственных СМИ, безудержные атаки на лидеров Конгресса, которые даже в отведенное им телевизионное время ничего яркого, внушительного, нового зрителям не говорили, то шансы «крокодилов» на успех были призрачными.

А если добавить к этому, что наверняка Кремль и Белый дом предприняли все возможные меры для «удушения» левого движения с самого начала подсчета голосов в Центризбиркоме, то можно легко догадаться, что «ловить было нечего»...

РАССТАВАНИЕ СО СКОКОВЫМ

При разборе причин провала КРО на выборах многие его члены посчитали самым большим просчетом то, что Лебедь шел в списке не первым, а вторым.

Поражение сильно было по политическому авторитету не только Лебеда, но и Скокова, который, судя по его высказываниям и репликам, болезненнее своих напарников переживал провал, который он «смоделировал собственными руками».

Отношения между Скоковым и Лебедем становились все более прохладными, и это еще больше усугубилось в январе 1996 года, когда съезд КРО единогласно выдвинул Лебеда кандидатом в президенты России. Вскоре Лебедь и Скоков окончательно поссорились, и предусмотрительный генерал для подстраховки организовал еще одно свое выдвижение — от инициативной группы.

Сведущие люди из КРО рассказывали мне, что поводов для ссоры могло быть два. Во-первых, брат Лебеда Алексей публично отрекся от КРО (интервью «Известиям»). Скоков в резких выражениях прокомментировал это, заявив, в частности, что без его, Скокова, денег Алексей никогда бы не стал депутатом Госдумы. В ответ на это Лебедь-старший будто бы засмеялся и ответил, что Алексей победил потому, что у него «фамилия хорошая» и деньги здесь ни при чем.

По другой версии, у Скокова были доказательства фальсификации выборов в Дагестане в пользу движения НДР за счет голосов КРО. Лебедь настаивал на раскрытии этих доказательств, а Скоков спросил:

— Зачем? Все равно бесполезно.

После январского съезда и Скоков, и Лебедь отошли от активной деятельности в КРО. На майском съезде они уже не присутствовали. В то время трудно было предсказать, в каком же лагере в конце концов окажется Лебедь. После того как он ушел в «свободное плавание», на него сразу же «положили глаз» в штабах всех претендентов на президентское

кресло. Лебедь решил было идти на выборы в составе «Третьей силы». Однако долгие споры о рейтинге с Явлинским и Св. Федоровым надоели генералу и он оставил эти несерьезные игры.

ПО ДОРОГЕ В КРЕМЛЬ

...В начале 1996 года метания Лебеда стали особенно заметны. За ним вели «охоту» политические силы самой разной ориентации. Сам же он выбрал в парламенте депутатскую группу «Народовластие» Николая Рыжкова — Сергея Бабурина.

Это шокировало кремлевских советников из штаба Ельцина. Они стали разрабатывать планы «отрыва» Лебеда от коммуно-патриотов. Ему давали понять, что он потеряет свою исключительно яркую «политическую харизму», если растворится среди «кучи коммунистических ортодоксов-динозавров».

После того как Рыжков подписал соглашение о сотрудничестве с Зюгановым, Лебедь из «Народовластия» ушел. И уже через месяц с небольшим завязал довольно тесные отношения с Григорием Явлинским. Но и здесь его постигла неудача: как я говорил, в образовавшемся треугольнике «Третьей силы» (Явлинский — Лебедь — Св. Федоров) так и не определился лидер.

Появление Лебеда и других известных фигур в составе «Третьей силы» (ее стали рассматривать как еще одну «колонну Зюганова») вызвало большую настороженность в Кремле и во всем демократическом лагере. Тем более что лидеры «Третьей силы» не исключали, что именно Лебеда они могут выставить в качестве главного кандидата в президенты.

Но вряд ли движение, появившееся на свет за три с половиной месяца до президентских выборов, было способно серьезно вмешаться в борьбу двух «титанов» — Ельцина и Зюганова. Однако сам Лебедь, похоже, чрезмерно высоко оценивал позиции «ТС»:

— В расстановке политических сил мы заняли место в центре, потому что в нынешней ситуации любой «фланг», левый или правый, для России опасен. Поэтому всех, кто вошел в нашу коалицию, мы нескромно считаем людьми здравого смысла.

В России не было политиков, которые не считали бы себя

«людьми здравого смысла». Все пришивали к своим штанам и юбкам этот лейбл. Генерал явно переоценивал политическую весомость своей фигуры и того течения, в котором он оставался игроком № 1.

У него однажды спросили:

— Почему вы решили, что можете стать президентом? Страна — это ведь не дивизия и не армия.

— Нашей стране нужен сейчас человек, который мог бы навести элементарный порядок.

Все хотели порядка. Оставалось лишь ждать, в кого в июне Россия ткнет пальцем и скажет: «Тебе доверяю навести порядок». В строю желающих уже стояло несколько десятков претендентов. Но лишь 3—4 из них имели реальный шанс получить из рук народа президентский скипетр.

Бывший командарм-14 стоял в этом строю и по старой армейской привычке выпячивал грудь колесом.

* * *

...До выборов оставалось 100 дней, а Лебедь все еще не определился. У него не было даже серьезной организации, которая бы занималась сбором подписей в его пользу. Казалось даже, что, понимая всю бесперспективность своей затеи, генерал просто стремится подороже «продать себя». Грустно было смотреть на все это. Его выступления в печати и по телевидению потеряли остроту и блеск. Его рецепты вывода страны из кризиса, его оценки первым политическим и военным персонам страна уже не цитировала. Одна из газет в марте 1996 года о бывшем командарме писала так:

«...Александр Лебедь превратился из перспективного политика, считавшегося одним из наиболее вероятных претендентов на пост президента, в рядового депутата, находящегося, в лучшем случае, в первой десятке претендентов в Кремль».

Его предвыборную программу в пух и прах разносили эксперты и аналитики. Его откровенно игнорировала президентская и проправительственная пресса. Многие в Москве уже стали поговаривать о бесперспективности его затеи.

У Лебеда еще не было крепкого штаба, не было больших денег, не было даже актива, который бы обеспечил быстрый сбор подписей.

В перспективе маячил провал...

КРЕМЛЕВСКАЯ ОХОТА

...Говорят, что первым подал идею «захомутать» Лебеда Геннадий Бурбулис, а его поддержал Сергей Филатов.

Было очевидно, что, идя на такой политический маневр, Кремль демонстрировал неуверенность в победе Ельцина. Когда власть не уверена в своей политической виктории, она выбрасывает амбиции в окно. Инстинкт самосохранения иногда даже самолюбивого льва вынуждает идти на коалицию с хромым волком...

В феврале 1996 года в предвыборный штаб Лебеда тайком стали наведываться эмиссары из Кремля, которые вели долгие переговоры с отставным генералом. Лебедь долго раздумывал. И только в апреле пошел на активные контакты с посланниками Ельцина. Эта лояльность была хорошо оплачена. Штаб Лебеда получил приличные апартаменты в Лаврушинском переулке. Существенно улучшились финансовые дела. Отставной генерал уже мог позволить себе щедро оплачивать заказные статьи и интервью в газетах и передачи на телевидении. Нашлись деньги даже для того, чтобы выписать из-за границы опытного психолога-имиджмейкера, который работал с генералом. Значительную роль в «раскручивании» Лебеда сыграл и опытный отечественный имиджмейкер Головкин.

Кремлевские посланцы все чаще стали появляться в его штаб-квартире. Некоторые люди из ближайшего окружения генерала весьма негативно восприняли это «братание». Одним из них был пресс-секретарь Лебеда Серафим Юшков, тот самый полковник, который написал в свое время письмо президенту с просьбой дезавуировать свои слова о Грачеве, как о «лучшем министре обороны», из-за чего вскоре и был уволен из Вооруженных Сил.

Юшков в среде московского офицерства был известен как очень порядочный человек, не способный в меркантильных целях изменять своим принципам. Он в глаза высказал Лебедю свое негативное отношение к заигрыванию с представителями Кремля и, пожалуй, одним из первых предостерег его, «что все это может плохо кончиться».

Почему Лебедь не прислушивался к мнению людей из ближайшего окружения, сказать трудно. Видимо, у него были свои, «высшие» соображения и расчеты...

В Кремле очень внимательно следили за тем, чтобы мощь Лебедю не сыграла против самого Ельцина. Его рас-

кручивали, строго дозируя, жестко следя за тем, чтобы он не отбирал голоса у ельцинского электората. Кто слушал его выступления, не мог не заметить, что Лебедь не сразу бросился «отрабатывать взятки», а некоторое время придерживался как бы осевой линии в своих позициях, с одинаковой беспощадностью подвергая критике старую и новую чиновничью номенклатуру.

Но по мере того как Лебедь все чаще совершал официальные и нерекламируемые визиты в Кремль, его позиция становилась все более определенной. В его выступлениях стали звучать мысли, что «о возврате к прошлому не может быть и речи», что «надо идти только вперед». С приближением к дате первого тура выборов из выступлений генерала напрочь исчезла критика главы государства. Зато с небывалой ранее силой он обрушивался на коммунистов.

А в войсках шла усиленная пропагандистская работа в пользу Ельцина. Откровенно плюя на закон, запрещающий пропаганду и агитацию в армии, некоторые московские начальники почти в приказном порядке требовали от командиров обеспечить победу Верховного главнокомандующего.

Ближе к концу дня 16 июня в Министерство обороны стала поступать по «закрытым» каналам информация о том, что «войска уходят за Лебедем». Это было крайне неприятно для тех, кто мечтал доложить в Кремль о «невиданном успехе Ельцина в армии». Оказалось, что за Ельциным ушла треть армейского электората, а за Лебедем — вдвое больше.

Армия все еще верила в Лебеда...

ПЕРВЫЙ ТУР

...После того как Лебедь занял третье место в первом туре президентских выборов, аналитики, эксперты и журналисты дружно заговорили о «неожиданной сенсации». Но, в сущности, никакой сенсации и не было. Разве любой здравомыслящий человек мог отрицать тот факт, что авторитет генерала в обществе и в армии все еще оставался высоким? Вряд ли можно было не соглашаться и с теми серьезными экспертами, которые утверждали: сумеет Лебедь более эффективно построить предвыборную агитацию, «раскрутиться» в СМИ — он занял бы не третье, а первое место.

...Многие после первого тура выборов упорно пытались понять причины дрейфа Лебеда в сторону Кремля. Часто

можно было слышать едкую реплику о том, что Лебедь «променял принципы на должность».

Наверное, он понимал, что ему не стать президентом. Коалиция с Ельциным отсекала возможность стать хозяином Кремля. Но не исключала возможности въехать в него...

Из-за кремлевских стен стала активно распускаться «сто процентно достоверная» информация, что якобы еще во время апрельской встречи Ельцина и Лебеда президент показал генералу компромат на него (будто бы тот самый, который не без помощи министра государственной безопасности ГМР генерала Шевцова был собран московскими эмиссарами еще осенью 1995 года).

В Москве опять заговорили о бесконтрольной продаже оружия в 14-й армии, о «заговоре», который будто бы готовил бывший командарм. Комментируя такие слухи еще в Тирасполе, Лебедь говорил:

— За время моей службы здесь уже семь раз работали представители Генеральной и Главной военной прокуратуры. Ни одного факта нарушений не выявлено. Ни одно уголовное дело не возбуждено. Не могут привести ни одного примера и мои обвинители. Фактов нет, а твякнуть хочется.

Многие в то время пытались обосновать причины перехода Лебеда к Ельцину.

Играли в эти игры и в нашем Генштабе. В одном из аналитических документов того периода я прочитал:

«...Становилось более-менее ясно, что такой ход президента и его команды (появление Лебеда в Кремле. — В. Б.) был рассчитан явно на то, чтобы удержать Лебеда на президентском крючке. Ибо слишком легкой выглядит резкая политическая мимикрия генерала, который за короткое время от беспощадной критики Ельцина перешел к поддержке его курса».

И действительно, такое быстрое «прозрение» человека, находившегося в жесткой оппозиции президенту, выглядело необъяснимо и загадочно. Но версий были тысячи. Всей правды — ни в одной...

ВТОРОЙ ТУР

...Накануне президентских выборов журналисты и политики нередко высказывали мысль, что ключи от победы Ельцина находятся в руках Лебеда. Перед вторым туром воп-

рос встал по-другому: Лебедь за Ельциным пошел. А пойдет ли за Ельциным электорат Лебедея?

Все прогнозы аналитиков, пытающихся утверждать, что 40 или 60 процентов сторонников генерала поймут его и поддержат президента, представлялись не более чем умозрительными. Невозможно было серьезно прогнозировать. Ибо серьезно прогнозировать можно только тогда, когда большая политика делается чистыми руками, когда в государстве строго соблюдается нравственность политической борьбы, когда законы этой политической борьбы безукоризненно соблюдают все — от провинциального избирателя до президента

В те дни к нам в Минобороны поступало много различной информации из Кремля по поводу стратегии и тактики Ельцина и его команды. Когда от одного из своих надежных информаторов в аппарате президента я услышал, что там больше всего боялись «воссоединения» Лебедея и Зюганова, мне стало понятно, чем вызвана неожиданно вспыхнувшая страстная любовь Кремля к генералу...

А из стана недавних самых ярких сторонников Лебедея стали раздаваться обвинения в «предательстве». Группа офицеров Тульского гарнизона в открытом письме генералу официально предъявила свои обвинения «перебежчику». Можно было предполагать, что коммунистический электорат, безусловно, будет черпать свое пополнение именно из этого лагеря. По сведениям, поступавшим в МО РФ из многих гарнизонов, военный люд был настроен все же слишком контрастно: одни называли генерала предателем и обещали голосовать за Зюганова и Жириновского, другие утверждали, что Лебедь поступил правильно, «прорываясь» в Кремль с дальним прицелом. И что ради помощи ему надо отдавать голоса Ельцину.

Ожидалось, что в самый канун выборов Лебедь выступит с обращением к своим избирателям и открыто призовет их отдать голоса в пользу Ельцина. По утверждению «источников» в Кремле, такими были «правила игры», о которых Ельцин и его штаб условились с Лебедем.

В то время Кремль явно расшаркивался перед Лебедем: ему предоставили конференц-зал в «Президент-отеле» для проведения пресс-конференций, ему «разрешили» провести еще одну пресс-конференцию в подмосковном Лесном городке, куда ранее допускали лишь первых лиц государства. Президентская и правительственная пресса, еще недавно

поливавшая Лебеда отборными помоями, резко сменила тон, стала громко петь оды «стороннику реформ, демократии и порядка».

В то же время еще недавно славившая Лебеда оппозиционная пресса из самых крупных калибров была по недавнему кумиру. Неисповедимы пути политической борьбы.

Конфиденциально.

Институт политических исследований.
Аналитический документ (с. 11).

«...Обновленный президент, или фактор Лебеда.

...Фактическое самоустранение Ельцина от государственных дел сразу после окончания выборов скрыло реальное содержание его победы, необходимой прежде всего его ближайшему окружению для продления срока пребывания у власти. Накануне выборов стало ясно, что старая администрация президента превратилась из аппарата по обеспечению его деятельности в источник внутренних распрей, дестабилизировавший управление страной. Обострившаяся борьба в правящем классе еще накануне президентских выборов предвещала серьезные перестановки во властной пирамиде, однако главной задачей для всех силовых аномалий в команде президента на тот момент оставалось сохранение власти. Весьма низкие шансы на победу подтвердил и первый тур голосования, после которого Ельцин был вынужден прибегнуть к помощи внешнего по отношению к своей команде субъекта. Включение в нее самостоятельного и популярного политика А. Лебеда в период выборов было оправданно и принесло свои плоды...

Популярный и независимый политик оказался не только привлекательным и полезным союзником, но и сильным конкурентом. Расчет на то, что почетное место утолит честолюбивые амбиции А. Лебеда, не оправдался, ему несмотря ни на что удалось сохранить и даже упрочить свою политическую субъектность.

Всерьез опасаясь усиления А. Лебеда, Б. Ельцин провел перестановки в своем аппарате с целью нейтрализовать его активность, сузив оперативное пространство для самостоятельных действий. Им были предприняты дополнительные меры по укреплению механизма сдержек и противовесов.

Во-первых, демонстративно назначив на более высокий пост непопулярного автора приватизации, президент тем са-

мым существенно понизил статус Лебеда и создал мощный дополнительный рычаг давления на него.

Во-вторых, возложив на А. Лебеда ответственность за урегулирование ситуации в Чечне и борьбу с преступностью, которые, по определению, невозможно решить чисто административными мерами, имеющимися в распоряжении секретаря Совета безопасности, Б. Ельцин оставил за пределами его компетенции проблемы формирования социально-экономической политики...

Вероятный провал Лебеда на этом поприще дал бы легальный повод сместить зарвавшегося генерала, обвинив его в профессиональной непригодности...

В-третьих, с целью воспрепятствовать укреплению позиций Лебеда в исполнительных структурах был предпринят ряд шагов, важнейшим из которых стало создание альтернативного Совету безопасности Совета обороны, по существу способного не просто дублировать, но и при необходимости взять на себя функции и полномочия возглавляемого Лебедем органа.

Используя рычаги государственной власти, которые были предоставлены Лебедею как чиновнику для решения возложенных на него задач по обеспечению стабильности и безопасности государства, Лебедь-политик получил возможность совершить инверсию, встав на очередном повороте российской истории во главе политического процесса. Однако для достижения этой цели ему необходимо монополизировать контроль над деятельностью силовых структур. И в этом ему на начальном этапе помогли и Б. Ельцин, В. Черномырдин и А. Чубайс, каждый из которых преследовал собственные интересы, способствуя удалению П. Грачева, А. Коржакова и М. Барсукова, прочно встроенных во властные структуры и замкнутых лично на Б. Ельцина...

Последним серьезным препятствием оставался близкий В. Черномырдину министр внутренних дел А. Куликов, смещение которого привело бы к перестановке в высших эшелонах МВД и ослабило бы наиболее вероятных соперников Лебеда в борьбе за власть после ухода с политической сцены Б. Ельцина. Этим, видимо, и была вызвана та поспешность, с которой Лебедь принялся выгонять из «берлоги» другого «пернатого» (по его собственному выражению)...

ПЕРЕБЕЖЧИК

...Летом 1996 года в головах многих гражданских и военных людей вызревал образ некоего Спасителя Отечества. Ностальгия по такому Спасителю поражала Россию и в те времена, когда многие мечтали о Корнилове, Колчаке, Деникине. После развала Союза многие часто вспоминали Сталина, Жукова, Пиночета, де Голля, Эйзенхауэра... Все эти люди, как известно, являются собой символ некоего спасительного авторитаризма.

Мне кажется, что далеко не случайно Лебедь написал на своем предвыборном знамени 1996 года именно это слово — «Порядок». А в России не хотят порядка, наверное, только бандиты.

Можно абсолютно не сомневаться: не будь на дистанции предвыборного марафона Бориса Ельцина, генерал Лебедь, наверное, получил бы голосов не меньше, чем Лужков в Москве. 14 процентов Лебеда, на мой взгляд, объективно не отражали ни реального рейтинга генерала, ни истинных результатов голосования. То была всего лишь цифра, наверняка просчитанная и скрупулезно выведенная заранее в кремлевских кабинетах.

Но Лебедь свой выбор сделал. Его позвали в Кремль. Лебедь поставил условие: отставить Грачева. Ельцин условие выполнил. Лебедь к тому же получил сразу две должности: секретаря Совета безопасности и помощника президента по национальной безопасности.

18 июня 1996 года в МО произошло то, что многие давно предвидели: министра обороны Грачева с подачи Лебеда «ушли».

Но за то что Лебедь «перебежал» к Ельцину, на него обрушилась яростная критика. Он отвечал так:

— К сожалению, нашему обществу не удалось выйти на тот рубеж, когда на президентских выборах решается всего лишь судьба претендентов, например, как в США. Если бы обстановка у нас была такой же, возможно, мои действия были бы другими. Но сегодня, быть может в последний раз, решается судьба страны и будущее наших детей и внуков. Либо они, как и мы в свое время, будут униженно ждать пайки от партийных вертухаев и лицемерно хвалить эту пайку, либо будут жить только при одной зависимости — от собственных способностей. Вот почему сегодня от этого решающего выбора не может стоять в стороне никто. И я, как гражданин, в том числе.

Это настораживало: лозунг об опоре людей на собственные силы уже долгое время был одним из самых любимых в стане демократов — особенно тех, кто успел хорошо повернуться и создать приличный капитал на «собственном деле». Лебедь принимал этот лозунг.

Лебедь явно выкручивался из щекотливого положения. Яркость языка была прежней. Не было прежней железной логики. Ее подменяли пустые лозунги кремлевского пошиба. Что-то серьезно менялось в нем в те дни.

Его продолжали бить. Он продолжал защищаться:

— Мое согласие занять государственный пост связано с неприятием некоторых способов реформирования государства, когда в потенциально богатой стране значительная часть народа несет неоправданные лишения, а кто-то из коррумпированных чиновников в это время жирует. Чтобы бороться с этими негативными последствиями, нужны полномочия. Моя задача состоит в том, чтобы перед законом снимали шляпу все, независимо от занимаемой должности, и чтобы реформы проходили в стабильной обстановке.

«Нужны полномочия»... Тут, наверное, и была вся загадка его «нелогичного» появления в команде Ельцина. Для того чтобы добиваться обещанного народу порядка, ему нужна была власть. И когда его продолжали упрекать в том, что он вошел в состав «шайки воров», что теперь он будет вынужден играть по безнравственным правилам, Лебедь заявлял, что «порядок в стране может обеспечить в значительной степени порядочность государственных мужей»...

...Чем чаще он говорил о порядочности государственных мужей, тем яростнее оппоненты пытались уличить его в противном. Его пытались подловить на всем, что могло посеять сомнение в порядочности. Особенно «обещающим» выглядел вопрос о финансировании его избирательной кампании. В определенной степени свет на это вопрос пролил начальник штаба избирательной кампании Лебеда Геннадий Тупикин:

— На начальном этапе очень было сложно с финансированием. Пока поступили деньги на официальный счет кандидатов, пока мы развернули программу fund raising — то есть обращение к деловым людям. Как и у любого кандидата, который не бизнесмен, ну как Брынцалов всегда может позволить себе сундук денег и без стеснения вести эту кампанию.

Мы долгое время его убеждали: Александр Иванович, денег нет, кандидат вы нищий. Спонсоров, чтобы видели вас как фигуру будущего, очень мало. И мы решили, что чем к

большому числу людей мы обратимся, от самого мелкого предпринимателя до наиболее крупных банкиров, и если мы своим обращением затронем какие-то струны души — то эти люди, в общем-то суровые, уже будут думать, что вкладывают деньги не просто в Лебеда, а в нормальные условия для развития их производства, или там консолидирование финансов, или... не моя сфера деятельности.

Письмо мы сформулировали и ему показали. Он прочел и сказал, что да, действительно стоит этой программой заниматься. Потому что первоначально у него было впечатление, что он как генерал не должен стоять с протянутой рукой и просить подаяния. Так вот, 32 тысячи писем мы отправили, и в результате всё-таки пошел такой вал! Даже малообеспеченные слои и то оказывали серьезную финансовую поддержку. Даже старушки — по сто тысяч рублей приносили. А чем выше, тем... А потом поступили деньги на официальный счет. Бесплатное эфирное время у нас появилось. И мы так более-менее вышли из положения. Вообще, политика и деньги — вещь специфическая. Нет денег — нет политики.

У Тупикина спросили:

— Есть мнение, что предвыборная кампания Лебеда если не финансировалась, то уж точно согласовывалась с президентом...

Он ответил так:

— Здесь ведь что? На последнем этапе Александр Иванович чаще мелькал на экране, потому что меньше было каких-то препятствий. Не было особого режима благоприятствования, но если мы эфирное время просили и у нас были средства, то без препятствий он шел на экран.

Расчет команды Бориса Николаевича на то, чтобы особо не препятствовать появлению фигуры Александра Ивановича, сыграл положительную роль. Не финансовый расчет, а чтобы не мешать, не противодействовать естественному росту авторитета и имиджа этого кандидата.

КРЕМЛЬ

...В Кремле собрался Совет безопасности. Первый вопрос — о назначении нового секретаря.

Представив Лебеда, Ельцин сказал:

— Я думаю, нет смысла говорить о его боевом пути. Есть предложение утвердить... Единогласно. Поздравляю. Так что в бой!

Лебедь встал тогда и произнес слова, которые обычно по уставу говорит военный человек, которому начальник объявил благодарность:

— Служу Отечеству!

Наверное, все же свою новую высокую должность он и воспринимал как награду.

В тот же день Ельцин представил Лебеда большой группе журналистов, собравшихся в Кремле. Президент сделал упор на то, что-де с Лебедем единомышленник и назначение его на новую должность — это «объединение двух программ и двух позиций». Было совершенно ясно: заманив Лебеда в свой лагерь, президент ждал от генерала открытого призыва отдать его голоса в поддержку нынешнего главы государства.

Лебедь все же не стал клясться в любви к Ельцину. Он хорошо знал, какую оценку это может получить у людей, которые все еще ему верили.

Во всех кабинетах Минобороны и Генштаба работали телевизоры. Не было, казалось, в нашем ведомстве человека, который был равнодушен к тому, что происходило в Кремле в те минуты.

Когда церемония представления закончилась, прозвучал вопрос:

— Как это все понимать?

— А понимать так, — сказал кто-то, — многие мечтают о драке. Лебедь думает о России.

Красиво, но туманно.

Один из наших отставных полковников понимал случившееся так:

— Бывают на свете люди, которым кондуктор разрешает доехать до нужной станции хотя бы стоя в тамбуре. А к назначенному пункту они подъезжают уже в элитном спальном вагоне...

В те дни в МО и ГШ можно было услышать и другие суждения: «Вот использует Ельцин Лебеда для своей победы, а потом выбросит на улицу».

Лебеда не только военные, но и гражданские пострадавшие типа бывшего пресс-секретаря президента Павла Вошанова предрекали судьбу Руцкого...

С первых дней пребывания Лебеда в новой должности буквально каждый его шаг подвергался критике. В газетах почти всех политических направлений можно было прочитать, что Лебедь в новой должности успел согнать с места

министра обороны Грачева, следом за ним уволить семь высших генералов — заговорщиков надуманного «ГКЧП-3», подготовить список на увольнение еще нескольких десятков генералов и полковников, поучаствовать в разгоне былых фаворитов президента Коржакова—Барсукова—Сосковца, смертельно обидеть Чубайса, Шумейко и даже секту мормонов, из-за чего Кремлю довелось выслушать официальный протест американского правительства...

— Все это может плохо кончиться, — глубокомысленно заключил отставной полковник Петрович. — Лебедь сделал свое дело, Лебедь может улетать...

В Генштабе он славился тем, что все его прогнозы сбывались.

Лебедь на пресс-конференции сразу после назначения на пост секретаря Совета безопасности сказал:

— Народ России не должен больше страдать от разборок политиков.

В России нет политика, который бы не переживал из-за страданий народа. Но народ от этого не перестает страдать...

За четыре месяца пребывания Лебеда в должности секретаря СБ он допустил немало серьезных ошибок. Уже с первых дней работы на Старой площади он стал окружать себя «своими людьми». Появление некоторых в ближайшем окружении Лебеда вызвало искреннее удивление у многих на Арбате. К примеру, офицера Управления военной политики Минобороны полковника Владимира Денисова. Ходили слухи, что он якобы предоставил Лебедю богатый компромат на генерала Бориса Громова, когда в Кремле стали поговаривать о его возможном назначении на пост министра обороны (информация об этом мелькнула и в прессе). Лебедь буквально одной фразой срезал Громова на пресс-конференции: «Громов хороший генерал, но разменял себя на пятаки». Этого стало достаточно, чтобы Ельцин засомневался и вычеркнул генерала из списка кандидатов на высший военный пост...

Военная элита этот поступок Лебеда не одобрила: мол, если с такой опрометчивой легкостью Лебедь и дальше будет решать судьбы заслуженных людей, то от личных симпатий или антипатий Александра Ивановича теперь будет зависеть вся кадровая политика в Вооруженных Силах...

Приступив к работе в СБ, Лебедь пошел на кардинальные кадровые решения: он урезал штат Совета с 400 до 183 человек, уволив при этом двух замов из трех. Он оставил

лишь одного прежнего заместителя — генерала Валерия Манилова. Он, рассказывали, сумел предоставить Лебедеву необходимую документацию о деятельности СБ, в то время как другие сотрудники не горели желанием отчитаться по рабочим документам. И все же Манилову не удалось «пленить» нового шефа: Лебедь держал его в «черном теле» до тех пор, пока не представилась возможность спихнуть ловкого аппаратчика в Генеральный штаб на высокую должность первого заместителя начальника Генерального штаба. Такое назначение, помнится, вызвало удивление у многих сотрудников ГШ, поскольку двух «чистых» первых заместителей в ГШ никогда не было, а круг служебных обязанностей Манилова, на мой взгляд, был явно надуманным...

Генерал Лебедь в армии считался человеком твердого слова. Он и сам о себе говорил: «В моей биографии нет ни одного случая, когда бы я нарушил свое слово». Но стоило ему допустить всего лишь одну промашку — и о нем заговорили, как о «пустослове». Речь вот о чем. В те дни было опубликовано его интервью «Новой ежедневной газете», в котором на вопрос: «Как идут ваши консультации по кандидатуре военного министра?» — Лебедь ответил: «Успешно. В понедельник-вторник назначим».

Но указанные им дни миновали, а назначение главного силовика не состоялось. Это не осталось незамеченным в войсках и вызвало некоторое разочарование в кумире.

ПРОТИВОВЕС

...Многие аналитики ГШ не без основания считали, что Ельцин лишь на короткое время даст возможность Лебедеву потешиться полученной властью. То был очевидный ход старого партийного волка. Было совершенно очевидно, что Ельцин не мог допустить наращивания силы секретаря СБ. И потому он возвратил в Кремль «хорошо поработавшего» Чубайса...

Конфиденциально.
Институт политических исследований.
Аналитический документ (с. 12).

«...Появление А. Чубайса, по всей вероятности, позволит «сгладить» отношения не в обществе и даже не в парламенте, а только в ближайшем окружении президента, и лишь от-

части. Внутренняя стабильность этого окружения испытывает весьма суровое испытание возвышением А. Лебеда. По мнению ряда аналитиков, интеграцию генерала А. Лебеда в элиту нельзя расценивать как ловкий ход команды президента, обусловленный логикой предвыборной борьбы и необходимостью решения болезненных кадровых вопросов. Рекрутирование А. Лебеда, по некоторым данным, вызвало волну надежд, пробудило активность среднего управленческого аппарата различных ведомств, уже давно проявлявшего недовольство стилем поведения, бесконтрольностью и вседозволенностью правящей элиты...»

У Ельцина были наверняка и другие расчеты. Он не мог не понимать, что устранение Грачева по требованию Лебеда, а вместе с ним и группы высших генералов разжигает аппетит у его помощника по национальной безопасности. Потому он так долго не позволял Лебедю «перешагнуть через себя», когда тот продолжал усиленно лоббировать на пост министра обороны начальника академии Генерального штаба генерал-полковника Игоря Родионова. Ельцин явно затягивал решение этого вопроса. Всем было ясно, что между Лебедем и Ельциным шла схватка за первого человека в армии, а итог ее покажет, чья взяла.

Появление на посту военного министра «человека Лебеда» могло означать победу его линии. Это сильно било по самолюбию Ельцина и его окружения, которое бдительно отслеживало малейшее усиление позиций Лебеда и сопротивлялось ему.

Приняв решение войти в команду Ельцина, Лебедь согласился войти в круг людей, привыкших играть по собственным правилам, но принес в Кремль свой устав. Он бросил вызов целому клану людей, хорошо устроившихся под крылом президента. Такое не могло прощаться.

«ГКЧП-3»

...Ранним летом 1996 года в Минобороны многие поговаривали, что еще во время одной из первых предвыборных встреч Лебеда и Ельцина в Кремле Александр Иванович якобы показал Ельцину список из 15 высших генералов. Их увольнение было одним из условий поддержки президента.

Судя по тому, что первое увольнение из МО и ГШ пошло «оптом», Ельцин принял лебедевский план кадровой чистки в высших кругах военного руководства.

И все же увольнение Грачева и еще семи высших генералов по так называемому «делу ГКЧП-3» было весьма неоднозначно воспринято в военном ведомстве и в войсках. В целом отмечая правильный курс некоторых кадровых решений Ельцина и Лебедея, многие генералы и офицеры высказывали негодование в связи с тем, что ни Ельцин, ни Лебедев толком не объяснили причины смещения с должностей каждого из генералов.

Вскоре после этого случая многие у нас в МО все чаще стали вспоминать 37-й год, когда черные «воронки» тайком увозили в неизвестном направлении безвинных людей.

На этажах МО и ГШ все чаще открыто звучали слова о кадровом произволе президента и секретаря Совета безопасности. Генералы и полковники были не против того, чтобы Верховный главнокомандующий убрал «задумавших недоброе» генералов. Они требовали, чтобы Ельцин и Лебедев объяснили, за что именно эти генералы смещены со своих постов: «Провинившихся, безусловно, надо убирать, но при этом армии нужно разъяснять причины всех этих пертурбаций»...

Никто ничего не разъяснил.

СХВАТКА

...Уже вскоре после того как Лебедев возглавил СБ и разобрался в задачах и структуре этого органа, наметил план его реконструкции, он стал активно прорабатывать вопрос о своих полномочиях. Ему необходимо было четко определить границы своих «политических владений» и административных прав. На это с большой опаской поглядывали ревнивый Чубайс, обиженный смещением с должности помощника по национальной безопасности Батурин и насторожившийся мощным взлетом генерала Черномырдин. Все они были готовы бороться с Лебедевым «за каждый миллиметр» властных полномочий. Всегда выдержанный и корректный председатель правительства в то время явно занервничал и однажды, когда журналисты спросили у него, что он думает о расширении полномочий Лебедея, Виктор Степанович недобро сверкнул глазами:

— Какие еще полномочия?! Их и так у Лебеда достаточно! Черномырдин явно подыгрывал Кремлю.

В то время все, кто должен был в Кремле, в правительстве поделиться с Лебедем властью, напоминали мне красноармейцев, защищающих летом 1941 года Брестскую крепость. «Ни шагу назад!» — было их общим лозунгом.

Но Лебедь прекрасно понимал, что без сильных властных полномочий его превратят в свадебного генерала, и потому упорно шел к намеченной цели. Он объяснял это так:

— Проблем назрела масса, и для того, чтобы их решать, нужны серьезные властные полномочия... Но я еще раз хочу подчеркнуть, что не собираюсь довлеть над всеми, не собираюсь брать какие-то излишки власти. Страна большая, страна разная, работы хватит всем, проблем много. Но их придется решать, решать во имя будущего.

Чем активнее Лебедь стремился определить свое место в системе кремлевской власти, тем сильнее ему оказывали сопротивление. В сущности, шла явная и скрытая игра «на оттеснение» секретаря СБ от рычагов влияния на положение дел в государстве. В Кремль вызывались «свои» корреспонденты различных СМИ, которых откровенно натравливали на Лебеда.

4 июля 1996 года на брифинге для российских и иностранных журналистов секретарь СБ изложил свою позицию по этой проблеме:

— После моего вхождения во власть достаточно упорно муссируются слухи о тех непомерных дополнительных полномочиях, которые я якобы возжелал на себя возложить. Хочу сразу заявить, что я не монстр, я человек, я — гражданин России. Это — моя страна, я намерен здесь долго жить, здесь строить свое будущее, будущее своих детей и внуков. И меня, как гражданина России, не могут не волновать многие и многие вопросы, связанные с безопасностью моей страны. А власть ради власти мне не нужна.

Тогда же, в июле 1996 года, он неожиданно пожелал встретиться с корреспондентом «Нью-Йорк таймс» Майклом Спектором. Накануне к Лебедею с просьбой уточнить позиции в отношении мормонов обратились лидеры еврейской общины в Москве.

Рассказывая о встрече с генералом, Спектор отметил, что Лебедь понял, что его откровенные высказывания о евреях, о войне в Чечне, о желании унаследовать место Ельцина могут показать, что он не спаситель демократии в России, а угроза

ей. И вот, стремясь, как сказал генерал, объясниться и рассеять ложные сомнения, он и обратился к американской газете.

В разговоре со Спектором он признал, что у него натянутые отношения со многими кремлевскими коллегами, но повторил свое желание стать президентом. При этом добавил: «Если они не застрелят меня перед тем». Было похоже, что он уже не уверен в собственной безопасности и поэтому телохранителями назначил верных людей из штаба 14-й армии.

Приход Лебеда в Кремль заставил многих представителей высшей государственной власти внести серьезные коррективы в свою «деятельность». Те планы своей борьбы с коррупцией, которые обнародовал секретарь СБ, вызвали серьезную озабоченность в среде многих «хорошо устроившихся» людей, для которых мутная вода была идеальной средой обитания...

ФИЛОСОФИЯ

...Уже, наверное, лет десять я пытаюсь понять этого человека, ставшего одной из одиозных фигур политической жизни России конца XX века. И прихожу к выводу, что совершенно бесполезно втискивать Лебеда в какие-то общепринятые нормы. Бесполезно искать нормы и принципы там, где их нет (или если они «демисезонные»).

Словами и действиями своими он постоянно ломает привычные логические схемы и часто идет как бы сам против себя.

17 июня 1996 года он уже знал о проекте указа о назначении его секретарем СБ и тем не менее решился на весьма опасный выпад против Ельцина:

— Обнародованное действующим президентом страны решение о переводе армии в 2000 году на контрактную основу — абсолютный миф. В мире есть только две страны — США и Великобритания, — имеющие полностью профессиональные армии. Даже Германия и Франция этого себе пока позволить не могут, а уж что говорить об экономически разбитой России, где промышленность лежит, а сельское хозяйство в конвульсиях дрыгает ножкой...

Мне казалось, что на такие ходы способен только человек, у которого напрочь отсутствует способность просчитывать последствия своих слов и действий. Посудите сами: на столе Ельцина лежит указ о назначении Лебеда секретарем

СБ. Все решено. Осталось лишь подписать его. Завтра генерал займет место в Кремле. А в это время в кабинет Ельцина заходит его помощник Батулин и говорит:

— Борис Николаевич, только что Лебедь публично назвал вчерашний ваш указ о профессиональной армии «абсолютным мифом»...

Всем было «нельзя». Лебедю было «можно». Есть в этом «загадочная» логика.

* * *

Пожалуй, только однажды был период, когда Лебедь «сбавил обороты» в остроте своих оценок Ельцина и когда, напротив, в них стала улавливаться совершенно несвойственная генералу конъюнктурная комплиментарность. Было это сразу после президентских выборов 1996 года.

— Президент определенно изменился. Примером тому может служить даже мое назначение. Согласитесь, что я — нечто доселе невиданное в Кремле... Теперь страна сделала свой выбор. Все будет нормально. Мы начнем медленно, поэтапно очищаться. Начнется восхождение. Я в этом не сомневаюсь.

Через четыре месяца он уже забудет о «восхождении» и начнет страшить соотечественников большой вероятностью социального взрыва...

Но люди, для которых он был символом борьбы с демократическим произволом, с теми, кто своими бестолковыми реформами проводил эксперимент над Россией и ее армией, эти люди были шокированы «изменой» генерала и потому продолжали упорно допытываться, почему он решил стать на сторону Ельцина.

Лебедь отвечал так:

— Потому, что в нашей стране борются две идеи, у каждой из них примерно одинаковое число сторонников. Старая, отжившая, потребовавшая десятки миллионов жертв и принесяшая нашему народу неизмеримые страдания, и новая идея, по которой живет весь мир...

Лебедь некогда утверждал: «Демократической власти у нас нет, и я не рассчитываю до нее дожить. Демократическое общество строится столетиями по кирпичику, и надеяться на моментальный переход от тоталитарного режима к демократии не приходится»...

На кирпичиках российской демократии не засыхает человеческая кровь...

...Ввод войск в Чечню в декабре 1994 года командующий 14-й армией генерал-лейтенант Александр Лебедь назвал «дурью и глупостью» и добавил, что его подчиненные ни при каких обстоятельствах не будут участвовать в военных действиях. Когда же в прессе стал муссироваться вопрос о возможности его перехода в Министерство обороны, чтобы возглавить операцию на Северном Кавказе, Лебедь не без сарказма заметил, «что если разговор идет о выводе российских войск из Чечни, то я готов эту операцию возглавить». Развивая эту же тему, он с той же язвительностью говорил, что готов воевать в Чечне, если полки и дивизии будут укомплектованы детьми членов правительственной и президентской администраций.

Он вместе со всеми, кто хотел побыстрее установить мир на Кавказе, искал пути прекращения русско-чеченской бойни.

— Меня сегодня больно задевают события в Чечне. И мои прогнозы на дальнейшее их развитие весьма печальны, хотя по натуре я оптимист. Сегодня говорят о том, что «блицкриг» не планировался, но это чистейшее вранье. Выходит, планировалась вот эта многомесячная бодяга, в которой все больше увязает Российская армия?

Размышляя о способах решения чеченского кризиса, Лебедь одно время полагал, что необходимо «начать с того, чтобы освободить Чечню от российского бюджета. В Чечне уже канули 7 триллионов рублей, следующие 16 триллионов должны быть «инвестированы» в ничто аналогичным образом. Чеченцы должны заявить о своей воле на референдуме. Если народ пожелает независимости, пусть ее получит. 150 лет российско-чеченских отношений — это в лучшем случае скрытая вражда, а так — открытая война»...

Летом 1996 года можно было заметить, что Лебедь иногда отступал с ранее заявленных позиций либо вообще отказывался от них. Он начинал поправлять самого себя, уточнять собственные высказывания. Это особенно заметно было тогда, когда он говорил о чеченской проблеме.

В июле Лебедь в беседе с одним из немецких журналистов заявил, что он не возражал бы против независимости Чечни. А в беседе с корреспондентом «Нью-Йорк таймс» неожиданно сделал поворот на 180 градусов, назвав чеченских сепаратистов бандитами, а Чечню — частью территории России. И при этом особо подчеркнул: «Только с такой позиции

мы можем рассматривать вопросы войны и мира там». А вопрос о независимости ЧР уже охарактеризовал как «глупость»...

В январе—феврале 1996 года в России развернулась очередная дискуссия по поводу чеченского кризиса. Включился в дискуссию и Лебедь. Он высказался... против вывода войск: «Это обыкновенный популистский лозунг: прежде чем выводить российских военных из Чечни, кто-нибудь подумал, куда мы их поселим, чем будем кормить, найдем ли для них работу?»

Несостоятельность этих вопосов, на мой взгляд, была очевидна. Что значило «куда мы их поселим?». Туда, где они жили и раньше. Что значило «чем будем кормить?». Естественно, тем же, чем и всех остальных военнослужащих. Что значило «найдем ли для них работу?». О какой работе речь, если военнослужащий, возвратившийся на место постоянной дислокации своей части, приступит к той же службе, которой он занимался до Чечни.

Раньше я редко сталкивался с тем, чтобы наши военные, большинство из которых симпатизировало Лебедю, категорически не соглашались с ним. Но после таких заявлений многие говорили, что «не понимают генерала»...

В одном из интервью он стал говорить о необходимости забрать русских в Россию и расселить их на деньги, «которые Москва тратит в ЧР неизвестно на что». Но «забрать русских» означало и другое — признать Чечню полностью суверенной республикой. В очередной раз на Арбате затевались ярые дискуссии по поводу того, «прав или не прав Лебедь». Впрочем, такая мы страна: у нас избыток демагогов и дефицит тех, кто способен предлагать умные решения сложных проблем.

Чем дольше длилась «странная» чеченская война, тем чаще люди задавались вопросом: а кто же конкретно повинен в развязывании этого побоища? Лебедь отвечал так:

— Главные виновники, видимо, сидят в Москве. Еще много предстоит разъяснить. Кто позволил выгнать из Чечни наши войска, оставить там оружие и боеприпасы, которые попали

в руки Дудаеву? Кто отвечает за потери огромного количества нефти?

Он на многих замахивался, для многих становился неудобным и, более того, опасным.

После трагических событий в Кизляре он прислал в «Интерфакс» личное заявление, в котором, в частности, говорилось:

«...Повторение в дагестанском городе Кизляр июньских событий прошлого года в Буденновске свидетельствует о том, что нынешние власти России не способны справиться с ситуацией, которую они сами же породили, спровоцировав новую кавказскую войну. Налицо агония прогнившей государственной машины, полная неспособность правящей верхушки правильно оценивать ситуацию в стране, делать верные выводы, принимать эффективные меры. Пока Россией будет управлять нынешнее правительство, пока не будут восстановлены мощь, авторитет, компетентность и скоординированность силовых структур, налажена система управления государством в целом, никто не гарантирован от постоянного повторения подобного рода трагедий и народ будет пребывать в заложниках у собственных политиков».

Одним из ключевых лозунгов предвыборной программы Лебеда были его слова: «Я уже остановил одну войну, я остановлю и другую». Это заявление даже для многих сторонников генерала выглядело излишне амбициозным. Он слишком многим рисковал. По этому поводу его противники не без сарказма замечали: «Уже почти два года никто в Москве не может ничего сделать для того, чтобы загасить костер братоубийственной войны, а он, Лебедь, видите ли, один умнее всех! Еще посмотрим, что из этого выйдет».

Обещание остановить чеченскую войну его политические противники на выборах называли откровенным блефом. А он упорно заявлял: «Все свои предвыборные обещания я выполняю».

* * *

Став секретарем Совета безопасности, он долго не ехал в Чечню «останавливать войну». Это давало повод недругам генерала вволю поупражняться в различного качества остротах. Косяками пошли критические статьи, смысл которых сводился к одному: «Вы обещали остановить войну, так почему же этого не делаете?»

А действовать он, похоже, не спешил. Иногда действительно создавалось впечатление, что генерал, подобно другим кандидатам в президенты, откровенно блефовал. Десятки эшелонов с людьми и военной техникой шли на Кавказ, а обратно везли человеческие трупы и искореженные танки и пушки. Казалось, что это будет продолжаться вечно. Лебедь нашел свою, внешне, возможно, недопустимо ерническую, но по сути страшно эффективную форму протеста против чеченской войны. Он говорил:

— Пришла весна, кусты зазеленели, каждый день будет 10—20 трупов российских солдат. Но ничего, русские мамы еще нарожают...

И уже гораздо серьезнее, выступая в апреле 1995 года на съезде Конгресса русских общин, он в тишине зала произнесет:

— Полыхает война в Чечне. Видимо, во имя тех, кто рассуждает о скорой победе русского оружия на Кавказе. Войну от моря до моря, всеобщую, получить можно, а победить в ней нельзя. Не бывает в гражданских войнах победителей.

Эту мысль он будет повторять многократно, до того момента, когда в Хасавюрте, сидя рядом с начальником штаба чеченской армии Асланом Масхадовым, он возьмет ручку и подпишет соглашение о прекращении войны...

ХАСАВИЮРТ

Молва об успешных переговорах с чеченцами быстро облетела Москву и всю Россию. Но беда была в том, что результаты его работы наша политическая элита в те дни часто оценивала с точки зрения своих узкопартийных интересов. Чем успешнее действовал Лебедь в Чечне, тем громче становились споры о его юридических полномочиях, о правильности выбранной им политической стратегии и даже о том, не «предает ли интересы России» секретарь СБ...

Когда же в Хасавюрте ему наконец удалось сделать то, что не удалось десяткам других российских политиков, разразился скандал. Политики разных мастей, казалось, не обращая внимания на то, что произошло историческое событие, вдруг разом стали спорить о том, какие последствия акция Лебеда будет иметь для России. Его упрекали в предательстве национальных интересов. То, что надо было ста-

вить генералу в заслугу, соперники ставили ему в вину. Лебедь остановил войну. Оказывается, «не так»...

Одним был нужен мир. Другим — политические очки.

Непонятная моя Россия! Шла война — плохо, закончилась — опять плохо.

В начале октября 1996 года на заседании Государственной думы, куда был приглашен и Лебедь, обсуждалась ситуация в Чечне и хасавюртские соглашения. Самым яростным критиком выступил министр внутренних дел РФ генерал Анатолий Куликов. И на то были особые причины.

6 августа 1996 года большая группа боевиков ворвалась в Грозный. После этого Москва рядом «капитулянтских» соглашений вынуждена была отступить и вести дело к прекращению боевых действий. То был очень сильный удар по самолюбию наших силовых министров, подчиненные которых откровенно прошляпили молниеносно проведенную операцию чеченцев. В парламенте подняли вопрос о наказании виновных. В конце августа Ельцин поручил Совету безопасности проверить обстоятельства захвата Грозного и представить доклад. Проверкой занимался лично Лебедь. Его «закрытый» доклад вскоре лег на стол Ельцина.

В своем докладе Лебедь в числе главных виновников трагедии, повлекшей большие человеческие жертвы в рядах частей ВВ и небольшого отряда МО, называл высшее руководство МВД. Такой вывод был сильным ударом по министру Куликову. Ельцин высказал ему свое крайнее негодование.

На заседании Госдумы министр с большим трудом скрывал свою неприязнь к Лебедю и был необычайно щедр на крайне резкие оценки его работы в Хасавюрте: «фикция, стержень которой — решить проблему отделения Чечни от России самым выгодным для Чечни и унижительным для России образом», «очередной виток национальной измены», «недаром этим соглашениям аплодируют те силы, которые стремятся к распаду РФ».

В защиту Лебеда выступил только его неудавшийся союзник по предвыборной кампании Григорий Явлинский, предложивший депутатам «самим взять ружья и пойти воевать в Чечню».

Потом слово дали Лебедю. Он тяжелым танком проехал по «хворосту» аргументов противников хасавюртских соглашений и заявил, в частности: «Все разговоры о том, что Россия уходит из Чечни, являются кощунственными... Она не

уходит и не может уйти, она всего лишь облагоразилась и прекратила то, что ее позорило и могло бы позорить еще многие годы».

Отстаивая свою позицию, Лебедь утверждал, что предстоящее обновление статуса Чечни должно быть основано на балансе взаимных интересов сторон, что при выработке особого статуса Чечни в составе РФ должен быть реализован ряд принципов, в частности безусловное прекращение боевых действий с обеих сторон, а также минимальное присутствие в ЧР федеральных вооруженных сил и только в случае, угрожающем национальной безопасности России.

Комментируя выступления оппонентов, Лебедь сказал, что готов «с фактами и цифрами разбить прозвучавшие политические и общечеловеческие глупости», и напомнил, что текст соглашений был выработан на Совете безопасности под председательством Виктора Черномырдина. И при этом генерал особо подчеркнул, что «там же был и глава МВД Анатолий Куликов».

Попытка выбить секретаря Совета безопасности из седла думским молотом потерпела провал. Тогда был обнаружен убийственный компромат на секретаря Совета безопасности, якобы тайком сколачивающего свое националистическое войско. Ельцин среагировал быстро и сурово. Лебедь был изгнан из Кремля.

И даже то, что несколько месяцев спустя суд признает обвинения в адрес Лебеда абсолютно безосновательными, уже не будет играть роли. Если чего не любит высшая власть России, так это восстанавливать справедливость — особенно тогда, когда надо признать несправедливость собственных решений.

ПОСЛЕ КРЕМЛЯ

После изгнания из Кремля Лебедь на некоторое время «залег на дно». Ближе к декабрю 1996 года в средствах массовой информации появились сообщения, что бывший секретарь Совета безопасности России активно занимается организацией съезда своего движения «Честь и Родина», которое должно стать составной частью создаваемой им Российской республиканской народной партии (РРНП).

От сослуживца по Генштабу я узнал, что уже в конце января 1997 года планируется опубликовать программу РРНП,

которая, по его словам, значительно ограничит президентскую власть, «поделив» ее между правительством, парламентом и Конституционным судом. От него же мне стало известно, что большая группа действующих и отставных генералов и офицеров МО и ГШ вступила в РРНП на правах членов движения «Честь и Родина» и что только по Московскому гарнизону к 1 января 1997 года более 700 военнослужащих уже состояли в «партии Лебеда». А организации движения «Честь и Родина» созданы более чем в 67 регионах России.

В те дни лидер Российской республиканской партии Лысенко, комментируя усилия Лебеда на партийной ниве, с явной ревностью заявил, что присутствие на учредительном съезде РРНП большого количества действующих офицеров является «плохим признаком», поскольку, мол, это несет в себе опасность «милитаристской идеологии» и превращения армии в самостоятельную политическую силу.

АМЕРИКА

В последней декаде декабря 1996 года Лебедь отправился в США по приглашению Совета по международным отношениям, а также Никсоновского центра. Президентом центра был бывший москвич Дима Симес (в США — Дмитри Саймс), который женат на дочери советника Ельцина по внешней политике Дмитрия Рюрикова. Все эти обстоятельства вызвали повышенную настороженность в среде того крыла сторонников Лебеда, которое отличалось «повышенной температурой» национал-патриотизма и с большой подозрительностью относилось к Саймсу и его родственным узам с Рюриковым.

Подозрительность эта имела под собой почву: Саймса в Москве не раз видели в кругу первых лиц государства и среди самой влиятельной политической элиты России. По весьма загадочному стечению обстоятельств Саймс почему-то становился «талисманом» для тех русских политиков, которые всходили на вершину: так в свое время было с молодым Ельциным, так было с Чубайсом, так было со Скоковым.

Саймс почему-то всегда появлялся рядом с ними в США во время посещений Белого дома. И то, что именно Саймс был одним из инициаторов поездки Лебеда в США, вызывало немалые подозрения. Когда я поделился этими своими

опасениями с одним из активистов движения «Честь и Родина», он с улыбкой ответил:

— Александра Ивановича ни за какие деньги никто не купит.

Сомнения несколько развеялись, когда от телохранителя и помощника Лебеда Владимира Грибова стало известно, что генерал действительно отказался от денег американского Совета по международным отношениям, когда тот предложил «усеченную форму спонсирования», которая Александра Ивановича не устраивала. Грибов утверждал, что Лебедь приехал в США на средства своих единомышленников.

Когда в конце 1996 — начале 1997 года Лебедь только начинал «повторную атаку на Кремль», политические оппоненты весьма бдительно следили за финансовой стороной его деятельности и не упускали случая, чтобы разыграть этот вопрос в невыгодном для генерала свете. Все заметные финансовые расходы Лебеда тут же становились достоянием гласности.

Когда Лебедь с женой побывал на одном из представлений в Малом театре, а затем зашел за кулисы и вручил руководителю театра Юрию Соломину 10 тысяч долларов, один из ярых «неприятелей» генерала — корреспондент радио «Свобода» и газеты «Московский комсомолец» тут же разразился ехидной статьей «Деньги для адъютанта его превосходительства»...

Как только Лебедь сделал первые шаги по американской земле, его тут же спросили о цели визита. Он ответил, что прибыл в США, «чтобы понять, что такое подлинная демократия, в условиях которой России предстоит жить в не столь далеком будущем». Такое оптимистическое заявление резко отличалось от его же утверждения, сделанного всего полгода назад: «Это дело долгое, и вряд ли до времен демократии я доживу».

Опыт США показывает, говорил тогда Лебедь, что демократия вполне совместима с сильной властью, а России сейчас нужно и то, и другое. Мысль была очень верная и вряд ли кто не понял намек на то, кто именно может олицетворить в России эту сильную власть...

Лебедь вояжировал по США, а с него не спускали глаз десятки осведомителей, непрерывно докладывающих в Кремль обо всех контактах генерала — сотрудники посольства РФ в США, военного атташата, корреспонденты «прирученных» газет и телекомпаний и даже глубоко законспи-

рированные разведчики СВР и ГРУ. Можно было не сомневаться, что в Москве без особого восторга читали длинные шифровки из Вашингтона о ходе визита и характере контактов.

Мне довелось видеть один из документов, в котором с дотошными подробностями докладывалось о встречах Лебеда с бывшим президентом США Джорджем Бушем, бывшим его советником генералом Brentom Скоукрофтом, бывшими госсекретарями Джеймсом Бейкером и Генри Киссинджером, известным миллиардером-финансистом Джорджем Соросом, начальником русского отдела госдепа Хербстом, личным другом президента, исполняющим обязанности госсекретаря Струобом Тэлботтом, министром обороны США Уильямом Перри, председателем комитета начальников штабов генералом Джоном Шаликашвили...

В ходе бесед с американскими политическими деятелями и бизнесменами Лебедь, по сути, объявил о двух «среднесрочных» вариантах продолжения своей политической карьеры: либо возвращение в Совет безопасности РФ, либо губернаторство в Туле. Долгосрочные планы все те же — президентство.

Можно себе представить, какую нервозность это вызывало в Кремле среди тех, чья политическая карьера держалась исключительно на покровительстве Ельцина, который только-только пережил сложнейшую операцию и еще не было никакой ясности относительно перспектив его выздоровления.

И хотя Лебедь имел весьма достоверную информацию о состоянии здоровья Ельцина, он заявил, что о выборах нового президента России можно говорить лишь в 2000 году. А сам он постарается использовать предстоящие четыре года для того, чтобы получить необходимый ему политический опыт.

В интервью корреспонденту «Уолл-стрит джорнэл» Лебедь предположил, что его смещение с должности секретаря Совета безопасности РФ было связано с болезнью президента, «которого обмануло его окружение». Поэтому он, Лебедь, надеется, что, выздоровев, Ельцин изучит этот вопрос и пересмотрит свое решение. Генерал не исключал, что они еще будут работать вместе, «так как обязательно придет время, когда Ельцин поймет, кто обманул его»...

В США писатель Юрий Милославский спросил Лебеда, не просчитался ли он, поддержав Ельцина после первого тура президентских выборов. Лебедь ответил:

— Это был выбор между «плохо» и «очень плохо». Я выбрал «плохо». Я себе положил: два месяца продержусь в чужой для меня стае. Продержался четыре. Неплохо. Я поступил правильно и не дал развернуться стране в очень плохую сторону. А это могло произойти.

Выступая перед журналистами в Нью-Йорке, Лебедь обрушился с критикой на министра внутренних дел РФ генерала армии Анатолия Куликова: «До тех пор пока в России преступный министр внутренних дел, под его крышей прячется мафия. Те, кто должен бороться с мафией, наоборот, ее создают». Лебедь «отдавал долги» Куликову за глубокие раны, нанесенные осенью 1996-го...

Перед вылетом Лебедея из Нью-Йорка в Вашингтон российский журналист Владимир Козловский спросил, какое впечатление вынес генерал из первых встреч на американской земле. Он ответил:

— Я увидел команду, которая продолжает работать. Потому, что любит свою землю. Желает ей всяческого блага. Мы ходили с Бушем по ипподрому. Такое теплое, живое, человеческое к нему отношение. Люди подходили, улыбались, здоровались... Честное слово, вызывает белую зависть. У нас кто-то при власти, ему памятники ставят, цитаты выпускают. Умер. Три дня тишины. Потом выясняется: «Ух, гад был!»

А в это время в Москву продолжали идти шифровки: Лебедь почти пять часов провел в Совете по международным отношениям, где его очень доброжелательно представил бывший госсекретарь Генри Киссинджер. На следующий день Лебедь завтракал с бывшим послом США в России Джеком Мэтлоком. Бдительные хронометристы не забыли указать, что именно к 12 часам дня длиннющий черный лимузин «таун кар» с генералом подкатил к дверям синода Русской зарубежной церкви, снимающей с начала 50-х годов несколько помещений в огромном доме на 93-й улице. Лебедя встретили владыка Михаил и владыка Гавриил. Присутствующие соборно спели генералу «Многая лета», после чего он более двух часов отвечал на вопросы...

В докладных особый акцент делался на тех моментах, которые свидетельствовали о негативном отношении к Лебедю. В частности, представитель Конгресса русских американцев Петр Будзилович заявил, что его организация считает смещение Лебедея с поста секретаря Совета безопасности России «огромной моральной победой», и заметил: «С нашей точки зрения, много бед происходит из-за отсутствия

морали». На что Лебедь в привычной прямолинейной и весьма жесткой форме парировал:

— Я ее, мораль, везде искал. И в церкви искал православной... Я человек мирской, можно сказать, многогрешный — десантников тяжело сравнивать с ангелами, — и вдруг увидел, что люди, которые по сану должны быть благочестивее, должны к свету разума вести, так они грешнее меня... Это не зарубежной церкви касается, это отечественной — православной. Погрязли они в разных прегрешениях... Я туда подошел и отошел...

Не ускользнуло от взора кремлевских соглядатаев и то, что бывший ленинградец, а ныне нью-йоркский дизайнер Юрий Ярмолинский подарил Лебедю майку собственного изготовления с надписью «Упал. Отжался. Победил».

ГЕРМАНИЯ

В середине января 1997 года Лебедь вновь отправился в зарубежное турне. На этот раз — в Германию. И снова к нему было приковано повышенное внимание Кремля и России в целом. В условиях углубляющегося политического и экономического кризиса, практически полного отстранения Ельцина от управления страной из-за серьезной операции, после которой он вскоре опять слег, выход энергичного и острого на язык Лебеда на политическую арену многие аналитики истолковывали как начало его предвыборной кампании. А зарубежный визит, в ходе которого состоялись встречи Лебеда с видными политиками и бизнесменами ФРГ, был хорошим средством популяризации генерала, к которому все пристальнее присматривался Запад. И не только присматривался, но и подавал явные знаки готовности к сотрудничеству: по каналам спецслужб в Москву пришла конфиденциальная информация о том, что германское турне финансировали влиятельные общественные организации и фирмы, среди которых были концерны БМВ и «Маннесман».

В Германии Лебедь заявил в одном из интервью:

— Я хочу стать президентом, и я им стану.

Но ведь были на сей счет и другие слова:

— Я в президенты России не собирался, не собираюсь и, думаю, никогда не соберусь. Каждый баран должен нести свои рога...

ПЕРСПЕКТИВА

...Сегодня о Лебеде говорят, что он «чужой для власти и для оппозиции». Его называют «политиком второго эшелона». И прикидывают, каковы его шансы в предстоящей борьбе за президентский пост.

Пока диспозицию отставного генерала вряд ли можно назвать сильной. Наоборот, в ней стали обнаруживаться серьезные слабости: Лебеда почти «забыла» пресса, его имя мелькает на слуху лишь тогда, когда он появляется в эпицентре региональных выборов, чтобы оказать поддержку своему кандидату. У Лебеда нет постоянной публичной трибуны, и он хорошо сознает, чем это чревато: от своих помощников он в последнее время особенно настойчиво требует добиваться, «чтобы пресса не забывала о нас», искать любой повод для привлечения общественного внимания.

После нерекламируемых переговоров Лебеда с влиятельными американскими бизнесменами в Кремль по «спецканалам» было доложено, что отставной генерал больше озабочен не финансовой, а информационной поддержкой Запада...

Подпортил имидж Лебеда скандал с компилированной статьей в «Известиях», из-за чего он расстался со своим пресс-секретарем. Люди из штаба генерала все чаще жалуются на нехватку свежих интеллектуальных сил.

Квело идут дела с формированием его партии, которую остряки уже обозвали «партией палаточников». Программные документы новой партии ничем не отличаются от манифестов любой другой партии левоцентристской ориентации. Расчеты на то, что в нее придут бывшие «однопольчане» генерала по КРО, не оправдались — появилось чуть больше полутора тысяч человек.

Неважно «раскручивается» его движение «Честь и Родина». Судя по всему, появление организованного генералом Львом Рохлиным общественно-политического движения в поддержку армии составит немалую конкуренцию сторонникам Лебеда. Социологи отмечают понижение уровня популярности Лебеда в Вооруженных Силах. Не падает его рейтинг пока еще только в Воздушно-десантных войсках.

Лебедь все чаще начинает высказывать прогнозы, которые не сбываются. Поздней осенью 1996 года он говорил: «Как только у людей закончатся запасы картошки, так и наступит кризис». Генерал был убежден, что предотвратит воз-

можное всенародное восстание, «по сравнению с которым события в Боснии и Албании покажутся не более чем пикником на лужайке, можно лишь с помощью новых досрочных президентских выборов».

Прошла весна, всенародного восстания не случилось.

А нас по-прежнему стращают волнами народного гнева, которые вот-вот девятым валом захлестнут Россию. Шесть лет из окна Генштаба я высматривал эти волны, но кроме пикетов и демонстраций, иногда очень жидких, ничего не видел.

Когда-то я ходил на митинги с участием Лебеда как на концерты Пavarотти и жил надеждой, что жизнь изменится. И чем дальше она не менялась, тем яснее становилось, что ни митинги, ни демонстрации, ни импичменты, ни зубодробительные статьи в оппозиционной прессе ничего не способны изменить в стране, где политическая власть все больше начинает зависеть от власти денег.

Когда Лебедь в очередной раз говорит о грозящем вскоре России коллапсе, люди замечают, что Александр Иванович с такими прорицаниями становится похожим на банальных «непримиримых», которые уже несколько лет подряд то и дело пророчат социальный взрыв...

Как и любой другой политик, отлученный от рычагов власти, Лебедь поставлен в положение человека, который спасается тем, что не дает забывать о себе комментированием событий в стране, скандальными сенсациями и критикой власти:

— Россия неуправляема. В ней вакуум власти. Глава государства в больнице, председатель правительства в отпуске, народу не платят зарплату, экономикой никто не занимается. Чем дольше у власти будет регент, тем тяжелее будут последствия, за которые кому-то придется отвечать...

Такой политической рефлексией уже никого нельзя удивить.

Размышляя о дальнейшей политической судьбе Лебеда, я часто думаю и о том, что он чрезмерно часто эксплуатирует свое самое любимое оружие — критику власти. Но сегодня Ельцина и правительство критикуют все. Критика — единственный отечественный товар, цена которого почти нулевая...

Даже сторонники Лебеда все чаще начинают говорить, что их лидеру нужна сильная конструктивная программа. Особенно — по части экономики. Но генерал честно признался

как-то: «Я в ней ничего не понимаю». Пока он наиболее силен в военных вопросах.

И в Москве, и во время зарубежных поездок я не однажды задавал один и тот же вопрос видным политикам и военным: чем вызван интерес Запада к Лебедю? Ответы были разные по форме, но одинаковые по существу: «А вдруг Лебедь станет президентом?», «В России нельзя класть яйца в одну корзину», «Надо дружить с каждым, у кого в ранце может оказаться президентский жезл»...

На Лебедея втихаря многие толстосумы Запада продолжают «ставить». Это особенно нервирует Кремль. Там, наверное, многое бы отдали, чтобы узнать, кто именно субсидирует нередкие зарубежные поездки генерала, которые иногда требуют сумм в пределах 200—300 тысяч долларов. И, судя по всему, проблем с этим у генерала нет.

Лебедь уже хорошо знает, что говорить Западу: «Только я смогу стать реальным гарантом для иностранных инвестиций в русский рынок». Иностранцы, с трудом сдерживая смех, говорили мне, что это же постоянно твердят Ельцин, Черномырдин, Чубайс, Немцов, Жириновский и даже Собчак...

Лебедь уже хорошо знает, как «работать» и с российскими финансово-промышленными и другими структурами, от которых можно получить солидную поддержку. Его штаб установил хорошие контакты с ними еще в период президентской кампании 1996 года. Как и западные, российские банкиры и бизнесмены тоже делают свои нерекламируемые «ставки» на Лебедея. Его сторонники в последнее время регулярно контактируют с банками «Российский кредит», «Национальный резервный банк», «Токобанк», «Автобанк» и с другими банками федерального уровня, а также с региональными банками Калининграда, Челябинска, Красноярска, Санкт-Петербурга. По некоторым «разведанным», летом 1996 года штаб Лебедея запросил у них сумму в 320 миллионов долларов. Есть сведения, что большую финансовую поддержку оказывает генералу армянская диаспора, которая за один раз перечислила его партии 240 миллионов рублей...

Судя по всему, Лебедь уже хорошо понял, что даже самая высокая популярность в нынешней России еще не дает политику гарантии победы на президентских выборах без мощной финансовой поддержки «снаружи и изнутри». И если к моменту предстоящих выборов он сумеет добиться правильного сочетания стратегии пропагандистской кампании, организационной работы своей партии в регионах с мощным

финансовым обеспечением, даже «купленный» с потрохами Центризбирком будет не в силах помочь Кремлю привести к власти своего кандидата...

На него еще очень многие в России возлагают надежды как на спасителя Отечества. С его именем народ все еще связывает надежды на порядок, на «сильную руку». На фоне все учащающихся скандалов, связанных с нечистоплотностью фаворитов президента, их «пожарными» методами решения проблем и беспомощностью, все большей зависимостью от Международного валютного фонда — образ решительного и непроворовавшегося Лебеда по мере углубления кризиса и криминализации страны будет смотреться все более выигрышно.

Народ устал от разговоров о реформах. Он хочет их видеть и делать. Не случайно в штабе Лебеда сейчас все чаще задумываются о главном лозунге предстоящей президентской гонки, которая может начаться гораздо раньше 2000 года...

Лебедь заявляет, что «намерен взять власть цивилизованным путем». Он заявляет о своей 100-процентной уверенности в том, что следующим президентом России станет именно он. Потому что «надо успеть запаршивевшую страну подхватить на руки»...

Я вспоминаю его интервью немецкому журналу «Шпигель» в июне 1996 года. Генерала спросили, может ли он стать президентом России к 2000 году. Он ответил: «Возможно, и раньше...»

До новых президентских выборов в России еще много времени, но уже сейчас начинает выстраиваться очередь претендентов на пост главы государства. Среди лысых и чубатых, среди старых и молодых, среди черных и рыжих политиков, среди тех, кто уже стоит у «корыта» власти и кто только хочет продвинуться к нему, маячит хорошо знакомая России фигура бывшего командарма...

Глава 9

ГЕНЕРАЛ РОДИОНОВ

СОРОК ПЕРВЫЙ

ФЕДЬКА

...Я сижу на совещании в кабинете министра обороны, вполуха слушаю однообразно унылые доклады главкомов о положении в войсках и одновременно наблюдаю за тем, как вальяжно прохаживается по толстому ковру любимец Родионова кот Федька — самый информированный в военно-стратегическом отношении российский кот. Часто он запрыгивает в большое кожаное кресло и там, уютно свернувшись в пушистый калач, засыпает. И только когда хозяин кабинета начинает слишком громко кого-то костерить или в очередной раз почти кричать по телефону Виктору Степановичу: «Где деньги?» — Федька лениво приоткрывает свои плутоватые глаза и сочувственно поглядывает на взволнованного хозяина. Кот ежедневно слышит здесь одни и те же слова: «нет денег», «нет реформы», «нет боеготовности», «нет совести». Мне кажется, что очень скоро он начнет их вымякивать.

Намедни был в этом кабинете министр финансов России Александр Яковлевич Лившиц. Такой остроумный и в очках. Родионов с ним опять о деньгах говорил. Человек этот вроде бы не жадный — денег обещал и даже бутербродом своим с Федором поделился. Денег почти полтора триллиона дал. Но потом Игорь Николаевич ему по телефону опять кричал:

— Александр Яковлевич, ты меня без ножа режешь!

Пришел бы этот финансист еще раз, что ли. Денег много не даст, хоть бутерброд после него останется.

Да, тяжело быть министром. И котом при таком министре быть непросто. Лежа в кресле, Федор размышляет о том, что от уровня финансирования армии теперь стало зависеть и его, так сказать, котячее благосостояние...

ВРЕМЯ

...Каждому министру обороны История отмеряет свое время. Одному доставались черные годы военного лихолетья, другому мирный период, третьему короткая или длинная, трагическая или славная военная кампания. Четвертому суждено было попасть в конфузию, испытать хулу и весь остаток жизни потом терпеть страдания. Бывали у нас опальные военные министры и министры-фавориты. Бывали министры, при которых армия жировала и при которых вынуждена была ту же затягивать пояса.

Когда я размышляю о судьбе сорок первого министра обороны России генерала армии Игоря Родионова и пытаюсь определить его место в отечественной истории, то прихожу к выводу, что ему досталось понемногу от судьбы каждого из сорока предшественников. Но только при нем армия доведена властью до такого унижения, когда она вынуждена выпрашивать у государства подаяния хотя бы на то, чтобы не протянуть ноги с голоду.

Из досье:

**Министр обороны Российской Федерации
генерал армии РОДИОНОВ Игорь Николаевич**

Родился 1 декабря 1936 года в селе Куракино Сердобского района Пензенской области. Русский.

Окончил Орловское танковое училище (1957), Военную академию бронетанковых войск (1970), Военную академию Генштаба (1980).

Прошел практически все основные командные должности от командира взвода до министра обороны.

В 1985—1986 годах командовал 40-й армией в Афганистане, был уполномоченным правительства СССР по делам временного пребывания советских войск в Демократической Республике Афганистан. После этого состоял в должностях первого заместителя командующего войсками МВО, командующего войсками ЗаКВО, начальника академии Генерального штаба ВС РФ.

Военное ведомство РФ возглавил в июле 1996 года.

В мае 1997 года указом президента России освобожден от занимаемой должности. . .

Его послушной список вызывал уважение даже у недоброжелателей. По должностям «через ступеньку» не скакал, в теплых местах не засиживался. Бывшие до него министрами обороны Язов, Шапошников и Грачев пользовались особой расположенностью президентов. У Родионова все было наоборот: попал в немилость к Горбачеву после событий в Тбилиси, а Ельцин упорно его «не замечал» аж до лета 96-го. Когда же стал министром и про него заговорили как о «человеке Лебедея», ворчал и обижался на прессу за этот «лебедейбл». Быть «ничьим» — его принцип.

Уже вскоре после того, как Родионов занял свой кабинет в Минобороны, вместо портрета Ельцина над рабочим столом министра появился российский герб.

Родионов сказал:

— Служим не президентам, а народу...

Его сорок с лишним лет службы Отечеству вместили в себя гигантскую мощь и нищету Вооруженных Сил, афганскую войну и трагедию Тбилиси (в которой его сделали крайним), многолетнюю «ссылку» в академии Генштаба и развал Союза, растаскивание армии по национальным квартирам и горькую обиду за незаслуженную опалу. И как запоздалый знак торжества справедливости, как признание весомости его авторитета, профессионального опыта и морального права быть первым генералом в армии — пост министра.

У кресла министра обороны есть несколько особенностей: в него садятся либо слишком рано, либо слишком поздно. В нем либо засиживаются, либо не успевают толком посидеть. В России ничего не делается вовремя и в меру. И редко что делается по справедливости.

ХАРАКТЕР

Еще с лейтенантских пор Родионов прослыл среди начальства человеком ершистым и самостоятельным в суждениях. Часто то в упрек, а то и в вину доводилось ему слышать о себе: «Больно уж умный».

В армии ум иногда относится к категории человеческих недостатков.

Родионов не соглашался с легендарной армейской половицей «Я начальник — ты дурак», пытаясь доказать свое: «Ты — начальник, но я тоже не дурак».

Многие сослуживцы Родионова по знаменитой Железной дивизии до сих пор помнят случай, когда высокий московский инспектор распекал строптивного заместителя командира танкового полка за «самодеятельность» в выполнении поставленной на полигоне задачи. Но вместо того, чтобы виновато опустить голову и повторять: «Виноват, товарищ генерал!» — майор Родионов пытался доказывать правоту своих действий. Такая дерзость воспринималась как хамство.

— Хреново тебя учили в академии, майор!

Когда же майор сообщил проверяльщику, что академию он, между прочим, закончил с золотой медалью, инспектор пришел в ярость:

— Я тебя вместе с золотой медалью сгною на этом полигоне!

Конечно, встречались на пути Родионова люди, которые умели по достоинству оценить и самостоятельность его решений, и умение творчески обучать подчиненных тому, что необходимо на войне. Железная дивизия была в ту пору особым соединением. Туда регулярно приезжало высокое московское военное начальство, чтобы во время учений апробировать все самые передовые оперативные и тактические замыслы. Однажды в Железку прибыл министр обороны СССР маршал Гречко. Дивизия, что называется, была поставлена «на уши». От того, как она сработает на учениях, во многом зависела дальнейшая карьера многих окружных и дивизионных начальников.

На министерских учениях полку подполковника Родионова была поставлена сверхзадача — это когда в экспериментальных целях дается заранее невыполнимый приказ, а начальство смотрит, до какого рубежа войска его могут выполнить. Затем анализируются их действия и делаются выводы о том, как повысить их боеспособность.

В установленное время министру доложили, что полк Родионова задачу выполнил полностью.

— Вы мне бросьте тут ерундой заниматься! — обрушился на представителя штаба военного округа Гречко.

Тогда штабист протянул маршалу бинокль:

— Можете сами посмотреть.

Министр убедился, что танки находятся на «сверхрубеже».

— Командира полка ко мне!

На командном пункте учений в присутствии окружного начальства Гречко сказал:

— Этот подполковник осенью должен прибыть на учебу в академию Генштаба.

Но приказ министра обороны не был выполнен: окружное начальство рассудило, что подполковнику Родионову «надо еще поднабраться опыта». Дорога в академию Генштаба открылась ему, только когда стал уже командиром Железки.

Закончив академию ГШ и пройдя несколько командных должностей, генерал Родионов получил назначение в Афганистан. К тому времени даже в высоких кремлевских кабинетах знали, что стали водиться за Родионовым различного рода «грешки»: на многих, даже очень высоких, совещаниях костерил он застой в армии и призывал к ее конструктивному реформированию с учетом меняющихся внутренних и геополитических условий. Он громко стал говорить об ответственности государственных политиков всех рангов за положение в Вооруженных Силах, о необходимости перестройки всей оборонительной инфраструктуры государства.

Но критика — дело нехитрое. Этому и без академии Генштаба генералы успешно учатся сами. Разница лишь в том, что одни бесплодно брюзжат, а другие предлагают конструктивные варианты исправления недостатков. Родионов предлагал конкретные планы спасения армии от намечающегося развала. Предлагал не безликой «власти», а конкретной, называя по именам всех, кто эту власть олицетворял. И тогда в Кремле на него стали посматривать, как на «опасного» генерала. В конце концов с ним поступили так же, как в стародавние времена поступали с негодными генералами — сослали подальше от столицы на очередную войну — афганскую...

«За Черную речку» (так тогда в телефонных разговорах кодировался наш ограниченный контингент в ДРА) ехал в качестве командующего 40-й армией и одновременно — уполномоченного правительства СССР по делам временно пребывающих советских войск в Демократической Республике Афганистан. Уполномоченный правительства не имел даже собственного угла и потому, довезя жену до Ташкента,

оставил ее там в военной гостинице. В ней Людмила Ивановна и прождала его всю войну.

Когда Родионов вырвался на несколько дней из Афганистана в Москву (на партийный съезд), то захватил жену в самолет по пути из Ташкента — иначе так и не увиделись бы.

На съезде он должен был выступать. В те времена было принято согласовывать тексты с минобороновским начальством. У фронтовика Родионова текста выступления не было — только написанные от руки тезисы. А начальникам он честно признался, что будет настаивать на выводе его армии из ДРА. И хотя в то время идея эта уже гнездилась даже в самых тупых головах, озвучивать ее раньше первых партийных бонз считалось грехом. Выступить ему не дали. Но тезисы забрали. Позже Родионову стало известно, что документ этот все же попал в руки Горбачева и дал ему важный «позитивный капитал», когда выработывалось решение о выводе наших войск из Афгана.

После войны генералу Родионову места в московских штабах не нашлось. Он все так же требовал реформы в армии и государстве, критиковал высшие власти за невнимание к Вооруженным Силам, предлагал свои концепции. Короче, афганская ссылка нужной воспитательной роли не сыграла. Требовалось «повторить». Родионов получил назначение на должность командующего войсками Закавказского военного округа. Штаб стоял в Тбилиси. Там же генерал был избран депутатом Верховного Совета.

Тогда в Грузии его любили. Он был, пожалуй, первым командующим, который прислушивался к просьбам грузин передислоцировать несколько частей, чтобы сохранить исторические памятники республики. До него некоторые начальники тупо твердили: «Интересы обороны региона превыше всего...»

Родионов несколько раз обращался к министру обороны Язову с просьбой уважить грузин. Эти просьбы были удовлетворены. Родионов признавался потом, что ему иногда было страшно стыдно за варварское отношение подчиненных к бесценным грузинским реликвиям. «Пример» такого варварства иногда показывали не только дивизионные и полковые командиры, но и генсеки...

ЗАДАНИЕ

Однажды раздался звонок по ВЧ. Министр обороны Язов приказал Родионову бросить все и мигом мчаться в Пицунду — проконтролировать, как ремонтируется дача Генерального секретаря. То была задача «особой государственной важности». Бросил все. Помчался. Оказалось, Раиса Максимовна, наемни побывавшая на «объекте», устроила разнос строителям. Увидел: солдаты выламывают ломами двери во дворце. Специалисты сказали: одна такая дверь стоит почти три миллиона рублей... Родионова чуть не хватили кондрашка. Когда возвратился в штаб округа, поделился своими впечатлениями об «объекте» с сослуживцами: «Рыба гниет с головы». Нашлись сексоты, просигнализировали в Москву об «опасных настроениях командующего».

Родионов видел не только то, как по капризу «первой леди» выламывались уникальные двери в старинных дворцах. Он видел и многое другое, что не мог не видеть командующий войсками военного округа, дислоцирующегося на ласковых берегах Черного моря.

Когда начиналось лето, для руководства ЗакВО начинался сущий ад. Цэковская верхушка постоянно требовала внимания к себе и своим родственникам. Военный округ превращался из стратегической группировки в «официанта». Человеку, который прежде всего нес персональную ответственность за боевую готовность вверенных ему войск, смотреть на это было невыносимо. Тогда он в присутствии свидетелей сказал фразу, из-за которой ему потом пришлось перетерпеть немало неприятностей:

— Партии конец...

Ему посоветовали:

— Игорь Николаевич, не подписывайте приговор сами себе...

Когда на съезде он выступил против знаменитой «шестой статьи», это был протест и против выламывания дверей во дворцах, и против шашлыков, с которыми его солдаты-официанты металась по Черноморскому побережью следом за пьянствующей в окружении «ночных бабочек» партийной знатью, и против ящиков с вином и фруктами, без которых генералам и офицерам уже считалось неприличным ехать в Москву... И даже несмотря на все это, у Родионова до сих пор остались в памяти по-особому теп-

лые воспоминания о годах службы в Грузии. Не один раз в минуты откровений он говорил мне, что то было лучшее время его службы.

На рабочем столе министра лежал маленький бронзовый лев, которого он однажды нашел среди рухляди в одном из закоулков Тбилиси. Тогда он еще не знал, что судьба повернет его службу в драматическое русло и случится так, что древний город, к которому он испытывал чувства благоговения, навсегда вопьется в его биографию острым болючим осколком и люди, которые еще недавно дарили ему цветы, будут грозить ему кулаками и называть «убийцей»...

ТБИЛИСИ

К весне 1989 года стало ясно, что все заклинания Горбачева о перестройке, новом мышлении и ветрах перемен никак не влияют на положение дел в стране. Наоборот, после «первой крови» в Алма-Ате в 1986 году Союз начали захлестывать волны сепаратизма и национализма. Верхушка КПСС теряла контроль над развитием ситуации в республиках. Грузия не была исключением.

Секретарь компартии республики Патиашвили пулеметными очередями слал шифровки в Москву, прося поддержки и помощи. Горбачев давал обтекаемые указания, которые можно было истолковывать по-разному. Было совершенно очевидно, что Генсек боится брать ответственность на себя. Чем острее и конкретнее ставил в своих шифровках вопросы Патиашвили, тем более расплывчатыми были ответы Горбачева.

Когда придет время искать виновных, вся ответственность будет свалена на Патиашвили и командующего Закавказским военным округом генерала Игоря Родионова. Если бы на съезде Советов, где рассматривались трагические события в Тбилиси 9 апреля 1989 года, Родионов рассказал всю правду и показал документы, подтверждающие его выводы, Михаил Горбачев никогда бы не стал первым президентом СССР, а карьера очень многих партийных функционеров могла бы закончиться на нарах.

Тогда он всю вину взял на себя.

Вот что говорил заместитель начальника следственного управления Главной военной прокуратуры РФ Юрий Баграев:

— Мы очень тщательно проводили расследование, допросив сотни участников и собрав огромное количество документальных материалов. Вывод следствия однозначен: Родионов не виновен в гибели людей... Решения властей накануне и в ходе трагических событий принимались вопреки рекомендациям командующего ЗакВО, который был категорически против грубого применения военной силы. К гибели людей привело то, что руководители грузинского МВД не выполнили несколько важных распоряжений Родионова. Они попросту его предали...

«Исходящая шифртелеграмма
(отправлена 7.04.1989 г. в 20 час. 30 мин.)
Москва, Центральный Комитет КПСС ...

Обстановка в республике резко обострилась...

Считаем необходимым:

1. Незамедлительно привлечь к уголовной или административной ответственности экстремистов, которые выступают с антисоветскими, антисоциалистическими, антипартийными лозунгами и призывами (правовые основания для этого имеются).

2. С привлечением дополнительных сил МВД, ЗакВО ввести в Тбилиси особое положение (комендантский час).

3. Осуществить силами партийного, советского, хозяйственного актива комплекс политических, организационных и административных мер по стабилизации обстановки.

4. Не допускать в союзных и республиканских средствах массовой информации публикаций, осложняющих обстановку.

Секретарь ЦК КП Грузии Патиашвили...»

Что же ответили из горбачевского ЦК?

В ЦК сидели тертые люди, уже хорошо наученные горьким опытом кровавой Алма-Аты 1986 года. Опытные партийные волки старались работать без следов. И потому обходились в подобных случаях без бумаг и тем более шифровок. Они советовали грузинским партийным лидерам «действовать по обстоятельствам». И это означало фактически, что шифровка от 7 апреля из грузинского ЦК получила «добро» Москвы. Уже на следующий день состоялось заседание бюро ЦК КП Грузии.

«...Постановление бюро Центрального Комитета Компартии Грузии от 8 апреля 1989 года (протокол № 2)

«О мерах в связи с резким обострением политической обстановки в республике»

...Экстремистские элементы нагнетают националистические настроения, призывают к забастовкам, неподчинению властям, организуют беспорядки, дискредитируют партийные и советские органы.

В связи с вышеуказанным бюро ЦК КП Грузии постановляет:

1. Принять меры по освобождению площади перед зданием Дома правительства от участников многотысячного несанкционированного митинга с помощью милиции, войск МВД и подразделений Советской Армии.

2. Руководство по проведению этой операции возложить на командующего Закавказского военного округа генерал-полковника Родионова И. Н. Секретарь ЦК КП Грузии Патиашвили».

В тот же день, когда ЦК КП Грузии послал шифровку в Москву, командующий войсками Закавказского военного округа генерал-полковник Родионов докладывал министру обороны СССР маршалу Язову о своем видении ситуации и предлагал свои способы разрешения зреющей трагедии:

«Министру обороны СССР
маршалу Язову Д. Т.

...Руководство республики пытается стабилизировать положение с помощью активных действий войск, что обострит имеющееся негативное отношение к армии. Имеют место нападения на военнослужащих, их избиения, оскорбления и взламывания квартир.

Предлагаю:

1. Арестовать руководителей резко националистических обществ — организаторов сборищ, несанкционированных митингов.

2. Не допускать проведения митингов путем разгона мелких групп силами МВД, не допуская их массового скопления.

3. Воинские части держать в готовности для оказания помощи властям в охране зданий ЦК КП Грузии, Дома правительства, телестудии, почты и телеграфа.

*Командующий войсками Закавказского военного округа
генерал-полковник И. Родионов
7 апреля 1989 года».*

Язов запросил у Родионова, что он думает о возможных вариантах развития событий с учетом намеченных ЦК КПГ решений и особенно об использовании воинских частей.

Родионов ответил:

«Министру обороны СССР
маршалу Язову Д. Т.

...При оценке перспектив развития обстановки необходимо учитывать следующие факторы:

Партийное и государственное руководство ГССР по своему отношению к происходящим событиям не является однородным...

Введение особого положения рассматривает как возможность снять с себя полноту ответственности за происходящие события.

Введение комендантского часа нецелесообразно и даже вредно.

Во исполнение директивы МО СССР №4/154 от 07. 04. 89 решил:

во взаимодействии с силами и органами МВД организовать охрану важнейших правительственных и государственных учреждений, аэропорта, осуществить контроль на основных дорожных направлениях...

*Командующий войсками Закавказского военного округа
генерал-полковник И. Родионов*

8 апреля 1989 года».

И тем не менее Кремль силовой вариант решения конфликта в Тбилиси категорически не отверг.

Родионов, назначенный руководителем операции, решил обойтись силами грузинского МВД. По его планам, милиция должна была арестовать зачинщиков и вдохновителей митинга, а внутренние войска вытеснить толпу с площади перед Домом правительства. Десантный полк, предварительно разоруженный по приказу Родионова, находился в резерве.

Однако министр внутренних дел Грузии Георгадзе приказ не выполнил и не арестовал зачинщиков несанкционированного митинга.

В критический момент Родионов находился вместе со своими войсками и увидел, что разъяренная толпа начала тес-

нить подразделения внутренних войск с фланга, применяя против них камни, прутья, булыжник, щебенку с грузовиков. Командующий приказал десантникам прикрыть фланг. Контакт десантников с митингующими длился недолго, но спекуляции и обвинения не умолкают и по сию пору...

Только на следующий день после трагедии в Тбилиси появился член ЦК КПСС Эдуард Шеварднадзе. В его пламенных речах было все, за исключением одного — он так и не смог объяснить, куда исчез в решающий момент и почему прибыл в столицу родной республики только 9 апреля, хотя Горбачев отдал ему распоряжение сделать это еще 7 апреля.

Грузинская националистическая и оппозиционная пресса стремилась раздуть масштабы трагедии и срывала зло на советских солдатах и прежде всего, конечно, на их командире. В ход шли вероломная ложь и фантастические выдумки о «сотнях погибших».

Из материалов уголовного дела:

«...В процессе операции погибло 19 человек, из которых 3 мужчин и 15 женщин. 18 человек погибли от механической асфиксии (удушье), возникшей от сдавливания грудной клетки, а 1 человек (Квастролиашвили) погиб от черепно-мозговой травмы, полученной при ударе о мостовую. Телесные повреждения получили 74 человека: тяжкие — 4, менее тяжкие — 15, легкие с расстройством здоровья — 12.

Среди военных пострадало 189 человек: черепно-мозговые травмы — 10, колото-резаные раны — 12, переломы — 4, рвано-ушибленные раны — 67, гематомы и ушибы — 96...»

А были ли саперные лопатки, с которыми, как писали некоторые грузинские газеты, десантники толпами гонялись за мирными жителями Тбилиси? Вот как ответил на этот вопрос уже знакомый нам ответственный сотрудник Главной военной прокуратуры Юрий Баграев:

— Да, были. Несколько десантников вынуждены были ими обороняться. Мы установили, что по характеру ранений увечья саперными лопатками были нанесены 4 мужчинам. Ни одной зарубленной женщины, ребенка, старика не было, заявляю с полной ответственностью. Все это миф, который был сформирован в угоду тогдашней политической конъюнктуре.

Бывший мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак, возглавлявший комиссию по расследованию трагедии в Тбилиси, и сегодня считает, что у генерала Родионова «руки по локоть

в крови». Когда я слышу это, меня так и подмывает спросить у него, что он думает о тех наших генералах, которые по указам президента расстреливали Белый дом в октябре 1993 года и «мочили» Чечню с 1994 по 1996 год? Там ведь жертвы несоизмеримы с тбилисскими. Хотя, наверное, кощунственно в таких случаях заниматься арифметикой.

За всю историю России не было в нашей армии генерала, который бы самостоятельно решил бросить войска против митингующих. Во все века это делалось по величайшему соизволению царей, генсеков или президентов. Когда же приходит час суда, крайними оказываются генералы. Генерал Родионов в 1989 году не стал исключением.

АКАДЕМИЯ

Чем больше осложнялась обстановка в стране, тем яснее становилось, что Горбачев не умеет находить правильных стратегических и тактических политических решений. Зато он прекрасно умел находить стрелочников. Стрелочником определили командующего войсками Закавказского военного округа генерал-полковника Игоря Родионова. Его отправили в очередную — третью по счету — «ссылку», отлучив от войсковой жизни почти на семь лет.

Все это время он занимался наукой, опубликовал множество трудов по теории военного дела. Особенно много внимания уделял вопросам реформирования армии и оборонной системы государства.

Многие начальники академии ГШ до Родионова считали неприличным руководить десятками докторов и кандидатов наук, будучи «неостепененными». Стоило им намекнуть какому-нибудь начальнику кафедры или факультета — ударными темпами варганилась кандидатская или даже докторская. Было это в порядке вещей.

Родионов за семь академических лет собственноручно наработал такое количество материала, которого хватило бы на три докторских и десять кандидатских. «Остепеняться» не хотел принципиально. Чтобы не было лишних разговоров.

А в Кремле по-прежнему с опаской принимали сигналы осведомителей и руководителей МО о том, что «Родионов гонит смуту». Особенно большое недовольство вызвали взгляды Родионова на Договор СНВ-2: начальник академии

ГШ, опираясь на множество самых точных расчетов, обнажил опасные уступки оппонентам и опасность, которую несут обороне России эти уступки.

В конце 1996 года в академию Генштаба прибыл министр обороны США Уильям Перри, чтобы прочитать лекцию по проблемам международной военной безопасности. Коснулся он и Договора СНВ-2.

После лекции один из генералов спросил:

— Господин Перри, когда же американцы перестанут нас душить?..

Член американской военной делегации, рядом с которым я сидел, наклонился ко мне и с холодным сарказмом сказал:

— Школа Родионова...

Я уже знал, что в Пентагоне к назначению Родионова министром отнеслись весьма настороженно. А ЦРУ давно зачислило генерала в разряд «опасных интеллектуалов с жесткими национал-патриотическими принципами».

В ходе чеченской войны профессорско-преподавательский состав академии по указанию ее начальника провел всеобъемлющий анализ организации и проведения войсковой операции, переросшей из «блицкрига» в затяжную и бесполовую войну. Получился капитальный труд с весьма удручающими выводами и о состоянии армии, и о безответственности высшего государственного и военного руководства. Труд запросили в Минобороны, где он вскоре бесследно исчез.

То, что Родионов последовательно прошел практически по всем командным должностям от командира взвода до командующего войсками военного округа, вооружило его огромным войсковым опытом, который в стенах главной военной академии страны был успешно соединен с новейшей теорией военного дела. Все это в российских и зарубежных военных научных кругах выдвинуло его в разряд стратегов-прагматиков.

Теоретические взгляды Родионова можно было не разделять. Но их невозможно было не признавать. Многим из высшей политической верхушки они «резали ухо». Дело иногда доходило до того, что, не будучи способными одолеть в честном бою Родионова-теоретика, некоторые кремлевские чиновники из Совета обороны РФ приписывали министру несостоятельные взгляды и сами же их «разоблачали». Так было, например, когда Родионова публично стали упрекать в том, что он-де со старыми мерками подходит к оценке военных угроз для России. Родионов даже не стал отвечать на эту дешевую провокацию...

Научная честность Родионова, прагматизм и конструктивность его теоретических взглядов, подкрепленных огромным практическим опытом службы в войсках и круто замешанных на патриотизме, — все это, пожалуй, в решающей степени предопределило появление начальника академии Генерального штаба под знаменами Конгресса русских общин осенью и зимой 1995 года — накануне парламентских выборов. Он стал главным военным экспертом КРО. Однако в силу того, что лидеры движения — Скоков и Лебедь — допустили серьезные просчеты в стратегии и тактике выборной борьбы, КРО потерпел жестокое поражение.

Так что попытка хождения генерала Родионова в большую политику оказалась непродолжительной и неудачной. Хотя последствия могла иметь для него серьезные: тогдашний министр обороны Грачев уже дал команду подбирать новую кандидатуру на должность начальника академии ГШ. Но кремлевские аналитики помешали осуществить эту задумку. Они точно рассчитали: устранение Родионова, имеющего большой авторитет в войсках и в академии, может негативно сказаться на предвыборных позициях президента в армии...

Очень многие у нас в Минобороны и Генштабе еще в начале 1996 года стали потихоньку «списывать» генерала Родионова в запас — близилось его 60-летие. И не было почти никого, кто бы мог предвидеть, казалось бы, совершенно невероятный поворот в судьбе генерала...

МОЛЧАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА

Ельцин после смещения своего «лучшего министра обороны» Павла Грачева в течение месяца не решался назначить нового главу военного ведомства. Факт для российской военной истории беспрецедентный. Он высветил очень многие грани расклада политических сил на Олимпе российской власти. А если учесть, что Ельцин всегда демонстрировал умение не оглядываться на кого-либо при решении ключевых кадровых вопросов, которые иногда расценивались как откровенный вызов общественному мнению (возвращение Чубайса, например), то месячная пауза с назначением нового силовика выглядела весьма интригующе.

Из штабов военных округов и флотов шли в Кремль, в МО и ГШ, в правительство и парламент тревожные письма

командующих: отсутствие министра серьезно ухудшает положение дел на местах.

Чтобы как-то сбить этот опасный накал, Ельцин направил закрытое письмо на имя исполняющего обязанности министра обороны генерала армии Михаила Колесникова (конец июня 1996 года). Президент особо подчеркнул, что военное ведомство вскоре возглавит человек, способный реформировать Вооруженные Силы и обеспечить социальную защиту личного состава. Но время шло, а место пустовало. Ельцин «тянул резину».

Мало кто из людей, следящих за возней вокруг вакансии главы военного ведомства России летом 1996 года, не понимал, что для Ельцина было принципиально важным усадить в кресло министра обороны «своего» человека. Тут все шло по извечной традиции: глава военного ведомства должен быть одной из самых надежных опор первого лица в государстве. И особенно — в условиях нестабильности общества.

Ельцин — не тот политический игрок, который мог бы пренебрегать этой аксиомой. Он знал: новый министр обороны, как и бывший фаворит, при любых обстоятельствах должен быть на все сто процентов «человеком президента». Но вряд ли президент не понимал, что Родионов — не Грачев, день и ночь клясться в преданности не будет...

СОВЕТЧИКИ

Чем дольше держал паузу президент, тем больше в прессе раскручивались гадания по поводу того, на какого именно генерала укажет монарший перст. Чаще других называли Родионова. Хотя иногда «рекомендации» были взаимоисключающими. «Генерал Родионов — один из самых авторитетных и опытных военачальников в нашей армии». «Генерал Родионов скомпрометировал себя в апреле 1989 года в Тбилиси. Назначение его на столь высокий пост может ухудшить отношения между Россией и Грузией». «С назначением Родионова будет упущен шанс назначить гражданского министра обороны и усилить гражданский контроль над армией».

Газеты и политики различных политических направлений в те дни занимались активным лоббированием своих кандидатур на пост министра обороны — генералов Константина Кобеца, Андрея Николаева, Бориса Громова, Валерия Ми-

ронова. Председатель Комитета Госдумы по обороне генерал Лев Рохлин поддерживал выдвинутую Лебедем кандидатуру Родионова.

Яростная политическая схватка за назначение нового министра обороны происходила на фоне сенсационных разоблачений коррупции в высших военных эшелонах. Тон задавал тот же Рохлин. Он выступил в парламенте с докладом, который одна из газет назвала «первым публичным признанием властью страшной коррупции, которая поразила Вооруженные Силы».

Члену Комитета по обороне Госдумы, генерал-полковнику в отставке Эдуарду Воробьеву одной из наиболее достойных кандидатур тоже представлялся Родионов. Однако обычно тактичный Воробьев не удержался от того, чтобы напомнить: возраст генерала Родионова, которому идет шестидесятый год, «может сыграть не в пользу его кандидатуры на пост министра обороны».

ФАКТОР ЛЕБЕДЯ

В те дни мало кто у нас в Минобороны не говорил о том, что именно Лебедь будет играть существенную роль в назначении нового министра обороны. Но Ельцин вряд ли мог не понимать, что устранение Грачева по требованию Лебеда, а затем еще и большой группы других высших генералов возбуждает непомерный «кадровый аппетит» у нового секретаря СБ. Между Лебедем и Ельциным шла «подковерная схватка» за влияние на первого человека в армии. Только исход этой схватки мог показать, «чья взяла»...

Лебедь стоял на своем:

— От назначения Родионова выиграет вся Россия.

Многие аналитики МО и ГШ считали, что после появления Лебеда в Кремле Ельцин вынужден будет ориентироваться на мнение секретаря СБ, который помог ему выиграть выборы и не скрывал, что хотел бы видеть в кресле министра обороны именно Родионова.

Но у оппонентов такой точки зрения был и весомый контраргумент: «фактор Лебеда», при всей кажущейся его весомости, президент мог запросто проигнорировать, используя свое закрепленное в Конституции право лично производить кадровые назначения высшего руководства силовых министерств.

Однако нынешняя российская политика далеко не всегда поддается законам формальной логики. Ельцин не раз доказывал, что руководствуется исключительно правилами собственной «кремлевской политической арифметики», что позволяет ему иногда крепко удерживать в руках рычаги власти, даже лежа на больничной койке. Матерый политический волк, он по-прежнему обладает феноменальным нюхом на опасности собственному трону. Подчас тактическими уступками своим оппонентам обыгрывает их в стратегии. Яркое тому доказательство — искусная игра Ельцина с Лебедем: сначала — безжалостные и лишённые элементарного такта атаки в прессе на опального генерала по команде из Кремля, затем резкая смена гнева на милость накануне президентских выборов.

И вот уже Лебедь на белом коне въезжает в Кремль и сам Ельцин услужливо открывал ему ворота. А затем, когда «мавр сделал свое дело», — унижительное выдворение...

Но это было потом. А когда на Арбате пустовало главное кресло, именно Лебедь стал первым публично лоббировать кандидатуру начальника Военной академии Генерального штаба. Лебедь назвал его «блестящим элитным генералом».

Кремлевские наушники убеждали президента, что на поводе у нового секретаря СБ идти опасно. В одном аналитическом материале говорилось:

«В последние годы Игорь Родионов, как и Александр Лебедь, принадлежал к той группе российского генералитета, которая выражала свое несогласие с методами и формами проведения военной реформы, военного сотрудничества в рамках Содружества, с кадровой политикой в армии, особенно остро критикуя непродуманную попытку разрешить чеченский конфликт силовыми методами. Не случайно Родионов оказался в Конгрессе русских общин, возглавляемом Лебедем. Там он состоял в группе, занимавшейся выработкой проекта военной реформы...»

Взгляды Лебеда и Родионова по многим военным вопросам действительно в ту пору были очень близки.

Еще во времена откровенной травли Лебеда Грачевым и изгнания его с поста командарма-14 Родионов стал единственным действующим генералом Российской армии, который открыто поддержал Лебеда. Родионов тогда же публично дал прекрасную характеристику его профессиональным и моральным качествам.

Министерство обороны с огромным любопытством сле-

дило за перипетиями явной и скрытой возни вокруг кандидатуры нового министра. Главная интрига заключалась в том, в какой степени станет президент обращать внимание на пожелания Лебеда при подготовке указа о назначении главы военного ведомства. Нельзя было исключать того, что секретарь СБ своими настойчивыми рекомендациями может вынудить Ельцина показать ему, «кто в доме хозяин», и махнуть рукой на его советы. Имя нового министра обороны должно было показать, насколько готов Ельцин отступить под напором «раскручивающегося» Лебеда.

ГРЯЗЬ

Борьба за кресло министра обороны России приобретает форму партизанской войны компроматов. Один из летописцев этой лихорадки оставил потомкам такое впечатление в популярной московской газете:

«С каждым днем все труднее становится ответить на вопрос, кто станет новым главой российского военного ведомства. Как только один из претендентов становится хоть чуточку ближе к заветной цели, остальные соискатели, а точнее, те, кто стоит за ними, быстренько достают очередной чемодан с компроматом. Не успел секретарь Совета безопасности Александр Лебедь назвать кандидатуру генерал-полковника Игоря Родионова, тут же с подачи Главного военного инспектора Константина Кобеца общественности напомнили, что Игорь Родионов командовал Закавказским военным округом во время трагических событий в Тбилиси в 1989 году. Кроме того, злые языки утверждают, что именно в тот год, когда 40-й армией в Афганистане командовал генерал Родионов, наши войска понесли самые тяжелые потери.

Впрочем, вскоре и генералу Кобецу, также вполне реальному кандидату в министры обороны, пришлось публично оправдываться после скандального обвинения председателя думского Комитета по обороне. Лев Рохлин обвинил замминистра обороны в финансовых махинациях... Рохлин не скрывал, что своими разоблачениями он ставил целью «отсечь» от поста руководителя военного ведомства претендующего на него генерала К. Кобеца»...

Опять пошла яростная перебранка. Кобец отверг обвинения, но сделал это хитро. Претензии, адресованные лич-

но ему, он распространил на весь высший генералитет, заявив, в частности, об отсутствии коррупции среди руководства военного ведомства РФ. По его мнению, Рохлин использовал непроверенную информацию. Кроме того, он заявил, что считает неэтичным обсуждать вопрос о том, кто станет новым министром обороны, так как это входит в компетенцию президента, однако если ему предложат возглавить МО, то он не будет отказываться.

Потом Лев Рохлин обнародовал сведения о семейном бизнесе Кобеца, сообщив, в частности, о том, что его сын руководит фирмой, которая реализовала контракт, нанесший Минобороны огромный ущерб...

Наблюдая за перипетиями борьбы, я думал о том, что борьба за кресло министра обороны приносит к нам на Арбат какое-то очищение: она высвечивает деляг в погонах и одновременно подчеркивает чистоту погон тех, кто ни в чем себя не замарал. Генерала Родионова ни разу не уличили ни в грязных коммерческих махинациях, ни в дружбе с преступниками, уже сидящими за тюремной решеткой, ни в продаже оружия, ни в строительстве виллы на сомнительные средства.

И уже когда мало кто сомневался, что Родионов с большим преимуществом побеждает в споре за кресло министра, в академии Генерального штаба случилось чрезвычайное происшествие: двое слушателей были избиты милиционерами. Как водится, милиция тут же заявила, что офицеры были пьяны и отказались предъявить документы. Дело дошло до драки (просто удивительно, что тогда у офицеров не нашли в карманах наркотики). Некоторые арбатские офицеры не исключали, что чрезвычайное происшествие умышленно спровоцировано, чтобы ударить по Родионову (в то время уже было известно, что в стане соперников начальника академии ГШ активно инициировали «дело о пропаже» уникальных книг из библиотеки академии, что не подтвердилось).

Случай с офицерами академии ГШ получил широкую огласку в московской прессе и на телевидении. Естественно, что для такой передачи, как «Скандалы недели», которая шла по ТВ-6, то была своего рода «находка». Один из ведущих «Скандалов» Сергей Соколов позвонил в пресс-службу Минобороны и попросил разрешения произвести съемки в академии, встретиться с «пострадавшими». Прежде чем оформить такое разрешение, я позвонил Родионову. Расследова-

ние по ЧП еще шло, и было совершенно неизвестно, как оно повернется. Нельзя было исключать, что итоги «расследования» могли сильно ударить по авторитету начальника академии, что, разумеется, было очень некстати в тот момент.

Я немало послужил в армии и хорошо знал, что иные начальники в такие судьбоносные периоды ложились в госпиталь, брали отпуск или уезжали в командировку, чтобы судьба-злодейка, не дай Бог, не подсунула роковую свинью. А Игорь Николаевич сразу сказал:

— Присылайте журналистов. Будем молчать — всех нас поочередно колошматить будут. А резонансов никаких я не боюсь. Не в том возрасте...

Съемка состоялась.

ПРОВИДЕЦ ЧЕЧЕВАТОВ

Как только наступало время решающего политического или кадрового выбора, возле Ельцина появлялся человек, которого у нас в МО за глаза называли генералом Распутиным. Это был командующий войсками Дальневосточного военного округа генерал-полковник Виктор Чечеватов. Так случилось и летом 1996 года. В МО знали, что встреча состоялась по просьбе генерала, а главной темой обсуждения, как сообщила официальная пресса, «были перспективы реформирования системы военного управления войсками на Дальнем Востоке». То была неправда. «Наши люди в Кремле» уже вскоре сообщили, что обсуждалась кандидатура нового министра обороны...

В тот же день президент встретился с Родионовым. О характере встречи Родионов журналистам сообщать отказался. Сказал только, что «в течение получаса обсуждал с Ельциным перспективы реформирования Российской армии»...

Немного позже Родионов все же прояснил некоторые детали:

— Я сказал президенту, что реформа армии стоит, этой проблемой никто не занимается. Мало того, у нас спутали понятия «реформа Вооруженных Сил» и «военная реформа». На встрече с президентом ни слова не было сказано о намерении назначить меня министром обороны... Я ничего не прошу, но и не откажусь, как человек военный, от такого предложения.

Проект указа был готов...

УСЛОВИЯ ДЛЯ ЕЛЬЦИНА

Возвратившись от президента, Родионов неожиданно заявил в прессе, что он не очень-то спешит взваливать на себя сулящие очень мало радостей обязанности министра обороны и согласится возглавить МО «при определенных условиях». Это уже выглядело и как загадочная интрига, и как непозволительная дерзость.

О каких же «определенных условиях» говорил Родионов Ельцину? Профинансировать армию, дать возможность сформировать команду своих единомышленников-профессионалов, и если уж президент доверяет ему Вооруженные Силы, — чтобы никто «сверху» не мешал работать. Иначе трудно будет подготовить плацдарм для реформы. И еще одно условие, похожее на просьбу: помочь освободиться от проворовавшихся генералов, нашедших себе хорошую «крышу» в президентских, правительственных и иных структурах...

Забегая вперед, скажу, что ни одно из этих условий не было выполнено: финансовое положение армии не улучшилось, команду в полном составе собрать не удалось, а палки в колеса Родионову вставляли не только недоброжелатели из Кремля, но и некоторые высшие чины из грачевской «гвардии». А что до проворовавшихся или уличенных в грязных махинациях генералов, то министр успел уволить или отстранить от должности лишь нескольких из них. На очереди были и крупные киты, в том числе и некоторые замы министра...

ФАБУЛА

Его месяцы в министерском кресле похожи на лихо законченную драму, в которой есть все: радости побед и трагедия поражений, рыцарская доблесть и ошибки в результате подставок, хитро подстроенных придворными интриганами, преданность и измены, мудрая последовательность в решениях и почти наивная доверчивость некоторым шептунам, твердое слово офицера и необъяснимое, смахивающее на предательство, отступничество в обещаниях людям, которые ему свято верили....

В первый же день работы в МО он приказал убрать легендарный грачевский «Мерседес-500 SL», купленный на деньги, которые, согласно президентским указам, должны были тратиться строго на жилье для бездомных офицеров.

Стал ездить на «Волге» и без охраны. Когда его однажды спросили, почему он так поступает, ответил:

— Наверное, я еще ничего плохого не натворил.

Как только Родионов стал министром, люди из арбатской «команды соблазнов» (хозяйственники, квартирмейстеры и др.) живенько попытались взять его в оборот: на его столе появился громадный пасьянс предложений занять достойную министра элитную квартиру в престижном районе. Но он, «позер несчастный», остался жить со своей благоверной в банальной двухкомнатной у Белорусского вокзала, которую получил еще в бытность первым замом командующего войсками МВО. Отказался Родионов и от роскошной служебной дачи, отремонтированной в стиле позднего грачевского барокко, предпочел по-прежнему отдыхать на своей скромной «fazенде», где никто и никогда не видел «рабов» в солдатской или гражданской форме, бетономешалок, минобороновских машин с импортной сантехникой и коробками с казенной снедью...

В МО еще не было ни одного министра, фигура которого не обрастала бы байками и даже легендами. Когда они достигают ушей министра, он с каким-то беззащитным возмущением жалуется сослуживцам на «досужие вымыслы». И все же дыма без огня не бывает...

Наверное, будь на месте Родионова другой человек, он бы со смаком «оттянулся» на своем предшественнике, который никогда бывшего начальника академии Генштаба не жаловал и не один раз грозился сплавить его на пенсию — особенно после того, как Родионов вошел в альянс со злейшим «врагом» Грачева Лебедем, когда тот встал под знамена Конгресса русских общин. Старожилы Минобороны и Генштаба помнят много случаев, когда министры-победители изгалялись над министрами-побежденными, мгновенно отключая телефоны, отбирая машины и кабинеты, опечатывая служебные дачи и изгоняя порученцев и адъютантов.

Когда один из дежурных офицеров умышленно «передержал» в приемной министра бывшего помощника Грачева и его пресс-секретаря Елену Агапову, ему в тот же день пришлось сменить место службы.

...Потом пошли разговоры, что Родионов якобы окружает себя исключительно «своими», лично преданными людьми. По этому поводу он однажды разгневанно сказал:

— Да, я окружаю себя преданными людьми. Но не Родионову, а Родине.

Но, конечно, он не Бог. И он наломал немало дров, наде-
лал ошибок, часть которых неисправима — сломанную че-
ловеческую судьбу уже не склеишь.

Чтобы понять Родионова, логику его действий, чтобы по-
нять драматическую ситуацию, в которой он оказался как по-
литик, как военачальник и просто как человек, надо увидеть
41-го министра обороны России в сложных координатах по-
литической жизни государства. И тут стоит «отмотать» на-
зад документальную пленку его биографии и начать с того
дня, когда генерал Игорь Родионов принял решение на свой
последний бой...

«Я ПОНИМАЛ, НА ЧТО ИДУ...»

Родионов возглавил армию в период ее полураспада. В
то время, когда в кабинетах и коридорах МО и ГШ, как во
всей армии, с очень жестокой иронией шутили: «Труп уже
холодный, но ядерный пульс еще прощупывается». И это
после того, как четыре года подряд министр обороны Па-
вел Грачев исправно докладывал в Кремль о крепнущей
боеготовности Вооруженных Сил и победной поступи ре-
формы (хотя правды ради стоит сказать, что в последнее
время своего пребывания на министерском посту и Павел
Сергеевич уже не скрывал от президента суровой правды
о положении в армии). Когда же Ельцин перестал доверять
бодряческим рапортам с Арбата, Грачев вынужден был
признать: без достаточного финансирования реформы быть
не может.

— Пал Сергеич, — сказал ему тогда президент, — есть
такие участки реформы, которые можно двигать без денег.

Родионову было велено двигать не участки — всю ре-
форму без денег. Ему давали задание перехитрить самого
страшного врага армии — полупустую военную казну и при
этом придать современный облик своему войску. Чтобы со-
гласиться на это, надо быть «русским камикадзе», добро-
вольно положить голову на плаху.

Человек с таким жизненным и служебным опытом вряд
ли не понимал, какой тяжелый крест он взвалил на себя и
что именно ждало его там, на вершине Голгофы...

Но он согласился.

— Если бы я не видел света в конце тоннеля, — сказал
вскоре после своего назначения Родионов, — то не согла-

сился бы возложить на себя обязанности руководителя военного ведомства.

Свет оказался призрачным.

Однажды знакомый писатель попросил Родионова объяснить, почему он решился на такой рискованный во всех отношениях шаг.

— Я не могу объяснить это свое решение с научной точки зрения, — сказал министр, — мне гораздо проще сделать это с чисто человеческой. Безусловно, я бы мог положить на стол президенту рапорт об увольнении, повесить генеральский китель на гвоздь, надеть домашние тапочки, взять кота Федьку на колени и кропать потихоньку мемуары... Согласитесь, очень мало приятно в положении караса на раскаленной сковородке. Я хорошо понимаю, на что иду. Покинуть «поле боя» тогда, когда твоей армии так тяжело, — для меня равносильно предательству. И если мне удастся хоть на метр, хоть на один миллиметр вытащить военную машину из трясины, я буду считать свой последний долг выполненным.

Потому не сразу и дал согласие Ельцину стать министром обороны. Хорошо понимал, какое гигантское разваленное хозяйство ему достается, сколько проблем сваливается на его голову. Когда делился своими сомнениями с единомышленниками, те говорили: «Если не ты, то может прийти человек, который завершит уже начавшийся развал. Ты хоть его остави...»

ДОЛГИ

Когда Родионов возглавил МО, долг государства армии «подкрадывался» к рубежу в 25 триллионов рублей. Подождав с месяц обещанной помощи и получив фигу, министр пошел в атаку. Сначала ежедневно рассылал во все инстанции суровые письма. Не помогало. В августе 1996 года министр вызвал меня к себе и показал сводную ведомость финансирования силовых структур по месяцам. Вооруженным Силам деньги выделялись хуже всех. Напротив графы «август» вообще стоял ноль.

Я спросил у министра, не деза ли это. Не верилось, что Минфин может так издеваться над армией. Родионов бросил:

— Абсолютная правда. Источник проверенный.

Стали решать, что делать.

Опять звонить Черномырдину, Лившицу и возмущаться? Уже было. Что толку! Мало-помалу сошлись на том, что надо «светить» документ в прессе — это все, что можно выжать из него. Пусть народ знает правду и сам судит об истинном отношении властей к армии. В последний момент кто-то из наиболее осторожных советчиков министра засомневался:

— Игорь Николаевич, не сделаем ли себе хуже? И вам новые неприятности. Опять звонки, опять упреки. Может, еще потерпим?

Родионов сухо резанул:

— Обо мне не беспокойтесь. Мы, может, и потерпим, а в войсках офицеры в солдатские столовые уже на довольствие stanовятся. Хлеб домой носят!

Документ мы «светанули». Шум пошел. В тот же день Киселев (по недоумию или в насмешку) пригласил в передачу «Герой дня» министра финансов РФ Александра Лившица и попросил прокомментировать сообщение пресс-службы Минобороны.

Каково же было наше удивление, когда Лившиц вдруг заявил, что «этого не может быть» и что «в августе армии деньги все-таки выделялись».

Получалось, что пресс-служба попросту врала. А вместе с ней, естественно, и руководство Минобороны. Тут уж дело касалось нашей чести. В равной степени и чести министра.

Я позвонил специалистам в Главное управление военного бюджета и финансирования МО и попросил их раскрыть суть «фокуса», проделанного Лившицем. Наши спецы объяснили, что министр финансов был... прав, когда говорил, что в августе деньги Вооруженным Силам все-таки поступали. Но то были не плановые бюджетные поступления за август, а долги аж за май и июнь... Я с облегчением вздохнул и стал звонить на НТВ, требуя опровержения. Бесполезно. На НТВ свои «правила игры»...

После кратковременного шума в прессе мало что изменилось. Я хорошо знал: все предыдущие министры обороны начинали рабочий день с получения информации с Центрального командного пункта. При Родионове порядок изменился: первый доклад — от главного военного казначея. Потом — ЦКП. Время шло — ситуация не менялась. Тогда Родионов решил создать коллегия МО.

За многие годы работы в МО и ГШ мне доводилось быть на многих совещаниях на «высшем уровне». Но такого взры-

воопасного не помню. Министр начал с того, что зачитал присутствующим несколько шифровок от командующих войсками военных округов и флотов. Таких шифровок в МО, наверное, не поступало даже в годы Великой Отечественной войны. То был даже не крик, а стон. То был зов умирающей армии о помощи.

Я никогда еще не видел министра столь мрачным и расстроенным.

— У меня создается впечатление, — говорил он, — что процессом уничтожения Вооруженных Сил кто-то целенаправленно руководит...

Генералы согласно кивали головами. Их выступления в еще более мрачных тонах дополняли шифровки. Наверное, за всю свою историю кабинет министра обороны страны не слышал таких страшных цифр и фактов. Коллегия постановила принять Обращение к президенту, правительству, парламенту, Совету обороны и Совету безопасности.

Хорошо помню, как готовился окончательный текст Обращения, — сам принимал в этом участие. В кабинете министра присутствовали два его первых заместителя — генерал армии Михаил Колесников и Андрей Кокошин, а также исполняющий обязанности начальника Главного оперативного управления Генштаба генерал-лейтенант Юрий Балувевский — человек, что называется, со светлой головой и основательной взвешенностью суждений. Родионов в то время часто вызывал его «на совет»: все знали, что министр особо ценит профессионализм Юрия Николаевича. Такой же расположенностью министра пользовались и многие другие «светлые головы» — поверхностных людей он не привечал.

Родионов читал текст Обращения вслух и после каждого абзаца спрашивал у своих ассистентов:

— Ну как, пойдет?

Текст был убойный. Начальник Генштаба Колесников и Кокошин переглядывались и замечали, что «надо бы чуточку ослабить» или «тут следует уйти от резкости»... Судя по всему, грозный тон Обращения серьезно беспокоил только министра финансов: он примчался к Родионову почти в полночь, а уже на следующее утро ликование прокатилось по кабинетам МО: «Лившиц раскошелился почти на полтора триллиона рублей!» Больше всего, как мне показалось, обрадовались стоящие на постах прапорщики: их денежное содержание было мизерным, у многих жены сидели с маленькими детьми.

Но недолго музыка играла. Проходит месяц — и опять та же картина. Тогда Родионов пошел еще на один опаснейший для своей карьеры шаг: он собрал коллегия Минобороны почти в полном составе и добился ее приема у председателя правительства.

Недобрые языки тут же приклеили этой акции кличку «генеральский бунт», хотя Черномырдин потом признался, что ему на многое открылись глаза и что давно было нужно вот с такой запредельной откровенностью поговорить с генералами. Финансирование армии стало понемногу оживать. Но и этот квельый ручеек вскоре опять стал пересыхать.

И опять Родионов выступал с леденящими душу речами в правительстве, в парламенте, на Совете обороны. Многие сочувствовали, мало кто помогал министру расслабить финансовую удавку на тощей шее армии. Родионов настаивал на том, чтобы ему была предоставлена возможность выступить в верхней палате парламента. Было четко оговорено время — 15.00. Министр прибыл в назначенное время, сел в первом ряду и стал ждать. Обсуждался вопрос об обстановке в Чечне. Завгаев сообщает депутатам леденящие душу факты: вырезаются целыми семьями «пособники оккупационного режима», человеческие головы насаживаются на колья, по всей территории республики возводятся огневые позиции, завозится большими партиями оружие. Проблема не менее серьезная, чем недофинансирование армии. Родионов ждет, поглядывая на часы. В Чкаловском стоит «под парами» самолет — ждет инспекторского вылета министра на Дальний Восток. Проходит час, второй, третий. Похоже, надо переносить вылет на более позднее время. Подхожу к Игорю Николаевичу, спрашиваю, что будем делать. Он говорит:

— Подождем еще немного, потом перенесем взлет.

Ждем четвертый час. У меня лопается терпение. Спускаюсь к «президиуму» и из-за простенка жестами подзываю одну из секретарш. Объясняю наши проблемы.

— Почему же вы раньше не сказали? Сейчас скажу Строеву.

Наконец, Родионов выходит к трибуне. Мне почему-то становится жаль депутатов: только что закончились траурные речи по Чечне, сейчас не менее тяжелые — по бедам армии. Зал слушает министра в мертвой тишине. Взрыв аплодисментов кажется неуместным. Строев благодарит Родионова за смелое, по-офицерски честное и аргументирован-

ное выступление. Мы уезжаем из Совета Федерации без настроения. Родионова у выхода ждет толпа журналистов. Времени на интервью нет. Телохранитель министра предлагает выскользнуть через потайную дверь. Я смотрю на уставшего министра, и мне кажется, что у него состояние человека, который раздражен тем, что уже который раз бесполезно делает ходку на паперть...

Родионову не давали не только денег, но и возможности укомплектовать свою команду. После загадочного «ГКЧП-3», как известно, в МО и ГШ образовалось немало вакантных должностей на ключевых постах. Обязанности начальников ряда главных управлений МО и ГШ долгое время выполняли «ИО», что для мозга армии, где идет непрерывный процесс работы над стратегическими вопросами, совершенно недопустимо. Взять хотя бы Главное оперативное управление Генерального штаба, которое во всех отношениях правомерно сравнить с сердцем армии. Там с самого лета не было начальника. А ведь Родионов уже вскоре после своего прихода в МО представил на эту должность генерал-лейтенанта Юрия Балувевского. Полгода министр «искал концы» своего представления. И не мог найти. Потом выяснилось, что министр, по мнению какого-то кремлевского чиновника, представлял на должность начальника ГОУ «не ту кандидатуру»...

Однажды у Родионова лопнуло терпение, и он без обвиняков доложил о блокировании кадровых вопросов президенту. Часть представлений министра в Кремле и на Старой площади мигом нашлась. Команда Родионова пополнилась группой профессионалов самого высокого класса: начальником Главного управления международного военного сотрудничества стал генерал-полковник Леонид Ивашов, начальником Главного организационно-мобилизационного управления — генерал-полковник Михаил Клишин, первым заместителем начальника ГШ — генерал-полковник Николай Пищев, начальником Главного управления военного бюджета и финансирования — генерал-лейтенант Григорий Олейник, начальником Управления делами МО — генерал-майор Геннадий Золотухин...

Вскоре после своего назначения Родионов издал директиву, в соответствии с которой сокращались штаты подразделений центрального аппарата МО. Он сразу же упразднил отдел референтов (более 10 человек), а вскоре заявил, что даже в своем аппарате намерен сократить четыре гене-

ральские должности. Все это, разумеется, не вызывало горячих аплодисментов у людей, над которыми зависал «меч сокращения».

Наблюдая за всем этим, я понимал реформаторские намерения министра как стремление ввести в рамки целесообразности организационно-штатную структуру МО и ГШ, сделать ее более рациональной. Штаты многих подразделений были действительно раздуты. За годы работы в центральном аппарате мне довольно часто приходилось сталкиваться с людьми, которые за несколько лет собственноручно не подготовили ни одного документа, но при этом исправно получали денежное содержание. Таких «трутней» были десятки, и от их выдворения МО и ГШ абсолютно ничего не теряли. Однако самая большая несправедливость заключалась в том, что «трутни» часто сидели на руководящих должностях и очередные сокращения штатов их не задевали. Чаще всего это касалось «рабов» — людей, на которых держалась работа. Большинство из них были классными профессионалами, которые вкалывали по 24 часа в сутки без выходных. Когда после первой родионовской директивы в результате сокращения штатов некоторые офицеры оказались на более низкой должностной ступени, я подумал, что это всего лишь временное недоразумение. Когда же это потихоньку стало входить в систему, роптание некоторых генералов и офицеров стало усиливаться. И на то были серьезные основания...

ПИСЬМО

...После того как я был назначен начальником пресс-службы МО и пресс-секретарем министра обороны, многие офицеры признавались мне, что долго вычисляли, — где же пересекались наши пути с министром. И нигде не обнаружив такого пересечения, дивились. А все было так просто.

Когда Родионов пришел на Арбат, он собирался назначить своим пресс-секретарем военного обозревателя «Московских новостей» Александра Жилина, который был, пожалуй, единственным российским журналистом, наиболее полно и правдиво рассказавшим народу о драматической судьбе нового главы военного ведомства. Но Жилин по ряду причин был вынужден отказаться от заманчивого предложения Родионова. А поскольку мы с Александром были хорошо

знакомы и он знал о моих взглядах и «подпольной публицистике», то и рекомендовал меня Родионову.

Был и еще один фактор, сыгравший большую роль при моем назначении.

Уже вскоре после появления Родионова на Арбате некоторые наиболее въедливые специалисты ГШ стали обращать внимание на то, что первые директивы и приказы министра, что называется, «сырые». Потом это стало бросаться в глаза даже неспециалистам. И хотя официально я еще не был причислен к его команде, желание помочь министру не остывать хотя бы в мелочах побудило меня написать ему докладную записку. Тем более что к тому времени было заметно уже немало и других просчетов министра...

«Министру обороны Российской Федерации
генерал-полковнику И. Родионову

Уважаемый Игорь Николаевич!

Ситуация, складывающаяся вокруг Вас в МО, вынуждает меня обратиться к Вам. Буду говорить с офицерской прямоотой как человек, который связывал многие надежды с новым министром обороны и искренне желал помочь Вам. Некоторые мои суждения будут Вам очень неприятны, но я бы никогда не высказал их человеку, в порядочности которого сомневаюсь.

К сожалению, некоторые Ваши первые решения по реформированию центрального аппарата МО и ГШ вызывают чувство разочарования даже у многих Ваших единомышленников. Сокращение «мертвых душ», раздутых штатов и устранение дублирующих подразделений — мера, безусловно, абсолютно верная. Но людей возмущает другое — КАК ЭТО ДЕЛАЕТСЯ. Офицеры, дослужившиеся до начальников отделов, безо всяких объяснений становятся начальниками групп, начальники групп — старшими офицерами. С живыми людьми обращаются, словно с ненужной мебелью. И эти люди на всех этажах начинают говорить, что «такого произвола не было даже при Грачеве». Скажу и больше: уже десятки офицеров (среди которых есть отменные профессионалы) ждут скорейшего выведения за штат, чтобы уйти на гражданку. Согласитесь, что такой поворот дела не добавляет авторитета министру обороны.

При Грачеве была традицией бестолковость в сфере кадровых и организационно-штатных решений. У меня создает-

ся впечатление, что такая «традиция» может быть успешно продолжена. За 4 года пребывания в должности министра Грачев ни разу не провел служебное совещание или офицерское собрание центрального аппарата МО и ГШ, на котором бы люди получили четкие представления о замыслах руководства и высказали свои взгляды. Не мне Вам говорить, сколь важно министру опираться на мнение коллектива, сформировать команду единомышленников. Я же вижу другое: целые управления в мгновение ока уже в пятый или шестой раз меняют свой статус, переподчиняются или мучительно ждут обещанного «приговора» о расформировании. Это порождает пессимизм, управленческий бардак, неясность функций и даже вражду между людьми, которые опять-таки костерят министра за неясность маневра. Люди устали от таких «реформ».

Чего стоит только одно Ваше решение о «временном оперативном» переподчинении Управления информации МО Главному управлению воспитательной работы? Если бы Вы своевременно получили информацию о функциях УИ и ГУВРа, о давно идущей «войне амбиций» между этими структурами, то сегодня в МО никто бы не говорил, что министр обороны пошел на поводу у людей, «тянущих одеяло» на себя, но смутно представляющих, что надо с ним делать.

Волевое «вливание» УИ в ГУВР — не более чем безоглядная авантюра, сваливание в «кучу» подразделений МО, имеющих самостоятельные информационные функции (а таких, по моим подсчетам, аж 13 и концепции министра по решению их судьбы никто не знает).

ГУВР будет неизбежно постоянно раздираться между работой на общество и на армию, и в результате везде не будет толку...

Сегодняшняя неопределенность положения УИ, практически полная разруха, царящая в нем, потеря годами наработанных связей с президентскими, правительственными, парламентскими структурами и источниками информации приводят к тому, что министр оказывается в информационном вакууме и потерял возможность получать сведения стратегической значимости (сегодня Вы вряд ли знаете, какие оценки иногда даются министру обороны в Администрации президента, в некоторых кабинетах правительства, в СБ, кто тайно блокирует Ваши представления о кадровых назначениях, как СМИ готовятся «столкнуть лбами» МО и МВД, хотя информация по давно отлаженным каналам идет)...

Необходимо создать систему работы с прессой, опираясь на наработанный опыт. Сейчас же с подачи министра разваливается даже то, что приносило серьезную пользу.

У меня же создается впечатление, что Вы или недооцениваете значение информации, или боитесь старой информационной структуры...

Не могу промолчать и о том, что некоторые принятые Вами решения недопустимо сыры. В частности, речь идет о том же документе от 12. 08. 96 о посылке группы офицеров в Чечню. Этот документ по своей непроработанности просто авантюрен и, самое главное, компрометирует Вас. Создается впечатление, что его подсунули Вам люди, которые не имеют понятия об элементарных правилах аппаратной работы. Документ дал повод десяткам старших офицеров комментировать его безграмотность и небрежность (на нем не указан даже год)...

Уже больше месяца Вы проработали в должности министра обороны.

Сумели встретиться и поговорить с офицерами всех главков. И может вызывать лишь удивление то, что у Вас не нашлось времени побеседовать с людьми, которые работают рядом. Особенно с офицерами тех управлений и отделов, которые сокращаются или переподчиняются...

Надеюсь, что эта моя записка будет воспринята с пониманием. Поверьте, мною руководит только искреннее стремление хоть чем-то помочь Вам. Говорить министру лживую лесть не умею. Для этого в МО есть другие.

Докладываю на Ваше решение.

*Начальник информационно-аналитического отдела
Управления информации МО РФ полковник В. БАРАНЕЦ*

20 августа 1996 года...

Написав это письмо министру, я стал потихоньку собирать вещи в рабочем кабинете, сдавать служебные документы в «секретку» и готовиться к «новым оргштатным мероприятиям», результатом которых могло быть для меня увольнение. Я отдавал себе отчет в том, что такие докладные записки автоматически приравниваются к рапорту об увольнении из Вооруженных Сил.

Вскоре раздался звонок по закрытой связи. Звонил начальник аппарата министра обороны генерал-лейтенант Вик-

тор Иванович Козлов. Он и сообщил мне, чтобы я был готов к беседе с министром.

Вскоре такая беседа состоялась.

— За докладную спасибо, — сказал Игорь Николаевич. — Для меня правда дороже любых комплиментов. Тебя я знаю, кое-что читал (он имел в виду мои статьи в прессе. — В. Б.). Бери в руки информационную работу. Будем вытягивать армию из дерьма...

ШАГ

Раза четыре в Государственной думе поднимался вопрос о необходимости принятия Закона об опубликовании списков военнослужащих, погибших при исполнении служебного долга. И все четыре раза проект закона благополучно замыливался. Многие газеты досаждали министру обороны Грачеву и начальнику Генштаба Колесникову просьбами передать список погибших в Чечне военнослужащих МО. А в ответ — тишина. Даже тогда, когда другие силовые ведомства такие списки представили. Однажды «Комсомолка» вышла с совершенно чистой полосой, на которой было лишь написано: здесь должны быть опубликованы списки военнослужащих МО, которые нам не хочет представить руководство МО РФ.

Причина нежелания была понятна: большие жертвы — плохо подготовлена операция. Плохо подготовлена операция — плохо сработали штабы и командиры. Плохо сработали штабы и командиры — не проконтролировали Грачев и Колесников. Не проконтролировали Грачев и Колесников — они и виноваты в гибели тысяч воинов. Виноваты — значит, надо привлекать к ответственности. А кто себе враг?

1 сентября 1996 года Родионов приехал в «Комсомолку» на телефонный разговор с читателями. Главный редактор «КП» Симонов своего не упустил:

— Игорь Николаевич, передайте же нам списки!

В тот же день списки были в редакции.

— Это наш последний долг перед людьми. Извините, что мы отдаем его с опозданием...

СТАВКА НА ЧЕСТЬ

Самым большим преступлением военных министров (после предательства) во все времена считалась критика власти. Обычно зубами державшиеся за свои кресла министры обороны предпочитали делать это шепотом и преимущественно под домашним одеялом. На публике из их уст текла сладкая ложь комплиментов, заклинания в верности и восхваление мудрости самодержцев. Главная особенность должности министра обороны заключается в том, что он постоянно обязан делать выбор между лояльностью властям и офицерской честью, между борьбой за собственную армию и спасением собственного кресла. О чем более всего пекутся военные министры? Чтобы подольше просидеть в своем высоком кресле. Родионов из этой, веками отработанной, логической схемы стал сразу выпадать. Он опасно «высовывался», он грубо нарушал «правила игры». И все чаще в его кабинете зло трещала «кремлевка»... Все чаще мчались в Барвиху разгневанные «наушники», чтобы подтолкнуть президента на смещение «потерявшего меру» министра обороны. И хотя однажды Ельцин в ответ на это сказал, что «Родионов — смелый и честный генерал», провокаторов в его окружении не поубавилось.

А у Родионова не поубавилось безоглядной офицерской прямоты: когда Ельцин издал указ о переходе армии с 2000 года на профессиональную основу, министр обороны не побоялся публично высказать сомнения в реальности этой идеи. Авторы проекта скороспелого указа заскрежетали зубами. Их авантурные аргументы были разгромлены профессиональными контрдоводами Родионова. Мечтать о профессиональной армии при разваленной экономике и нищенском военном бюджете — опасная маниловщина.

Родионов хорошо помнил авантюру конца 1992 года, когда Грачеву буквально выламывали руки в Кремле, торопя его дать согласие на введение контрактной службы. Грачев согласился. А вскоре стало ясно, что без соответствующего финансового обеспечения эта задумка напрочь дискредитировала контрактную службу (только из одной дивизии в 1996 году сбежало почти 200 «волонтеров»).

Минобороны из-за недостатка денег вынуждено было сокращать число контрактников. О какой «полностью профессиональной» армии можно говорить? Ведь для этого необходимо многократно увеличить военный бюджет.

Когда Родионов на встрече с журналистами в МО в феврале 1997 года прямо сказал об угрозе развала системы управления стратегическими ядерными силами, он не преувеличивал. Вскоре он же стал сокрушаться, что становится «министром разваливающейся армии и умирающего флота». И тоже никаких передержек. Он делал то, что обязан делать человек, ставящий интересы обороны России выше собственного служебного благополучия. Но какой взрыв негодования и возмущений со стороны власти вызвали его заявления! Родионову «заказные» журналисты тут же приклеили лейбл «рыдающего генерала» и стали по хорошо отредактированным в Кремле нотам петь хмурые частушки о скорой отставке министра...

Один из журналистов спросил меня:

— А зачем тогда Родионов соглашался становиться министром, если знал, что ничего при таком положении вещей не сможет сделать?

Я ответил ему словами самого Родионова — «видел свет в конце туннеля».

Светом оказалась хорошо исполненная декорация.

Шесть лет назад сто пятьдесят миллионов тоже поверили свету в конце туннеля, когда их призвали «потерпеть до осени». До сих пор терпим...

В МО и Генштабе уже даже самые неумные реформаторы, самые преданные сторонники Родионова, изматывающие Кремль, правительство и свое начальство новыми концепциями военной реформы, сильно сбавили обороты: когда армии не дают денег просто на жизнь, не говоря уже о боевой подготовке, — не до реформаторских прожектов...

РЕФОРМА

Еще будучи начальником академии Генерального штаба Родионов вместе со своими единомышленниками много работал над концепцией военной реформы. Когда в 1992 году Грачев обнародовал свой план реформы армии, Родионов открыто заявил о его несостоятельности, назвав концепцию МО по реформе ведомственным документом, обязывающим не государство, а МО львиную долю забот по переустройству Вооруженных Сил взвалить на свои плечи. С того момента началось яростное столкновение двух концептуальных школ — грачевской и родионовской.

Грачев выдавал за военную реформу объективно необходимое сокращение армии и вынужденную передислокацию ряда группировок, «создание Минобороны и Генштаба России», введение контрактной службы и новой формы одежды.

Родионов доказывал, что армия не может реформировать сама себя, что ее реформирование должно быть составной частью переустройства всей системы обороны государства. Позже Родионов скажет: «К сожалению, мы потратили целых четыре года, чтобы понять: реформа армии и военная реформа государства не одно и то же. Мы должны реформировать не часть системы, а всю оборонную систему государства». В этом выводе — отправная точка родионовской концепции военной реформы страны, первооснова ее стратегии, включающая все составные части механизма обеспечения военной безопасности государства — от военной доктрины до формирования оборонного сознания людей, начиная еще с дошкольных учреждений.

После десяти лет яростных дебатов высшего генералитета и политиков о сущности и основных направлениях реформирования Вооруженных Сил Родионов предложил поставить точку в этом бесконечном споре и заявил, что генеральная формула реформы армии неизбежно будет заключаться только в одном: меньшим количеством войск обеспечить лучшее качество обороны государства. Жизненный и служебный опыт помогал ему в изнурительных спорах с войсковыми и флотскими командирами о путях сокращения армии. Есть сила эмоций, а есть сила логики. Когда Родионов во время поездки на Камчатку сказал о возможном сокращении танковых частей в ряде регионов Крайнего Севера, один горячий комкор чуть ли не задымился от негодования. Родионов дал ему высказаться, а затем, прохаживаясь по залу перед двумя командирами, стал вслух рассуждать:

— Вот стоит у нас танковый полк на Чукотке. Гарнизон. Двухметровый снег десять месяцев в году. Дорог, считай, нет. Если здесь американцы, допустим, решат высадиться, с ними и воевать не надо — сами погибнут. А полк стоит. Деньги из Москвы текут. А территория прикрыта РВСН, ВВС, ПВО, флотом. А полк стоит. И вот я спрашиваю себя и вас: зачем он здесь стоит? Ответить могу только так: а хрен его знает!

Дружный гогот.

Смех смехом, но абсолютно ясно: за словами министра о меньшем количестве войск стоит неизбежное их сокращение. Для военного люда — процесс чрезвычайно болезненный. В связи с этим в войсках и на флотах часто вспоминают хрущевский «миллион двести» — авантюру, унизившую гигантское количество военных людей... Родионов помнил тот «урок издевательства» над армией и потому потребовал от своих стратегов в числе приоритетов реформы особым пунктом прописать обеспечение надежной социальной защиты тех, кому придется снять погоны.

Своими неоднократными заявлениями о такой непопулярной мере, как неизбежное сокращение войск, Родионов успел вызвать повышенную настороженность в рядах офицерского корпуса. Министру довелось по этой же причине выдержать яростную атаку десантников. Офицеры одной из частей прислали ему гневное письмо и обещали, что если их бригада попадет под сокращение, то они устроят... публичное самосожжение. Другие десантники решили взять Родионова в обход: они подговорили одного из высочайших российских церковных сановников обратиться к министру с просьбой не сокращать их дивизию. Дошло до того, что знаменитые воры в законе обещали местным властям «полный порядок в области», если они сумеют уговорить министра не трогать воздушно-десантную дивизию, дислоцирующуюся в их городе...

Дальше всех пошел бывший заместитель командующего ВДВ по воспитательной работе генерал-майор Владимир Казанцев: он публично подверг критике директиву министра обороны о сокращении ВДВ и выразил свое несогласие с ней. Родионов, которого уже не однажды обвиняли в мягкотелости, на сей раз действовал со всей строгостью: Казанцев был снят с должности...

БЕЛОРУССИЯ

Поздней осенью 1996 года Родионов на своем самолете вылетел в Белоруссию — на вывод последних ядерных ракет из республики. Мне до сих пор помнится, что в тот день настроение у министра было паршивое. Он долго сидел, не проронив ни слова, в своем салоне, глядя в иллюминатор на однообразный заоблачный пейзаж. Потом надел очки, взял из рабочей папки листки с тезисами своего предстоящего

выступления на «торжественных проводах» российских ракетчиков и стал еще раз перечитывать и что-то править.

Я уже знал священное для пресс-секретаря правило: если министр обороны на ходу правит текст накануне своего выступления, ты обязан мгновенно превратиться в ищейку, обнюхивающую каждую травинку на пути взятого следа. Тем более что текст был «ядерным»: тут одна буква может стать приговором.

После того как Родионов поправил текст, я просмотрел его. Увидел два добавления: первое — вывод российских ракет из Белоруссии в период намерений НАТО продвинуться на восток красноречивее всего говорит о том, кто на деле, а кто на словах стремится к миру и добрососедству в Европе. Второе — никто не должен сомневаться в том, что Россия верна букве и духу Ташкентского договора 1992 года о коллективной безопасности стран СНГ и будет добросовестно выполнять свои партнерские обязательства...

В Белоруссии стояла хмурая осенняя погода.

Военный атташе России в Белоруссии генерал-майор Владимир Брусиллов кратко доложил министру обороны о готовности мероприятия. Он сообщил также, что приезд белорусского президента на торжественные провода последней российской стратегической ракеты остается под вопросом.

На железнодорожной площадке в хвойном лесу все было готово к проводам. Родионов принял рапорт командира дивизии. Все время от времени поглядывали на дорогу. Ждали Лукашенко. Вместо Лукашенко показалась нестройная колонна гражданских людей. Министр насторожился. Было и без слов понятно, что если это местная оппозиция, то скандал неизбежен.

— Местные жители, — пояснил комдив, — идут прощаться. Проинструктированы. Неприятностей не может быть.

Люди в кирзовых и резиновых сапогах, простеньких пальто и порядком поношенных телогрейках проходили мимо на отведенную для зрителей площадку. Что-то полутраурное и одновременно похожее на упрек было в этом шествии. Хотя никто из этих людей не проронил и слова упрека в адрес российских солдат и офицеров...

Выступил Родионов. За ним — представители центральной и местной власти. Командир расчета доложил министру о готовности стратегической ракеты к загрузке. Родионов дал добро. Дальше все было как в учебном кино: четкие команды, четкие действия расчета, клацанье замков. Русские ра-

кетчики-стратеги под прицелами десятков кинокамер и сотен глаз в полном блеске показали, как умеют работать. Западные военные атташе не могли скрыть радости. Родионов стоял какой-то холодно-металлический. Когда после короткого сигнала вагон покатило по рельсам, к министру, ломая охранные кордоны, хлынула толпа журналистов. Один из охранников Родионова, яростно оттесняя слишком нахрапистых, негромко спросил:

— Игорь Николаевич, с прессой общаться будете?

Родионов ничего не ответил. Все было ясно.

Лукашенко так и не приехал... Я хорошо понимал белорусского президента. Лишь несколько человек в стране знали в то время, что Александр Григорьевич неоднократно пытался убедить Ельцина, что с окончательным выводом стратегических ракет из Белоруссии не надо торопиться, что этот мощный фактор надо с большой выгодой использовать в ситуации, когда НАТО решило распространяться на восток.

Его не послушали.

МАФИЯ

Когда бывший секретарь Совета безопасности РФ Александр Лебедь вскоре после своего назначения летом 1996 года обнаружил в МО так называемое «ГКЧП-3» и выдворил из Минобороны и Генштаба целую группу «заговорщиков», он оказал этим весьма полезную услугу новому министру обороны. Даже несмотря на то что официально вина «гэкачепистов» не была доказана, в МО и ГШ знали, что стоит следователям добросовестно покопаться в тайных коммерческих и иных неблагоприятных делах некоторых сподвижников Грачева, и те сочтут за счастье молча уйти на пенсию...

Родионову много раз советовали убрать генералов-коммерсантов из министерства. Но он упорно повторял:

— Я не следователь и не прокурор. Не я возбуждаю уголовные дела. Будут доказательства — уберу.

Это принцип. И все же факт остается фактом: в ближнем Подмоскowie понастроено уйма генеральских дач, стоимость которых колеблется от 200 до 800 и более тысяч долларов. Многие из этих загородных дворцов возводились за год-полтора. При генеральском окладе в 2,5 миллиона рублей (по тем временам) такие хоромы честным способом не возвести и за 10 лет. Доказательств тому, что бабушка-мил-

лионерша в США оставила богатое наследство или что удалось «случайно» найти золотой клад, ни один из генералов не представил. Деклараций о доходах и оправдательных документов о том, что «все по-честному, без обмана» Генеральная и Главная военная прокуратура пока не добились. Более того, главный военный прокурор генерал-полковник юстиции Валентин Паничев не однажды выступал в роли адвоката тех, кто не мог доказать, что нажитое добыто честно. Однажды Паничев уже договорился до того, что стал чуть ли не оправдывать работу солдат на строительстве генеральской дачи: «А может, они добровольно работали во внеслужебное время?» Уже вскоре после того как Паничева сняли с должности, в прессу просочились сведения, что он заимел аж две квартиры и дачу в Барвихе...

Повисли в воздухе документы, свидетельствующие о причастности некоторых генералов к сомнительным сделкам с отечественными и зарубежными коммерческими фирмами и банками. На многих из этих документов, между прочим, стояли подписи некоторых заместителей Родионова.

В Минобороны при Грачеве появился целый клан криминально-буржуазного генералитета, сумевшего вволю пожить в условиях вседозволенности, круговой поруки и слабости правоохранительных органов. С этим кланом новому министру предстояла тяжелейшая борьба. Этот клан стремился нанести упреждающий удар: в редакции некоторых газет была подброшена дешевая подделка-компромат на Родионова: то он пайщик одного из коммерческих банков, то собирается купить себе квартиру за 600 тысяч долларов. Узнав об этом, Родионов как-то сказал:

— Неужели я до того опустился, чтобы покупать себе столь дешевое жилье? — И уже всерьез добавил: — Вот вытащить бы эту мразь на суд и выиграть процесс миллионов хотя бы на 500. Знаете, куда бы я эти деньги употребил? Построил бы дом для жен и детей погибших в Чечне офицеров...

«СКИНЕМСЯ НА БОЕГОТОВНОСТЬ...»

Первые свои поездки в войска в качестве министра обороны Родионов совершил в самые дальние гарнизоны: Калининград, Балтийск, Мурманск, Петропавловск-Камчатский, Уссурийск, Владивосток, Хабаровск, Душанбе...

Везде видел он одно и то же: безденежье и бесквартирье, полуукомплектованные и полувооруженные, полуголодные и полуодетые дивизии и полки...

Но где бы он ни был — в крупных гарнизонах и в забытых Богом дырах, — нигде не встретил растерянно-ноющих офицеров или их истерически вопящих жен. Наоборот, там, где люди уже по три-четыре месяца не видели денег, где воду и свет подают на несколько часов в день, где на пунктах приема донорской крови лежали длиннющие списки фамилий полковников и лейтенантов, а в гарнизонных магазинах распухали «долговые книги», в которых напротив фамилий офицеров чаще всего стоят слова «хлеб», «молоко» и «зубная паста», где полигоны по полгода не слышали звуков выстрелов и где даже подполковники служат кочегарами или «привратниками» на КПП, слышал министр от своих подчиненных простые и надежные, как автомат Калашникова, слова: «Держимся, Игорь Николаевич!»

Боеготовность армии держится на преданности делу, на энтузиазме и самоотверженности людей. Командующий Тихоокеанским флотом Владимир Куроедов рассказал Родионову случай, который, наверное, мог произойти только в русской армии.

Американцы пригласили один из кораблей ТОФа принять участие в совместных учениях. Командование флота определило: пойдет противолодочник. А за две недели до выхода в море случилась серьезная поломка, да такая, что надо было загонять корабль в док на ремонт и искать на это деньги. Куроедов стал подбирать кораблю замену. Экипаж узнал об этом и чуть не взбунтовался. Кто-то из офицеров предложил скинуться кто сколько может и таким образом постоять за честь родного флота.

Экипаж добывал деньги на ремонт, как только мог: кто брал займы у богатого бизнесмена, кто снимал с книжки припасенное на черный день...

Корабль вышел в море точно по расписанию.

Во время выхода в море крейсера «Петр Великий» командующий ТОФ рассказал Родионову и о другом случае, из собственной жизни. На владивостокском рынке Куроедов чуть не купил грибов у... своего штабного офицера. Так прожженный морской волк, которому нет равных в его ремесле, спасал больную жену и троих детей от голода.

Когда-то Грачев, отправляясь на Дальний Восток, заболтался о том, чтобы привезти тамошним гарнизонам деньги.

Родионов прилетел на ДВ с пустыми руками. Он даже приличных подарков вручить людям не мог — почти весь наградный фонд министра во время ухода Грачева испарился: спешно поощрялись даже те, кто этого не заслуживал. Осталось несколько десятков «Командирских» часов. Их хватило на несколько поездок в войска.

Единственное, что было по силам Родионову, — присвоить досрочные звания офицерам, которые «на зубах и нервах» удерживают еще боеготовность армии и флота. И потому министр вручал людям погоны...

В суровой утробе гигантской атомной подводной лодки представился на Камчатке министру обороны 30-летний командир — худой капитан второго ранга. Тот, который почти месяц водил за нос американских асов-подводников, перекрывших все ходы и выходы в сумрачных глубинах Тихого океана. Они бросили на поимку русской субмарины все, что можно было бросить. Он оставил их с носом, благополучно придя в родную базу. После этого в некоторых американских газетах и появились статьи о том, что «слухи о кончине русского подводного флота оказались слишком преувеличенными».

Капитан атомной подводной лодки, несущей на своем борту ядерную силу, способную одним зарядом снести с лица Земли целые мегаполисы, систематически недоедал, но каждый день носил со службы домой в своем потертом портфельчике бутерброды. Капитан лучшей на флоте атомной подводной лодки имел костюм пятилетней давности и башмаки с треснутой подошвой. Его жена забыла, когда покупала духи, а дети не знали, как едят банан...

Капитан во время офицерского застолья на берегу сказал тост:

— Выпьем за то, чтобы наши дети не радовались ливерной колбасе!

Капитан атомной подводной лодки был подчиненным Родионова. Родионов не мог вовремя дать ему денег на прожитье — он не министр финансов. Родионов дал ему то, что для офицера дороже денег, — погоны капитана 1-го ранга.

На прощание министр спросил:

— Когда последний раз получали деньги?

— Два месяца назад.

— Сколько?

— Два миллиона.

— У нас уборщица в коммерческом банке получает в два

раза больше, — сказал губернатор Камчатской области Бирюков, стоявший позади министра.

— Ну так ведь это же уборщица! — грустно усмехнулся Родионов.

На командирском мостике офицеры заулыбались...

Я вспомню этот эпизод несколько месяцев спустя, когда Родионов во время приема военачальников в честь Дня защитников Отечества в МО произнесет слова, вызвавшие панику в Кремле, — о «новых русских», которые будут ездить отдыхать на Канары, а люди в погонах будут за них отдаваться, потом и кровью отдавая долг Родине...

С отдачей долгов Родине проблем не было. Родина неохотно отдавала долги своим защитникам.

МОЛОЧНЫЙ ПОРОСЕНОК

Было это осенью 1996 года в дальневосточной армии, которой в свое время Родионов командовал.

Министр шел по коридорам штаба, внимательно все осматривал и очень напоминал мне человека, приехавшего в родной дом, в котором давно не был. Спросил у командарма генерала Морозова:

— А в зале заседаний военного совета потолок во время дождей по-прежнему протекает?

— Не так давно залатали, товарищ министр.

Зашел в свой бывший командирский кабинет, посидел в кресле, сказал:

— Здесь прошли мои лучшие офицерские годы.

Такие же слова он говорил о своей службе во Львове, в Тбилиси и других гарнизонах, и получалось так, что везде, куда ни забрасывала его служба, — везде были лучшие годы. В Уссурийске были «самые лучшие».

Родионов не выдержал, чтобы не слетать на вертолете на «свой» полигон, где «в свое время вдоволь наелся песка и дыма». Прошелся по рыжей полигонной земле, усыпанной ржавыми гильзами, грустно осмотрел поросшие жухлой травой сопки.

Затем со свитой поехал в родной танковый полчок, где так же, как пятнадцать лет назад, шелестели на ветру желтые тополя и в одном из домов по-прежнему не было питьевой воды... Долго ползал с бородатым комдивом по разложенной на полу огромной карте, изучая дислокацию частей.

вникал в оперативные планы и страшно возмутился, что комдив в угрожаемый период собирался загонять один из полков в единственное во всей округе болото...

Кто-то вспомнил, что уже 16.00, а у министра с самого утра крошки во рту не было. Предложили отобедать в офицерской столовой. Он согласился. Вместе с толпой сопровождающих генералов и офицеров пошли в столовую.

Веселели у «эскорта» глаза: хороший повод под соточку вспомнить молодость, икорки красной отведать, крабику ножку отгрызть... С 6.00 не только у министра во рту крошки не было. Когда зашли в столовую и взглянули на обеденный стол, который по размерам был чуть меньше футбольного поля, у многих мигом рот набух слюной.

Среди роты стеклянных гранат «Московской», «Распутина», «Столичной» возлежали метровые кижучи и гигантские, словно башни танков, крабы, краснели и чернели лохани с икрой, а симпатичный поросенок, еще утром хрюкавший на прикухонном полковом дворе, глазками московской проститутки смотрел на свиту, и казалось, что он даже слегка шевелил веточкой свежайшей кинзы, воткнутой в его аппетитно зажаренную пасть...

Родионов остолбенел. Командующий войсками Дальневосточного округа генерал-полковник Виктор Чечеватов, который еще секунду назад со счастливым видом Наполеона, взявшего Москву, открывал дверь министру в «комнату сюрпризов», обрел похоронный вид. Командарм генерал Александр Морозов смотрел на Родионова глазами собаки, стачившей со стола хозяина рождественскую утку.

— Вы что, с ума сошли?! — почти сорвался на крик Родионов. — У вас офицерские дети жуют сухари! Нет, мне такой обед не нужен! Как людям в глаза будем смотреть? — И, резко развернувшись, пошел из «греческого зала».

Голодная свита траурной процессией понуро потянулась за ним, стараясь не смотреть на молочного поросенка с веточкой кинзы в пасти.

— Командир дивизии. — сказал на ходу Родионов, обращаясь к бородатому генералу, — вечером за этим столом устройте ужин для ваших офицеров, которым я досрочно присвоил сегодня очередные воинские звания. За мой счет!

В офицерской столовой, которая, как оказалось, не работала уже полгода (из-за отсутствия денег у офицеров) был торжественный ужин в честь новоиспеченных капитанов и майоров. Жены их, давно не сидевшие за столь щедрым,

ломившимся от яств столом, украдкой складывали в свои сумочки бутерброды с царской снедью — дома ждали их детишки...

И захмелевший старлей, в тот день получивший из рук Родионова новенькие погоны, предложил первый тост за министра обороны...

Знакомый офицер штаба дивизии, рассказывая мне обо всем этом, сообщил также, что гарнизонные остряки распустили слух, что будто после облома с несостоявшимся обедом комдив приказал отменить уставную форму приветствия «Здравия желаю!» и заменить ее на «Приятного аппетита!»...

В тот же день группа офицеров и генералов, сопровождавшая министра, улетела из Уссурийска без обеда. Возвратились в Хабаровск поздно ночью. Страшно хотелось есть — пустой желудок прилипал к позвоночнику. В номере гостиницы стояла ваза с яблоками. Мы с адъютантом министра жадно набросились на них. В дверь постучали. Вошел помощник министра генерал-лейтенант Виктор Иванович Козлов — справиться, как устроились. Тоже взял яблоко из вазы. И сказал нам:

— Приятного аппетита, товарищи офицеры!
Мы дружно рассмеялись.

КАЛИНИНГРАД

Прилетев в Калининград, Родионов заслушал доклады командующего флотом и командующего общевойсковой армией. Доклады были мрачные, но не безнадежные. Военачальники изо всех сил пытались показать, что не теряют оптимизма и всячески выкручиваются из никудышного положения. Они наверняка уже знали, что Родионов не любит безутешного нытья («Сейчас всем плохо!») и больше всего ценит конструктивизм.

Родионов иногда вставал из-за стола, надевал очки и внимательно рассматривал оперативные карты Калининградского особого района. Вид у него при этом был хмурый. Я все пытался разгадать, о чем он думает. Если министр идет по карте вдоль государственной границы, вчитываясь в аббревиатуры, в которых «запрессованы» данные разведки о военных группировках на территории сопредельных стран, — много ума не нужно, чтобы понять, о чем он размышляет.

Наши границы в Прибалтике были облеплены такими аб-

бrevиатурами, как соты пчелами. Легко представить, что их станет еще больше, когда натовцы потянут на восток свои новые военные базы. И я подумал: «А ведь все дело идет к тому, что Балтфлот придется сворачивать до флотилии, а вместо общевойсковой армии лепить дивизию. Больше не потянем...»

Эти мысли ошпарили меня, как кипятком. Я прогнал их к черту.

Уже на другой день, когда министр прибыл в одну из дивизий 11-й общевойсковой армии, один из ветеранов, видать больше других осведомленный или просто очень догадливый, вдруг умоляюще произнес:

— Игорь Николаевич, нельзя уничтожать армию. Армию надо сохранить. Мы просим вас...

Родинов ничего не ответил. И я подумал, что тяжело быть министром разваливающейся обороны.

Потом Родионову показывали Музей боевой славы дивизии. Начальник музея, симпатичный старший прапорщик, боготворящий каждую пылинку, что хранит память о прославленном его соединении, вдохновенно рассказывал о боевой летописи дивизии. Одна за другой мелькали фамилии легендарных полководцев, один за другим мелькали подвиги, и создавалось впечатление, что все самое лучшее и самое высокое, что было в истории Вооруженных Сил, рождалось в этой дивизии.

За годы службы мне довелось увидеть десятки музеев боевой славы частей, армий, округов и флотов. Еще больше видел Родионов. Сейчас, когда армия стала экономить буквально на всем, когда в некоторых музеях стали устраивать коммерческие лавки по продаже реликвий, этот выглядел каким-то священным храмом. Пропахший ржавой медью гильз и нафталином мундиров давно ушедших в мир иной маршалов, глядящий в глаза нынешних поколений выцветшими глазами фронтовых фотографий и глазницами пулевых пробоин на солдатских касках, он заставлял остановиться, задуматься, вспомнить. Помнить...

Родионов стоял посреди зала — седой и грустный. Он сам был родом из той, Великой Армии, гордо пронесшей свои боевые знамена по Европе. Теперь волею судьбы он стоял во главе этой армии, первой «победой» которой был расстрел собственного парламента, а первым поражением — бесславный поход на Кавказ...

Мы уезжали из дивизии, и следом за машиной министра

плотным неровным строем потянулись ветераны, позвякивая тяжелыми гроздьями орденов.

— Игорь Николаевич, — кричали они вдогонку, — армию надо сохранить!

Родионов согласно кивал головой. И уже не имело значения, какую армию они просили сохранить — 11-ю общевойсковую или Российскую...

...Потом было инспектирование кораблей в Балтийске. Они гуськом стояли у причальных стенок в гавани — последняя гордость умирающего Российского флота...

В одной из кают-компаний, где предстояло заслушивание очередного командира, Родионов увидел старенькое обшарпанное пианино. Подошел, поднял крышку, прошелся по клавишам. Пианино грустно что-то вскрикнуло в тишине, обрамленной сталью ракетноносца...

Доклад командира Балтийской военно-морской базы шел по привычной схеме: положение тяжелое, но бьемся... Родионов был доволен, что командиры и без его указаний «схватили» сами ариаднину нить выхода из создавшегося положения: выжимать из себя, из подчиненных, из техники все, чтобы меньшим количеством поддерживать приемлемый уровень боеготовности. То была тоже сверхзадача, которую министр обороны СССР маршал Антон Гречко давным-давно ставил полку Родионова на Яворовском полигоне под Львовом...

Родионов прибыл в Калининград в то время, когда там готовились к выборам главы администрации области. Еще в Москве он предупредил членов своей делегации: нельзя допустить, чтобы приезд министра обороны кто-то из претендентов попытался использовать в своих пропагандистских целях. Повод для такого разговора дала «Комсомольская правда», которая сообщила: министр обороны России прибывает в Калининград специально для поддержки одного из кандидатов в губернаторы — актрисы Яковлевой. И тут же пошли звонки из аппарата Маточкина — действующего губернатора, желавшего сохранить пост за собой.

В Калининграде Родионов старался не давать повода уличить его в поддержке кого-либо из претендентов: «убегал» на флот, в войска. Но его догоняли.

Яковлева появилась в нашей свите на одном из ракетных кораблей и не упускала возможности засветиться в телекадре рядом с министром. Игорь Николаевич деловито осматривал боевые части, ныряя из люка в люк. У многих сопро-

вождавших его сухопутных генералов вскоре началась явно выраженная одышка, и они отставали от министра. Актриса не подавала вида, что такой марафон ей не под силу, и не сходила с дистанции.

Флотским офицерам это даже нравилось. Они услужливо пропускали даму вперед, чтобы полюбоваться туго упакованными в брюки роскошными формами...

Надолго актрисы не хватило.

В конце доклада командира Балтийской военно-морской базы Родионов задал ему уже ставший традиционным вопрос:

— Когда вы в последний раз получали деньги?

Контр-адмирал вопросительно посмотрел сначала на Главкома ВМФ адмирала флота Феликса Громова, затем на командующего флотом адмирала Владимира Егорова. По старой службистской привычке — надо было хотя бы зрительно «проработать» этот вопрос, прежде чем отвечать на него.

Сигнал был понят: «рубь правду-матку». Контр-адмирал негромко вымолвил:

— Два месяца назад.

— А сколько у вас детей?

— Трое.

— Жена работает?

— Нет. Сидит с самым маленьким.

— А как же выкручиваетесь?

— А у меня зять в банке работает! И теща помогает!

Взрыв смеха.

Родионов тоже смеется. Смех веселый, глаза грустные.

...Кавалькада машин мчится из Балтийска в новый гарнизон. В районе заставы специально «под министра» сварганили огромный — примерно десять на три — стенд с лозунгом. Краска еще не высохла. Рядом вытянувшийся по стойке «Смирно» и сияющий от гордости за свой шедевр плакатного искусства капитан-лейтенант: только ему известно, что этот стенд стоил пяти бессонных ночей, трех ведер краски и десяти бочек соленых матюков гарнизонного начальства. У кэпа красные от бессонницы глаза, млеющая физиономия и грудь колесом — ждет благодарности.

Мы проезжаем мимо, слегка притормозив, чтобы вчитаться в великое творение. Несколько матросов с еще не отмытыми от краски руками и носами выглядывают из-за ближайших рыжих кустов.

На стенде метровыми буквами в две строки:

**ФЛОТ РОССИИ СЛУЖИТ,
ФЛОТ РОССИИ ПРЕДАН!**

— Удивительно точные слова, — наконец-то выдавливают из себя после некоторого шока кто-то из сопровождающей министра свиты...

То был тот редкий случай, когда одновременно хотелось и смеяться, и помолчать...

ТАДЖИКИСТАН

...Вертолетные винты бешено отмахиваются от ослепительного таджикского солнца. Мы идем на 12-ю погранзаставу.

Столб грязно-белой пыли, словно от ядерного взрыва малой мощности, поднимается вокруг вертолета.

Родионов и Рахмонов выходят первыми. Сначала святое — возложить цветы к обелиску в честь разгромленной афганскими бандитами заставы. Минута молчания.

Примерно в километре от позиции новой заставы в голубой горной дымке чернеют стены заставы погибшей.

Родионов слушает рассказ старшего пограничного генерала о той трагедии. И оглядывает окрестности. Генерал в зеленой фуражке говорит, что та, погибшая, застава, располагалась как бы на дне гигантского горного стакана и была со всех сторон уязвима. Теперь позиция гораздо лучше. Теперь пограничники усилены армейскими подразделениями и если что — зубы могут показать будь-будь.

Я смотрю на министра и уже — могу хоть на что спорить — знаю, о чем он сейчас думает: о том, что было бы лучше, если бы не было «теперь»...Только очень тупой афганский командир мог удержать себя от соблазна ударить с горных высот по заставе, которая простреливалась насквозь...

Родионову показывают врытые в землю казарму, столовую и даже миниатюрный хлебозавод. Министр обороны России рядом с президентом Таджикистана колоритно смотрелись за грубо сколоченным дощатым столом: оба макали горбушки свежего хлеба в блюде с горным медом и хлебали чай из кружек с оббитой эмалью.

Мед мне показался горьковатым...

Рахмонов времени зря не терял. Когда стал давать ин-

тервью журналистам, слегка повернулся к Родионову и, хитровато блеснув миндальными глазами, очень громко стал рассуждать:

— А вы знаете, что после распада СССР Таджикистан оказался самым обделенным по оружию государством? Нам даже ножа деревянного не осталось...

— Не заливай, Эмомали Рахмонович, — с улыбкой говорил ему Родионов, — и не прибедняйся...

Рахмонов еще больше распалился. Потом как бы случайно стал с гордостью рассказывать о природных богатствах республики, о том, что в этих предгорьях люди часто находят золото...

Родионов засмеялся — ясно было, куда клонил Рахмонов. И пошутил:

— Ты еще расскажи, что в этой долине таджики слитки золота будто земляные орехи собирают!

Осматривая с полукилометровой высоты ту долину, я вспомнил о том, что по ней пролегает одна из главных наркотрасс из Афгана. Наша расстрелянная застава была костью в горле тех, кто водил с той стороны тайные караваны с героином и планом. Но нажиться на этом страшном зелье хотели не только афганцы: один из офицеров штаба 201-й дивизии рассказал мне, что там же с поличным был арестован один из наших высокопоставленных генералов штаба миротворческих сил РФ в Таджикистане. Но говорить об этом в голос не полагалось...

Сквозь грохот вертолетных двигателей Рахмонов рассказывал Родионову о богатствах своей республики, про которые российский министр обороны и сам хорошо знал. Слушая таджикского президента, Родионов устало думал о том, что на его месте он поступал бы точно так же...

...В зале гарнизонного Дома офицеров не было свободных мест. Тут сидела почти вся 201-я мотострелковая дивизия — от рядовых до комдива. Ожидали выступления министра. Когда Родионов вышел к трибуне, в зале, мне показалось, физически ощущалась атмосфера какой-то настороженности. Возможно, это было связано с активно распускаемыми слухами о выводе соединения в Россию. И потому было ожидание «приговора». Почувствовав это, Родионов начал так:

— Я недавно был недалеко отсюда — в Дели. Так вот, Душанбе мне нравится больше...

Зал взорвался аплодисментами. Лица людей посветле-

ли. Министр говорил о благородной роли дивизии, о том, что ее личный состав выполняет здесь особую миссию в интересах России. А над сценой большими лепными буквами было написано «За нашу Советскую Родину!»...

Священник пригласил министра в полковую церковь — крохотную и уютную. От образов веяло теплом и умиротворением. А где-то вдали слышались выстрелы. Родионов зажег свечку — за ним все сопровождающие. Священник стал читать молитву. И всех охватило какое-то необъяснимо возвышенное чувство: тихий шелест страниц Библии, певучий голос полкового священника, серебряные кресты, «золото» погон и трепетный огонь оплывающих свечей...

Когда-то многие из нас приезжали в командировку в Таджикистан, как на курорт: солнце, дыни, виноград, персики, шашлыки, вино...

Сейчас приехали, как на фронт. Над республикой витал зловещий дух войны. Наши друзья-таджики дрались между собой. Между ними вставали русские воины-миротворцы. Часто лилась кровь. Шла роковая расплата за то, что мы в свое время в этом цветущем и богатом краю выпустили джина сепаратизма из бутылки и не помогли таджикам сохранить мир в их доме. Впрочем, в своем тоже...

Когда министр обороны РФ покидал гарнизон, дивизионный оркестр грянул марш «Прощание славянки».

— Но мы не прощаемся, — многозначительно сказал Родионов Рахмонову...

НАТО

Первый раз в качестве министра обороны Родионов полетел за рубеж в Норвегию. Его пригласили выступить на совещании министров обороны НАТО.

Увидев в иллюминатор норвежских морских офицеров в форменных плоских фуражках с помятым верхом, министр бросил:

— У меня такое впечатление, что норвежцы на них спят...

Внизу, у трапа, поблескивали объективами телекамеры — предмет особой нелюбви Родионова.

— Я на эти телекамеры смотрю, как на пулеметы, — сказал он однажды, со вздохом двигаясь навстречу крупнокалиберным оптическим стволам и, видимо, вспоминая напутствие Ельцина в день назначения на пост министра оборо-

ны: «Игорь Николаевич, ты не бери пример с Грачева — в телевизоре часто не светись...»

Он, может быть, и не светился бы...

Он сделал всего пять шагов по земле Бергена, когда норвежская журналистка спросила у него:

— Какие у вас первые впечатления о Норвегии, увиденной с борта самолета?

— Прекрасная, любовно обустроенная трудолюбивыми руками страна, — сказал министр. — Я хотел бы с высоты птичьего полета посмотреть на всю вашу прекрасную землю и ее сказочные побережья...

Эти слова мигом разнесли все ведущие телекомпании.

Вечером на торжественном приеме журналист одной из них, занимающийся рекламой туризма, сказал мне:

— Один комплимент Родионова Норвегии стоил того, чтобы сразу подскочил спрос на турпоездки по нашей стране. Хорошие слова известного человека — для нас тоже хороший бизнес!

В Бергене министры обороны НАТО встретили его с настороженной учтивостью. Им тоже нужно было сделать с помощью Родионова (или на Родионове) бизнес. Политический. И прежде всего, конечно, услышать о согласии ослабевшей в военном отношении России на продвижение НАТО на восток.

Родионов сказал: «Россия этого не приемлет». Эти слова он повторил и три месяца спустя в Брюсселе. Улыбчивый генсек НАТО Хавьер Солана сразу погрузстнел. У натовских генералов аргументы грубы, как танки: «Мы будем двигаться на восток, хочет этого Россия или нет».

— Это ваше право, — говорил им Родионов, — но следом за вами на восток опять ползет «холодная война».

— С вами мне непросто говорить, — посетовал министр обороны Великобритании Майкл Портилло, — вы гипнотизируете собеседника своим жизненным опытом и непробиваемостью аргументов. С вашим предшественником было гораздо легче. Он был сговорчивей...

В сентябре 1996-го в норвежском Бергене натовские генералы пробовали Родионова «на зуб». В декабре 1996-го в Брюсселе натовские генералы хотели Родионова «раскусить». Это было заметно и по манере обращения, и по тону переговоров. В Бергене Родионова, как мне показалось, натовцы даже нарочито превратили в телезвезду и не скрывали, что «сегодня день русского министра». Вели себя край-

не учтиво, и даже то, что уже тогда Родионов заикнулся о необходимости кардинального реформирования НАТО, было нарочито пропущено мимо ушей стратегами Североатлантического альянса.

И Родионов, и все члены российской военной делегации уже тогда прекрасно понимали, что такая позиция России для НАТО выглядит всего лишь как благое пожелание. Москву там уже никто не слушал. Он и сам не скрывал этого, уже на другой день после встречи в Бергене заявив, в частности, что Москва на данный процесс серьезно влиять не может.

Доклад министра обороны президенту о результатах Бергена закончился резюме Ельцина: сначала договор России с НАТО, а затем расширение альянса на восток. Из штаб-квартиры Североатлантического союза тут же послышался категоричный ответ: никакого договора. Потом, правда, позиция эта была несколько смягчена и натовцы стали поговаривать о какой-то хартии — документе, который мало к чему стороны обязывал.

Когда Родионов прибыл в декабре в Брюссель, его на авиабазе встречал наш посол в Бельгии Виталий Чуркин. Перед тем как идти на переговоры с натовцами, дипломаты и военные сели за стол — согласовать позиции. Меня поразило, что Чуркин стал поучать наших генералов, «как себя вести» на переговорах, и рекомендовал «не паниковать». Он даже посоветовал, чтобы не было «касательства к вопросу о перенацеливании ракет» — то был явный камешек в огород Родионова, который незадолго до приезда в Брюссель в своей статье в «Независимой газете» всего лишь в гипотетическом плане высказался об этом...

Генеральный секретарь НАТО Хавьер Солана буквально с порога начал «выкручивать руки» Родионову, настаивая на принятии решения об обмене офицерами связи между МО РФ и штаб-квартирой НАТО. Родионов был непреклонен: нужен договор, в котором бы четко были прописаны все «правила игры». Солана маневрировал, уходил от ответа, хорошо понимая, что с помощью такого договора Москва может повязать по рукам и ногам все далеко идущие планы НАТО...

В тот день стороны так и разошлись — каждая при своих интересах...

ИНДИЯ

...Мы летели в Дели. Как только самолет набрал высоту, Родионов совершил свой ставший традиционным обряд — обошел все «отсеки» и поинтересовался, как люди разместились. Потом вернулся в свой рабочий салон — работать над документами, которых всегда был воз и маленькая тележка.

Время от времени он приглашал к себе кого-нибудь из членов делегации и въедливо обкатывал с ним тот или иной вопрос. За рубеж он брал только самых необходимых генералов и офицеров. В состав его делегации входили исключительно «функционалы» — специалисты, которые вели какой-то конкретный вопрос в соответствии с программой визита.

Грачева, помимо большого числа специалистов, обычно сопровождала еще и целая орава минобороновских «туристов» и журналистов. Родионов от журналистов долго категорически отказывался, и у меня (как пресс-секретаря министра) не раз бывали неприятные стычки с начальником аппарата — помощником министра обороны генерал-лейтенантом Козловым. Виктор Иванович продолжительное время ограждал министра от прессы, и спорить с ним было трудно. Вероятно, здесь сказывался менталитет, приобретенный генералом во время «особенной» работы за рубежом, на которой не принято было светиться...

Когда министр обороны не привечает прессу, она платит ему тем же.

Ведь что, например, получилось после того, как Родионов слетал в Норвегию, где, по сути, произошел его «военно-дипломатический бенефис»? По телевидению промелькнул минутный репортаж, а в газетах — три-четыре малюсенькие заметки. Это было очень похоже на информационную блокаду. Работа Родионова в Бергене была как бы «не замечена» СМИ, и мне в авральном порядке пришлось выправлять положение. Но время было упущено. Единственное, что удалось сделать вдогонку событиям, — дать статью министра в «Московских новостях» — «Россия — НАТО: после Бергена».

При таком положении дел серьезно говорить о формировании необходимого имиджа министра не приходилось.

Я всегда считал очень недалекими тех пресс-секретарей, которые из кожи вон лезли, чтобы «сформировать положи-

тельный имидж» шефа. Надрываая пупки, лепят они лубочные, примитивные клипы, от которых за версту пахнет ложью. Нет колоритной личности, нет ума — никакой фальшивый клип обмануть народ не поможет.

Помню, после назначения Родионова неблагодарные настроенные журналисты не упустили случая намекнуть на его солидный возраст, имея в виду и здоровье...

Некоторые наши минобороновские «имиджмейкеры» рекомендовали мне притащить ранним утром к дому Родионова пару телекамер и показать Игоря Николаевича во время пробежки в парке или купающимся в ледяной воде бассейна. Я был сторонником честных, искренних материалов. И потому больше думал о том, чтобы имидж министра вырос из «заказных» статей или репортажей придворных борзописцев (что и сейчас делается), а из правды о нем, из тех ситуаций, в которых он оказывается.

В Бергене была уникальная возможность честно и ярко показать физическое состояние министра обороны...

После окончания переговоров все министры выходили к парадному входу и садились в свои машины. Родионов спросил у Соланы, каково расстояние до отеля, отведенного для русской военной делегации. Тот ответил: не более двух километров. Когда подали машину «под Родионова», он неожиданно вежливо отказался от нее и предложил членам своей делегации пройти до отеля пешком. Кто-то из наиболее осмотрительных намекнул министру, что это затея рискованная хотя бы потому, что у нас все рассчитано по минутам, как бы не опоздать на торжественный прием. Но Родионов от своего намерения не отказался. Мы ходко двинулись в путь. Следом за нами увязались один российский телеоператор и несколько иностранных.

Через сотню метров я уже пожалел, что не оставил свой «кейс» с документами в машине, но отставать от министра было просто неприлично. В руках некоторых генералов и офицеров, сопровождавших Родионова, замелькали носовые платки. Министр не сбавлял темпа. Норвежский гид демонстрировал явно неважную физическую форму — не скрывая появившейся одышки, с большими паузами рассказывал об исторических местах своего города. Не лучше оказался и наш молодой переводчик. Он передводил так:

— А вот... ху-у-у-у... это... ху-у-у-у... памятник... ху-у-у... семнадцатого... ху... у-у-у... столетия... ху...

Родионов шел в том же темпе и словно в насмешку с улыбкой приговаривал:

— Мы еще и сполоснуться в отеле успеем.

На втором километре рядом с министром остались лишь сильно порозовевшие и вспотевшие гид и переводчик да двое личных охранников. Журналисты, которые были лет на тридцать моложе министра, снимали его уже из спешно вызванных по телефону автомашин.

Эти съемки вскоре смотрела вся Норвегия... Марафон по Бергену не видела только Россия...

В Индию мы летели снова без прессы. Несколько моих попыток убедить генерала Козлова взять с собой на борт хотя бы трех-четырех представителей ведущих российских телекомпаний и газет опять успехом не увенчались: Виктор Иванович снова весьма жестко отреагировал на эти мои просьбы. А пытаться уламывать Родионова в обход начальника его аппарата я считал делом непорядочным.

Уже на подлете к Дели членам делегации была дана установка слово «договор» при общении с прессой не употреблять, только «соглашение».

В ходе визитов за рубеж всегда есть правила игры, которые должны свято соблюдаться. Поскольку команда пошла из «штаба» нашей делегации и поскольку по заранее оговоренным с индийской стороной условиям в аэропорту не предполагалось встречи с прессой, мои пресс-секретарские обязанности на первой стадии визита особых проблем не сулили.

После приземления Родионов в сопровождении индийских официальных лиц и нашего посла прошли в зал приемов в аэропорту — короткая беседа, пока выгрузят багаж. Я осмотрел зал — журналистами и не пахло. С пресс-атташе посольства Валерием Владимировым сели за столиком в углу — обсудить план освещения визита в прессе и выпить по чашке кофе.

Все шло нормально до тех пор, пока какое-то интуитивное чувство не заставило меня уже по привычке выйти на зрительную связь с помощником министра генералом Козловым. Когда я увидел его свирепый взгляд, обращенный в мою сторону, чуть не подавился глотком кофе. В два прыжка оказываюсь рядом с ним. Козлов вне себя:

— Вы что, сюда кофе прилетели пить?! Кто подпустил к министру индийского журналиста? Почему министр сказал «договор»?

Еще прыжок — и я возле Родионова. Он продолжает спокойно отвечать на вопросы. Сердце мое останавливается, когда я услышал «договор».

— Соглашение, Игорь Николаевич, со-гла-ше-ни-е! — яростно бурчу я в самое ухо министра.

Родионов недовольно бросает:

— Не мешайте.

Интервью заканчивается. Я хватаю индийского журналиста за рукав рубашки и на отвратительной смеси английского и немецкого пытаюсь сказать ему, что слово «договор» надо заменить на слово «соглашение». Тот ничего не понимает. Зато я понимаю его, когда он почти панически кричит, что у него нет времени и что ему надо срочно передать интервью в редакцию.

Репортер растворяется в толпе. Ко мне подходит суровый Козлов и строго говорит:

— Делайте что хотите, а чтобы слова «договор» в интервью Родионова не было!

А я даже не спросил у журналиста, какую газету или компанию он представляет...

...Теплая индийская ночь. Аэропортовская возня. Сотни людей. Уже сообщили по радио, что машины поданы и надо рассаживаться. Наша делегация начинает подтягиваться к выходу. И пять минут на принятие решения... Моя голова похожа на компьютер первого поколения — скоро дым пойдет из ушей. Бросаюсь к Владимирову. Объясняю ситуацию. Он мгновенно исчезает...

Три часа ночи. Я не сплю. Жду звонка от Владимирова. Наконец, он звонит мне в номер:

— Старик, с тебя бутылка. Все уладил.

Благодарю Бога, что этот человек попался на моем пути.

...Сидим на переговорах. Министр обороны Индии в длинном белом одеянии. Его босая нога в сандалии экстравагантно смотрится рядом с лампасами Родионова. Индус говорит, что его страна в общем довольна состоянием индийско-российских отношений в военной области. Но есть немало проблем в сфере военно-технического сотрудничества. Жалуется на то, что мы не всегда соблюдаем условия контрактов по времени поставок военной техники. Командующие видами вооруженных сил поддерживают его. Родионов хмурится. Просит членов нашей делегации дать объяснения причин. Всем нам ясно, что значит Индия в стратегических расчетах России в здешнем регионе...

Затем начинается кульминация: приступаем к главному вопросу. Индийский министр плавно «входит в реку». За ним — Родионов. Начинается сверхсложное маневрирование. Ничего не говорится напрямую, но все понимают, о чем речь. Гроссмейстерская игра. В речи Родионова нет даже неточной буквы. Он в отличной форме. Аккуратно обходит рифы. Переводчики вспотели. Ход — контрход. Ход — контрход. Наконец начинает показываться берег. Индусы довольны. Мы тоже. Причаливаем. Я ловлю себя на мысли, что горжусь своим министром. Было много «сложняка», и ему приходилось выдавать экспромты. Тут — как на минном поле: полшага в сторону — взрыв. Обошлось. Пожатие рук...

Мы едем в старинный дворец. Посреди двора — огромный столб. Гид объясняет, что это «столб желаний». Надо попытаться охватить его руками, закрыть глаза и загадать желание, которое обязательно должно сбыться. Родионов подходит к столбу и скрещивает на нем руки. Закрывает глаза. За ним — вся свита.

Я подхожу к министру и негромко спрашиваю:

— Игорь Николаевич, что загадали?

— Попросил Бога, чтобы побыстрее началось нормальное финансирование армии, — отвечает он, улыбаясь. — Я серьезно...

Индия. Жара. Многие тысячи километров до России. Наверняка кто-то из наших просил новой должности, нового звания или здоровья. Родионов просил денег. Не для себя. Для своей армии...

Культурная программа продолжается. Мы едем в индийскую святыню — храм Тадж-Махал. Температура — плюс 37. Личный врач министра напоминает, чтобы никто не вздумал где-нибудь выпить сырой воды.

— Лучше принять для профилактики пару глотков виски.

Эта рекомендация врача страшно всем нравится. Ее мы готовы выполнять безукоризненно и регулярно. Похорошело. Меня даже на стихи потянуло. Я начинаю экспромт:

Тыщу верст я отмахал,
Чтоб увидеть Тадж-Махал.
И теперь хочу признаться...

Порученец министра подполковник Юра Лаврухин добавляет:

Как и Тадж, хочу влюбляться...

Родионов улыбается. Все улыбаются. Всем хорошо. Мы идем сквозь многотысячную толпу паломников.. То и дело слышится:

— Рашин офисес.

За рекой у древнего дворца — зеленые посадки, чем-то очень напоминающие наши перелески.

— Чертовски хочется походить по земле босиком, — говорит Родионов...

Индийский офицер предлагает нашей делегации на обратном пути заглянуть в магазин его родственника.

— Мой родственник будет очень счастлив, если русский министр оставит в книге почетных гостей свой автограф. Такие люди делают честь его фирме.

Хозяин магазина встречает Родионова у входа во двор. Сама любезность. Безостановочно щелкают затворы фотоаппаратов. Бизнесмен готов, мне кажется, лично разложить перед Родионовым все товары. Министр проходит по залам, осматривает стенды. Владелец магазина настойчиво приглашает министра посмотреть дорогие товары. Но Родионов застывает перед картиной. Я смотрю на ценник. Сумма, которая почти равна командировочным министра. Больше по залам Родионов не ходил. Автограф оставил...

Во всех странах, где мне удалось побывать с ним, он чаще всего в качестве сувенира приобретал картины. Иногда они были совсем крохотные. Но почти всегда это были пейзажи... Случалось, спрашивал пластинки или кассеты со старым джазом.

ДЖАЗ

В доме приемов МО на Мосфильмовской Родионов принимал министра обороны США Уильяма Перри. Специально к этому событию была приурочена и концертная программа вокально-инструментального ансамбля Образцового оркестра Минобороны. Начальник оркестра был мужик хитрый и решил доказать несправедливость поговорки, что одним выстрелом двух зайцев не убьешь.

Вокалисты почти весь вечер пели исключительно на английском языке. Это было для Перри. Почти весь вечер гоняли джазовые мелодии. Это для Родионова.

Начальник оркестра внимательно поглядывал на министров обороны и сиял, как хорошо надраенный тромбон. И

Перри, и Родионов были в прекрасном расположении духа, они время от времени даже барабанили пальцами по белоснежной скатерти стола в такт музыке.

Перри после каждой песни или мелодии показывал Родионову большой палец и широко улыбался.

Родионов отвечал дипломатической улыбкой.

Начальник оркестра, при Грачеве «гонявший» преимущественно цыганский репертуар вперемежку с одесскими блатными песнями, самодовольно штурмовал серебряной вилкой гору протокольного салата «Московский» и был абсолютно уверен, что все о'кей! Оставалась суцая формальность — в конце вечера получить очередную благодарность от министра.

Когда довольный Перри со своей делегацией покинул дом приемов, Родионов подозвал к себе сияющего начальника оркестра и спросил:

— Сколько иностранных мелодий вы сыграли?

— Десять.

— А русских?

— Три.

— В следующий раз приказываю играть наоборот. Иначе — объявлю выговор. Вы меня поняли?

— Так точно, товарищ министр обороны!

Популярность джаза в Образцовом оркестре с того вечера резко пошла на убыль...

Однажды он сказал мне:

— Страсть как не люблю холуев...

Один начальник академии повесил в своем рабочем кабинете огромный портрет министра обороны.

— Я думал, что ты умнее, — сказал ему Родионов.

ИТАЛИЯ

... К трапу нашего самолета ведет широкая красная дорожка. По обеим ее сторонам — почетный караул. Родионов обходит его вместе с итальянским министром обороны Адреаттой. Двухметровые гренадеры в импозантных одеяниях выглядят величественно.

— У них мужественный взгляд. Никто даже глазом не моргнул, — говорит Родионов Адреатте.

— Это потому, что они не боятся русского министра, — улыбаясь, отвечает Адреатта.

И снова «тяжелые шахматы» переговоров. Американцы, немцы, французы нервно контролируют ход визита русского военного министра. Их корреспонденты наводнили Рим. Все наличные силы разведки на ногах. Почему это происходит, понять не трудно: бояться, чтобы Россия не обратила Италию в свою антинатовскую веру с помощью каких-то нестандартных ходов.

На пресс-конференции Родионова и Адреатты это становится понятным с первых же вопросов. Западные корреспонденты, похоже, запаниковали: Москва и Рим подписали сразу два военных договора!

— Это еще одно яркое подтверждение тому, что Россия и НАТО могут вполне успешно сотрудничать на двусторонней договорной основе, без продвижения Североатлантического альянса на восток, — говорил журналистам Родионов.

В зале стояла какая-то настороженная, холодная тишина...

Темпы работы бешеные. Отдых только во время обеда. Родионов недоволен:

— Рубашку некогда сменить!

Отбой — за полночь. Подъем — до рассвета.

Охранники министра в утренней темноте ныряют в ледяной воде открытого бассейна среди желтых октябрьских листьев. Горячие итальянки с балконов таращат глаза на наших накачанных двухметровых ребят и знаками зазывают их в свои теплые номера. Нельзя — служба. Сейчас надо с министром еще на утреннюю пробежку.

Где-то кричат петухи. Появился свет в номере министра. 5.30. Заходит порученец министра Юра Лаврухин. В ожидании министра курим на балконе. Сочинять на пару стихотворные экспромты стало вроде хобби. Я начинаю:

Я думал, что в Риме рассветы тихи,
А здесь, как в России, орут петухи,
И здесь, как в России, прекрасны закаты...

Дальше у меня не получается. И тогда Юра довершает великое произведение:

Вся разница в том, что Италия — в НАТО...

Вечером — домой...

У Главкома Сухопутных войск генерала армии Владимира Семенова была прочная репутация глубоко порядочного человека и отменного профессионала. После прихода Родионова в МО даже в самых высоких кабинетах поговаривали, что быть Семенову если не начальником Генштаба, то уж одним из заместителей министра наверняка. Все знали, что профессионализм, порядочность и здравомыслие — для Родионова главные козыри, когда надо повысить человека в должности. Все к тому и шло. Когда же «взорвалась бомба» и стало известно, что Семенов отстранен от должности с формулировкой, перечеркивающей все его былые заслуги, МО и Генштаб поразил шок.

Падкая на сенсации пресса вцепилась в эту новость, щедро фантазируя по поводу причин случившегося и как бы компенсируя этим незнание истины. Версии и домыслы сыпались, как из рога изобилия, самые невероятные слухи подавались как самая достоверная информация. Журналисты требовали срочных объяснений от Родионова. Родионов молчал. Это молчание злило их, и они лихорадочно бросались к Главкому, который категорически отрицал предъявленные ему обвинения и грозил подать в суд на Ельцина и министра обороны. Он к тому же не отказывал никому в интервью, стремясь хоть как-то защитить себя.

Родионов продолжал молчать. Почему — не объяснял. «Независимая газета» попросила министра пролить свет на скандал с Семеновым.

— Еще не пришло время говорить об этом, — отрезал министр.

Поползли по Москве слухи, что Родионову подсунили «сырой компромат», что его купили на мякине, что ему изменило привычное чувство осторожности. Его клеймили за то, что он якобы грубо нарушил юридические полномочия, поторопился с формулировкой представления и выходом на президента.

Об истинных причинах отстранения Семенова от должности еще предстояло узнать. В разговорах с Родионовым я много раз порывался хоть что-то понять в этой мутной истории, но он упорно отделялся лишь общими словами или намеками. Я искренне уважал Семенова и переживал случившееся с ним. У меня было твердое убеждение, что произошло какое-то недоразумение. Меня не убеждали даже

многозначительные слухи в окружении министра об ударных вертолетах, якобы проданных женой Семенова в Турцию, ни бородатые «сведения» о 17 установках «Град», будто бы загнанных чеченцам в бытность Владимира Магомедовича командующим ЗабВО, ни про близкого родственника генерала, якобы возглавлявшего в Чечне крупное бандформирование... Ни один из этих ядовитых слухов не подтверждался на официальном уровне.

Я выстраивал версии, располагая очень скудной информацией.

Допустим, компетентные органы предоставили министру обороны материалы, раскрывающие неблагоприятные деяния Главкома Сухопутных войск. Родионов вроде бы не тот человек, который может клюнуть на подметные письма, найденные на тротуаре или подброшенные недоброжелателями Семенова или самого Родионова.

Невозможно поверить в наивность человека, сотни раз попадавшего в подобные ситуации. Тем более что еще недавно сам Родионов публично заявлял: «Я не следователь по особо важным делам — в замочную скважину за своими подчиненными не подглядываю».

Итак, министр получил «компру» на Семенова. Документам надо было давать ход.

Когда любому командиру правоохранительные органы предоставляют документы, компрометирующие его подчиненного, он не вправе выступать в роли сыщика или дознавателя. Его обязанность — принять входящие в его компетенцию меры до окончательного разбирательства по предъявленным обвинениям. Временное отстранение от должности — обычная для армейской практики мера. Тут Родионов и на йоту не отступил от закона. Он подготовил на имя Президента—Верховного главнокомандующего обращение, в котором обосновал необходимость решения о временном отстранении Семенова от должности. До полного выяснения всех обстоятельств «дела». На подобную формулировку он имел собственное право, как единоначальник, опирающийся на предоставленные ему документы. Согласиться или не согласиться — это уже право президента.

И Ельцин действовал в строгом соответствии с законом. На представлении Родионова он начертил, как известно, слово «Согласен». Это означало, что на время разбирательства до окончательного вердикта президента Семенов временно отстраняется от должности.

Таким образом, и Ельцин и Родионов на этом этапе ни в чем не разошлись с законодательством. Каждый действовал строго в рамках установленных правил. Вполне возможно, что после президентской проверки материалов по Семенову Ельцин мог смягчить формулировку либо вообще прекратить дело. Но виноват или не виноват Семенов — судить не Родионову и не Ельцину. Последнее слово должны были сказать только правоохранительные органы. А они молчали. Чем дольше длилось это молчание, чем чаще недоумевал Семенов, тем яснее становилось, что произошла по-русски неуклюжая расправа над Главкомом, в которой Родионову кто-то отвел очень неприглядную роль.

Я не мог понять: если есть компрометирующие материалы, то почему об этом не сказать открыто? Несколько месяцев подряд скандал обрастал слухами, но даже части правды никто не говорил. Наконец, обнаружили, что Семенов приватизировал аж две дачи по заниженной стоимости. Но если это был действительный повод для смещения Главкома, то вместе с ним таким же образом надо было снять с должностей еще пятьсот генералов, перед деяниями которых преступления Семенова — детские шалости...

Дикая, страшная мы страна: у нас можно среди бела дня стащить у государства полмиллиона баксов и получить место в правительстве. У нас можно делать вакансии с помощью сырой «компры» на Главкома, подбросив ее под дверь лопоухих и оглупевших от подобострастия помощников министра...

После скандала с генералом Семеновым у Родионова появилась служебная «вольво» с бронированными стеклами. Приказали: «Вы — член правительства и будьте добры подчиняться установленным правилам». А за спиной министра стал неотступно следовать «хвост» в виде двухметрового, с цепким взглядом, красавца. Он умеет снайперски лупить с обеих рук — хоть с открытыми, хоть с закрытыми глазами.

ПИДЖАК

В качестве министра обороны генерал-полковник России Игорь Родионов появился на Арбате в июле 1996 года. Там многое произошло в его жизни: пришел к своему кителю погоны генерала армии, принимал от президента и председателя правительства поздравления с 60-летием.

Накануне юбилея пресс-секретарь президента Сергей Ястржембский с саркастической полуулыбкой сказал в телекамеру:

— Президент знает о юбилее Родионова, и некоторые шаги в связи с этим уже в ближайшее время будут предприняты...

Предприняли.

Вскоре Родионов получил указ президента о своем увольнении из армии. И даже решение Ельцина об оставлении его на посту главы военного ведомства в гражданском чине было слабым утешением...

С Родионова сняли погоны с той легендарной хамской торопливостью, которая всегда была присуща русскому двору тогда, когда уже правил не самодержец, а правила самодержцем.

И хотя генерал Родионов не снимал — сдирал с себя военную форму, с которой сросся за сорок с лишним лет службы Отечеству, — все же офицерского рыцарства ему хватило, чтобы не выказать своей обиды. Может быть, впервые в жизни он откровенно играл роль человека, который якобы не только был готов к новой роли, но и сам эту роль придумал.

— Я еще во время работы в академии Генштаба предлагал президенту идею о гражданском министре обороны, — бодрясь, говорил Родионов в те смутные декабрьские дни 1996 года, когда его первый и последний китель генерала армии уже висел на гвозде...

И хотя Кремль стал трубить о том, что появление первого в истории России гражданского министра обороны есть свидетельство дальнейшей демократизации государства и усиления гражданского контроля за Вооруженными Силами, многие у нас в МО и ГШ поговаривали, что на самом деле это решение очень похоже на непонятную месть Родионову после скандала с генералом Семеновым.

Все выглядело загадочно и зловеще. Кто-то в Кремле явно «торопил события».

Еще не было Положения о гражданском министре обороны, не было нового Положения о Генеральном штабе, не разграничены функции МО и ГШ, не утверждена их новая организационно-штатная структура, не приняты новая военная доктрина, концепция военной безопасности, концепция военной реформы государства, не внесены соответствующие поправки в военные законы и уставы, не приняты необходи-

мые в таких случаях десятки новых законов, не определен новый порядок управления Стратегическими ядерными силами, не проработаны еще сотни важнейших политических, организационных, экономических, материально-технических и других вопросов, а министра уже переодели в гражданский костюм.

Была ли у Ельцина возможность в рамках закона продлить время службы Родионова в армии? Мнение юристов однозначно — да. Для этого в Законе о статусе военнослужащих есть специальная статья, в соответствии с которой Родионов мог подписать контракт с президентом — Верховным главнокомандующим о продлении срока службы на год (закон предусматривает для военнослужащих, выслуживших установленные сроки, — до 5 таких контрактов). Такая юридическая норма применяется в Вооруженных Силах РФ, и некоторые офицеры и генералы ею пользуются.

Ельцин Родионову такой возможности не предоставил. Кто-то Ельцина слишком торопил... Ни в одной стране мира не умеют так коварно смещать военачальников с должности, как в России. Человека задвигают часто без объяснения причин, как старую ненужную мебель в пожарном порядке вывозят на загородную дачу, когда вдруг удачно попадается «левая» машина.

БАТУРИН

В Кремле были недовольны концепцией реформы, подготовленной Родионовым. Предвзятость к его проектам была почти тотальной. Самое большое раздражение вызывало то, что Минобороны не отказывалось от сокращения военных расходов и упорно доказывало — еще ни одна армия в мире не сокращалась и не реформировалась бесплатно.

Расчеты нашего Генерального штаба показали, что сегодня содержать, скажем, мотострелковый полк в 2 раза дешевле, чем его сократить.

Как и Батулин, Родионов был за сокращение армии. Но за разумное и при гарантированном финансовом обеспечении всех элементов реформы. Однако государство не способно что-то существенное добавить в военный бюджет. 102 триллиона на 1997 год (да еще секвестр) — это продолжение стагнации Вооруженных Сил. Это ровно столько,

сколько необходимо армии для того, чтобы она просто могла физически выжить.

Один из третьеразрядных чиновников аппарата Совета обороны РФ Владимир Клименко сделал «открытие»: «СО исходит из принципа финансирования на основе реальных возможностей государства». А Минобороны, дескать, исходит из принципа «заявленной потребности». То было грубое передергивание фактов. Когда Родионов стал министром обороны, то уже в первом своем заявлении в прессе сказал, что «армия должна быть посильной для экономики». Он же: «Армия не должна быть обузой для страны и пугалом для мирового сообщества».

Батуринские единомышленники упрекали Минобороны в старых подходах к уровню военных угроз, в оценках вероятности глобальных конфликтов. А позиция Совета обороны, по словам того же Клименко, строится на основе политического принципа «стратегического сдерживания от каких-либо масштабных действий вообще». В ответ с Арбата раздавалось: «Политическое сдерживание — блеф, если за ним не стоят надежные средства военного сдерживания».

Чем больше развивалась эта перебранка, тем яснее становилось: Кремлю нужен покладистый военный министр, который безропотно начнет сокращать войска и «изыскивать внутренние резервы», а не тот, который требует гарантированного финансирования реформы.

Родионов знал себе цену. Его почти ни разу не видели в Кремле и в правительстве с согнутым позвоночником. У него была своя позиция, за которую он умел драться с кем угодно — будь то Ельцин или Чубайс, Батурин или Рыбкин. Его аргументы и выводы часто драли ухо власть предержащим. Умные за это министра обороны уважали. Глупцы — ненавидели. Многим в Кремле очень хотелось, чтобы Родионов был человеком по кличке «чего изволите» и знал свое место на политическом шестке.

Когда минобороновская газета «Красная звезда» лупила из всех калибров по Минфину и требовала своевременно выплатить деньги для армии, в кабинете Родионова часто раздавались телефонные звонки, а министр, сняв трубку, узнавал знакомый голос, который, то ли прося, то ли грозя, говорил ему:

— Игорь Николаевич, надо бы поуспокоить газету — совсем разнузданась!

Родионов, слушая эти советы, хорошо понимал, что это

не только газете — всей его армии рекомендуют не поднимать голос в свою защиту. Кому-то очень хотелось, чтобы нищающая армия оставалась немым быдлом, смиренно терпящим человеческий облик и давно забывшим о чувстве самоуважения. Родионов обычно на такие звонки отвечал одинаково:

— Я не могу запретить людям говорить правду.

ПРОКОЛЫ

Трудно объективно рассказывать о человеке, которого уважаешь. Но если действительно уважаешь, то не только достоинства, но и недостатки не можешь не замечать.

Когда из Кремля началась бешеная атака на родионовский план военной реформы, мало кто на Арбате не понимал, что все это может плохо кончиться. Зрел конфликт. Родионов не промолчал и огрызнулся. Пресса громко заговорила о явных противоречиях между МО и Советом обороны. Вскоре стало известно, что президента раздражает это противостояние и он «лично» поручил Родионову и Батурину провести совместную пресс-конференцию и «снять напряженность»...

Трудно было поверить, что больному Ельцину больше нечего делать, кроме как, лежа в постели в Горках-9, вылавливать какие-то противоречия между СО и МО и снимать напряжение.

Родионов — человек законопослушный. Ему приказали «снять», он — снимал. И стал повторять раз за разом, что никаких противоречий нет. Я его не узнавал. У меня было такое ощущение, что я вижу совершенно другого человека — не того, которому некогда доверял, как отцу.

Родионову, я уверен, и самому было противно играть в те игры. И когда через некоторое время он сорвал с себя дешевую маску, которую надел по «рекомендациям сверху», я узнал его снова: он честно сказал все, что думал. Сказал так, что уже вскоре сам Ельцин подтвердил: противоречия есть. И надо искать консенсус.

Родионов — не Бог, а человек. И ему в глаза и за глаза бросали упреки его единомышленники и недруги. В день своего назначения он грозился «почистить авгиевы конюшни» армии от воря эпохи Павла Грачева. Когда попытался замахнуться на китов в лампадах — его по рукам больно не

ударили, а просто холодно промолчали. Когда он замахнулся еще раз, ему посоветовали «заняться более серьезным делом». Многие бугры с большим пухом на рыльцах остались в своих доходных креслах...

Потом нередко можно было слышать в стенах МО, что министр в своем доме не хозяин, что и его поставили на место, что и он бессилён перед мафией.

Случалось, что и министром управляли придворные шептуны, подталкивая на устранение людей, которые беззаветно были преданы ему. И он, бывало, шел на поводу у интриганов и бездарей, ошивавшихся у его кресла, и принимал кадровые решения, которые заставляли иногда терять веру в его благоразумие, порядочность и честность... Бывало, что и Родионов, говоря его же словами, «ляпал в телевизор» такое, что у сослуживцев «выпрямлялись уши», а по миру прокатывался сенсационный вихрь.

После переговоров с министром обороны Великобритании Майклом Портилло один из журналистов спросил Родионова:

— Вы теперь убедились, что НАТО не представляет угрозы для России?

— Я, может быть, и убедился...

Этих слов оказалось достаточно, чтобы они стали сенсацией дня: «Москва кардинально сменила позицию в отношении НАТО».

Родионов тогда, конечно, «ляпнул». Пришлось вскоре ему уточнять самого себя.

А сколько шороха он наделал, когда на конференции в Главном штабе по координации военно-технического сотрудничества СНГ вдруг заявил об угрозе для России со стороны Китая! И хотя по большому счету он был абсолютно прав, неблагоприятные вволю оттянулись на той его запредельной откровенности.

И никто не захотел вспомнить, что в августе 1996-го, во время встречи с китайскими слушателями академии Генерального штаба, он сказал, что от отношений России с Китаем зависит мир не только в Азиатско-Тихоокеанском регионе, но и на всей планете...

А чуть позже, на совещании руководящего состава МО, министр назвал Китай в числе тех многих стран, с которыми необходимо всячески развивать двустороннее сотрудничество в военной области, не переходя грани выгодной для России целесообразности...

ИТОГ

...Есть в журавлиных стаях жестокое правило: когда одна из птиц «не держит строй», ее из этого строя выклевывают вожаки.

У Родионова есть один очень большой «недостаток». Он, конечно, элитный, высококлассный профессионал, но слишком уж порядочный генерал.

Подозрение о том, что Родионова в конце концов доклюют, на Арбате у многих стало возникать еще тогда, когда косяками пошли явно заказные статьи, в которых Батурина сравнивали с электронным микроскопом, которым забивают гвозди. Между строк читалось: ну нигде, кроме как на посту военного министра, больше нельзя работать этому энциклопедисту, который на досуге, почти за рюмкой чая, играючи сварганил какой-то закон.

...Уже был май 97-го. Родионов иногда целыми неделями не мог дозвониться до Ельцина. По «опыту» Грачева он хорошо знал, что это недобрый знак. И без особого энтузиазма готовился к визиту в США, который должен был состояться в середине мая. В начале месяца там побывал Главком Ракетных войск стратегического назначения генерал армии Игорь Сергеев. Американские СМИ осыпали его комплиментами. Особенно после того, как он подтвердил свою позицию по СНВ-2: договор надо быстрее ратифицировать в российском парламенте...

Незадолго до отлета в Америку Родионов дал короткое интервью для СМИ, в котором заявил, что в случае приближения НАТО к границам нашего государства следовало бы задуматься об ответных военных мерах. В это время Кремль вовсю готовился к поездке Ельцина в Париж, где намечалось подписание документа, определяющего характер отношений между Россией и НАТО в новых условиях. Официальная Москва к тому времени уже заботилась не о том, чтобы продолжать твердо настаивать на несогласии в связи с готовящимся продвижением Североатлантического блока на восток, а о том, как отдалиться этим реалиям с наименьшей болью...

Заявление Родионова вызвало недоумение в Пентагоне. Оттуда стали звонить в Москву и уточнять, не изменилась ли позиция Москвы после столь грозного заявления военного министра. Кремль ответил, что сказанное Родионовым — его личная точка зрения...

Тут же из США поступила информация, что американская сторона сокращает программу визита Родионова. Для прикрытия этого неприглядного факта у нас в МО была избрета «легенда»: министру обороны, дескать, надо больше времени для того, чтобы основательно подготовиться к предстоящему заседанию Совета обороны 22 мая...

Он был еще в США, а приговор ему уже был подписан. Оставалось соблюсти формальности. Родионова сплавляли отдыхать на даче с любимым котом Федькой. Ему на смену пришел другой генерал. И никто ни в Кремле, ни в парламенте и словом не обмолвился о том, что почему же мы при этом отступаем от собственных принципов — ведь всего каких-то пять месяцев назад радостно кричали, что наконец-то у нас появился гражданский министр обороны.

Генерал Сергеев погон не снял. И этого вроде бы как и не заметили.

Каждому военному министру История отводит свое время. Но то, что остается после него в этой Истории, зависит только от самого министра. Я знал, что больше всего Родионов переживал, чтобы после него не остался «навоз».

В день своего смещения, 22 мая 1997 года, он сказал:
— Я так и не понял, кто управляет государством...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

...Когда я размышляю об отношениях Ельцина с высшим генералитетом, на память часто приходят слова Александра Лебеда: «Тяжело служить в армии, когда не понимаешь Верховного главнокомандующего...»

Не только генералам, всей армии непонятно, почему при Ельцине идет непрерывная перетасовка высшего руководящего состава Вооруженных Сил, но положение от этого не становится лучше.

Еще предстоит разгадать немало загадок и открыть многие пласты правды о нашей армии, о том, что она пережила после крушения СССР. С «генштабовской колокольни» современная военная история очень часто выглядит совсем не такой, как ее истолковывает Кремль. В ход нередко идет грубый политический грим, что-то умышленно замалчивается, а что-то преувеличивается. Нередко с совершенно противоположных точек зрения официальная пропаганда и непосредственные участники событий трактуют действия армии и ее руководства в трагические дни августа 91-го, октября 93-го, в период чеченской войны...

Во время службы в МО и ГШ мне довелось увидеть многое, что происходило по обе стороны «арбатского занавеса». Есть свои тайны в том, почему за шесть последних лет так и не удалось реформировать армию, которая сегодня полуразвалена и доведена до нищенского состояния. Или отчего новое руководство военного ведомства с такой помпой спешило рапортовать Кремлю о начале «действительных преобразований» в Вооруженных Силах, хотя многие прожекты и концепции авантюрны и грозят не укреплением, а дальнейшим развалом обороны государства. Во всем этом тоже есть своя скрытая логика, сопряженная с политической конъюнктурой и попытками выдавать желаемое за действительное...

Есть немало загадок в том, почему в последние годы в армии буйным цветом расцвела военная мафия, ворочавшая иногда десятками миллионов долларов, предназначенных для нужд войск. Никогда еще в истории Российской армии уровень преступности среди высшего руководящего состава не достигал столь «рекордных» высот. Что породило это беспрецедентное явление? Занимаемое служебное положение давало мне возможность находить свои ответы на этот вопрос.

В последние годы в России образовалась гигантская «криминальная империя» оружейного бизнеса, в которой тесно сотрудничают многие высшие государственные и военные чиновники, финансовые структуры. Нередко стремление коррумпированных дельцов любыми способами получить валютный куш за счет государства приводило к тому, что за границу продавались единичные образцы наших лучших вооружений и уникальные военные технологии. У меня была возможность заглянуть и в этот криминальный тайник.

Авантюризм и конъюнктурная уступчивость, граничащие с предательством национальных интересов, откровенное мошенничество и головоуятие нередко сопровождали политику Москвы в сфере сокращения ракетно-ядерных вооружений. Состояние Ракетных войск стратегического назначения, проблемы ядерной безопасности, тайные игры «ядерных генералов» — все это тоже не оставалось вне поля моего зрения. Есть о чем рассказать...

Многие тайны заключаются и в том, почему Россия в конце концов уступила расширению НАТО на восток и поставила себя в крайне невыгодное военно-стратегическое положение. Серьезные аспекты этой проблемы с близкого расстояния виделась мне в Генштабе...

Сегодня многие генералы и офицеры не хотят мириться с развалом армии и обороны государства. Чувство протеста объединяет и организует людей. В стране все громче заявляет о себе военная оппозиция, состоящая из кадровых и отставных военных, поддерживающих их политиков и просто граждан. Все чаще идут разговоры о том, что военные намереваются взять власть в свои руки, совершить переворот. Возможно ли это?

После развала СССР Россия выступила инициатором создания Содружества Независимых Государств и системы их коллективной безопасности. Однако процесс военно-технической интеграции идет крайне сложно, встречая яростное скрытое и явное сопротивление со стороны стран Запада и их спецслужб. Москва вынуждена держать свои миротворческие силы в ряде «горячих регионов» бывшего Союза, иногда поддерживая своими штыками местные власти. Почему случилось так, что Россия не смогла взять под контроль гигантские оружейные арсеналы в республиках бывшего Союза и, более того, сама тайно способствовала «накачке» их новым оружием?

Одна из острейших проблем нынешней армии — нравственная атмосфера в ней. Что стало причиной массового морального разложения людей в погонах? Почему в Вооруженных Силах, где должен процветать культ чести и здорового духа, сегодня властвуют законы «зоны», воровство и духовное убожество?

За тридцать лет службы в информационной системе Вооруженных Сил мне довелось в достаточной мере познать многие секреты отношений армии и прессы как в советские, так и в нынешние времена. Я понял не только то, что армия, как пушкинская царевна, хочет быть красивее всех в зеркале прессы. Мне пришлось изнутри «освоить» чрезвычайно сложную и интригующую сферу отношений руководства Минобороны и Генштаба со СМИ. В том числе и тогда, когда это было связано со смертью журналистов, пытавшихся проникнуть в опасные «арбатские тайны» и разоблачить военную мафию... Один из них — военный обозреватель газеты «Московский комсомолец» Дмитрий Холодов, с которым я сотрудничал и был хорошо знаком. Тайна его гибели до сих пор не раскрыта. У меня есть свои версии этой трагедии, построенные не на догадках, а на конкретных фактах...

Обо всем этом — моя следующая книга «Потерянная армия».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава 1 АРМИЯ И ЕЛЬЦИН	
Президентские стражники	6
Глава 2 МАРШАЛ ШАПОШНИКОВ	
Последний министр империи	80
Глава 3 ГЕНЕРАЛ ЛОБОВ	
Заговор против начальника Генштаба	122
Глава 4 ГЕНЕРАЛ ГРАЧЕВ и другие	155
Глава 5 ГЕНЕРАЛ ДУБЫНИН	
Генштаб против Кремля и МИДа	272
Глава 6 ГЕНЕРАЛ ГРОМОВ	
Самый долгий бой	308
Глава 7 ГЕНЕРАЛ КОЛЕСНИКОВ	
Крушение кумира, или Русский след корейских ракет	344
Глава 8 ГЕНЕРАЛ ЛЕБЕДЬ	
Командарм без ошейника	377
Глава 9 ГЕНЕРАЛ РОДИОНОВ	
Сорок первый	465
Послесловие	537

- Баранец В. Н.**
Б 24 Ельцин и его генералы: Записки полковника Генштаба. — М.: Коллекция «Совершенно секретно», 1998. — 544 с., 16 л. ил. на вкл.

Виктор Баранец — бывший пресс-секретарь министра обороны России, более десяти лет прослужил в Центральном аппарате Министерства обороны и Генерального штаба; был уволен из армии сразу после публикации отрывков из своей книги в газете “Совершенно секретно”.

Непосредственный участник и свидетель многих событий, потрясших Вооруженные Силы России в 90-е годы, рассказывает о сенсационных и малоизвестных сторонах жизни Минобороны, о некоторых тайнах Генштаба — “Белого дома на Арбате” — и его обитателях.

Автор анализирует скрытые стороны сложных отношений Верховного главнокомандующего с высшим генералитетом, а также представляет галерею портретов многих известных военачальников.

Виктор Николаевич Баранец

ЕЛЬЦИН И ЕГО ГЕНЕРАЛЫ

Редакторы *Л. Решетникова, М. Стояновская*

Технический редактор *Л. Самсонова*

Корректор *А. Лазуткина*

Компьютерная верстка *Л. Фирсовой*

Изготовление диапозитивов *Д. Попикова*

ЛР № 063742 от 13.12.94.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.01.98. Формат 84x108/32.

Бум. на текст тип. № 2, на вкл. — офс. Гарнитура ариал. Печать текста высокая, вкл. — офсет.

Усл. печ. л. 30,24 (в т. ч. вкл. 1,68). Уч.-изд. л. 34,7 (в т. ч. вкл. 1,3).

Доп. тираж 25000 экз. Заказ 1991. С 67.

Набор и верстка выполнены ТОО «Коллекция «Совершенно секретно».
109004, Москва, ул. Земляной вал, д. 64, стр. 1.

Отпечатано на Тверском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате
детской литературы им. 50-летия СССР Государственного комитета Российской
Федерации по печати.

170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

**Вы можете приобрести наши книги по ценам издательства
в отделе реализации:**

109004, Москва, ул. Земляной вал, д. 64, стр. 1, комн. 405

тел. (095) 915-55-34; 915-55-39

факс: (095) 915-34-92

оптовый склад: (095) 465-12-00

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

представляет новую книгу

Андрея Караулова

«ЧАСТУШКИ»

Публикация новой книги известного российского тележурналиста стала возможной только после запрещения на государственном телевидении России широко известной общественно-политической программы А. Караулова «Момент истины».

Книга, написанная еще год назад, словно ждала своего часа, чтобы выйти полностью, без цензуры и без купюр.

Главные герои книги — Б. Ельцин, М. Горбачев, А. Гайдар, Г. Бурбулис, А. Ильюшенко, Д. Якубовский, Э. Шеварднадзе, Ю. Лужков, А. Лукашенко, адвокат А. Макаров — и многие, многие другие.

Книга А. Караулова «Частушки» — это новое, существенно расширенное издание его «Плохого мальчика», одной из самых откровенных книг минувших лет о тех страницах современной истории, которые скрыты от посторонних взглядов.

«Плохой мальчик», переведенный на многие языки мира, был лишь началом этой, очень важной для автора книги.

По согласованию с издательством автор единолично отвечает за все изложенное на страницах книги.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

готовит к выпуску книгу Андрея Кончаловского «НИЗКИЕ ИСТИНЫ»

Книга знаменитого русского кинорежиссера
Андрея Кончаловского «Низкие истины» —
это воспоминания человека интереснейшей судьбы.
Познавший и благоволение властей
и начальственную немилость,
создавший в тоталитарных условиях честные,
искренние, опередившие свое время фильмы —
такие, как «Сибиряда», «Романс о влюбленных»,
«История Аси Клячиной...», «Курочка ряба», —
он сумел начать свою биографию с нуля в Голливуде,
снял там выдающиеся фильмы,
что до него не удавалось
ни одному из его советских коллег.
Его знаменитая лента “Возлюбленные Марии”
была названа самым русским фильмом,
сделанным в Голливуде.
Автор с редкой откровенностью рассказывает
об этапах своего взросления,
об истории семьи Кончаловских—Михалковых,
о друзьях, о женщинах, которых любил,
о знаменитых актерах и режиссерах, с которыми
его сводила кинематографическая судьба.
Это не просто живые, полные ярких деталей,
наблюдений воспоминания о людях и событиях.
Это еще и попытка глубокого осмысления
судьбы художника, его места в России и в мире,
и места самой России в судьбах XX века.
Книга иллюстрирована множеством фотографий
из архива автора.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Виктор БАРАНЕЦ

ЕЛЬЦИН И ЕГО ГЕНЕРАЛЫ

ЗАПИСКИ ПОЛКОВНИКА
ГЕНШТАБА

Виктор Николаевич Баранец родился в 1946 году. Закончил Высшее военное училище и Военную академию, служил в ряде военных округов и Группе советских войск в Германии.

С 1983 года — в центральном аппарате Минобороны и Генерального штаба. Занимал должности советника начальника Генштаба, старшего офицера группы референтов министра, руководителя информационно-аналитического отдела, начальника Пресс-службы и пресс-секретаря министра обороны России. Полковник. Участник афганской войны, награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных силах СССР» III степени.

Уволен из армии сразу после публикации первой главы своей книги «Ельцин и его генералы» в газете «Совершенно секретно».

ISBN 5-89048-058-8

9 785890 480583 >